Редактор тома Женевьева Фрассе

под общей редакцией Жоржа Дюби и Мишель Перро

ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН

Возникновение феминизма: от Великой Французской революции до Мировой войны

редактор тома Полин Шмитт Пантель
под общей редакцией Жоржа Дюби и Мишель Перро
ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН
От древних богинь до христианских святых

Редактор тома Кристиана Клапиш-Зубер
под общей редакцией Жоржа Дюби и Мишель Перро
ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН
Молчание Средних веков

Редакторы тома Натали Земон Дэвис и Арлетто Форж
под общей редакцией Жоржа Дюби и Мишель Перро
ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН
Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения

Готовится к изданию:

• Редактор тома Франсуаза Тебо

под общей редакцией Жоржа Дюби и Мишель Перро

ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН

Становление культурной идентичности в XX столетии

Книжная серия
«ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
основана в 2001 году
при поддержке
Фонда Дж. Д. и К. Т. Макартуров

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

A HISTORY OF WOMEN

IN THE WEST

IV. Emerging Feminism from Revolution to World War

Genevieve Fraisse
and Michelle Perrot, Editors

The Belknap Press of
Harvard University Press
Cambridge, Massachusetts, USA
London, UK

ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН

НА ЗАПАДЕ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны

Редактор тома Женевьева Фрассе

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2015

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)
И 90

Издание подготовлено при поддержке Фонда Дж. Д. и К. Т. Макартуров в рамках проекта «Университетская сеть по гендерным исследованиям для стран бывшего СССР»

Научный редактор перевода *Н. Л. Пушкарева*
Ведущий редактор *С. В. Жеребкин*
Художественный редактор *Лиза Диркс*
Перевод на русский язык: *О. Липовская, М. Муравьева, И. Школьников, О. Шнырова*

Впервые опубликоваиа в Италии как *Storia delle Donne in Occidente*. vol. IV

И 90 История женщин на Западе: в 5 т. Т. IV: Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны / под общ. ред. М. Перро; под ред. Ж. Фрассе; науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. – СПб.: Алетейя, 2015. – 536 с.: ил. – (Гендерные исследования).

ISBN 978-5-91419-033-7
ISBN 978-5-906792-18-1 (т. IV)

Детальная панорама жизни женщин в контексте труда, брака и семьи, в разных ракурсах дискуссий – иногда комических, иногда саркастических – ведущихся в самых различных формах: личные письма, искусство, философия, наука и медицина. Сопротивляясь репрессивным практикам, ограничивающему законодательству и продолжительным дебатам о женской «природе», женщины проявляли инициативу как путем неявных маневров, так и путем открытого несогласия. В конформизме и публичном сопротивлении, в репрезентации и социальной реальности женщины представлены на этих страницах в примечательном разнообразии.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

ЧАСТЬ I

Политический перелом и новый порядок дискурса

Определяя сущность женственности...

Женевьева Фрес и Мишель Перро

Между таким событием, как Революция, и таким текстом как Гражданский кодекс, человечество пережило исторический перелом, и даже те страны, в которых данные изменения нельзя так точно датировать как во Франции или Соединенных Штатах, несли на себе печать перехода к новому времени, в них наблюдался конец монархии и рождение демократии, а также происходила попытка определения гражданского общества вне политической сферы.

В чем заключалась сущность данного перелома? Для начала: это есть не просто единичное изменение, но серия оных, и, начавшись таким образом, они оказали противоречивое влияние на женщин. Как Французская, так и Американская революции очертили область деятельности, в которой женщины коллективно могли свободно принимать участие; лицам одного пола было разрешено собираться вне привычных для них частных пространств. Хотя французские женщины играли более выдающуюся политическую роль, нежели американки, деятельность последних, несомненно, была более радикальной. В любом случае благодаря этому событию у женщин появилась возможность собираться, и те, кто ею воспользовались, начали воспринимать себя в качестве личности, обладающей гендерными признаками. Но эти предвестники феминистких практик XIX века вскоре сошли на нет, и за ними последовали десятилетия молчания. Случившийся на рубеже веков перелом также обеспечил достаточные оправдания для исключения женщин из гражданской жизни, бывший более радикальным, нежели отстранение женщин о политической деятельности в эпоху феодализма. Революции Нового времени позволили женщинам выйти на улицы и начать организацию политических клубов, но создатели нового порядка могли

в любой момент закрыть эти клубы и призвать женщин вернуться к своим очагам. Другим последствием революции стало более четкое разделение общества иа публичную и частную сферы — между частиой жизнью и общественной деятельиостью, гражданским обществом и политической сферой. В конечиом нтоге именно благодаря данному различению женщины не допускались в политику, а их роль в гражданском обществе сводилась до зависимого положения.

Тем ие меиее та двойственность, которую породила Французская революция, ие так очевидна в других странах и ие объясняет, почему рождеиие иового времени привело к умеренному прогрессу для женщин. Одиако, введение Гражданского кодекса, как н революцня, явилось одинаково беспрецедентным и обладало исключительной важиостью, как показывает его влияние по всей Европе. Некоторые авторы иазывали кодекс памятником порабощению женщин. И именно таковым ои и являлся, хоть и здесь есть оттенок двойственности: в то время как женщины конкретными методами низводились до положения подчииенных ие только своим отцам и мужьям, ио и семьям в целом, дочери приобрели равенство по отношеиию к сыновьям в том смысле, что было отмеиеио право первородства в пользу равиого иаследования. Кодекс имеет в себе и многие другие противоречня: иапример, иезамужиие дочери, достигшие совершеннолетия, оказались обойденными вниманием законодателя во многих статьях кодекса, тогда как замужние женщины, главный объект заботы закоиодателей, вовлекались в зависимость самыми разными способами. Эволюцня закоиодательства в различных областях показывает разложение фундаментальиой идеи самого Гражданского кодекса, а именно той, что поскольку жеищины являются более низшими существами, иежели мужчины, то они заслуживают своего подчиненного положения.

На протяжении всего XIX века законы исправляли, приспосабливали к местным измеиениями и инновационным интерпретациям, а также модифицировали в результате феминисткой агитации — все это показывает, что закои никогда ие может быть окончательным или статичным. В этом отношении помогает изучение философии: из чтения трудов тех, кого обычио считают великим философами (кстати, все они являются мужчинами), ясно, что произошли фундаментальные измеиения в философском определении нормы. В иачале века считалось, что все женщины предопределеиы быть либо жеиами, либо матерями («все женщины» здесь иапоминают «всех женщин» в представлении демократических мыслителей, ио только скорее как представителей репродуктивиой сферы, иежели граждан). Но к коицу века мыслители, осозиав исключеиия, нарушения и реальные различия в предоставленном жеищинам выборе, предложили более гибкую иорму, в соответ-

ствии с которой история каждой женщины должна была продемонстрировать отдельное проявление персональной судьбы. Это можно понимать как восстановление свободы конкретных женщин, которым далее разрешалось делать выбор, могущий влиять на их собственную жизнь. Но верна ли эта интерпретация? Есть причина сомневаться: судьба женщины теперь является аккуратно написанной пьесой, где медицина, социология, психоанализ и эстетика объединили свои силы с целью определить сущность женственности.

1

Дочери свободы и гражданки революции

Доминик Годино

Конец XVIII века был отмечен серией переломных моментов. Революция следовала за революцией, хотя все они отличались друг от друга разным значением и важностью. Недостаточно лишь отметить женское участие. Недостаточным также является и констатация взаимного влияния мужского / женского фактора. Мы прежде всего должны изучить историю, чтобы обнаружить, как отношения мужчин и женщин влияли на события и какой эффект эти события оказывали на их отношения. Как институциональные, политические, социальные и идеологические потрясения влияют на реальные и желаемые роли и репрезентации полов в обществе? (Здесь мы не рассматриваем экономические изменения, чьим воздействием не следует пренебрегать.)

Восставшие женщины и мужчины

Ответить на эти вопросы нам поможет сравнительная история. Несмотря на общее наследие Просвещения, дебаты на этих континентах возникли вокруг разных проблем. Французы попытались перестроить и «регенерировать» общество сверху донизу: они создали новое пространство для политики, политическую арену, в которой как мужчины, так и женщины принимали участие посредством влиятельных народных движений. Американцы после битвы за независимость воздер-

жались от экспериментов с социальными учреждениями страны. Бельгийцы восстали против реформ «просвещенного деспота» и настаивали на восстановлении своей былой автономии. Невозможно дать подробный обзор всех сложностей, поэтому я попытаюсь остановиться как на тех изменениях в гендерных отношениях, ставших общими для ряда разных стран, так, безусловно, и на характерных для них различиях. Я надеюсь, что это прольет свет на связь между обществом — его эволюцией и ценностями — и способом, которым оно конструирует отношения между мужчинами и женщинами.

«Тлеющие фитили»

Революция не может состояться без толп восставших. Хорошо известно, что в Европе раннего нового времени женщины традиционно принимали активное участие в бунтах[1]. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что мы обнаруживаем женщин в первых рядах парижских восставших. Утром 5 октября 1789 года именно женщины собрались и отправились маршем на Версаль, а за ними по пятам следовала Национальная гвардия. Волнения весной 1795 года начались с демонстрации женщин. Женщины звонили в набат, стучали в барабаны на улицах города, ругали власти и военных, вербовали сторонников, наводняли лавки и мастерские и ходили из дома в дом, чтобы заставить сопротивлявшихся сестер идти с ними вместе к зданию Конвента, куда они накатывали волна за волной, пока к ним не присоединились вооруженные мужчины. Они сыграли роль «головешек», как написал один чиновник[2].

В 1795 году, как и в 1789, и в мае 1793 г., женщины неделями находились на улицах, прежде чем было начато восстание. Они организовали «бабье войско» (23 мая 1795 года депутаты запретили им собираться группами более 5 человек под страхом ареста) и призвали мужчин к действию, хуля тех, кто отказывался, как «трусов». Когда мужчины колебались, женщины провозглашали, что если они «поведут в танце», то мужчины «последуют за ними». До того как началось восстание мая-июня 1793 года, один депутат сказал Конвенту, что «женщины начнут движение [и] мужчины придут им на помощь». На самом деле восстание не было инициировано женщинами, и это наблюдение, являющееся, без сомнения, вырванным из контекста, ясно показывает, на что именно женщин считали способными в беспокойные времена.

1 Arlette Farge. "Protests Plain to See", in Natalie Zemon Davies and Arlette Farge, eds. *A History of Women, vol. 3; Renaissance and Enlightenment Paradoxes*, trans. Arthur Goldhammer (Cambridge, Mass.: Harvard UP, 1993).

2 D. Godineau. Citoyennes tricoteuses. Les Femmes du people a Paris pendant la Revolution (Aix-en-Provence: Alinea, 1988).

Во взрывоопасной ситуации политические активисты обращались за помощью к женщинам как к тлеющему фитилю в надежде, что те подожгут бочонок с порохом. Женщин рассматривали как необходимых посредников между активистами и массой, их действия и их громкий голос могли зажечь огонь восстания. Но как только оно начиналось, роли полов менялись: если толпа состояла как из мужчин, так и женщин, последние, по их собственному признанию, находились там, чтобы «поддержать мужчин». Мужчины-граждане были организованы в Национальную гвардию и могли быть вооружены пушкой. Но в пылу битвы женщины все же еще служили в качестве «тлеющих фитилей». «Агитаторы работали в основном на женщин, которые передавали их неистовство мужчинам, воспламеняя соблазнительными речами и разжигая самые жестокие беспорядки», — как отметил во время майского восстания 1795 года один полицейский. Хотя женщины приглядывали за мужчинами и, если нужно, вновь разжигали их пыл, но именно мужчины благодаря наличию оружия руководили делом. Сначала мужчины последовали за женщинами, а затем женщины поддержали своих мужчин: за очевидным беспорядком и спонтанным поведением толпы мы ясно различаем неравное распределение половых ролей, что люди воспринимали как должное и что являлось типичным для любого народного выступления.

Традиция и нововведения

Революционный период является особенно замечательным для изучения, ибо старое и новое тесно переплетается друг с другом. Поскольку наследие прошлых столетий объединяется с начальными предпосылками новых форм политических действий, мы можем получить более ясное представление о том, как отношения между полами эволюционировали или развивались в новых направлениях. Описанная выше модель отражала все еще живой старый мир: на протяжении трехсот лет, с 1500 по 1800 гг., женщины призывали мужчин к восстанию по всей Европе, от Амстердама до Неаполя. Мятежная риторика Французской революции корнями своими уходила в давнюю традицию: бой в барабаны, оскорбление властей посредством карнавального ритуала, обращение к материнству в качестве оправдания женский действий — все это было старо как мир. Но если женщины — повстанцы Французской революции все еще и были одеты в платье, как и их предшественницы, тем не менее они уже сильно отличались от своих матерей. Они руководили захватом Конвента, размахивая Декларацией прав человека и провозглашая, что суверенный народ в Законодательной палате был как дома, что, безусловно, являлось инновацией, показы-

вающей, что, кроме своей традиционной роли и обычного поведения, женщина вступила на новую политическую арену, открывшуюся перед ней благодаря революции. Эта новая арена формировалась и была строго предназначена для мужчин; сама ее структура предполагала наличие только мужчин. Так что, даже пусть женщины во Франции и могли на время заставить прислушиваться к себе как к гражданкам, вскоре они столкнулись с теми же ограничениями своего гражданского статуса, как и женщины других стран.

Революция не есть просто мятеж — и люди уже начали понимать это в 1789 году. Революция требует организационной структуры. И женщин исключили из всех видов революционных институтов: начиная с вооруженного народа (будь то Французская национальная гвардия, батавские *vrijcorps* или Американская милиция), совещательных собраний (собраний секций и приходов) и кончая местными комитетами и политическими группами. Так взаимоотношения между полами изменялись по мере эволюции революционных действий: в то время как женщины играли роль катализатора в более или менее спонтанных выступлениях, их сразу же отправили в задние ряды, как только революционные организации устанавливали контроль над событиями. В Гражданской войне между оранжистами и патриотами, проходившей в Нидерландах в 1784–1787 гг., женщины прежде всего присутствовали в рядах оранжистов: было ли это возможным последствием предполагаемых реакционных тенденций, характерных для женской натуры? На самом деле оранжисты, полагаясь на традиционные формы мобилизации (бунты, обращения к толпе), позволяли женщинам исполнять свою традиционную роль и продвигали их в первые ряды; хорошим примером является Каат Мюссель, торговка мидиями, руководившая Роттердамским восстанием в 1784 году. Были женщины и на стороне патриотов, но их роль менее заметна, ибо они работали в тени организаций, руководивших революцией. После 1787 года оранжисты сформировали свою политическую организацию, и на втором этапе революции в 1795 году женщины более не играли значительной роли[3].

Восстание во Франции (20–23 мая 1795 года) красноречиво подтверждает влияние политических организаций на формирование отношений между полами. Хотя многочисленные свидетельства говорят о том, что женщины играли ведущую роль в событиях первого дня, их вообще нет в описаниях событий последующих дней, где доминируют собрания секций и Национальная гвардия. Вынужденные покинуть рампу

3 R. Dekker, L. Van de Pol, W. Tebrake. "Women and Political Culture in the Dutch Revolutions", in Harriet B. Applewhite and Darlene G. Levy, eds. *Women and Politics in the Age of Democratic Revolution* (Ann Arbor; University of Michigan Press, 1990).

женщины возвращались туда только с конкретными целями, например с требованием освобождения какого-нибудь узника или подстрекая к сопротивлению. Первоначально в бунте было достаточно места для обоих полов, но организованностью они не отличались; как только удалось установить эффективную политическую структуру, которая исключила женщин, несмотря на то, что предположительно она должна была представлять суверенный народ, от имени которого она и получила свою легитимность, новая повстанческая организация могла позволить себе порвать с устаревшим балансом гендерных отношений.

Революция каждый день

Участие женщин в революциях конца XVIII века не ограничивалось мятежными выступлениями. Характер их повседневного присутствия отличался в каждой стране, находясь в зависимости от местной ситуации и традиций. Самыми активным, безусловно, оказались француженки, где женщины санкюлотов, переполнявшие своим присутствием политическую арену, смогли придать своим действиям национальный характер. Их активистская практика в большинстве своем зависела от неясного статуса, которым они обладали, статуса граждан без гражданства. Некоторые женщины выбрали те формы политического поведения, которые явно компенсировали их легальное исключение из государства с целью провозгласить себя частью суверенного народа.

Форумы, клубы и салоны

Хотя многие женщины и не могли принимать участие в дискуссиях различных политических организаций, они тем не менее наводняли общественные места. Современники отмечали большое количество женщин среди присутствовавших и критиковали их «страсть к частым [политическим] сборищам». И эти женщины, без сомнения, хранили молчание. Дебаты часто прерывались криками, скандалами и аплодисментами. Женщин, которые посещали эти собрания, сначала называли *tricoteuses*[4] в 1795 году, и описывали как женщин «рассевшихся на балконах, [которые] своими хриплыми криками влияли на собравшихся законодателей». Их присутствие на таких законотворческих собраниях

4 Вязальщицы (фр.). Так называли женщин из народа, вязавших на заседаниях Конвента или Революционного Трибунала во времена Французской революции. — *Примеч. переводчика.*

являлось определенным способом проникнуть иа политическую арену как иа коикретном, так и иа символическом уровие. В иародиом миении балконы (галереи) исполняли существенную политическую функцию: собравшиеся там отслеживали деятельиость избранных чиновников. Женщина, заседавшая иа галерее для публики, показывала, что оиа обладала частичкой сувереиности, пусть ие имея при этом законных прерогатив.

Помимо такого участия в политике и существования иескольких смешанных иародных обществ, жеищни ие принимали в революциоиные организации. По крайней мере в трндцати городах жеищины сформировали свои политические клубы. Члены этих клубов, а миогие из них являлись родственницами выдающихся революциоиеров, регулярио встречались с целью обсудить законы и газетные иовости, поговорить о местных и иациоиальных политических проблемах и отстоять коиституционные привилегии других жеищин-граждаиок. После 1792 года такие общества стали еще более радикальиыми и иачали принимать активиое участие в местной политической борьбе обычно в союзе с якобинцами. В Париже один за другим появились два жеиских клуба. Основанное Этой Пальм д'Эльдер Патриотическое благотворительиое общество друзей истины (1791–1792 гг.) заинтересовалось образованием девушек из бедиых семей и выступало в защиту развода и политических прав для жеищин. «Клуб гражданок революционной республики» (10 мая — 30 октября 1793 года) являлся ассоциацией жеищин-активисток из иарода (лавочниц, швей и фабричных работииц); тесио связанный с движеиием саикюлотов клуб исключительио активио участвовал в коифликте между жироидистами и моитаньярами, а также в политических дебатах лета 1793 года, до того как его вместе с другими жеискими клубами Коивент объявил вие закоиа 30 октября 1793 года. В отчете, представлявшем декрет об объявлеиии вие закоиа, депутат Амар подиял вопрос о социальиых и политических разграничеииях половых ролей. Его заключение было безапелляциоиным: «Нет иикакой возможности, для того чтобы жеищины осуществляли свои политические права». Несмотря иа такое диктаторское исключеиие, жеищины продолжали играть политическую роль иа улицах и галереях, так же как и в антиправительственных заговорах 1795 года и различных мятежиых движеииях.

Активизм революционных времеи часто формируется благодаря социальиой практике мириого времеии. Общественная жизнь в бедиых кварталах XVIII века характеризовалась выдающимся положением женщин и их тесными общественными связями. Жеищины собирались посплетничать и обменяться иовостями (а иногда и вступали в драку),

и, поступая таким образом, они определяли границы женского мира, который являлся относительно автономным. Во время революции эти встречи приобрели политическую окраску: прачки, собиравшиеся в тавернах после работы, коллективно разбирали речи революционных ораторов. Соседи, выставлявшие кресла на ступеньки домов, чтобы ощутить прелесть летнего вечера, начинали драку, если один выступал за дело Жироиды, а другой защищал монтаньяров. Женщины были склонны к тому, чтобы делиться своими политическими взглядами скорее с соседками, нежели со своими мужьями; иногда соседки вышагивали рука об руку, весело или «неистово» болтали на общественных галереях. Супружеские пары, где оба супруга являлись активистами, не всегда работали вместе. Такая ситуация в сочетании с войной являлась прежде всего отражением превалирующих отношений мужчин и женщин в политической сфере. Когда мужчин спрашивали о политическом поведении их жен, они отвечали: «политика — не наше дело». Они мало внимания уделяли «женским заботам», как пренебрежительно добавляли некоторые. С другой стороны, заявления женщин часто отражают определенное беспокойство по поводу независимости; их дела являлись их личным делом и мужчин не касались. Когда женщины противоположных взглядов сталкивались на улицах, что случалось довольно часто, мужчины наблюдали, не вмешиваясь, зная, что они не должны вмешиваться в женские споры, не важно, являлась ли проблема личной или политической. То, как распределялись домашние обязанности между супругами, также влияло на революционную практику, используемую обоими полами. Так, в то время как типичный активист являлся добропорядочным семьянином в свои сорок, типичная активистка была женщиной либо до тридцати, либо за пятьдесят — другими словами, женщиной, которой не нужно было смотреть за детьми.

Воинственность, востребовавшая для женщины место в театре городской жизни, являлась прежде всего народной и типично парижской. Если мы отправимся за пределы революционной столицы, погружавшейся в хаос с каждой новой волной энтузиазма и насилия, и направим наши стопы по пыльным тропинкам небольших деревень, мы вряд ли встретим собравшихся вместе женщин, обсуждающих политику в дыму местных таверн. Деревенские женщины использовали более незаметные методы выражения своей преданности делу революции: некоторые посылали подарки или покупали оружие для Национальной гвардии, в то время как другие приносили клятвы вместе с мужчинами. Женщины оппозиционного лагеря сбивались в пышущие гневом группы с целью защитить местного священника, или предотвратить снятие колокола, или потребовать открытия церкви.

Женщины, принадлежавшие к правящим кругам, участвовали в политической деятельности совершенно в другом виде, на границе между частным и публичным: частным в смысле того, что встречи обычно проходили в частных особняках и участие в них ограничивалось. Но они являлись и публичными в том смысле, что именно здесь и собирались государственные чиновники. Депутаты встречались не только в Якобинском клубе, но и в частных салонах, где они в неформальной обстановке готовились к будущим собраниям ассамблеи. Салоны, устраиваемые такими женщинами, как мадам Ролан или мадам де Кондорсе, являлись также местами, где мужчины и женщины могли обсуждать политику. Политики из противоборствующих лагерей могли поспорить друг с другом в непринужденной обстановке. До того как жирондисты окончательно порвали с монтаньярами, Робеспьер (монтаньяр), например, часто навещал салон Манон Ролан, этой «Эгерии[5] жирондистов». По причине своего получастного и полупубличного характера салон мог играть стратегически важную роль. На ранних этапах Бельгийской революции 1789 года салон знаменитой графини д'Ивэ служил местом сбора и бесед глав гильдий, знати, демократов и традиционалистов.

Прядение для общего дела

Желание американских женщин внести свой посильный вклад в политическую деятельность вынужденно принимало доступные формы, равно как и во Франции, но эти возможности сильно отличались по своему характеру. Оформившаяся благодаря особенностям отношений между мужчинами и женщинами в колониальном обществе деятельность женщин подчеркивает формальные и идеологические различия между двумя революциями. В Америке XVIII века женщины не принимали участие в политике. Оказавшись под влиянием прежде всего методизма, женщины, не колеблясь, самовыражались в собраниях для общих молитв, а некоторые из них даже основали новые секты. Более того, в Америке революционный перелом не принял форму характерных для Франции народных и политических выступлений, поэтому американские женщины не присутствовали в первых рядах революционных толп; они не входили в клубы и не посещали собрания законодателей даже в качестве зрительниц, ибо общество не играло наблюдательной роли в законодательном процессе.

Еще в начале 1765 года народ восставших колоний убеждали бойкотировать импортируемые из Англии товары, чтобы «окупать аме-

5 Эгерия — италийская вещая нимфа, супруга и советница царя Нумы Помпилия. — *Примеч. переводчика.*

риканскую продукцию». Сыны свободы взывали во имя патриотизма к женщинам – ключевому элементу данной стратегии, – чтобы те перестали заказывать товары у импортеров, пить чай своих врагов и отказались от элегантных предметов роскоши, поступавших из Старого света, в пользу грубых и простых товаров, но произведенных в Америке. Женщин даже умоляли создавать свои собственные заместители импортируемых товаров; быть американкой означало самой прясть пряжу для революционного дела. Работая поодиночке или группами, они собирались в доме какого-нибудь патриота, обычно министра, чтобы прясть, одновремеино слушая проповеди или исполняя гимны, продолжая таким образом традицию женских собраний для совместного моления, процветавшую в колониальной Америке. Важное в любом случае общение женщин на религиозиом уровне приобрело свое политическое зиачеиие. В то время как активистская практика во Франции обрела свой голос в политическом языке, использовавшемся на публичной арене деятельиости, вклад америкаиских женщин выразился в частной сфере, публичная так и оставалась за мужчинами. Постигая искусство прядения, изготовления америкаиской одежды и отказа от «аиглийского» чая, америкаиские женщины принимали индивидуальные решения с замаскированным политическим значением, предпринимали граждаиские акции, которые заряжали коикретных женщин чувством того, что они являлись дочерьми Свободы, действовавшими в интересах общего дела.

Этот домашний аспект настолько очевиден в одной из домашних обязанностей, которые америкаиские женщины освоили во время революции: забота о семейных фермах и бизнесе, которым преиебрегли мужчины, ушедшие на войну с англичаиами. Те, кто более открыто поддерживал революцию, также вносил прежде всего индивидуальный вклад: они собирали информацию для патриотической армии, обслуживали войска в качестве поварих и посудомоек и покупали военные облигации. Единствеиной значительной коллективной акцией женщин стал сбор членами Филадельфийской женской ассоциации, состоявшей в большинстве своем из родственниц знаменитых политиков, средств для войск в 1780 году.

Используя женский род...

Где бы ни случались революции, женщины всегда выражали свое мнение о развертывавшихся событиях. Но здесь вновь разиица между нациями в том, как мужчины и женщины разграничивали простраист-

во и обязанности между собой, влияла на то, как женщины озвучивали свои взгляды.

Переписка, памфлеты и петиции

Некоторые американские женщины, такие как Мерси Отис Уоррен, Джудит Сарджент Мюррей и рабыня Филлис Уитли, решались высказываться публично, но большинство берегли свое мнение для круга семьи и друзей. Представительницы элиты писали братьям, отцам или мужьям, служившим в легислатурах[6], или друзьям, связанным с политическими фигурами. Хотя Абигайль Адамс осталась в одиночестве управлять семейной фермой, она тем не менее находила время для постоянной переписки со своим мужем Джоном (который стал вторым президентом США) и подругой Мерси. Устав от передачи местных сплетен, она постоянно ввязывалась в политические размышления, временами отдававшие феминизмом. В марте 1776 года она посоветовала своему мужу, тогда являвшемуся конгрессменом, не забыть о женщинах в новом своде законодательства, ибо в противном случае новое государство имеет вероятность столкнуться с восстанием своих женщин. В то время как это предостережение кое-что говорит нам о состоянии ума одной женщины, оно так никогда и не было выражено на публике и оставалось частным делом между женщиной и ее мужем. Такими же частными и индивидуальными являлись петиции вдов и других поддерживавших войну женщин, которые в конечном итоге оказались в трудном положении и крайней нужде. Стиль этих петиций отдает более раболепством и мольбами, нежели требованиями, а их просьбы относятся к конкретным делам о материальной помощи, нежели к делам, могущим сформировать общие политические практики в этом отношении.

Во Франции женщины, которым было что сказать о революции, делали это публично. Посредством печатных памфлетов и рукописных тестов, а также и публичных выступлений они старались достичь достаточно широкой аудитории, в любом случае их слышали не только семья и друзья. Их реакция, индивидуальная или коллективная, редко ограничивалась отдельным делом, но всегда помещалась в более широкий контекст, охватывающий революционный феномен как таковой. В брошюрах и петициях женщины выражали свои надежды, запросы и предложения о реформах. Их «Обращения к нации», предостерега-

6 Легислатура – выборный орган в американских колониях, занимавшийся вопросами распределения доходов, введения налогов и поборов и другими внутренними делами колонии. – *Примеч. переводчика.*

ющие или радикальные, отражают желание оставаться внутри политической жизни, желание добавить еще один кирпичик к строящемуся зданию полиса, даже несмотря на то что они были лишены формального гражданства. Некоторые тексты, написанные женщинами, говорят от имени их пола. Им предполагалось придать политическую окраску, таковыми они и являлись как по содержанию (тематике и языку), так и по восприятию аудитории (граждан, мужчин и женщин или — чаще — законодателей). Их политическая природа усиливалась и формой распространения. Многие тексты проверялись революционными организациями, прежде чем их запускали в обращение. Те же, которые публиковались, продавались на улицах газетчиками, а проходящие мимо активисты покупали их и передавали другим. Некоторые авторы, такие как одинокая Олимпия де Гуж или «Демократ Дюбуа», которые призывали людей к восстанию в мае 1795 года, приклеивали свои заметки на стенах домов, где прохожие могли бы прочесть их вслух.

Во время революции как мужчины, так и женщины использовали петиции. Часто подкрепленные многочисленными подписями, эти петиции просили правительство, нередко в угрожающей форме, предпринимать различные шаги. Некоторые документы посылались из провинций в Национальное собрание, в то время как другие зачитывались перед депутатами самими петиционерами. Чтобы рассмотреть петиции во всем их разнообразии, не хватит и целой книги. Но стоит подробно изучить некоторые из них, ибо они сообщают нам, как женщины искали свою нишу внутри государства. Иногда их подходы были неверными, при этом как раз иллюстрировали попытки преодолеть политическое неравенство полов. Как женщины могли доказать свой гражданский статус, когда у них не было прерогатив гражданства? Какие еще преграды они должны были окончательно преодолеть, чтобы обрести свою часть суверенности? Именно эти вопросы содержались в женских петициях.

Язык символов

6 марта 1792 года Полин Леон пришла в палату Законодательного собрания, чтобы прочесть петицию, подписанную более 300 парижанками, с требованием своего «естественного права» организовать подразделение Национальной гвардии. Участие в организованных вооруженных силах суверенного народа рассматривалось как один из фундаментальных признаков гражданства. Оказанный петиционерам прием четко выразил амбициозность их требований: президент Собрания напомнил им о том, что их полу надлежит исполнять другие функции. «Давайте не будем ставить с ног на голову природный порядок вещей», — предостерег он, возвращаясь к теме, знакомой противникам политического

равенства мужчин и женщин, аргументу, который уже неоднократно привлекался, чтобы оправдать изгнание женщин из политических клубов. Данным требованием, которое неоднократно повторялось затем вплоть до 1793 года, эти женщины-активистки требовали одно из прав гражданства и таким образом свое место в политической сфере. Их желание носить оружие являлось не просто патриотическими сантиментами (как в случае с теми женщинами, которые лично записывались в армейские ряды); оно выражало желание получить власть, гражданство и равные права для женщин.

Одобренная Конвентом Конституция от 24 июня 1793 года в результате была вынесена на референдум, участники коего включали только мужчин, на которых без исключения распространялось избирательное право. Некоторые женщины отказались принимать участие в этой попытке создания разделенной нации. Они объединились вместе, чтобы голосовать, принести присягу и проинформировать представителей народа (государства), что они подписались под «конституционным актом». Несмотря на свою многочисленность, подача петиций не превратилась в массовое движение: только две гражданки и три клуба не одобряли политического равенства между полами. При этом данная волна петиций не просто выражала поддержку активистками монтаньяров. Собравшись вместе и проинформировав Конвент о своем согласии, они превратили частный акт — принятие Конституции отдельными женщинами, лишенными политических прав — в публичный, которым граждане женского пола провозглашали себя членами государственной политики. Их настойчивость на формальном оповещении законодателей о том, что даже если «закон лишил их драгоценного права голоса», то они все равно ратифицируют Конституцию, «вынесенную на одобрение суверенного народа», выражала желание осуществить народный суверенитет, несмотря на маскулинизацию электората.

Другая коллективная акция, затрагивавшая символические структуры, влиявшие на отношения между полами, вылилась в «войну кокард». В сентябре 1793 года женщины-санкюлотки начали кампанию в пользу принятия закона, дававшего право всем женщинам носить трехцветную кокарду. Перед тем как вынести составленную женщинами петицию на рассмотрение Конвента, представительницы различных политических организаций прочли и одобрили ее на собраниях секций и клубов; например, клуб кордельеров признал, что «гражданки, делящие с нами наши тяготы, должны также делить и преимущества». Женщины, выступавшие за закон, сталкивались по этому поводу на улицах и рынках с женщинами, которые выступали против. Конвент, обеспокоенный размахом агитации, рассмотрел и одобрил закон 21 сентября. С июля 1789 года кокарда являлась идентифицирующим признаком гражданства,

и разрешение женщинам иосить ее стало призианием их граждаиского статуса. В течеиие лета 1793 года женщины добились значительиого влияния в движении санкюлотов. В то же время все больше женщин и мужчин беспокоилось по поводу живучести политического неравеиства в «государстве, где закон освящает равенство». В сложившихся обстоятельствах первым вызовом, поколебавшим этот «статус кво», стал декрет от 21 сеитября. Как признавали кордельеры, вопрос в тех конкретных обстоятельствах действительно стоял об участии, являвшемся воплощением граждаиства. Комментарий к закону предполагает, что большинство мужчин рассматривали проблему в следующих понятиях: получив кокарду, женщины тут же запросят красный колпак, оружие и право голоса. Разговоры в тавернах и речи Фабра д'Эглантеиа отдавали этим же страхом, а имеиио боязнью того, что общество, дестабилизированиое замешательством в отношениях полов, закончит свои дни в полном хаосе. Получив равные права, женщины станут мужчинами, будут стричь коротко волосы, носить брюки и курить бронзовые трубки. И вообще, могут ли оба пола делить власть между собой? Некоторые мужчины об этом даже и подумать ие могли, им трудно было это представить. Единственное, что поддавалось их воображению, так это смена ролей («иарушение естественного порядка вещей», «торговля полом»). Если бы женщинам удалось получить то, что они хотели, они растерзали бы своих компаньонов и иачали царствование в стиле «Екатерины Медичи, которая заковала бы всех мужчин в цепи». Вслед за принятием закона о кокардах завсегдатаи таверн пугали друг друга апокалипсическими картинами вооружеиных женщин, алкающих мужской крови, дабы принесть мужчин в жертву, неким видом Варфоломеевской ночи на сексуальной почве. Такие видения часто всплывали виовь и вновь, обнажая важиость политических взаимоотношений между полами в периоды радикальных волнений. Таким образом, борясь за право иосить небольшую трехцветную ленточку иа своих шляпках, женщины не обсуждали «типично жеиский» вопрос моды; они пытались переделать фундаметальные половые аксиомы политической жизни.

Новые отношения между полами

Письма, статьи, брошюры и речи добавляли свои мазки к портрету иовой женщины, облаченной пока лишь в мечты реальных женщин, иадеявшихся, что революционный перелом, который определил прошлое и будущее, старое и иовое, также оставит свою метку и на их месте в обществе, и их отношениях с мужчинами.

Американские Пенелопы

«Я ожидаю увидеть, как наши молодые женщины сформируют новую эру в женской истории», – писала Джудит Сарджеит Мюррей в 1798 году. Подобно самой молодой Американской республике, ее женщины родились в революционной войне, ужесточившей жизнь и уничтожившей легкомысленные и беззаботные взгляды женщин, столкнувшихся внезапно с необходимостью лично обеспечивать свои семьи, после того как мужчины ушли на войну. Знаменитая своим религиозным диссидентством Джудит Сарджеит принадлежала к «поколению уцелевших»[7], к тем женщинам, которые осознали свою собственную силу и проявили храбрость в тяжкие времена. Именно в свете своего опыта она создала модель новой американки, которую она назвала Пенелопой в честь той Пенелопы, которая также была вынуждена заботиться о нуждах своей семьи и поддерживать огонь в очаге в период долгого отсутствия мужа. Посредством публикации многочисленных эссе в газетах в 1790-е годы она попыталась убедить людей в интеллектуальных способностях женщин и их нужде в образовании с целью подготовиться к жизни в мире, где внезапные перемены фортуны были всем хорошо знакомы. Соответственно, ее Пенелопа представлялась прагматичной молодой женщиной, презирающей моду и легкомыслие, которая не приспосабливалась к тому, чтобы удовлетворить своего будущего мужа. Вместо того чтобы возлежать на мягкой постели с грезами о прибытии принца на белом коне и совершенствовать искусство обольщения, она предпочитала подниматься с первыми лучами солнца и посвящать свой день учебе, откуда она извлекала как удовольствие, так и независимость. Так она подготавливала себя к любым ударам судьбы, а ее брак стал бы в результате более гармоничным. Война, а мужчины и женщины воспринимали ее по-разному, усилила преданность женщин качествам, типичных для протестантской этики: совершенствование личных талантов и поддержание «благородного рвения к независимости» и самоуважения. Уверенность в том, что только такие Пенелопы смогут пережить трудные времена, прослеживается в нескольких литературных произведениях. Среди героинь романа М. О. Уоррен «Дамы Кастилии» (1790) и Ч. Брауна «Ормоид» (1799) те, кто невежественен и озабочен только своими любовными переживаниями, обречены на самоубийство из-за испытываемых тягот, ибо они не способны управлять собой, в то время как те, кто образован, горд, силен, «уважает себя» и «уверен в себе» выходят из полосы неприятностей еще более закаленными. Америка нуждалась в этих последних.

---

7 L. Kerber. *Women of the Republic: Intellect and Ideology in Revolutionary America* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980).

Но — страна нуждалась в том, чтобы они находились дома, среди своей семьи. Там было им предназначено место, и никто, мужчина или женщина, и не предлагал изменить сложившуюся ситуацию. Образцовая женщина республики была прежде всего матерью. Ее умения и сила, которую она питала от самоуважения, призваны были служить семье; они не распространялись на принятие общественных решений. Тем не менее матери республики имели и свою гражданскую роль. Воспитывая из своих сыновей добропорядочных граждан, они «укрепляют гражданский порядок, в котором живут»[8]. Хотя матери и отсутствовали на политической арене, у них все же были политические обязанности, пусть даже и ограниченные домашней сферой. Американские женщины не требовали публичных функций, но они напоминали своим мужчинам, что революция придала вдохнул новое значение в знакомую им роль. Они привнесли политику в частную жизнь, наделив домашнюю деятельность гражданской сущностью.

Женщинам также отдавалось на откуп и другое задание при строительстве нового государства: охрана добродетели и морали, тех качеств, которые позволили республике выиграть войну и без которых республика не смогла бы существовать. В данном контексте мораль и добродетель являлись личными качествами, индивидуальными и религиозными, за которые каждый отчитывался перед Богом, а не политическими качествами, как их понимали французы во времена Французской революции, которые следовало исполнять публично и которые превращали каждого человека в ответственное лицо перед общиной в целом. В обществе, основанном пуританами, такая моральная роль была незаменимой, и ее включили в модель матери республики: ее добродетель служила постоянным напоминанием моральной составляющей доброго гражданина для мужа и сыновей. Эту ролевую концепцию еще более радикально выразили в памфлете под названием «Женщины, приглашенные на войну»[9]. Хотя он и начинается как политический текст, но вскоре впадает в религиозный тон, утверждая, что врагом молодого государства является все же Сатана. Женщины, менее склонные к греху (и, в особенности к таким грехам, как пьянство и ругань) нежели мужчины, предназначены для борьбы с дьявольским отродьем. Гражданская битва мужчин выступает как публичная и политическая, они заложили основания полиса и удостоверились, что его институты функционируют должным образом, тогда как женщины подвязались на ниве духовных сражений. Они вели войну в частной сфере с целью спасти душу полиса посредством молитв за грехи общины, очищения своего поведения

8 Ibid..
9 Hannah Adams. *Women Invited to War* (Boston, 1790).

и приглашения мужчин последовать их примеру. В тексте даже отдает религиозными нотками, когда утверждается, что женщины и мужчины равны во Христе, что Ева была создана не для того, чтобы об нее вытирали ноги. Хотя американки не формировали политических клубов во время революции, но они объединялись в организации, часто близко связанные с церквями, чьей задачей стала помощь вдовам и сиротам. Общественная коллективная деятельность, возникшая в данных группах, таким образом, формировала основания для аболиционистского и феминистского движений XIX века. В последующие годы американские женщины будут привлекать религиозные и моральные обязательства, чтобы оправдать свою политическую деятельность.

Гражданки

«Мать республики» стала и французским идеалом женщины: роль женщин заключалась в рождении и воспитании детей добрыми республиканцами, внушая им любовь к свободе и равенству. Поэтому женщинам разрешалось посещать политические собрания, чтобы изучить революционные принципы, пусть им и не разрешали принимать участие в дебатах. Они занимали место, находившееся на границе политической сферы общества, на периферии оного. По причине того, что они являлись гражданами, не обладавшими политическими правами, нелегко было найти для них подходящее место, и некоторые женщины пользовались этой концептуальной расплывчатостью, чтобы оправдать свои политические действия. Полоролевое разделение не отрицалось, но считалось, что департаментализация политических задач была слишком строгой: на самом деле женщины должны были служить своей семье, но, как граждане, они все же должны были выйти за ее пределы, чтобы озаботиться общим благом. В апреле 1793 года депутат Гюйомар написал, что женщина «озабочена делами внутренними, тогда как мужчина преследует внешние цели. Но большая семья должна выйти на первый план перед малой семьей, ибо в противном случае частные интересы вскоре подорвут общественные». Революционная концепция подчинения частного (или особенного) общему интересу оправдывала утверждение, что политический долг и права в новом обществе должны распространяться на оба пола. Женщин, таким образом, определяли как членов общины — человеческой, социальной и политической. Чтобы продемонстрировать необходимость появления женских клубов, президент одного такого клуба в Дижоне использовала тот аргумент, что в республике «каждый человек есть неотъемлемая часть общего» и должен сотрудничать с другими в «общественных делах».

Республика принесла с собой новый подход к личным отношениям между мужчинами и женщинами, и женщины теперь отличались от своих матерей. В одном аспекте стремления француженок походили на желания американок: ушло время, когда женщина была «унижена и испорчена фальшью и культом легкомыслия», подходящего «дворам деспотов». Женщины республики избавлялись от кружев и драгоценностей, символизировавших их подчиненного положения, и, более того, они олицетворяли угнетенность народа в целом. Их прошлые попытки соблазнить противоположный пол были ложными; и теперь они не собираются, как в Америке, совершенствовать личные качества, но должны внести свой вклад в общественное благосостояние. И вновь французские женщины думали о себе как о части группы, нежели как об отдельных личностях. Это создало образ «свободной женщины», члена «свободного народа», действующей в общих интересах и поэтому участвующей в завоевании свободы для всех. Противоположностью свободной женщины стала «угнетенная женщина», представительница «угнетенного народа» (то есть народа, лишенного прав), чья единственная роль заключалась в том, чтобы доставлять удовольствие мужчинам, которые также были рабами. Теперь женщины не стремились «продать свой пол», но они желали развить целый ряд своих человеческих качеств. Образ свободной женщины также позволил поиграть с парадоксом: женщины являлись представительницами свободного народа, но при этом подчинялись «деспотизму» мужчин. Проводилась параллель между этим последним деспотизмом и тем, который при старом порядке осуществлялся королем и аристократами против народа. Американки использовали ту же риторику, чтобы отвергнуть тиранию мужей над женами, которую они сравнивали с тиранией Англии над своими колониями. Но угнетение, так критиковавшееся француженками, было не только частным, но оно носило и политический характер: до тех пор пока женщины не получат полностью свои права в качестве граждан, они будут оставаться рабынями. А там, «где женщины останутся рабынями, мужчины будут сгибаться под игом деспотизма» (как заявила президент женского клуба в Дижоне). Понимаемый в терминах взаимодополнительности, этот вопрос о мужском угнетении был тесно связан с проблемой свободы человечества в целом.

Если мы, таким образом, сравниваем место, роли и образы жизни женщин по обе стороны Атлантики, мы обнаруживаем, что они разные, а это доказывает, что отношения между полами отражают то общество, в котором они существуют. В обоих случаях, однако, те, кто интересовался данным вопросом, рассматривали его в качестве фундаментальной проблемы в процессе конструирования организованной политики.

Центральным догматом американской идеологии выступает независимость индивида, государство понимается в качестве суммы отдельных членов. Сила каждой личности укрепляет силу республики, но в то же время общество позволяет отдельным личностям работать для своего материального и морального обогащения (уверенность в своих силах и самоуважение). Традиционно исключенные из публичной сферы американские женщины осознали свои индивидуальные возможности во время революционной войны. А развитие роли, впервые определившейся в этот переломный период, дало их последовательницам возможность вмешиваться в политическую жизнь общества.

В отличие от них революционерки во Франции получили власть в виде «коллективного присвоения»[10]. Поэтому неудивительно, что французские женщины думали о себе прежде всего не как об отдельных индивидах, но как о членах общины, в которой общее должно было превалировать над частным. Хотя такой способ мышления и был типичным для их страны, они нашли возможность извлечь из него определенные преимущества. Активно действуя в публичной сфере на протяжении XVIII века, они не покинули эту сферу, когда она сделалась политической. Хотя им было отказано в гражданстве, они тем не менее именовались *гражданками*. Это лингвистическое противоречие, возникшее из взаимоотношений полов, будучи неблагоприятным для оснований республики, обнажило сущность и оригинальность Французской революции, коль скоро народ провозглашал суверенное право народа. И феминистки XIX века будут ссылаться на революцию как на родительницу демократии и суверенных прав женщин.

Перевод М. Г. Муравьевой

---

10 Marcel Gauchet. *La Revolution des droits de l'homme* (Paris; Gallimard, 1989).

2

Французская революция как поворотный момент

Елизавета Ж. Следжиевски

Часто говорят, что женщины ничего не получили в результате Французской революции, либо потому что революция не смогла изменить их статус, либо, наоборот, поскольку она изменила их положение, но в худшую сторону. При этом оба эти смыкающиеся, но все же противоположные взгляды пренебрегают важностью революционного потрясения, которое слишком глубоко повлияло на все социальные стороны и действующих лиц, являясь слишком плодотворной, чтобы не вселить надежду, несмотря на свое разрушительное воздействие.

Мы, таким образом, будем рассматривать Французскую революцию как время решающих изменений в истории женщин прежде всего потому, что это было решающим моментом в изменении истории мужчин и человечества в целом. Далее, именно тогда отношения между полами подверглись сомнению различными беспрецедентными способами. Но состояние женщин изменилось не просто потому, что вокруг все менялось, но потому, что революционная буря никого не обошла стороной. В более глубоком смысле: положение женщин изменилось потому, что революция поставила на повестку дня вопрос о женщинах как основном принципе *политического* мышления.

Именно здесь и находится главное новшество. Те, кто делал революцию, или сражался против нее, или просто наблюдал за ее ходом во Франции или за границей, не могли думать о революционной государственности или даже

о простом революционном акте без того, чтобы определить роль женщин. Именно это и является точным признаком того, что потрясение приняло крупные масштабы, пошатнув сами основы цивилизации: Французская революция была глубоко озабочена отношениями между полами вслед за ранним христианством, Реформацией и государственным рационализмом (Просвещением). Возникали новые вопросы, такие как проблема места женщин не просто внутри домашнего устройства, но и в государстве. Французская революция явилась тем историческим моментом, когда западная цивилизация обнаружила, что женщины могут иметь гражданскую роль. Ни европейское Просвещение, ни Американская революция не политизировали старый «женский вопрос» таким образом, когда происходила его политическая, а не просто моральная проблематизация.

Но почему данное открытие случилось именно в этот момент? Почему именно Французская революция бросила вызов мертвой хватке сексизма в политике? Как появился этот вызов и каковы были его результаты?

Революционное вопрошание о гражданской роли женщины необязательно ведет к революционным последствиям. Обнаружение того, что женщины могут играть политическую роль, совсем не предполагает легальное наделение их данной ролью. Такая скандальная возможность может даже привести в ужас тех, кто поднял данную проблему.

Поэтому есть причина подчеркивать как революционную отвагу, так и отказ революции от своей исторической миссии. Она отказалась от прямого столкновения с проблемой гендерных отношений в публичной сфере, как будто испугавшись самой постановки вопроса. При этом она все же вынесла проблему на повестку дня.

Женщины и политическое устройство

Враги революции как в то время, так и позднее обвиняли ее в том, что, освободив женщин, они впустили порок в самое сердце социального порядка. Консервативные фантазии об изгнании женщин, начиная с революционных вязальщиц (*tricoteuses*) и других фурий, помощниц Гильотена, и кончая гражданками (*citoyenne*), которые легко разводились со своими мужьями, носили оружие, участвовали в прениях и умели обращаться с пером, стало основой контрреволюционного дискурса. Как будто внезапное признание появления слабого пола в прежде запрещенных местах и на прежде запрещенных ролях выражало продвижение слабости в целом; как будто атрибуции новых возможностей

женщинам было самой по себе достаточно, чтобы символизировать мир, перевернутый вверх тормашками.

Женщины, несущие гибель

Теоретик-монархист Бональд упрекал революционеров за то, что они разрушили «естественное общество», в котором женщина «есть подданная, а мужчина — власть». Здесь понятия «мужчина» и «женщина» понимались в качестве противоположных, а женщина, «подданная», представлялась подчиненной, неспособной к независимым действиям и поэтому полностью лишенной законных прав. Все в порядке, говорит Бональд, «до тех пор пока мужчина, власть в этом обществе, остается на положенном ему природой месте; если, поддавшись слабости, он уступает это место, если он подчиняется той, которой должен повелевать, он более не повинуется тому, кому обязан подчиниться». Другими словами, мужчина, позволяющий женщине самостоятельность, не справляется со своими естественными обязанностями перед Богом и королем. Что еще хуже, он подает знак о начале всеобщего низвержения: «Чему прискорбные последствия ослабления власти и гордости подданного учат всех окружающих? Позволяя обманному мерцанию свободы и равенства сиять в глазах слабейших частей общества, злой гений побуждает людей к восстанию против законной власти»[1]. Бональду все ясно: Французская революция не была бы такой уж и революционной, если бы женщины оставались на своем, предписанном им месте.

Англичанин, виг[2] Эдмунд Берк был не менее убежденным противником Французской революции. Революция, писал он в 1796 году, установила самый распущенный и развращенный, грубый, варварский и жестокий моральный порядок, какого мир никогда не знал. Прежде всего эта система ослабила узы брака и нарушила неизменные законы полового разделения труда до такой степени, какую даже «лондонские проститутки, позорно торгующие собой», сочли бы постыдной. Действительно, революция низложила сами границы цивилизации, «призвав пять или шесть сотен пьяных женщин в Собрание, чтобы те алкали крови детей своих», низведя брак до гражданского контракта и разрешив развод. Среди якобинцев, с возмущением отмечал Берк, смешение полов было брошено на произвол судьбы. И он выступил против «отвратительной справедливости», порожденной системой,

1 Louis de Bonald. *Theorie du pouvoir politique et religieux*, vol. 2 (Paris, 1796).

2 Принадлежащий к партии вигов, относительно либеральной партии английского парламента. — *Примеч. редактора.*

которая «предоставляет женщинам право быть такими же развратными, как и мы».

Такая злоба показывает глубину скандала. Никакой другой режим не посмел перевернуть иерархию полов посредством политического декрета. Даже если это и было, как считали некоторые противники революции, не более чем стратегическим ходом, хитрой уловкой для разрушения общественных основ, но все же революция гораздо более эффективно, пусть и неосторожно, давала женщинам неограниченную возможность, с помощью которой все те, чье естественное место находилось на низшей ступени иерархии, получат возможность пробиться наверх. «Говорят, что женщины слишком долго находились в подчинении своих мужей. Нет смысла и дальше разглагольствовать, каковыми будут несчастные возможные последствия закона, который освобождает одну половину нашего вида от защиты другой»[3]. Последствия эти не несли ничего хорошего не только семейной гармонии, но и обществу в целом.

Гражданский статус

Эдмунд Берк был прав. Революция представила женщинам право стать гражданской личностью, в котором им отказывал старый порядок, и они сделались людьми в полном смысле слова, имевшими возможность наслаждаться обладанием и осуществлением своих прав.

Декларация прав человека (1789 г.) признавала, что каждый индивид обладает неотъемлемым правом на «свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению»[4]. Поэтому любая женщина, так же как и любой мужчина, имеет право на собственное мнение и принятие своих решений, а также на безопасность своей персоны и собственности. Соответственно, дочери более не должны были находиться в невыгодном положении при делении состояния. «А что меня мать не носила в своей утробе, как и других детей?» — вопрошала «Мамаша Дюшен»[5] в марте 1791 года, когда Учредительное собрание приняло закон, гарантировавший равное деление состояния не оставивших завещания между детьми, как будто оно готовилось к отмене самой привилегии мужественности[6]. Конституция от сентября 1791 года определила гражданское совершеннолетие в одинаковых

---

3 Edmund Burke. "First Letter on the Regicide Peace," 1796.

4 *Septieme Lettre bougrement patriotique de la Mere Duchene*, March 22, 1791.

5 Французский газетный листок, названный в противоположность папаше Дюшену, герою газеты Жака Рене Эбера. — *Примеч. редактора*.

6 *Septieme Lettre bougrement patriotique de la Mere Duchene*, March 22, 1791.

понятиях для мужчин и женщин. Признавалось также, что женщины имели достаточно разума и независимости, чтобы выступать свидетелями при заверке общественных документов и принимать на себя обязательства, если считали это нужным (1792 г.). Им также разрешалось вступать во владение общинной собственностью (1793 г.). В первой версии нового Гражданского кодекса, предложенного Камбасересем Конвенту в 1793 году, матерям предоставлялись те же прерогативы, что и отцам, при осуществлении родительской власти.

Но важнее всего являлись законы от сентября 1792 года о гражданском статусе и разводе, которые говорили о муже и жене в совершенно симметричных понятиях, устанавливая как равные права, так и общие процедуры для обоих. Гражданский брачный контракт, приведший Берка в ужас, основывался на идее, что обе стороны в браке одинаково отвечали перед законом и одинаково могли контролировать, правильно ли исполнялись обязанности, сформированные на основании взаимного согласия. Если этого не случалось и при условии, что они приходили к соглашению о взаимных разногласиях, они могли расторгнуть брак, даже не появившись в суде. Закон разрешал развод на основаниях взаимной несовместимости или взаимного согласия; развод через суд был также возможен, но только после того, как попытки прийти к взаимному согласию оказывались неудачными. Другими словами, общество могло вмешиваться в брачные споры, только когда сторонам не удавалось решить свои проблемы самим и только по их явной просьбе. Брак теперь являлся не целью самой по себе, но средством достижения счастья. Если он не выполнял эту функцию или становился препятствием к достижению счастья, он терял свой смысл.

Почему эти законодательные меры были так важны? В каком смысле они составляют поворотный момент в истории женщин?

В результате этих новых законов французские женщины впервые получили настоящий гражданский статус, и именно это и составило главную перемену в их состоянии. Они приобрели, хотя бы внешние, признаки, пусть и не права, истинных граждан: теперь они рассматривались как свободные здравомыслящие индивиды, способные к автономии. Конечно, данное приобретение гражданских свобод не включало гражданские, то есть политические, права, но оно стало необходимым условием достижения этих прав и сделало их отсутствие еще более невыносимым. Будучи теперь полноценными членами гражданского общества, управлявшегося законами, женщины логически пришли к мнению о том, что у них также должно иметься свое место в государстве. И, конечно, они вели себя так, как будто у них это место уже было. Доказательством этого является физическое участие женщин-активисток в дебатах во время революции. В дейст-

вительности же трудно указать различия между общественным и политическим активизмом, поэтому когда домохозяйки потребовали экономического контроля над хозяйством, а женщины поздравляли законодателей с институциализацией развода, вся община считала, что они принимают участие в политике.

Антифеминисты XIX века не были так уж и не правы, указывая, что революция, дестабилизировав брак и домашний порядок, открыла ящик Пандоры, в котором хранились политические требования женщин. Женщина, которая теперь свободно выбирала себе мужа или разводилась с ним, если считала нужным, также чувствовала себя обязанной избрать свое правительство. Революция привила женщинам плохие привычки, именно на это и сетовали авторы Гражданского кодекса спустя всего десять лет после принятия прогрессивного законодательства 1792 и 1793 годов. В ответ на наполеоновские тирады в стиле исключительного «мачо» 5 вандемьера 10 года (27 сентября 1801 года) Портали доказывал в Государственном Совете, что подчинение жен и дочерей не есть дело политического угнетения, но является законом природы. Поскольку подчиненный социальный статус женщин есть физическая необходимость, это не означает, что они находятся в угнетенном положении или лишены законной власти. С другой стороны, общество, вновь заявляя свои права, теперь возвращает женщин на их естественное место, откуда изгнала их революция: «Поэтому, не по причине нашей несправедливости, но исходя из их же естественного призвания, женщинам следует искать источник более суровых обязанностей, налагаемых на них для их же собственной выгоды и процветания общества». Много воды утекло с тех пор, как депутаты отменили привилегированное положение мужчин, революционизировали брак и рассматривали петиции революционных гражданок.

Женщины-гражданки

Революция начала период, в течение которого политика затрагивала все стороны жизни. За несколько весенних недель 1789 года нация, игнорировавшая политическую жизнь до сего момента, прониклась к ней страстью. Один германский путешественник, Иоахим Кампе, писавший из Парижа своим соотечественникам, выразил удивление по поводу «большого интереса, который эти люди испытывают к общественным делам, тогда как большинство из них не умеют ни читать, ни писать». Он также описывал некоторые необычные привычки у нации, в которой, как оказалось, «всеобщее участие» требовалось для обсуждения любого предмета: повсюду «большие группы мужчин и женщин самых

разных сословий» собирались послушать читавшиеся вслух плакаты, брошюры и дешевые газетные листки. Женщины также присутствовали, «начиная домохозяйками и заканчивая элегантными дамами». С самого начала у них было место на новой агоре, отдельное место, пусть они смешивались и с гражданами другого пола. Наш прусский наблюдатель совершенно точно понимал, чему он стал свидетелем: это была школа гражданственности, в которой весь народ брал уроки. «На мгновение представьте себе влияние такого всеобщего участия в общественных делах на развитие интеллектуальных способностей, мышления и разума!»[7]. Революция явно создала для женщин место на общественном форуме, что явилось решительным шагом вперед, и именно поэтому реакция на «женщин-гражданок» была такой острой. Даже во время революционного периода желание заставить женщин вернуться к своим предыдущим обязанностям было бескомпромиссным. Достаточно было уже того, что простолюдины получили право на мышление и разум, но женщины Многие мужчины, героически боровшиеся за общественное образование и всеобщее избирательное право, чтобы последний крестьянин смог стать просвещенным гражданином, категорически отказывались предоставить те же выгоды женщинам и даже выражали ужас по поводу идеи, что в один прекрасный день они получат власть в свои руки. Ибо признать место женщин-гражданок в государственном организме означало позволить им принимать решения, сделаться активными субъектами революции на базе равенства с мужчинами. Для многих современников это было просто неприемлемым. В отличие от этого, идея о том, что мужчины должны принимать гражданские законы, чтобы освободить женщин, казалась более удачной, ибо женщины, таким образом, находились в положении объектов: конечно же, объектов прогрессивного законодательства, но все же объектов.

Большинство революционеров, включая якобинцев, стояли за уход женщин с публичной арены обратно домой. Находившийся немного левее, восхвалявший одновременно и развод, и прелести пребывания женщины дома агитатор Шометт и пальцем не пошевелил, чтобы подвергнуть критике женские клубы, которые были объявлены вне закона: «Это с каких же пор для женщины является нормальным отвергать добродетельную обязанность заботы о своем доме, колыбельке со своими детьми, в угоду слушанью речей в общественных местах?»[8]. Полтора года спустя, 13 апреля 1792 года, Сантер, пивовар

7 Joachim Campe. *Lettres d'un Allemand a Paris*, August 9, 1789, trans. into French by J. Ruffer (Paris, 1989).

8 Шометт. Речь перед Коммуной Парижа. *Revolutions de Paris, 27 brumaire*, Year II (November 17, 1793).

по профессии и крайне популярная фигура в демократическом движении, почти подобным образом жаловался на гражданское рвение парижанок: «Мужчины этого предместья, вернувшись домой, скорее застанут порядок в доме, нежели увидят своих женщин возвратившихся с собрания, где те не всегда наполняются благородством духа, и вот почему они косо поглядывают на эти собрания, заседающие трижды в неделю».

Но мы должны вернуться назад, в сентябрь 1791 года, время конституционной монархии и победоносной умеренности, чтобы найти общий источник вдохновения всех этих поборников сексистского статус-кво. Франция только что добилась системы управления, чьей целью стало достижение всеобщего счастья. Были ли женщины включены в слово «всеобщее»? Да, как утверждает Талейран, «женщины были прежде всего», при условии, что «они не будут домогаться осуществления политических прав и функций». Хотя «теоретически, по-видимому, невозможно объяснить», почему «половина человеческой расы [была] исключена другой половиной из участия в управлении» именем свободы и равенства, или почему все эти женщины, революционерки с самого начала, были лишены политических прав, но существует, убеждает Талейран свою аудиторию, «порядок идей, внутри которого осуществляется трансформация проблемы». Талейран имел в виду естественный порядок вещей или, скорее, то, к чему мужчины Французской революции неустанно взывали как к природе в своем недоумении по поводу последствий гражданской эмансипации женщин, к которой практически все они благоволили. Природа, говорили они, требовала, чтобы эти последствия оставались строго «штатскими» (в отличие от «гражданских» или политических). Таким образом, природа должна была напоминать зарвавшимся от энтузиазма гражданкам, что они только у себя дома смогут полностью достойно насладиться достижениями революции.

Приход женщины-гражданки одновременно присущ революционному появлению штатской женщины, но им же и исключается из практики. Присущ, потому что, и по этому поводу не следует ошибаться, французские женщины, которые в конце концов сделались дееспособными в процессе революции, бок о бок со своими мужьями получив права, приобрели раз и навсегда историческую сознательность и знали, что у них есть своя роль в этом полисе. В любом случае никто даже и не думал о том, чтобы отказать им в их роли, хотя все еще шли разговоры о том, какова она будет, и о том, является ли гражданство, в политической сфере сокращенное до совета и согласия, гражданском в полном смысле этого слова. В этом смысле развитие гражданских прав для женщин могло стать средством

создания возможностей для исключения женщин из политики, приемлемым для цивилизации, основанной на «правах человека и гражданина». Женщин-гражданок, говорил Талейран, следует инструктировать, учитывать и уважать, также поместить в рамки «империи свободы и равенства». За это они должны принять свою гражданскую личность. «Тогда, когда они откажутся от своих политических прав, они получат уверенность, что их гражданские права будут усилены и даже расширены»9.

Невольницы республики

Именно в ответ на этот доклад Талейрана от 1791 года Мэри Уолстонкрафт посвятила ему свое «Обоснование прав женщины», опубликованное в 1792 году. Эта «бессмертная книга», так назовет ее Флора Тристан столетнем спустя, в чем-то повторяла «Декларацию прав женщины и гражданки» Олимпии де Гуж, написанную в сентябре 1791 года, и брошюру Кондорсе «О признании прав женщин в полисе», которая относилась к июлю 1790 года. Все три текста заслуживают подробного рассмотрения. Они представляют три разных системы доказательств необходимости прав женщин. Все три призывают в помощь принципы свободы и равенства и критикуют институты, которые данными принципами пренебрегают. Но их фундаментальные предпосылки разнятся и обнажают перед нами различные подходы по отношению к революции в области отношений мужчин и женщин.

Два мнения по поводу женщин

Каковы же были приоритеты? Можно сказать, что Кондорсе прежде всего был заинтересован в юридическом статусе женщин; де Гуж — в их политической роли, а Уолстонкрафт — в их социальном существовании. Все трое сходились в том, что существует крайняя необходимость в ясной формулировке прав женщин. Это отражало общую черту революционного дискурса: почти каждый аспект Французской революции выражал идею о получении новых прав. Но наполнение «прав» все трое понимали по-разному. В то время как Кондорсе рассматривал права как нечто востребованное политиче-

9 Talleyrand. *Rapport sur l'Instruction publique*, Constituent Assembly, September 10, 11 and 19, 1791.

ской разумностью, которое может откорректировать неудачную ассиметричность в конституционной геометрии, Олимпия де Гуж видела своей целью историческую мобилизацию женщин, а Мэри Уолстонкрафт считала, что, настаивая на своих правах, «угнетенный пол» может изменить себя. Взгляды Кондорсе являлись исключительно теоретическими и так никогда и не воплотились в какое-либо законодательное предложение с целью прекратить исключение женщин из политики. Олимпия де Гуж призывала к активному участию в борьбе за освобождение от тирании мужчин. Мэри Уолстонкрафт более радикально, но и более прагматически сфокусировалась на культурном аспекте женской угнетенности и прав женщин и, таким образом, оставалась в стороне от политического конфликта. Все три подхода — философский, политический и этический — можно обнаружить в современных спорах о правах женщин.

В своем анализе, который Кондорсе опубликовал 3 июля 1790 года в пятом номере журнала *Journal de la Societe*, он поднял вопрос о том, почему у женщин нет политических прав гражданства, и рассмотрел его в качестве конкретного примера более общей проблемы неравенства: «Либо никто из представителей человеческого вида не имеет подлинных прав, или все имеют одинаковые права; а тот, кто голосует против прав другого, вне зависимости от религиозных убеждений последнего, его цвета кожи или половой принадлежности, таким образом отказывается от своих собственных прав». Отказ включить женщин в гражданскую общину, таким образом, не отличается от расового или идеологического остракизма и подлежит такой же критике: возражение против любой формы дискриминации, которая продолжается благодаря наличию привычек и предубеждений, и процветает, не вызывая ни ярости, ни возмущения людей, старающихся сделать равенство прав «единым основанием всех политических институтов». Не был ли сам Кондорсе сторонником имущественного ценза при голосованиях до 1789 года?

Исключение женщин, таким образом, является оплошностью, задержкой сознательности. Если просвещенные мужчины оказались способными перечить своим принципам, «тихо лишая половину человеческой расы» прав, признанных за всеми мыслящими существами, так это потому, что они просто потеряли бдительность. Однако их можно и простить, поскольку юридическое неравенство между мужчинами и женщинами существовало у всех народов, известных истории, а на сегодняшний день мир нельзя переделать. Но все же философ не теряет оптимизма. Нет причины, почему женщинам не следует давать равных прав, поскольку никакие доводы не могут оправдать воспроизводство неравенства. Другими словами, данная интеллектуаль-

но несостоятельная позиция будет подвернута осуждению и исчезнет в течение краткого периода времени. Этот обезоруживающий аргумент вызывает у нас улыбку, но для доказательства оного Кондорсе потратил всю жизнь. В любом случае следует отметить, что его довод, являвшийся одновременно смелым и идеалистическим, также заключает в себе и парадокс: он явно поднимает проблему — все основания социального порядка, зиждущегося на правах человека, угнетали людей без всякого сожаления, но эта проблема также показывает, что ее не следует отделять от более общего вопроса равных прав, поэтому для женских прав не следует выдумывать какие-либо специальные доктрины. Эта проблема отношений между полами может быть решена, когда равные права станут реальностью. По причине того что Кондорсе рассуждал исключительно на концептуальном уровне и ничего не знал о специфике природы настоящего сексизма, он полностью разоружил заложенную им же бомбу феминизма. Его доводы в пользу женщины прежде всего являются выступлением против бессмысленности дискриминации в целом: «Почему отдельные индивиды, у которых бывают беременности и краткие периоды нездоровья, не могут осуществлять свои права, но никто еще не отказал в правах тем людям, которые каждую зиму страдают подагрой или простудой?» Ученый-революционер был не прав, когда рассматривал проблемы исключительно в ракурсе юридической логики, но он заслуживает благодарности за то, что поставил ее на повестку дня.

Предложения Олимпии де Гуж отличались по тону и по содержанию. Она не хотела пересмотра новых законов, обусловливавших участие в политической деятельности. Ее целью было добиться втягивания женщин в войну против несправедливостей, на сохранении которых мужчины упрямо настаивали и которые революция сделала еще более заметными. Женщины против мужчин: разоблачение прав мыслящих человеческих существ выявили существование позорного факта битвы между полами, которая, неистовствуя в мире, теперь подошла к своему решающему часу. В отличие от Кондорсе, для которого сексизм представлял лишь другую форму неравенства, Олимпия де Гуж считала, что тирания мужчин над женщинами и являлась истинным источником всех форм неравенства. Соответственно, Французская революция не смогла уничтожить корни всех «бастилий», одну из которых она сравняла с землей. Она не затронула сам принцип деспотизма. Поскольку революция наделила властью мужчин, они использовали этот принцип, поддерживали и даже возрождали войну между полами, в то же время срывая политические и социальные оковы не без помощи женщин, следует помнить. Такая серьезная борьба, так много надежд И все ради чего? Ради того, чтобы в конце

концов прийти к замене тирании, а не к ее уничтожению! Олимпия де Гуж была в бешенстве.

Революционная борьба, таким образом, будет продолжаться на новом фронте – защиты женщин против мужчин. Это и будет новое постреволюционное поле битвы. Первый удар де Гуж нанесла по несоответствиям и неудачам революции: «О, женщины, женщины! Когда вы прозреете? Какие преимущества вы получили от этой революции? Еще более вопиющее неуважение, еще более полное пренебрежение. В века гниения и упадка вы правили только слабыми мужчинами. Ваша империя разрушена. А что осталось? Вера в чинимые мужчинами несправедливости. Требование по праву принадлежащего вам наследия, основанного на мудрости природных установлений».

Почти таким же образом Маркс полстолетия спустя будет описывать эксплуатацию человека человеком, Олимпия де Гуж характеризовала Французскую революцию как событие, положившее конец иллюзиям об эксплуатации женщины мужчиной. Она привлекла внимание как к моральной жестокости, так и к исторической полезности перехода от любовной идиллии к эпохе презрения. Наступило время мобилизации. «Женщины, пробудитесь! Набатный колокол разума гремит во всем мире! Возьмите свои права!» И первое из этих прав – требование расчета от врага: «Мужчина, ты можешь быть справедливым?... Кто дал тебе суверенное право угнетать мой пол?» По правде говоря, на этот вопрос не ожидалось ответа. Как деспотизм мог защищаться, если под прикрытием его слепой силы закон узурпировал себе место? Гражданки сами выбирали: отвечать ли за себя, провозглашая «права женщины и гражданки», или настаивать на том, чтобы права эти были облечены в закон.

Сформированные под влиянием битвы с врагами-мужчинами преамбула и семнадцать статей «Декларации прав женщины и гражданки» в точности следовала модели, изложенной в «Декларации прав человека и гражданина» от 26 августа 1789 года. Олимпия де Гуж просто вручила женщинам преимущества управления законами, настаивая на универсальном половом характере гражданской и политической общины. Таким образом, мы не находим ничего оригинального в этом провокационном тексте, за исключением провокационного духа, которым он был мотивирован. Подчеркивание того, что права человека можно сформулировать как в рамках женского, так и мужского гендера, и просить, чтобы эти права распространялись и на женщин, по закону означает утверждение в определенных понятиях, что универсальные права есть выдумка и что мужчины, которые претендуют на то, чтобы говорить от лица всего человечества, на самом деле го-

ворят лишь от своего имени. Недвусмысленно и практически одержимо феминизируя Декларацию 1789 года, Гуж нападает на мужскую политику, обнажает перед нами те исключения, которые больше всего заметны, и демонстрирует пагубную двусмысленность универсализма, находившегося вне подозрения. «Огонь правды рассеял туман глупости и узурпации», — провозгласила де Гуж, ибо, хотя она, вероятно, и являлась посредственным поэтом, тем не менее была настоящей женщиной эпохи Просвещения. Позволить вводить себя в заблуждение теперь стало недопустимым. Только женская политическая бдительность теперь могла предотвратить процесс присвоения мужчинами революции. Теперь только от женщин зависело, обнажать ли освобождающую значимость события.

В статье X своей «Декларации» Гуж провозгласила: «У женщины есть право взойти на эшафот. У нее также должно быть право и выступить на трибуне». Два года спустя она сама взошла на гильотину как жирондистка, за несколько дней до казни мадам Ролан. В конце концов она исполнила свой политический долг.

У Мэри Уолстонкрафт тон совершенно иной. Для нее, как и для Томаса Пейна, энтузиазм по поводу «Декларации» 1789 года был прежде всего моральным, так же как и отказ от аристократических ценностей английской цивилизации. Несмотря на свой постоянный интерес к Французской революции, историю которой она опубликовала в 1794 году, политическая сфера все еще не являлась первичной ареной, где, как считала Мэри, должна была состояться эмансипация женщин. Исключение Законодательным собранием женщины являлось абсолютно неприемлемым, и Уолстонкрафт красноречиво выразила свое мнение, обвинив Талейрана в «непоследовательности» и «несправедливости». Но лишение женщин политических прав стало лишь симптомом, в действительности весьма незначительным, более серьезной тенденции, а именно: обращение с мужчинами как с единственными истинными представителями человеческой расы, «рассмотрение существ женского пола как женщин, а не как человеческих существ». На основании такой сегрегации возникла целая цивилизация отрицания, которая вела себя так, как будто женщины вообще не являлись разумными существами. Главное оскорбление заключалось в отказе признать, что человечество может включать в себя две части бытия, может существовать в двух половых формах, обе из которых одинаково человечны. И все это воспроизводилось обществом, организованным в соответствии с принципом, по которому один пол монополизировал весь разум. В результате все общественные институты функционируют, для того чтобы исключить или дегуманизировать женщин и доказать, что им недостает чего-то существенного.

«Обоснование прав женщины» скорее являлось сочинением о статусе половых различий в развивающихся западных обществах, нежели представляло из себя активную политическую программу. Она ставила своей целью не привлечение как можно больше женщин-участниц в политический процесс на равной основе с мужчинами, но признание их гражданской ответственности. Они сами могли выбирать свою судьбу и решать, как они хотели бы принести пользу общине. Этот вклад должен был бы быть исключительно женским, в соответствии с природой. Но даже здесь Мэри Уолстонкрафт призвала к разделению обязанностей между мужчиной и женщиной и возвышенному материнству в традиции Руссо, она настаивала на том, что необходимо рационально объяснить желание женщин выбирать то или иное занятие в частной сфере. Таким образом, появлялся мир различий между домашней рабыней, запертой в доме и убежденной в том, что это награда за ее невежественность, и просвещенной гражданкой, выполняющей обязанности хозяйки дома и матери республики. Материнство следовало теперь воспринимать как гражданскую обязанность, а не что-то, что противоречило образованию и уму. Более того, существовало неправильное понимание домашних обязанностей, отдалявших женщин от их семей. Но за это несли ответственность мужчины, поскольку они никогда не желали рискнуть и позволить женщинам самим выбирать себе занятие, а они скорее навязывали его женщинам в качестве наказания.

Позиция Мэри Уолстонкрафт может показаться старомодной по сравнению с всепоглощающей воинственностью Олимпии де Гуж. Все, чего она хотела, это права для женщин понимать свое место, нежели просто рабски заполнять его. Ее самым важным вкладом стала идея, что эмансипация угнетенного пола не требует отказа от идентичности. Для Уолстонкрафт не может быть изначального освобождения, если от женщин требуют отказаться от своей природы, то есть от того, что они являются рациональными *и одновременно* сексуальными субъектами. «Кто дал мужчине право судить единолично, наделена ли женщина, так же как и он, разумом?» Этот вопрос, поставленный в начале «Обоснования», опасен для обеих сторон: он подвергает сомнению мужскую тиранию, одновременно открывая новые горизонты для женской рациональности, женственной формы суждения — одним словом, *рационалист* является альтернативой мужской логике, которая прежде доминировала в рамках данной цивилизации. Уолстонкрафт является революционеркой, потому что она увидела это открытие, и поэтому последующее феминистское движение у нее в большом долгу.

Мнение о демократии

Идея о том, что человечество включает два вида существ и что по причине их едва заметной неопределенности истинным гуманистам следует воздерживаться от использования слова «мужчина», лежит в основе анализа, который представил депутат-монтаньяр Гюйомар весной 1793 года. Название его замечательного доклада само по себе является программой: «Сторонник политического равенства среди людей, или Очень важная проблема равенства в правах и неравенства на деле». В период революции этот трактат являлся, вероятно, самым глубоким и наиболее современным по вопросу необходимости интегрирования женщин в демократическую политическую систему. Выступая перед Конвентом, Гюйомар повторил главные аргументы, уже выдвинутые другими, в пользу политических прав женщин. Оригинальность его заключается в том, кроме того факта, что он говорил как депутат (Кондорсе им не был, когда опубликовал свою книгу «О признании прав женщины»), что он предположил, что участие женщин в политической жизни является необходимым условием демократии. Наоборот, их исключение не просто представлялось невыполнением принципов Декларации 1789 года и новой декларации, чей проект появился в апреле 1793 года, но являлось пренебрежением демократией, простой и очевидной обструкцией процесса оной. Женщины, провозгласил Гюйомар, есть «невольницы республики». Поскольку существование илотов-невольников, отверженных в спартанском обществе, было несовместимо с демократией, совершенно непостижимо то, что нация, которая претендует на закладывание фундамента новой демократической цивилизации, должна позволять существование такого вопиющего примера сбоя в работе системы. Было ли оправдание для исключения женщин в том, что в них нуждаются дома? И тогда Гюйомар иронически заметил: «следует тогда и исключить всех мужчин, чье присутствие в мастерской равно необходимо». «Там, где есть демократия и активные граждане, — заключает он, — большая семья должна выйти на первый план по сравнению с малой семьей». Это одинаково относится как к мужчинам, так и к женщинам. Ибо демократия заключается не только в предоставлении равных прав, в защиту чего выступал Кондорсе, но скорее в эффективном осуществлении власти *демосом*, наиболее динамичном осуществлении *кратоса*, полным перечнем возможностей. Чтобы иметь по-настоящему эффективную демократию, надо, чтобы все люди участвовали. «Количество детей в Отечестве следует удвоить», включив женщин, и, таким образом, «усилить массу просвещенных в полисе».

Позиция Гюйомара, менее абстрактная, нежели у Кондорсе, не являлась однако такой же феминистской, как у Олимпии де Гуж и Мэри Уолстонкрафт, которую они заняли задолго до начала эпохи феминизма. Гюйомар беспокоился о политической демографии. Он думал о демократии как о битве, требующей максимального вклада всех ее граждан, максимума в качестве, так же как и в количестве, и именно это означало включение женщин. Такая ополовиненная демократия не имела смысла. Никакой политический гуманизм не мог серьезно вдохновиться ее примером. Ибо для Гюйомара, если женщины были исключены из политики, их не следовало тогда называть гражданами: «Назовите их *женами* или *дочерьми граждан*, но не гражданками. Либо избавьтесь от слова или придайте ему смысл». В конечном итоге политический гуманизм будет бороться с этой псевдодемократией, и эта битва станет частью битвы за демократию, что логически требовало женского участия. В этом смысле основание Клуба революционных гражданок» стало ответом женщин на речь Гюйомара от 29 апреля.

Перевод М. Г. Муравьевой

3

История философии половых различий

Женевьева Фрейс

Философский дискурс о женщинах и половых различиях обязательно находится на перекрестке истории (в данном случае характеристиками нового времени служат политический разлад и экономическая перестройка) и вечных философских вопросов о двойственности разума / тела, отношений природы и цивилизации, равновесия частного и публичного. Моя цель состоит в детальном изучении того, каким образом эти древние и традиционные проблемы решались философами, работавшими в период от последних лет жизни Канта и до публикации первых работ Фрейда.1. В XIX веке

1 В статье приводятся цитаты из следующих работ (в порядке цитирования): J. G. Fichte. *Foundations of Natural Law,* 1796–1797; E. Kant. *Metaphysics of Morals,* 1796 [«Метафизика нравов»]; *Anthropology,* 1798 [«Антропология с прагматической точки»]; G. W. F. Hegel. *The Phenomenology of Spirit,* 1807 [«Философия духа»]; *Encyclopedia of Philosophical Sciences,* 1817 [«Энциклопедия философских наук»]; *The Principles of the Philosophy of Law,* 1821 [«Принципы философии права»]; F. Schlegel. *Lucinde* [«Люцинда»]; *On Philosophy,* 1799 [«О философии»]; F. Schleiermacher. *Confidential Letters on Lucinde,* 1800; C. Fourier. *Oeuvres complutes.* Особенно: *Thűorie des quatre mouvements et des destinűes dűnűrales,* 1808 [«Теория четырех движений и всеобщих судеб»]; *Thűorie de l'unitű universelle,* 1822 [«Всемирная гармония»]; P. J. G. Cabanis. *Rapports du physique et du moral de l'homme,* 1802 [«Отношение между физической и нравственной природой человека»]; J. Bentham. *Constitutional Code,* 1830 [«Тактика законодательных собраний»]; J. Mill. *On Government,* 1820; *Encyclopedia Britannica,* 1824; W. Thompson. *Appeal of One-Half the Human Race, Women, Against the*

стало понятно, что у человечества есть история в двух смыслах этого слова: люди видели, что вполне возможна революционная трансформация, и они осознавали, что сам по себе человеческий вид меняется с течением времени. Надежные, давно укоренившиеся способы понимания отношений человека с миром разрушились. В результате концептуализация женщин лишилась прочности, несмотря на сильное сопротивление каким бы то ни было изменениям. И философы не могли не отреагировать на эти перемены. Таким образом, между новой формулировкой отношений мужское / женское, ставшей необходимостью вследствие исторических изменений, и возможностью женской эмансипации, то есть вызовом неравноправию полов, философы установили ряд якобы неоспоримых истин (или же озвучили некоторые незрелые суждения). Более того, сделано это было на языке метафизики: Тот же и Другой пол облачились в наряд половых различий с целью их изучения.

Вызов неравенству полов стал возможен благодаря вере в то, что наступила новая эпоха, эра личной свободы и независимости субъекта. Поскольку мужчины и женщины являются разумными су-

---

Pretensions of the Other Half, Men. 1825; A. Schopenhauer. *Metaphysics of Love / The World as Will and Idea,* 1819 [«Метафизика любви»; «Мир как воля и представление»]; *On Women / Parerga and Paralipomena,* 1850; S. Kierkegaard. *Works. Особенно: Either/Or,* 1843 [«Или – или»]; L. Feuerbach. *The Essence of Christianity,* 1841 [«Сущность христианства»]; A. Comte. *Oeuvres complutes. Особенно: Systume de politique positive,* 1851–1854 [«Система позитивной политики»]; *Catüchisme positiviste,* 1909 [«Позитивистский катехзис»]; P. Leroux. *L'Egalitü,* 1848; M. Stirner. *L'Unique et sa propriiütü,* 1844 [«Единственный и его собственность»]; K. Marx. *1844 Manuscripts* [«Рукописи»]; *The German Ideology,* 1845–1846 [«Немецкая идеология»]; *Capital, Book I,* 1867 [«Капитал», кн. I]; P.-J. Proudhon. *Systume des contradictions üconomiques, ou Philosophie de la misure,* 1846 [«Система экономических противоречий, или Философия нищеты»]; *De la Justice dans la Rüvolution et dans L'Eglise,* 1858 [«О справедливости в революции и в церкви»]; *La Pornocratie ou les femmes dans les temps modernes,* 1875 [«Порнократия, или Женщины в настоящее время»]; J. S. Mill. *Letters to Auguste Comte;* "Enfranchisement of Women," *Westminster Review,* 1851 (в соавторстве с Гарриет Тейлор), 1851; *Subjection of Women,* 1869 [«О подчинении женщин»]; C. Secrütan. *Le Droit de la femme,* 1886; J. J. Bachofen. *Das Mutterrecht,* 1861 [«Материнское право»]; F. Engels. *The Origin of the Family, Private Property, and the State,* 1884 [«О происхождении семьи, частной собственности и государства»]; H. Spencer. *The Principles of Sociology,* 1869 [«Принципы социологии»]; *The Principles of Ethics,* 1891 [«Принципы этики»]; C. Darwin. *The Descent of Man and Sexual Selection,* 1871; F. Nietzsche. *Human, All Too Human,* 1878 [«Человеческое, слишком человеческое»]; *The Joyful Science,* 1882 [«Веселая наука»]; *Beyond Good and Evil,* 1886 [«По ту сторону добра и зла»]; E. Durkheim. *Textes.* Vol. 2 – 3; S. Freud. *Complete Works.* Особенно: *Three essays on the Theory of Sexuality,* 1905; O. Weininger. *Sex and Character,* 1903 [«Пол и характер»].

ществами, то потенциально (как считалось одними, но отрицалось другими) они могли бы рассматриваться в качестве «субъектов» в философском значении этого слова. Между тем мышление в понятиях независимых индивидуальных субъектов требует рассмотрения взаимоотношений мужчин и женщин в новом свете, а также иной формулировки отношений разум / тело для каждого пола. Кроме того, это также ведет и к постановке новых вопросов о месте природы в человеческом мире и о роли «инаковости» в философской мысли.

Говоря более конкретно, репрезентация женского субъекта конструировалась вокруг трех основных тем. Все они вызвали значительную долю комментариев: во-первых, это семья, понимаемая как результат брака и фундаментальная ячейка общества; во-вторых, это род, продолжение которого рассматривалось как цель человеческой жизни; и, в-третьих, это собственность и как ее следствие — работа и свобода.

Философы (все, конечно же, мужчины) были, естественно, буквально одержимы перспективой женской эмансипации как необходимым следствием появления индивидуального субъекта. Между тем отношения мужское / женское создавали тот контекст, в рамках которого и дискутировался вопрос об эмансипации. Философы разделились на два лагеря: некоторые полагали, что отношения между полами будут мирными и гармоничными; другие же ожидали войны. Представители обоих лагерей размышляли над определением любви, основным смыслом наивысших жизненных радостей и страданий. Как заметил Фихте, с началом XIX века переосмысление неравенства полов оказалось безотлагательным вопросом.

В соответствии с этим тогда возникло значительное количество оригинальных учений о женщине и половых различиях. Два этих предмета пересекались, но не совпадали. Я надеюсь, что читатель разделит мое удивление касательно тех текстов, которые я собираюсь обсудить, текстов, которые были выбраны по двум критериям. Что касается выбора авторов, я была вынуждена, учитывая количество текстов, в которых рассматриваются данные проблемы, отдать предпочтение работам тех, кто, по общепризнанному мнению, является «великими» философами. Что до выбора тем, то мне пришлось ограничиться конкретными вопросами различий между полами (женский субъект и его отношение с мужским), избегая более широкого вопроса о том, каким образом различия между полами соотносятся с общей философской системой каждого мыслителя. Дабы упростить постановку проблемы, я сконцентрировалась на пересечении политического и метафизического.

Семья, субъект и половое разделение мира

Философы начала XIX века, подхватив инициативу постреволюционных авторов, были в первую очередь озабочены вопросами законодательства, но не того, которое непосредственно касается женщин, а скорее проблемами их юридического статуса и взаимоотношениями мужчин и женщин в браке. Вопрос же о том, следует ли женщину рассматривать в качестве «субъекта» права или же как подчиненную мужчине (то есть как юридически свободного индивидуума или иждивенку) являлся вопросом второстепенного значения. Выразителями основных точек зрения в данной дискуссии стали Фихте, Кант и Гегель.

Наиболее точно суть проблемы уловил Фихте: брак не является «юридическим союзом, подобно государству», он скорее «союз естественный и нравственный». Следовательно, естественного права недостаточно для определения того, что «необходимо» в браке.

Брак, утверждал Фихте, есть «совершенный союз», основанный на сексуальных инстинктах обоих полов и не имеющий цели вне самого себя. Брак создает «связь» между двумя индивидуумами и ничего более. Связь эта – любовь, а «любовь – это та точка, в которой глубоко вместе сходятся природа и разум». Именно отношения природы и разума порождают «правовое пространство». Закон вмешивается только лишь тогда, когда существует брак. Так, еще до существования всякого закона, женщина подчиняется мужчине по своей свободной воле.

Таким образом, Фихте резко отличается от своего современника Канта, который рассматривал брак как «договор». Для Канта брак был не просто «естественной связью между полами» или же выражением «простой животной природы». Он управлялся законом. Женщинам позволительно было пользоваться мужскими половыми органами, а мужчинам – женскими по причине того, что в отношениях юридического обладания существовал взаимный обмен, который и утверждал договор. Затем закон установил, что мужчина повелевает, а женщина подчиняется.

Спустя несколько лет Гегель выразил «ужас» по поводу кантовской теории. Гегель описал брак как «непосредственный моральный акт», с помощью которого естественная жизнь превращается в духовное единство, в «сознательную любовь». Не будучи ни союзом, ни договором, брак – это создание «одной личности» из двух согласных друг с другом партнеров. Поэтому, помимо всего прочего, брак – это еще и нравственные узы. Закон же вмешивается тогда, когда семья,

которая также является уникальным юридическим «лицом», распадается и каждый из ее членов становится «независимым лицом». Суть брака находится в сфере нравственности; это «свободный нравственный акт, а не немедленный союз естественных индивидуумов и их инстинктов». Глава семьи – мужчина – является «юридическим лицом».

Три философа по-разному смотрят на сексуальную природу, роль законодательной системы в определении отношений между мужчинами и женщинами или же на мораль, которая некоторым образом все же проникает в естественные отношения между полами. Тем не менее все они согласны с тезисом о подчиненном положении женщины и ее самопожертвовании во имя брака и семьи. Но даже в этом случае Кант и Фихте пытаются усилить свои позиции, утверждая, что мужчины и женщины равным образом свободны и разумны. Для Канта это равноправие гарантировано взаимодействием в сфере юридического супружеского обладания, которое само по себе основано на согласии обеих сторон, что служит доказательством их свободы. Свободное существо обязательно разумно. В «Антропологии» Кант говорит о том, что именно благодаря рациональности женщина обнаруживает, что ее особое назначение в жизни состоит в воспроизводстве рода. Таким образом, зависимость женщины в браке и подчиненность миссии сохранения рода ни в коем случае не является несовместимым фактом со свободой или разумом. Действительно, они совместимы с равенством всех человеческих существ, и особенно с равенством между мужчинами и женщинами.

Фихте отстаивает свои аргументы со всей суровостью человека, столкнувшегося с проблемой лоб в лоб. Он не будет разрешать этот вопрос мимоходом, как это делали другие философы. Женщина, считает он, утверждает (и сохраняет) свое достоинство в качестве человеческого существа, становясь средством достижения цели (цели удовлетворения мужчины), то есть прекращая быть целью в себе, и делает она это по собственной свободной воле. Имя этому действию – любовь, «форма, в которой половые инстинкты проявляют себя в женщине», потому что, в отличие от мужчины, женщина не может признаться, что у нее имеется половой инстинкт. Сделать это, означало бы отречься от своего достоинства. Достоинство разума требует, чтобы женщина стала «средством для достижения своей цели». Было бы ошибкой расценивать это рассуждение как цикличное. На сексуальности, и только на ней, Фихте «основывал все то, что различает между собой два пола».

Из вышесказанного следует, что зависимость женщины мешает ей обладать «гражданской индивидуальностью» (Кант). Если, кроме того, женщина (как утверждал Фихте) является «гражданином», то

она обязательным образом вверяет представительство своего гражданства мужчине. Оба философа признавали существование незамужних женщин, вдов и старых дев. И хотя Фихте считал, что эти женщины могут быть гражданами без делегирования гражданства мужчине, он отказывал им в возможности занимать общественные должности. Для женщины общественная деятельность была еще хуже, нежели участие в управлении. Место женщины было в семье, их сфера — это сфера домашняя.

Гегель подробно останавливался на продолжительности разделения домашней и публичной сферы, которое совпадало с разделением между двумя видами рациональности, один из которых стремится к независимости и универсальности, другой же остается пассивным и привязанным к конкретной индивидуальности; один нацелен на государство, науку и работу, в то время как другой обращается к семье и нравственному воспитанию. Антигона, являясь излюбленным примером Гегеля, символизировала разницу между двумя видами закона: мужской закон и женский; конкретный закон государства и вечный закон семейного благочестия; закон человеческий и закон божественный. В зависимости от диалектического момента, соотношение между ними могло быть или гармоничным, или дискуссионным. В любом случае это являлось результатом взаимодействия двух законов. Когда сталкиваются семейные и гражданские ценности, это приводит к появлению нравственной личности через устранение случайного индивидуума в социальном контексте.

На этом моменте я бы хотела остановиться, дабы рассмотреть неравноправие полов. Женщина может быть дочерью, женой, матерью или сестрой. Единственная роль, в которой она равна мужчине, — это роль сестры (вспомните Антигону). И только лишь мужчина может перешагнуть разделение между семьей и государством. Мужчина может познать как универсальность гражданства, так и особенность желания, и из этого дуализма он извлекает преимущества, свободу и самопознание, чего женщина лишена. Она обладает лишь универсальностью своего семейного положения (жена, мать), не испытывая особенности своего желания. В конечном итоге в диалектической оппозиции семейных и гражданских ценностей само основание гражданского общества зависит от позитивного подавления женственности. Однако женственность не может просто так взять и исчезнуть; она сохраняется, но, скорее, как «вечная ирония общества».

Размышления о том, каким образом мужчины и женщины делят пространство, привело Фихте к тому, что он назвал «законом разделения двух полов». Другие философы использовали этот «закон»

для того, чтобы обосновать свою дискуссию о дихотомии «мужское / женское». Рассмотрим, к примеру, использование различий между полами у Гегеля. Начав с сексуальных отношений, совокупления и репродукции, он разработал диалектику «я» и «другого», посредством которой мужчина признает себя в женщине и наоборот. Оперируя логикой различий, он определил смысл как создание единства через различие. Все представители натурфилософии, и прежде всего современник Гегеля Шеллинг, отталкивались от идеи дуализма и его разрешения в единстве, в частности от напряжения между конечным и бесконечным. Разделение природы на два пола является отражением того обстоятельства, что (конечный) индивидуум находится на службе у (бесконечного) рода. Данный дуализм, необходимый для продолжения жизни и природы, был прямо противоположен принципам идеализма, но необходим диалектике. Метафизика XIX века расцвела на концепциях дуализма, отношения и единства противоположностей, для которых различия между полами были лишь одной репрезентацией и, возможно, даже основополагающей метафорой.

В отличие от обсуждавшихся до этого философов, немецкие романтики начала XIX века, в частности Фридрих Шлегель, казалось, чувствовали дуновение ветра свободы. «Философские письма» Шлегеля, адресованные его жене Доротее, а также его роман «Люцинда» отрицают нормативные предписания тех дней. По причине того что он осудил предрассудки в отношении женщин и брака, поставил под сомнение традиционную характеристику женского интеллекта, он был также способен и поднять вопрос о женском наслаждении (плоти и духа) и проанализировать несоответствие между полами относительно свободы. Разработанный им новый подход к этим вопросам привел к возникшему при его жизни и продолжавшемуся после его смерти скандалу. На защиту позиции Шлегеля встал философ и теолог Шлейермахер, выразивший надежду на то, что женщины смогут завоевать «независимость от границ их пола», в то время как Кьеркегор, писавший сорок лет спустя, критиковал безнравственность текстов романтиков, которые много лет спустя после их создания продолжают вызывать восторженные отклики. И дело здесь было не только в «реабилитации плоти», которая так задела датского философа. Наибольшую угрозу представлял поэтический характер этих работ. Кьеркегор достаточно проницательно отметил ту степень важности, которую Шлегель придавал интеллектуальному взаимодействию между полами, которое, в свою очередь, затемняет разницу между чувственностью и мыслью и, таким образом, в глазах Кьеркегора, представляет брак безнравственным и безбожным.

Притупить противоречие между плотью и духом, а также желать, чтобы мужчина и женщина вместе могли бы познать «все степени человечности, от самой буйной чувственности до самой одухотворенной одухотворенности», было более серьезной задачей, нежели просто превозносить плоть, с одной стороны, и восторгаться духом — с другой. Утверждать, что равенство в обмене между мужчиной и женщиной могло бы явиться результатом их половых различий (отдавать или принимать форму, создавать поэзию или философию), было более сложно, нежели заявить об абсолютной и эгалитарной идентичности полов. И в конечном итоге завершение скандалу положило утверждение, что «различия между полами являются простой внешней характеристикой», «врожденным, природным заявлением», и что эти отличия должны быть сознательно разрушены («только благородная мужественность, только независимая женственность справедливы, истинны и прекрасны»).

Во Франции скандал спровоцировал не Шлегель, а Шарль Фурье, которому, однако, так никогда и не удалось достичь славы немецких романтиков. Вплоть до 1830-х годов работы Фурье оставались по сути никому не известными. Тем не менее ни одна последующая теория освобождения женщин не могла не отдать должное его усилиям. Фурье больше занимала свобода, а не равенство, освобождение, а не эмансипация. Он отказался воспринимать права человека в качестве отправной точки, а общественный договор как основу защиты современной личности. Для него права человека всего лишь скрывали важнейшие реалии: в первую очередь экономику и, очевидно, право на работу. «Угнетение и унижение» женщин в цивилизованном мире воплощалось в браке, яростным критиком которого был Фурье. Своей нравственной критике института брака в современном обществе и окружающим его предрассудкам он предпослал публичное разоблачение его корыстной сути и экономической сущности (денег и собственности). В этом отношении Фурье, несомненно, был пионером, и в долгу перед ним будет Маркс. Фурье никогда не упускал возможности осудить тех философов, «которые заинтересованы в Домашнем Порядке затем лишь, чтобы еще больше сковать слабый пол». В его опровержение ничего не могли сказать ни немецкие философы права, ни остальные, как например «идеологи» [2] и среди них Кабанис, который разработал научную теорию неравенства полов (влияние

---

2 «Идеологи» — группа французских философов, историков, экономистов, естествоиспытателей и общественных деятелей конца XVIII — начала XIX вв., близкие к материализму и деизму. — *Примеч. редактора.*

физического на нравственное существенным образом определяет социальную роль женщины).

Таким образом, утопия Фурье была утопией о свободе: свободе женской личности (к домашней жизни, по мнению Фурье, способна была лишь четверть всех женщин); свободе соперничать с мужчинами (Фурье выступал за здоровую конкуренцию и в этом расходился с большинством своих современников); свободе «страстного притяжения» и «соеднинения». Фурье считал, что сексуальные отношения не ведут ни к заключению договора, ни к установлению союза. И если в них присутствует что-то от природы, то это являет собой стихийность желания, а не основание для создания семьи.

Утопия Фурье являлась также и утопией социальной, так как прогресс и процветание всего человечества зависят от степени свободы женщины. Его формулировка была весьма важна для XIX века, все это упиралось в один вопрос: будет развитие современности включать в себя женщин или нет. На революционной волне женщины включались в этот процесс в теории, но оставались исключенными на практике, и именно с этого противоречия и началась история женского освобождения.

Не было единодушия и во взглядах английских мыслителей. Утилитарист Иеремия Бентам сомневался насчет того, следует ли женщинам предоставлять политические права. Если интересы личности стоят превыше прав человека, тогда всеобщее избирательное право (коренной вопрос всей полемики) больше не может приниматься как должное, поскольку одна личность может представлять интересы ряда других. Естественно, подчинение женщин стало причиной отказа им в политическом равноправии, равно как и причиной предоставления оного. Несмотря на свои сомнения, Бентам постепенно присоединился к демократическому принципу всеобщего избирательного права. В противоположность Бентаму, Джеймс Милль, первоначально стоявший на более демократических позициях, нежели Бентам, написал в 1820 году, что права голоса должны быть лишены те индивидуумы, чьи интересы неоспоримо соотносятся с интересами других. Интересы жены (или ребенка) соотносятся с таковыми ее мужа (или отца), следовательно, ей не требуется права голоса. Когда дело доходило до отрицания равенства полов, учения, созданные на основе принципа полезности и выгоды, оказывались более гибкими, чем учения, базировавшиеся на правовой основе. Отвечая Миллю, Уильям Томпсон, друг Бентама и Роберта Оуэна, публикует «Протест одной половины человеческого рода, женщин, против стремлений другой половины, мужчин, удержать их в политическом и отсюда гражданском и до-

машнем рабстве». Таким образом эпоха феминизма началась с утопий, а позднее раздался новый голос — голос сына Джеймса Милля, Джона Стюарта, чью философскую приверженность идее равенства полов мы сейчас и рассмотрим.

Любовь, конфликт и метафизика пола

Прежде чем философы стали прямо писать о женской эмансипации, вне зависимости от того, логически ее опровергая, или впадая в брюзгливую риторику, либо же поддерживая ее на теоретических основаниях, они первоначально заговорили о любви, обольщении и целомудрии, о метафизике сексуальности и дуализме полов, а также об онтологической взаимозависимости, коренящейся как в общественной, так и в биологической жизни. На заднем плане притаилась актуальная проблема феминизма. Среди философов Шопенгауэр, Кьеркегор и Огюст Конт посчитали не лишним осудить ее как абсурдную или бессмысленную. Очевидно, что для них настоящие проблемы заключались в чем-то ином.

Достаточно интересным является то, что биографии этих философов свидетельствуют о том, что их вступление на арену философии точно совпадает с их половой самоидентификацией. Действительно, биографические моменты их соответствующих ссор с женщинами часто включаются в написанные ими тексты. После смерти отца Шопенгауэр бесповоротно рвет отношения с матерью; Кьеркегор эффектным образом разрывает свою помолвку. Тем не менее присутствие частной жизни в сфере философии представляет нечто большее, нежели простой анекдотический интерес. Странно, но философы также не являются бесполыми существами. И еще более странно, что они сами проявляют свое половое существование. Примером тому — Огюст Конт. Первоначально его жена, Клотильда де Во, затем его служанка непосредственным образом внесли свой вклад в разработку не только его позиции в отношении женщин, но и в становление всей его философской системы в целом. Присущи ли сексуальные отношения философскому исследованию?

Многочисленные тексты Кьеркегора о любви, помолвке, браке и семейной жизни позволяют предположить, что ответом на этот вопрос будет «да». Это заключение усиливает и тот факт, что мышление Кьеркегора отражает точку зрения не только рода или человечества в целом, но и субъективного индивидуума в уникальности половых отношений. Кто-то мог бы подойти к этому как к экзистен-

циальному философскому измерению, которое уже никогда не вернется к гегелевскому абсолюту. Шопенгауэр полностью сознавал всю новизну этой точки зрения: «и удивляться должны мы не тому, что и философ решился избрать своей темой эту постоянную тему всех поэтов, а тому, что предмет, который играет столь значительную роль во всей человеческой жизни, до сих пор почти совсем не подвергался обсуждению со стороны философов и представляет для них неразработанный материал» 3.

Шопенгауэр писал о метафизике любви. Возникая из полового инстинкта, любовь развивается и самовыражается в созиании индивидуума. Она расцветает между двумя крайностями: легкомысленными отношениями, любовными интригами и императивным интересом вида, невозмутимой волей природы. Говоря более точно, любовь — это маска полового инстинкта, уловка или ухищрение природы для достижения своих целей. Индивидуум же — это простофиля, павший жертвой обмана. В данном метафизическом тексте вопрос об индивидууме остается нерешенным из-за хорошо известного шопенгауэровского пессимизма. В других работах индивидуум, мужчина или женщина, рассматривается по-разному: несмотря на то что мужчина может выйти за пределы воли природы и достичь состояния целомудренного аскетизма, исполненного возможностями, женщина была создана единственно для продолжения рода.

Метафизика любви, однако, является отражением отношений между двумя полами, соответствия или взаимозависимости мужчины и женщины. Помимо уловки природы, которая увековечивает волю к жизни (основной принцип всей метафизики Шопенгауэра), между полами делилась и ответственность за наследственные признаки: отец определяет характер или волю ребенка, а мать — его интеллект. Может показаться удивительным, что способность мыслить приписывается женщине, учитывая то, как часто философы в прошлом задавались вопросом, обладают ли женщины вообще разумом, и оправдывали их подчиненное положение тем, что рациональные способности женщины слабее. Шопенгауэр писал по этому поводу: «Ошибка всех философов заключалась в том, что метафизическое, неразрушимое, вечное в человеке (мужчине. — *М. М.*) они полагали в интеллекте» 4. В действительности же интеллект, работа которого обусловлена мозгом, живет и умирает вместе с ним. Переходу подвержена только лишь воля; смерть щадит только волю природы, волю к жизни. Таким образом, Шопенгауэр, который искал свою

3 Перевод Ю. М. Айхенвальда. — *Примеч. редактора.*
4 Перевод Ю. М. Айхенвальда. — *Примеч. редактора.*

метафизнку ие в иебесных идеях, а в принципе вечной жизни через размиожение, удивительным образом повернул свои рассуждения о половых отличиях, предоставив женщинам то, в чем многие философы им отказывали.

Между тем, когда Шопенгауэр обращается от любви к половым различиям, к метафизнке мировой сексуализации, когда он говорит о женщинах как объекте мужского дискурса, тон его меняется и верх берет мизогиния. Женщина, помещенная между мужчиной и ребенком, обладает в лучшем случае эфемерной красотой, которая есть ие более чем природное ухищренне, иеобходимое для обольщения мужчины и продолжения рода. Женщина может быть прекрасным полом, но она не имеет никаких притязаний на Красоту как таковую. Она — это второй пол, не имеющий никакой аналогии с первым, ее слабый разум живет в состоянии непосредственности между легкомыслием и относимостью. По мнению Шопенгауэра, «германо-христианство» ошиблось в том, что поместило женщину в положение «дамы», вместо того, чтобы назначить ей хозяина и установить полигамию. Таким способом, который оказался в высшей степени влиятельным, он отделил метафизнку пола от простого мнения о женщинах. Роль женщины была сведена им к продолжению рода, искусно избежав при этом философско-правоведческого анализа половых различий. В этом коитексте проблема оказалась деполитизированной, и определенные гаранты, например вера в абстрактиое равноправие полов, что в рамках философско-правоведческой системы казалось само собой разумеющимся, отныне исчезли.

Философские исследования Кьеркегора вращались вокруг аспектов брака. Он размышлял о любви, первоначально — любви к другому, затем — любви к истине (а после истины — к Богу), а также о плотском и философском эротизме. Сексуальное желание изучалось, описывалось и освещалось со всей тщательностью. Кьеркегор подходил к философни с субъективных позиций, меняя свою историю и инсценируя другие субъективиости (используя даже разиообразные псевдонимы), а его работа, помимо всего прочего, должна пониматься в качестве призиания существования в человеке желания. В этом отношении Кьеркегор являлся новатором как в выборе предмета изучения, так и в стиле его описания.

Кьеркегор был критически настроен по отношению к романтической любви, которую пропагандировал в «Люцинде» Шлегель, поскольку данный вид любви, осиованный на чувственности, искажает вечные ценности и может внушить женщинам достойное осуждеиня желание эмансипации. Что вводило в заблуждеиие относительно романтической любви, считал Кьеркегор, так это то, что оиа преднамеренно игнорировала огромнейшее влияние, оказанное христианством иа цивилизацию,

которая должна была создать врагов плоти и духа. Эта пропасть между чувственным и духовным обуславливает все наше отношение к любви, и игнорировать это было бы бессмысленно. Проведя пространный анализ помолвки и брака, Кьеркегор пришел к тому, что выделил три уровня, на которых может раскрыться любовь: эстетический, когда любовь привязана к моменту; этический, на котором любовь связана со временем; религиозный, где любовь ассоциируется с вечностью. Вполне очевидно, что человек не может отказаться от своей связи с вечностью, не причинив при этом вреда самому себе; его конечность терпима только лишь в связи с бесконечностью, парадокс, который находит конкретное воплощение в конфликте плоти и духа. Кто-то, таким образом, может найти вечность в эстетическом и этическом (зачастую это стадия брака), или эстетическое в религиозном, но только после долгого обсуждения, которое превращает, например, «Дневник соблазнителя» в исчерпывающий, детальный учебник по стратегии любви. Более того, вряд ли вызовет удивление то, что одним из способов примирения этих противоречивых импульсов является выбор целомудрия.

Но как же насчет разницы между мужчиной и женщиной? Если философски ее можно понимать через размышление о желании (не предписанное и закрепленное правило), то проще можно было бы воспринять эту разницу в ее меняющейся реальности. Таким образом, присутствие женского в мужском, бисексуальность человеческого существа, является частью взаимосвязи полов. Не может также быть обольщения без обоюдной свободы, или обладания другим без его признания. Любовная диалектика Кьеркегора отличается от традиционной репрезентации женщины лишь в одном: продолжение рода было всего лишь одной в ряду других целей брака, то есть роль женщины не сводилась исключительно к воспроизводству. Вместо этого она становится «мечтой мужчины», «совершенством в несовершенстве», природой, явлением, непосредственностью — всем тем, что стоит на пути у мужчины и мешает прямому контакту с абсолютом. «Женщина объясняет конечность; мужчина следует бесконечности». Затем, говорит мужчина, если змей эмансипации укусит его женщину, «моя отвага изменит мне, стремление моей души к свободе ослабеет. Но я знаю, что мне делать. Я пойду на рынок и буду плакать, я буду плакать, как тот художник, чья работа была уничтожена, а он не может вспомнить, что она изображала».

Разница между полами подразумевает существование другого, а поскольку субъектом философского дискурса является мужчина, то объектом этого дискурса, другим, обязательно должна быть женщина.

Пара — один и другой, мужчина и женщина — занимала центральное место в метафизической мысли. Не должно удивлять нас и то, что размышления о двойственности — о дуализме духа и плоти в человеке,

а вие его о дуализме природы и Бога — уходят корнями в идею половых различий. Этот пункт подчеркнула уже диалектика Гегеля.

Давайте сейчас от метафизики обратимся к Людвигу Фейербаху и Огюсту Конту, в критике метафизики которых половые различия играли настолько же фундаментальную роль, насколько фундаментальной она была и в метафизической школе, на которую нападали оба этих мыслителя. Фейербах критиковал христианство; Конт был пророком новой религии, но оба они основывали свою критику на дихотомии «мужчина / женщина».

В «Сущности христианства» Фейербах противопоставил человека, обязательно сексуального, христианину, который, по его словам, был всегда асексуальным, или кастрированным. Он критиковал религию как человеческий продукт, в котором Бог был создан по образу человека, образу, из которого специфические отличия, и в частности половые, были исключены в пользу пустой универсальности: «Безбрачная, вообще аскетическая жизнь есть прямой путь к небесной бессмертной жизни, так как Небо есть не что иное, как сверхъестественная, абсолютно субъективная жизнь, не знающая ни рода, ни пола. Вера в личное бессмертие коренится в вере, что половое различие есть только внешний придаток индивидуальности, что индивид сам по себе есть бесполое, по себе совершенное, абсолютное существо. Но бесполый не принадлежит ни к какому роду. Половое различие есть связующее звено между индивидом и родом, а тот, кто не принадлежит ни к какому роду, принадлежит только себе как существо божественное, *абсолютное*, безусловно чуждое потребностей»[5].

Сексуальная предопределенность — это «глубинная, химическая составляющая» человеческой сущности. Более того, человек — ничто без тела, которое является «основанием, субъектом личности». Однако «тело ничто *без плоти и крови* Но плоть и кровь неразлучны с *половым различием*. Половое различие не есть различие поверхностное, ограниченное определенными частями тела; оно гораздо существеннее; оно пронизывает *весь организм*, различие между первым и вторым лицом, *основное условие всякой личности*, всякого сознания, становится действительнее, живее, ярче в виде различия между мужчиной и женщиной. «Ты», обращенное мужчиной к женщине, звучит совершенно иначе, чем монотонное «ты» между друзьями»[6].

В отличие от христианства с его страхом перед половыми различиями и плотью, Фейербах верил в «истинную разницу» и ее коррелят — взаимозависимость «я» и «ты», мужского и женского. Очевидно, он не

5 Фейербах Л. Сочинения. – М., 1955. – Т. 2. – С. 203.
6 Фейербах Л. Сочинения. – М., 1955. – Т. 2. – С. 217.

считал целомудрие добродетелью, когда иронически писал о выборе христианством холостяцкой жизни для некоторых (священнослужителей) и брака для всех остальных. Брак сделал возможным отрицание природы во время удовлетворения своих требований, и поэтому «таинство первородного греха — это таинство сексуального наслаждения. Все зачаты в грехе, потому что зачаты в наслаждении и чувственной радости». Без брака христиане не смогли бы допустить этого противоречия. Мы далеки от рассмотрения любви и брака с точки зрения их репродуктивных функций. И если Фейербах акцентировал внимание на важности чувственности и наслаждения, он также подчеркивал и взаимозависимость двух полов. Он воспользовался традиционной оппозицией мужского и женского, активного и пассивного, разума и интуиции, но в основном для того чтобы продемонстрировать, что различия не могут долго длиться без союза и окончания во имя будущей гармонии. Идея полового дуализма ограничена идеей взаимозависимости, поэтому свобода обоих полов ограничена четко определенными правилами игры.

Идея дополнительной пары присутствует и у Огюста Конта, там, где речь идет о социальном и религиозном контексте и биологии в качестве основного подкрепления аргументов. Неудивительно, что философия позитивизма взывала к авторитету науки, но следует помнить, что вплоть до 1840-х годов биология не считалась наукой. Как Конт писал в 1843 году Джону Стюарту Миллю, биология определенно подтверждала «иерархию полов». На фоне неизменной природы, в соответствии с которой женщины наделены эмоциями, а мужчины интеллектом, Конт очертил круг изменений в теме «маскулинное / фемининное». На каждой стадии развития своей философской системы Конт давал различные определения женщин, не делая при этом каких-либо реальных изменений в своей дифференциальной схеме. В контовском окончательном плане общества женщины не рассматривались как дети-переростки, а чествовались как богини. Милль затем стал работать над своей книгой о подчинении женщин, а двадцать пять лет спустя его переписка с Контом оборвалась из-за разногласий в вопросе о равноправии полов.

По Конту, женщины живут «в состоянии коренного детства». Их место — с семьей, с домашней жизнью, основанной на иерархии полов. Они скорее компаньонки мужчин, нежели их ровня. Помимо своих материнских функций, они также являются источником общественных чувств. С появлением позитивизма возникла и миссия, которую им надо выполнить в качестве посланниц духовного. Они представляют «эмоциональный пол». В этом отношении их жизнь не подчинена пол-

ностью домашней сфере, поскольку у них была и своя роль в будущей религии. Действительно, к позитивизму можно подходить в равной степени как через голову, так и через сердце.

Отношения Конта с Клотильдой де Во, ее смерть и возникновение культа в ее честь, не изменили эту структуру, за исключением того, что придали ей еще бо́льшую важность. Изменения главным образом коснулись языка: женщина – дочь, мать, сестра – стала «ангелом» для мужчины и богиней для человечества. Новая религия, свергнувшая с трона старое христианство, поставила на первый план Деву-Мать. Таким образом, идея взаимозависимости полов также могла привести к крайне преувеличенным репрезентациям женственности.

Частная жизнь Огюста Конта вошла и в его работы: женщины находились в самом сердце его философских размышлений. Факт этот опять же представляет интерес не как простой анекдотический случай. Он влияет на все высказывания Конта. Философ говорил о «фундаментальной связи между личной и общественной жизнью». В его мысли отразился больше союз мужчины и женщины, нежели простое присутствие женщин и женственности. Этот момент необходимо подчеркнуть: когда Сен-Симон сказал, что «мужчина и женщина – это общественный индивидуум», он открыл тем самым путь для распространения в 1830-х годах идей утопического социализма, а также и идей Огюста Конта, бывшего в то время его секретарем. Как оказалось, репрезентация позитивистской супружеской пары столь же строго регулировалась, как и пара в дуалистической философии; любое изменение было немыслимым. Конт, таким образом, стал апологетом брака, противником любой общественной роли для женщин, одобрявшим их «целительное исключение» из общественной и политической жизни, доступ к которой для них должен был осуществляться лишь через «косвенное участие». Он также был благодарен Мольеру за столь удачное выражение мысли об ограничении женского образования и осудил зарождавшийся феминизм как не имеющую будущего форму «гражданской тревоги».

Независимость, эмансипация и справедливость

К середине XIX века проблемы получили более четкие очертания. Природу проблемы изменила политическая история и история философии. После революции размышления о женщинах, с одной стороны,

формировались правами, а с другой — природой. Позднее они превратились в дискурс любви, человеческого желания, трансцендеиции, с одиой стороиы, и метафизики различий — с другой. Еще позднее они вернулись к вопросам семьи, гражданского общества и внутренних качеств в целом. На первый план выдвинулись социальное давление и критика религии, а озабоченность воспроизведением рода отошла на задний.

В то же время изменилась и природа мизогинии философов, не в последнюю очередь из-за того что отныне стало возможным понять конкретный смысл того, что означает эмансипация женщин, а также вследствие того что феминизм как общественно-политическое движение стал реальностью. В то время как некоторые философы, например Пьер Леру, Карл Маркс и Джои Стюарт Милль, благожелательно высказывались о женщинах, другие, например Прудон, продолжавший традицию Канта и Шопенгауэра (а также идеологию Французской революции), были не уверены, исключать ли женщин полностью из сферы политики, или же заклеймить их как пагубную силу. Критика метафизики оказала двойственный и противоречивый эффект на репрезентации различий между полами.

Одии из теоретиков эмансипации, Пьер Леру, обсуждал как права, так и любовь, как половую идентичность, так и различия. Это переходная фигура между первыми утопистами (последователями Сен-Симона и Фурье) и теоретиками грядущей революции (Марксом и Прудоном). Его высказывания в поддержку религии говорили о том, что Леру по-прежнему являлся человеком начала века, но его призыв к справедливости ставил его в один ряд с радикалами. *Любовь* стала основным понятием, с которым он пытался увязать некоторые новые предметы дискуссии.

Леру не воспринимал любовь ни в понятиях ее сексуальной и репродуктивной реальности, ни как отношения желания и обольщения. Он определял ее как «справедливость в ее наиболее божественной форме». Божественная справедливость, не желающая довольствоваться простым равновесием, неизбежно стремится к чему-то большему — к любви. Бог не является ни мужчиной, ни женщиной (несмотря на предложения сен-симонистов): «Бог — всего лишь декларация того, когда *он* и *она*, фактически присутствующие в нем, объединяются третьим принципом — любовью. Тогда, и только тогда, два различаемых нами принципа проявляют себя. Подобным же образом мужчина и женщина раскрываются как разные полы, только когда их объединяет любовь. До любви и супружеской пары женщина, в некотором смысле, не существует; она не существует *как* женщина, она всего лишь человеческая личность».

Данный отрывок ясно показывает, что для Леру наиболее подходящей метафизикой является метафизика не пары, а триады. Здесь же присуствует и его ответ на вопрос века, вопрос диалектики, в конечном итоге пара включается в третье понятие. При помощи этой триады Леру был способен концептуализировать как половую идентичность, так и половые отличия. Также он мог заявить и о возможности реального равноправия мужчины и женщины. Именно это и делает его мысль новой и интересной. Он определяет две сферы отношений «мужское / женское»: сексуальную / любовную сферу и сферу социального положения отдельных женщин. Одна сфера характеризуется половыми отличиями, другая нет. Женственность — это одна отличительная характеристика индивидуума среди других. Это возможность, которую женщина может или не может осознавать. Если она осознает это, она в конечном итоге может выразить эту женственность, став женой или матерью. Отсюда следует, что должно быть проведено различие между женщиной, женой и человеческим существом: первая отмечена половыми отличиями в классической взаимозависимости любовных отношений; вторая ясно показывает социальную реальность завершенных взаимоотношений, но уважает «равенство» между мужчиной и женщиной; третий признает только подобие двух полов, поскольку оба они конституируют индивидуумов.

Эти хрупкие различия интересны по двум причинам. Во-первых, они позволяли Леру критиковать вводящие в заблуждение обещания равенства, как формального равноправия Гражданского кодекса, который на деле кодифицировал зависимое положение жены, так и того равенства, которое практиковали сенсимонисты, чья пропаганда свободной любви в действительности вела к подчинению женщины. Истинное равноправие справедливо, а справедливость не происходит из голых абстракций. Половые отличия и продолжавшееся влияние женского традиционного рабства сделали чрезмерно упрощенные утверждения ничего не стоящими, а специфику существенной.

Поскольку любовь является третьим понятием, которое превосходит дуализм полов, Леру не мог принять войну полов, начавшую принимать в те дни форму «восстания». Женщина, говорил он, освободит мужчину, и наоборот. Это был эгалитарный горизонт, лежавший в запасе у обоих полов: для полового существа — «женщины» — равноправие было не так уж и важно, но для «жены» и «человеческого существа» оно было необходимым.

Макс Штирнер предпринял тотальное наступление на позиции Пьера Леруа, которые, как считал он, разделял его соотечественник

Фейербах. Он возражал против сакрализации любви, содержавшейся в работах обоих этих мыслителей, а также против реставрации божественного, несмотря на критику Бога и религии — говоря иными словами, против гуманизма, который просто предоставил человеку ценности, ранее приписывавшиеся Богу. Среди них были такие понятия, как любовь, семья, человек, мужественность и женственность. Если бы, как предлагал Штирнер, кто-то начал вместо этого с понятия индивидуума, то ему стало бы ясно, что индивидуум уникален и эгоистичен, то есть определен прежде собственным «я», а не маскулинными и феминными ценностями.

У людей есть пол, но мужчины и женщины не всегда «истинно мужественные» и «истинно женственные». Пол — это характеристика, определенная природой, а не идеал, который должен быть достигнут. У каждой личности он уникален и бесподобен. Фейербах не мог понять этого, и в своих прениях со Штирнером рассматривал понятие «эго», предложенное последним, как «эго, следовательно, асексуальное». Между тем Штирнер точно знал, куда он направлялся: он отказался от ценностей и упор сделал на уникальной воле индивидуума. На личность возлагают цели не род и не семья. Индивидуумы принадлежат больше самим себе, нежели какому-то трансцендентному существу. Индивидуумы не образуют общества ни при помощи брака, либо семьи, или же государства. Общества создают отношения зависимости, поэтому Штирнер в качестве единственного полезного средства объединения индивидуумов предложил «ассоциацию».

Упор на статус зависимой личности сместил акценты в дискуссии на проблему различий между полами. Даже в своем образе мышления индивидуумы зависят от пола, однако этот половой характер не выражается в форме взаимозависимости или распределения мест. Дуалистические репрезентации больше стали неуместными, но это не означало, что в качестве замены подошел бы «абстрактный человек» гуманистов. Опять же изменения коснулись тех понятий, которые использовались для обсуждения отношений между полами: в новой дискуссии скорее семья, нежели супружеская пара или брак, вмешивалась в отношения между индивидуумами и обществом в качестве центрального элемента всей проблемы. В действительности вопрос отношений между полами мог быть сформулирован в понятиях независимой личности или же в понятиях той личности, которая, как член семьи, является интегрирующей единицей общества.

В своих ранних работах Карл Маркс отрицал как теорию Фейербаха, так и индивидуализм Штирнера. По мнению Маркса, оба мысли-

ля забавлялись отвлеченными понятиями в то время, когда насущной потребностью оставалось обращение к фактам, а еще точнее, к общественным фактам. Одним из таких фактов, к примеру, являлось то, что буржуазная семья — это далеко не пролетарская семья. Та семья, которую критиковал Штирнер, была господствующей буржуазной семьей, но существовал и другой тип семьи, — пролетарская, которую капитализм постепенно разрушал. В последнем типе семьи существовал совершенно иной набор отношений, нежели в первой. В частности, движущими силами буржуазной семьи (как в отношении женщин и детей, так и в отношении имущества) являлись собственность и торговля. Маркс приветствовал Фурье, как человека, который первый подверг нападкам брак и семью как систему отношений собственности, в которых женщинам отводилась роль предмета потребления, товара.

Для Маркса семья всегда была исторической реальностью. В «Немецкой идеологии» он критиковал концепцию семьи Штирнера за то, что она была не исторической, а абстрактной. С течением времени семья эволюционировала, и призывать к ее упразднению было абсурдом. В своих первых работах, начиная с 1842 года, Маркс выступал за моногамию и развод (в противовес «сакрализации» семьи у Гегеля) и неоднократно отвергал первобытный коммунизм с его «общностью жен». Действительно, подобная общность уже существовала, и называлась она «проституция», товарная форма обмена женщинами среди мужчин, которые обладали ими как вещами.

Разрушая пролетарскую семью и выдвигая женщин на рынок рабочей силы (превращая их в производящих работниц и воспроизводящих матерей), современный капитализм удалил женщин от сферы частной семейной собственности, нечаянно инициировав, таким образом, процесс женского освобождения. В результате оплачиваемый труд стал первым шагом на пути к независимости женщин, завершить которую коммунизм планировал положив конец частной собственности и изменив систему производства. В экономике, а не в праве лежали корни женского освобождения и основания новой структуры семьи.

В «Рукописях» 1844 года Маркс попытался с философских позиций определить семью как первичные социальные отношения, а женщину как естественное существо, которое дало возможность мужчине установить эти отношения. Человеческие взаимоотношения развивались за рамками того, что предоставляла природа, а семья была тем мостом, который соединял природу и общество, основным компонентом любого общества. С течением времени женщина стала первой собственностью мужчины (наряду с детьми — его рабыней). Поэтому было вполне

логично, что в капиталистическом обществе ее положение сводилось к положению предмета потребления. Будучи изначально естественным существом, женщина затем превратилась в рыночный товар: ее единственной надеждой заново обрести свою человечность была эволюция семьи и общественных отношений в целом.

Немного позднее, когда история ячейки общества получила более полное развитие, к этой теме, теме эволюции семьи, ее происхождения и будущего, вернулся Энгельс. Когда писал Маркс, в середине XIX века, семья по-прежнему рассматривалась как неизменная сущность, и только Фурье мог представить нечто иное. Пионером Фурье был и в том, что он провел экономический анализ брака и семьи, и в этом отношении Маркс также сделал дискуссию более конкретной, заявив, что женщина вместо того, чтобы оставаться простым инструментом производства (семейного и общественного), способна стать работницей производительной системы и независимой личностью в частной сфере.

На деле время для истории семьи все еще не наступило. Современник и антагонист Маркса, Прудон, рассматривал семью и брак как воплощение непреложных отношений между мужчиной и женщиной. Тем временем экономические реалии, а не простые метафизические аргументы заново утвердили неизменный статус семьи и отношений между полами. Следовательно, анализ вновь должен был начаться со взаимоотношений семьи и общества.

Если целью Прудона было положить конец экономической и социальной несправедливости, то его первой задачей стало определение границ справедливости. Дуализм, утверждал он, является органическим условием справедливости, а первичная форма дуализма — это сплоченное основание для семьи. Производные формы включают экономический дуализм — производство и потребление — и дуализм труда как такового, с его воспроизводством (домашнее хозяйство, потребление, бережливость), предназначенное женщине, и производством (мастерская, фабрика, товарный обмен), уготованным мужчине.

Семья являлась олицетворением справедливости, однако это не означало, что она была основной ячейкой общества. В отличие от Маркса и Бональда (который, несмотря на расхождения в политических взглядах, оказал на него огромное влияние), Прудон отвел эту роль мастерской. Семья отличается от остального общества. В ней царит мир, основанный на неравноправии, и отсутствуют конфликты из-за уважения к дуализму полов. Конфликт и конкуренция принадлежат экономической и политической сфере и исчезнут только

тогда, когда повсеместно через половой дуализм наступит справедливость. Поэтому супружеская пара — это единство (и уж, конечно, не союз) двух индивидуумов, которые вместе представляют единого (социального) индивидуума, с равным успехом могущего быть андрогинным.

Справедливость соединяет то, что не должно противоречить друг другу, но не через любовь, эту опасную силу: «Измените, смягчите или переиначьте это отношение между полами какими бы то ни было способами, и вы разрушите саму сущность брака. Вы возьмете общество, в котором господствует справедливость, и превратите его в общество, где господствует любовь». В отличие от Пьера Леру, Прудон различал любовь и справедливость. И он тщательно плел паутину связей между экономикой и метафизикой, дабы подтвердить свое утверждение о том, что женский пол неполноценен по отношению к мужскому.

Некоторые комментаторы упоминают присутствовавших в жизни Прудона женщин (его мать, жену и дочерей), однако я предпочитаю обратить внимание на его долгую полемику с современными ему феминистками (Жанной Деруэн, Жюльеттой Ламбер и, конечно, Женни д'Эрнкур), поскольку его теория справедливости в отношении репрезентации женщин имела катастрофические последствия. «Домохозяйка или куртизанка (но не служанка)» — эта формула Прудона стала весьма популярной в среде французского рабочего движения, отличавшегося крайним антифеминизмом. Понимать ее необходимо следующим образом: дома домохозяйка занимается неоплачиваемым, но и не рабским трудом; на публике женщина оказывается во власти денежных отношений и в конечном итоге превращается в товар. В противовес этому половой дуализм супружеской пары основан, несмотря на неравноправное положение мужчины и женщины, на взаимном уважении.

Тем не менее вместо того чтобы продолжать развивать свою теорию взаимозависимости и эквивалентности полов, при которой женский пол в целом остается в проигрыше (как в отношении равноправия, так и в отношении свободы), даже несмотря на то что появление понятия справедливости оживило саму дискуссию, Прудон постепенно перешел на позиции открытой мизогинии. Женщина, утверждал он, есть «дополнение» к мужчине, прибавляющая свою красоту к силе мужчины. Однако красота означает конец развития, поэтому женщина едва ли лучше своих детей. Стало быть она являет собой второстепенное, подчиненное существо, материя, которая в соответствии с Аристотелем нуждается в форме, и поэтому женское ищет мужское. И, наконец, последним, но не менее важным

моментом является то обстоятельство, что женщина, по Прудону, это нечто среднее между мужчиной и животным, вариант ее обычного положения между природой и обществом, но имеющий зловещее значение: «Между женщиной и мужчиной может быть любовь, страсть, привычные связи, все что угодно, но между ними никогда не будет настоящего сообщества. Мужчина и женщина идут по разным дорогам. Различие между полами устанавливает разделение между ними той же самой природы, что и разница породы устанавливает между животными. Отсюда, далеко не одобряя то, что люди сегодня называют освобождением женщин, я бы, скорее, если дело дойдет до такой крайности, поместил женщин в заключение».

Позиция Джона Стюарта Милля, конечно же, находилась на противоположном полюсе от позиции Прудона. Свидетельством тому может служить его переписка с Контом, чей антифеминизм привел к разрыву их отношений. Однако другие детали его жизни в равной степени показательны. В своей «Автобиографии» Милль вспоминает, как он не соглашался со своим отцом, который отказывал женщинам в праве голоса, и как его встреча с Гарриет Тейлор оказала решающее влияние на него. Они были близкими друзьями в течение двадцати лет, пока смерть мужа Тейлор не сделала их брак возможным, а их свадьба дала Миллю основание пообещать никогда не пользоваться «несправедливыми правами» мужа по отношению к своей жене. В особенности достойным внимания была их совместная интеллектуальная деятельность: вместе они написали три работы, одну о браке и разводе (1832 г.), вторую об освобождении женщин (1851 г.) и третью о подчинении женщин (1869 г.) Каждый из них оказывал влияние на работу другого: они наслаждались интеллектуальным общением, которое выходило далеко за рамки их общей приверженности идеям самого процесса философского творения.

Несмотря на важность и интерес, который представляет вопрос интеллектуального творчества в его связи с половыми различиями, я ограничусь лишь идеями Милля о равноправии полов. Эти идеи можно объединить в три группы: история отношений между полами и их современное неравенство; современная политика и проблемы избирательного права и самоопределения мужчин и женщин в качестве граждан; супружеские права, то есть права индивидуумов в браке.

Расхождения Милля с Контом относятся к первой группе идей. Биология, по мнению Милля, не может быть истиной в последней инстанции, когда речь идет о взаимоотношениях между полами. Женщины, каковыми они сегодня являются, есть продукт образования, а образование подвержено изменениям. Это было стандартным аргументом

(задолго до Милля его использовал Кондорсе и другие), основаным на разнице между женщинами, как они существовали в истории, и на том, что считалось их постоянной природой. Однако Милль придал этому аргументу более настойчивый характер: он использовал такие слова, как «подчинение» и «освобождение» и описывал положение женщин как одну из форм «рабства». Это понятие использовали также Фурье и Маркс, но оно привело в ужас Конта, как позднее ужаснет и Фрейда (который в юности перевел несколько работ Милля). Отныне оппозицией рабству стала свобода, а Джон Стюарт Милль был философом свободы. Именно поэтому он критиковал утверждение своего отца о том, что интересы женщины идентичны таковым ее мужа и что поэтому только он может принимать участие в общественных делах. Если свобода существует, то ее нельзя делегировать, каждый индивидуум имеет в ней свою долю: мужчины и женщины — в политике и в гражданском обществе, в общественной сфере и дома. Следовательно, брак не может свести к нулю права женщины. Конец рабства возвестил освобождение и свободу для всех индивидуумов. Однако проповедуя таким образом свободу личности, Милль отдалился от многих своих современников, метафизиков любви и аналитиков семьи как социального микрокосма. Половая любовь и репродуктивное материнство в меньшей степени занимали его. Его мысль концентрировалась вокруг личности (как и у Штирнера) и гражданина. Между тем этот поборник свободы был еще и логиком. Решительным образом он был настроен на то, чтобы обосновать равенство, но задача оказалась трудной. Существовала ли такая вещь, как доказательство равенства, и в частности равенства полов? У Милля были сомнения, и он делился ими со своими читателями.

Несколько позднее швейцарец Шарль Секретан пришел к похожим выводам, которые основаны были на философии нравственности, позаимствованной из так называемого протестантского пробуждения: «Женщина является личностью, так как она обладает обязанностями». И хотя понятие «индивидуальности» по-прежнему было расплывчатым, безусловно, оно контрастировало с современным «рабством женщины». А очевидные различия между полами (наличие которых ни один из теоретиков женских прав со времен Кондорсе не отрицал) не создавали непреодолимого препятствия: «Интеллектуальная неполноценность является не большим основанием, нежели мышечная неполноценность, для различия юридической и нравственной личности, чтобы отказывать в первом существам, по природе своей возвышенным до последнего. Если женщина является личностью, то юридически она вольна распоряжаться сама собой: и закон должен относиться к ней как к таковой и признавать ее

права. Если она личность, то она и гражданин. Мы требуем избирательных прав для женщины, чтобы она наконец-то смогла добиться справедливости».

Личность, история семьи и женская угроза

В конце XIX века личность изучалась в разнообразных ее проявлениях: как социальный фактор, нравственное и политическое существо, ницшеанский человек, психологический объект — тем или иным способом мужчины и женщины стали всеми этими вещами. В целом оба пола не рассматривались в понятиях взаимозависимости, даже если сохранялась обязательная биполярность мужского / женского. Вопрос семьи, столь настойчиво возникавший на протяжении всего века, претерпел глубинные изменения, как только было признано, что семья имеет свою историю. Старая уверенность в фундаментальной природе мужчин и женщин исчезла, а реальные мужчины и женщины стали предметом тщательного анализа. Психоанализ стал той границей, которая обозначила главный разрыв с прошлым, поскольку именно он поместил в центр своей концептуальной схемы сексуальность и пол. По мере того как различия между полами становились все более видимыми, возникали все более и более потрясающие интерпретации. Возможно, именно женщины оказывали негативное влияние на общество, сеяли в нем упадок. Мизогиния вновь воинственно смотрела на мир.

«Предназначение», которым в начале века наделили женщин, по-видимому, не было блестящим, но тем не менее не таким туманным, как «судьба», которую им уготовили в начале XX века.

Парадоксальным образом утверждение индивидуума в комплексе соотносилось с новыми идеями о семье. Семью рассматривали в исторической ретроспективе, что предоставило обоим полам бо́льшую свободу. Предыдущие дискуссии о происхождении семьи основывались на Библии, и патриархальная форма казалась неизменной. Однако в своей книге на эту тему Энгельс датировал возникновение новой истории семьи с публикации работы Бахофена «Материнское право» в 1861 году. Если семья была подвержена исторической эволюции, то одно время она могла быть матриархальной, или, как писал Бахофен, «гинократической». Поэтому история семьи могла

рассматриваться как история борьбы за власть между мужчниами и женщинами.

И хотя некоторые последующие читатели Бахофена рассматривали матриархат в качестве политической цели, альтернативы *status quo*, для конца XIX века он казался истоком, реальным и в то же время мифическим, первобытной формой, которую в коиечном счете поверг патриархат: «Предшествуя патриархату, наследуя хаотический гетеризм, гинократия Деметры занимает, таким образом, промежуточное положение между наиболее примитивной и наивысшей формой оргаинзации общества». Переход от одной формы к другой описан в «Орестее» Эсхила, когда право Ореста убить свою мать Клитемнестру вступает в конфликт с правом Клитемнестры убить своего мужа Агамемнона. Этот конфликт — столкновение права мужчины и права женщины. Бахофен был меньше заинтересован в гинократии, жеиской власти, нежели в матриархате, или материнском праве. Право, а не власть: доминирование женщин — это чрезвычайный эксперимент, в то время как материнское право, основанное на очевидиом факте происхождения по линии матери, является просто первым применением правления к первобытному беспорядку. Брак, который сменил данную форму легитимации, утвердил право отца, и женщины потеряли доверие. Однако, коль скоро материнское право является частью истории, женщины могут ссылаться иа него при требовании своих прав (личной независимости и социальной эмансипации).

Для Энгельса последствия этой аргумеитации были очевидны. Относительность патриархального права подрывала его основания. Если бы оно не существовало с самого начала времеи, то в один день ему суждено было бы исчезнуть. Очевидно, что взгляд Энгельса был более реалистичным, более «материалистическим» в отличие от Бахофеиа, у которого он позаимствовал «факты» и некоторые предварительные интерпретации: «Одним из самых иелепых представлений, унаследоваииых нами от эпохи Просвещения XVIII века, является мнение, будто бы в начале развития общества женщина была рабыней мужчины. Женщина у всех дикарей и у всех племеи, стоящих на низшей, средней и отчасти также высшей ступени варварства, не только пользуется свободой, но и занимает весьма почетное положение»[7].

Соответствеино, прогресс был лииейным, хотя иногда н случалось обратное. По общепрнзнанному мнению, материнское право иаделило

7 Маркс К., Энгельс Ф. Избранные проязведения. В 3-х т. — М., 1981. — Т. 3. — С. 249.

женщин властными полномочиями в обществе. Однако конец этому положило половое разделение труда между производством и воспроизводством, а также стремление женщин к установлению моногамии. Экономика и право в своей совокупности установили «супружеский брак», который обозначил переход к патриархату. При патриархате несомненность происхождения по отцовской линии объединилась с возможностью мужчины передать накопленное им состояние своему отпрыску. Дата этой революции неизвестна, но она означала *«всемирно-историческое поражение женского пола»*. Вполне понятно, что супружеский брак не был идеалом; он «появляется в истории отнюдь не в качестве основанного на согласии союза между мужчиной и женщиной и еще меньше в качестве высшей формы этого союза. Напротив, он появляется как порабощение одного пола другим, как провозглашение неведомого до тех пор во всей предшествующей истории противоречия между полами»8.

Распад семьи, как результат капитализма, не только предопределил окончательную форму этого конфликта, но, по мнению Энгельса, указал и путь к возможному его разрешению через завоевание новых юридических прав и оплачиваемого труда. Некоторые из этих идей Энгельса разделяли Маркс и другие социалисты, например Август Бебель («Женщина и социализм», 1883 г.) Свой анализ Энгельс заканчивает образом новой семьи, созданной грядущей революцией. И хотя фактически он не имел никакого представления о том, на что это будет похоже, он тем не менее был уверен, что в основе будет лежать половая любовь.

История семьи и взаимоотношений между мужчинами и женщинами привела к появлению двух важных новых идей: проекции происхождения и будущего, далекие и отличные от настоящего, и идея конфликта между полами в качестве проблемы, требующей разрешения. Безусловно, дискурс взаимозависимости потерял свои позиции, поскольку он игнорировал диалектику желания и власти и динамику отношений между мужчинами и женщинами. Еще задолго до этого ряд авторов проанализировали историю конфликта полов. Анализ свой они основывали на таких новых теориях, как социальная эволюция, естественный или половой отбор, хотя ни Герберт Спенсер, ни Чарльз Дарвин не придавали гендерной проблеме большого значения. Тем не менее их идеи использовались некоторыми мыслителями, желавшими доказать, что равноправие полов является невозможным с научной

8 Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. – М., 1981. – Т. 3. – С. 265.

точки зрения. Темы, отобранные из работ философов-врачей начала века, получили свежую поддержку. В равной степени использовались и новые модные теории, которые доказывали, что роль женщины в продолжении рода делает весьма проблематичным, даже совершенно невозможным, доступ женщин к осуществлению высших функций. По Герберту Спенсеру, законы эволюции характеризуют процесс конфликтующих сил, стремящихся к равновесию между численностью населения и количеством питания, на котором оно существует, говоря иными словами, к равновесию между производством и воспроизводством. Те же самые законы применнмы и к отношению между полами: существует конфликт между воспроизводством и индивидуализацией, или самореализацией, и другой — между плодородием и умственной деятельностью женщин. Следовательно, становится очевидным, что женщина оказывается пойманиой в ловушку рода, она не может развивать ни саму себя, ни свой интеллект. Тем не менее, хотя она и посвятила себя делу увековечения рода, она все же может самосовершенствоваться: образование однажды позволит ей добиться н права голоса. Несмотря на то что в молодости, во время своей дружбы с Джоном Стюартом Миллем, Спенсер был поборником равноправия полов, он нзменил свое отношеиие, когда столкнулся с движением за освобождение женщин.

В «Происхождении человека» Дарвин, несмотря на очевндное неудобство, говорил без обиняков: естественный отбор, усиленный отбором половым, предпочел мужчину, который «стал выше женщины». Что касается вопроса, можно ли устранить это неравенство в процессе развития человечества, он отвечает отрицательно: в соответствии с (ложной) теорией наследования приобретенных характеристик, заимствованной у Ламарка, двнжение вперед, совершаемое во взрослом возрасте, может быть передано только в рамках своего пола. Следовательно, женщины всегда будут плестись позади мужчнн, а неравенство останется.

Мыслители, стоявшие на историческнх позициях, давали не больше гарантий установлению равенства между полами, чем те, кто основывал свои работы на правах. Первоначально каждый из этих «смысловых просторов», казалось, давал женщинам возможность, открывал дорогу к равноправию полов. Однако в конце все эти надежды испарились. Двумя основнымн осями мысли XIX века были право и история, однако, когда дело дошло до равенства полов, между двумя было нечего выбрать.

В конце века вопрос о равноправии находнлся в неопределенном положенин, а внимание вместо него уделялось идеям половых раз-

личий. Этой проблемой был озабочен Ницше. Фрейд (поскольку он был философом) первым сделал различия между полами предметом своего изучения, своей основной философской проблемой. Поскольку психоанализ являлся в равной степени практикой и теорией, он возвратил размышления к действительности весьма эффектным способом. Отныне эмпирическая теория стала центральной темой новых гуманитарных наук, например социологии, в создании которой принимал участие Дюркгейм. Таким образом, мы подходим к началу XX века и его требованиям «научного» познания сексуальности. Антифеминизм нашел выразителя своих идей в лице Отто Вейнингера, о котором трудно сказать, был ли он отголоском прошлого или же предвестником будущего.

Метафоры, касавшиеся пола, создали ту структуру, из которой Ницше черпал свои темы. Действительно, для Ницше разница между полами являлась не просто метафорой, это было способом мышления, который пользуется образами маскулинного и фемининого, мужчины и женщины. Он описывает эпоху как «мужественную» или называет истину «женщиной» без какого-либо определения мужественности и женственности. Однако сложность в формулировке определения не отвращает его от использования этих понятий в качестве спецификаторов. Например, Ницше говорит о красоте и разуме, а мы знаем, как древние разделяли эти качества между мужчинами и женщинами. Специфическая сущность каждого пола становится еще более запутанной. Кто-то мог бы сказать, что больше не существует мужчин и женщин в целом, есть только конкретные мужчины и конкретные женщины. Бинарная система сексуальности становится более гибкой, когда аргументация отказывается от категорий и обращается к индивидууму: «Эта женщина красива и умна. Увы! Насколько бы умней она была, не будь красивой». Одна личность истинна так же, как и другая, и одна женщина настолько же Женщина, как и другая, так как всегда есть возможность пойти дальше: "Я хочу видеть мужчину и женщину: одного — способным к войне, другую — способную к деторождению, но обоих — способными к пляске головой и ногами"» («Так говорил Заратустра», III, § 23).

«Закон полов» тем не менее существует, и это «тяжелый закон для женщины» («Веселая наука», § 68). Ницше предпочитает ясность иллюзии и признание неравенства полов невозможной идентичности: «Страсть женщины в своем безоговорочном отказе от собственных прав предполагает как отсутствие у другой стороны подобных высоких устремлений, такой готовности отказаться от своих прав: ведь если обе стороны, движимые любовью, откажутся от самих себя, что

же тогда получиться, — я даже не знаю что? — пустота?»[9] («Веселая наука», § 363). В этом и состоит закон любви, который, подобно конфликту между полами, превращает любую идею равноправия в неправдоподобную и немыслимую. Остается лишь «потворство» женщинам, обманутым любовью и осмотрительностью их эмансипации: «В трех или четырех цивилизованиых странах Европы можио с помощью воспитания в течеиие иескольких веков сделать из жеищин все что угодио, даже мужчин, коиечио, не в половом смысле, ио все же во всяком иином смысле. Это будет эпоха, когда осиовным мужским аффектом станет гнев — гиев о том, что все искусства и науки затоплеиы и загрязиены неслыханным дилетантизмом, философия загублеиа умопомрачающей болтовией, политика стала более фантастической и партийной, чем когда-либо, общество находится в полиом разложении»[10] («Человеческое, слишком человеческое», § 425). Причина этого, объясияет Ницше, лежит в том, что у жеищии больше власти «в иравствеииости и традиции». Но откуда оии возьмут сравнимую с этим власть, если откажутся от этой? Двумя ключами к размышлению об этих проблемах служат идентичиость полов и власть одного пола или другого. Ницше рассматривает эти вопросы с редкой остротой, вне сомнеиия, благодаря своей способности смотреть иа женщин с разных сторои, как будто он их ие боится.

Истина — женская, равно как природа и жизнь. Поскольку мужчина рассуждает, женщина в этом рассуждеини играет роль другого. Однако женщииа в этом случае не становнтся объектом; скорее, она превращается в замену этого во веки веков недостижимого объекта — истины. Кроме того, Ницше интересовался и жеиским интеллектом. Ум может играть роль в любви, а брак быть «продолжительной беседой» («Человеческое, слишком человеческое», § 406). Ницше принимает различие, проведениое Шопеигауэром между жеиским пониманием и мужской волей (§ 411), но бесконечио смешивает качества обоих полов. Он постоянно переходит грань, возможно, из-за того что был зачарован образом беремениости (на деле — «иителлектуальной беремениости»), сильным образом для преодоления личиости.

Он противопоставляет омужествление Европы, от Наполеоновских походов до будущих войн, и «опасное понятие "художника", в котором актеры, евреи и женщины узиают свою общую слабость и лживость». Концептуальная параллель между евреем и женщиной была характерной чертой иемецкой мысли этого периода, наиболее

9 Перевод М. Кореневой. См.: Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. — СПб., 1993. — С. 500.

10 Перевод С. Л. Франка. См.: Ницше Ф. Сочинения. В 2-х т. — М., 1990. — Т. 1.

заметно проявившись у австрийца Отто Вейнингера. Еврей и женщина превратились в нечто большее, чем они были сами по себе, олицетворением конкретной, но в то же самое время несколько расплывчатой угрозы, что стало символической ролью, обернувшейся трагедией для евреев в реальности, а для женщин — на уровне воображения.

Обращаясь от этих головокружительных рассуждений к реалиям женской жизни, мы сталкиваемся с новыми науками — социологией и психоанализом, которые в центр своего внимания ставили конкретные факты и индивидуумов. Свою задачу Дюркгейм видел в том, чтобы со всей строгостью подходить к описанию социальных фактов. Эта же строгость присутствует и в его работах, посвященных семье и разводу — «кризису семьи». Поскольку отныне признавалось, что семья обладает историей, Дюркгейм подверг анализу современную ячейку общества, «супружеский союз», который строился вокруг брака. Первое время семья была «домашним обществом», местом производства и передачи богатств. Однако сейчас брак и «матримониальное общество» обращает внимание на «общественный» характер союза. «Совместная собственность» могла бы установить некоторого рода равенство мужа и жены, но равенство это было бы эфемерным и не имеющим будущего. Поскольку семья больше не осуществляет своих экономических и нравственных функций, то своего рода заменой этому, считал Дюркгейм, станет профессиональная группа. Подобным же образом равноправие полов подразумевало, что вне домашних стен женщины будут в большей степени распоряжаться своими жизнями.

«Брак создает семью, но в то же время и происходит из нее». Без матримониальной связи не было бы возможным существование нравственного общества. Дюркгейм отрицал развод по обоюдному согласию в противовес разводу «на определенных основаниях», который, по его мнению, должен обладать законной формой. Развод на каких-либо конкретных основаниях был основан на справедливости и законе, в то время как развод по обоюдному согласию был основан не на чем ином, как на воле вовлеченных в него сторон. Поэтому он подрывал фундамент института брака и общественной нравственности и мог бы привести к «серьезному общественному недугу». Тем не менее было бы ошибкой приписывать расхождения в их взглядах разнице между ученым и революционером. Некоторые социологи вполне были способны на создание утопий: например Георг Зиммель, который в начале XX века обдумывал возможность существования «женской культуры» в современном мире.

К появлению психоанализа привело беспокойство по поводу иного рода болезии, в особеиности болезни истерии. Психоанализ строил свою философскую систему по двум направлениям: он предложил новую теорию сексуальности, последовательный набор заявлений о различиях между полами, а также новую теорию познания, осиованную на понятии бессознательного. Действнтельно, идея бессознательного кореиным образом изменила понимание человеком самого себя и окружающего его мира. В отличие от этого, теория сексуальности, возможно, менее оригинальна, чем кажется. Местами она странным образом напоминает медицинскую философию начала XIX века, а также иные попытки наделить женщин каким-либо «предназначением». Между тем, сместив акцент с «пола» на «сексуальность», психоанализ ввел в дискуссию новые важные понятия: концепцию о том, что сексуальность присуща всем человеческим существам, как мужчинам, так и женщинам, как детям, так н взрослым; разницу между сексуальностью и продолжением рода; предложил гипотезу, согласно которой все люди — бисексуалы; а также представление о небиологической половой жизни, в которой инстинкты называются побуждениями. Все это в 1900 году по-прежнему было весьма тумаиным, но то, что было поставлено на карту, уже стало совершенно очевидным. История должна была расширнть свон границы, чтобы включить в себя еще н историю личиости. Отныие жизнь семьи можно было настолько глубоко проанализировать, что в ней обнаружился отличный характер каждой семейной группы, «семейный роман». Женщины перестали быть «прекрасным полом». Они обладали не только историей, но и «судьбой», определеиной, в соответствии с Фрейдом, их половой автономией. Слово это двусмысленно: являлось ли оно по смыслу более значимым, нежели «социальное предназначение», которое предлагали женщинам за сто лет до этого? Или же оно было более бедным, чем прикрепленная к ней социальная роль, предлагающая не столь свободную жизненную перспективу?

Когда дело доходит до вопроса о женском равноправии или свободе, всего знания мира недостаточно, чтобы достичь какой-либо определенности, как это, к своему огорчению, узнал Отто Вейнингер, и его самоубийство вскоре после выхода в свет работы «Пол и характер» может рассказать нам кое-что о риске, свойствеином его философским размышлениям. То, чем он занимался, он называл философией: «Я изучаю не факты, а принципы». Задачу своей философин он видел в том, чтобы «отрицать существование женщин», быть «антифеминистом». Он сознавал, что это иикому не понравится: «Мужчины

никогда сознательно не поддержат антифеминистские положения: их половой эгоизм заставляет их отдавать предпочтение женщине, такой, какой они хотели бы, чтобы она была». В этом кажущемся парадоксе заключается тайна его мысли: было бы лучше, считал он, признать, нежели отринуть то, что женщины (и евреи) являются кастрированными существами. «Можно ли попросить женщину перестать быть рабыней, чтобы стать несчастной?» — спрашивал он. Конечно же, нет. Если только женская эмансипация, которая заботила его превыше всего, не приведет к кантовскому возврату к мужскому категорическому императиву: отказ от секса во имя целомудрия. Женщина является не чем иным, кроме как полом, она не в состоянии, в отличие от мужчины, освободиться от него.

Пол или сексуальность: Вейнингер был одним из немногих, кто провел границу между двумя этими понятиями. Поэтому он мог, не усложняя проблемы, говорить об одном или другом. Он был одним из немногих философов, готовых обсуждать различия между полами.

Его теория сексуальности — это теория бисексуальности, которая мало чем отличалась от теории Вильгельма Флисса, бывшего на первых порах соратником Фрейда. Для Вейнингера бисексуальность являлась не исключением, а правилом: «Опыт показывает нам не мужчин и женщин, а мужское и женское» в каждом мужчине и каждой женщине. Таким образом, «законы полового влечения» (включая и гомосексуальное влечение) зависят от пропорционального соотношения в каждом индивидууме компонентов «М» и «Ж». Вейнингер не довольствовался простым отрицанием женского освобождения, он создал теорию против него. Вне сомнения, именно поэтому он пленил своих современников: он обосновал то, что другие считали простой глупостью.

Его антифеминизм не был безоблачным: «Я не говорю о желании женщины, чтобы к ней относились внешне так же, как и к мужчине, я говорю о ее желании быть внутренне таким же, как и он, достигнуть такой же свободы мысли и нравственности, интересоваться теми же вещами, проявлять ту же творческую силу». Говоря другими словами, если юридическое равноправие необходимо, то нравственное и интеллектуальное равенство неприемлемо. Предельная разница между полами должна сохраняться любой ценой, даже если это приведет к мизогинии, ошибочно принимаемой за антифеминизм. «Маскулинная» женщина в его глазах олицетворяет прогресс, но не признак социальной деградации, как полагал Мёбиус в работе «Физиологическое слабоумие женщины»[11]. Зло — женское;

11 См. русское издание: Мёбиус П. Ю. Физиологическое слабоумие женщины. — М., 1909.

оно исходит от феминниного в женщине. Женщина является существом, не обладающим нравственной способностью: «Женщина — это грех мужчины».

От общественного предназначения, влекущего за собой ответственность за род, к индивидуальной судьбе, созданной в понятиях семейной и половой жизни: именно таким образом развивались представления о женщине в период возникновения феминизма. В целом представления о женщинах продолжали общую эволюцию мысли XIX века, но вместе с тем они являли собой и реакцию на возможность независимости женщины.

Перевод И. А. Школьникова

4

Законодательные противоречия

Николь Арно-Дюк

Правовой и нравственый дискурс вместе определяют рациональные границы мужской и жеиской сфер. Посредством своей символически регулирующей роли закон устанавливает социальные нормы и определяет социальные роли. Женщииы одержали немало побед иа этом первичном поле битвы в XIX веке. Достаточно ли их было, для того чтобы обозначить исторические перемены во взаимоотношениях мужчин и женщии? Закон, конечно же, является предметом внутренних диспутов, а его проведение в жизнь может встретиться со всеобщим сопротивлением. Он находится во власти специалистов по причине неведения большинства или отсутствия иитереса к деталям его фуикционироваиия. Социальная и закоиодательиая системы постоянно воюют друг с другом, и балаис власти между мужчииой и женщииой является одновременно как одним из факторов, так и центральными противоречием.

Со времеи Аристотеля вопрос правового равенства сталкивался с убеждением, что определенные проявления неравенства являются естественными: среди предполагаемых природных иедостатков женщин иаходились физическая иеполноценность и слабость умственных способностей. Доминирующая правовая теория XIX века осиовывалась иа свободе воли любого индивида. Во Франции, однако, законодательство носило авторитарный характер. Фикция существования иезависимой воли, дававшая неограниченные ресурсы для процве-

тания индивидуального либерализма, породила идею, что женщины, насколько это касалось закона, существовали только по отношению к другим, то есть в качестве дочерей, жен или матерей, вторичных персонажей, определявшихся их связью с мужчиной, который и был единственным настоящим субъектом закона. Тем не менее закон был вынужден изменять свой дискурс, а также и свое содержание, чтобы адаптироваться к новым обычаям, порожденным экономическими и политическими изменениями. Поэтому юристы пытались оправдать неравное отношение к мужчинам и женщинам, доказывая, что женщины сами желают быть защищены от своей собственной природы. Это оставляло возможности для реформирования, как только женщины приобретут способность управляться со своими делами (хотя они были исключены и из приобретения необходимого для этого опыта). Нетрудно увидеть, почему женщины, требовавшие своих прав, заявляли, что они делают это, только для того чтобы стать лучшими женами и матерями.

Возникали новые противоречия. Большинство женщин все еще чувствовали преданность навязываемому идеалу, модели благородства и сострадания, основанной на образе «буржуазной» матери, рассматривавшей закон как нечто, принадлежащее миру ее мужа, а не своему собственному. Богатые женщины не чувствовали необходимости отказываться от своего защищенного положения, и когда они самоэмансипировались в конце века, они делали это только с целью избавиться от определенных ограничений своего поведения. Большинство женщин, однако, принадлежало к низшим слоям общества и не интересовалось законами, не предназначенными для их социального слоя. Находясь под гнетом работы, подорвав свои силы уже в раннем возрасте, они попались в ловушку моментальных экономических изменений, их часто воспринимали как имущество, редко — в качестве жертв. Что для них играло большую роль: то, что они не могли голосовать или что им не разрешали управлять собственностью, которая им и так не принадлежала? Пока законодательство тиранически защищало замужнюю женщину, оно предоставляло тех женщин, которые жили вне семьи, самим по себе. Женщины находились в центре законодательных неясностей, результатом чего стала пропасть между правовым дискурсом и социальной реальностью, на регулирование которой претендовало законодательство. Какими правами обладала женщина в XIX веке? И как она осуществляла их внутри семьи, на пересечении публичного и частного, то есть в центральной точке отношений между полами и основаниями социального порядка?

Запрещенный город

Занять свое место в общественной жизни означает не только участие в осуществлении общего права на суверенитет посредством реализации права голоса, но также и требование права на образование, работу и законодательную защиту.

Гражданка или жена и дочь гражданина?

Политические права наделяют граждан возможностью влиять на формирование государственных приоритетов, а также они могут с их помощью получить публичную должность. Движение за избирательные права может быть национальным (или федеральным), местным или ограниченным рамками отдельных должностей. По причине существования подобных иерархий женщины только очень постепенно могли продвигаться к получению полного гражданства. В конце XVIII века не было женщин, обладавших политическим равенством с мужчинами. В конце Первой мировой войны эмансипации еще предстояло достигнуть Центральной и Южной Америки, Австрии, Италии, Испании или Квебека. Франция должна была ждать до 1946 года, а Швейцария до 1971 года, чтобы дать своим женщинам право голоса. В Швейцарии битва за получение этого права продолжалась более ста лет, и потребовался референдум с более чем 82 % голосов.

Французская революция признавала женщин в качестве индивидуумов и поставила на повестку дня вопрос об их политических правах. С исторической точки зрения поведение мужчин, находившихся у власти, по отношению к женщинам было просто разочаровывающим, при этом шок, вызванный нарушением мужской монополии на власть, продолжал подогревать костер реакции — в особенности законодательного реакционного дискурса — на протяжении всего XIX столетия. Женщины приобрели легальный статус в области гражданского законодательства, но они в конечном итоге и заплатили за тот страх, который породила картина женщины-революционерки, силой прокладывающей свой путь в исключительно мужскую сферу политики. Женщин исключили из политической жизни наряду с низшими классами: оба они стояли на пути нового буржуазного строя. Авторы медицинских и религиозных сочинений пестовали страхи о том, что если женщины получат политическую власть, то они станут совершенно неконтролируемыми, и эти страхи повторяли теоретики права. Почему женщин исключили из политики? Ответ на этот вопрос достаточно сложен и затрагивает наиболее фундаментальные аспекты

взаимоотношений между полами. Мужчины-писатели могли придерживаться протекционистского подхода к женщинам, изображая их хрупкими и беспомощными, в то же время иррационально бояться их. В странах, где церковь была отделена от государства, считалось, что одухотворенные женщины, близко сотрудничавшие с церковью, поощряли консервативность голосования. Женщины, изгнанные из политики, одновременно превозносились в качестве матерей (Муза или Мадонна), и пока делались попытки рационально оправдать их изгнание на рациональной почве, то его следовало бы рассматривать в контексте нового общественного строя.

Женщины феодальной Европы были представлены в сословии знати, но они обладали скорее правами собственности, но не политическими правами. В XVIII веке феминистские требования исходили от авангарда, от группы активных, храбрых, хорошо образованных женщин среднего достатка и происхождения. Женщины-работницы рассматривали наемный труд как другой вид эксплуатации, а нарождающийся социализм боролся прежде всего за социальную революцию и всеобщее избирательное право. Поскольку женщины не участвовали в создании законов, они могли только пытаться убедить тех, кто участвовал в законотворчестве, посредством демонстраций, петиций и газетных статей. Они искали союзников среди тех, кто определял себя в понятиях политических и религиозных дебатов. Во Франции они объединялись с вольнодумцами, фримасонами и республиканцами. В Германии лидирующую роль играли так называемые свободные церкви. В общем их требования поддерживали светские демократы, республиканцы и левые либералы.

Когда в 1848 году началось движение за всеобщее избирательное право для мужчин, французские женщины сначала добились, чтобы их требования были услышаны. Но их требования удовлетворены не были, а Пьера Леру заткнули, когда он потребовал предоставить женщинам право голоса на муниципальных выборах.[1] Когда в конце концов в 1879 году была установлена Третья республика, требования

1 Мы используем следующие сокращения в сносках: Sirey 1898.143, *Cass.*, 18 July 1898 – декрет Французского кассационного суда, Гражданской палаты. Уголовная палата обозначается *Cass. crim.* Об этих декретах сообщается в: *Recueil general des lois et des arrets*, compl. by J.-B. Sirey. В сносках может также обозначаться год тома, часть, страница, тип суда и дата декрета; Dalloz 1898.I.43, *Cass.*, 18 July 1898 – указывает на декрет, помещенный в *Recueil Dalloz*. Сокращение D.P. относится к *Dalloz periodique*; Sirey 1898.3, Paris, 13 May 1898 – относится к декрету Апелляционного суда Парижа; Sirey 1898.3.C.E., 1 MMarch 1898 – относится к декрету Французского государственного совета.]; *Moniteur universel, Journal officiel de la Republique*, 22 November 1851, no. 326, p. 2917 ff..

женщин также отвергли на том основании, что режим еще слишком слаб для радикальных изменений. К концу века женщины научились рассчитывать только на себя. Они разделились на две идеологические группировки: радикалки, желавшие поголовного равенства, и умеренные, считавшие, в пользу «дополнительности» полов, что женщины сначала должны подготовиться, для того чтобы занимать общественные посты, хотя для мужчин никогда не выдвигалось подобных требований. Суфражизм никогда не был популярен, а Юбертина Оклер так и не добилась настоящего успеха. Попытки вписать имена женщин в мужские выборные списки не вызвали особой симпатии. Получив отказ в законодательных учреждениях, женщины обратились к судам и предложили, чтобы гражданские законы, сформулированные в нейтрально мужских понятиях, распространялись на всех граждан, но они просто зря тратили время[2]. При этом магистраты не терзались особыми угрызениями совести, наказывая женщину-«сводню»[3] или разносчицу газет, не претендовавших на то, что они были лишены этим приговором политических прав, которых у них итак не было[4]. Знаменитый профессор права попытался разрешить проблему, применив правовую формулу, предназначенную для разграничения между «несуществующими» актами и актами, «не имеющими законной силы»; таким образом, он разграничивал случаи, где неравенство являлось спорным и где оно было очевидным: женщина была «несуществующим гражданином, у которого нет даже сущности гражданства полкандидата, по нашим обычаям, является фактом неоспоримым»[5]. Тем не менее 1914 год был полон надежд. Феминистское движение тактически перегруппировалось, завоевав поддержку около трех сотен депутатов. Но внезапно законодатели стали думать о другом. Только после Второй мировой войны французские женщины получили право голосовать, и в этом случае с мнением законодателей даже не посоветовались.

Все латинские страны, имевшие католическое наследие, особенно сопротивлялись признанию политических прав женщин. В отличие от них, в странах, где Реформация, нравственный либерализм протестантского или квакерского толка были достаточно влиятельными, женщины получили политическую власть на местном уровне гораздо быстрее. Англия является тому хорошим примером, но было бы лучше обратиться к ее бывшим колониям. Английский билль о реформе от 1832 года обозначил начало суфражистской агитации. В законах

2 Dalloz 1885.I.105, *Cass.*, 16 March 1885; Sirey 1839.I.384, *Cass.*, 21 March 1893; Sirey 1913.3.89, C.E., 20 January 1910.

3 Sirey 1910.I.600, *Cass. crim.*, 17 February 1910.

4 Sirey 1879.I.433, *Cass.crim.*, 11 July 1879.

5 Maurice Hauriou, см.: Sirey 1913.3.89, C.E., 26 January 1912.

стал использовался термин «лицо» вместо обычного «мужчина» при создании новых категорий избирателей. В 1835 года закон об избрании муниципальных советников лишил женщин прав, которыми они обладали по некоторым местным хартиям. В 1851 году Джон Стюарт Милль в газете *Westminster Review* доложил о дискуссиях по проблеме, поднятой на Вустерской конференции в США в 1850 г. В том же году Шеффилдская женская ассоциация подала в Палату лордов первую петицию о предоставлении женщинам права голоса. В Парламенте ажиотаж по этому вопросу существовал до 1873 года, в особенности после публикации трактата Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины» в 1869 году. Милль был избран в Палату общин, где превратился в выразителя феминистских требований, и когда его поправка была отвергнута, агитация за женские избирательные права вновь усилилась. На местном уровне женщины, платившие налоги, осуществляли в области гигиены, социального обеспечения, образования и приходских дел те же самые функции, что и мужчины. Им разрешалось составлять официальные документы и занимать ответственные посты, в особенности в Лондонском комитете по больницам. При этом парламент твердо противостоял тому, чтобы дать женщинам избирательные права на национальном уровне. Более того, когда избирательные права расширились и включили мужчин — глав домохозяйств и арендаторов в графствах и городах, женщины сочли себя оскорбленными подчиняться закону, который был написан избранником из невежественных сельских работников. В то же время английские женщины продолжали получать важные права: избирательное право на голосование в муниципалитеты (1869 г., 1882 г. в Шотландии), право голосовать и право быть избранными членами школьных советов и попечительских советов, право голосовать на выборах в совет графства, куда они смогли избираться в 1907 году. Возмущенные постоянным отказом в получении избирательных прав на национальном уровне феминистки, особенно представительницы среднего класса, обратились к тактике насилия. В 1903 году Эммелина Панкхерст основала Женский социальный и политический союз. Когда лейбористы оформились в партию в 1906 году, подобно другим социалистическим партиям, они преследовали прежде всего социальные цели.

Консерваторы, вернувшись в Парламент, подвергли суфражисток жестоким репрессиям (Черная пятница в 1911 году). До 1914 года милитанток постоянно сажали в тюрьму (Акт о кошках-мышках). В 1913 году билль об избирательном праве был отвергнут в пятидесятый раз — но этот мог оказаться последним. На землях, которые затем превратились в Австралийскую конфедерацию в 1900 году, избиратель-

ное право на муниципальном уровне было предоставлено в 1867 году. В 1895 году женщины в большинстве своем голосовали на выборах в местные парламенты, а в 1902 году получили право голосовать и занимать должности на федеральном уровне. Те же прерогативы получили новозеландские землевладелицы в 1886 и 1893 гг. В Канаде женщины принимали очень активное участие в благотворительной деятельности, но суфражизм развивался мало. Они, однако, имели право голоса на муниципальных выборах и выборах в школьные советы, где они также могли занимать посты, но при условии определенных ограничений.

В США, за чьими успехами пристально наблюдали все европейские, и в особенности английские, феминистски, необходимо было использовать другую стратегию. На Западе пионерский дух определенно складывался в пользу женщин. Около 1850 года нацеленные на реформу феминистки начали реконструировать американские институты на основе эгалитаризма и кооперации. Клубы среднего класса выступали за политические права для женщин, опуская решение проблемы с разделением полов. С начала существования Штатов женщины потребовали избирательного права, но в 1808 году был принят закон, дававший избирательные права только мужчинам, хотя каждый штат сохранял за собой право устанавливать свои правила выборов. Суфражистское движение появилось в Нью-Йорке. В 1833 году феминистки объединили свои усилия с аболиционистами, но американской женской делегации отказали в участии в Лондонской конференции против рабства по причине их пола. Женщины затем направили свои усилия на прессу. Первый Международный женский конгресс состоялся в Вустере, штат Массачусетс, в 1850 году. К концу гражданской войны женщины, сражавшиеся за права рабов, остро чувствовали несправедливость предоставления политических прав освобожденным рабам, в то время как сами продолжали быть исключенными. Они больше не желали довольствоваться правом служить в местных советах или иметь ограниченные полномочия в области социального обеспечения, образования и предоставления винокуренных откупов. С 1870 года женщины постоянно вмешивались в местные собрания, в работу Конгресса. Двусмысленный роман Генри Джеймса «Бостонцы» рисует великолепный портрет мужской реакции на определенность феминистской позиции.

Несмотря на массовую поддержку, легислатуры побороли попытку внести поправку в Конституцию. Антифеминизм масс хорошенько подогревался трактирщиками и винокурами, взбешенными нападками женщин на ужасы алкоголизма. Общества трезвости организовывали настоящие крестовые походы на социальной почве, что оказало большое влияние в Европе. Некоторое время женщины имели союзников в законодательных органах среди представителей влиятельных

групп. Совершенно иная ситуация сложилась в Вайоминге в результате компромисса, созданного для завоевания победы, необходимой для статуса государственности. С 1869 года Вайоминг сделался моделью, лабораторией и объектом любопытства для читателей газет в Европе. К кануну Первой мировой войны женщины завоевали политические права по многих штатах, в особенности на западе. Они обладали правом голоса и могли занимать посты на всех административных уровнях практически повсеместно. Они принимали активное участие в работе на муниципальном уровне при разработке большинства благотворительных законов. В 1889 году только двенадцать штатов все еще отказывали им в праве голосовать на выборах в школьные советы. Однако уже ничто не запрещало женщине стать президентом, и французские комментаторы очень обрадовались в 1884 году, когда «симпатичная, сорокалетняя вдова-юрист, зорко глядевшая через золотые очки, неизменно ездившая на велосипеде и носившая с собой портфель и табакерку», начала весьма динамичную избирательную кампанию. Но сами комментарии обнажают перед нами образ мысли французских мужчин: они издевались, но они также смутно ощущали тревогу. Не умела ли обсуждаемая леди «шить, вязать, стирать, гладить, печь хлеб и делать себе прическу, перед тем как выучила алфавит?»[6]. Третий период начался около 1890 года, когда женщин пригласили к участию в законодательных комитетах и других официальных организациях, чтобы те выразили свое недовольство перед оными. Знаменитые ораторы, подобно Элизабет Кэди Стентон (которая провела бо́льшую часть своей семидесятипятилетней жизни, сражаясь за доброе дело), получили возможность показать себя на данных слушаньях. В конце концов, в 1919 году 19-я поправка к Конституции утвердила право женщин голосовать.

В Северной Европе исландские женщины превратили свой остров в показательный случай феминизма, после того как страна стала независимой в 1872 году. Получив право принимать участие в муниципальных выборах в 1882 году и занимать посты в 1902 году, женщины старше сорока обрели полные права в 1915 году, а все женщины — в 1920 г. В Швеции женщины получили право участвовать в муниципальном управлении в середине XIX века. В 1909 году они добились права занимать общественные посты, а в 1924 г. — полные права в политической сфере. В Дании, где сельское население отличалось замечательной просвещенностью, женщины голосовали на муниципальных выборах с 1883 года, а на парламентских выборах — с 1915 года. Норвегия стала

6 *Le Figaro*, October 27, 1884, цит.по: G. Breuillac, *De la condition civile et politique de la femme* (Aix-en-Provence, 1886), p. 98.

первой европейской страной, установившей политическое равенство. Движение началось здесь в 1830 году. Всеобщее избирательное право установлено в 1910 г., с тех пор женщины обладают полными политическими правами. В 1912 году они получили право избираться на любой государственный пост, за исключением Королевского совета, Высшего церковного совета, дипломатических постов и других определенно мужских должностей. В Финляндии, которая находилась в середине XIX века под российским контролем, женщины боролись против царя. В 1906 году Финский парламент был избран всеобщим голосованием при участии обоих полов. Конечно, его полномочия были ограничены, но в 1910 году там заседало 19 женщин.

В латинских и германских странах, как мы видели, женщины мало чего добились, на что большое влияние оказало римское право. Возьмем Францию, которая, без сомнения, является достаточно необычным примером, здесь мы видим, что женщины могли голосовать за членов Высшего совета общественного образования в 1880 г., и они могли голосовать и занимать должности в Советах по начальному образованию в департаментах в 1886 году, Высшем совете взаимопомощи в 1898 году, Высшем совете по труду в 1903 году, Комиссии по коммунальному вспомоществованию в 1905 году, Высшем совете смотрителей в 1905 году и Комитетах по ремеслу и промышленности в 1908 году. Только в 1898 году женщинам, занимавшимся торговой деятельностью, было разрешено голосовать, но не занимать посты, в Коммерческих трибуналах.

В целом в континентальной Европе, и прежде всего в странах, где доминировало римское право, женщины страдали от дальнейших ограничений на так называемые «вирильные должности». Под ними подразумевалась деятельность, если не в общественной жизни, то по крайней мере вне домашней сферы. Французские женщины могли выступать в качестве свидетелей (при подписании документов, например) в 1792 году, но этого права их лишили в 1803 г. При этом женщин продолжали вызывать в суд в качестве свидетелей, что являлось явным противоречием. Точно так же в связи с выдачей свидетельства о рождении лицо могло прибегнуть к письменному показанию под присягой, данному судьей и подкрепленному семью свидетелями любого пола. После десятилетней борьбы в 1897 году женщинам в конце концов вернули право выступать в качестве свидетелей при подписании документов. Подобные изменения произошли и в Италии в 1877 году, Женеве в 1897 году и Германии в 1900 году. Австрия признала женщин в качестве свидетельниц при освидетельствовании завещаний, написанных в процессе нахождения в море, а Испания — для завещаний, написанных во время эпидемий.

На протяжении долгого времени женщины были исключены из участия в суде присяжных по уголовным делам, за исключением некоторых американских штатов. Не могли они также и избираться опекунами или попечителями. Во Франции право быть опекунами своих незаконнорожденных детей женщины получили в 1907 году, в то время отмечалось, что природа предназначила их для данного занятия: женщина, не имевшая законных прав, подходила бастарду в опекуны. В 1917 году временный закон разрешил им выступать опекунами, но не в правовом пространстве. В Германии ограничения на женское опекунство усилились в 1900 году, в Бельгии в 1909 г., в Нидерландах и Швейцарии в 1901 г. Эти запретительные меры сопровождались запрещением для женщин заседать в семейных советах.

Неравенство в системе образования и на рабочем месте

Говорить об этой проблеме с точки зрения права на работу или права на образование является сильным анахронизмом. При этом повсеместно образование для молодых женщин стало фундаментальным феминистским требованием. Французские революционерки не смогли провести в жизнь свою эгалитаристскую программу. Консультативный закон от 28 июня 1836 года предложил муниципалитетам создавать школы для женщин. Но большинство мэров предпочитали традиционные приходские школы, поскольку они не должны были платить учителям зарплату. Только по принятии закона Фаллу от 15 марта 1850 года, закрепленного законом Дюрюи от 10 апреля 1867 года, каждая коммуна, включающая более 500 жителей, должна была содержать начальную школу для девочек. В 1863 году попытались обеспечить и среднее образование. Закон от 8 августа 1879 года создал 67 средних школ для женщин, а закон Камиля Сэ от 21 декабря 1881 года установил лицеи и подготовительные школы для женщин, за чем последовало создание Севрской Эколь Нормаль в 1883 году. Только в 1925 году французское законодательство признало принцип одинакового образования для мужчин и женщин.

В латинской Европе женское образование также превратилось в проблему в борьбе между церковью и государством. В Германии и Англии общественные начальные школы имели несколько владельцев, а средние школы и университеты находились в основном в частных руках, как и в Соединенных Штатах, хотя здесь смешанные начальные школы появились сравнительно рано. Россия сконцентрировалась на образовании для представительниц буржуазии. Когда университеты по политическим причинам оказались закрытыми для дочерей буржуа-

зии, молодые русские женщины присоединились к своим европейским подругам в Цюрихском университете. Мало кто желал, чтобы их дочери благодаря полученному образованию стали более конкуреитоспособными иа рынке труда; в любом случае такие идеи, даже когда их активно не отвергали, ие являлись осиовополагающими принципами. Некоторые особо продвинутые круги выражали сомиения по поводу разрешения женщинам доступа к участию в экзаменах и пребыванию в университетах.

Что касается трудового закоиодательства, мы должны помнить, что одно из золотых правил либерализма XIX века гласило: не вмешивайся в отношения работодателя и его подчииенного. В последией трети века, однако, Европа дошла до идеи государства всеобщего благосостояния, и иачались кампании в пользу принятия законодательства, защищающего жеищин и детей от промышленной эксплуатации. Во имя равеиства некоторые феминистки бросили вызов этим мерам, сочтя их дискриминационными; оии высказывались в пользу сохранения традиционных момеитов иедееспособиости женщин и ограничения их возможиостей в области занятости. Некоторые рабочие рассматривали жеищии как потеициальных соперниц на рынке рабочей силы. Здесь мужчииы точно так же предавали желание держать женщину дома, но в то же время они боролись со своими работодателями, которые эксплуатировали жеищии-работииц, недоплачивая им и грозясь заменить мужчин женщинами, чтобы обуздать рабочее движение. Тонны серьезиых правовых книг предоставляют нам почти математические доказательства того, что женщииам нужно меньше пищи, нежели мужчииам и что они не способны осуществлять работу вие дома, хотя их авторы полиостью были в курсе реалий женского труда. Некоторыми сторонниками протекциоииого законодательства двигала скорее благотворительность, нежели справедливость. На более поздией стадии рабочего движения (во Франции в рамках движения под иазванием «солидарность») те же протекционистские меры распространялись и на мужчии[7]. Хотя законодательство, защищающее женщин на рабочем месте, было важным, однако его существование не означало истииного равеиства. Новые законы являлись ограничеиными по природе своей: оии касались только заводов, где мы обиаруживаем «опасные классы». Крестьянство, гораздо более обширную по числеииости группу, проигнорировали наряду с работниками таких сфер, как домашний труд, ремеслеиная мастерская, крупиые оптовые склады и услужение.

---

7 N. Chambelland-Liebeault. "la Duree et l'amenagement du temps de travail des femmes de 1892 a l'aube des conventions collectives", Ll.D. diss., Nantes, 1989.

Во Франции закон от 3 июня 1874 года запрещал женщинам и детям работать под землей. Но именно закон от 2 ноября 1892 года в действительности ввел в трудовое законодательство первый вид дискриминации по признаку пола: он применил его к детям до восемнадцати лет и ко все работающим в промышленности женщинам. Тем, кто трудился в типографиях, нельзя было иметь дело с развратными текстами или картинками. Целью закона являлась организация рабочего дня по-разному для каждого пола. В интересах семьи женщинам предоставлялось «преимущество», которое впоследствии и лишило их работы в области квалифицированного труда. Им не разрешалось работать по ночам, а позднее такие законы, как от 15 июля 1908 года, ратифицировавший решения Международного Бернского конвента от 26 сентября 1906 года и закон от 22 декабря 1911 года еще более развили этот принцип.

Когда газета «Фронда» начала кампанию в пользу создания одинакового для обоих полов нового протекционистского законодательства, женщины-работницы не поддержали его, а вместо этого призвали к лучшему исполнению существовавших законов. Действительно, существовали серьезные препятствия для создания хорошего законодательства в этой области. Закон всегда разрешал исключения, обычно те, которые имели дело с ночными и сверхурочными работами, что было распространено в модной промышленности. Теоретически закон 1911 года запрещал ночной труд для женщин после десяти вечера. Но вводился закон исключительно вяло, в особенности в благотворительных мастерских, таких как Бон-Пастер, которые мало контролировались до 1902 года. Создали отряды инспекторов, мужчин и женщин, но их было слишком мало для выполнения данной работы. Более того, женщины-работницы, страшась безработицы, обещали своим работодателям не рассказывать о нарушениях, а работа, осуществляемая дома после окончания обычного рабочего дня, сводила на нет все усилия заводской инспекции. В 1892 году женские рабочие инспектора получили разрешение посещать только женские немеханизированные мастерские (хотя их полномочия были расширены в 1908 году). Закон от 2 ноября 1892 года обеспечил больше свободного времени в виде выходных и отпусков, что соответствовало более длинным каникулам, предоставленным школьникам. Закон от 13 июля 1906 года, который сделал воскресенье обязательным выходным, стал первым трудовым законом без признаков дискриминации, но все равно имел многочисленные исключения. Что же касается рабочего дня, правило, принятое в 1848 году, теоретически касалось всех взрослых рабочих: продолжительность рабочего дня изначально устанавливалась десять часов в Париже и одиннадцать часов в провинциях, но впоследствии была

увеличена до двенадцати часов для всех рабочих, с часовым перерывом на отдых. Но организация рабочего дня оказалась нарушенной, и женская зарплата в результате сократилась, ибо в целом платили по частям. Женщин — фабричных работниц — часто заменяли работающими на дому, которые законом не защищались и чей труд одобрялся их мужьями. Закон от 30 марта 1900 года, более того, укрепил подчиненность женщин своим семьям, структурировав рабочее время так, что «перерывы на отдых» можно было использовать для приготовления еды. Закон от 29 декабря 1900 года стал известен как «закон о стульях», ибо требовал, чтобы работодатели обеспечивали стульями всех женщин-работниц.

Среди других мер, которые применялись исключительно к женщинам, специального упоминания заслуживают имеющие отношение к материнству. Франция плелась в хвосте у всей Европы в области гарантии месячного отпуска по уходу за ребенком, что было рекомендовано Международной конференцией, состоявшейся в Берлине 15 марта 1890 года, поэтому французские матери с новорожденными детьми находились в стеснительных обстоятельствах. Закон от 27 ноября 1909 года, в конце концов, признал, что французская женщина не нарушает своего трудового соглашения, если берет неоплачиваемый отпуск на восемь недель до или после рождения ребенка. В 1910 и 1911 годах государство предоставило оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком школьным учительницам, арсенальным работницам и почтовым служащим. 27 марта 1913 года апелляционный суд постановил, что отпуска следует также предоставлять незамужним матерям. Но суд при этом отметил, что работодатель сохраняет за собой право отменить договор, в случае если беременность работницы угрожает навредить репутации компании. Законы от 17 июня и 30 июля 1913 года разрешили ожидающим ребенка матерям прекратить работу до родов и на четыре недели после родов даже в том случае, если они выполняют работу на дому. Только 30 июля 1915 года только что родившим матерям стали предоставлять ежедневное содержание, которое отменялось в случае выкидыша, но в любом случае было гораздо меньше текущего заработка.

Не желая изгонять женщин с рынка рабочей силы, законодательство использовало принцип защиты семьи как предлог для структурирования рабочего времени таким образом, чтобы направить женщин-работниц в «гетто», где мало кто контролировал условия труда. Эти меры создавали безработицу и поощряли дискриминацию при найме на работу. В особенности они наказывали незамужних женщин, для которых не имела смысла отговорка, что более низкая зарплата для женщин оправдывалась дополнительным характером такого заработка. Несмотря на все недостатки, данное начальное протекционное за-

конодательство сыграло большую роль в расставании с принципом, по которому государство не имеет права вмешиваться в дела частного договора.

В области профессионального труда женщина должна была сражаться за признание своего статуса в каждой области, заставляя суды и законодательство превозмогать мужское сопротивление. Приведем два примера. В 1908 году суды отказались рассматривать дело, начатое студентами-медиками, требовавшими отмены решения парижских властей по социальному обеспечению, по которому женщинам позволялось принимать участие в конкурсе на места приходящих в государственные больницы ординаторов[8]. Что касается юристов, вопрос о доступе женщин в профессию стал делом громогласного обсуждения по всей Европе. Для этого случая были мобилизованы все обычные аргументы против присутствия женщин на рабочем месте, от «природного женского *pudicitia*[9]»[10] до недостатка прозорливости и неисправимой говорливости. Привлекались любые мыслимые обвинения: женщинам недостает физической энергии, они не могут дискутировать на латыни (что вряд ли имело какое-либо значение в Америке, где женщины могли заниматься юридической практикой); судьи могут поддаваться женским уловкам, так как женщины игривы по натуре своей. Удивительно поэтому узнать, что Франция допустила женщин в юридическую профессию 1 декабря 1900 года[11]. Приводились различные прецеденты со всего мира: Россия, Япония, Румыния, Швейцария, Финляндия, Норвегия, Новая Зеландия и США, где первая женщина-юрист начала собственную практику в Айове в 1869 году, женщинам разрешили выступать в федеральных судах в 1879 году. В некоторых штатах женщины выполняли обязанности мировых судей, и во многих местах они вели протоколы судебных заседаний.

Женщины и Уголовный кодекс

В Англии мужья отвечали за преступления своих жен до 1870 года, пока женщины не обрели юридическую правоспособность. Хотя мало кто соглашался с Мишле о том, что женщины были настолько хрупкими, что их следовало бы освободить от ответственности за свои преступления, тем не менее на них не распространялись определенные положения общего права. Женщин редко приговаривали к смерти за что-то одно, а беременных женщин казнили только после родов. Во

8 Sirey 1910.3.54, C. E., 24 January 1908.
9 Скромности, целомудрия (лат.).
10 Sirey 1890.4.25, Brussels, 11 November 1889.
11 Sirey, *Lois annotees*, 1901, p. 1.

Франции Уголовный кодекс от 1791 года заменил железный ошейник лишением гражданских прав, а железные кандалы – содержанием в тюрьме. Даже при старом порядке женщин помещали в работные дома. Закон от 19 июля 1907 года, внесший поправки в закон от 27 мая 1885 года, освободил женщин-рецидивисток от ссылки в колонию (Французскую Гвиану или Новую Каледонию). В целом французские женщины вместе с несовершеннолетними и мужчинами старше семидесяти лет освобождались от тюремного заключения при применении судебного приказа (закон от 15 жерминаля IV года). Этот закон не относился к женщинам, занимавшимся торговой деятельностью, или к тем, кто был виновен в продаже или сдаче внаем собственности, которой они не владели или представляли свободной от любых долговых обязательств. Более того, вплоть до принятия закона от 17 апреля 1832 года и более общих мер от 22 июля 1867 года женщинам не разрешалось обращаться с общественными фондами, что исключало преследование по многим позициям уголовного права.

Теперь мы подходим к вопросу о проституции. Хотя ее повсеместно практиковали во многих странах, а законы запрещали свободное занятие данной профессией, особенно лицемерно к проституции относились во Франции. Со времен консульства (и относительной свободы сексуального поведения, развившейся после террора) вплоть до 1946 года проституция во Франции считалась легальной. Ее «терпели», что сильно отличается от «регулировали». Хотя она и была ограничена исключительно кругом мужчин и необходима для сохранения общественного порядка и защиты честных молодых женщин, тем не менее ей следовало заниматься тайно, вне поля зрения достойных женщин, но при этом внутри «всевидящего» надзора администрации. Получив официальной статус «публичной женщины», проститутки работали либо на себя, либо в борделе, имеющем лицензию. Правительство воздерживалось от выпуска правил по такого рода делам, где бы проститутки могли подать в суд. Профессия должна была оставаться тайной и стыдиться себя. Эта «французская система» составляла не что иное, как атаку на женский пол, который в одиночестве страдал от последствий «разврата», практиковавшегося совместно обоими полами. Даже в Англии и США, пережившими бурные кампании против проституции, не было ничего подобного французскому исключительно унизительному для женщин досконалъному регулированию. Таким образом, французы справлялись с этой проблемой в правовом ключе с исключительным лицемерием и пренебрежением. Больницы, тюрьмы, «убежища раскаявшихся» и публичные дома подлежали деспотическому контролю со стороны полиции и медицинских и религиозных властей. Легализован-

ные проститутки подвергались многочисленным формам оскорбления со стороны чиновников, которые ни перед кем не отвечали, хотя закон все еще неодобрительно относился к делам с «домами разврата», даже если они подвергались официальному регулированию[12].

В период между 1876–1884 годами рост нерегулируемой проституции, сопровождавшийся распространением публикаций о заболеваниях, передающихся половым путем, и другими часто фантастическими определениями женского сексуального поведения, вызвал волну сострадания к проституткам как к жертвам бедности и привел к серии исследований и переосмыслений в области социальной политики. В пользу уничтожения проституции было приведено огромное количество аргументов. Французская система подвергалась сомнению протестантами в Англии и Швейцарии (Женева и Ньюшатель). В Англии Акты о заразных болезнях от 1866, 1867 и 1869 гг. ввели некоторые меры регулирования посредством создания специальных округов, где проституция контролировалась официально. Джозефина Батлер вместе с другими английскими врачами и квакерами начала международную кампанию протеста, основанную на тех достижениях, которые были сделаны в Соединенных Штатах. Движение являлось борьбой за нравственность и считало своей целью исключить внебрачный секс во всех его проявлениях: между 1870 и 1879 годами было собрано около 9 667 петиций с 2 150 941 подписями[13]. В отличие от них феминистки и радикалы, в основном в Париже, взывали к свободе и правам человека в своей битве с полицией нравов и протестах против помещения проституток в тюрьму. Палата депутатов отвергала разного рода петиции. Когда объединенные левые пришли к власти в 1902 году, они озаботились состоянием здоровья женщин. Закон от 11 апреля 1908 года приказывал, чтобы проституток, не достигших 18 лет, помещали в приюты.

В конце XIX века проблема «белой работорговли» питала воспаленную фантазию газетных читателей и сильно повышала продажи газет по всему миру. В Англии и Бельгии были проведены подробные парламентские расследования. Венгерское и австрийское правительство также интересовались данной проблемой. В 1881 году торговля женщинами была официально осуждена в Женеве. В 1895 году Французский сенат одобрил законопроект, направленный против людей, втягивавших женщин в проституцию, но Палата депутатов не смогла его рассмотреть. Только Германия предприняла конкретные шаги. С 1897 года торговцы подлежали штрафам и тюремному заключению, а так-

12 Sirey 1885.1.487, *Cass.*, 8 July 1884.
13 Alain Corbin, *Les Filles de noce* (Paris: Auber Montaigne, 1978), p. 343, n. 88.

же были подписаны договоры об экстрадиции оных. Представители многих европейских наций (не участвовали только Испания и Италия) встретились на конгрессе в 1899 году с целью рассмотреть данный вопрос. Из работы данной группы стало ясно, что создавался успешно поддерживаемый прессой довольно правдоподобный миф, основанный на тревоге, рожденной в результате страха перед сексуальной свободой женщин, ксенофобией и расизмом. «Белая работорговля» и близко не приближалась к тому размаху, который представлялся людям, а многие женщины прекрасно понимали сущность «контракта», который они подписывали, перед тем как отправиться в Америку, Австралию, на Восток или в Южную Африку во время Англо-бурской войны. Только Швеция оказалась не затронутой данной торговлей. Отчет, конечно, не ставил своей целью сгладить социальный аспект проблемы или отвергнуть причины его появления. Другой конгресс, состоявшийся в Париже в 1902 году, не осудил регуляционный подход, используемый французами. 3 апреля 1903 года законодательные органы приняли закон, порицающий торговлю женщинами, только в случае если они силой, обманом или угрозами оказались втянутыми в проституцию. Международная конвенция от 4 мая 1910 года позаимствовала язык французского закона, в то время как Международное соглашение от 8 мая 1904 года, обнародованное во Франции 7 февраля 1905 года, обеспечило законодательную защиту жертвам и их репатриацию.

Виктимизация изолировала женщин. Ложное утверждение о том, что женщину изнасиловали, рассматривалось как нападки на честь женщины и как основание для денежной компенсации[14]. Французское *attentat aux moeurs* (дословно: преступление против нравственности) используется для обозначения непристойного или неподобающего поведения, означающего, что преступление совершается скорее против общественного порядка, нежели против жертвы преступления. Французский Уголовный кодекс от 1791 года выделил только два вида изнасилования: простое изнасилование (наказывалось шестью годами в кандалах) и изнасилование с отягчающими обстоятельствами (наказывалось до двенадцати лет в кандалах). Похищение малолетней девочки в возрасте до 15 лет с целью изнасилования или проституирования подлежало такому же наказанию. Уголовный кодекс 1810 года не делал различий между изнасилованием и «преступлением против добродетели, сопровождавшимся насилием», что наказывалось тюремным заключением (статья 330). Если жертве не исполнилось 15 лет, приговор мог включать в себя и какой-то период тяжелых работ или даже пожизненные

14 Sirey 1877.2.297, примечание под Bourges, 17 August, 1877.

каторжные работы, если жертва находилась в подчинении у преступника или если у преступника был сообщник (статья 332). Любой, кто способствовал проституированию несовершеннолетней в возрасте до 21 года, подлежал тюремному заключению на срок шесть месяцев и штрафу, срок также можно было увеличить до пяти лет, если обвиняемый осуществлял родительскую власть над жертвой (статьи 332–334). Закон от 28 апреля 1832 года, который оставался практически неизменным до 23 декабря 1984 года, усовершенствовал статью 331: любое «преступление против добродетели» ребенка в возрасте до 11 лет наказывалось тюремным заключением (13 лет – по закону от 13 мая 1863 года). Прежде всего закон фокусировался на изнасиловании, хотя оно так и не было определено. В понимании судов изнасилование являлось актом мужского насилия, включавшего проникновение пениса во влагалище, и судьи особо интересовались серьезностью примененного насилия, ибо всегда существовало подозрение, что женщина лгала, когда заявляла, что ее взяли силой[15]. Наказание определялось как тюремное заключение с каторжными работами, а если жертва не достигла 15 лет, то на более длительный срок.

Другая форма преступного поведения, подлежавшая особой заботе по отношению к женщинам, связана с абортами и детоубийством. Французские женщины заняли пессимистичную позицию неомальтузианского движения, которое особо процветало в конце XIX века особенно в Англии, Германии и Соединенных Штатах, то есть странах с протестантской традицией. Одной из причин стало то, что французские женщины выработали формы сотрудничества вне границ нравственности и закона. Посредством устного слова родственники, друзья и соседи обменивались информацией по поводу того, что делать и куда пойти, чтобы сохранить «честь» скомпрометированной женщины. Также передавались и методы контрацепции, особенно среди молодых женщин, которые уже родили несколько детей[16]. На рубеже веков, во время, когда многие правительства были заинтересованы в высокой рождаемости, количество абортов увеличилось, возможно, как результат распространения феминизма в народных массах[17]. Уголовный кодекс 1791 года накладывал наказание в двадцать лет в кандалах для

15 M. Bordeaux, B. Hazo, S. Lorvellec, *Qualife viol*, Report 1154 (Paris: Klincksieck, 1990), особ. pp. 1-61. О женской «психологии» по отношению к изнасилованию см., например: *Le Traite de medicine legale*, который цитируется: A. W. Bouche, *Etude sur l'adultere au point de vue penal* (Paris, 1893), p. 208.

16 E. Rosin, *La Greve des ventres* (Paris: Aubrier, 1979).

17 См.: A. MacLaren, *Sexuality and Social Order* (New York: Holmes and Meier, 1983).

любого, кто осуществит аборт. Статья 317 Уголовного кодекса 1810 года предполагала срок тюремного заключения как для акушера, так и для женщины вне зависимости от того, дала она согласие на операцию или нет. Детоубийство, которое кодекс определял как убийство новорожденного, наказывалось смертью. Соответственно, закон от 21 ноября 1901 года перевел детоубийство из разряда тяжких преступлений в мелкое, что означало, что такие дела теперь должны были слушаться не в *cours d'assises*, но магистратами в *tribunaux correctionels*18. Намерение законодательного органа, таким образом, заключалось в сокращении количества освобождений или попыток смягчения наказания по причине смертной казни. Во Франции не проводилось различия между убийством бастарда или законнорожденного ребенка, в то время как в большинстве других европейских кодексов нового времени более легкое наказание предусматривалось в том случае, когда мотивом детоубийства становилось желание спасти честь матери. В целом большинство обвиненных в этом преступлении женщин были бедными и незамужними, обычно служанками.

Семейная ловушка

В конце XIX века вопрос о гражданско-правовых полномочиях женщин больше беспокоил законодателей, писателей, драматургов и феминисток, нежели простых мужчин или женщин. По всей Европе и Америке женщины находились в законной власти своих мужей. Как могло случиться, что как только полностью дееспособная совершеннолетняя женщины выходила замуж, то она становилась неправомочной по закону, как будто она являлась несовершеннолетней или безумной? Что оправдывало роль государства в этой области права, регулировавшей отношения между индивидами? Конечно, играла определенную роль и важность, придаваемая семье как основанию социального порядка: «Именно посредством малой родины — семьи — человек связан с большой Родиной — Отечеством. Из хороших отцов, мужей и сыновей рождаются хорошие граждане»19. Во Франции невозможно

18 *Cours d'assises* – суд присяжных, *tribunaux correctionels* — уголовный трибунал (фр.).

19 Portalis. *Discours preliminaire*, in Fernet. *Recueil des travaux preparatoires du Code civil* (Paris, 1836), vol. 1, p. 522, and in *Naissance du Code civil* (Paris: Flammarion, 1989), p. 35 ff. См. также: J. Bart. "La Famille bourgeoise heritiere de la Revolution?" in M.-F. Levy, ed. *L'Enfant, la famille et la Revolution francaise* (Paris: Oliver Orban, 1989), pp. 357–372.

было обойти правила, регулировавшие брак и семью, ибо эти правила надежно закрепились в праве.

Существует разница между обладанием правом и его осуществлением: важной тонкостью закона представлялось то, что женщины имели права, которые они тем не менее неправомочны были осуществлять. Среди самых прекрасных мест правовой риторики следует вспомнить об оправдании семейной власти. Власть мужа, узнаем мы, имеет практическую цель: управление «супружеским сообществом», женой и детьми в осуществлении ими традиционных ролей. Философы конца XVIII века пытались привести эту власть с соответствии с законом природы, хотя некоторые, такие как Бурламаке, считали, что ее следует сдерживать естественной справедливостью. В отличие от него, Руссо не мог представить женщину кем-то иным, нежели иждивенкой мужчины. В этой области революционный вклад представляется сомнительным: в то время как женщин признали в качестве индивидов, а тиранию мужей упразднили, тем не менее не было установлено равенства между мужем и женой. Это французское решение проблемы оставалось в действии до момента появления новых сводов законов, которые избрали другой путь, потому что предписываемая жене роль во всех обществах патриархального типа является примерно одинаковой. Это в особенности касалось Франции, где правовая система имела смешанное происхождение, кодекс 1804 года включал в себя большие фрагменты дореволюционного обычного права, все еще бытовавшего в районе Парижа. Зависимое положение жены и ее неправомочность основывались частично на римских максимах в интерпретации юристов XVIII века, а частично на германских обычаях. Замужняя женщина (образец для всех особ женского пола) существует только внутри семьи и посредством оной. Закон везде толковался в интересах буржуазной женщины. Его целью стало регулирование поведения и собственности женщины даже после ее вступления в брак.

Подчинение целям брака

Верховенство мужа «есть оммаж, который жена воздает власти, защищающей ее»[20]. Муж на самом деле получает свое превосходство из идеи женской слабости. Взятая из римского права концепция *fragilitas* относилась не столько к природной слабости, сколько к причинам, по которым необходимо защищать несовершеннолетних. Это противоречие в законе еще более бросается в глаза, ибо верховенство

20 C. B. M. Toullier. *Le Droit civil francaise suivant l'order du Code*, 3rd edn. (Paris, 1821), vol. 1, p. 15.

мужа не было четко провозглашено. Его верховенство оправдывалось на основании того, что партнер по браку физически уязвим, от чего предположительно страдали только замужние женщины. Муж должен был «рассматриваться как суверен и абсолютный судья в вопросах семейной чести»[21].

Так, основанием для развода могло стать доказательство того, что жена заразила сифилисом своего мужа, поскольку болезнь в данном случае являлась результатом адюльтера. И наоборот, муж не подлежал осуждению, если даже он сознательно и неоднократно заражал сифилисом безупречную женщину. Подобным же образом заявления о том, что женщина утаила определенные моменты из свого прошлого, прежде чем вступить в брак (такие как беременность или занятие проституцией), могли использоваться против нее.

Долг послушания. «Муж обязан защищать свою жену, а жена обязана повиноваться своему мужу» — так звучит статья 213 Французского гражданского кодекса, — а есть и другие, еще хуже. В некоторых, таких как Норвежский, Итальянский или Германский кодексы конца XIX века, это выражено не так прямо. Повсеместно законодательство питается одной и той же идей. «Это звучит жестоко, но так сказал св. Павел, а его авторитет так же хорош, как и любой другой», — как сказал один из авторов Гражданского кодекса[22]. В странах иудо-христианской традиции, миф о творении, рассказывающий о том, что мужчину сотворили первым и о том, что женщина виновна в первородном грехе, нанес серьезный урон. Наполеон сказал, что статью 213 следует громко зачитывать на свадьбах, ибо в эпоху, когда женщины «забывают смысл своей подчиненности» важно «прямо напомнить им о повиновении, кое они обязаны осуществлять перед мужем, который должен стать властителем их судьбы»[23]. Первый консул хорошо известен своим антифеминизмом. При этом неправильно видеть в данной ремарке всего лишь заблуждение или месть тщеславного обманутого генерала. В действительности его заявление есть по-военному точная формулировка того, во что верили мужчины и с чем соглашались почти все женщины.

В принципе, женщина принимала гражданство своего мужа, если это не противоречило государственным интересам. Именно так и произошло во Франции после 1899 года, когда появились страхи по поводу

21 Sirey 1868.2.65, Paris, 3 January 1868.

22 J. de Maleville. *Analyse raisonnee de la discussion du Code civil au Conseil d'Etat*, 2nd edn. (Paris, 1807), p. 235.

23 Marcade. *Explication theorique et pratique du Code Napoleon* (Paris, 1807), vol. 1, no. 726, p. 581–582.

чистоты нации. В Англии законы по поводу «нарушений», связанных с проституцией, также ужесточились. Жена-француженка отказывалась от своего девичьего имени, хотя и не было специального закона, заставлявшего ее это сделать. После развода муж мог запретить жене использовать его фамилию: ведь он только одалживал ее ей. Но совершенно противоположным являлось правило в англоговорящих странах. В других же странах, муж и жена соединяли свои имена.

Муж наделялся благородной обязанностью постоянно бдить за поведением своей жены. «Домашний судья [должен] совмещать силу с авторитетом, так чтобы учить уважению»[24]. «Исправительные действия со стороны мужа и вспышкн его темперамента» не всегда следует осуждать, потому что «авторитет, который природа и закон дают мужу, существует с целью руководства поведением жены»[25]. Хотя английские мужья не отличались особой жестокостью, они обладали вплоть до 1870 года определенной безнаказанностью, порожденной абсолютной беспомощностью замужней женщины. В 1840 году один судья, цитируя Бэкона, позволил мужу бить свою жену и держать ее взаперти до тех пор, пока он делает это без признаков жестокости[26]. После публикации статьи «Пытки над женами в Англии» и многолетней пропаганды в журнале *English Women's Review* в 1878 году Парламент принял акт, позволявший английским женщинам подавать петицию для разрешения раздельного проживания на основании физического насилия. Статут от 1893 года включил сюда и «неоднократное насилие», которое суды интерпретировали достаточно широко, в качестве основания для развода, что очень походило на то, как французские суды обращались с *injure grave* (тяжким преступлением) или испанские суды — с *faltas* (ошибками, недостатками).

Предполагалось, что муж должен быть «информирован об общем духе разговоров и влияний» на свою жену, происходящих вне его присутствия и контроля. Обмен письмами, например, являлся «нарушением договора, видом нравственной измены», и муж мог «препятствовать независимым действиям»[27]. Он, таким образом, мог вскрывать письма, посланные или полученные его женой, и мог даже приказать почте возвращать письма ему, а не доставлять их по назначению. Если муж получал письма, предназначенные для его жены или написанные ею, посредством законных или тайных мер, он мог использовать их в слу-

---

24 Toullier. *Le Droit civil*, vol. 1, p. 96.

25 Sirey 1897.1.304, *Cass. crim.*, 2 April 1897.

26 F. Basch. "La Femme en Angleterre de l'avenement de Victoria (1837) a la Premiere Guerre mondiale," in *Histoire mondiale de la femme* (Paris: Nouvelle Librarie de France, 1966), vol. 4, p. 199.

27 Sirey 1877.2.161, Brussels, 28 April 1875.

чае бракоразводного процесса, но его жена не могла воспользоваться ими. Женщина не могла приказать слуге перехватывать почту своего мужа или использовать любую корреспонденцию между своим мужем и третьим лицом[28]. Однако во французском прецедентном праве наметилась эволюция: суды отказывались, например, рассматривать письма, написанные женщиной своей подруге, которая отдала их мужу первой женщины; такую акцию суд считал незаконной. Конфиденциальность корреспонденции также являлась большой проблемой для женщин-юристов, докторов, предпринимательниц и чиновниц. В этом отношении французское право мало общего имело с английским правом: в Англии после 1870 года переписка любой женщины считалась частным делом, потому что закон признавал ее в качестве индивидуума. Многие французские юристы считали, что такие правила подрывают власть и угрожают семейному единству[29].

Предполагалось, что муж и жена должны помогать и поддерживать друг друга. В то время как женщина обязана была повиноваться мужчине, в обязанности последнего входило обеспечение жены всем жизненно необходимым: едой, крышей над головой, одеждой, лекарствами. Это включало и карманные деньги (известные под названиями *Nedelgeld*, *epingles*, или «на булавки»). Даже после разделения имущества доход жены входил в домохозяйственные расходы. В Англии вплоть до 1857 года женщина не могла подать в суд на своего мужа за лишение ее содержания, пока брошенным женам не дали право существовать на доходы от собственности, которую в конечном итоге они получат по суду. После 1886 года мужа могли заставить платить своей отлученной жене умеренное недельное содержание. После 1895 года судам по бракоразводным процессам было дано право налагать такие алименты в случаях «постоянной жестокости» или лишения содержания. В Соединенных Штатах бытовали подобные законы. Во Франции оставление жены не подлежало уголовному наказанию вплоть до 1924 года.

Женщина обязана была жить в доме, избранном ее мужем, при условии, что он соответствовал социальному статусу семьи. Это делалось, для того чтобы позволить ей «по крайней мере поддерживать свое внешнее достоинство, даже если она была лишена внутреннего счастья»[30]. Мужчина мог воспользоваться силой, чтобы заставить жену вернуться домой. Суды выпускали бесчисленное количество приказов

28 Sirey 1881.2.54, Nimes, 6 January 1880; Sirey 1879.2.80, Rouen, 13 November 1878.

29 Sirey 1877.2.161, Brussels, 28 April 1875, note. Решение суда Луисвилля, штат Кентукки, опубликовано в: *Le Droit*, 28 September 1867.

30 Sirey 1830.1.99, *Cass.*, 20 January 1830.

о возвращении домой женщин *manu militari*[31], то есть в сопровождении байлифа, которому разрешалось вызвать вооруженную охрану, «с тем чтобы не оказаться на милости каприза жены, не говоря уже о преступлении, этом новом виде супружеского расставания, разрушительного для порядка нашей социальной организации»[32]. Судьи могли приказать наложить арест на доход женщины или даже конфисковать ее одежду на основании простого требования ее мужа, не выясняя причин. Мужу, со своей стороны, разрешалось отказать своей жене в «содержании», если она не хотела возвращаться домой. В Германии применение силы разрешалось вплоть до 1900 года, когда это действие заменили правом подавать в суд на восстановление семейной жизни. Так или иначе, мужья владели средствами принуждения, чтобы заставить своих жен жить в том доме, который они сами избирали.

Поддержание существования законной семьи. «Супружеские обязанности» разрешали мужчине использовать силу в заложенных «природой» пределах, традицию и закон, до тех пор пока это не противоречило «законным целям брака»[33]. Поэтому, если мужчина принуждал свою жену к нормальным сексуальным отношениям без использования «серьезных телесных повреждений», не было возможности обвинить его в изнасиловании, развратных действиях или непристойном поведении[34]. К концу века суды настаивали, что мужчины не должны обращаться со своими женами «как с проститутками», унижая их «неестественными контактами»[35]. На этом основании повторное использование презервативов на протяжении нескольких лет и против воли жены считалось правонарушением[36].

Чтобы гарантировать законное воспроизведение потомства, женская неверность сурово наказывалась. Закон в любом случае подозревал внебрачные связи: страстная дружба между женатым мужчиной и другим мужчиной признавалась исключительно «духовным единением», за исключением случаев, когда друг проявлял «нездоровую чувственность», «некий вид умственной истерии» и это понималось в качестве «серьезного проступка»[37]. Очевидно, закон не доверял девиантной муж-

31 Силой (лат.).
32 Sirey 1827.1.88, *Cass.*, 9 August 1826. См. также: Sirey 1808.2.196, Paris, 29 May 1808; Sirey 1812.1.414, Turin, 17 July 1810; Sirey 1840.2.291, Dijon, 25 July 1840.
33 Sirey 1834.1.578, *Cass. crim.*, 18 May 1834.
34 Sirey 1839.1.817, *Cass. crim.*, 21 November 1839.
35 Sirey 1896.2.142, Nimes, 5 June 1894.
36 Sirey 1900.2.143, Caen, 26 December 1899.
37 Sirey 1910.1.7, *Cass.*, 19 July 1909.

ской сексуальиости. Но жеиская иевериость провоцировала перспективу появления чужака в семье, подрывавшего справедливое распределеиие семейной собствеиности. Поэтому оиа иаказывалась гораздо более жестоко, иежели мужская иевериость. Только супруг мог подать в суд иа адюльтер партнера. Тем ие менее, когда адюльтер являлся осиованием для развода или разделения супругов, магистрат мог иаложить уголовиое иаказание — единственный пример во французском гражданском праве. Адюльтер практически повсеместно призиавался осиованием для закоииого разделения супругов, ио только в латинских странах его рассматривали в качестве преступления. В Германии (1900 г.), Англии, США и Скандинавии иаметилась тенденция исключения его из числа уголовио иаказуемых преступлений.

В делах по адюльтеру модель доказательства и иаказания виновиой стороны зависели от пола стороны, и муж обладал определенными правами, которых иедоставало жеие. Вплоть до 1884 года во Франции, иапример, адюльтер со стороны жены являлся единичным действием, который можио было доказывать любыми доступными средствами (включая перехваченную переписку). Но муж был виновеи в адюльтере, только если это продолжалось какой-то период времеии, а иаказаиие иалагалось только в том случае, если ои содержал свою конкубину под одиой крышей с жеиой, — в данном случае преступлеиие приравнивалось к осквериению святого места кощунственным двоежеиством. Единствеино приемлемым доказательством являлась поимка его иа месте преступления и представлеиие писем, которые каким-либо образом оказались в руках его жены. Состоялся и спор, должио ли содержание конкубины во времеии совпадать с жалобой жены. Здесь «супружеское проживание» означало строго дом, который мужчина делил со своей жеиой; если ои содержал женщину в тайиом месте, то иаказанию ие подлежал, хотя закои рассматривал такое поведеиие как «серьезное иарушеиие». Во всех латииских странах грехи мужа закоиом в расчет ие принимались, до тех пор пока оии ие давали повода к публичиому скандалу или ие сопровождались отягощающими обстоятельствами. В Англии мужчииа мог быть привлечеи за адюльтер только в том случае, если ои сопровождался двоежеиством, инцестом, «преступлеиием противоестественным», похищением или изнасилованием.

Статья 337 Французского уголовиого кодекса устанавливала тюремиое заключеиие сроком от трех месяцев до двух лет для женщин, призианных виновными в адюльтере. Хотя иа протяжении XIX века часто иалагалось максимальиое иаказание[38], в средием иаказание составляло от пяти дней до четырех месяцев в 1880 году; к 1890 году оио

38 Sirey 1829.1.205, *Cass. crim.*, 17 January 1829.

сократилось до пятнадцати дней, а к 1910 году превратилось в простой штраф[39]. Пока статья 463 Уголовного кодекса не была изменена в 1870 году, считалось, что минимальное наказание в три месяца нельзя сократить; было, к тому же, невозможно найти смягчающих обстоятельств для преступления против закона, нравственности и религии. Как и в любом преступлении, обвинитель имел полномочие оспорить наказание, если он считал его слишком мягким.

Неверный муж рисковал всего лишь штрафом в сумме от 100 до 2 000 франков (статья 339). Любовник неверной жены, пойманный на месте преступления или выведенный на чистую воду своими собственными письмами, рисковал тюремным заключением, тогда как женщина только штрафом в сумме от 100 до 2 000 франков (статья 338). В теории обвинителю не разрешалось разбирать дело, если «рогатый» муж не смог подать в суд на свою жену, но здесь существовало много споров. Более того, при отсутствии письменных доказательств многие авторы считали, что конкубину не следует наказывать. Но при начислении суммы штрафа определяли, чья честь пострадала больше, мужа, или конкубины, или обманутой жены, в случаях когда муж неверной женщины не соглашался с наказанием своей жены. Считали, что честь обманутой жены страдает больше. В отличие от нее, конкубина не подлежала оправданию в качестве «обычной неверной женщины, которая могла извинить себя совращением или каким-либо правонарушением; ее жизнь была посвящена пренебрежению своими обязанностями»[40]. «Суверенное право прощать» было делегировано обманутому мужу, который мог аннулировать наказание, забрав жену домой[41]. Но это прощение не распространялось на любовника.

В дополнение ко всем вышеуказанным проявлениям неравенства существовал и другой скандальный факт: если мужчина убивал свою жену или ее любовника, пойманных на месте преступления, в рамках «супружеского проживания» (что суды интерпретировали как проживание *de facto*), его можно было оправдать по так называемой «красной статье» Французского уголовного кодекса (статья 324). «Скорее несчастен, нежели виновен», убийца должен был подлежать только «легкому наказанию», которое хорошо сочеталось с доминирующим подходом в средиземноморских странах[42]. По Колумбийскому гражданскому кодексу от 1893 года, отец или муж также оказывались невиновными: обратим внимание на описание любовной связи у Габриэля Гарсиа Маркеса в «Истории одной смерти, о которой знали

39 Но пятнадцать дней в 1902 году: Sirey 1904.4.81, Algier, 18 July 1902.
40 Sirey 1868.1.421, *Cass. crim.*, 28 February 1868.
41 Sirey 1848.1.731..
42 *Dictionnaire Dalloz*, 1790-1835, статья *Adultere*, no. 48.

заранее». Среди европейских стран Франция сохранила это положение в своем кодексе вплоть до 1975 года[43]. В Бельгии, Италии, Испании, Португалии и Тичино (швейцарский кантон) как муж, так и жена могли воспользоваться оправдывающим убийством. Поскольку закон во многих странах запрещал состоящим в любовной связи парам вступать в брак, тот факт, что мужьям легче было доказать адюльтер, нежели женам, составляло дополнительное наказание для женщин. Это положение изъяли из французского законодательства только в 1904 году.

Родительские права. Хотя накануне Первой мировой войны освобожденная буржуазия, интеллектуалы и художники рекламировали свободную любовь, другие слои общества мало ее поддерживали. Совокуплению не было места в законе. Поскольку считалось, что жены являются верными, то презумпция отцовства склонялась в пользу законного мужа женщины. Мужчина или его наследники могли законно отречься от ребенка, но это право ограничивалось делами, где невозможность отцовства была очевидна и являлась делом общеизвестным. Отец семейства являлся, таким образом, «владельцем» любого ребенка, рожденного его женой. До 1964 года Франция и другие страны пользовались процедурой, известной как «опекунство в утробе», чьим намерением было защитить посмертно рожденного ребенка от его собственной матери. Подобным же образом мужчина мог и не отказываться от ребенка, чтобы предотвратить возможность усыновления оного и превращения его в законного после развода и повторного брака между женой и настоящим отцом ребенка. Презумпция материнства была настолько сильна, что если мужчина официально признавал ребенка, рожденного от неверной женщины, признание это считалось доказательством неверности, но не отцовства[44]. Парадоксальная ситуация стала последствием прав, данных главе семьи; хотя верно и то, что родительская власть принадлежала обоим родителям, но осуществлялась она отцом в одиночку, до тех пор пока длился брак, — еще одно еле уловимое легальное отличие. Если отец отсутствовал, находился в изгнании или оказывался лишенным прав, то его место занимала мать. Если он умирал, то она становилась законным опекуном при условии отсутствия в завещании умершего каких-либо специальных распоряжений, противоречащих вышесказанному. Во Франции, как и везде, мужчина мог назначить советника в помощь своей вдове. Француз-

---

43 M. Bordeaux. "Le Maitre l'infidele: Des relations personnelles entre mari et femme de l'ancien droit du Code civil," in I. Thery and C. Bier, eds. *La Famille, la loi, l'Etat* (Paris: Imprimerie Nationale, 1989), p. 432–446.

44 Sirey 1827.2.17, Paris, 13 March 1826. См.: J. Mulliez. "Pater is est , la source juridique de la ouissance paternelle du droit revolutionnaire au Code civil," in *La Famille, la loi, l'Etat*, p. 183–195.

ское законодательство ограничивало полномочия матери, чья власть над детьми была слабее, нежели власть их почившего отца. Если она получала опекунство после развода, отец оставлял за собой право следить за образованием детей, а его согласие было необходимо для вступления детей в брак. В Германии отец, считавшийся виновником развода, тем не менее лишался своего права управлять собственностью своих несовершеннолетних детей. В Англии до 1870 года отцовское всесилие помещало женщин в отчаянную ситуацию, у них не было прав по отношению к своим детям, и они оказывались уязвимыми по отношению к шантажу своим собственным мужем (смотрим «Барри Линдона» Теккерея). Отец обладал абсолютным правом отобрать детей у их матери и доверить их любому другому человеку по собственному желанию. Когда в 1839 году очень осторожный законопроект разрешил судье дать приказ на проведение расследования, это вызвало большой скандал.

По причине высокой ценности семьи незаконнорожденность повсеместно осуждалась. Феминистки требовали принятия уголовных и гражданских мер против мужчин, которые соблазняли молодых женщин; они также желали отмены преград к определению отцовства ребенка. В США благодаря политической деятельности женщин, которые эффективно использовали полученные политические права, совращение девушки жестоко наказывалось, а мужчина, вступивший в связь с незамужней женщиной, должен был на ней жениться. Во Франции однобокая интерпретация юридических процедур при революционном законодательстве привела к запрещению выяснения родительства во время революции. Вплоть до 1789 года, когда соблазненная женщина называла имя «отца» своего ребенка, судьи не признавали за ними полной родственной связи, а ребенок не становился членом отцовской семьи. Если существовало презумптивное доказательство отцовства, ребенок мог получить умеренный пенсион, который очень трудно было затем выбить. В течение XIX века в делах, когда доказательств отцовства было более чем достаточно, суды постепенно склонялись в пользу того, чтобы разрешить матери получить компенсацию ущерба от своего соблазнителя по статье 1382 Гражданского кодекса. К концу века стало возможным подать иск об отцовстве в большинстве европейских стран, даже в Испании. Во Франции только 16 ноября 1912 года появился новый ограничительный закон. Беременность должна была являться результатом изнасилования, похищения, преступного совокупления, неправильного истолкования[45] или очевидного превышения власти, и за ней должно следовать точное письменное признание отцовства или

45 Имеется в виду слов партнера об обещании жениться. — *Примеч. переводчик.*

ясное доказательство поддержки ребенка. Этот закон не относился к колониям (что многое говорит нам об обращении с «женами-туземками»). Иски об установлении отцовства автоматически отвергались, особенно если подвергалась сомнению нравственность матери.

Гражданская неправомочность замужней женщины. Только накануне Второй мировой войны (а во Франции в 1965 году) женщина, которая хотела работать, могла делать это, не спрашивая разрешения у своего мужа, а разрешение было необходимо «поскольку никто в мире лучше не знает уровень ее образования»[46]. Должно ли это разрешение быть ясно выраженным (как во Франции на рубеже веков) или автоматическим (от мужа требовалось подать в суд на жену, если он не хотел, чтобы она шла на работу), женщина, чей муж отказывал ей в праве на работу, могла подать прошение в суд или другую контролирующую инстанцию, чтобы одержать победу над сопротивляющимся супругом, но судьи быстро апеллировали к интересам семьи, чтобы отказать в таких просьбах. Без разрешения мужа женщина не могла сдавать экзамены, поступать в университет, открыть банковский счет, получить паспорт или водительские права или лечь в больницу, и это только малая толика. Не могла она и подать в суд. Французское законодательство зашло так далеко, что даже настаивало на том, что женщина, которая хотела аннулировать свой брак, не могла тем не менее быть освобождена от «этого акта уважения и повиновения»[47]. Женщина не могла даже подать уголовную жалобу на своего мужа. Чтобы подписать любой правовой документ, ей требовалось специальное разрешение, если только она не занималась собственным бизнесом с согласия мужа. В Италии после 1896 года мужчина мог дать своей жене общее разрешение, и женщины могли подавать в суд (но не в Испании). В Португалии с 1867 года муж и жена подписывали большинство легальных документов совместно. Если мужчина был недееспособным, лишенным прав или отсутствовал по другой причине, его жена могла действовать вместо него.

Западноевропейские страны долгое время знали только два типа патримониальных отношений между мужем и женой: практики обычного права германского происхождения, по которым вся собственность помещалась под контроль мужа, и римское право, теоретически признававшее независимость жены, но сильно ограничивавшее ее, во многих случаях лишая данную независимость смысла[48]. Законы о семейной

46 Sirey 1868.2.65, Paris, 3 January 1868.

47 Sirey 1851.1.103, Cass., 10 February 1851.

48 Nicole Arnaud-Duc. "Le Droit et les comportements, la genese du titre V du Livre III du Code civil: les regimes matrimoniaux", in *La Famille, la loi, l'Etat*, pp. 183–195.

собственности таким образом базировались на двух отличных принципах: либо совместной собственности, или (частичной или полной) раздельной собственности. Точно так же как закон различал обладание правом и его осуществлением, легальные действия делились между актами *распоряжения* (которые могли изменять ценность наследства) и актами *управления* (предназначавшимися для сохранения ценности собственности). Осуществление прав собственности означало обладание правом распоряжения или управления собственностью, получения дохода с данной собственности или даже разрушение доходного потенциала оной. В условиях системы «неделимой совместной собственности» ни один из супругов не отказывался от владения недвижимым имуществом, которым он / она обладали до брака, или унаследовали, или получили в качестве подарка после вступления в брак. Фонд совместной собственности включал доходы с движимого и недвижимого имущества, оборота ценных бумаг и заработки. В условиях системы раздельной собственности каждый супруг удерживал за собой свою собственность и принимал участие в расходах домохозяйства. Система приданого (*regime dotal*) являлась системой раздельной собственности, чьей целью стало сохранение неизменной части состояния жены на протяжении брака.

В целом супружеская пара принимала одну систему, таким образом избегая необходимости заключения брачного контракта. В рамках системы совместной собственности, принятой во Франции Кодексом Наполеона, муж становился главой семьи и получал полную власть над всей совместной собственностью (хотя его власть над дарами была ограничена). Он также управлял наследством своей жены, но мог распоряжаться ее собственностью только с ее разрешения. В Швеции и Шотландии жена имела власть распоряжаться совместной собственностью. В Италии и России (по кодексу 1833 года), так же как и в большинстве англоговорящих стран, общим правилом являлось разделение собственности.

Англия, однако, являлась исключением, и это стоит проанализировать более подробно. До 1870 года жена по общему праву лишалась своего юридического лица, которое теперь подчинялось ее мужу (*feme covert*). По словам Блэкстона, «муж и жена составляют единое целое, и целое это — муж». Муж брал на себя владение собственностью жены и не обязан был отчитываться по счетам. Но существовало также и сильно отличавшееся от общего права право справедливости, бытовавшее в судах. Женщина обладала равным правом использования своей собственности, на которую она имела полные права (раздельное пользование). Она могла расширить свои полномочия скорее посредством приобретения дополнительной собственности, подлежа-

щей, таким образом, праву справедливости, нежели ограничивая полномочия своего мужа по отношению к их совместной собственности. Бытовавшая в Европе идея о том, что женщина может осуществлять свои права только под надзором своего мужа, в Англии была неизвестна. Фемнинстки тем не менее начали мощную кампанию с целью изменить закон, поскольку право справедливости помогало только богатым. Закон о матримониальных делах от 1857 года предоставлял законное владение собственностью женщине, брошенной своим мужем или разъехавшейся с ним, под контролем так называемого охранного судебного приказа, имевшего своей целью гарантировать «предписанное разделение собственности». Французская женщина, разъехавшаяся со своим мужем, получила подобное право только в 1894 году[49]. После принятия новых законов в 1870 и 1874 годах незавнснмость наследства стала окончательной в английских семьях. В 1893 году английскне женщины получили право оставлять завещания, право, которым уже обладали женщины в большинстве других стран.

В США принципы общего права модифицировались без обращения к праву справедливости. Имевший большое значение закон штата Нью-Йорк давал замужней женщине полную власть над своей собственностью и профессиональным заработком. Друг за другом большинство штатов принимали подобные законы. Женщины обладали полными правами в условиях системы раздельной собственности. Только штаты, находившиеся под испанским или французским влиянием, прежде всего Луизиана и Квебек, сохраняли совместную собственность до некоторой степени, где бытовало обычное право Парижа в модифицированном Кодексом Наполеона виде.

В рамках системы приданого, широко используемой в Италии, Чили, Перу и Южной Франции, муж часто управлял собственностью жены. Собственность, приобретенная после брака, однако, иногда воспринималась совместной (в отличие от обычной практики); именно так и обстояло дело в Юго-Западной Франции и швейцарском кантоне Тичино. Тот факт, что приданое являлось неотчуждаемым, препятствовал коммерческим операциям. Поэтому брачные контракты или судебные приказы иногда допускали исключения от имени добродетельного управления и семейных интересов. Во Франции однако суды ухудшали дело тем, что они распространяли неотчуждаемость на движимое имущество и даже ценные бумаги. Совершенно очевидно, что Кодекс Наполеона ограничивал правомочность замужней женщины в условиях института приданого, который богатые женщи-

49 См. обсуждение данного закона в: Sirey, *Lois annotees*, 1891–1895, p. 473 (закон от 6 февраля 1893 года).

ны, в особенности из Прованса, научились умно использовать при старом порядке.

Система совместной собственности была свойственна для Швейцарии и некоторых частей Германии (Пруссии, Саксонии, Ольденбурга и Балтийских провинций). Ее официально санкционировали кодексы 1900 и 1907 годов. Муж в качестве главы семьи управлял всей собственностью и получал все доходы, но владение оставалось раздельным. Ему было необходимо одобрение жены для распоряжения той собственностью, которую она принесла с собой, и за женой оставалось полное правомочие по отношению к своей личной собственности. В случае несогласия каждый супруг мог подать жалобу в суд по попечительским делам, а с 1900 года жена могла подать на своего мужа в суд за нарушение ее прав в рамках данной системы.

По причине того, как распределялись половые роли, женщина нуждалась в необходимым средствах, для того чтобы обеспечивать ежедневные потребности своей семьи. С той целью закон даровал ей то, что называлось *мандатом* во Франции, или «представительство в силу необходимости» в Англии, полномочия поверенного, позволявшие ей представлять своего мужа и делать займы под обеспечение его собственности, так же как и их совместной собственности, в количествах, пропорциональных доходу домохозяйства, что являлось фундаментальным ограничением, позволявшем судам отвергнуть расходы, признанные чрезмерными. Муж, конечно же, мог использовать свою власть, хотя это возбуждало сложный вопрос о том, как ставить в известность третьих лиц. В действительности обычно женщина из рабочего домохозяйства распоряжалась семейным бюджетом и выдавала карманные деньги своему мужу. Но это была лишь социальная практика, но не право, даже если жены иногда и договаривались с работодателями о прямой передаче заработной платы своих мужей им в руки[50]. Закон признавал жену хранительницей семейных сбережений в слоях среднего класса. С 9 апреля 1881 года во Франции женщинам разрешили помещать деньги на сберегательные счета; понадобилось еще время, чтобы получить право снимать деньги со счета, но в конечном итоге это произошло повсеместно. Некоторые считали эти законы «феминистскими» по духу, но правительства также желали помочь сберегательным банкам, так чтобы востребовать наличные к обороту, которые иначе лежали бы в банке мертвым грузом. Та же логика относится и к программам пенсионного сбережения.

---

50 Michelle Perrot. "La Femme populaire rebelle", in Michelle Perrot, ed., *L'Histoire sans qualites* (Paris: Galilee, 1979), p. 131–132.

Феминистки настаивали на том, чтобы женщинам разрешили распоряжаться плодами своего труда. Во Франции закон от 13 июля 1907 года установил систему *biens reserves* (заработков, сбережений и полученных с них процентов)51. Эти деньги следовало использовать прежде всего для нужд домохозяйства, но женщина могла свободно потратить их по своему усмотрению, хотя ее муж мог подать жалобу в суд, если считал, что она злоупотребляет данной привилегией. К сожалению, этот статус являет собой совершенный пример ограниченности законодательства, когда оно становится логически непоследовательным. Ничего не сделали по поводу неправомочности женщин в целом, поэтому никто не спешил проводить закон в жизнь. Подобные законы появились во многих странах в конце XIX века, и более эффективно они проводились в жизнь в тех странах, где бытовал менее ограниченный подход по отношению к женским правам, чем во Франции. Италия приняла такой закон в 1865 г., а Швейцария — в 1894 г.

Женщины без мужчин

«Женщины без мужчин» — именно в таких понятиях и была сформулирована проблема. Для женщины остаться незамужней было делом исключительным, хотя количество незамужних женщин в XIX веке являлось относительно высоким. Женщина без мужа, таким образом, не представляла никакого интереса в глазах закона. Несовершеннолетние девушки зависели от своих отцов. Взрослые незамужние женщины, хотя и правомочные в области законодательства, в социальном отношении маргинализировались, за исключением редких случаев с выдающимися интеллектуалками или художницами. Жизнь незамужней женщины в целом проходила безрадостно, хотя в Соединенных Штатах некоторые незамужние женщины формировали организации, оказывавшие определенное влияние. В некоторых местах женщины, которые не выходили замуж, оставались по крайней мере под опекунством на протяжении всей своей жизни; именно так дело обстояло в Скандинавии, Германии и Швейцарии вплоть до последней трети XIX века. Когда брак распадался в результате развода или смерти (аннулирование брака было случаем крайне редким), жена получала свою правовую свободу. В католических странах на протяжении долгого времени вообще не существовало разводов, но лишь разъезд супругов, что в любом случае подразумевало большое количество брачных обязанностей, включая обязанность хранить верность, пусть это и противоречило пронаталистской политике властей.

51 Sirey, *Lois annotees*, 1906–1910, p. 597.

Развод не разрешался во Франции с 1816 до 1884 годов, в Испании, Португалии, Италии и Центральной и Южной Америке. Во всех остальных местах развод являлся законным.

Французская конституция от 1791 года секуляризировала брак и законно освободила женщин от бремени христианской традиции. Девушки, как и юноши, признавались взрослыми с 21 года и могли получить одинаковую долю состояния своих родителей; теперь женщины добились права заключать и разрывать контракт. Законодательство о разводе от 20–25 сентября 1792 года замечательно тем, что признало абсолютное равенство между мужем и женой, особенно по отношению к разводу с взаимного согласия. Но развод вскоре стал считаться угрозой семье и на практике настолько сильно ограничивался, что фактически исчез к 1975 году. Революционное законодательство признавало два условия для развода, кроме взаимного согласия: несходство характеров и специальные условия или проступки, такие как слабоумие, виновность в серьезном преступлении, насилие, жестокость, вопиющая нравственная развращенность, отсутствие более двух лет и эмиграция. Хотя не упоминается адюльтер, он подпадал под «нравственную развращенность» и «жестокость» и использовался в целом против женщин. В Гражданском кодексе сохранился только развод по взаимному согласию и признавались только следующие причины: адюльтер, насилие, жестокость и виновность в серьезном преступлении. Кодексы других стран либо указывали все возможные условия для развода, либо оставляли в ведение судьи решать, какие жалобы являются достаточно серьезным, чтобы оправдать окончание брака.

XIX век скорее отличался строгими взглядами на развод не только в области законодательной, но и с социальной точки зрения. Создавались многочисленные препятствия, а стороны обязаны были явиться в суд. В некоторых местах разведенным мужу и жене не разрешалось вступать в брак второй раз друг с другом, а неверный супруг не мог сочетаться браком со своим партнером. Женщинам запрещалось снова выходить замуж на протяжении трехсот дней либо после развода, либо после смерти мужа — мера, имевшая своей целью гарантировать легитимность их потомства.

В Италии развод был разрешен с 1796 по 1815 годы. Во Франции он стал невозможным по религиозным причинам 8 мая 1816 года. После длительной борьбы он вновь появился по закону Наке от 27 июля 1884 года. Основаниями (кроме взаимного согласия) стали те же моменты, что и по Гражданскому кодексу 1804 года, за исключением случаев адюльтера, теперь равно относившегося к обоим полам. Закон от 6 июня 1908 года позволял превратить раздельное проживание супругов,

продолжавшееся более трех лет, в развод. В Англии развод не разрешался вплоть до 1857 года; однако существовал санкционированный церковью разъезд супругов, и богатые могли заплатить за развод, осуществляемый специальным актом Парламента. Акт о разводе от 1857 года узаконил развод, и его влияние простиралось также и на бывшие английские колонии, хотя законы о разводе в Соединенных Штатах значительно разнилось от штата к штату. Во Франции прежде всего женщины обращались за разводом по причине отсутствия мужа или насилия, особенно во время революции, и позднее, после 1851 года, когда появилась бесплатная юридическая помощь (в то время законными признавались только разъезды супругов, но не развод). Развод все же оставался редким явлением. *Деревня практически не знала* развода, и происходил он в основном в среде среднего класса. Хотя развод и освобождал женщин от мужей-тиранов, но он и оставлял их в одиночестве, лишал их места в собственном обществе даже тогда, когда они получали алименты. Это был один из парадоксов ситуации, когда правовые и социальные последствия развода не соответствовали друг другу.

Можно было ожидать, что вдовы находились в более выгодном положении, нежели разведенные женщины. Хотя страдающая вдова знакома нам по литературе, реальность сильно отличалась от художественного образа. В то время как несколько богатых вдов, вероятно, проживали свои дни в деревне, держась высокомерно и гордо, а другие могли заниматься и семейным бизнесом после смерти мужа — ремесленника или купца — большинство оказывалось в стесненных обстоятельствах, под защитой, но и в узде своих собственных семей. Вдова могла внезапно оказаться в самом центре жесткой борьбы между жадными наследниками и настойчивыми кредиторами. В условиях дореволюционного французского законодательства и отдельных кодексов нового времени вдовы обладали определенными преимуществами (такими как, например, право на доход с совместной собственности или собственности своего мужа). Но Французский гражданский кодекс не заботился о правах выжившего супруга. Вплоть до 1891 года выживший супруг считался наследником имущества, оставшегося после уплаты всех долгов и налогов. Выжившая супруга имела право на пенсии чиновников и авторские гонорары по закону от 14 июля 1866 года. Вдова должна была получить «средства к существованию», жилье и одежду на три месяца и сорок дней. Она также наследовала доход с собственности своего мужа пожизненно и получала полное право собственности над оной, если не было детей.

Как замужняя женщина могла защитить себя от бесчестного и некомпетентного управления своего мужа? В целом считалось, что она

может пойти в суд или к контролирующим властям с просьбой, часто уже слишком поздно, предоставить защитные меры, такие как назначение попечителей или разделение собственности. Женщина могла наложить арест на собственность своего мужа, если закон этого не запрещал. Но такой шаг мог подорвать бизнес ее мужа. Женщине, таким образом, разрешалось снять арест в пользу покупателей собственности своего мужа или его кредиторов (законы от 23 марта 1855 года и 13 февраля 1889 года), и в результате нотариусы начали требовать, чтобы оба супруга подписывали любой контракт, затрагивавший собственность мужа. В Англии женщина могла оговорить в качестве условия «ограничение на антиципацию», чтобы предотвратить любую операцию, затрагивавшую конкретную собственность. Если брак расторгался, она могла настаивать на ликвидации совместной собственности.

Накануне Первой мировой войны новые законодательные кодексы продолжали благоволить мужу, а не жене, но они также пытались обеспечить большее правовое взаимодействие. При условии исключительной экспансии кредита, увеличивавшейся мобильности состояний, скорости, с которой осуществлялись операции с недвижимостью, и увеличении количества работающих женщин, закон не мог оставаться неизменным. Но эти изменения не влияли на бедных, а работа рассматривалась в качестве необходимости только для незамужней женщины; ибо для жен она считалась источником дополнительного дохода. С точки зрения закона проблема, по-видимому, решалась по возможности справедливо в англоговорящих странах, где собственность оставалась раздельной. Но в социальном отношении это было другое дело, ибо женщинам трудно было выжить в конкурирующем обществе, которое отказывало им в оружии, необходимом для борьбы на равных с мужчинами. В других странах, и прежде всего во Франции, проблема решалась половинчатым путем.

Внутренние противоречия государственного права очевидны. Женщины больше всего преуспели в получении политических прав в Скандинавии и бывших английских колониях, которые пошли гораздо дальше в этом направлении, нежели Англия.

Правовое положение женщины является великолепным показателем трений между обществом и правительством. Правовые споры также обнажают внутреннюю несостоятельность, отражавшую сомнения консервативных групп. Общеизвестно, что правовая подчиненность женщин шокирует в то время, когда большое количество женщин вливается в армию трудящихся на низших общественных уровнях, в то время как горстка образованных женщин пытается обнаружить доступ

в профессии, куда он был закрыт только на основании пола. Большинство женщин продолжают борьбу в своей повседневной жизни, далеко отстоящей от границ закона. В то время как многие женщины должны тяжело работать, чтобы выжить без мужа или наследства, большинство не вступают в контракт с законом, за исключением случаев, когда он определяет условия их существования. Судьбу женщин нельзя отделить от судьбы мужчин, если только на основании общего для них закона. Но право также является регулятором социальных и, таким образом, сексуальных отношений. По мере эволюции общества больше развивается и идея комплементарности, нежели идея равенства между полами. Как напоминает нам американский пример, неоднократно обруганная «матриархальная власть» есть не что иное, как последствие половой сегрегации, которая ведет во имя специфических половых ролей под прикрытием условий правового равенства к некоему виду социального неравенства, обнажающего разрушительные результаты законов о разводе с точки зрения социальной и экономической действительности.

Перевод М. Г. Муравьевой

ЧАСТЬ II

Создание женщин, реальность и воображение

Женщины как творцы и творения

Женевьева Фрес и Мишель Перро

В данном контексте понятие «создание» будет использоваться в двух смыслах: пассивном (как женщины создаются), и активном (что женщины создают). Говоря иными словами, женщины являются не просто агентами воспроизводства, но одновременно субъектами и объектами оного. Они не только творения, но и творцы, постоянно оказывающие влияние на формирующие их процессы.

На протяжении всего XIX столетия женщины «фабриковались» при помощи религиозных заповедей и обрядов, равно как и система образования, которая заинтересована была скорее в хорошем воспитании, нежели в хорошем образовании. Процесс обучения концентрировался вокруг практических знаний, этикета, учтивости в общении и искусства преподнесения себя в обществе. Окончательная «отделка» юных дам оставалась неизменной, ее содержание диктовалось обязанностями жены, матери и домохозяйки, о которых неустанно в унисон твердили проповедники, философы, моралисты и государственные мужи. Официальное школьное образование было менее предсказуемым, поскольку учебный план зависел от общего уровня культуры, к которому женщины должны были приспосабливаться, а также от политических альтернатив, отличавшихся в зависимости от места и времени.

XIX век, будучи великой эпохой педагогики, научился ценить силу образования и роль семьи в целом и матерей в частности в деле воспитания детей. Быстро увеличивалось число различных теорий и образовательных программ для молодых женщин. Повсеместно возникали средние школы, пансионы и курсы. Иногда школы для девочек конкурировали друг с другом, но тем не менее они оставались исключительно женскими, поскольку общество твердо было уверено в том,

что женщинам необходимо раздельное обучение. Несмотря на то что прогресс в распространении грамотности среди женщин приостановился после революции, спустя некоторое время он достиг значительных успехов. Первоначально обучение девочек носило частный и главным образом религиозный характер, однако впоследствии оно стало предметом общественной заботы, по крайней мере в таких странах, как Франция и Бельгия, где постепенно на передний план выдвигается светская модель образования, которая учитывала женские достижения. Наиболее интересным последствием этого стал акцент на более строгую систему правил женского поведения: «добродетель» заняла место Бога.

В Европе с ее растущими националистическими устремлениями женское образоваине стало вопросом религиозным, политическим и этническим. На всем континенте, от Афин до Будапешта, от Австро-Венгерской империи до царской России (которая, кстати говоря, была первой страной, открывшей двери своих университетов для женщин) вызвавшие острую полемику реформы привели к разработке новых учебных планов, стандартов высшего образования и расширению списка изучаемых предметов. Вместе с тем осуществление реформ иногда затруднялось периодически возникавшими опасениями, что чересчур образованные женщины забросят домашний очаг и станут соперничать с мужчинами. Границы знаний (как институциоиальные, так и теоретические) сместились, но так никогда и ие исчезли.

Поскольку XIX век призиавал власть образов, потворствовавших иеповииовению и подражанию женщииам, на которых смотрели, как иа иервных и легковозбудимых созданий, было отказано в полном доступе к печатной культуре. Битва за книги велась еще с эпохи Ренессанса. Тем ие меиее мы должны учитывать определенные культурные отличия. Протестанты демонстрировали гораздо большую непоколебимость в своих суждениях о женщинах, нежели католики. Таким образом, в тех странах, где властвовала Реформация, женщины оказались более передовыми, чем в какой-либо иной стране. Во Франции протестанты сыграли хорошо известную роль в создании модели светской образовательной системы. Религиозные и мирские власти боролись за право определять, что женщинам следует разрешить читать: иекоторым жанрам они дали свое благословение; они давали советы и составляли сборники «благонравных книг» и газет для женщин, и мы должны признать, что в целом они способствовали расширению жеиского кругозора.

Они оказали влияние и на возрастные различия: маленькие девочки, девочки-подростки, юные леди и молодые замужние женщины — все они были различными группами, которые надо было формовать и дисциплинировать, причем «формовка» может иметь и позитивную

коннотацию, означая бóльшую осведомленность об окружающем мире. Поскольку занятие переводами рассматривалось в качестве женской работы, то женщины изучили иностранные языки и культуры других стран, являясь для последних своего рода посредниками. Кроме того, поскольку считалось, что женщинам больше подобает писать книги о странствиях, нежели пробовать свои силы в романе, то многие из женщин ощутили потребность в путешествиях. Сверх того, в качестве секретарш «великих мужчин» они пробили себе дорогу в творческие круги.

Таким образом, они были способны извлекать выгоду и удовольствие из того, что было им дано (или оставлено), и в конечном итоге они сами стали создавать знание. Мы должны уделять пристальное внимание отклонениям и умеренным формам приспособления, посредством которых угнетенные люди предъявляют свои права на слова и вещи, ибо без восприимчивости к подобным вещам невозможно написание гендерно-сознательной истории культурных практик. Если мы надеемся создать образ «читательницы», чьи мысли представляли собой смесь религиозных видений, семейных мечтаний и эротических фантазий, то мы должны понять, как и что женщины читали. Мы должны понять, как женщины становились писательницами и что они писали. Часто это были письма (в эпоху, когда переписка считалась основополагающим средством общения), но иногда и книги. Мы должны понять, как женщины становились художницами, и что они создавали. В то время как музыка, этот язык богов, оставалась в основном вне пределов досягаемости творческих женщин, некоторые из них прекрасно владели кистью в качестве иллюстраторов, рисовальщиков и даже талантливых художников, выставлявших свои работы (некоторые из которых являли собой настоящие шедевры) на всеобщее обозрение. Между тем возникавшие на творческом пути препятствия были настолько труднопреодолимыми, что, если случалось немыслимое, и по-настоящему «великая» художница или писательница появлялась на сцене, ее, вероятнее всего, классифицировали бы как жанровую художницу (Берта Морисо как «детская художница», Жорж Санд как «сельская писательница»), либо же осудили, или даже посадили в тюрьму (Камилла Клодель). Гениальность, будь она божественным или биологическим таинством, могла быть только мужского рода.

В любом случае амбиции, делавшие несчастными мужчин, превращали в несчастных существ и женщин, быть может, даже в еще большей степени. Не был ли женский гений нацелен на иную жизнь — жить в гармонии и единении? Некоторые так и думали, и они были в числе величайших умов своего времени. Безусловно, препятствия на творческом пути частично были обусловлены признанием женщина-

ми своей обособленной роли и основанных на ней репрезентаций как в символическом порядке, который определяет подобную обособленность, так и в лингвистическом порядке, который делает возможным ее выражение.

Перевод И. А. Школьникова

5

Идолопоклонство в искусстве и литературе

Стефан Мишо

Никогда о женщииах ие говорили так миого, как в XIX веке. Поражая даже самые светлые умы, эта тема стала повсеместной: в катехизисе, правовых актах, пособиях по этикету, философскнх трудах, медицинских текстах, теологических трактатах и, коиечио же, в литературе. Было ли когда-нибудь, до или после того, столь миого закоиодательных действнй, догм или просто фантазий о женщинах? Прогрессивиая Французская революция прославила женщину как «божество, хранящее домашний очаг», в то время как католическая церковь, используя свои иесметные богатства, утвердила в качестве элемента вероучеиия идею иепорочиого зачатия. 8 декабря 1854 года папа Пий IX торжественно объявил, что Богоматерь Мария, едннственная из Божьих созданий, избежала первородного греха. Этот шаг приблизил церковь к светскому государству, и сближенне двух ииститутов по прннципу антагоннстичиых друг другу поистине удивляет. Призиаки этого сближения можно обиаружить еще раньше иа республиканских гравюрах, изображавших богиню Разума в облике Мадонны, позаимствованном из итальянского Реиессанса, или на портретах, где женщин рисовали с четырьмя грудями, символизировавшими четыре времени года. Какая сила победила идеологию и убрала женщину из областн реальиостн? И хотя современникн иастойчиво утверждали, что это была Природа, мы ие можем верить им иа слово. Нет, это была сила *образа*. Женщины во всех тогдашних репрезеитациях — *продукт воображения*. В XIX веке женщина была идолом.

Культ образа

Если литература и искусства играли главную роль в трансформации женщины, возможно, ни одна литература, кроме произведений XIX века, не уделила столько внимания мощи, обольстительному потенциалу и автономии образа. Образы могут грозить изменением личности или влиять на поведение. От романтической Германии до Англии Оскара Уайльда, через Францию Оффенбаха и Вилье де Лиль-Адана в 1880-х гг. этот век изобилует историями об опасной силе обманчивого образа. Материальные или нематериальные образы были чем угодно, только не бессодержательными. Они говорили человеку о его желаниях и его неспособности достичь объекта этого желания. Горе тому, кто осмеливался забыть эту истину. Петер Шлемель заплатил бесконечными блужданиями за то, что избавился от собственной тени, а Дориан Грей отдал душу за то, что присвоил неизменную красоту собственного портрета. Более частой, но не менее острой была трагедия женской куклы, или статуи, чья иллюзорная прелесть каким-то образом провоцировала смерть. «Сказки» Гофмана лирического периода рассказывают об этом особенно поучительно. Как мог образ не возыметь того мощного психологического воздействия в столетии, которое открылось богатым торжеством воображения, являвшегося важнейшим даром художника и источником его священной ауры? Если верить Гете и Новалису, Кольриджу и Бодлеру, воображение — это королевский дар, который воспламеняет и выражает все: оно возвеличивает художника до уровня демиурга, способного слышать гармонии сфер и симфонии чувств. В английском и немецком языках делается различие между воображением и фантазией, *imagination* и *fancy*, *Einbildungskraft* и *Fantasie*, хотя никакими словами невозможно адекватно описать этот самый легкий путь в бесконечность. И Фрейд в своем «Толковании сновидений» учит нас, что бессознательная энергия, которая тайно течет в наших душах, питается из примитивного резервуара образов (*Wunschbild*, или *Urfantasie*), без которого мы не имели бы доступа к загадке собственного бытия.

Однако, по правде говоря, имеет ли смысл описывать предлагавшиеся обществом модели в виде образов? Жизненные явления, так или иначе, были низведены до положения застывшей репрезентации. Столь жестока была тирания, сведшая бесконечные возможности образа к рабской зависимости от факта, и столь циничен был фокус с возведением женщин на пьедестал, чтобы добиться их согласия на собственное подчинение, что вся энергия образа оказалась истраченной на глупое уравнение, которое мужчины в своем самодовольстве всегда стремились утвердить: женщина *равноценна* Мадонне, ангелу

или демону. Главным образом Мадонне: совершенство полотен Рафаэля, восхищавших всю Европу, окружали Мать и Дитя аурой чувственной завершенности: женщина нашла свое высшее предназначение в демонстрации спектакля собственного материнства. Воспеваемые в роли матерей в стенах своего дома женщины расплачивались за Реставрацию. Революция сумела низвергнуть короля и изобрести *citoyen*, но не *citoyenne*. Уроки церкви были еще показательнее. С момента наступления Контрреформации, возвышение Девы Марии стало воинственным жестом; оно означало желание вернуть потерянную территорию, отказ пойти на компромисс со светским миром. Решение объявить Непорочное Зачатие, принятое по зрелому размышлению, явилось во многих смыслах «информационным переворотом». Пий IX переживал утрату престижа из-за растущего религиозного равнодушия и утрату политической власти из-за волнений, связанных с объединением Италии — на некоторое время он был изгнан из своих папских владений. В тот момент папа восстановил блеск своего герба, соперничая с великолепием барокко: возвышение Марии должно было послужить Ее Сыну и святой церкви. Символическая женщина превратилась в награду и инструмент в борьбе за власть. Она вытеснила женщин из их собственных жизней.

Спокойный прагматический подход к «женскому вопросу» был невозможен. Эта тревога говорит нам очень много о слабости самой доктрины. Когда Олимпия де Гуж, Мэри Уолстонкрафт и Флора Тристан предположили, что человеческая природа выходит за пределы различия между полами, их мощные голоса ничего не означали перед лицом установленного порядка, который ревниво держался за свои привилегии. «Давайте рассматривать женщин с высоких позиций человеческих существ, которые наравне с мужчинам оказались на Земле, чтобы раскрыть свои способности», — призывала Мэри Уолстонкрафт в своей книге «Обоснование прав женщин» (1792). Призыв не возымел эффекта, но сохранил способность возмущать в течение всего столетия. Женщина стала молчаливым божеством, сотворенным мужчиной; ей могли позволить получить свободу. Бальзак сказал это недвусмысленно: «Женщина — рабыня, которую мы, если умны, должны суметь возвести на трон».

Общество избрало свой путь. Используя все свое влияние, чтобы препятствовать эмансипации, глухое в те времена к голосам, зазвучавшим в 1789, 1848 и 1870-х гг., когда женщины вышли на улицы и взобрались на баррикады, оно набросило вуаль поэзии на стратегию репрессий, успешно поддержанную такими уважаемыми институтами, как медицина, закон и религия. Все они приняли на себя одну и ту же пасторскую миссию: защитить женщин в их слабости.

Литература влияла на общественное воображение, но сознание собственной власти позволяло ей отстраниться от общества, которое оставалось глухим к реальной жизни. Как Бодлер, который признался в своем дневнике, что тайный мотив его творчества «возвеличивать культ образов (моя величайшая, моя единственная, моя примитивная страсть)», его современники понимали, что часть литературы осваивала область нереального. «Самое важное (и наиболее трудное) в искусстве», по мнению Флобера, признанного лидера целого поколения писателей-реалистов и натуралистов, — «это стимулировать мечты». Для этого литературного мистика спасение заключается в возрождении искрящейся мощи слова, чтобы оно, подобно крылатой стреле, могло поражать сознание до самых основ бытия. Литература, которая выбрала своим объектом *несуществующую* женщину — этот в высшей степени чувствительный и, несомненно, определенный символ, в который мужчины вопреки себе облекли свои противоречия и мечты, — привнес движение в ранее статичный мир. Разумеется, в этой роли литература была неизменно маскулинной, усугубляя внутреннее изгнание женщины. Скованная тенетами мечты желанная возлюбленная вместила в себя все волшебство, все метаморфозы. Она поднимала его самомнение, кристаллизовала его детские мечты и самые дикие взрослые желания, ввела в действие закон, так глубоко прочувствованный Мадам де Сталь: «страсти привязываются со всей силой только к объектам, которые потеряны». Литература XIX века оказалась способной найти ключи к самым древним мечтам, потому что признавала их тем, чем они были, — мечтами. Она повернула жизнь к тайне ее происхождения.

Идеализация имела другой аспект: взгляда — порой самого холодного — было достаточно, чтобы поднять проблемы, с которыми общество не спешило разбираться, а трансформировало их в доказательства неизбежности судьбы. Разоблачение или демонстрация не только жестокой вездесущности мужского желания, но и женской свободы и тех преград, от которых эта свобода потерпела неудачу, вело к открытию пространства ясности, взаимопонимания, даже нежности, где у женщин было свое место рядом с мужчинами, даже если им приходилось отстаивать эту территорию пядь за пядью, — а энергия, затраченная на аргументы в свою защиту, лишала их жизненных сил для развития.

Так зеркало литературы, которое обнаруживает за собой художника, чья «рамка» определяет, что считать реальностью, таким образом, предполагало наличие некоей непреложной истины, которую иные хотели бы оставить втайне. Эта литература открыла обществу больше знаний о самом себе, чем в любой другой период. И не только из-за резкого увеличения читательской публики, расширения образо-

вательных возможностей и широкой доступности печатного слова. Более важным изменением стало осознание писателями, что они могут управлять миром всего лишь с помощью творческой мощи языка. Их свобода бросала вызов обществу, разоблачая его жалкие уловки, извлекая непроизвольные гримасы под аккуратно прилаженной маской. И попытки общества справиться с этим вторжением остались жалкими или неэффективными. Художников обвиняли в аморальности, чтобы дискредитировать их, но гения нельзя приручить. Когда искусство нельзя приручить, скандал становится неизбежен. Флобер и Бодлер стали тому примером во Франции времен Второй империи, и по их следам начиная с 1880 г. целое поколение повело атаку на ханжество общества по всему континенту, от Стокгольма до Лондона, Парижа, Мадрида и Вены.

В 1793 году Блейк начертал на портале наступающего века дерзкое обвинение: «Тюрьмы стоят на скрижалях Закона, блудилище – на догматах Веры»[1]. Он бичевал несвободу и низвержение любви, лживость сексуальных отношений. Поистине не будет преувеличением сравнить его высказывание со знаменитым восклицанием Флобера: “Madame Bovary, c’est moi”. Это верно, смысл заявления остается неясным, и неудачный конец романа очевиден. Тем не менее мадам Бовари, виновная в измене и лишившаяся иллюзий, все равно выше той низости, которая погубила ее.

Однако только в последние годы критика начала обнажать серьезное недоверие, проявившееся в литературе. Литература благословила систему обманов и миражей; она расставила ловушки, особенно опасные еще и потому, что они были хитро сконструированы. Кто может сказать, какой урон был нанесен преобладавшим в том веке образом женщины-ангела или Мадонны? И в то же время почему героини XIX века все еще способны трогать наши чувства, несмотря на радикальное изменение нравов? Почему они так часто появляются на наших экранах? Возможно, потому, что они хотят счастья, но полны противоречий и вынуждены бороться с судьбой. Понимая неделимость свободы, мы не чужды их устремлениям.

Жалкие иллюзорные компромиссы буржуазной морали нередко трансформировались с помощью чар лирической драмы. Самый яркий пример – «Травиата» Верди, который сделал святой трогательную проститутку, созданную несколькими годами раньше Александром Дюма-сыном в «Даме с камелиями». Сценарий искупления через любовь, столь распространенный в театре того периода, вновь сотворил волшебство, но уже благодаря неправдоподобной готовности грешной

---

[1] Уильям Блейк. Бракосочетание Неба и Ада. Притчи Ада.

дамы подчиниться законам семьи. В сознании Виолетты, просветленном откровениями отца и возлюбленного, возникает потребность в самопожертвовании. Жертва куртизанки на алтарь семьи и рода торжественно узаконивает ее искупление. «Она в раю», — победно распевает хор в финале.

Трудно представить более подходящий ответ на ожидания аудитории, любящей удовольствие и порядок, той публики, которой непрестанно предлагали мифическое решение одной из самых острых проблем великой индустриальной эры, тем, кто были равнодушны к судьбам легионов истребляемых ими людей, равнодушны, по меньшей мере до тех пор, пока не возникала угроза их стабильности. Совращенная невинность (возможно, слепленная по образу Маргариты из «Фауста» Гуно) и кровожадная соблазнительница (Саломея Штрауса, честно скопированная с драматического персонажа Оскара Уайльда) выстраивались перед зрителями, покорные или опасные, в зависимости от сюжета, но в любом случае были точным отражением мужских фантазий.

В те времена царем и богом был Вагнер. Его доминирующее влияние исходило не только из новизны музыкального стиля. «Вагнер — это невроз», — заметил как-то Ницше. Его музыка, по мнению Томаса Манна, имела эффект «театрального Лурда» [2]. Его герои стали образцовыми: ангелы или ведьмы, задрапированные в громоздкие мифологические наряды и приводимые в движение трюками зловещей музыки. Сколько приходилось на каждую Брюнгильду, воинственную деву, которая отказывается от бессмертия, становится женщиной и, рискуя быть преданной и отвергнутой, следует за Зигфридом в его земных мытарствах, Сент, Елизавет и Кундрий, готовых слепо и без оглядки спасти или совратить мужчину? Изольда, наверное, самая благородная из всех возлюбленных в драме, где весь мир заключен в двух восторженных душах.

Все эти сюжеты формировались из мужского желания. Самоопьянение романтической страсти и морализаторство мифа дают нам меньше понимания реальной жизни женщин, чем голоса разочарования, прозвучавшие в произведениях начала века. Счастье, под которым я понимаю самореализацию и личные достижения, а не его подобие, которое якобы достигается через самоотречение и верное служение другим, оставалось недоступным для женщин. Но какое переживание может быть более личным, чем поиски счастья? Оно мобилизовало мириады ресурсов женского духа. Даже поражение, как после ярост-

---

[2] Знаменитое место паломничества в Южной Франции, где в 1858 году четырнадцатилетней Бернадетте явилась Дева Мария, а затем стали происходить чудесные исцеления. — *Примеч. редактора.*

ного сопротивления, так и принятое с молчаливой покорностью, оказывается огромным полем для исследования. Когда победа зависит от установленного порядка, когда ее можно добиться только с помощью подлых интриг, тогда поражение может быть знаком выдающейся судьбы. Поэтому романы рассматривали поражение во всех его видах, пусть даже голос пессимизма в конце века звучал более мрачно, дискредитируя оба пола и описывая отсутствие контакта между ними как неизменное явление.

Хотя целостность этого периода увидеть несложно (и проще всего очертить его бурными событиями 1789-го и 1914-го, чем последовательной хронологией лет, делящихся ровно на сто), все же попытка описать литературные образы и репрезентации западного мира за такой период времени рискованна, особенно если не хочется произвольно отделять литературу от окружающих ее и сопряженных с ней искусств. Такое предприятие противоречит традиционной системе категоризации истории литературы; исследователи справедливо опасаются широких обобщений подобного рода и определенно не привыкли иметь дело с радикальной постановкой вопросов со стороны женщин. Эта эпоха изобилует противоречиями, многие из которых еще существуют, хорошо это или плохо, и у нас слишком мало твердой почвы под ногами, чтобы исследовать их. Понятие прогресса, которое усыпило критические способности эпохи, нам не поможет. И напротив, страхи, не знавшие национальных границ и не имевшие представления о литературных школах, имеют свою историю. Они формируют тонкую и неизменную среду, из нее выделились некоторые модели, с которых рисовались портреты женщин. Другие нравы, связанные с социальными и политическими изменениями, играют решающую роль. Конец века был объят трепетом, открыв новую сексуальную энергию, тогда как презрение к телу (которое исходило якобы от христианства, но скорее позаимствовано из традиции стоиков и гностиков) жестко ограничивало возможность ее проявления в начальный период.

Пытаясь понять то время, можем ли мы распознать порою четкие различия между поколениями или уважать особенности разных языков (и диалектов), от которых зависит «внешний вид» литературных персонажей? Теодор Фонтане родом из Бранденбурга, Харди — с деревенского Юга Англии, есть также нюансы, отличающие Америку от Европы (даже от английской Европы), которые определяют мучения персонажей Генри Джеймса. Единственный способ — это держаться как можно ближе к жизни, отвергать любую заведомую теорию, пытаться определять силовые линии и пути их взаимодействия и (кто знает?), возможно, подпасть под очарование одной из этих воображаемых женщин.

Первенство воображаемой женщины

Женщины – это серебряные чаши, которые мы наполняем золотыми яблоками. Мое представление о женщинах почерпнуто не из житейского опыта, оно у меня либо врожденное, либо бог весть каким образом возникло во мне.
Гете Экерману, 22 октября 1828 г.

Женщина входит в наши грезы, то окутывая их глубоким мраком, то озаряя ярким светом.
Она духовно присутствует в воображении, которое благословляет плодами.
Бодлер. Искусственный рай (1861),
Включено Бретоном и Элюаром в Dictionnaire abrégé de surréalisme (1938).

Когда Руссо в эпоху Просвещения выдернул женщин из мириады жизненных обстоятельств и ситуаций и поместил их в эмпиреи воображения, он стал первым, кто примерил на себе, насколько опасно потеряться в собственных мечтах. В результате, подпав под обаяние литературиой героини, которую создал в «Новой Элоизе» (1761), кудесник, восхищенный Юлией, которую он наделил всем тем, что его сердце считало совершенным, на миг сам возмечтал, что она пришла к нему в виде мадам Д'Удето. За эту милую фантазию ему пришлось жестоко поплатиться. В каком-то смысле ои повторил приключение из «Эмиля». Жан-Жак, покоренный прелестью Софи, женского двойника Эмиля в этом пространном трактате об образовании, потерял сдержанность учительских манер. Он не только устроил заговор с целью обеспечить замужество Софи, но выступал от ее имени и прославлял ее совершенства. Философ, таким образом, обнаружил, какую власть имеют иад ним образы. Женщина для него изначально представляла собой образ: она притягивала мужскую эиергию, как магнит. Она была одновременно и причиной вырождения общества и средством для его оздоровления.

Перечисляя все противоречия, которые вызывает в воображенни идея счастья, взрыв лирического красиоречия Сеи-Пре, подобио светлячку, бросает мерцающий свет иа женские чары:

«Женщины! Женщины! Создания милые и роковые, коих природа одарила прелестью нам иа мучение, вы караете тех, кто вам бросает вызов, и преследуете тех, кто вас страшится, ваша ненависть и любовь равио для иас опасны, и нам нельзя безиаказанно ни искать вашего внимания, ни бежать от вас! Красота, обаяние, привлекательиость,

прелесть, существо реальное или непостижимая химера, бездна скорби и наслаждений! Красота, более грозная для смертных, нежели стихия, из которой ты родилась. Горе тому, кто доверится твоему обманчивому спокойствию! Ведь это ты вызываешь бури, терзающие род человеческий»[3].

Смогло ли красноречие этой страсти обмануть читателя по поводу необычного плана, описанного в романе и, к счастью, не реализовавшегося из-за смерти Юлии? Она умирает, не успев честно признаться себе в иллюзорности того, что любовь может основываться на принципе духовной близости, находясь под опекой добродетели. Несмотря на то что «Новая Элоиза» оставила открытым вопрос о верховенстве духовности в жизни и счастье, которую Руссо, вопреки своему веку, признавал за женщинами, он также открыл путь фантазиям, которые будут пленять читателей вплоть до времен сюрреалистов. Это влияние коварно, в особенности потому, что идеи Руссо благодаря их размаху и притягательности, их концептуальной и музыкальной мощи, открыли целый новый мир. Болезнь человечества зашла слишком далеко, заявлял он, она влияет на саму жизнь. Ответственность должна быть возложена на общество, состояние которого есть результат отхода от законов природы. Следовательно, любое лекарство против этой болезни должно воздействовать на самый источник бытия. Поскольку невозможно вернуться к природному состоянию, реставрация потребует постройки на основании устойчивых ценностей. И какое же более мощное средство есть у нас, кроме женственности? Женщина — это нечто большее, чем «противоядие в самом яде» (выражение Жана Старобински). Она спасительное Другое (полностью заслуживающее заглавной буквы): в Женщине заложена надежда на спасение. И даже в нашем веке Андре Бретон мог написать, что она «воплощает высшую надежду человечества и, по словам Гете, хочет быть краеугольным камнем всего строения».

И даже с уходом романтизма в прошлое, эпоха продолжала жить романтическими иллюзиями, поскольку иная сущность женщины являлась абсолютным изобретением, мужским конструктом. Руссо не скрывал этого факта, когда в «Эмиле» разработал теорию о подчиненности женщины природе и консервативным инстинктам общества. Он, таким образом, дал своим последователям в руки опасное оружие, которым те не замедлили воспользоваться. Только мужчины могли раскрыть настоящую природу женщины: «Ева, кто ты? Ты действительно знаешь собственную натуру?» — спросил свою подругу Альфред де Виньи в «Доме пастуха» (1844). Но открыть женщину самой себе означало,

[3] Перевод Н. Немчиновой и А. Худадовой. Цит. по: Руссо, Жан-Жак. Юлия, или Новая Элоиза. М., 1968. С. 637.

в сущности, изобрести ее, создать ее (желательно покорной и по-детски невинной), даже защищать ее от темных сил в ней самой (слабость, аморальность, истерия). Бодлер знал это лучше, чем кто-либо, когда сказал, что «женщина естественна, то есть омерзительна». Она едва отличается от обезьяны! Но когда ее покрывали драгоценности, духи и косметика, происходила полная трансформация. Даже ее глупость вызывала желание поклоняться. Таким образом, лишенная собственной сущности, женщина скинула невыносимую ношу бытия и вернула поэта в рай его собственных грез. Рассказ Бодлера *"La Fanfarlo"* («Фанфарло», 1847) — хорошая тому иллюстрация: даже когда влюбленный добивается обладания своей возлюбленной, танцовщицей, неподражаемой в своей импульсивности, он просит ее вернуться в театр за платьем, в котором она появилась на сцене несколько часов назад, и напоминает ей захватить сценические румяна. Для нашего денди предмет любви был всего лишь образом, объектом искусства.

Поэзия использовала эти средства, чтобы погружаться в глубины человеческой природы, это были эксцентричные изыскания, даже болезненные, но в них женщины становилась чем-то менее посредственным, чем обычная спутница мужчины. Порой весьма жестокая, она бежала при любой попытке удержать ее, символ непреходящей вечности — пучина Зла или знак непредсказуемости жизни. Мужское желание, непрестанно возрождавшее мечту о женщине как отражении самого себя (будь то фантазия или игрушка), сгорало в пламени, к которому никогда не могло прикоснуться. Величайшие художники не довольствовались только поношениями самодовольства общества. Мне хочется сказать здесь, что именно отчаянное осознание литературой насущной потребности в искусственности подняло ее на новые высоты с богохульным пиететом к необузданной свободе: Кем был бы Бодлер, например, без догмы о первородном грехе, навсегда загнавшей его в ловушку нечистой совести?

Но это была игра, в которой женщины в лучшем случае являлись поводом и всегда жертвой. В таких условиях как могли женщины из плоти и крови не оказаться в проигрыше? Бодлер, который после ночи любви одарил мадам Сабатье циклом мистических сонетов, отверг ее такими словами: «Несколько дней назад ты была богиней. / Теперь ты женщина вновь». Падение было неожиданным и необратимым, вряд ли его смягчило предупреждение, которое он сделал, все еще любя ее: «Я эгоистичный человек; я просто тебя использую».

Однако именно ценой таких крайних экспериментов эпоха совершила революционный прорыв в самых разнообразных сферах мышления и творчества: ибо, если благодаря Гёльдерлину поэзия стала критическим самосознанием века и, по словам его друга Гегеля, «учительницей человечества» (*"Lehrerin der Menschheit"*) и если через Бодлера и Нерва-

ля она нарушила прежде нерушимые границы, это было сделано через поклонение высшему идеалу женствениости, чистому образу, тождественному самой поэзии. Старое общество судорожно искало культов для поклонения, несмотря на то что уже возникало новое общество, чья уверенность была подорвана крахом древних цениостей.

Даже роман, великие мастера которого (такие как Бальзак, Диккенс и Золя, взятые наугад) поставили себе целью описание социальной действительности (временами соперничая с учеными в холодной точиости), попали в когти демонов эпохи. Диккенс — это крайний случай, доказательство того, до какой степени точное ви́дение общественных язв является талантом, отдельным от способности изображать женщин. Хотя Диккенс превосходно рисовал социальные панорамы, его женские портреты немыслимо стереотипны. Наряду со многими Бальзак содрогался при мысли, что может существовать такое чудовище, как женщина-писательница: она пошла бы против законов природы и ужасала бы как нечто «девственное и дикое». Обозначая свою дистанцированность от библейских персонажей, он добавил: «Сильные женщины должны быть только символом; в действительности встречаться с ними страшно».

Мучившие теологов и их светских последователей (таких как Прудон) кошмары от одного только предположения, что женщина может не полностью подчиняться мужчине, посещали также и братьев Гонкуров, хотя в описании женщин они открывали новую территорию. Фактически Гонкуры нарушили одно из последних литературных табу, предоставив место в прозе падшим женщинам, таким как героиня «Жермини Ласерте» (1865), незамужняя матерь, которая становится жертвой «побочной истерии» и умирает от туберкулеза; криминальным проституткам, подобным героине из романа «Девица Элиза» (1877), сломленной бесчеловечным режимом молчания в женской тюрьме и впавшей в состояние идиотической болтливости, что приводит ее к смерти. Братья являлись кропотливыми исследователями, их документальные описания основывались на личных переживаниях, в данном случае основой сюжета послужил шок, испытанный ими в государственной тюрьме в Клермон-де-Луаз. Они отправились в путешествие по земле рабочих женщин, женщин-преступниц и дам полусвета, что послужило основой для саморазрушительной эпопеи Жервез в «Западне» Золя, и прообразом множества портретов женщин-тружениц в пьесах и натуралистических романах по всей Европе; однако они были не только шокированы, но и вполне разделяли то презрение, которым клеймили женщин, жестоко низведенных до выставления себя в качестве сексуальных объектов, если не предметов потребления. Их «Журнал» изобилует антифеминистскими оскорблениями, весьма распространенными в то время. Он пестрит язвительны-

ми ремарками о так называемой бесчеловечности женщин, существ, которых братья считают низведенными природой до уровня «просто утроб». Похоже, что времена, когда женщина представляла собой бодлеровское очарование вечности, ушли в далекое прошлое.

Золя, чье влияние ощущалось по всей Европе в 1880-х, подхватил эстафету Гонкуров. Начав содержанкой, которая удовлетворяет желания общества, жаждущего удовольствий, Нана поднимается до уровня символа, иллюстрирует разрушающую силу отделенной от воспроизводства сексуальности и демонстрирует на своем примере социальное разложение, которое подточило Вторую империю. Даже бесстрастный Мопассан высказывал свой ужас, полностью капитулируя перед образом недоступной женщины-мечты, которая символизировала его собственную одержимость. А что можно сказать об эстетизме Жоржа Шарля Гюисманса? Романист знаменит своими насмешками над «старосветским идеализмом» и «мелкотемьем старых дев, свихнувшихся от безбрачия», которые он находил даже в натуралистической литературе, однако сам не смог очистить собственные произведения от образов вроде Саломеи в романе «Наоборот» (1884), который слишком близок к разоблачению своего космического размера страха перед женщинами.

Другие страны Европы в этом смысле ни в чем не уступали Франции. Образ женщины-сфинкса, или химеры, часто посещал Гейне задолго до того, как стал вдохновлять воображение художников конца XIX века Гюстава Моро и Фелисьена Ропса. Безжалостная дева сеяла ужас в пьесах Гауптмана и Хофмансталя, как и куртизанка в пьесе Ведекинда, создателя ужасной Лулу, которую Берг поставит в опере в 1935 г. Прерафаэлиты[4] в Англии, Климт в Вене, Эдвард Мунк и Альфред Кубин в Австро-Венгрии вызывали те же тревожные образы своими картинами. Но Франция, возможно, раньше и очевиднее, чем другие страны, продемонстрировала, в какой степени целая область интеллектуального и художественного творчества черпала вдохновение от сексуализированной репрезентации мира, вследствие чего задачей мужчины становилось подавление пугающей непонятности женщины. Мощный интуитивный гений Мишле наполнял сильную лирическую прозу грубыми концепциями. Его маскулинное мышление вторглось на территорию истории, которую наделило мощью плодородия, но управляло ею с любовной тиранией, подобно тому, как он сам руководил личной жизнью своей второй жены. Как провидец, он разгадал судьбу Франции и ее народа и прославлял благотворную энергию колдуньи и матери, однако изобразил женское

---

[4] Прерафаэлиты — группа английских художников и писателей XIX века, избравшая своим идеалом «наивное» искусство средних веков и Раннего Возрождения (до Рафаэля). В группу входили: Д. Г. Россетти, Х. Хант, Дж. Э. Миллес. — *Примеч. редактора.*

влияние как главный фактор, отвративший революцию от ее правильного курса (*“Les Femmes de la Revolution”* [«Женщины революции»], 1854). Как ни парадоксально, но именно наука, называлась ли она социологией у Конта, или историей у Ренана, довела логику эпохи до естественного вывода: она грезила о пришествии высшей формы человечества, в которой партеногенез наконец-то положит конец жестокой необходимости доверять выживание рода такому несовершенному существу, как женщина.

Женщина, эта «терра инкогнита», вселяла ужас, и любая форма безумия была предпочтительнее, чем ее постыдное нагое присутствие. Немецкий идеализм в союзе с Вагнером затрепал эту тему. К счастью, именно музыка сокрушила непрочную догму композитора, который тщетно пытался наделить «бессмертную женщину» (*“das ewige Weib”*) зависимостью и подчиненностью мужчине. Неудачная попытка Вагнера превзойти Гете и его творчество только подчеркнула уникальность самого мастера. Дух Гете при всей его маскулинности не мог исчерпать гениальность женщины в любви. Его современница Рахель Фарнхаген, просвещенная женщина и романтик, державшая салон в Берлине, отметила, что не случайно из многих женщин, фигурирующих в «Годах учения Вильгельма Майстера», те, кто посвящают себя исключительно любви, заканчивают смертью. Превозносится вечная женственность как высший смысл того, чем заканчивается вторая часть «Фауста. Поэт вверяет свою мудрость крылатому эскорту из музыки и символизма. “Das Ewig-Weibliche / Zeit uns hinan” («Вечная женственность / возносит нас ввысь»), — распевает хор. Разделенность этих финальных строк, связанных вместе только краткостью размера и чертой между рифмованных строк, есть приговор судьбы. Она указывает на неразрывность времени и вечности. Женщины все же формируют только часть символа, чудесную сущность которого поэт вписывает в дерзкую стилистическую мешанину. Фактически символ существует, только когда он наполнен переливающейся силой грез, красоты и природы. Силы, ведшие Фауста на его пути, теперь объединились в финальном завершении. Отрешенный от всего материального, возрожденный к беспредельной свободе, открытый к созерцанию, Фауст поистине принадлежит Бытию. Гете прославляет желание, послушное законам жизни.

Как можно было сохранить подобную возвышенность чувств, когда эпоха исповедовала убогое ханжество? Официальная установка, в соответствии с которой человечество достигло вершины и победоносно наслаждается плодами цивилизации, опровергалась разобщением сознания и личности.

Пьеса Ибсена «Кукольный дом» (1879), имевшая огромный успех в театрах Европы, заканчивается сценой ухода: Нора захлопывает дверь за своей супружеской жизнью, чтобы наконец жить самостоятельно. Предан-

ная мужу, она спасла его от смерти и родила ему двоих детей. Однако он слишком слаб и не способен видеть в своей жене ничего, кроме женщины-куклы, которая была ему нужна. Единственное спасение для Норы — бежать прочь: жизнь начинается за пределами дома и семьи. Вопрос о том, во что же теперь верить, задавал в свою очередь Артур Шницлер в начале этого века. Его пьесы и рассказы глубоко погружены в темные стороны души и подробно рассматривают ее страхи и нерешительность. Шницлер в своей неподражаемой манере еще раз проиллюстрировал силу влияния воображаемого, равно как и его несостоятельность. Мужчина и женщина растворяются в воображении, уносимые течением бессознательного. Тем временем другой житель Вены, Зигмунд Фрейд, увидел отражение собственных идей в мрачном просветлении Шницлера.

Судьбы

Жизнь должна начинаться с самого себя и, никогда не будучи центром, следует все же оставаться движущей силой своей судьбы.

Мадам де Сталь. De l'influence des passions

Когда она почувствовала, как эти железные установления сомкнулись вокруг нее, ей стало нечем дышать.

Генри Джеймс. Женский портрет (1881)[5]

Как человек мог родиться свободным в обществе, которое ее не допускало? Как можно было добиться счастья в мире, где сфера женской деятельности постоянно сужалась? Принадлежность женщины к дому, говорят нам викторианские трактаты, была основой ее морального авторитета: «У вас много обязанностей; у вас есть неотложные дела; вы храните нравственные ценности нации», — сообщала Сара Эллис читательницам трактата «Женщины Англии», одной из многочисленных брошюр, в которых торжествующая индустриальная буржуазия устанавливала свои законы. Разумеется, власть, вверенная женщинам, зависела от того, соглашались ли они подписать договор об отказе от всех личных, общественных или политических притязаний. Как только женщина разрывала договор, рыцарские манеры мужчин улетучивались, поскольку рыцарский

[5] Цит. по: Джеймс Генри. Женский портрет. М., 1985. С. 351.

идеал был всего лишь донкихотством вроде блестящей побрякушки. Это была война.

Литература стала непосредственным полем битвы. Еще в конце XVIII века литература все еще оставалась инструментом женской свободы. Сочинение писем, деятельность, особенно подходящая к разорванному ритму дня, посвященного заботам о семье и доме, получило признание в качестве литературы и повлияло на создание романов. Но на рубеже XIX века возникло напряжение. Сохранение статус-кво стало проблематичным. Как ни парадоксально, но похоже, что Англия являлась страной, наиболее толерантной к женщинам-писательницам. Не исходила ли толерантность из того, что писательницы вроде Джейн Остин, сестер Бронте и Джордж Эллиот никогда не пытались выступать против установленного порядка. Они по-прежнему придавали очень высокое значение браку. Джейн Остин все еще могла сохранять оптимизм и сестры Бронте могли описывать победу Джейн Эйр: сирота без наследства, она в конечном счете заставляет соблазнителя жениться на ней и таким образом добивается того, о чем всегда мечтала (но мечты ее угасали с тяготами жизни).

Где-то еще шла жестокая борьба. Мадам де Сталь, отверженная и проклятая, расплачивалась за то, что нарушила запрет: она вторглась на мужскую территорию тем, что посмела жить, как хотела. Жорж Санд, которую, как и многих других женщин ее поколения, обуревала «страсть к писанию» как кратчайший путь к эмансипации, скоро поняла, что отстоять себя очень трудно. Учитывая объем написанного и мощь ее гения, эпоха была вынуждена терпеть ее. В немецкоязычных странах ситуация была ненамного легче: Реставрация Меттерниха раздавила инициативы. Рахель Фарнхаген. Ее корреспонденция оставалась закрытой: чтобы опубликовать ее, потребовалось бы надеть маску, согласиться с ролями, которые определяли мужчины. Не найти лучшей иллюстрации повсеместного неравенства, чем история брата и сестры, писателей Клеменса и Беттины Брентано. Он был знаменитым поэтом. Она же воздерживалась от публикаций практически до 1835 года, будучи к тому времени пятидесятилетней вдовой, матерью семерых детей и признанной в Берлине личностью; тем не менее она все же подверглась упрекам брата за то, что нескромно выставила себя напоказ. Действительно Беттина усугубила свой проступок, исследуя нищенские условия жизни в бедных районах Берлина. Последовавший общественный скандал усилил литературный скандал, и ее книга была запрещена. Еще раньше несчастная Каролина фон Гюндероде спрашивала: “Warum war ich kein Mann?” («Почему я не была мужчиной?») Пренебрежение партнеров привело ее в конце концов к самоубийству.

Женские романы, естественно, изображали потерю иллюзий и разбитое счастье. Рассмотрим произведения Мадам де Сталь. Щедро ода-

ренная поэтесса Коринна (героиня одноименного романа, опубликованного в 1807) не представляет себе другого удовлетворения, кроме как положить свою заслуженную славу к ногам любимого Освальда. Но Освальд оставляет ее, ошибочно считая, что должен это сделать. Коринне остается только смерть. В «Дельфине», предыдущем романе Мадам де Сталь, мы читаем: «Судьба женщины окончена, если она не смогла выйти замуж за того, кого любит. Общество оставляет женщинам только надежду. Когда жребий брошен и игра проиграна, — это конец». Это суждение отражает ужасную правду того времени. В женоненавистническом мире у женщины не было возможности для расцвета. В лучшем случае она могла присоединиться к другим париям и отправиться в спасительное путешествие тех, кто избран торжествовать в финале: «Консуэло» Жорж Санд открыла новые возможности для исключенных женщин. В то время (1844 г.) небеса ненадолго прояснились. Солидарность с угнетенными начала принимать конкретные формы, например в виде общественной акции Флоры Тристан, которая организовывала рабочих объезжая Францию. Но хрупкие надежды были раздавлены кровавым подавлением восстания 1848 года.

Возьмите самое уединенное место в мире, закрытое убежище аристократа Клошгурд в долине, граничащей с рекой Эндр в Турени, возьмите женщину глубоко преданную своим материнским обязанностям и, возможно, вдохновленную внутренним религиозным чувством, присущим только самым чистым душам, и у вас есть все ингредиенты для романа о драме частной жизни. Нет места на земле где нет тайных ран. Является ли бальзаковская *"Le Lys dans la valée"* («Лилия долины», 1836) действительно романом о жертвенности? Мадам де Морсоф питает трепетную страсть к Феликсу, мужчине, которого она любит, но в заблуждении считает, что должна обращаться с ним как с сыном. Ужасные муки ревности, которые обуревают ее при виде успеха соперницы, открывают ей страшную истину: неверность Феликса оставляет ее наедине со своими неудовлетворенными страстями. Бальзак подверг себя цензуре. Неукротимые чувства, которые раздирают женщину на смертном одре, когда она думает о прошедшей бесцельно жизни, в рукописи описаны гораздо искреннее и полнее. Романист вырезал сердце у своей истории, чтобы угодить возлюбленной, несомненно, опасавшейся того, какое возмущение может вызвать погружение в эту бездну чувств. Но даже и в теперешнем виде текст достаточно красноречив. Если *"Le Lys"* это урок нравственности, то он адресован отнюдь не женщинам. В конечном итоге женщина читает лекцию рассказчику, который имел дерзость превратить свое приключение в объяснение в любви: Натали де Манервиль прогоняет бесчестного поклонника, который не смог увидеть страсти Мадам де

Морсоф. «Оскорбление одной женщины, — говорит она ему, — вряд ли может служить основанием для соблазнения другой».

К 1860-м гг. многие препятствия исчезли. Последние десятилетия века открыли путь многочисленным изображениям злосчастной женской судьбы. Реализм в живописи превратился в один из способов изображения: вспомним скандал, вызванный двумя полотнами Мане — «Завтрак на траве» (1863) и «Олимпия» (1865). Художник осмелился написать портрет современной проститутки в обнаженном виде, представив ее как откровенную репрезентацию нравов Второй империи. Начиная с Золя во Франции, затем по всей Европе литература начала представлять все социальные классы и нарушать последние оставшиеся табу, такие как церковь, чья жажда власти и неспособность понять проблемы женщин вызвала гнев Переса Гальдоса и Кларина в Испании, а также — в более сдержанной манере — Томаса Харди в Англии. Религиозные власти были не столько заинтересованы в морали, сколько в соединении пар в религиозной церемонии. «Женский вопрос» не мог быть отделен от других проблем в забродившем обществе, равно как женщины не могли быть сведены к архетипу: в романе Гальдоса «Фортуната и Хасинта» (1887) одноименные героини принадлежат двум разным мирам. Обе родом из Мадрида и обе — жертвы одного мужчины. Но одна происходит из низшего класса, откуда она унаследовала крепкое здоровье, страстность и ревнивую гордость, которая позволяет ей считать себя женой мужчины, чьего ребенка она носит, тогда как другая пользуется деньгами и уважением, этими разрушительными привилегиями буржуазии, но это мало что значит для женщины, которая не может удержать своего мужа или иметь от него детей. Условия в разных странах отличались. От толстовской России до Португалии Эко де Куэйроса (создателя достопамятной Луизы, респектабельной матроны, которая оступается в грех адюльтера в «Кузене Базилио» [1874]) романы изобиловали устремлениями, которые наконец-то заявляли о себе в женском роде и настоящем времени, а именно счастьем, желаниями (чувственного и интеллектуального удовлетворения), правом распоряжаться собственной жизнью (а не терпеть опеку отсутствующего или равнодушного мужа). Литература также вибрировала зовом плоти, от имени которой женщины выступали по необходимости вопреки общественному идеализму. Возьмите, например, «Пепиту Хименес» Хуана Валера (1874). В этом произведении молодая вдова добивается любви семинариста и убеждает его жениться на ней, уводя его от священного сана, который он собирался принять. У романа счастливый конец, но многие другие заканчивались катастрофой, вызванной непримиримым консерватизмом общества. Мопассан избегал суждений, но холодно подчеркивал жестокость социального давления, тогда как «Фрёкен

Блия» (1888) Августа Стриндберга и другие его пьесы особо подчеркивали ограничительные рамки прогресса. Любовь — это иллюзия, и нет надежды когда-либо разрешить классовые или половые противоречия. «Сон» (1901) говорит о том, что лучше было бы не родиться.

Роман, безусловно, являлся самым главным литературным жанром XIX века, равно как и лучшим в отображении женских устремлений к счастью и препятствий, с которыми они сталкивались. Остановимся ненадолго, чтобы обсудить двух романистов — Томаса Харди и Генри Джеймса. В значительной степени наш мир начинается с них. Что это были за препятствия, из-за которых гордая добродетель Тэсс из рода Д'Эбервиллей (1891) и благородная иезависимость Сью Брайдхед (в «Джуде Незаметном» [1895]) потерпели поражение? С точки зрения самих персоиажей, они стали жертвами судьбы, начертанной в их происхождении, или просто существующего порядка вещей: они вызвали несчастья иа свою голову, говоря словами Иова. Они слишком чувствительны, слишком впереди своего времени в своем желании жить по внутренним закоиам, отрицая условиости, чтобы ие попасть в ловушки, расставленные против тех, кто отстаивает свою свободу и против которых все в заговоре. Только Батшеба, героиня «Вдали от обезумевшей толпы», побеждает демона и освобождается, и это становится возможным, только потому что она может положиться на абсолютную преданность Габриэля Оука, мужчины, который сделан из того же теста, что и она. Очевидная тщетиость усилий Тэсс и самоотречение Сью (которую общество заставляет вернуться к той фальши, от которой она хотела убежать) оставляют горький осадок: какие надежды были отданы в жертву уже обреченному социальному порядку!

Генри Джеймс ие менее проиицателен в наблюдениях за нравами высших слоев общества, чем Харди в описании сельских жителей. Любовь к независимости, способность мыслить и красота становятся опасными для женщин, чья абсолютиая вера в себя заставляет их отказываться от любых предложений о помощи. *Бостонцы* — едкая сатира на феминизм в американской интеллектуальной столице. Видимо, было неизбежно, чтобы жизнь отомстила этим иепреклонным, абстрактным, фанатичным, не от мира сего, и в то же время в чем-то ущербным поборницам эмансипации. Но нравственная тюрьма, в которую попадает Изабель Арчер в «Женском портрете» (1882) и которую оиа чувствует всем своим существом, как и смерть, ставшая возмездием Дэйзи Миллер за ее абсолютную беспечность, есть произительный сигнал опасности: при столкновении с пьянящей иовизиой свободы и счастья, ошибочиое суждение может оказаться роковым. Как можио было избежать такой ошибки, когда Старый Свет успешно опроверг принципы Нового Мира, руководствующегося стремлением к счастью?

Приветствуя жизнь: Лу Андреас-Саломе

Поверьте, мир не станет дарить вам подарков. Если вам нужна жизнь, украдите ее.
Лу Андреас-Саломе. Оглядываясь назад: Меморис.[6]

По правде говоря, я предпочла бы больше не говорить о добродетелях и достижениях, а о том, в чем считаю себя компетентной, то есть, о счастье.
Лу Андреас-Саломе. О женском типе (1914)[7]

Хотя и верно, что Генри Джеймс мог глубоко демонстрировать женское понимание своих персонажей, пришло время оставить беллетристику и обратить внимание на самих женщин, рассмотреть то, как они постепенно начали осознавать себя и, не стесненные более подавляющим дух чувством протеста, утверждали свою независимость. Лу Андреас-Саломе более чем любая другая женщина участвовала в дискуссиях XIX века. Она приводила всех в замешательство своим желанием признать все опасности свободы и была загадкой даже для собственных друзей, которых нередко удивляла. Она была влюблена в счастье, секрет которого был связан с ее жаждой жизни. И если она стала кому-то примером для подражания, то не столько потому, что являлась яркой личностью, излучавшей независимость, культуру и красоту, сколько потому, что обладала внутренней дисциплиной, которая позволяла ей с надменной холодностью смотреть в лицо истинному дару, а именно самой жизни:

«Я не могу соотнести жизнь с общепринятыми моделями и никогда не смогу создать некую модель, но взамен этого я буду управлять своей жизнью по правилу: будь что будет. Поступая так, я защищаю не какой-то принцип, а нечто высшее, что присутствует в нас, идущее от жизни, что ликует и бьет ключом»[8].

---

[6] "Die Welt, sie wird dich schlecht begaben, glaube mir's! Sofern du willst ein Leben haben: raub dir's!".

[7] "Nun liegt es mir eigentlich ferner, von Tugenden und Leistungen zu redden, als von dem, worin ich mich kompetenter fьhle: vom Glьck", из "Zum Typus Weib", Imago 3, I (1914), p. 7.

[8] "Ich kann weder Vorbilden nachleben, noch werde ich jemals ein Vorbild darstellen kцnnen fьr wen es auch sei, hingegen mein eigenes Leben nach mir selber bilden, das werde ich ganz gewiss, mag es nun gehen wie es mag. Damit habe ich ja kein Prinzip zu vertretten, sondern etwas viel Wundervolleres, etwas das Einem selber streckt und ganz heiss vor Lauter Leben ist und jauchzt heraus will

Молодой жеищиие, иаписавшей это, был всего двадцать один год. Оиа жила в Риме, куда уехала по причиие своего хрупкого здоровья. Оиа мечтала осиовать особенное сообщество с двумя блестящими интеллектуалами гораздо старше ее, с которыми оиа позиакомилась: Фридрихом Ницше и Паулем Ре. С иепреклоиным спокойствием оиа отвечала иа гневные возражеиия матери и даже иекоторых фемннисток, передаваемые ей из России преподобиым Гиллотом, который был ее первым учителем и которого оиа любила так, что ои ие мог отвечать ей взаимиостью. Но Лу иикогда ие сворачивала со своего пути – ии тогда, ни в другие моменты жизии. Сила, которая двигала ею и делала ее иеуязвимой к тому, что говорили люди, ие была сопротивлением, поскольку даже в сопротивлении есть коиформисты. Позже, говоря о героинях Ибсеиа, оиа подчеркиет, что любой порыв к свободе обречеи, если ои ие преодолеет стадию отрицания, если ои ие поднимется до определеиия собственных правил поведеиия. Внутреиняя убежденность, которую мие хочется иазвать стеидалевской, доказывала молодой жеищиие, что ее выбор вереи. Лу погубит ие одиого партнера таким поведеннем, иачииая с Ницше и Ре, безумио любнвших жеищину, которая хотела видеть в иих ие любовииков, а только иителлектуальных партиеров и спутников жизни; подобиого человека оиа в коице коицов иашла в своем муже Аидреасе, и жила с ним в браке без секса. Но оиа также искала сексуальиого удовлетвореиия, которое получила в своей любви с молодым Рильке в 1897, исключительиость этой близости была такой иапряженной, что привела к разрыву.

Упориые занятия философией и медициной, а также зиание важиейших европейских литературных течеинй привели Лу к изучению иовой миогообещающей области психоаиализа. Перед Первой мировой войной оиа стала одиой из ближайших сотрудиц Фрейда. В работе иад психоаиализом оиа проявляла творческий, полный эитузиазма, поэтический ум, который позволил ей преодолеть трудиости и достичь более высокого уровия синтеза, чем Фрейд, которого, возможио, сдерживала приверженность к иаучиому методу разбора и анализа. На рубеже веков Лу заинтересовалась взаимосвязью сознания и тела в любовных переживаииях, опираясь иа последние открытия в биологии, пытаясь пролить свет иа эту проблему. Как может жизнь психики ие поддаваться влиянию эиергий, берущих иачало в глубинах тела? Как созиание может цепляться за ромаити-

Glьcklicher als ich etzt bin, kann man bestimmt nich werden". Письмо Hendrik Gillot, май 26, 1882, процитированное Лу Андреас Саломе в Lebensrьckblick, 5th ed., Ernst Pfeifer, ed. (Frankfurt, Insel), p. 78.

зированный идеал о слиянии двух душ, когда сексуальное безумие, возможно, поразило человека до самого основания, со всеми вытекающими последствиями такого самообмана? К ужасу феминисток, она обращалась не только к биологии, но также и к символизму, который оказывал столь мощное влияние на жизнь женщин (в особенности к фигуре Мадонны, которая, как мы видели, господствовала над воображением), чтобы найти ключи к пониманию женщины. Циничное приписывание обществом определенных проявляющихся в языке свойств, характеристик, которые разрушали женское единство доводя его до истерической покорности, не должно использоваться как повод для того, чтобы полностью отрицать эти свойства. Истолкованные правильно, они могут спасти женщин и общество в целом от хаоса и потери ориентиров.

Лу сформулировала для себя честолюбивую интеллектуальную программу, нацеленную на то, чтобы примирить женщин с собой и исследовать их прежде не исследованные отношения с собственным телом, с языком, с поэзией. Погрузившись в исследования образов женщин (у Ибсена и Стриндберга, как и у сестер-феминисток), она сделала важнейший вклад в развитие фрейдистской концепции нарциссизма. Для нее нарциссизм стал структурным принципом, свидетельствующим не только о любви к собственному образу, но и любви к себе. Он переносил во взрослую жизнь некоторые желания раннего детства, когда младенец еще не отделяет себя от окружающей среды. Художники лучше, чем кто-либо, знают, как поймать эту благотворную энергию, потому что в акте творчества они питаются из источников, которые большинству из нас доступны редко. Как можно лучше покончить с сегрегацией одного пола, ассоциируемого с эфемерностью конкретных образов, чем не указав на психологическую значимость этих самых образов для людей вообще?

Безусловно, Лу не была величайшей писательницей XIX века. Насколько живой была ее восприимчивость, насколько решающую роль она играла в становлении поэзии Рильке, но свой главный след она оставила в философии и психоанализе. Однако суждение о ней было бы слишком поспешным, если не упомянуть ее выдающуюся щедрость, равно как и ее дарования стилиста и поэтессы, явствующие из ее мемуаров «Оглядываясь назад», которые она написала к концу жизни в 1933–34 годах. В них эта женщина отбросила всяческое тщеславие (если оно у нее когда-то было), чтобы рассказать о выдающихся встречах, которые сделали ее тем, чем она стала, и о том, как ее жизнь стала поэтическим трудом (*Dichtung*) не потому, что она была ее «хозяйкой», а потому, что знала, как использовать присущую всем нам внутреннюю трансцендентную энергию.

Женщинам-художницам приходилось нелегко, и нередко они видели, как их работы приносились в жертву. Журиалы Элис Джеймс, например, сталкивались с равнодушием, если ие с явной враждебностью ее брата Генри, который в большой степени виноват в оттягивании их публикации до 1934 года, спустя более чем 40 лет после смерти их автора; карьера Камиллы Клодель как скульптора была осложнеиа трусостью ее любовника Родена и брата, писателя Поля Клоделя. В таких условиях женщины мало могли влиять иа образы, которые представляли из них литература и искусство. И наше описание в силу необходимости противопоставляет мужские и женские голоса — отчетливые и явственно различимые. Несмотря на иеблагоприятные условия, некоторые зиаменательные события все-таки происходили. Появилась маленькая девочка как конкретное литературное существо, ребеиок, чья жизнь не осиовывалась иа какой-то якобы универсальной мужской модели. Эта фигура появилась в 1860-х в облике жертвы вроде Козетты, или сироты, эксплуатируемой тенардьерами в «Отверженных» Виктора Гюго. Но, кроме всего прочего, была еще и Софи, озорная девчушка, созданная графиней де Сегюр в «Проказах Софии» и даже очаровательная и иевероятно раскованная маленькая Алиса в «Алисе в стране чудес» Льюиса Кэррола, умная, непокориая, мечтательная маленькая девочка, которая заслуживает свей независимости[9]. Рожденная в одно время с Алисой, не прорвалась ли Лу Андреас Саломе в брешь, которую пробила героиня Кэррола? Женщина из плоти и крови, она внесла элемент юиошеской энергии в женский портрет.

Перевод О. Липовской

[9] См.: Предисловие Николь Сави к каталогу для шоу: Les Petites Filles modernes (Paris, Réunion des des Musées Nationaux, 1989)..

6

Чтение и письмо в Германии

Мари-Клэр Хук-Демарль

Долгое время было достаточио трудио определить уровеиь грамотиости жеищии в Германии, Франции или любой другой стране. Имеющиеся источиики весьма иелегко иитерпретировать. Причину этому можио иайти, взглянув иа статистические источиики или закоиодательиые докумеиты коица XVIII века: в текстах может упомииаться «молодежь» в целом, различиые возрастные группы или социальиые категории, ио редко когда можио встретить какой-либо иамек иа разиицу между полами. А в иекоторых текстах, в которых подиимается даииый вопрос, просто отмечается, что иеравеиство, существующее между полами в отиошеиии грамотиости, легко заметить.

Не легче подойти и к вопросу о «женщине-писательнице». Здесь проблема состоит ие в том, что предмет ие поддается изучеиию, а скорее в том, что для XIX века такое явление, как женщина-писательница, было чем-то позорным и иеуместным, и этот моралистический покров скрывает истинную реальиость. Если женщина обладала поэтическим даром, оиа могла с успехом просить прощения за писательский грех в словах, иапоминающих слова раскаяния иевериой супруги: «Мой муж, – призиавалась в 1885 году Луиза Акерман, – никогда ие имел и понятия о том, что я пишу стихи, а я никогда ие говорила ему о своих поэтических достижениях»[1]

---

[1] L. Ackermann. *My Life*, in *Works* (Lemerre, 1885). Цит. по: C. Plantй. *La Petite Soeur de Balzac* (Paris: Editions du Seuil, 1989)..

Тем не менее в период с 1780 по 1880 годы (когда во всех основных европейских странах уже была создана или же создавалась система начального и среднего образования для девочек)[2], женщины достигли знаменательных успехов, что становится очевидным из равно политических и автобиографических текстов. Научиться читать и писать было первым относительно легким шагом. Настоящие сложности начинались, когда дело доходило до выбора того, что читать и как осмысливать содержание прочитанного. Что касается личных занятий писательством, то это был шаг, на который мало кто шел. Между тем чтение и письмо являлись теми инструментами, которые позволяли женщине интегрироваться в современный мир. Чтение означало социальную организацию, а письмо — привилегированное отношение к аудитории; оба они породили те формы общения, которые привели женщин к размышлениям о самих себе, их средствам самовыражения и их восприятию времени и пространства.

В данной статье особое внимание я буду уделять периоду между двумя революциями: 1789 и 1848 годов. Обе они оказали влияние на всю Европу, а сам период, с одной стороны, достаточно продолжительный, для того чтобы охватить несколько поколений женщин, а с другой стороны, короткий, чтобы показать силу и временами жестокость тех перемен, что произошли в поведении и образе мыслей этих женщин. В качестве иллюстрации этого решающего этапа в истории женщин будет служить Германия. Безусловно, подобные изменения проходили повсеместно, хотя зачастую принимали различные формы. Пример же Германии позволит нам сконцентрироваться на определенных уникальных аспектах. Социальные, политические и, помимо всего прочего, религиозные факторы не имели в Германии того же влияния, что в других странах. Более того, исследование грамотности в Германии основывается на иных источниках, нежели во Франции, поднимая тем самым уровень исторической дискуссии выше простой методологической полемики[3].

Пример Германии интересен частично и тем, что история этой страны достаточно фрагментарна. Рассматривая различные регионы,

[2] О Франции см.: F. Furet and J. Ozouf. *Lire et écrire: L'Alphabétisation des Fransais de Calvin a Jules Ferry* (Paris, 1977), vol. 1. Сравнительное исследование уровня грамотности во Франции и Германии см.: E. Fransois. "Alphabetisierung und Lesefдhigkeit in Frankreich und Deutschland um 1800", in: H. Berdind, E. Fransois and H.-P. Ullmann, eds., *Deutschland und Frankreich im Zeitalter der Franzysischen Revolution* (Frankfurt: Suhrkamp, 1989).

[3] О полемике между германской школой, представленной Рольфом Энгельсингом, Эрнстом Хинрихсом, Вильгельмом Нордеиом и Рудольфом Шенда, а также французской школой в лице Луи Магтиоло, Франсуа Фюре и Жака Озуфа см.: F. Furet and J. Ozouf. *Lire et écrire*, p. 4.

мы можем получить представление о влиянии разных политических и религиозных систем. В некоторых отношениях Германия являла собой своего рода микрокосм, в котором отражалось то, что происходило везде. Она подвела итог всем изменениям, касавшимся женского образования и грамотности по всей Европе. Более того, в некоторых немецких государствах обучение чтению и письму в ближайшем будущем стало обязательным, что позволяет нам определить степень эффективности государственной политики в распространении грамотности.

Исследование женской грамотности вызывает два основных вопроса. Во-первых, как женщины воспользовались своими новыми навыками, чтобы войти в то, что мы называем современным миром? Во-вторых, с какими препятствиями они столкнулись и какие стратегии выработали, чтобы их преодолеть?

Обучение

В первую очередь грамотность означает приобретение определенных базовых навыков: способность бегло читать, писать и, в меньшей степени, считать. Однако подобного рода определение столь же расплывчато, как и ограниченно, и допускает противоречивые толкования. Считаем ли мы людей «грамотными», если они могут написать свое имя или только с легкостью читать? Какой бы критерий мы не выбрали, вмешиваются непредсказуемые факторы, когда мы пытаемся определить уровень грамотности в специфической группе, например среди новобранцев, прислуги или женщин. Если, к примеру, источником нам служат записи о заключении брака, то может оказаться так, что требовалась подпись только одного из супругов. Если критерием будет способность к беглому чтению, то значение может иметь знакомство с текстом, в частности религиозные тексты читались и перечитывались несчетное количество раз и рассматривались в мельчайших подробностях.

Как бы там ни было, но участие женщин в процессе распространения грамотности неуклонно росло. В конце XVIII века во Франции количество женщин, охваченных этим процессом, возросло с 14% до 27%, что позволило одному автору отметить «выравнивание уровня доступа к печатной культуре для мужчин и женщин»[4]. В Германии статистические отчеты были доступны с того же времени, и составлены они были

[4] Furet et Ozouf. *Lire et écrire*, p. 44.

таким образом, что для оценки уровня грамотности иеобходимо было использовать разные критерии. В любом случае источники свидетельствуют о том, что в иекоторых районах Северной Германии в 1750 году в школу ходило 86,5% девочек. Говоря другими словами, мы имеем дело с иастоящим социальным феиомеиом, культурной революцией, последствия которой окажутся долгосрочными для всей контииентальиой Европы.

В Германии, особеиио в ее северных районах, данная революция явилась результатом различных факторов, так или иначе имевшим отношение к Просвещению[5]. Одиим из иих была правительственная политика: иекоторые государства, прежде всего Пруссия, создали систему обязательиого образования для всех детей в возрасте от шести до четыриадцати лет. В Пруссии обязательиым образованне стало в 1717 году, в то время как католическая Бавария пошла иа этот шаг лишь в 1802 году. Даниый контраст указывает иа иной ключевой элемент в деле иародиого образования — религиозный фактор. В протестантских странах, где правитель обладал одиовременно и высшей религиозиой властью, образовательиая реформа зашла дальше, по сравиеиию с католическими странами Южиой Европы, где в большииstве своем обычные школы посещали лишь мальчики, в то время как девочки могли ходить лишь в моиастырские школы, которые главным образом учили молитвам и прививали так иазываемые жеиские иавыки.

«Обязательиое» озиачало то, что озиачало: священники присматривали за тем, чтобы исполнялся закои. Например, в герцогстве Ольденбург, которое в то время входило в состав Датского королевства, местные пасторы должны были иаиосить два «домашних визита» в год, во время которых они отмечали, имеются ли в доме книги, и регулярио ли дети посещают школу. В 1750 году 1,5% жеищин по-прежиему оставались иеграмотиыми; 98,5% могли читать, ио только 43,8% умели и читать, и писать, и, что иаиболее зиамеиательно, только 6,6% зиали осиовы арифметики. Эти иавыки приобрели ие только дочери, прииадлежавшие к привилегированным сословиям (из семей правительственных функциоиеров и состоятельных крестьян); 64% служанок умели читать, а 2% были зиакомы с цифрами. Для XVIII века подобиый уровеиь жеиской грамотности был иа удивление высок; особеиио, учитывая то обстоятельство, что девочки в сельской местности посещали школу меньшее количество времеии,

[5] См.: W. Norden. "Die Alphabetisierung in der oldenburgischen Kьstenmarsch im 17. 18. Jht," in Ernst Hinrichs and Wilhelm Norden, eds., *Regionalgeschichte. Probleme und Biespiele* (Hildesheim, 1980).

нежели мальчики: обычно они начинали на год позже, около семи лет, поскольку должны были помогать матерям, а покидали школу в возрасте одиннадцати лет, дабы заняться домашними делами. Если обучение чтению начиналось в первый же год, то обучение письму начиналось с восьми лет. Арифметику изучать начинали с двенадцати или тринадцати лет; более того, занятия эти не были бесплатными. Характерным является тот факт, что считалось необходимым учить лишь 7% девочек этого региона арифметике. Когда эти девочки вырастали, они обладали навыками, необходимыми для ведения финансовых дел домашнего хозяйства.

Вильгельм Норден провел исследование школьного образования в сельской местности, которая осталась относительно незатронутой войнами и голодом XVIII века. Значительно более трудной задачей является определение той пропорции девочек из городских районов, которые посещали школу в конце XVIII и, более того, даже в начале XIX веков.

Социальная мобильность, вытеснение беднейших слоев населения на городские окраины, трудность доступа в рабочие гетто, а также обезличивание человека во всевозрастающей плотности городского населения – все эти факторы осложняют проблему сбора полезных статистических данных о прогрессе в распространении грамотности и образования в XIX столетии.

Под влиянием торжествующего лютеранства и философии Просвещения с ее акцентом на обучении образование достигло больших успехов в XVIII веке, однако в XIX реформаторский пыл поугас. Было бы неверно утверждать, что грамотность утратила почву, но прогресс определенно остановился. Например, статистические данные по Пруссии показывают, что в 1818 году 30% берлинских детей не посещали школу, несмотря на то что это было обязательным. В Бремене, оплоте педагогики Просвещения в XVIII веке, где чрезмерное благочестие оказывало огромное влияние на женское образование [6], 35 из 107 девочек школьного возраста в 1838 году уже работали на фабриках, вместо того чтобы ходить в школу. Лишь в марте 1839 года появился указ, регулирующий детский труд, в соответствии с которым запрещалась работа на фабрике детям, не достигшим девяти лет, а также в качестве необходимого условия принятия на работу требовалось свидетельство о трехгодичном посещении школы. Вместе с тем потребовалось еще некоторое время и для того, чтобы этот указ был наиболее эффективно проведен в жизнь. Если расширенная

---

[6] Rolf Engelsing. *Analphabetentum und Lektüre. Zur Sozialgeschichte des Lesens in Deutschland zwischen feudaler und industrieller Gesellschaft* (Stuttgart, 1973).

возможность получить образование в XVIII веке была реальностью, то в следующем столетии она превратилась в тщетную надежду, нечто, чего можно достичь лишь в лучшем завтрашнем мире. Таков был лейтмотив исследования Беттины фон Арним периферийного района Берлина Вогтланда, приведенное в заключительной части ее работы «Эта книга принадлежит королю» (1843 г.): «Держа самого маленького из своих мальчиков на коленях, мать разматывала катушку. Она рассказала мне, что двое из ее детей ходят в школу и многому научились. Опять же становится ясно, что бедняки получают величайшую радость от своих детей и горячо надеются, что те избегут нищеты при помощи образования»[7].

Однако образование, особенно маленьких девочек, нельзя изменить исключительно в цифрах уровня посещаемости школы, которые в любом случае говорят нам лишь об ученицах начальных и средних школ (Volkschulen, Mittelschulen). Первая средняя школа для девочек была создана в Пруссии, в Берлине, в 1872 году. Когда в 1870 году обсуждались планы открытия средней школы Виктории, названной в честь будущей императрицы Германии, одна из представительниц немногочисленной группы женщин-писательниц, Фанни Левальд, выразила протест: «Школа Виктории, должна я сказать, является весьма хорошим учреждением, но для элиты. Чего нам не хватает, так это не верхушки айсберга, а солидного основания. Нам нужны школы, средние школы, как для женщин, так и для мужчин»[8].

Степень бакалавра, являвшаяся пропуском в университет, была недоступна для женщин Германии вплоть до 1900 года. Начиная с конца XVIII века женщины стремились получить профессию учительницы, но позволено им было преподавать лишь в начальных школах, и то при том условии, что они будут незамужними и не собираются менять этого статуса. Только в 1890 году (за исключением короткого периода около 1848 года) Елена Ланге учредила Всеобщую ассоциацию немецких учительниц, которая к началу XX века насчитывала около 15 000 членов.

Противоречивость политики поразительна. С одной стороны, все девочки, как из городских, так и сельских районов, как из бедных, так и состоятельных семей, имели возможность читать, писать и (правда, в меньшей степени) считать. С другой стороны, именно для XIX века характерно то особое лицемерие, с которым огромное количество женщин не допускалось к высшему образованию.

---

[7] Bettina von Arnim. *Dies Buch gehyrt dem Kynig*, in *Werke und Briefe*, G. Konrad, ed. (Cologne, 1963), vol. 3 and 4.

[8] Fanny Lewald-Stahr. *Fьr und wider die Frauen* (Berlin: Otto Janke, 1870), p. 68.

Действительно, можно сказать, что благодаря проведенной Меттернихом реставрации и последовавшему возврату к преследованиям отдельных людей первая половина XIX века была в этом отношении в особенности регрессивной. Любое предложение по предоставлению всем равного образования встречало жесткий отпор со стороны тех, кто едва ли скрывал свое враждебное отношение к женщинам. Когда, например, в 1818 году прусский суверен предложил прогрессивный образовательный план, его обвинили в том, что он подрывает «основания естественной, а следовательно, и неотъемлемой разницы, а именно неравенства». Говоря другими словами, выступать за эгалитарное образование означало подрывать сами общественные основы.

Столкнувшись с подобным враждебным отношением, женщины долго не могли понять, что истинное образование может быть достигнуто и альтернативными средствами. Самые решительные из этих женщин стали самоучками, некоторые же, гордо провозгласив себя писательницами, взялись за перо. Путь был указан Луизой Карш, одной из величайших поэтесс XVIII века. Будучи женщиной весьма скромного происхождения, она сама выучилась читать, пока пасла скотину в поле. Любая из романисток начала XIX века могла похвастаться тем, что научилась читать, изучая Библию и религиозные трактаты на чердаке в доме приходского священника[9]. И если иногда стиль их отдает этим незаконченным образованием, то кто же в этом виноват?

Для многих девочек подлинным источником образования являлся дом. Именно дома, а не в начальных или монастырских школах, они познавали себя и учились задавать вопросы о том мире, в котором жили. Некоторые из мужчин-педагогов настаивали на том, что наилучшим способом предохранить девочек от чрезмерного ученичества служит ограничение их существования четырьмя домашними стенами. Тогдашние феминистки — Мэри Уолстонкрафт и Бетти Глейм — не могли не подметить противоречия, скрытого в подобном суждении: женщины, лишенные права заниматься собственным образованием, были наделены священной задачей воспитывать маленьких детей обоих полов некоторое довольно непродолжительное время, а девочек — значительно дольше. Матери, назначенные «естественные педагоги», несмотря на полнейшее отсутствие опыта, трудились изо всех сил. Вильгельм фон Кюгельген вспоминал свое ранее обучение (1806–1807

[9] Одной из таких самоучек, которая впоследствии стала писательницей, была Кристина София Людвиг. Ее романы, созданные на рубеже веков, затрагивали такие темы, как условия жизни чернокожих и евреев.

гг.): «Моя мать была очень старательна в деле воспитания своих детей. Она тщательно изучала самые уважаемые в то время книги по образованию, из которых она едва ли могла многое почерпнуть, поскольку мать, даже полуграмотная мать, инстинктивно знает, каким образом воспитывать своих детей. Если же она подобного не ведает, то ничему она и не научится ни у Кампа, ни у Песталоцци»[10].

Подумайте о таких женщинах, как Жорж Санд или Беттина Брентано, «дочерях бабушек», в том смысле, что реальное образование они получили не в монастырских школах, которые посещали в раннем детстве, а у своих бабушек, которые их растили. Подобного рода образование, пусть иногда хаотическое, а иногда анахроническое, создавало также и непрерывность женской истории, своего рода «женскую родословную». Современная писательница Криста Вульф отдает долг этой родословной, когда с теплотой и восхищением говорит о своих предшественницах-первопроходцах, «женщинах 1800-х»[11]. Конечно, когда бабушка-педагог бралась за образование детей, те испытывали внезапный удар. Только что вернувшийся из монастырской школы подросток мог только читать, писать и, помимо всего прочего, рассказывать наизусть молитвы, в то время как его бабушка, испытавшая влияние философии эпохи Просвещения, мечтала об использовании всеобщей истории, Плутарха или «Писем» мадам де Севинье в качестве своих единственных педагогических инструментов. Для Жорж Санд и Беттины Брентано (сюда, возможно, можно было бы добавить и Жермены де Сталь, хотя она принадлежала к более раннему поколению и получила образование не от бабушки, а от матери) результатом была странная смесь античности и современности, латинских упражнений и речей Мирабо, громоздких исторических компиляций и дневных газет. В действительности эти редкие и счастливые женщины получили более либеральное образование, нежели большинство мальчиков, которые должны были придерживаться строгого учебного плана, латыни и железной дисциплины. Эти женщины пользовались той свободой, которая воспитает у них впоследствии женскую восприимчивость и в конечном итоге их мировоззрение.

Главное опасение у педагогов, как мужчин и женщин, вызывала широта кругозора. «Еженедельные нравственные обозрения», образовательный журнал, адресованный всем женщинам, предостерегал своих читателей от излишней эрудированности. София фон ля Рош, бабушка и учительница Беттины Брентано, писала статьи для «немецких дево-

[10] Wilhelm von Kьgelgen. *Jugenderinnerungen eines alten Mannes* (Munich, 1867), p. 32.

[11] Christa Wolf. *Lesen und Schreiben* (Darmstadt: Luchterhand, 1980), p. 281.

чек», в которых постоянно предупреждала их о том, что «слишком большие познания» могут привести к неврозу и тому, что девочки эти останутся старыми девами. Люди боялись образованной женщины. Она была «аномалией» или, в глазах мужчин, абсурдом, способным вызвать «лихорадочную дрожь».

Основным фактором в продвижении частных форм образования для девочек являлся пиетизм. Благочестивые мужчины и женщины встречались на «собраниях» с целью ведения задушевных бесед и размышлений, здесь они вырабатывали общие интересы и обсуждали вопросы культуры. Мало-помалу автобиографический элемент начал вытеснять религиозный. Классическим примером влияния пиетизма на женщин служила Прекрасная Душа, чьи излияния Гёте отразил в «Годах учения Вильгельма Мейстера» (1769 г.) И хотя фройлен фон Клеттенберг, старинная франкфуртская знакомая Гёте, служившая ему образцом, была глубоко религиозной женщиной, свое желание избежать традиционной женской жизни она выразила в словах, которые удивительным образом звучат весьма современно: «Я сознавала, что была накрыта душным стеклянным колпаком. Чтобы разбить его потребовалось немного усилий, и я была спасена»[12].

Подобное восприятие не было исключительно протестантским. Существовал и католический вариант пиетизма, приверженки которого играли в равной степени инновационную роль. Примером их влияния служит мюнстерский кружок, сложившийся вокруг княгини Голицыной, а также поздние работы поэтессы Аннетты фон Дросте-Хюльсхофф.

Пиетизм был характерен не только для высшего класса. Большое количество текстов упоминают «наиболее мощное и благотворное влияние проповедника на интеллектуальное и нравственное развитие» женщин в целом и матерей в частности[13]. А поскольку матери являлись воспитательницами маленьких детей обоего пола, то очевидно и влияние пиетизма на воспитание всей немецкой нации. Кроме того, он влиял и на отношение к печатному слову: если приверженцы пиетизма неизбежно начинали с чтения Библии и иных священных текстов, то зачастую они переходили и на светскую литературу, которая стала основой для размышлений и дискуссий, в которых женщины свободно могли принимать участие. Чувство принадлежности к духовному сообществу явилось новым интеллектуальным опытом, инициировавшим процесс роста культурного уровня. Это, в свою очередь, привело к появлению литературы личного характера – дневников, переписки и диа-

[12] Wolfgang von. Goethe. *Wilhelm Meisters Lehrjahre.*
[13] Karl Ferdinand von Kluden. *Jugenderinnerungen* (Leipzig, 1874), p. 19.

логов, живость изложения в которых и их качество в немалой степени стало заслугой женщин: «Я решила вести личный дневник, в котором я буду отчитываться, как перед своей совестью, за мою внутреннюю жизнь, вынося суждения об идеях и чувствах, которые возникают во мне, для того чтобы продолжить свое образование и углубить свое сознание»[14]. Подобные практики выходили далеко за рамки обычных школьных программ.

Чтение: от бегства к размышлениям

Как мы уже видели, для девочек первым средством приобретения знаний всех уровней была Библия. Дети учились читать, с трудом разбирая библейские слова, и учились вести себя, извлекая нравственные уроки из священных текстов. Конечно, книжные ярмарки, как например Лейпцигская, свидетельствуют об уменьшении, но все еще высокой доли религиозных текстов. В 1770 году книги религиозного содержания составляли 25% от всех публикаций, однако к 1800 году этот показатель снизился до отметки в 13,5%. Книги, относившиеся к категории художественной литературы, в 1770 году составляли 16,5%, а в 1800 году — 21,5%. Эти цифры явным образом указывают на то, что один из книготорговцев и ловких дельцов того времени назвал «великой революцией в издательском деле»[15].

Часто именно женщины, более или менее сознательно, являлись проводницами этой «революции». У некоторых из них развился ненасытный аппетит к чтению. Гувернантка одной из благочестивых семей писала в письмах о восьми разновидностях ежедневного чтения: «Они читают так, как некоторые люди фаршируют гусей лапшой».

После того как женщины научились читать и раздумывать над религиозными текстами все дни и ночи напролет, в начале XIX века они стали использовать недавно обретенную свободу в своих личных целях. Современники-мужчины критически относились к тому, что они рассматривали как «неуемную страсть к чтению» у некоторых женщин[16]. Когда девушка-подросток теряется в романах, говорили они, она теряет и свою невинность, а также выдумывает себе искусственный

---

[14] Elisa von der Recke. *Briefe und Tagebьcher*, C. Trдger, ed. (1984), p. 86.

[15] Wilhelm Fleischer. *Plan und Einrichtung eines neuen Lese Instituts im Frankfurt-am-Main*, 1796.

[16] Marie-Claire Hoock-Demarle. *La Rage d'écrire. Les femmes allemandes face a la Révolution fransaise (1790–1815)* (Aix-en-Provence: Alinйa, 1990), pt. 2, chaps. 1 and 2.

рай. В равной степени вред несет и поэзия. Между тем некоторые мужчины утверждали, что чтение романов молоденькими девушками, которые представляют себе то, на что будет похожа жизнь, когда они станут старше, далеко не так вредоносно, как злоупотребление литературой замужними женщинами. В каждой провинции и в каждой стране были свои мадам Бовари. Книги перестали служить простым уходом от реальности, а превратились в замену жизни, способ бегства от повседневности, который влек за собой конец домашнему спокойствию. Когда это случалось, общество оказывалось в опасности, поскольку читающая женщина пренебрегала своими обязанностями жены и матери; она не могла выполнить свою миссию как женщина, состоявшую в том, чтобы поддерживать порядок в доме и семье. Читать означало мечтать, следовательно, уходить от реальности, попирать нормы и обычаи, то есть делать совершенно обратное тому, что ожидалось от женщины из добропорядочной семьи XIX века.

Женщины подобную точку зрения не разделяли. В уединении частной жизни чтение часто служило компенсацией раннему браку. Каролина Шлегель-Шеллинг, одна из ведущих фигур раннего немецкого романтизма, рано вышла замуж за провинциального врача. Ее единственной связью с внешним миром стали книги, присылаемые ей из родного университетского города Гёттингена. Если книга не доходила, она умоляла и злилась: «Я несколько раз умирала от жажды, поскольку мой источник книг иссяк»[17]. Она отправляла списки книг, которые хотела сразу же получить, начиная «с тех, что ты читаешь, лежа на софе», и заканчивая «теми, которые ты читаешь, сидя на той же самой софе за рабочим столом». В эти списки не входила Библия или иные религиозные книги; они представляли собой смесь беллетристики и документальных работ, от газет до массивных исторических трудов. По мере того как менялось содержание читаемых женщинами книг, менялось и отношение к активной деятельности. Раз Библия читалась вслух и служила средоточием нравственных и религиозных размышлений, то отныне чтение становится более разнообразным и эклектичным, равно как и более личным. Каролина еще не дошла до того, чтобы читать политические трактаты, но она уже познакомилась с литературой других стран: с Шекспиром, чьи пьесы она впоследствии переведет, с «Письмами из тюрьмы Венсен» Мирабо, а позднее — с некоторыми работами Кондорсе. В 1796 году она написала мужу своей сестры Фридриху Шлегелю: «Фриц! Есть две вещи, которые ты обязательно должен прочитать. Одна написана Кондорсе:

---

[17] Письмо Каролины Шлегель-Шеллинг сестре Лотте Михаэлис от 22 марта 1786 года: Sigrid Damm, ed., *Caroline Schlegel-Schelling in ihren Briefen* (Darmstadt, 1980), p. 90.

не упусти шанс прочесть ее. И прочитай все работы человека по имени Фульда, который должно быть был учителем, имевшим весьма оригинальное представление о человеке»[18].

Жених или муж мог также гордиться «культурной» женщиной, пока она была согласна приукрашивать свой ум и собирать приятные цитаты для своих поэтических альбомов. Но как только наступало желание расширить свои познания, проанализировать содержание прочитанного или сравнить прочитанное с окружающим миром, голову начинал поднимать призрак «ученой женщины». Это вызывает интересную революционную коннотацию, как в замечании Барби д'Орвиля, что «синечулочничество» является «революцией в литературе, потому что синий чулок для женщины, что красный колпак для мужчины»[19]. Действительно, немецкие женщины в начале XIX века больше не хотели читать сентиментальные романы, ввозимые из Англии некоторыми их сестрами. Немецкие вариации на тему «Памелы» и «Клариссы» Ричардсона уже казались устаревшими, и даже такой бестселлер, как «История фройлен фон Штернхейм», который в 1770-х годах сделал имя Софии фон ля Рош, вышел из моды.

На изменения в женских пристрастиях повлияли два обстоятельства. Во-первых, женщины стали активнее интересоваться злободневными проблемами: текущими событиями, наукой, новшествами и изобретениями. Лейтмотивом женских работ этого периода являются ссылки на «Энциклопедию». На нее смотрели как на ценнейшее сокровище, которое необходимо сохранить любой ценой; к ней обращались по каждому вообразимому предмету, начиная от того, как построить хижину в Новом Свете, и заканчивая тем, почему индианки рожают одни и воспитывают детей без мужа.

Второе обстоятельство подкрепляло первое: благодаря Французской революции женщины, возможно, в первый раз непосредственно столкнулись с историей. На протяжении четверти века (с 1790 г. по 1815 г.) они часто вынуждены были без посторонней помощи справляться с семейной, образовательной и экономической ответственностью в мире, к которому ничто их не подготовило. Интерес к злободневным проблемам и текущим событиям повлек за собой подлинную «культурную революцию» для женщин, особенно в Германии. Тем не менее ни одной немке не удалось создать нечто, сравнимое с «Обоснованием прав женщины» (1792 г.) Мэри Уолстонкрафт или «Декларацией прав женщины и гражданки» (1790 г.) Олимпии де Гуж. Чтение и литера-

---

[18] Ibid. P. 152–153.

[19] Barbey d'Aurevilly. *Les Bas-Bleus* (Brussels, 1878). О происхождении понятия «синий чулок» см.: Plantй. *La Petite Soeur de Balzac,* p. 28.

тура, однако, служили связными между разными странами. Чтение газет и создание так называемых «романов на злобу дня» стали двумя аспектами одного процесса. Во Франции и Германии роман отражал реальный опыт женщин: отныне он не был простым механизмом ухода от действительности, скорее наоборот — он превратился в символ осознания общих для всех европейских женщин проблем. Чтение укрепляло солидарность женщин всех сословий и всех поколений. В возрасте семидесяти пяти лет мать Гёте выражала свой восторг по поводу романов, написанных женщинами, которые затрагивали самые что ни на есть насущные вопросы. В письме к своему сыну она писала: «Ничего более доброго и похвального для своей любящей матери, испытывающей нищету духа, ты не можешь сделать, кроме как быть настолько любезным, чтобы разделить со мной эти приятные вещи, всякий раз, когда ты их получаешь»[20]. Книги, раньше читаемые для собственного удовольствия, духовного совершенствования или ухода, теперь стали стимулом к размышлениям о себе и других.

Поскольку книги структурировали чтение определенным образом, они изначально служили эффективным инструментом своего рода социализации, которую жаждали некоторые читательницы. Читающая публика существовала, а развивающаяся индустрия книгоиздания делала все от нее зависящее, чтобы удовлетворить постоянно растущие запросы читателей. Более поздние каталоги содержат новые категории и жанры, нацеленные специально на женщин: здесь мы найдем истории о разбойниках и монастырях, приключенческие рассказы в стиле «Робинзона Крузо», романы об эмиграции, о Французской революции, а также романы на «философские, нравственные и педагогические темы»[21]. Некоторые наблюдатели сожалели о происходивших изменениях и тосковали по тому недалекому прошлому, когда женщины читали лишь «поучительные книги, случайные рассказы и поваренные книги».

Подобный эклектизм перестроил и сам акт чтения. «Интенсивное» чтение — неоднократное обращение к одному и тому же тексту — уступило место «экстенсивному» чтению[22]. Женщины читали много книг, и читали их лишь один раз. Это требовало развития книгоиздательской деятельности, которая смогла бы постоянно увеличивать выпуск про-

---

[20] Письмо Катарины Элизабет Гёте своему сыну от 15 февраля 1798 года: Catharina Elizabeth Goethe. *Briefe an ihren Sohn* (Stuttgart: Reclam, 1971), p. 13..

[21] J. J. Ersch. *Allgemeines Repertorium der Literatur fьr die Jahre 1785–1790, 179–1795, 1796–1800.*

[22] Об использовании понятий «интенсивное» и «экстенсивное» чтение, помимо других работ, см.: R. Engelsing. *Analphabetentum und Lektьre. Zur Sozialgeschichte des Lesens in Deutschland zwischen feudaler und industrieller Gesellschaft* (Stuttgart, 1973).

дукции. Чтение превратилось в подлинный социальный институт. Это составило второй фактор социализации — при помощи чтения. Подобно остальным европейским странам того времени, Германия переживала огромный рост количества читающих людей. Группы читателей возникали буквально повсюду наряду с выдававшими книги на руки библиотеками, читальными залами и прочими получастными заведениями. Интересно то, что многие из них были открыты и для женщин. И это не являлось исключительно городским феноменом: объединения читателей существовали и в небольших городках, и даже в деревнях[23]. В большинстве своем они не были специальными заведениями. Безусловно, некоторые частные библиотеки, подобно Harmonie в Гамбурге, располагались в роскошных зданиях, однако большинство представляли собой просто доступное всем собрание книг, принадлежавших врачам, юристам и философам[24].

Книги имели хождение на всех уровнях. Фридрих Шлегель насмехался над слугой, согнувшимся под тяжестью книг, которые его жена взяла в Йенской библиотеке, однако признавал, что подобное распространение печатных материалов являлось новой силой, которая объединяла женщин. Даже письма, эта всеми признанная форма женской литературы, отражали происходившие перемены, осмеливаясь выходить за рамки домашней сферы и выражать суждения о литературе. Кружки романтиков в Йене и берлинские салоны, руководимые еврейскими женщинами, например Рахилью Фарнхаген и Генриеттой Герц, преуспевали в своих дискуссиях по поводу недавно изданных книг. Мадам де Сталь, хотя и сама была хорошо знакома с литературными салонами, тем не менее была поражена интенсивной культурной жизнью в Берлине, который в иных отношениях был провинциальным городом «в песчаных отходах Бранденбурга». Чтение привело, как Генриетта Герц удачно описала в своих воспоминаниях, к более живому общению: «Я провела несколько лет среди самых утонченных людей в Берлине Сначала все мы встречались в Teekrдnzchen25. Затем это было общество чтения Флессера, которое объединяло художников, государственных деятелей, ученых и женщин»[26]. Общества чтения были «революционными» в том смысле, что они фактически

[23] Marlies. Prъsener. "Lesengesellschaften im 18 Jahrhundert", *Archiv fъr Geschichte des Buchwesens*, no. 13, 1973.

[24] Ibid. Автор приводит в пример одного гамбургского врача, который открыл доступ к своей библиотеке для всех желающих. В библиотеке содержалось тринадцать книг, девять из которых были посвящены Французской революции.

[25] Букв. — чайный кружок, особая форма дамского сообщества в тогдашней Германии. — *Примеч. редактора.*

[26] *Henriette Hertz. Erinnerungen*, R. Schmitz, ed. (Frankfurt, 1984), p. 50.

являлись единственным публичным местом, за исключением театра и определенных салонов, где мужчины и женщины могли встречаться и обсуждать общие проблемы. Объединение читателей стало светским «монастырем», в котором женщины принимали полноправное участие, а к их авторитетным мнениям часто прислушивались.

Тогдашняя историческая ситуация стимулировала интерес читателей к политике, и женщины вскоре стали также размышлять о политических вопросах. Таким образом, при помощи книг они осмелились вступить на землю, которая однажды уже была закреплена исключительно за мужчинами. Их вторжение было кратким, но важным.

В женских письмах, относящихся к первой декаде XIX века, часто упоминаются Мирабо, Кондорсе и Сийес. Широко читались и газеты. Газеты для женщин возникали по всей Европе, среди них Journal des Luxus und der Moden («Журнал роскоши и моды»), выходивший с 1786 г. по 1816 г., и обозрение London und Paris, чьим парижским обозревателем была Гельмина фон Шези. Между тем читательницы также любили читать и основные газеты того времени, например Hamburger Correspondent и Moniteur. Язык имел мало значения: «Лафайет! Мирабо! Петион! Байи! О, каким энтузиазмом горят мои щеки, когда тихим вечером целый час я читаю своему мужу и двум-трем его близким друзьям речи, которые Moniteur так точно передает», – отмечала в своих опубликованных в 1839 году мемуарах Иоганна Шопенгауэр, мать будущего философа[27].

Период с 1790 г. по 1815 г., когда женщины получили доступ к ряду сфер, прежде предназначенных исключительно для мужчин, являлся уникальной эпохой в немецкой истории. Это было время, когда обязательное образование, хотя все еще и слабое, начало приносить свои плоды; это было время, когда первое поколение женщин выбрало чтение в качестве способа компенсации за высшее образование, которого они по-прежнему были лишены. Книги, распространявшиеся по постоянно возникавшим новым каналам, предоставляли женщинам доступ к новым социальным сетям. Таким образом, чтение являлось для женщин подлинным инструментом социальной интеграции. Некоторые довольствовались интеллектуальным равенством *de facto*, которым они пользовались в обществах читателей. В то время как другие воспользовались теми возможностями, которые прелагали книги, для создания в период романтизма различного рода кружков и салонов.

Небольшое количество женщин были настолько увлечены происходившими вокруг событиями, что превратили само чтение и выбор того,

[27] Johanna Schopenhauer. *Jugendleben und Wanderbilder* (Munich: Winkler, 1958), p. 267 (репринтное издание 1839 года).

что читать, в средство политической эмансипации, которую ни закон, ни мужчины, не были готовы им предоставить. Именно поэтому ряд современников-мужчин чувствовали потребность в создании довольно-таки мрачного портрета тех женщин, что пали жертвами болезни чтения: «Я, конечно же, критически отношусь к тому обстоятельству, что женщина должна совершенствовать стиль своего письма и беседы при помощи надлежащего изучения благопристойных книг или же что ей не следует оставаться в полнейшем неведении относительно научных знаний. Однако она не должна превращать литературу в свою профессию или вторгаться в сферу эрудиции»[28]. Несмотря на то что тон казался рассудительным, аргументы по-прежнему были безнадежно традиционными: немного знаний — это *не* опасная вещь, но лучше бы женщина не особо привыкала к этому источнику.

Тот же тип аргументации, но только более сильный, выдвигался после 1815 года. Во время грандиозных социальных изменений (массовый исход из деревин и поразительное повышение уровня детского труда) прогресс в образовании девочек замедлился, а «жажда чтения», столь распространенная среди женщин раньше, стала сталкиваться с существенными преградами. При том порядке, который установил Меттерних, выбор книг для чтения отныне не был делом отдельно взятой личности. Контролируемое, регулируемое и подверженное цензуре чтение, даже приватное, стало тем родом деятельности, который подлежал закрытию и неизбежной тщательной проверке. Читающим женщинам пришлось хранить молчание, и такое положение вещей не осуждалось вплоть до середины века, а в конце века можно было услышать голоса лишь нескольких маргинальных фигур.

Тем не менее к концу века «голос женщин» вновь был услышан, подстрекаемый некоторыми мужчинами-писателями, например Августом Бебелем, автором книги «Женщина и социализм» (1879 г.). Однако немецкое женское движение, разделенное на буржуазное крыло и пролетарское, в значительной степени ограничивалось узкой сферой политики и больше не получало тех же откликов от своей «публики». Действительно, понятие «публика» кажется скорее неуместным, поскольку то, что касалось непосредственно самих женщин и оказывало на них влияние, принадлежало к сфере «частной». Однако по крайней мере в статистическом отношении женская публика существовала, но интересы ее значительным образом изменились. Победу одержала дешевая, эскапистская литература, строго отслеживаемая общественными и частными властями: рынок был наводнен историческими романами, которые старательно избегали какой бы то ни было

[28] Adolf von Knigge. *Ьber den Umgang mit Menschen* (1790), pt. 2, chap. 5.

отсылки к иастоящему, а также бульвариой литературой и серийными изданиями, продвигаемыми жеискими журиалами подобио *Gartenlaube* («Садовый домик»). Огромным успехом пользовались такие авторы, как Евгения Марлитт и Хедвиг Куртц-Малер. Один из романов Марлитт, впервые опубликованный иа страницах *Gartenlaube* в 1866 году, в течение двадцати лет выдержал двадцать три издания.

Другие жеищины искали соответствующие способы, чтобы выразить иазревшие у них вопросы. К середине столетия, когда Реставрация и цеизура утвердили буржуазные добродетели и условиости, то, что читали и писали жеищины, уже свидетельствовало о растущем разрыве между эскапистской литературой и работами более серьезиой иаправлеииости.

История культуры полна подобных противоречий: во времеиа, когда книги «якобы избегали таких сnориых предметов, как религия»[29], а большиисгво читательниц, казалось, довольствовались предлагаемой им бульвариой литературой, иесколько жеищии, ие желавшие, чтобы им затыкали рот цеизурой, или клеветой, или безразличием, или же мрачиым поражением революции 1848 года в Германии, стали подавать свои голоса. К 1850 году они осмелились иарушить всеобщее «спокойствие» тем, что сами они иазвали «голосом женщин».

Письмо: для себя, для других

Впервые за перо иемецкие жеищины взялись около 1800 года, в иачале того, что Криста Вульф иазвала *Zwischenzeit* (буквальио – переходиое время), в период междуцарствия ие только между двумя столетиями, ио двумя мирами, фундамеитальиым образом, отличными друг от друга по своей политической жизни, состоянию общества и культуре. Коиечио, жеиская литература уже существовала в Германии и состояла преимуществеино из нравственных, педагогических и сентимеитальных книг. Одиако совершеино иной вид жеиской литературы вырос из потребиости отразить то огромиое влияние, которое оказала Французская революция. Кроме того, вскоре женщины ощутили иовую потребиость в самовыражении. На протяжеиии XIX века иовая литература развивалась вместе с самим обществом, чтобы стать инструментом отражения тех реалий, которые влияли иа всех женщин.

---

[29] Эти слова, сказанные основателем *Gartenlaube* в 1853 г., цит. по: Renate Mühmann. *Die andere Frau. Emanzipationsansdtze deutscher Schriftstellerinnen im Vorfeld der 48-Revolution.* (Metzler, 1977), p. 167.

Любопытно, но именно там, где выражение политических взглядов отсутствовало или находилось под запретом, политические события вызвали желание публично самовыразиться через литературу. Ни одна немка в это время не написала что-либо похожее на манифест Теодора фон Гиппеля, требовавший «гражданского совершенствования женщин». Тем не менее, в период между 1790 г. и 1815 г. ряд женщин написали романы, затрагивавшие злободневные проблемы, например Французскую революцию и ее непосредственные последствия. И хотя доступ к публичной сфере на протяжении всего столетия оставался для женщин весьма проблематичным, литература по крайней мере стала первым шагом к опосредованному вступлению на мужскую территорию политики и истории.

Количество тех женщин, которые сделали этот первый шаг и осмелились принять участие в столь быстро развивавшихся жанрах, как роман и драматургия, было, конечно, невелико, а мужчины-писатели относились к ним с сарказмом: «Из сорока-пятидесяти женщин-писательниц в сегодняшней Германии (не считая тьму тех, кто даже не озадачивается, чтобы опубликовать написанную ими глупость) наберется едва ли дюжина тех, кто наделен высшего рода гениальностью и поистине имеют призвание к тому, чтобы осмелиться и вступить в область, для которой их не подготовила ни природа, ни структура самого общества»[30]. Это замечание, сделанное в начале XIX века, прекрасно обрисовывает то всеобщее отношение к «женщинам-писательницам», которое будет господствовать на протяжении следующих ста лет: критицизм, если не сказать презрение, ожидал тех, кто нарушил табу, установленное культурой и обществом. Эта позитивистская псевдонаучная эпоха добавила и еще одно табу, основанное на считавшейся доказанной второстепенности женского тела и мозга: «Женщины-писательницы не существует. Она — это логическая несообразность. Роль женщины в литературе та же, что и в производстве: она приносит пользу, тогда как гений больше не требуется»[31].

Мизогиния не знала границ, а гений или талант женщин-писательниц оставался непризнанным. Когда уже престарелый поэт Клеменс Брентано узнал, что его сестра решила попробовать себя в литературной игре, он был возмущен: «Это весьма скверно. Это создание, Беттина, была бы восхитительна в своей роли ангела, не выстави она

[30] Adolf von Knigge. *Ьber den Umgang mit Menschen*, pt. 2, chap. 5, 10.

[31] П.-Ж. Прудон цит. по: Plantй. *La Petite Soeur de Balzac*, p. 216. См. также биологические теории П. Мёбиуса, чья работа «О физиологическом слабоумии женщины» ("Ьber den physiologischen Schwachsinn des Weibes") вызвала в 1900 году настоящую сенсацию.

напоказ то, что было в ней самого лучшего и личного»[32]. Излюбленной мишенью для нападок была Жорж Санд: «Как в трубке, так и в романах мадам Дюдеван, мы ничего не находим, кроме самой ужасной и презренной вульгарности»[33].

Если господствовавший в то время климат меньше всего подходил для женской литературы, немногие женщины брались за перо, пока не были вынуждены сделать это под давлением материальных обстоятельств («прокормить семью») или превратностей жизни в эмиграции, даже если то образование, которое они получили, не было приспособлено к потребности зарабатывать себе на жизнь. Однако некоторыми двигало настоятельное стремление писать: многие использовали псевдонимы или же заимствовали имена своих мужей, вызывая бесчисленные семейные споры. Некоторые авторы в конце концов открыли свое истинное лицо, приводя в пользу этого решения несколько странные аргументы. Подобное признание в 1820 году сделала, например, Тереза Губер: «Публике было бы трудно поверить в то, что автор (сборника рассказов, опубликованных в 1803 году) уже давно является матерью. Поэтому я хранила в тайне свою литературную деятельность. У стареющей матроны нет больше домашних обязанностей. Сегодня она при помощи литературы может выполнить, вернее, не выполнить, свой материнский долг»[34].

Одним из наилучших путей для тех женщин, кто хотел писать, было занятие переводами. По вполне очевидным причинам работа подобного рода считалась идеальной для женщин. Она не подвергалась непристойной гласности литературного рынка. Временами хорошо оплачиваемая, эта работа была и анонимной: не было никакой торговли именем мужа, а семье не угрожала опасность. И, наконец, перевод был совместим с обязанностями женщины: работа могла быть прервана, как только этого потребует ритм жизни домашнего хозяйства. Однако, кроме этого, существовало еще и нечто такое, что те, кто смотрел на перевод как на пагубное времяпрепровождение женщины, не всегда ясно понимали: переводить означало конкретно использовать полученные знания, и некоторые переводчицы находили свою меру свободы в выборе текстов для перевода и, вероятно, даже в редкой возможности вложить в перевод какую-то часть своих мыслей, которая иначе не нашла бы выхода. Почему ставшие впоследствии писательницами, но начинавшие как переводчицы женщины сознательно выбирали для перевода такие работы, как например переписка Нинон де Ланкло или

[32] Письмо Клеменса Брентано Эмилии фон Найндорф (Мюнхен, 1844 г.).
[33] *Literaturblatt*, March 15, 1839.
[34] Статью о Терезе Форстер-Губер см.: *Allgemeine deutsche Biographie* (составлена на основе ее воспоминаний, опубликованных в 1803 году)..

пьесы и романы о Французской революции?[35]. Тайную связь между переводом и писательством раскрывает Тереза Губер, вспоминая, как она переводила модного автора Луве де Коврея: «Я написала концовку “Неизбежного развода”. Мысли легко текли из моего бурлящего воображения прямо к моему перу. И ночью, не отходя от постели больного Губера, прижимая моего младенца к груди, я стала писательницей».

Если перевод был тем, что Прудон назвал «обслуживающей деятельностью», он тем не менее поощрял (что было так необходимо) женщин двигаться дальше, к другим формам литературы. Мало кто из женщин-писательниц как во Франции, так и в Германии попробовали свои силы в драматургии, а те, кто сделал это, имели мало шансов на успех. Свидетельством тому служит пример Марии фон Эбнер-Эшенбах, которая была хорошо известной романисткой конца века, рискнувшей написать пьесу о мадам Ролан, но она так никогда и не была поставлена[36]. Больше шансов на успех женщинам давали рассказы и романы, что было вполне предсказуемо, поскольку эти жанры являлись одной из форм «литературы массового потребления»: «Большинство романов покупают именно женщины, именно они и производят большинство из них. Поэтому я придерживаюсь того мнения, что им следует создавать свои романы, так же как они пришивают себе на платье оборки»[37].

Следует помнить, что некоторые из женских романов способствовали распространению подобных клише. Неустанные подражатели Вальтера Скотта, неутомимые создатели романтической и готической литературы, ряд женщин-писательниц использовали модные жанры и выдавали на гора бесконечные серии безвкусных книг, которые тем не менее находили себе подготовленную публику, когда они сериями издавались на страницах таких журналов, как *Gartenlaube*. Несмотря на то что с благословения властей в XIX веке этот вид беллетристики стал синонимом женской литературы, не стоит упускать из виду остальные формы женской литературы, подвергавшиеся цензуре, сарказму и презрению.

Письма, являясь для женщин основным средством литературного выражения, создали альтернативный форум, где талантливые и умные женщины могли бы проявить себя. Внешне замаскированные под частную переписку письма на деле имели широкое значение; они не только

---

[35] Софи Меро перевела письма Нинон де Ленкло в 1797 году; Тереза Губер занималась переводами писем мадам Ролан.

[36] Написанная Марией фон Эбнер-Эшенбах в 1867 году трагедия «Мари Ролан» была сыграна лишь однажды — любителями в Веймаре.

[37] Слова ученого-академика Огера цит. по: Jean Larnac. *Histoire de la littérature féminine en France* (Paris, 1929).

распространяли информацию, но и предоставляли возможность размышлять и экспериментировать со всей гаммой литературных жанров. Характерным примером тому является переписка Рахель Фарнхаген, однако Беттина фон Арним не желала вложить весь свой творческий гений, поэтически превращая свою переписку во всепоглощающий литературный жанр[38]. Знаменательно, что значительная часть этой приватной литературы — дневники, воспоминания, автобиографии — была опубликована в 1840-е годы, вызывая ностальгию у тех женщин, которые помнили краткую, но напряженную интерлюдию рубежа столетия, когда прошла их юность[39]. Между тем на горизонте уже маячили новые перспективы, и смелые женщины бросили вызов всем своим противникам, заявив о новых политических требованиях. К примеру, литературная карьера Беттины фон Арним реально началась лишь в 1837 году, когда она взялась за дело «Гёттингенской семерки», дело семерых профессоров, которых уволили из университета Гёттингена за их самонадеянное напоминание герцогу Ганноверскому о его обещании провозгласить конституцию. В конце концов именно возросшее значение «социального вопроса» обнаружило сокрытый до поры раскол в женской литературе.

В 1840-х годах озабоченность социальными проблемами придала новое измерение и силу работам некоторых женщин. Несколько женщин, уже сделавших себе имя в литературе, отказались от нее ради того, чтобы попробовать себя в социологических исследованиях.

Публикация в 1839 году «Лондонского журнала» Флоры Тристан и работы Беттины фон Арним «Эта книга принадлежит королю» (1843 г.) свидетельствовала о том, что интерес женщин к социальным реалиям превратился в общеевропейский феномен. Вследствие того что текущие общественные перемены были настолько далекоидущими и глубинными, ориентированная на социальные вопросы литература того времени отказалась от использования художественных приемов, высокого стиля и создавала героев в угоду статистике, списки пауперов и не приведенные в систему факты. Появлявшиеся в результате работы были впечатляющими, но прошли практически незаметно для современников; их стиль был документальным, а их социальное

[38] Marie-Claire Hoock-Demarle. *Bettina Brentano von Arnim ou la mise en oeuvre d'une vie* (Ph.D. diss., 1985).

[39] Среди множества женских автобиографий, опубликованных в 1830–1850 годах, самыми известными являются воспоминания Генриетты Герц (написаны в 1823 г., опубликованы в 1850 г.), Элизы фон дер Рек (написаны в 1804 г., опубликованы в 1830 г.) и Иоганны Шопенгауэр (опубликованы ее дочерью в 1839 г.), а также переписка Рахель Варнхаген (опубликована ее мужем в 1833 г.) и Беттины фон Арним (относящаяся к 1807 году).

и политическое послание, которое, по мнению ряда мужчин-писателей, замалчивалось цензурой, могли по-прежнему передавать лишь женщины. Подтверждение этому утверждению можно обнаружить в приведенном ниже отрывке из беседы писательницы Луизы Астон с начальником берлинской полиции в марте 1843 года:

«*Астон*: В интересах моей литературной карьеры желательно, чтобы я оставалась в Берлине, где я постоянно черпаю новое вдохновение.

Начальник полиции: Безусловно, это не в ваших интересах, чтобы вы публиковали свои будущие работы здесь, поскольку они, несомненно, будут столь же либеральными, как и остальные ваши замечания.

Астон: Что ж, ваше превосходительство! Если прусское правительство начинает бояться женщины, значит, оно на самом деле находится в скверном положении!»[40].

Решающим поворотным моментом стало поражение революции 1848 года в Германии. Благосклонность стала терять социально ориентированная литература, характерная для эпохи Vormdrz[41]. Некоторые писательницы отреклись от своих прежних стремлений и стали выпускать более безопасный товар: Луиза Мюхльбах, чей роман «Афра Бен», описывавший жизнь первой профессиональной писательницы в Англии и являвшийся мощным призывом в пользу истинной эмансипации женщин, сейчас публиковала лишь такие пустяшные вещи, как «История двора в Сан-Суси во времена Фридриха II» и другие псевдоисторические работы. Даже самые эмансипированные женщины по-прежнему боялись литературы как публичного акта. В «Истории моей жизни» (1861–1862) Фанни Левальд, эмансипированная еврейка и любимица берлинского литературного истеблишмента, признавалась: «Привыкшая более, чем я сама подозревала, к определенной зависимости и покорности, я всегда расценивала свою литературную деятельность как нечто, что будет даровано мне, нечто, чем мне разрешат заниматься со всеми видами ограничений, поэтому я всегда чувствовала необходимость вязать что-нибудь для семейных нужд»[42].

Если во второй половине XIX столетия не наблюдалось пробуждения определенного рода женской литературы, то, чтобы отыскать ее следы, мы должны обратиться к кругам аристократии и состоятельным сословиям. Безусловно, принадлежавшие к высшему классу женщины

---

[40] Louise Aston. *Meine Emanzipation, Verweisung und Rechtfertigung* (Brussels, 1846). Цит. по: Muhrmann. *Die andere Frau*, p. 146.

[41] *Vormdrz* (буквально – предмартовский) относится к периоду 1840–1848 гг., до начала революции в марте 1848 года.

[42] Fanny Lewald. *Meine Lebensgeschichte* (Berlin, 1863), vol. 1, p. 260.

продолжали публиковаться. Это были, например, Луиза Отто-Петерс, которая в 1849 году основала «Женский журнал для высоких интересов женщин»; Лили Браун, урожденная фон Кретшман, автор знаменательных «Воспоминаний социалистки»; и Хедвига Дом, боровшаяся за избирательные права[43]. Однако в равной степени мощное и более новое движение стало оформляться в среде пролетарских женщин. Два новых подхода к тому, что называлось *Frauenfrage*, или «женский вопрос», встали на распутье в 1894 году. Это вылилось в ряд публикаций автобиографий женщин-работниц, самой известной из которых остается автобиография Аделанды Попп «Юность женщины-работницы». Эта книга была примером того, что Гёте назвал «автобиографией снизу», а ее автор тотчас же заявляет, что ее намерением является изображение не только самой себя, но и других женщин, находящихся в подобных условиях: «Я написала историю своей молодости, потому что она схожа с историей тысяч других пролетарских женщин и девушек»[44]. Семья, состоящая из пятнадцати детей, три года спорадического учения в школе, работа на фабрике в возрасте десяти лет, пребывание в больнице в возрасте тринадцати и открытие величия классической литературы — об этом пути рассказывается не только потому, что он имеет личную ценность, но и потому, что он служит примером пути многих других. Автобиография призвана служить другим, и в конце века женская литература взяла на себя роль, мало чем отличавшуюся от роли педагогических и нравственных текстов, «моральных воспоминаний» и сентиментальных романов предыдущего столетия. Только сейчас эти тексты говорили своим читателям не о нравственных проблемах, а о социальных.

Отсюда история, несмотря на ее краткость и незавершенность, того, какой путь проделали женщины, начиная с их первых шагов к образованию и заканчивая общественной политической деятельностью посредством литературы, являет собой своего рода притчу для социальной истории в целом. «Если стиль есть выражение человека, то литература в не меньшей степени есть выражение общества», — писал в 1812 году Луи де Бональд. Безудержный рост женщины в публичной сфере культуры был достигнут благодаря неуклонному прогрессу в распространении грамотности, которому ни одно законодательство не могло действительно помешать.

---

[43] О литературе этих женщин см.: Marianne Walle. “Contribution a l'histoire des femmes allemandes entre 1848 et 1920 (Louise Otto, Helene Lange, Clara Zetkin, et Lily Braun)”. Ph. D. diss., University of Paris VII, 1989.

[44] Adelheid Popp. *Die Jugendgeschichte einer Arbeiterein* (Munich, 1909) (с предисловием Августа Бебеля).

Тем не менее было намного сложнее стать писательницей в полном смысле этого слова. И хотя тех, кто писал сказки и эскапистские романы, хорошо принимала та часть женского населения, которая оставалась покорной установившемуся порядку, те, кто надеялся превратить литературу в истинный «голос женщин», способный выразить все обеспокоенности и сомнения эпохи, наталкивались на яростное противодействие и презрение. Но вместо того чтобы пасть духом, они обратили свои произведения в новом направлении[45] и не боялись по-новому взглянуть на культурную историю человечества, которая, настаивали они, была в равной степени и историей женщин, а не только мужчин: «Женщинам так часто говорили, что "за вас будут думать мужчины", что в конце концов они перестали думать. Многие поколения женщин росли с бременем своего интеллекта, к которому относились с презрением, и очень просто увидеть, что зачастую они сами оправдывали это презрение... Женщинам отказывали в способности сделать что-либо стоящее или важное в искусстве, науке или политике... Но книга, оказавшая огромнейшее влияние на общество, была написана женщиной, Гарриет Бичер-Стоу, – «Хижина дяди Тома». Непосредственным следствием этой книги было президентство Линкольна. Возможно, величайшим прозаиком нашего времени является женщина – Жорж Санд. Время сентиментальной привязчивости к остаткам прошлого прошло. Мы должны выставить старину, разваливающиеся пирамиды, пожелтевшие мысли и закоснелые идеи в истинном свете»[46].

Перевод И. А. Школьникова

[45] *Neue Bahnen* (новые направления) было тем названием, которое Луиза Отто-Петерс дала газете, основанной по ее инициативе в 1875 году.

[46] Hedwig Dohm. *Die wissenschaftliche Emanzipation der Frau* (Berlin, 1893), p. 45, 185.

7

Католическая модель

Микела де Джорджо

Женственность и контрреволюция

Добродетель благородного пола

В 1866 году Анна Мария Модзони, самая известная представительница итальянского феминизма, приспособила к идеалам эмансипации аристократическую генеалогию, которая и стала источником вдохновения католической феминистской модели в период Реставрации. «Благородная смелость» Марии Антуанетты Французской, бесстрашие герцогини Ангулемской и энергичность Марии Каролины Беррийской превратились в основу доказательства женского «высшего характера». Чисто феминистская мечта — «женщины вместо мужчин», потому что они «больше заслуживают этого благодаря своим моральным добродетелям», — взывает к Истории, стоящей «над страстями фанатиков», «приписывая каждому истинную роль». Фетинский священник[1] Джоакино Вентура был убежден в превосходстве женщин. В сравнении с ними Бурбоны, показав свою истинное лицо, всего лишь «жалкие мужчины», опустившиеся до низшей степени морального падения.

[1] Фетины — орден, основанный в 1524 году папой Павлом IV, главной целью которого стал призыв духовенства к нравственной жизни, а мирян — к культивированию добродетелей. — *Примеч. переводчика.*

Святой отец и феминистка были едины в своем облагораживании женщин, хотя отец Вентура и являлся нетипичным представителем духовенства XIX века. Будучи последователем Ламенне и за это высланный из Франции после 1848 года по причине споров с Пием IX, он являлся автором знаменитого романа *"La donna cattolica"* («Католичка», 1855), краеугольного камня нравственного образования женского пола. Этот сильный довод в пользу нравственной добродетели женщин («сегодня следует не только возвысить женщин в глазах мужчин, но следует возвысить ее в своих собственных глазах») был по стилю близок к нравоучительному тону, общему для европейской культурной истории XIX века, в которой можно было узнать очень разнящиеся между собой политические и религиозные кредо. Модель Вентуры сродни архетипу «мать — учитель», рожденному в дебатах о женском образовании во времена Революции. Идея «новой матери» развивалась и набирала силу сначала в своих детях и затем в мужчинах, социальных и индивидуальных добродетелях; это была классическая модель революционной педагогической мысли от Лаканаля до итальянца Буонаротти.

Католическая культура Реставрации легко приняла данную модель как наследие, подкрепленное вкладом научного знания. Во Франции в конце XVIII века влияние работ Жоржа Сталя выдвинуло на первый план кредо превосходства духа над телом. "Systeme physique et moral de la femme" («Нравственный и физические свойства женщины») Пьера Русселя, написанная в 1775 году, остававшаяся на протяжении более столетия фундаментальным теоретическим исследованием, определяла сущность женского пола как нечто большее, чем психологическая ограниченность, обусловленная наличием сексуального органа. Женская хрупкость и чувственность далеко отстояли от негативных последствий взаимоотношений между физическим и этическим; скорее они стали позитивным атрибутами самого женского типа. Даже дух получал выгоду из распространения знаков женственности, от физической стойкости до морального поведения[2].

К первым десятилетиям XIX века многие католические авторы уже создали теорию специальной «исторической» склонности христианства к стимулированию данных сентиментальных характеристик женственности, в основе своей отделенных от своих телесных, практически плотских, проявлений[3]. Освобожденный от подневольной связи между физиологической структурой и психологической субстанцией,

---

[2] G. Fraisse, *Muse de la raison* (Paris: Alinea, 1989).

[3] G. d'Azambuja. *Cio che per la Donna ha fatto il Cristianesimo* (Rome, 1912).

даный идеал женственности распространился в постреволюционной Европе. Женский дух, в отличие и в дополнение к мужскому, превратился для церкви эпохи Реставрации в резервуар ресурсов цивилизации и потенциал религиозного обращения. Подобным же образом, для классического идеализма женский дух был необходим для полного достижения «человечности» (семьи как нуклеуса “Sittlichkeit”[4] в «Философии права» Гегеля), как в случае с романтизмом и его идеалом гармоничной взаимной любви.

«Пол, который, по-видимому, одарен только свежестью и терпением, часто демонстрировал нам самую рьяную преданность, самое отважное рвение и потрясающее самообладание», – *писала католическая газета L'Ami* («Друг») в начале 1820-х гг. На ее страницах превосходство женского жизненного пути над мужским воспринималось как факт[5]. В глазах католиков Реставрации диалектика женской силы и слабости, которую обнажила революция, являлась одним из немногочисленных достоинств этого события. Этот новый социальный субъект появился чистым от политических страстей: христианские сантименты, глубоко в него впитавшиеся, сделали его исключительно образцовым. На вершине в качестве непосредственного политического символа сияла стратегическая отвага женщин из королевской семьи, но внизу находился неисчерпаемый источник женских ресурсов без каких-либо классовых барьеров.

«Молитвы, нежность, причитания, ласка» являлись средствами их убеждения, некий личный способ, которым во Франции женщины оказывали огромное влияние на политическую жизнь. Жозеф де Местр теоретизировал, что «к добру ли, ко злу ли, влияние вашего пола было велико» (но не выходило за рамки расширенной нуклеарной семьи: «Ее дети, друзья, слуги в той или иной степени подчиняются ей»). Его слова великолепно суммируют точку зрения эпохи. «Экспериментальным» примером является отец Пьер Александр Мерсье, который между 1850 и 1857 годами исповедовал 20 000 кающихся грешников в Фурвьере, принимая в среднем по 14 в день, хотя нам и не известен процент женщин. В серии лекций под названием «О благотворном и вредном влиянии, которое женщина оказывает на общество» он собрал из своего опыта рассказы о добродетелях и грехах. Этот текст был рекомендован в качестве образца для проповедников[6].

---

[4] Морали (нем.).

[5] R. Deniel. *Une image de la famille et de la societe sous la Restauration* (Paris: Editions ouvrieres, 1965), p. 125.

[6] M. Bernos. “De l'influence salutaire ou pernicieuse de la femme dans la famille et la societe”, *Revue d'histoire moderne et contemporaine* (July-September, 1982).

Господь изменяет гендер

Формирование женской противодействующей силы vis-a-vis мужчин было проще достигнуто во французской литературной традиции, где «женственность сердца» напоминают нам выдающиеся имена — от мадам де Севинье до мадам де Лафайет, — рассказывающие о мудром и легком прикосновении женственности в паутине частных отношений. В Италии отсутствие национального общества проявилось в распространении общих руководств по общественным манерам. «Естественный недостаток этого общества заключается в том, что в Италии нет чисто итальянских манер или тона», — жаловался Леопарди[7]. Именно церковь достигла унификации манер — от чего и произошла правящая цивилизационная традиция, — смешав присущие аристократическому поведению добродетели и добродетели доброго христианина[8]. В первые десятилетия XIX века была абсолютно вытеснена традиция оскорбительных трактатов о женщинах в стиле Боккаччо или Филиппо Бергамского. Господство церкви выражалось в полной колонизации французских католических руководств итальянскими авторами с описанием образцового жизненного пути разных женщин. Результаты этого влияния были достаточно глубокими. В конце 1880 годов Civilita Cattolica (Католическая цивилизация) яростно выступала против безбожного помещения в один и тот же пантеон таких выдающихся итальянок (предложенных женским журналом), как Матильда Каносская и Катерина Сиенская и двух мучениц Неаполитанской революции 1789 года Элеаноры Фонсеки Пиминтель и Луизы Санфеличе[9]. Женская социальная идентичность была бы неполной без моделей, предложенных католической литературной иконографией, страдавшей избытком святых[10].

Отдаление от церкви, случившееся в XIX веке, воинствующий или пассивный антиклерикализм являлся исключительно мужским феноменом. Большинство приходских священников жаловались, что мужчины отбились от стада. Религия не была *утеряна*, но заметно изменила свое содержание. От исключительно абсолютистского состояния ума она проделала путь к принятию релятивистских положений религиозного сознания. Мужчины скорее облачали свою веру в «политические

[7] G. Leopardi. *Dei costume italiani*, ed. A. Placanica (Venice: Marsilio, 1989), p. 132.

[8] S. Bertelli, G. Calvi. *Rituale, cerimoniale, etichetta nelle corti italiane*, in S. Bertelli and G. Grifo, eds. *Rituale, Ceremoniale, Etichetta* (Milan: Franco Angeli, 1985), p. 11 ff..

[9] I. Porciani. "Il Plutarco femminile," in S. Soldani, ed. *L'educazione delle donne. Scuole e modelli di vita femminile nell'Italia dell'Ottocento* (Milan, 1989).

[10] A. Scattigno. "Letture devote," in Porciani, ed. *Le donne a scuola, L'educazione femminile nell'Italia dell'Ottocento.* Catalog for documentary and iconographic show (Siena, 1987).

принципы», в то время как вера женщин сохраняла неизменной сущность их «состояния ума», о которой лучше чем что-либо свидетельствовали укорененные в твердой вере «акты поведения». Католицизм XIX века выражался в женском гендере. Феминизация религиозных практик, благочестия, духовенства очевидна. «Господь изменил пол», — провозгласил Мишле в середине века. Она стал первопроходцем гендерированного лексикона, применявшегося к религиозному кредо, существующего и по сей день.

Женщины едва фигурировали на карте основных пороков, о которых сообщали французские викарии после революционных потрясений: работа по субботам, непосещение мессы и пропуск обязательного причастия на Пасху. Религиозные практики женщин были более пламенными, к тому же женщины отличались большей наблюдательностью. Синтез на национальном уровне достаточно разнящихся региональных моделей поведения мог бы подтвердить гипотезу о том, что трое из четырех истинных католиков — женщины[11]. В начале XIX века Эгидий Яйс отметил, что за десять лет заботы о душах в округе Зальцбурга он обнаружил только одно место, где поток кающихся не состоял в большинстве своем из женщин[12]. Часто трудно обнаружить гендерные различия в религиозных практиках, но благочестивые книги показывают превалирующее женское присутствие. «Религия, до тех пор пока она является делом чувств, ближе женщине, нежели мужчине», — написал немецкий монах-бенедиктинец Ц. Гартнер в 1814 году в книге для чтения, адресованной исключительно женской аудитории. В середине века *Civilita Cattolica* подтверждала «определенной и признанной» феминизацию религиозных обрядов. Повсеместно в церкви «женский пол» превосходил «мужской»[13]. Но в толпе верующих со всей Франции, шедших в Арс, где находилась самая посещаемая рака со святыми мощами в середине XIX века (60–80 тыс. пилигримов в год), превалирование женщин совершенно очевидно: из 379, которых удалось идентифицировать, 64,4% женщины, большинство, что говорит не только об их религиозности, но и о рвении, питавшем их.

---

[11] F. Lebrun, ed. *Histoire des catholiques en France* (Tolouse, 1980), p. 321–330.

[12] E. Saurer. “Donne e preti. Colloqui in confessionale agli inizi dell’Ottocento,” presented at the Centro di Documentazione delle Donne di Bologna, in L. Ferrance, M. Palazzi and G. Pomata, eds. *Ragnatele di rapporti. Patronage e reti di relazione nella storia delle donne* (Turin: Rosenberg and Sellier, 1988), p. 253–281.

[13] *Civitta Cattolica*, ser. I, 10 (1852): 381.. В Риме на 1825 Святой год только 38% пилигримов были женщинами. Я благодарю за получение данного редкого количественного факта о религиозных привычек Италии XIX века Филиппу Бутри.

Идентификация католической женщины

Гендерированная «психология народа»

Духовенство в первой половине XIX века за недостатком статистических методов описывало свою паству без указания пола. Вдобавок их категории идентификации были расплывчаты и неточны. «Психология людей» в уменьшенном виде предстала на приходском уровне: деревенский «темперамент» — преданный, трудолюбивый, равнодушный или вялый — извинял духовенство от описания особенных добродетелей верующих. Такое антропсихологическое *огораживание*, которое Филиппа Бутри наблюдала в Арском диоцезе[14], расширилось до национальных границ, и его можно обобщить, чтобы позволить любую соционравственную идентификацию «типичной» женщины. Это было не просто пристрастием духовенства: Стендаль, Мишле — и их итальянские последователи из различных религиозных течений и дисциплин, писатель Томмасео и антрополог Мантегацца — все классифицировали женщин по «национальным типам». Из них они выводили характерное нравственное поведение: степени страстности, сентиментальности, склонность к самопожертвованию, супружескую преданность и т. д.

Только в последние десятилетия XIX века под совокупным влиянием индустриализации, урбанизации, просвещенности и политизирования женщин церковь была вынуждена приспособиться к стандартам классификации светских социальных наук и определить недифференцированную женскую космогонию более точными типами, по классам, брачно-семейному состоянию, возрастной группе, профессии[15]. Сокращение явно антагонистических различий между женщинами-католичками и женщинами-некатоличками стало одним из достоинств такой более полной идентичности. «Мы должны отринуть привычку изобретения различных и абсолютных типов и насколько возможно не говорить в единственном числе: «женщина-христианка» или «женщина-нехристианка», — писал отец Габриель д'Азамбужа в конце века[16].

Подобным же образом, концептуализация степеней «темпераментности» католицизма — на национальном, но не на местном уровне, —

---

[14] Ph. Boutry. *Pretres e paroisses au pays du dure d'Ars* (Paris: Le Cerf, 1986), p. 19. «Итальянский» (габсбургский в действительности) пример: L. Pesce, ed. *Thesaurus Ecclesiarum Italiae Aevi*, III, 9, *La visita pastorale di Sebastiano Soldati nella Diocesi di Treviso* (1832–1838) (Rome: Edizioni di Storia e Letteratura, 1979).

[15] G. d'Azambuja. *La giovane e l'evoluzione moderna* (Rome, 1911). Итальянский перевод 2-го французского издания (1880).

[16] G. d'Azambuja. *Cio che per la Donna ha fatto il Cristianesimo.*

бытовавшая в XIX веке, была просто ненаучной и образной. В 1828 году Елизавета Голицына, путешествуя по Италии в Рим в сопровождении матери Софии Барат, «ощущала», как будто она пересекала страну католицизма. В Святом городе она прониклась радостью: даже воздух «был наполнен близостью престола св. Петра». Улицы, наводненные крестами и украшенные изображениями Марии, у чьих ног находились коленопреклоненные мужчины и женщины («Мария почитается госпожой, перед которой склоняется вся Италия», — писал Тэн), наполненные статуями святых города и деревни — все это свидетельствовало о благочестии итальянцев[17]. В те же самые годы Фелисите де Ламенне описывал в рамках этой святой топографии «систему последователей», включавшую почти все население папского государства.

Женщины разделяли также и политическую позициюия. В 1862 году в Миланском соборе Луиза Коле, несомненно, эмансипированная особа, почувствовала себя погруженной в «исконно небесную атмосферу, неотделимую от духа этого народа»[18]. Ее неизменные итальянские каникулы (еще ребенком она полюбила Сильвио Пеллико после прочтения *"Le mie prigioni"*) помогли подтвердить ее уверенность в том, что высшую степень католицизма можно обнаружить лишь у итальянцев.

Типичная католичка-*итальянка* родилась в 1830-х гг. и развивалась в благотворном климате пролиберальных политических идеалов. Это была культурная модель, лишенная ядра общенациональных черт. Ибо в Италии трудно поместить рядом бок о бок саркастическое и агрессивное поведение по отношению к духовенству молодых неаполитанских аристократов, с которым случайно столкнулся Гете[19], и глубокое чувство преданности католической вере и суверену пьемонтской знати, прекрасно понимавшей свою обособленность от итальянских аристократов, «точно описанных Флориндо и Розауре Гольдони»[20]. Первый идеал типичной итальянской женщины представлен Николо Томмасео: «Итальянка, способная вдохновить других, мудро повинуясь и командуя в моменты необходимости, является для нас гарантией менее суровой судьбы. Когда мужчины порочнее и слабее обычного, то женщины сильнее и выше»[21]. *Civilita Cattolica* обругала текст как слишком либеральный («хотя и есть в нем крупица правды») и рекомендовала для

[17] *Historia della Madre Barat fondatrice dell'Istituto del Sacro Cuore di Gesu* by Abbate Baunard (Rome, 1877), vol. 1, p. 510.

[18] L. Colet. *L'Italie des Italiens* (Paris, 1862), p. 142.

[19] J. W. Goethe. *Viaggio in Italia*, in Opere, Vittorio Santoli, ed. (Florence, 1970), p. 356–357.

[20] M. D'Azeglio. *I miei ricordi* (Milan, 1932), p. 20.

[21] N. Tommaseo. *La donna, scritti vari* (Milan, 1872, 1* ed. 1833), p. 237.

формирования христианского духа женщин более надежных авторов, принадлежащих духовенству. Но модель Томмасео, новая «патриотка» и настоящая католичка-итальянка, была принята и воспроизводилась в неиссякаемом потоке учебников и моральных трактатов второй половины XIX века.

Церковь даже создала свою «психологию народа», основанную на строго религиозных моментах. Англичанки, свергнутые с пьедестала нравственного авторитета, куда поместил их католицизм, стали топосом полемики с протестантизмом. «Англичанка более не вызывает восхищения; она едва добивается уважения, подобающего ее полу», — написал Аббат Гомэ в 1844 году, сравнивая, как разные религиозные кредо гарантируют осуществление власти семьи и противостоят власти женщин[22].

XIX век стал веком примата мужского дискурса, а его риторика вполне соответствовала этому обширному производству моделей поведения. Женщины остаются с «контрдискурсом», в сущности основывающемся на характере своего благочестия, «сентиментального» благочестия, которое распространялось из культовых мест на повседневную жизнь семьи. Чувство самоудовлетворения (типичное для женской роли XIX века) воспитывалось при осуществлении сознательного нравственного руководства домашней жизнью и воспитанием детей. Очевидно, что существовало много дефектов в реальной жизни. Но они смягчались определенным знанием того, что человеческие чувства являются простыми обманчивыми отражениями религиозных чувств, которые представляют собой эффективные модели и инструменты любого земного чувства.

Развитие в XIX веке религиозной чувственности было близко связано с семейной чувственностью: католическая модель женщины исключительно представляла мать и жену. Церковь требовала от жены повиновения и самопожертвования. Если мир есть долина слез для всего человечества, больше всего страдают женщины. Эмоциональные аспекты — сексуальные импульсы находились на втором плане — супружеской любви не поднимались в целомудренной католической литературе XIX века. Молчание длилось вплоть до первых декад XX века. Редко да и то несколько слов посвящалось «супружеским обязанностям», которые следовало исполнять без воздержания, без какого-либо «добродетельного отправления». Муж был даром Божьим, который нес женщине святость, жертвуя ею[23].

---

22 Abbe J. Gaume. *Histoire de la societe domestique* (Paris, 1844), p. 472.
23 M. L. Trebiliani. "Modello Mariano e imagine della donna nell'esperienza educative di don Bosco", in Francesco Traniello, ed. *Don Bosco nella storia della cultura popolare* (Turin: Societa Editrice Internationale, 1987), p. 187–207.

Кодекс чувственности

В 1880 году своей энцикликой "Arcanum" церковь ответила на нападки мирян на брак. Лев XIII еще раз подтвердил авторитет брака: «мужчина есть глава женщины, как Христос — глава церкви нашей». Жена «должна подчиняться и повиноваться своему мужу не как горничная, но как компаньонка, так, чтобы повиновение, кое она показывает ему, не лишено было внешних приличий и достоинства»[24].

Энциклика Льва XIII подтверждала и восстанавливала женское достоинство в браке, хотя периодически положение о защите мужем своей жены и требовало подкрепления. Для большинства итальянских женщин из буржуазных и аристократических слоев, рожденных в середине века, брак в интересах семьи все еще являлся нормой. Независимый выбор на основании чувств существовал только в мифических строках феминистских памфлетов: «свободной Америке» — равенства брачных обменов. В романах о католических женщинах авторов конца XIX века любимая тема брака включала многочисленные предложения о реформе нравственности, которые вдохновляли воинствующих сторонников нарождающейся социологии брачных отношений по всему миру (Легува, Летурнэ, Мантегаццу, Ломброзо, Лотцкого, Вернера, Карпентера и других). Пассивное принятие женщинами браков с мужчинами намного старше себя — одна из самых спорных предпосылок нравственного возрождения, эта неравная торговля между женским эстетическим и мужским экономическим капиталами, вечно бывшая бельмом на глазу для адептов евгеники, — теряло на страницах женщин-писательниц, католичек, обвинительный тон, скорбевший о двойном стандарте брачного рынка[25]. Следует помнить, что на протяжении всего XIX века и вплоть до Первой мировой войны желание женщин добиться замужнего положения происходило из уравнения достоинства женского социального существования с ее брачным положением во всем мире. И это не ограничивалось только католическими публикациями. Но браки по расчету — а не по любви или из утешения, — которые пресса Итальянского католического союза молодых женщин все еще советовала в 1920-е гг., имели давнюю традицию антисентиментальной педагогики. Результат брачного выбора, руководимого глазами или сердцем, обычно нестабилен и эфемерен. Единственное требование, предъявляемое к мужу рьяной католичкой, так это то, чтобы он являлся добрым христианином.

---

[24] Leo XIII (Gioacchino Pecci). *Arcanum*, in *Il problemma femminile* (Rome, 1962), p. 13.

[25] См. несколько примеров: E. Nevers. *L'eta del marito* (Turin, 1891); T. Guidi. *L'amore dei qurant'anni* (Milan and Palermo, 1902).

«Она была далека от того, чтобы шептаться с другими женщинами о беззакониях мужчин», — гласил панегирик Рите да Каша, который был прочитан в Риме во время церемонии очищения в 1900 году. Долгое искупление супружеского урона, нанесенного этим «диким животным», мужем, и достойное удаление от других жертв супружества занимали значительное место в биографиях святых XIX века[26]. Это была благочестивая сторона обширного потока светской литературы о *плохом браке*, обнажавшая подробности страданий Риты в супружестве. Это была очищающая модель, с помощью которой церковь признавала, что для женщины супружеская жизнь может быть бременем или мученичеством. С началом нового столетия в редких католических автобиографиях несчастливого супружества начинает появляться и сексуальность. Жанклин Венсан — на протяжении 25 лет являвшаяся служанкой и любовницей жестокого мужа-атеиста, а затем, в 1925 году, вступившая в кармелитскую обитель — написала волнующую *"Livre de l'amour"*, в которой она заявила, что супружеские отношения подобны мистическим мукам[27].

Hortus Clausus. Призвание

Жена и мать оттеняли незамужнюю женщину, чье место вне семьи — социальный вопрос, который будет сильно волновать людей *fin de siucle*, — было связано с победоносной экспансией «феминизации духовенства». Во Франции с 1808 по 1880 годы количество женщин, вступавших в старые и новые религиозные конгрегации, возросло с менее чем 13 тыс. до более чем 130 тыс. В 1830 году соотношение мужчин и женины было три к двум. В 1878 году это соотношение изменилось и стало двое мужчин к трем женщинам. Две трети женщин — основательниц новых конгрегаций происходили из высших классов общества. До революции 29% женщин было родом из знати и 33% — из буржуазии. В XIX веке доминирование буржуазии было абсолютным: 46% по сравнению с 19% аристократок. Остальные из этой могущественной армии происходили из семей мелких фермеров, ремесленников и наемных рабочих[28]. Клод Ланглуа подчеркивал особенную новизну данного феномена феминизации духовенства. Новые конгрегации подчинялись епископу или основателю, но прежде всего женщине-основательнице и верховной общей Матери. Эта институционная автономия особенно относилась к женскому образованию. В 1876 году 80% из 500

---

[26] L. Scaraffia. *La Santa degli Impossibili. Vicende e significati della devozione a S. Rita* (Turin: Rosenberg and Sellier, 1990), p. 55–56.

[27] J. Vincent. *Le Livre d'amour* (Paris: Bouwer, 1960).

[28] C. Langlois. *Le Catholicisme au feminine. Les congregations francaises a Superieur Generale au XIX siecle* (Paris: Le Cerf, 1987), p. 307–323.

тыс. французских детей начальной школы находились в ведении религиозных конгрегаций. Еще труднее в числах отразить католическое доминирование в пансионах (как во Франции, так и в Италии). В 1872 году первые всеитальянские подсчеты показали, что в 570 пансионах, включенных в статистические данные, существует абсолютная монополия религиозных учреждений и конгрегаций. Спустя тридцать лет государство могло отнести на свой счет только 86 общественных институтов, в частный же сектор отходило 1 420 частных пансионов, 800 из которых являлись благотворительными институтами, включавших 48 677 девушек пансионерок и 59 179 приходящих студенток[29], что является доказательством правильности того, что светская элита считала необходимым формализацию женской роли в том виде, как она определялась женскими католическими пансионами[30].

Такая впечатляющая фемининзация французского духовенства стала действительно национальным феноменом; она с разной скоростью и интенсивностью затронула и другие католические страны. Хотя во Франции основание новых религиозных институтов во главе с аббатисами достигло своего пика на протяжении 1820–30-х гг., в Италии, где церковная политика разных государств в период до объединения препятствовала определению полной картины, распространение женских религиозных институтов задержалось на целую декаду. В 1861 году первая перепись населения королевства Италии — в котором, однако, не проводилось различий между «монахинями» и «сестрами» или между монастырями, монастырскими школами, монашескими домами и новыми централизованными институтами — насчитала 42 664 «монахини». Даже в Италии феминизация духовенства стала заметным фактом, ибо здесь насчитывалось 30 632 брата. На каждую тысячу жителей приходилось 1,95 монахинь: меньше, чем (2,7) в Бельгии, но больше, чем (1,2) в Испании. Самый высокий процент наблюдался в Умбрии и Марке, двух провинциях бывшего папского государства. Но большинство монашек — 22 619 — мы обнаруживаем на юге в Неаполитанских провинциях (13 651) и на Сицилии (8 968)[31].

Именно вдали от неаполитанских обителей Энрикетта Карачоло отметила, что ее заставили постричься в монахини. "Misteri del chiostro napoletano" («Неаполитанские тайны», 1864)[32] — частная и политическая

[29] S. Franchini. *Gli educandati nell'Italia postunitaria*, in Soldani, *L'educazione delle donne*, p. 57–86.

[30] S. Sighele. *Eva moderna* (Milan, 1910), p. 182.

[31] G. Rocca. "Le nuove fondazioni religiose femminili in Italia dal 1800 al 1860," in *Problemi di storia della Chiesa dalla Restaurazione all'unita d'Italia* (Naples, 1985), p. 107–192.

[32] E. Caracciolo. *Misteri del chiostro napoletano* (1864; repr. Florence, 1986).

автобиография аристократки, предназначенной железной волей своей матери прозябать в скупости «настоящей левитовой земли» — это антиагиографическая, патриотическая противоположность монастырской автобиографии в стиле Рисорждементо[33]. Эти мистерии были хорошо известны, кроме того, и высшим эшелонам римского духовенства, которые ругали их за приверженность Бурбонам. «Отчеты епископов Святого Престола» описывали посвящение в сан, происходившее в виде парадов-карнавалов с танцами и гостями, бурными восклицаниями по поводу выборов настоятельницы и безнадзорными передвижениями докторов, слуг и священников[34].

Все предположения о крайностях сицилийского «религиозного великолепия» мы можем увидеть на страницах широко распространенных учебников по монашескому поведению. Тело есть явная модель греха и место, где грех рождается и где он заключен. Существуют грехи языка (злословие), глаз (завнсть: in-video) и горла[35]. Подогреваемое аналогичной имитацией освященной телесной формы тело в данном учении не составляет концептуального элемента. В действительности абсолютное доминирование реалистических репрезентаций сократило силу педагогических попыток по усилению воли, чьей целью являлось освобождение от телесной оболочки, начавшееся во второй половине века, что обнаружила Одиль Арнольд во французских монастырях[36].

Предприимчивые настоятельницы

Высокая степень эмансипации — а Англия отставала от Америки в этом отношении на рубеже веков — позволяла основательницам новых религиозных учреждений английской Terra Incognita использовать «художественную и научную "католическую" литературу» в качестве средства обращения и добывания денег. Леди Георгиана Фуллертон ("Ellen Middleton", 1844) и Фанни Тейлор ("Tyborne", 1857) использовали выручку от своих бестселлеров, чтобы развивать «Бедных слуг Матери Божьей». Первая «промышленная независимая» конгрегация имела коммерческую прачечную в качестве источника финансирования[37] фемини-

[33] M. Petrocchi. *Storia della spiritualia italiana* (Rome; Edizioni di Storia e Letteratura, 1979), vol. 3.

[34] A. Gambasin. *Religiosa magnificenza e plebi in Cicilia nel XIX secolo* (Rome: Edizione di Storia e Letteratura, 1979), p. 163–221 .

[35] Saint'Alfonso de Liguori. *La vera sposa di Gesu Cristo, cioe la Monaca Santa* (Turin, 1862), p. 120.

[36] O. Arnold. *Le Corps et l'ame. La Vie dea religieuses au XIX siecles* (Paris: Le Seuil, 1984) .

[37] S. O'Brien/ "Terra Incognita; the Nun in Nineteenth-Century England", in *Past and Present* 121 (1988).. В Англии и в Америке B. Welter. "The Feminization

зация духовенства являлась результатом практической и благотворительной веры, которая реализовывалась непосредственно в области социального призрения. Высокая «самосознательность» английских монашек также была тесно связана с практикой благотворительности, которая сознательно бросала вызов временным ограничениям, налагавшимся на женщин-медиков и основанных на правилах, защищающих женскую честь. Даже Жанна Жюган построила свою харизму, прося милостыню на дорогах Западной Франции, изыскивая бродяг, которых она селила в учреждениях своей конгрегации. Являясь основательницей «Младших сестер милосердия» в 1843 году (эта организация в 1880-е гг. сделалась второй после «Святого Сердца» из самых важных конгрегаций благодаря своим владениям недвижимостью), она ходила от дома к дому, говоря: «Я Жанна Жюган». Ее скитания длились тринадцать лет, пока в 1852 году епископ Реннский не признал конгрегацию и не позволил «Младшим сестрам милосердия» основать свой монастырь[38].

Идея о том, чтобы открыть миру женскую общественную деятельность, на протяжении долгого времени беспокоила публику. Вера в то, что нравственная чистота может испортиться вне защиты семьи и домашнего очага, отражалась в повседневных поведенческих практиках, таких как строгий надзор за женщинами в католических и светских семьях. Даже после Первой мировой войны Армида Барелли, основательница женского отделения Итальянского союза католической молодежи, Gioventu of Arizone Cattolica, имела много проблем в связи с сильным сопротивлением отца тридцатидвухлетней Терезы Палавичино, из Марке: «Папа ни в коем случае не разрешит мне путешествовать в одиночку». Парма (родной город Палавичино) ничем не отличался от Палермо: «На Сицилии молодая замужняя женщина не выходит одна, а вы хотите послать их в другие страны, чтобы проповедовать организацию новых ассоциаций?» — вот в чем заключались возражения иерархов Палермо организационному энтузиазму Барелли. Без сомнения, многочисленные путешествия преданных директоров Женского союза, победоносно преодолевших социальные запреты, распространявшиеся на женский пол, сильно укрепили их энергичную харизму. Автомобиль Армиды Барелли (президента) и Терезы Палавичино, а именно на нем новые католички путешествовали по Италии, встречали с триумфом, как символ высокой степени их свободы и оп-

of American Religion, 1800–1860", in L. W. Banner and M. Hartman, eds. *Clio's Consciousness Raised: New Perspectives on the History of Women* (New York: Harper and Row, 1974).

[38] C. Langois. "'Je suis Jeanne Jugan'. Dependence sociale, conditione feminine et fondation religieuse", *Archives de Sciences Sociales des Religions* 52 (1981): 21–35.

ределения своего «гендера», впечатлявшего простых членов, которые были далеки от такого нового поведения[39].

Исключенные из официальной политической жизни католички нашли себя в области благотворительности. Женщины-аристократки – и для некоторых из них в Италии, как и в Испании[40], законы средиземноморской чести с этой целью были смягчены – стали первопроходцами в области прямого вмешательства в дела социального призрения. Их абсолютная «страсть, руководимая добродетелью», производила страстный обмен письмами и продолжительные дружеские отношения, ставшие бессмертными благодаря более поздним биографиям, таким как биографии международных сестер милосердия Паолины Кравеи и Георгианы Фуллертон. Это неиссякающее желание помочь обделенным задокументировано в таких исторических реконструкциях, как сборник документов под названием "Storia della carita napoletana" («История благотворительности в Неаполе»), составленный Терезой Равашиери, знаменитой основательницей Неаполитанского благотворительного общества второй половины XIX века. Даже идеал мужа питался данными стремлениями: «Я все еще хотела бы богатого мужа, чтобы больше помочь беднякам». Вдобавок к исцелению, часто случавшемуся в результате сравнения своей боли со страданиями других (благодетельницы часто называли больницы или благотворительные учреждения именами детей, умерших в раннем возрасте), этот вид социальной практики составлял целенаправленную попытку создать альтернативные ценности использованию мужчинами власти. Именно такое значение молодое поколение благотворителей придавало работе Равашиери после ее смерти. «Благодаря своему такту и чувству независимости от толпы сегодня женщины, даже еще до того как стали называть себя феминистками, получили возможность начать со своего дома, чтобы заниматься благотворительной работой»[41].

В Париже во времена Жюля Ферри, мисс Давид-Нилле находилась под внимательным надзором своего дяди и ей позволялось выходить из дома только для посещения мессы по воскресеньям. Когда она вышла замуж, то сделалась Альбертиной Дюамель. Изменение в ее семейном положении обнажило организаторские способности, неожиданные для

[39] M. De Giorgio. *Les Demoiselles catholiques italiennes*, in Y. Cohen, ed., *Femmes et contre-pouvoirs* (Montreal: Boreal-Expresm 1987), p. 101–126..

[40] J. Pitt-Rivers. *The Fate of Sechem, or the Politics of Sex: Essay in the Anthropology of the Mediterranean* (Cambridge: Cambridge UP, 1977).

[41] L. Guidi. "La 'Passione governata dalla virtu': benefattrici nella Napoli ottocentesca", in L. Ferrante, M. Palazzi, and G. Pomata, eds. *Ragnatele di rapporti*, p. 148–165.

бывшей затворницы. В течение 1910-х гг. ее карта поездок по общественным делам покрывала 3 400 благотворительных организаций. Она превзошла даже cursus honorarum[42] очень активных дам – благотворительниц XIX века[43]. Чтобы соревноваться с феминизмом и его мирской социальной деятельностью, католички начали в этом веке обновлять свои ценности и опыт, на котором он могли бы построить новую идентичность женщины. «Активные женщины» – термин, изобретенный Пием XI – заменили даму-благотворительницу. Женские отделения Католического союза распространились по всей Европе. Они являлись исключительно иерархическими структурами, которые укрепляли национальный престиж своих директоров. В 1910 году Патриотическая лига французских женщин насчитывала 450 тыс. членов. Женский католический союз Италии (UDACI), основанный в 1908 году, сформировал более сотни комитетов с более чем 15 тыс. членов[44]. «Новая женщина» активного католицизма стала женщиной действия, но без присутствия мужественных черт, которые католические листовки (в Civilta Cattolica) приписывали феминисткам[45].

Исключительное самомнение католических лидеров – которое держалось под контролем среди активисток, но в общем было характерно для занимавших высокие посты – являлось результатом трудностей, пережитых в процессе личной «эмансипации». «Что до меня, то я слишком честна, чтобы быть оппортунистской, ибо, до тех пор пока совесть моя позволяет идти на соглашение, я буду это делать. Ваше Преосвященство также отметили мой плохой характер и здесь Ваше Преосвященство, возможно, правы. Мой характер непоколебим», – писала княгиня Кристина Густиниани Бандини Пию X в 1914 году. Она являлась основательницей (в 1909 году) и бессменным президентом Союза католических женщин Италии до 1917 года. Получив образование, естественно, в «Святом сердце», она вступила в монастырь в возрасте 18 лет. Десять лет спустя она оставила его, чтобы зарабатывать себе на хлеб. Старая римская знать не считалась с самостоятельностью выбора своих дочерей, если только речь не шла о браке или монастыре[46].

---

[42] Почетное путешествие (лат.).

[43] G. Chovy and Y.-M. Hilaire. *Histoire religieuse de la France contemporaine, 1880–1930* (Paris: Privat, 1986), p. 363.

[44] M. De Giorgio and P. Di Cori. "Politica e sentimenti: le organizzazioni femminili cattoliche dall'eta giolittiana al fascismo", *Rivista di storia contemporanea* 3 (1980).

[45] A. Pavissich, S.J. *Donna antica e donna nuova. Scene di domain* (Rome, 1909).

[46] C. Dau Novelli. "Alle origini dell'esperienza cattolica femminile: rapporti con la Chiesa e gli altri movimenti femminili (1908–1912)", *Storia contemporanea* 22, 4/5 (1981).

Запреты и чтение

Читай мало, но читай хорошо

На протяжении всего XIX века, вплоть до Первой мировой войны, то, что читала женщина, находилось под бдительным контролем. Самыми опасными считались романы. Церковь налагала наказания, следуя кодексу нравственных суждений, восходящему к Руссо — «честная девушка не читает книг про любовь», — который как католики, так и миряне принимали с равной горячностью. Молодая уроженка Милана, в октябре 1787 года сознавшаяся Гёте во время своего визита в Италию: «Они не учат нас писать, пока мы не используем наши перья для сочинения любовных писем, но они никогда не разрешили бы нам читать, если бы нам не надо было читать молитвенник», но она не определяет «их»[47], потому что в области образования женщин миряне исповедовали ту же точку зрения, что и церковь. И при этом измученная полуобразованная женщина действовала в соответствии с современными ей канонами; она путешествовала, разговаривала или соблазняла (она являлась одной из итальянских любовниц Гёте). Но книги были строго запрещены.

Мы можем предположить, что многие стратегии женского поведения существовали для того, чтобы обойти строгие запреты. Роман представлял из себя грех до такой степени, что читательница уже была виновна в том, что она просто брала его в руки. В конце XVIII века «Кларисса Гарлоу» заполонила сельскую местность Бургундии. Не только бдительность матери-янсенистки защищала Софию Барат (рожденную в богатой фермерской семье и затем ставшую основательницей конгрегации «Святого Сердца») от этого романа. Вряд ли внешние факторы стали причиной распространения такого рода многословия. Угрызения совести по поводу прочтения книги останутся с ней до конца жизни. Но в первые десятилетия XIX столетия правила по поводу надзора показывают изначальный источник заразы. Тот обеспокоенный взгляд, с которым XIX век бдил свое молодое поколение, продемонстрировал, что соблазн рождался именно в этом возрасте благодаря друзьям, старшим сестрам или братьям (за которыми не так строго наблюдали родители). Теснота женской дружбы основывалась также и на обмене запрещенными книгами. В 1831 году Паолина Леопарди, избежав контроля со стороны «исключительно сурового и истинно непомерного христианского совершенства» сво-

[47] J. W. Goethe. *Viaggio in Italia*, p. 481.

ей матери, попросила у подруги из Болоньи прислать ей Стендаля и Вальтера Скотта.

Присущая своему социальному положению честь, которую должна была блюсти жена в буржуазном обществе XIX века, обуздала суровость этих правил и сильно смягчала их после брака. Во Франции авторы руководств, последователи баронессы де Стафф или мадам де Жанлис, ослабили свой контроль над кругом чтения замужних женщин. Но в Италии даже в конце века католические руководства выражали беспокойство по поводу того, что замужние женщины сами перестали контролировать чтение запрещенных книг.

Количество книг для женщин, рекомендованных или запрещенных, еще труднее определить. В XIX веке появилось много католических книг, и в первые десятилетия XX века это количество никак не соотносили с исследованиями, измерявшими «количество» книг для женщин. Нам сильно помогает редкий пласт данных об итальянских городских библиотеках: в 1870-х гг. в Неаполе (самый населенный город Италии, ежедневные газеты в котором имели тираж 50 тыс. экземпляров) дома, где не было книг, составляли большинство[48]. В Италии в первой половине века женщина с книгой — если книга эта не являлась благочестивой — не одобрялась обществом, поскольку не представляла положенные эстетические и культурные ценности. Очень мало можно насчитать либеральных и просвещенных католиков, которые мечтали о книгах «специально написанных для того, чтобы возбудить интеллект женщин», и которые не являлись бы благочестивыми трактатами. Сильвио Пеллико желал книг о «нежной привязанности» и «домашней заботе», а также и о «героическом энтузиазме, проявленном в любви, приватных ценностях и религии». Они бы основывались на женских генеалогиях, то есть на жизнеописаниях матерей, дочерей, жен из одной и той же семьи[49]. Книжные магазины благочестивой и аскетической литературы не могли даже представить себе такого рода книги в своих стенах, а ведь именно они составляли большинство в начале XIX века[50]. Только в 1870-х гг. итальянская пресса получила от своего первого поколения романистов «картины частной любви». До этого времени в Италии бытовали в основном переводы романов и руководств по поведению (за исключением благочестивой литературы) с французского языка.

Находившиеся далеко впереди итальянских женщин француженки и англичанки, писательницы католического толка, осваивали двойст-

---

48 P. Marcy. "La Napoli dei dotti. Lettori, libri r biblioteche di una excapitale (1870–1900)", *Meridiana* 4 (1988).

49 E. Raimondi. *Il romanzo senza idillio* (Turin, 1974), p. 129–130.

50 M. Berengo. *Intellettuali e librai nella Milano della Restaurazione* (Turin: Einaudi, 1980).

венную дорогу дидактических образовательных руководств и романов. Для церкви этот литературный жанр все еще отдавал грехом, что объясняет частые предварительные объяснения авторов. Хорошо известная мадам Бурдон (Матильда Фроман, 1817–1888) проводила различие между своими *"Souvenirs d'une instructrice"* («Воспоминания наставницы», 1869) – «обычными сценами из реального мира» – и *настоящим* романом, таким как «Джейн Эйр» более популярной Шарлоты Бронте. Таким образом, она помогла преодолеть жесткое разделение между «хорошими» и «плохими» романами. И вдобавок к распространению славных примеров женской литературной традиции она жаждала превращения страсти к чтению в страсть к письму. Главная героиня, наставница из *"Souvenirs"*, получает от ученицы запрещенную книгу, которую та отдает ей, повинуясь правилам пансиона. Это «Коринна» мадам де Сталь. Воспаленная желанием литературной славы – «возможно, опасной, но такой соблазнительной», – она воображает себя писательницей, которая превращает в бессмертных героев «фантастические существа, проносящиеся в нашем воображении»[51]. Женская «фантазия», которую пыталось обуздать католическое воспитание в XIX веке, больше не могло находиться в загоне: именно на этой бесценной субстанции покоилась женская художественная литература.

В Италии в середине века работы, рекомендованные католичкам – философские трактаты Плутарха, диалоги Сократа, работы Цицерона, Огюстена Тьерри или Муратори, – не предлагали полоролевых моделей[52]. Эти серьезные классические произведения предназначались для того, чтобы служить антиромантическим целям, подобно тем, что предложил монсеньер Дюпанлу в 1879 году для более молодой возрастной группы. «Чтобы укрепить женский ум», епископ Орлеанский предписывал чтение следующих французских авторов XVII века: Паскаля, Боссюэ, Фенелона, Расина, Корнеля, Лабрюйера, мадам де Севинье. Он пропустил XVIII век, а из XIX века добавил только христианских поэтов. В изгнании оказались определенные сцены и литературные произведения; но даже в его инновационной программе царствовали литературные дисциплины.

Девизом стал следующий принцип: читай мало, но читай хорошо[53]. Читай заново, возвращайся назад к прочитанному («никогда не оставляй книгу, не дочитав ее до конца»), суммируй прочитанное и перепи-

---

[51] Madame Bourdon (Mathilde Forment). *Souvenirs d'une institutrice* (Paris, 1869), 8th edn., p. 22–23.

[52] D. Maldini Chiarito. "Lettrici ed editori a Milano tra Otto e Novecento", *Storia di Lombardia* 2 (1988).

[53] J. L. Desbordes. "Les Ecrits de Mgr. Dupanloup sur la haute education des femmes", in F. Mayeur and J. Gadille, eds. *Education et images de la femme chetienne en France au debut du XXeme siecle* (Grenoble: Editions Hermes, 1980).

ши самые важные отрывки. Это не развлечение: чтение есть проверка сознательности через посредничество текста. Посредством книг можно конструировать и модифицировать – делать нечто большее, чем просто изучать черты характера. Инструменты духовной ортопедии мадам Свечиной, которая признавала, что она «рождена слабохарактерной», заключались в карандаше и листке бумаги. «Использование при письме карандаша подобно мягкости в голосе». Кто-то помечал страницы и перечитывал их, переписывал краткое изложение прочитанного и писал (на этот раз ручкой) свои критические замечания и наблюдения[54].

Стили чтения и стратегии автономии

Убедительнее заповедей Дюпанлу выглядят женские интеллектуальные автобиографии, пропагандировавшие образ жизни «любящей науку женщины», однако эта возможность была доступна только немногим аристократкам, которые «смогли сделать себя» в условиях благоприятной семейной ситуации. В начале века женское образование состояло в большинстве своем из заучивания наизусть поверхностных объяснений, использовавшихся в качестве антидота внутреннего беспорядка «воображения». Зная, что текст хорошо сделан, проще было читать его вслух, что являлось некоторой формой семейного развлечения в гостиной, в которой вплоть до конца XIX века женщинам из высших слоев общества позволяли играть определенную роль. Именно этот метод заучивания шестнадцатилетняя баронесса Олимпия Савио из Турина (1816–1889) использовала исключительно по отношению к французским авторам, таким как «Расин, Корнель, Минье, Мармонтель, Булли, Беркен, Боссюэ, Фенелон, мадам де Ментенон и мадам де Севинье, Массильон», но мы не видим «никаких итальянцев» среди этого круга. В 1830-х гг. в королевствах Сардиния и Пьемонт, она являла собой пример «высшего» образования, полученного под строгим материнским контролем, ибо она «была единственной дочерью и поэтому получила образование только под присмотром своей матери». Это редкий пример, особенно для женщины, упрямого желания культурной свободы. Мать Олимпии была пионеркой, учившейся по ночам, пряча книги под матрац – борясь со своей матерью и бабушкой, желавшими ограничить ее чтением благочестивых книг[55].

Только в конце века женщины-ученые начали пересекать порог институтов высшего образования (в начале XX века количество жен-

---

[54] M. J. Rouet de Journel, S. J. *Une russe catholique. Madame Swetchine* (Paris, 1929), p. 16–17.

[55] R. Ricci. *Memoria della Baronessa Olimpia Savio* (Milan, 1911), p. 4–5.

щин в старших классах итальянских школ насчитывало 233 человека по сравнению с 12 605 мужчин), когда католическая агиография ретроспективно обнаружила ценность настойчивости женщин-самоучек. Строгость их стиля работы освободила их от позора неповиновения. Благословленная Елена Гера (1835–1914), основательница школы для девочек в Луке, изучала латынь по ночам при свете маленьких лампочек в ореховой скорлупе[56].

В начале XX века, однако, ежедневный труд ученой жизни, которому подчинялись все большее количество студенток, их цель получить диплом и стрессовые последствия соревнования ухудшали состояние девушек до такой степени, что в равной степени волновало медиков и педагогов от религии. Патологическая последовательность в психофизиологической модели женской слабости, распространенной в XIX веке – бронхиола, хлороз, искривление позвоночника, истерия, – определили внешнюю причину всего этого в книжном знании. Теория эта нашла поддержку, даже в XX веке, в католической прессе, которая никоим образом не была склонна рекомендовать компенсационный антидот женского физического образования. Этот подход продолжал существовать, несмотря на появление в начале нового века первых теоретиков-католиков «нового» женского образования – главным среди них являлся испанский иезуит Рамон Руиз Амадо. Они одобряли приемы обучения, разработанные американской гигиенической школой, и со своих проповеднических кафедр уничтожали формы женского заключения XIX века («длительные уроки на фортепьяно, привычные испанским девушкам»), предлагая вместо этого спорт даже для девушек[57].

Традиция чтения благочестивых книг вслух дольше просуществовала в сельской местности, практически вплоть до Первой мировой войны. Она использовалась для изучения катехизиса, а с начала XX века превратилась в метод католических феминисток для привлечения на свою сторону. В Ниверне в конце 1850-х гг. кто-то учился читать и писать посредством молитвенника, пытаясь найти (и скопировать) гласные из обозначений апостолов[58]. Вечернее чтение молитв превращалось в некоторый вид обучения. По этим страницам скользили скорее вслед за ритмом страниц, переворачиваемых с глубоким религиозным чувством, нежели вслед за сутью послания.

---

[56] M. L. Trebiani. “Santita femminile e societa a Lucca nell’Ottocento”, in S. Boesch Gajano and L. Sebastiani. *Culto dei Santi, institutzioni e classi sociali in eta preindustriale* (Aquila/Rome, 1984), p. 959–995.

[57] P. Ramon Ruiz Amado. *La educacion femeina* (Barcelona, 1912), p. 115.

[58] G. Thuillier. *L’Imaginaire quotidian au XIXe siecle* (Paris: Economica, 1985), p. 42.

Церковь продолжала делить книги на хорошие и плохие, следя за постоянно растущим производством популярных романов. В 1905 году работа аббата Бетлеема "*Romans a lire et a proscrire*" («Книги для чтения и книги запрещенные») упорядочила многочисленные французские популярные романы. Издательство «Бонне Пресс» сконцентрировалось на молодых девушках. Однако дешевые субботние фельетоны вскоре перестали быть запретным удовольствием: девушки читали их всю субботу, валяясь в постели и отвлекаясь от своих религиозных обязанностей[59]. Женщины стали меньше стыдиться чтения плохих вещей. Невинное удивление исповедующихся, наказанных за чтение вещей, признанных непристойными, своим исповедником обнажает трудность самоконтроля в обществе, где книга потеряла свою сущность нравственного учителя и сделалась спутницей досуга.

Для католичек-активисток, нового социального типа XX века, книги превратились в обязательный инструмент воспитания. В 1927 году по случаю брака племянницы маркизы Маддалены Патризи, президента UDACI (Женского католического союза Италии), Пий XI послал невесте свадебный подарок в виде идеальной книжной коллекции, состоявшей из примерно 80 книг, «только для нее», как пожелал бы Дюпанлу. Из 37 авторов 25 являлись французами (Дюпанлу, Гратри, Тиссьер и другие). Итальянские книги включали одну по истории искусства, руководство по достойному поведению, Манцони (все его работы) и "Sillabario del Cristianesimo" («Букварь для христианина») Ольджиатри, миланской группы Католического университета[60]. Это был знак продолжавшейся культурной зависимости Италии от Франции в области духовных книг и проявление косности религиозного книгоиздания. Как пишет Клод Савар, такой подход сохранялся (также и вне Франции) даже в XX веке[61].

Благочестие: практики и подходы

Присвоение женщинами богослужения

Молитвы, молитвы *вслух*, которые легче изобразить, нежели недоступные *мысленные* молитвы – различие это провел Бремон, – формировали ритм женской повседневной жизни. Реставрация изменила

[59] A.-M. Thiesse. *Le Roman du quotidien* (Paris: Chemin vert, 1984), p. 125–127.
[60] "La bibliotheca di una sposa", in *Fiamma viva* (April, 1927): 251–253.
[61] C. Savart. *Les Catoliques en France au XIX siecle; le temoignage du livre religieux* (Paris, 1985).

тональность молитвы. Доминировавшее чувство страха и божественного возмездия, бывшие основой молитвы в предыдущем веке, начало исчезать. Направленные прямо к Богу молитвы о защите и снисхождении по поводу здоровья, процветания в делах, благополучия путешествий или о победоносных войнах, характерных для благочестия XIX века, отражали либо победивший индивидуализм этого периода, либо желание теологии вооружиться против мистического опыта.

Но в характерной для всех классов системе двойных стандартов, на которой базировались многие браки XIX века, молитва несла в себе функцию умиротворения. Постоянные моления Марии Аделаиды Савойской, являвшие собой модель царственного супружеского смирения (вознагражденная Пием IX в 1847 году Rosa d'oro, папской почестью, дававшейся наиболее благодетельным католическим суверенам и принцессам), облагородили несовершенное супружество. Не замечая известные и показные брачные измены, она молилась за него, и ее молитва во время войны восстановила мир во взаимоотношениях в пространственно-временном единении дарованных просьб. «Если бы я могла знать день, когда ты отправишься в бой, в то утро я бы молилась о тебе», — писала герцогиня. Виктор Эммануил подтвердил, что при Пескьере вражеские пули миновали его благодаря ее молитвам[62].

Итальянское благочестие под влиянием нравственной философии Альфонсо де Лигуори установила *отличный тип отношения* с божественным, полностью изменив религиозную восприимчивость. Неумеренная чувственность, болезненная напряженность, не поддающийся контролю мистицизм или, с другой стороны, просто повторяющаяся привычка и краткие домашние молитвы — все эти различные характеристики моления XIX века являлись также и знаками прогрессировавшей феминизации армии верующих. Церковь, признавая этот феномен, формально продвигала фигуру матери в качестве инициатора процесса. Аббат Пишно желал, чтобы она была, подобно «жрице земли». Мари-Франсуаза Леви продемонстрировала, как даже руководства по благочестию XIX века были направлены прежде всего, к матерям поощряя их выбрать любовь Господа, нежели страх перед ним[63].

Господь, объект любви, имеет личные отношения с добродетельным человеком с самого детства. Ребенок Иисус в романтической иконографии несет образ страдания, где его маленькое сердце окружено шипами. Во второй половине века Богородица и Ребенок стали образами не столько несчастного, сколько знакомого материнства. Сердце, про-

---

[62] P. Camaiani. "La donna, la morte, e il giovane Vittorio Emanuele", in F. Traniello, ed. *Dai Quaccheri a Gandhi. Studi di storia religiosa in onore di Ettore Passerin d'Entreves* (Bologna: Il Mulino, 1987), p. 169.

[63] M.-F. Levy. *De meres en filles* (Paris: Calmann-Levy, 1984).

ткнутое мечом и окруженное шипами, переместилось со своего органического места в руку Христа, подобно яблоку или игрушке; оно более не являлось открытой обвиняющей раной.

Повсеместно в агиографии обнаруживается преждевременная склонность к молитве, счастливому результату материнской инициативы (однако она не несет никакой подозрительности по поводу естественной расположенности детей к игривым повторениям). В возрасте шести месяцев Жан-Батист Мари Вианни (будущий куратор Арса) исполнял роль бдительной совести своей матери; она учила его, как осенять себя крестом перед едой, а он напоминал ей, если она забывала об этом[64]. Духовный совет молодым верующим заключался в умеренности. Монсеньер Дюфетр подчеркивал, что взаимоотношения между внутренним благочестием и внешними проявлениями не есть количественные показатели, и он рекомендовал не злоупотреблять молитвами и добродетельными поступками[65]. Во второй половине века благочестивые поступки сделали более активными и сложными для девочек, вдохновленных исключительно усердными актами веры взрослых, подогретых культом Девы Марии. Возраст для совершения индивидуальных религиозных действий сильно снизился, а в мае даже дети, и маленькие девочки в том числе, возводили небольшие раки в своих комнатах. Многие, подобно Каролине Брам, имели личную «маленькую часовню»[66]. Образы святости все больше феминизировались. Страстная одержимость декорациями распространилась в целом на canivets, очень красивую бумажную тесьму, которая обрамляла лица Мадонны и Иисуса. Страницы требников стали толще. Требники превратились в исключительно желаемый товар для благочестивых коллекционеров в качестве доказательства веры и залога дружбы. Папский декрет "Quam singulari" от 1910 года разрешил частное причащение, что впоследствии сделалось более распространенным. Святой образ – с именем и подобающим для юного возраста причащаемого отрывком из Евангелия – являлся свидетелем события. Это был не только первый этап сознательной духовной жизни, но и новое социально-чувственное существование: «Жизнь женщины на своем первом этапе проходит между двумя белыми покрывалами – покрывало с первого причащения и брачное покрывало». Это всего лишь один из многочисленных примеров (а я цитирую самое известное итальянское руководство начала 1900-х гг.) таких хромато-

[64] Ph. Boutry, M. Cinquin. *Deux pelerinages au XIX siecle: Ars et Paray* (Paris: Beauchesne, 1980), p. 22.

[65] Thuillier. *L'Imaginaire*, p. 44–45.

[66] C. Brame. *Journal intime. Enquete de M. Perrot e G. Rebeill* (Paris: Montalba, 1985).

литературных образов, наблюдающихся даже в тех сферах, которые, строго говоря, не касаются исповедальни[67].

Брачный храм и незапятнанная юность

Эмблемы религиозного благочестия наводняли спальню. Во второй половине XIX века неаполитанские буржуа защищали свой брачный храм распятиями, статуями Мадонны и картинами религиозного содержания (иногда их можно было насчитать 11 штук)[68]. Нелегко оправдать интенсивность благочестия по отношению к таким обычным иконографическим моделям, представлявшими из себя самую обычную декоративную традицию. Они переводились для детей и юных девушек в иконографию личной жизни, в почтительную имитацию ангельского положения молитвы. Это являлось первым уровнем личной самодисциплины, с помощью которой католическое учение диктовало правило женского нравственного бремени. Такие очевидно значимые модели — тело, облаченное в белое, помещенное в позе вознесения и в благочестивом пылу смотрящее со стены, или с опущенными глазами, обозначающими скромность, — формировали основу вероучения ведущей «догматической ангелографии» (так Паоло Мантегацца описывает навязчивое социальное почтение к правилам, защищающим женскую чистоту).

Шестнадцатилетняя Мария Башкирцева была русской аристократкой, олицетворением как в жизни, так и в смерти (она умерла от туберкулеза в 1884 году в возрасте 26 лет) молодой космополитки, добавившей к позднеромантическому экзистенциальному лозунгу «жить, страдать, плакать и сражаться» твердое «быть целеустремленной». Во время молений в церкви Св. Петра в Ницце, уткнувшись подбородком в свои красивые руки, она отвергла соблазн ритуализации женственности в ангельских формах: «Я смогла стать уродливой, как покаяние»[69]. Она была пионеркой даже в этом, ибо руководства по этикету продолжали вплоть до XX века представлять церкви и религиозные функции в лучшем случае в качестве преимуществ для социального признания (по брачным причинам) женских добродетелей. «Отче Наш», «Ave Maria», «Верую», «Символ веры», «Надежда и Сострадание» являлись утренними и вечерними молитвами для девочек (от семи или восьми лет) и молодых женщин. Как только заканчивалось давление матери, ритуал продолжался по собственному желанию. Молодые девушки

[67] Jolanda. *Eva Regina. Consigli e norme di vita femminile contemporanea* (Florence, 1907), p. 7.

[68] P. Macry. *Ottocento. Famiglia, elites e patrimony a Napoli* (Turin: Einaudi, 1988), p. 70.

[69] *Journal de Marie Bashkirtseff* (Paris: Mazarine, 1980), p. 45.

XIX века «необходнмо» молили о том, чтобы Господь дал им симпатическое лицо, красивый голос и счастливый брак. Может ли молитва уберечь их от оспы и смерти матери? Так, Мария Башкирцева, зиая, что «это больше, чем нужио», добавляла существенный фииал к своим молитвам: «повстречаться со своим последним любимым».

Сделанное духовеиством в XIX веке открытие того, что молодые девушки скрывают внутреннюю жизнь, заключеииую в буйном порыве фантазий, которую трудио контролировать, сильио волновало последиее (миряне ие меньше беспокоились по этому поводу). Поэтому ие без причины церковь избрала май месяц для посвящения Мадонне. Защита Мадонны для сохранения женской иевинности более всего была иеобходима «в сердце соблазиов, рождавшихся в прекрасиое время года». Культ Марии в месяце мае, впервые предложенный в начале XVIII века итальянскими иезуитами (Дионизи в 1726 году, де Лигуори в 1750 году, и Лаломией и Мудзарели в 1785 году), распространился по всей католической Европе в первой половине XIX века. Именно даниая превентивная религиозиая практика желала достигнуть превосходства юношеской любви, что было трудио преодолеть в крестьянских общииах. Чистота Марии превратилась в модель идентичиости и основиой постулат жеиского образования. После первого причащения контроль иад молодыми католичками переходил в ведеиие конгрегации дочерей Марии. Во Франции первая коигрегация детей Марии «Святого Сердца» была осиована в Париже в 1820 году. В Италии вдобавок к существованию к коигрегациям дочерей Марии после 1854 года (год принятия вероучеиия) стали создаваться и другие жеиские объеднения, посвященные Пречистой Деве.

Быстрое распространение этого культа отображает целый комплекс специфических связей с жеискими желаниями и проектами. В интересиом анализе, проделанном Луизой Аккати, символическая власть Пречистой Девы происходит от того, что «оиа является осуществлеиием (жеиского) желаиия соблазнить кого-иибудь». Девушки мечтали и желали любви, ио они страшились социальных запретов и физической боли, связанной с потерей девственности. Преданность Пречистой Деве позволяет им «узиать сексуальиое желание, не принимая его». Это ие только «желание иасладиться удовольствием и ие чувствовать угрызений» (как заявляет Исидора Седжер), ио и «поиск удовольствия без боли». Таким образом, культ коисолидирует иарциссическую жеискую самоуверенность, связывая ее с первичными чувствами в период полового созревания[70].

[70] L. Accati. “La politica dei sentimenti. L’Immacolata Concezione fra ‘600 e ‘700”, *Atti del Primer Coloqui di Historia de la Dona* (Barcelona, 1986, forthcoming).

Добродетель и внешность

Придание видимости девственности

Во французских деревнях доказательства того, что общество считало женские добродетели, обеспечивали *rosieres*. Молодые девушки, увенчанные венком из роз, что происходило в мае (около тысячи в XIX веке), стали примером молодежи, втянутой в полноценную борьбу за улучшение своих жизненных условий, но не отказываться от достояния девственности. Перед комиссией, состоявшей из мэра, куратора и школьного учителя, каждая из них должна была продемонстрировать (вместе с медицинским свидетельством), что она является девственницей, происходит из скромной семьи и очень любит работать. Вознаграждение в 1 500 франков предоставлялось в качестве некоторого церковно-государственного приданого, которым жюри одаривало *rosiere* за два месяца до свадьбы[71]. Это было бы трудно себе представить в других обществах, которые обращались к «аллегории пола» в политических и педагогических целях. *Rosiere* сделалась показным антидотом социальной тревоги по поводу женской чистоты, которая поднималась в исследованиях и литературных отчетах в конце века, таких как *"Les Demi-Vierges"* («Девицы легкого поведения») Марселя Прево (1895) или *"Les Jeunes Filles peintes par elles-memes"* («Девушки о самих себе») Реми де Гурмона (1901). В Италии заметно то же беспокойство после перевода этих книг, но нарождение сексуального волнения подтверждается исследованиями по юношеству Антонио Марро[72]. В то же самое время в качестве триумфа психологического реализма *scienta sexualis* итальянские католические трактаты избегают называть девственность в своих кратких физических определениях.

Во второй половине XIX века регулирование женской чести изменилось, поскольку она отошла от совокупной защиты государства, церкви и семьи. Следует помнить, что в Неаполе до объединения Италии женщины, помещенные в монастырские школы, как вдовы, так и незамужние, составляли 3,8% от всего женского населения. Перечисленные в соответствии с их различными социальными рангами – честная, в опасности, на грани риска и проститутка, – она были заключены в отдельные друг от друга группы[73].

---

[71] M. Segalen, J. Chamarat. "La Rosiere et la 'Miss': les 'reines' des fetes populaires", *L'Histoire* 53 (1983).

[72] A. Marro. *La puberta studiata nell'uomo e nella donna (in rapporto all'Antropologia alla Psichiatria ed alla Sociologia)* (Turin, 1897).

[73] L. Guidi. *L'onore in pericolo. Carita e reclusione femminile nell'Ottocento napoletano* (Naples: Guida, 1991).

Жеиственная модель девствеииого совершеиства была построеиа иа ценности чистоты — индивидуальиой добродетели, определяемой изнутри и покоящейся иа принципах нравственной автоиомии, усиленной исповедью. Но вступление большого количества женин в промышлеиный рынок рабочей силы увеличил соблазны. Цеииость и нравствеииое обязательство чистоты проверяются местами, где процветает риск и опасиость. Социальиая страта, иекогда исключеииая из иормативиого учения о чести, определялась в межклассовом соблазие. Даже для женщин из аристократической и буржуазиой среды жеиская добродетель являлась прежде всего, «шоу», исполняемым иа улице, в театрах, иа балах, благотворительных ярмарках и в местах встреч молодежи, постепеиио становящихся все более беспорядочными. Родольфо Бетацци, осиователь (в Турине в 1894 году) Католической лиги общественной нравственности, предложил, чтобы иа балах (в конце концов разрешенных в 1915 году) женщины иосили белую розу иа талии, подобио виешиему декоративиому иаплечнику, — что иапоминало бы о культе Марии молодым городским девушкам из аристократических семей — «они должны удостовериться, что придут с иетронутой розой»[74].

Угроза смешанной компании

В иачале XX века цеииость девственности оцеиивалась в связи с соблазиами, рождавшимися в рамках светски детерминированиой обществеииой нравственности. Стимул имитировать более свободиое поведеиие (в области одежды, общественной жизни, в чтении и т. д.) исходил от самих жеищии или иовостей светской прессы. Там описывались трагедии страсти, чьим результатом стало самоубийство или преступление, симптомы сопротивлеиия измеиениям в области жеиской чести. Католическая пресса явио порицала их как «отвратительный и проклятый зиак, порочащий иашу страну». При этом в 1902 году убийство двеиадцатилетией Марии Горетти, которая сопротивлялась попытке изиасилования — общая тема для «отчетов о преступлеииях», — стало сеисационным делом, которое агиография продвигала в средствах массовой иифopмации[75].

Современное искупление для молодых распутниц, близких или уже погрязших в детской проституции, являлось — как продемоистрировала Аииарита Буттафуоко — основанием для итальянских светских

[74] R. Betazzi. *La giovine e la moralita* (Turin, 1915), p. 19.

[75] M. Turi. "La costruzione di un nuovo modello di comporamento femminile. Maria Goretti tra cronaca nera e agiografia", *Movimento operaio e socialista* 3 (1987).

феминисток бросить вызов католичкам[76], которые не смогли найти новых доводов для существовавшей дилеммы между большой степенью коррупции (какую мы находим в органах наказания, руководимых религиозными чиновниками) и ее предполагаемым происхождением. Сегрегация полов — продолжавшая сегрегацию, бытовавшую в пансионах, — поддерживалась доверительной гарантией женских католических организаций, обеспечивавших чистоту. Это был образ поведения, который существовал в Италии до середины XX века.

Чтобы поддерживать барьер между полами, женская католическая пресса подчеркивала достоинство раздельной общественной жизни. «У девочек больше сердечного согласия и духовного отдыха, когда они веселятся друг с другом. Когда, однако, присутствуют мальчики, они чувствуют боль, зависть, раздражение и безрассудство», — пишет Vita femminile, газета, выходившая дважды в неделю для женщин из рабочей среды, в 1912 году. Смешанная общественная жизнь являлось одним из спорных случаев, когда измерялась и практиковалась модернизация женского социального поведения. Под строгим надзором католической церкви тем не менее происходил подрыв защитных структур сексуального диморфизма, как внешних, так и сущностных их характеристик, проявлений и духа христианского феминизма. Женские католические организации порицали непреодолимый механизм социального подражания, распространявшийся средствами массовой информации, в целях укрепления фиксированных общественных и частных ролей и предотвращения хаоса женской социальной идентичности. Женщины-крестьянки хотели стать учителями, учителя — докторами, а «от докторов и преподавателей они желали максимально приблизиться к мужчинам, по крайней мере насколько позволяли общественные права. Вот в чем начало и рождение феминистского движения в Италии», — так описал этот процесс Союз католических женщин Италии (1911 г.)[77].

Неудавшийся крестовый поход против моды

Даже католички вынуждены были признать социальное измерение телесного поведения, когда одежда превратилась в чудодейственный ключ к социальной мобильности. Против моды, которая предлагала этику перемен и культ модернизма и которая превратилась в право, доступное всем классам общества, — в социальный категорический им-

[76] A. Buttafuoco. *Le Mariuccine. Storia di un'instituzione laica. L'Asilo Mariuccia* (Milan: Franco Angeli, 1985).

[77] *Bollettino Unione Donne Cattoliche d'Italia*, May 1911.

ператив, выступили женские католические организации; после Первой мировой войны они «начали крестовый поход против неподобающей моды» и «борьбу за достойную моду». Хотя выступления были неэффективными (иесмотря на поддержку Беиедикта XV)[78], мобилизация против испорченности женского внешнего вида распространилась по всей Европе и определяла честиость тех, кто вступал в движение в соответствии с длиной своих юбок и волос. В 1920-х гг. светская пресса определяла (и высмеивала) активисток Женского католического союза по безошибочным знакам их строгого, простого и небрежиого внешнего вида[79]. Это был «пуританский» тип (как описала нх Дж. К. Флюгель)[80] традиционных моиашек-бегинок, подходящих для насмешек. Активистки из католичек желали изобрести видимую модель, которая более не была изолирована и заключена внутри семейной сферы, свою собствеиную автономную эстетику «внешности» в качестве альтернативы крайиостям, часто порицаемой феминистской «маскулинизации».

«Эстетика благочестия», предаиная догмам жесткого сексуального диморфизма XIX века, исчезла в XX веке. Слезы теперь превратились в блестящую мишуру. Имеиио благодаря им жеищины осуществляли благочестивое поведение на протяжении рыдающего XVIII века, практиковавшего без различия полов понятную всем риторику слез. Марселина Попер, одна из первых Неверских Сестер Милосердия в первой половине XIX века, пишет о том, как она столкнулась с божественным даром слез, кои наводняли ее молитвы, что являлось доказательством святого союза с Господом. Ж. Тюилье вспоминает, что Бернадетта Собиру много плакала[81]. Доказательством истинной веры являлось явное публичное свидетельство о народиом благочестии, жившем в слезах бедной невежествениой девочки; это типичный показатель проявления образов Марии в XIX веке. В высших классах духовная ценность слез, однако, могла превратиться в простой внешний жест. «Девочки так любят плакать, что я видел их рыдающими перед зеркалом, чтобы вдвойне насладиться своим состоянием», — отметил монсеньер Дюпанлу. Обладая педагогическим предвиденьем, коигрегация «Святого Сердца» первой начала «политику слез». До таких соответствующих эмоциоиальных жестов, обширных и несдерживаемых, стереотипа женственности XIX века, коигрегация испытывала иезуитскую подозрительиость к чрезмерно поверхностиому проявлению чувств.

---

[78] Benedetto XV (Giacomo Della Chiesa). *Allocuzione alle donne italiane*, 21 October, 1919.

[79] "La virtu mal vestita", in *Fiamma viva*, October 1922, p. 579.

[80] J. C. Flugel. *The Psychology of Clothes* (London, 1930).

[81] G. Thuillier. *L'Imaginaire*, p. 14–16.

Время и порядок

Рационализация добродетелей

Молитва придала временному зданию домашней дисциплины иовую законность жеиского существования. В 1810 году, когда Джулия Манцони вернулась в монастырь, оиа послала своему духовному иаставнику, отцу-янсенисту Тоси, «список вопросов о том, как проводить свой день». Она созналась в трудности синхронизировать повседневную жизнь и моление. Святой отец указал по часам и минутам (с небольшими послаблениями) строгие правила, о которых оиа читала в «Положениях». «Достопочтенный сэр, Вы предложили мне христианскую епитимью: подниматься с постели по ночам, чтобы молиться по крайней мере иесколько минут; у меня так и не хватило смелости это сделать, за исключением иескольких раз». А отец Тоси ответил: «Ночные бдения, хотя они и ие являются обязательными, очень подходят Вам. Начните практиковаться раз или два в неделю, сиачала не поднимаясь с постели, если холодно, ио только принимая вертикальиое положенне, закутавшись, или по крайней мере в такой позе, что позволило бы Вам держать распятие в своей руке». Такое гибкое дозирование молитв и иекоторое послабления — иемного шоколада, ио без кофе — демонстрируют сговорчивую сущность благочестия, которое можио смягчить или ужесточить в зависимости от способности индивида к поглощению[82].

Идеал мириого и совершенного сосуществования полов (как и классов), который присущ теориям поведения, осиованных иа светской дисциплиие, — осиовиая тема цивилизации XIX века, иачиная от утопического коммунизма Фурье и заканчивая «селфизмом» (*selphism*) воли Пайо, — прокрался в руководства по поведеиию. Во Франции, так же как и в Италии, католические авторы ратовали за воспитание, которое с более подходящей точностью, иежели исповедник, объединило бы расторопиость в делах по дому и духовную сознательиость. Мировая максима о том, что «Господь есть порядок и закои», регулировала повседиевные дела жеищин в "*Journee chretienne de la jeune fille*" («Христианский распорядок дня молодой девушки») мадам Бурдои (1867 г., много раз издавался и переведеи иа итальянский язык). Все, даже нечто незначительное и пустяковое, было учтеио в даниом порядке, иесшем иа себе печать божественной пунктуальиости.

Золотой век данной индустрии совпал с появлением бурного потока литературы о рациоиальном использовании своего дня. «В иаши

[82] N. Ginzburg. *La famiglia Manzoni* (Turin: Einaudi, 1989), p. 37–38.

времена человек живет в спешке, не хватает времени для исполнения всего желаемого: дел, отношений, путешествий, удовольствий и даже обучения», — писала мадам Бурдон[83]. Эта книга стала одной из самых популярных среди женщин, работавших в текстильной промышленности на Севере Франции. Эти женщины являлись весталками морали домашнего трудолюбия, использовавшейся в управлении домашними делами, включая бюджет, организацию слуг и заботу о детях (количество которых возросло с 5 в 1840 г. до 7 в 1900 г.)[84].

Письмо, которое Джульетта Манцони, старший ребенок Алесандро и Энрикетты Блондель, получила в октябре 1833 года от своей свекрови маркизы Кристины Д'Ацегльо, является хорошим примером того, как совершенная смесь благочестия и обязанностей по дому использовалась в качестве меры социальной ценности женщины. Равнодушие Джульетты по отношению к своей больной матери, неправильный выбор книг для чтения, безрассудные покупки готовой одежды для своей дочери («допускается покупка ткани, но платье должно быть сшито в доме»), мебели, ковров, дорогих безделушек — все это являет пример ненадежного управления домашними делами, противоположность «показной экономии», и экономного отношения к богатству, что должно быть в крови дочери новообращенного кальвиниста[85]. Нет сомнения в причине того, почему она сбилась с пути: «Ты ходишь в церковь, как протестанты в храм, только раз в неделю, и все»[86].

Прекрасный путь к собственной смерти

Новая нравственная теология Альфонсо де Лигуори и св. Франциска Сальского не позволяли более осуществлять вселяющее страх отождествление смерти со страданиями Христа. В руководствах по благочестию и аскетических трактатах о должной смерти — из которых самой распространенной моделью являлся трактат Франциска Сальского «Филотея» — memento mori подробно излагался в различных вопросниках о времени, месте, времени года и часа, когда душа покидает тело. Послушницы, получавшие образование в конгрегациях «Святого Сердца», воспринимали смерть как явную реальность (настроения, легко находившие общий язык с романтической женской

[83] Madame Mathilde Bourdon. *Giornata Cristiana della giovinetta* (Turin, 1888, Fr. ed., 1867), p. xiv.

[84] B. G. Smith. *Ladies of Leisure Class. The Bourgeoisies of Northern France in the Nineteenth Century* (Princeton, 1981), p. 14–16.

[85] Ph. Perrot. "Pour une genealogie de l'austerite des apparences", *Communications* 46 (1987): 157–179.

[86] N. Ginzburg, *La famiglia Manzoni*, p. 132–135.

чувственностью). Они спокойно относились к прощанию и ожидали счастья от встречи на небесах со своими сестрами, что подтверждало эффективность рецепта Франциска Сальского. Такая «жажда смети» (по мнению О. Арнольд, присущая многим послушницам) объясняла важность учения матери Барат, основательницы монастыря: «Жизнь во имя страдания и завоевания сердец для Иисуса Христа есть занятие более благородное, нежели желать страдания во имя наслаждения» (1829)[87].

Такое проявление культуры смерти в спокойном языке прощания ограничивалось не только, теми, кто молился «по обязанности своего положения». Светские проявления являлись последствием красивых смертей в семействе Ла Ферроне (их одержимость смертью не была сексуально детерминирована), о которых писал еще Филипп Арьес[88]. Евгения (Эжени), например, умерла очень молодой от чахотки, и в классической сцене Неаполя 1830-х гг. в стиле Ламартина, с розами, апельсиновыми деревьями и звездными ночами, она пела для своих подруг «весело, как птичка, прекрасна, подобно солнечному лучу». Для нее смерть была несравненно хороша. «Ах, как прекрасна жизнь! Каковы же тогда небеса? Стоит ли смерть больше, чем все это?» — бойко спросила она у своей сестры Паулины[89].

Последнее прощание в XIX веке редко отличалось молчаливостью. «Я довольна своим положением», — сказала 26-летняя Кристина Манцони, обнимая своего мужа незадолго до своей смерти (1841 г.), воспроизводя стереотипное представление о достойной смерти. Но до того она отказалась встречаться со своим исповедником или получить последнее причастие, и только благодаря посредничеству своего отца она смогла преодолеть страх перед святым помазанием. Трудно предположить, что существовали характерные для женщин реакции в смертный час, ибо поведение умирающей женщины стилизовывалось в соответствии с внутренними кодексами семейной традиции. На женское поведение в ритуалах последнего прощания влияли скорее не руководства о достойной смерти Франциска Сальского, но личный опыт ранних смертей, отчаянное ожидание осиротевших детей. Но о тяжелых утратах семьи Манцони не сохранилось записей — опустошенные, подобно своим современникам, Ла Ферроне перенесли шесть смертей за немногим более чем десять лет, — которые могли бы сравниться с *"Recit d'une soeur"* («Рассказ о сестре») Паулины Кравен Ла Ферроне. Здесь, как указывает

---

[87] *Historia della Madre Barat*, p. 517.

[88] Ph. Aries. *L'Homme devant la mort* (Paris, 1977); см. на русском языке: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. — М., 1992.

[89] *Recit d'une soeur, souvenirs de famille*, collected by Madame Augustus Craven nee La Ferronays (Paris, 1911) (52nd edn.), vol. I, p. 199.

Арьес, едва отмечаются рождения и браки в качестве промежуточных точек отсчета в бесконечной череде смертей.

Переписка женщин из семьи Манцони повествует о болезнях и смертях, не показывая предварительных ожиданий того, что произойдет по ту сторону могилы. Она включает правдивое описание кровопусканий (общая и часто фатальная терапевтическая практика в Италии), лекарств и диет. Эпитафии отличались краткостью: «Для Энрикетты Манцони, урожденной Блондель»; «Несравненной невестке, жене, матери, от свекрови / мужа, сыновей, с молитвой, горькими слезами, но живой верой в славу небес» (1833), а для Джулии д'Адзельо Манцони – «Умершей в мире с Господом от скорбящего мужа и родственников, вручивших ее Милости Божьей и с молитвами верующих» (1834). За мрачным эротизмом Джулии Манцони Беккария XVIII века, облегчившей боль утраты своего возлюбленного Карло Имбонати (1805 г.) посредством бальзамирования его тела, без каких-либо литературных сублимаций по поводу «благословенного ухода» — как называла это Энрикетта Блондель, — последовали сочиненные в классическом стиле каноны надгробных эпитафий XIX века.

Матери

Материнский авторитет под угрозой

XIX век известен нам как век матери. Семья и роли членов семьи сильно изменились. Отцы и мужья оставались превыше всего, но социальная дистанция между супругами и между родителями и детьми сократилась. Во второй половине века Эрнст Легув приписывал это неслыханной непокорности «сынов из благородных семей», сопротивлявшихся правилам, предназначенным для их возраста, и не соблюдавшим положенные церемонии по отношению к новым чувствам, возникшим в связи с более тесными отношениями между родителями и сыновьями, и по отношению к «возросшей уверенности» и «недостатку и ослаблению авторитета»[90]. Являлись ли «новые сыновья» результатом феминизации воспитания в семье? В начале века внимательный (мирянин) наблюдатель за итальянскими нравами уже так думал. Матери не предоставляли непоколебимых примеров для своих дочерей. Последние «нарушили основной механизм уважения», не сохранив повиновения:

[90] E. Legouve. *Padre e figli nel secolo che muore* (Florence, 1899).

«В наши дни девушка, достигшая сознательного возраста, использует фамильярное "ты", обращаясь к матери, а вместо того чтобы называть ее матерью, ведет себя с ней как с подругой»[91]. Католическая культура XIX века определяла роль матери на основании поведения сентиментальной набожности, типичной для женского благочестия. Материнство Марии стирало грех Евы. Этот образ являлся источником как культа Марии, так и переоценки материнства. В Италии мать Дона Боско воспроизводила идеальную модель для церкви. В 1846 году она последовала за своим сыном в Вальдокко и организовала повседневную жизнь часовни. «Она думала обо всем и все обеспечивала» — доказательство того, что способности к работе по дому могут выйти далеко за рамки семьи[92]. В начале века даже авторитарные отцы сеяли зерна духовного материнства: «Как ты ошибаешься, мое дорогое дитя, — писал Жозеф де Местр своему второму ребенку Констанции, — когда говоришь мне о несколько вульгарной заслуге имения детей! Заслуга женщины состоит в управлении домохозяйством, в том, чтобы сделать своего мужа счастливым, утешая и поощряя его, и в воспитании его детей: то есть в создании людей; это великое дело, которое не проклинается, подобно другим»[93].

В чем заключалось действительное проклятие для женщины? Высокая материнская смертность при родах и высокая детская смертность делали материнство одновременно естественным и страшно рискованным предприятием. В районе Венеции при правлении Габсбургов в 1839–1845 гг. показатель рождаемости был около 40 на тысячу, а показатель смертности — 31, детская же смертность насчитывала более трети от всех смертей, так что верующие крестили своих детей в первый или второй день после их рождения. Обязанности матери-католички XIX века — то есть повиновения, жертвенности и религиозного воспитания — выполнялись со знанием того, что отношения матери с ее детьми основывались на очень тонкой нити существования.

«Я доподлинно знал, что мать семейства совсем не была суеверной, но, наоборот, очень сильной и добросовестной в своей христианской вере и отправлении религии. Она не только не жалела тех родителей, которые потеряли своих детей в младенчестве, но тайно и искренне завидовала им, поскольку их дети отправились в рай, где находятся в безопасности, и освободили своих родителей от бремени по воспитанию оных. Несколько раз, когда она оказывалась на грани потери собственного ребенка, она не молилась Господу, чтобы они умерли, ибо

[91] M. Gioja. *Il primo e il nuovo galateo*, p. 258.
[92] M. L. Trebiliani. *Don Bosco nella storia della cultura popolare.*
[93] R. Deniel. *Une image de la famille*, p. 194.

религия ей этого не позволяла, но она сердечно радовалась, а наблюдая, как рыдает или горюет ее муж, она уходила в себя и испытывала настоящее и ощутимое раздражение»[94].

Данная итальянская антимать, как описывает ее Джакомо Леопарди в "Zibaldone", не может служить основой для обобщений по поводу чувственной природы отношений матери и ребенка. Это случай материнской патологии, переполненной статистическими ожиданиями смерти; мы видим связь с навязчивыми нервными мыслями по поводу управления домом маркизы Аделаиды Античи Леопарди (1778–1857). Мелания д'Ацеглио (из высшей знати Пьемонта), умершая в 1841 году в молодом возрасте, преодолела свой страх смерти, написав прощальное письмо своей дочери Констанции, в котором она повторила эпистолярное прощание, оставленное ей ее бабушкой по женской линии в 1805 году. Она оставила две рекомендации: всегда скромно одеваться и читать главу из Библии каждый день. Возможность сослаться на семейный эпистолярный источник была весьма удобной перед лицом неизбежности; это также укрепляло женское осознание незначительности земных нитей с детьми[95].

Для Терезы Мартен (св. Терезы Лизьевской, 1873–1897), младшей из девяти детей своих родителей, потерявших двух сыновей и двух дочерей, ранняя смерть матери стала совершенно конкретным пережитым опытом, вынесенным из детства. Тереза была любимицей своей матери. Осиротев в четыре года, она сконструировала модель своей святости на данных кратких узах с матерью[96]. Католическая культура XIX века приписывала матери функции религиозного формирования и нравственного исправления, осеняемой духом неограниченной жертвенности. Самым характерным примером данной культуры являлся журнал *Femme et la famille* (продолжался до 1917 года). *Journal de la vie domestique* («Журнал домашней жизни») был основан Фелиситой Боттаро в 1862 году в Генуе, в 1867 году его издание переместилось в Париж. Образование женщины и воспитание детей, превозношение семьи в качестве единственного места счастья и начиная с 1870-х гг. полемика против общественного образования стали постоянно воспроизводимыми в них темами. Против «несчастных введенных в заблуждение» сторонников эмансипации, которые отказывались от своих детей с целью

[94] G. Leopardi. *Zibaldone*, vol. I., p. 353–356.

[95] D. Maldini Chiarito. "transmissione di valori e educazione fanigliare: le lettere al figlio di Constanza D'Azeglio", *Passato e presente* (January-April, 1987): 35–62.

[96] J. Maitre. "Ideologie religieuse, conversion mystique e symbiose mere-enfant; le cas de Therese Martin (1873–1897)", *Archives de Sciences Sociales des Religions* 51 (1981): 65–99.

уничтожить «ненавистную систему» разделения полоролевых обязанностей, они противопоставляли добрых, трудолюбивых и добродетельных женщин, способных к «молчаливому самопожертвованию за идею или в несчастье», непоколебимых в силе своей любви или страдания[97].

Власть любви

Данная идеология естественного женского чувства отдачи в сформулированном как католиками, так и мирянами виде, признает небольшие различия. Мишле назвал эту неограниченную склонность "amour". «Она есть алтарь», – сказал он о женщине. Она живет для других; «именно эта относительная характеристика помещает ее выше мужчины и превращает ее в объект религии»[98]. Это общее для женщины XIX века качество – отдавать и жертвовать собой для других – стало основанием для целого ряда «концептов», «идеологических типов» и «интуитивных абстракций» женственности, многие из которых все еще бытуют в культурной истории XX века. К скольким женщинам обращалась французская феминистка Нелли Руссель с своей книге "L'Eternelle sacrifiee" («Вечная жертва») (1906)? «Ваша преданность должна быть добровольной», рекомендует она, но оспаривается только форма, но не сущность жертвенной преданности. После Первой мировой войны итальянка Джина Ломброзо предложила концепцию женщины, «сконцентрированной на другом». В ней альтруизм, получивший свое яркое выражение в профессии сестры-сиделки, фигурировал в качестве доминантной характеристики женской психологии[99].

По словам немецкого теолога Гертруды фон ле Форт, на которую ссылался папа Пий XII (*"La femme eternelle"*, 1936), та же концентрация на других превратилась в экзистенциальную максиму: «будь другой для других и через других» – «социальная» сущность женского в качестве доказательства привилегированных отношений женщины с Богом.

Перевод М. Г. Муравьевой

---

[97] M. Milan. *Donna, famiglia, societa. Aspetti della stampa femminile cattolica in Italia tra '800 e '900* (Instituto di Studi Storico-Politici, Universita di Genova, 1983).
[98] J. Michelet. *La Femme* (Paris, 1860), p. 118.
[99] G. Lombroso. *L'anima della donna* (Florence, 1918), and *L'anima della donna, II: Qualita e difetti* (Florence, 1918).

8

Протестантка

Жан Боберо

Существует ли определеиный «протестантский тип» жеищины? Если воспринимать это определенне как утверждение, что протестантство является принципиальиой детерминантой жеиской личиости, ответ будет, безусловио, отрицательным. Но это ие означает, что религия ие являлась важным фактором, влиявшим иа женщии XIX и других веков, просто ее влияние иевозможио отделить от других, сложио взаимосвязанных факторов, таких как социальный класс, иациоиальиость и даже региоиальиое происхождение.

Реформация утверждала коицепцию женщины, в каком-то смысле противоположную католическому идеалу: иапример, ие придавалось особой ценности девственности или моиашеской жизнн. С самого иачала протестантство рассматривало брак (и светскую жизнь) как коитекст, в котором иаилучшим образом достигается «христианская предаииость». Одиако патриархатиая система выжила и в протестантских страиах, а женщины должны были иайти себе место в ией. Как и «всеобщее право голоса» иа практике долго означало практику «всеобщего права мужского голоса», доктрина «всеобщего священства» (согласио которой каждый верующий стаиовится священником в момеит крещения) до иедавиего времени озиачала, помимо всего прочего, что отец в каждой семье играл роль религиозиого лидера, даже если его жеиа играла далеко ие последиюю (а в иекоторых ситуациях и важиейшую) роль в передаче религиозных постулатов.

Фактически доктрина всеобщего священства предназначалась для примирения базового равенства с функциональными различиями. Как сказал Лютер, каждый кре-

щенный христианин «может гордиться тем, что он посвященный в сан пастор, епископ или папа, однако было бы неуместно, если бы любой мог исполнять их обязанности». Этот сдвиг от сущности веры к функциональности мог обозначить возможность социальной мобильности и прогресса, но в отсутствие специального церковного класса он также мог привести на практике к воспроизводству в церковном сообществе различий, существующих в более широком социуме.

Таким образом, протестантские женщины оказались в двойственной ситуации. С одной стороны, важность, которой облекался мирянин и мирянка, обычные христиане, стимулировала изначальную заинтересованность в образовании женщин, а не только женщин элиты (хотя социальные различия имели значение). В результате в XIX веке протестантские регионы и страны нередко были несколько впереди других, давая женщинам возможность учиться. С другой стороны, протестанты в достаточной степени принимали традиционные взгляды о разделении социальных ролей между мужчинами и женщинами. Эти представления общества закрывали женщинам доступ к определенным позициям, в частности к пасторской службе.

Во многих случаях это противоречие разрешалось тем, что миссией протестантской женщины становилась помощь мужу в качестве его партнера. Таким образом, семейные пары и семья оказывались эмоционально более привлекательными и ставились выше в культурном и социальном смысле. Такое отношение особенно преобладало у английских пуритан и немецких и скандинавских пиетистов.

Пробуждение: благоприятная возможность для женщин

Возможно, наиболее интересные знаки перемен религиозного положения протестантской женщины на заре XIX века произошли во время Пробуждения, в частности в Методизме. При этом основатель методизма Джон Уэсли (1703–1791) во многих отношениях являлся сторонником традиции и порядка. Довольно долго он не мог помыслить, чтобы женщины получили религиозную власть. Поначалу многие возрожденцы конца XVIII – начала XIX веков разделяли эту позицию, что подтверждалось множеством отрывков из посланий апостола Павла. Но несколько факторов привело возрожденцев к тому, чтобы отвести женщинам более значимую роль.

Цель Пробуждения заключалась не в поощрении сектантства или создании новых протестантских деноминаций, скорее это было желание вдохнуть новый дух — дух Реформации — в существующие протестантские церкви, особенно в англиканскую и пресвитерианскую, или реформированные церкви. Термин «Пробуждение» говорит сам за себя. Но, конечно же, учение возрожденцев спровоцировало раскол иа тех, кто его принимал и кто ие принимал. В первую группу входили миогие социальио маргинализированные группы, или иждивенцы. Среди первых адептов насчитывалось достаточно миого замужних и одннокнх женщин.

Мужья и отцы скромиого происхождения ие всегда одобрительно смотрели на религиозный энтузиазм. Это был акт непослушания. Некоторых женщии били, когда они манкировали предупреждениями и ходили слушать священников-возрожденцев, или давали деньги иа их дело. Чтобы избежать данных последствнй, жеищины часто участвовали в «Божьем труде», ие говоря мужьям или отцам. Одиако проповедн возрождеицев не подрывали устоев общества; они не призывали женщин не подчиняться «авторитету» отцов и мужей. В иекоторых возрожденческих сообществах тем не менее с «сестрами» и «братьями» обращались как с равными, и это, несомиенио, усиливало подозрения бдительных мужей и отцов.

Даже в более обеспечеиных слоях общества идея Пробуждения чаще привлекала женщин, нежели мужчнн. Некоторые мужчины пришли в движение через знакомых им женщин. Таким образом, Пробуждение давало женщинам благоприятную возможиость некоторой иезависимости и влияния, поощряя в них чувство ответственности.

В более общем смысле женщины выигрывали оттого, что миряне в религиозном движении ценились достаточно высоко. Находясь в оппозицни к истеблишменту, Пробуждение больше ценило рвенне, чем духовный сан. Непрофессиональные проповедники играли свою роль с самого начала, особенио в Англии, как коикуренты англиканским пасторам. Это было особенно важио, поскольку клерикальная структура англиканской церкви стояла ближе к католичеству, нежели в протестантских церквях. Теологическая концепция «зова Божьего» использовалась, чтобы обосиовать деятельиость мирских проповедников перед враждебиостью властей. Даже иепосвященный мог услышать зов Божнй, а зиачит, и женщины могли исполнять роль, традиционно для них запрещенную: публично свидетельствовать свою веру и проповедовать.

Полупасторская роль иекоторых женщин была особенно явственна в Новом Мире, где растущая потребность в проповедниках перевесила опасения многих адептов Пробуждения. В Англии леди Хантингдон предоставила движеиию официальную поддержку, а леди Максвелл в XVIII веке помогла его созданию в Шотландии. Невзирая на отсутст-

вие такого высокого общественного положения, Барбара Ракл Хек помогла становлению нескольких новых церквей в долине Сент-Лоренс и считалась «матерью американского методизма». Хотя сама Хек не проповедовала, к концу XIX века некоторые женщины поднимались на кафедру и служили как «окружные священники», переезжая с места на место. Женщины продолжали играть эту роль в следующем веке: среди наиболее известных были Ханна Пирс Ривз, Лидия Секстон и первые черные проповедницы Джарина Ли и Ребекка Гулд Стюарт.

Но где бы женщины ни брали на себя полномочия, возникали проблемы и противоречия. Нарушение границ социальных ролей всегда рискованно. В семьях XIX века традиционно жена помогала мужу в его работе. В движении возрождения, особенно в Соединенных Штатах, например, некоторые жены выполняли роль «хозяйки дома». Они делали все необходимое для организации молебна, но не проповедовали. Хотя они играли подчиненную роль по отношению к проповеднику (что более пристало мужчине), ее значение следует подчеркнуть. Успешность посещения, количество пришедших, которых сумел привлечь проповедник, и длительность его влияния во многом зависели от организационных способностей и духовной притягательности хозяйки. Одной из самых известных среди них была Кэтрин Ливингстон Гарретсон, которая организовала нечто вроде штаб-квартиры для окружных священников, работавших в долине Хадсон, помимо того что вела замечательный дневник о своих религиозных переживаниях.

Пасторские жены

Положение пасторских жен во многих протестантских церквях не особенно отличалась от положения хозяек дома в Пробуждении. Жена, как правило, была полностью вовлечена в священническую деятельность мужа, и его успех, в свою очередь, отчасти зависел от качеств жены. Все же жена пастора не имела официального статуса и никакой институциональной легитимности. Однако на ней лежали определенные обязанности: она принимала гостей и посещала прихожан, преподавала и ухаживала за больными. Она также могла, безопасно и не нарушая правил приличия, входить туда, где не ступала нога обычных женщин.

Количество выполняемой ей работы и сила влияния зависели от различных факторов, среди которых находились размер прихода и плотность населения. Когда пастор совершал поездки в отдаленные приделы, его жена могла стать духовным наставником в его отсутствие. Как теолог-самоучка, она могла дать совет и утешение, растолковать

Библию и даже проводить молельные встречи. Для нее вполне естественным было исполнять такую роль, если она получила образование и имела благородное происхождение, в то время как прихожане ее были более скромного происхождения, но такое случалось не всегда.

Преподавание и забота о больных считались более принятыми обязанностями, чем замещение отсутствующего священника. Независимо от наличия диплома учителя пасторская жена учила не только детей, но нередко во многих местах проводила занятия и для взрослых. Она часто оказывала определенные виды медицинских услуг женщинам и помогала им нянчить детей. Существовавшие в первой половине столетия представления о морали и приличиях требовали, чтобы именно женщины исполняли обязанности, когда возникала необходимость близкого контакта с другими женщинами. Это давало женщинам определенную власть, было на пользу не только женам пасторов. Поскольку школы были раздельными по полу и были связаны с религиозными сектами, немало молодых протестанток, особенно дочерей священников, стали учительницами. Обычным явлением было и то, что девушка или девушки, служившие в пасторском доме, помогали его жене с учениками и уходом за больными. Поразительный пример можно найти в случае с мадам Оберлен, женой пастора в Ле Бан-де-ла-Рош в Эльзасе. С помощью служанки Луизы Шепплер она основала первые детские сады во Франции. Когда она умерла, Луиза приняла на себя ответственность за эти группы.

Женщины вокруг пастора — жена, дочери и иногда прислуга — образовывали других женщин и показывали пример самостоятельности. Они играли роль положительных примеров для других протестанток, замещая образ женщины, склонной к «томности» и «пустопорожности», на «энергичную» женщину. Этот новый образец женщины был тем более привлекателен, что не казался опасным для обычного мужчины (в целом он не порождал конфликтов). Он служил доказательством, что женщины могут делать что-то вне дома, не преступая «скромности, приличествующей [их] полу» и без угрозы для их «безупречной морали».

Диакониса

Возможность, открывшаяся для протестантов среднего класса, демонстрировать свою набожность публично и участвовать в благотворительных и общественных делах, привела к возникновению нового типа священничества — «диакониса». Диаконисы были плодом общественного рвения протестантского пиетизма, особенно в Германии. Они выросли из Женского союза помощи бедным и больным, основанного

в 1832 году Амалией Зивекинг (1794–1859), дочерью гамбургского сенатора. Но первый дом диакоиис был основан преподобным Теодоре Флиднером из Кайзерверта в рейнском регионе Пруссии. На следующий год Клиника Елизаветы, где диаконисы ухаживали за больными, открыла свои двери в Берлине. Во Франции преподобный Антуан Вермей основал дом диаконис в Рейли в 1841 году, а преподобный Франсуа Эртер создал другой — в Страсбурге в 1842. Множество таких домов появились в Германии и других странах.

Создание домов диаконис было связано с растущей верой в то, что общество должно отвечать за обеспечение здоровья и образования бедных. Через множество своих религиозных орденов католическая церковь руководила огромным количеством преданных людей, которые могли отвечать эти новым общественным потребностям. Несмотря на существование некоторых благотворительных организаций, протестантская церковь не обладала ничем подобным, что иекоторые католики не замедлили отметить. Доктор Зульцер, например, писал, что «благотворительность, этот небесный цветок, не может расти на сухой песчаной земле протестантской церкви». Кроме того, создание сана диакоиис дало возможность некоторым протестанткам полностью посвятить себя религии, не давая женщинам становиться пасторами. Называя себя «слугами бедных», первые диаконисы заявляли: «Мы давно отдали себя Господу. Теперь пришла пора вернуть любовь, которую Он показал нам, спася наши души от греха и смерти, служением страдающему человечеству».

Дом в Кайзерверте брал к себе «новичков» из других учреждений. Преподобный Флиднер описал, что происходило во время их пребывания там: «По нашему мнению, наилучшее обучение для этих сестер — набираться практического опыта во всех видах ухода за больными и содержания дома, включая обучение медицине доктором, обучение излечению душ с моей стороны и обучение терпеливому уходу со стороны моей жены». Обучение диаконис, которые впоследствии должны были учить бедных, естественно, в чем-то отличалось.

Правила вновь созданных домов диаконис делали упор на протестантской теологии «спасения только через милосердие», а не на хорошей работе. Посвящая себя служению «страдающему человечеству», диакониссы не приобретали новых добродетелей и не способствовали этим своему спасению. Но в некоторых отношениях положение диаконис было в чем-то сходным с положением монахинь, принадлежавших к благотворительным орденам. Как и следовало предполагать, это порождало дискуссии в среде протестантов.

Некоторые дома диаконис, как в Кайзерверте и Рейли, находились под руководством пастора, который служил там как директор и как священник. Другие дома, напротив, установили своего рода женскую

демократию. Так было в Страсбурге, где дома диаконис управлялся своего рода исполнительным комитетом (состоявшим из женщин, не диаконис), который занимался административными вопросами, и Внутренним советом (состоявшим из «матери-настоятельницы» и «главных сестер», избранных другими диаконисами), который стремился соблюдать порядок, мир и добрые отношения между членами сообщества. Женщина становилась диаконисой после года послушничества. Сообщество давало своим членам жилье и питание, но никакой зарплаты. Диаконисы должны были подчиняться сестре-настоятельнице и обязаны были предупредить об уходе из сообщества за год. Они были не замужем и носили специальную одежду.

В каком-то смысле жизнь диаконисы не соответствовала традиционному протестантскому представлению о христианской жизни, согласно которому вера через любовь не предполагала особенного образа жизни. В адрес нового учреждения звучало немало критики. Наиболее подробно об этом писала мадам Гаспарен, швейцарская реформированная протестантка, которая опубликовала двухтомный труд «О монашеских корпорациях в протестантизме» в 1854 и 1855 гг. Сообщества диаконис, утверждала она, не основываются ни на каком библейском примере. Некоторые слова Иисуса об обращении и преданности всех христиан были извращены, чтобы оправдать институт, напоминающий средиевековые монастыри, которые Лютер упразднил. Этот институт был опасен тем, что он может привести к снижению значимости брака и светской жизни. Основная идея «вполне очевидна: это восславление безбрачия; это претензия на святость через монашескую профессию; это посвящение для избранных вместо посвящения искреннего; это разобщение мира, чего Христос не хотел; это неприкрытый Рим».

Такая критика постоянно повторялась впоследствии. Некоторым протестантам XIX и XX века диаконисы со своими обетами и традициями представлялись опасной формой скрытого католицизма. Но в целом диаконисы быстро нашли свое место в очень разнообразном протестантском мире. И хотя некоторые из правил странным образом не соответствовали протестантским догматам, значимость их «примера» и глубина приверженности были общепризнанны.

Протестанты против рабства

Если некоторые протестанты считали институт служения диаконис шагом назад, других пугала дерзкая активность протестантов в массовых движениях за социальные реформы. Роль женщин в движении

против рабства вызывала такую реакцию, а протестантский феминизм родился в последующих конфликтах.

Бостонский журналист Уильям Ллойд Гаррисон и его газета «Освободитель» (*The Liberator*) проводила кампанию против рабства в Соединенных Штатах. Ярый кальвинист, Гаррисон считал, что расовые предрассудки Севера также греховны в глазах Бога, как рабство на Юге. Он требовал немедленной и полной эмансипации всех черных рабов. Он обращался непосредственно к женщинам, призывая их бороться за свободу черных женщин, беззащитных перед жестокостью и похотью мужчин. На его призыв вскоре откликнулись несколько женщин высшего класса, которые посвятили себя борьбе против рабства и использовали свое положение для достижения успеха.

Было создано три женских аболиционистских общества. С самого начала два из них призывали как черных, так и белых женщин к общей борьбе и поощряли независимую инициативу своих членов. Бостонское общество было основано Марией Уэстон Чэпмен и ее тремя сестрами. Оно принимало протестанток разных деноминаций, в основном унитариев, членов епископальной церкви и квакеров. Одна активистка, Лидия Мария Чайлд, известный автор романтических рассказов, написала первый труд, критиковавший рабство в Соединенных Штатах, — «Призыв в защиту класса американцев, которых называют африканцами» (1833). В книге критиковалось отношение к свободным черным в школах и церквях и призывалось к легализации межрасовых браков. Филадельфийское общество, основанное квакером Лукрецией Коффин Мотт, состояло в основном из других квакеров. Оно было известно благодаря таланту его черных активисток: Сары Мэпс Дуглас и трех сестер Фортен, Сары, Маргариты и Харриет, которые происходили из семьи, активно в течение века участвовавшей в борьбе против рабства, за права женщин и другие важные социальные вопросы.

Нью-Йорк представлял собой третий центр женского движения против рабства. Тамошняя группа состояла в основном из пресвитерианок, и ее организация была менее продвинутой, чем две другие: женский комитет подчинялся мужскому, а черные и белые женщины работали отдельно.

В 1837 году в Нью-Йорке состоялся первый женский конгресс против рабства. В том же году был организован курс лекций в нескольких городах Новой Англии. В течение шести месяцев Сара и Ангелина Гримке, две боевых докладчицы из Южной Каролины, выступали перед большими аудиториями, мужчинами и женщинами, нередко собиравшимися в церквях. Они критиковали религиозное сообщество за соучастие в поддержании униженного положения черных рабов и даже свободных черных. Дерзость нападок этих женщин и бо́льшая часть

того, что они говорили, неизбежно настроили против них многих протестантских священников. Ассоциация конгрегационалистских пасторов впоследствии опубликовала пасторское письмо, в котором, опираясь на силу аргументов Нового Завета, утверждалось, что женщинам не подобает выступать на публике на общественные темы.

Таким образом, тема рабства была тесно связана с полемикой о правах женщин. Связь между этими двумя проблемами играла важную роль, поскольку некоторые активистки могли счесть аргументы пасторов убедительными, если бы дело касалось только их интересов. Но они ощущали себя борцами за дело Бога, и это помогло им противостоять религиозным аргументам, направленным против них. Самые дальновидные женщины поняли, однако, что с этого момента им придется вести борьбу на многих фронтах, чтобы осуществить «новый порядок вещей». Ангелина Гримке писала: «Мы защищаем не только дело рабов, но также и отстаиваем женщин как ответственных, нравственных людей». В 1838 г. ее сестра Сара опубликовала «Письма о равноправии полов и положении женщины», первый манифест современного протестантского феминизма.

Протестантский феминизм

По мнению Сары Гримке, Библия, если перевести и истолковать ее правильно, не учит тому, что мужчины и женщины не равны. Наоборот, она утверждает, что оба пола были созданы с одинаковыми правами и обязанностями. Например, из Книги Бытия, 3:16 («к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою»), которое часто цитировалось в оправдание зависимости женщины от мужчины, для Гримке означало ничего более, чем предсказание о последствиях первородного греха, а не повеление Бога, узаконивающее мужское превосходство. Это был первый шаг к феминистскому толкованию Библии. В XIX веке несколько феминисток стали теологами, особенно в англоязычных странах. Среди них была и Элизабет Кэди Стентон, теоретик и пропагандист американского феминизма, которая опубликовала в 1890-х собственную «Женскую Библию», компиляцию экзегетических комментариев, опровергающих традиционные христианские формулировки об отношениях между мужчинами и женщинами и о месте женщины в обществе. У наиболее убежденных протестантских феминисток в Англии и Америке был свой любимый лозунг: «Молись Богу, чтобы Она исполнила твое желание».

В более широком смысле, протестантские феминистки указывали на Книгу Бытия, 2:18: «нехорошо быть человеку одному; сотворим ему

помощника, равного ему». Следовательно, партнерша мужчины была ему равной или, возможно, как полагала французская протестантская феминистка Эжени Нибуайе, даже выше его. Нибуайе искусно переворачивала традиционные аргументы в пользу мужского превосходства с ног на голову. Ева была сделана из ребра Адама? Ну тогда это была часть человеческого тела, более благородный материал, чем глина и пыль, из которых Бог сотворил Адама. Но разве мужчина не был сотворен первым, а женщина второй? Разумеется, и порядок сотворения демонстрирует прогресс: сначала гады морские, потом животные, потом мужчина и, наконец, женщина, высшее существо. Когда Ева была сотворена, творение достигло своей окончательной полноты, и Бог мог отдохнуть на седьмой день.

Но многие протестанты, так или иначе озабоченные развитием мужских – женских отношений, не разделяли остроумные и радикальные взгляды Нибуайе. Диаконисса Сара Моно, которая редактировала газету «Женщина» (*La Femme*) в конце столетия, говорила, что часто чувствовала оскорбление, наносимое «[ее] достоинству как женщине» тем, как феминистки защищают «права или якобы права» женщин. По ее мнению, феминизм «должен обладать добродетелями самой женщины: достоинством без чопорности, стойкостью без дерзости, настойчивостью без жестокости, теплотой без страстности. Самый лучший феминизм будет самым женственным». Как и она, многие протестантки не хотели обособляться и отстаивали свою респектабельность. Однако эти принципы не мешали проявлять определенную инициативу. Мадам Неккер де Соссюр, например, основала передовую школу на озере Леман, возле Женевы, и в 1828 г. опубликовала труд «Прогрессивное образование» (*"L'Education progressive"*). Этот часто переиздаваемый труд выступал за воспитание независимости у мальчиков и у девочек и подчеркивал, что девочкам не следует торопиться с замужеством, чтобы иметь возможность стать «просвещенными духом» и «разумными существами».

Немало протестанток из средних и высших классов так же относились к образованию. По существу их идея, обращенная к женщинам, заключалась в том, что так называемое «подчиненное положение» женщин есть продукт не «природы», а более слабого образования, которое дают девочкам, настолько несоответствующего потребностям, что они не способны успешно развивать свой интеллект наравне с мужчинами. Рабочие женщины должны подняться из положения «отбросов общества» – «испорченных женщин», которые не знают имени «пьяного» мужчины, сделавшего им ребенка, «бросившие» своих детей в общественных приютах; должны стать истинными матерями и уделять максимальное внимание образованию детей. Женщины высших клас-

сов не должны быть «праздными» или «штукатуриться косметикой до ужасного состояния», чтобы скрыть несколько преждевременных морщин; вместо этого они должны принять на себя свои «общественные обязанности», и эта ответственность наряду с молитвой будет знаком «истинного благочестия».

Протестантские благотворительницы XIX века были воодушевлены сознанием «общественного долга». Помимо множества женщин, которые создавали благотворительные организации на местном, региональном или национальном уровнях, есть несколько имен, добившихся международного признания, среди них Джозефина Батлер, которая помогала проституткам; Элизабет Фрай, реформатор тюрем; и Флоренс Найтингейл, которая способствовала возникновению профессии медсестры.

Феминизм и морализм

Джозефина Батлер была, возможно, наиболее значимым голосом среди женских протестантских голосов, озвучивавших моральные и социальные проблемы. Вышедшая из среднего класса, Батлер в 1870 году начала бороться с системой государственного регулирования проституции, которую приняли в Британии несколькими годами раньше. Узаконенные на основании сохранения общественного здоровья и общественного контроля постановления о проституции делали практически невозможным для проститутки изменить свое положение. «Падшие женщины» были приговорены к «пожизненному, унизительному насильственному труду».

Усилиями Джозефины Батлер была собрана поддержка от английских протестантов (для поддержки кампании была основана газета *The Shield*), равно как из других стран, например из Швейцарии, где мадам де Гаспарен опубликовала книгу под названием *"Lépre sociale"* («Общественная проказа»). В 1877 г. Женеве была создана Международная федерация аболиционистов (занимавшаяся отменой проституции). Ее французское отделение было известно под названием *Ligue Fransaise pour le Reluvement de la Moralitu Publique* (Французская лига за улучшение общественной морали), и в нее входили не только протестанты, но другие свободомыслящие люди и даже несколько католиков.

Хотя движение не было исключительно протестантским, в нем превалировали моральные и религиозные идеи протестантского происхождения. Даже у женщины, которая пала «на самое дно греха», оставалось неотъемлемое право на спасение. Как утверждалось, боль-

шинство таких женщин были не столько «виновны», сколько являлись «жертвами» мужского разврата и «нищеты», порожденной обществом. Поэтому борьба была начата как именем Святой Библии, так и во имя «политической Библии» (то есть Английского билля о правах). И она проводилась одновременно на нескольких связанных между собой фронтах. В первую очередь свободе женщин угрожала «судебно-медицинская тирания» и «государственный фетишизм». Во-вторых, необходимо было бороться за нравственность и «священность» семьи («порок» не был «неизбежным роком»). И последнее, но не менее важное: битва против проституции в чем-то содержала элементы социальной реформы, особенно во Франции и Швейцарии. Преподобный Томми Фаллот, основатель христианского общественного движения, в 1880 г. инициировал «крестовый поход» в защиту «рабынь». Основные причины проституции, утверждали активисты движения, заключались в пренебрежении образованием, низких зарплатах и отсутствии гражданских прав для женщин — короче говоря, в целом ряде «социальных несправедливостей». Французская лига призывала к правовой и образовательной реформам и к конкретным изменениям в «отношениях между капиталом и трудом». Луи Бридель, швейцарский протестантский юрист, который написал книгу *"La Femme et le droit"* («Женщина и право», 1884), был особенно активным участником кампании.

Размах акции был довольно широким. В нем сочеталось то, что мы назвали бы сейчас морализмом со своего рода феминизмом. Борьба с «развратом», например, и одновременные утверждения, что «аморальность мужчин заслуживает такого же осуждения, что и женщин» (Конгресс в Женеве, 1877), привели к отстаиванию «единой морали для обоих полов». Интересы этих активистов сходились с интересами тех протестантов, и мужчин и женщин, которые отстаивали «межполовые братства». Одна из наиболее страстных защитниц такого «братства», мадам Печинска, предложила способы, как достигнуть этого: «благоразумное» половое воспитание для молодежи, смешанные школы, гимнастика для девочек и замена разделения труда по полу тем, что она называла «сообществом труда». В Скандинавии и англоязычных странах смешанные школы стали реальностью к концу века. В некоторых шведских школах-интернатах смешение полов рассматривалось как способ «повышения нравственности», а не как «источник аморальности».

Два международных конгресса о женской работе и институтах были в основном представлены протестантами. Мадам Легран-Пристли отметила, что «женский вопрос» в Америке, Англии, Дании и Швеции «бесконечно более продвинут», чем во Франции. Два этих конгресса являлись довольно типичным примером того, что можно назвать протестантским женским движением. Они характеризовались «сдержан-

ностью» и «приличием». И, хотя требования иекоторых женщин были услышаны, акцент ставился на филантропии, которая, как утверждалось, давала женщинам возможность реализовать свою «общественную миссию» и вносила вклад в необходимое «сближение классов».

Доступ к священному сану

Феминизм к тому времени воспрнял самые разнообразные влияния и превратился в целом в светское общественное движение. Однако существовала параллель между требованием политических прав для женщин (особенио права голоса) и желанием протестанток участвовать во всех формах религиозной власти, включая пасторат. На Конвенте по женским правам 1848 года в Сенека Фоллз, штат Нью-Йорк, была принята резолюция, требующая прекращения мужской монополии на проповедничество. Если женщинам с «выдающимся призванием» разрешали проповедовать на встречах возрожденцев, теперь возникла надежда, что женщины могут стать профессиональными проповедницами, а в конечном итоге — пасторами в протестантских церквях.

Этим надеждам не суждено было сбыться. По мнеиию церковной администрации, ни в Ветхом, ни в Новом Завете не содержалось даже намека на то, что Бог хотел, чтобы женщины были священниками. Мужчинам и женщинам было бы лучше всего остаться на тех местах, которые Бог им назначил. Однако после гражданской войны организации, управляемые женщинами, обрели власть в некоторых протестантских деноминациях, особенно у баптистов, методистов и в епископальной церкви. Финансовые ресурсы (сконцентрированные на Севере в руках женщин) и влияние этих организаций позволили увеличить нажим и употребить власть.

Основной упор был сделан на том, какой властью в церкви обладают женщины — неофициальные проповедники. Почему мужчины-миряне пользуются большей властью, чем женщины? В 1880-х гг. женщины были впервые избраны представителями местных церквей и региональных синодов в национальных синодах, но им не дали права выступать публично или, в лучшем случае, давали слово на несколько минут. Но к рубежу веков некоторые церкви гарантировали равные права всем делегатам, мужчинам или женщинам.

Идея о разрешении женщинам проповедовать с кафедры впервые была серьезно провозглашена в 1870-х гг. Квакеры традиционно разрешали женщинам проповедовать. Квакерская проповедница Сара Смайли была приглашена читать проповеди в нескольких пресвитери-

анский церквях Бруклииа. «Суфражетка» по имеии Анна Ховард Шоу, выпускница Бостоиской школы теологии, получила разрешение проповедовать в иекоторых методистских церквях. Некоторые женщины пошли по стопам этих пиоиерок. Чтобы стать успешиой проповедницей, женщина должиа была говорить с авторитетностью мужчниы и скромиостью женщины. В 1888 г. Фрэисис Уиллард, глава Жеиского христианского союза трезвенности, рассматривала эту проблему в своей книге «Жеищииа иа кафедре».

Невзирая иа все трудиости, в Соедииенных Штатах иаблюдался прогресс. Подобиого развития ие происходило в Европе, где проблема «женщии-священников» ие рассматривалась всерьез, пока Первая мировая войиа ие поставила этот вопрос иа повестку дня. Войиа оторвала многих пасторов от кафедр иа долгий срок, чем обострила потребиость в иовых проповедниках.

Хотя проблемы везде были схожи, иам больше известно о ситуацни во Франции благодаря отчету, составлеииому Мадам Витт-Шлумбергер (президента французского Союза за права женщии). В общей атмосфере жертвеииости военного времеии и объедииения усилий (а следовательио, при отсутствни конкретной политической задачи) жены иекоторых пасторов приняли иа себя обязанности мужей. И, хотя это иарушение установлеииых правил было иеобходимостью, иекоторые женщины испытывали трудиости (считая ситуацию скандальиой, ио одиовремеиио захватывающей).

Говоря в целом, женщины в церкви сталкивались с тремя типамн ситуаций. Во-первых, женщина могла частичио заместить (или подмеиить) своего мужа. Оиа продолжала самостоятельио исполнять обязанности, которые раньше выполняла под его руководством. Она также могла взять иа себя иовые обязанности, которые ие считались иесоответствующими ее полу. Например, она могла преподавать катехизис, председательствовать иа различных религиозных собраниях, иадзирать за молодежными группами, иавещать больиых, помогать бедным и тому подобиое. Но чтеиие проповедей и другие пасторские обязанности исполнялись священником (обычио пожилым человеком, ие мобилизованным по возрасту) из соседиего прихода. Это, возможио, была самая распространениая ситуация.

Второй возможиостью являлась замеиа пастора его жеиой иа времеииой осиове. Она могла иачать читать его старые проповеди, для того чтобы в коице коицов прийти к выводу, что тем ие меиее важио «говорить иапрямую с душами [прихожан]». Затем оиа иачинала проповедовать — хотя и ие без «серьезных опасений». В силу иеобходимости иекоторые жеищины были вынуждеиы осуществлять «пасторские функции», такие как брачные или похоронные церемонии. Но оставались

еще таинства. Отчет Мадам де Витт-Шлумбергер ничего не говорит на эту тему, но из других источников можно узнать, что в некоторых случаях женщины с осторожностью проводили две важные протестантские церемонии (крещение и причастие). Невзирая на отсутствие теологического подтверждения, таинства в большинстве протестантских церквей оставались последним бастионом священства, который женщинам осталось завоевать.

Третьей возможностью для жены пастора было занять его место и ввести новые правила в повседневную жизнь прихода. Могла ли женщина успокоиться на позиции временной подмены, если она была самостоятельной личностью, а ситуация исключительной? Ее проповеди должны были касаться тягот жизни в тяжелые времена. Было необходимо найти новые способы реагирования на потребности мобилизованных, раненых и их семей. Жены пасторов нашли собственные ресурсы для продвижения новых идей и методов — те, которые в конечном итоге смогли бы повлиять на главные направления жизни прихода. Когда пастор возвращался домой, он обнаруживал новую церковь, отличную от той, которую он оставил, и жену, которая доказала свои способности как священник. В конечном итоге это не оставалось без результата.

Таким образом, XIX век (толкуемый в широком смысле) был периодом изменений для протестантских женщин. Их положение развивалось вместе с ситуацией во всем обществе, хотя и в темпах, варьировавшихся в зависимости от страны, деноминации и общественного класса. Некоторые женщины активно участвовали в процессе изменений. И, хотя битва за право женщин служить священниками еще не была выиграна, она была уже в разгаре.

Перевод О. Липовской

9

Создание современной еврейской женщины

Нэнси Л. Грин

«Возможно, очень трудно быть евреем, но намного труднее быть еврейской женщиной»[1]. Но существовала ли когда-нибудь еврейская женщина? Невозможно создать единую модель для еврейской женщины, которая включала бы в себя как еврейскую женщину берлинских светских салонов начала XIX века, так и «еврейскую мать», рожденную в shtetlekh (деревне) Восточной Европы и затем в 1880-е годы переехавшую в Америку. Во всяком случае, даже в наиболее традиционной форме теоретическое религиозное определение места женщины в иудаизме и еврейском обществе не всегда соответствовало реальному положению дел. Как убедительно показывает материал всего корпуса responsa[2] равви, повседневная жизнь всегда перетолковывала его в зависимости от времени и места проживания евреев. К тому же сама религиозная модель преобразовывалась на протяжении XIX века. Под влиянием Реформации в результате синтеза традиции и современности была создана новая модель, среди всего прочего менявшая отношение к роли женщины в жизни евреев. Массовая миграция евреев с Востока на Запад в конце XIX – начале XX веков принесла с собой зерна идеологических изменений гендерных

---

1 Лили Шерр, цит. по: Judith Friedlander. "The Jewish Feminist Question", *Dialectical Anthropology* 8, 1–2 (October, 1983), p. 113.

2 *Responsa* — на иврите называется *Sheelot U-teshuvot, то есть «Вопросы и ответы», представляет из себя сборник текстов и правил, которые даются равви в ответ на адресованные им вопросы. — Примеч. редактора.*

отношений. Различные национальные особенности создали затем разные возможности для образования и новые модели для еврейских женщин.

После описания идеального типа религиозной модели я рассмотрю три примера еврейских женщин и их образования в XIX веке – иудейку берлинского светского салона, «традиционную» женщину русского *shtetl*, и еврейскую иммигрантку в Америке – с целью исследовать появление современной еврейской женщины и его влияние на гендерные отношения внутри еврейского сообщества. В соответствии с географическими рамками этого тома мы будем рассматривать в статье только женщину *Ashkenazic* (западную). Восточная еврейская (*Sephardic*) женщина заслуживает отдельной главы.

Гендер в религиозной жизни

Еврейский мужчина начинает свои ежедневные молитвы с благодарности Богу за то, что он создал его не женщиной. Иудаизм предписывает женщине отдельную роль (как внутри синагоги, так и в целом в еврейской культуре), исходя из концепции, что мужчина обязан Богом исполнять определенный набор заповедей (*mitzvot*), от которых женщины освобождены. Например, только мужчины учитываются при собрании *minyan*, количества, необходимого для публичной молитвы. Женщины, как правило, не обучаются священному языку, ивриту. Они сидят отдельно, на верхнем балконе синагоги и, как правило, исполняют лишь некоторые обязательства богослужения. Их роль заключается скорее в приготовлении пищи для субботы, чем в посещении пятничной вечерней службы.

Разделение мужчин и женщин в общественной (синагога) и частной (дом) сферах соответствует не только религиозному разделению труда, но также и строгой регламентации отношений между двумя полами. Еврейский закон стремится сохранить как святость семьи, так и силу (мужской) учености. Мужчин не следует отвлекать от служения Богу и молитв мыслями о женщине, и сексуальные отношения, и повседневные взаимоотношения полов строго регулируются. Религиозный мужчина не должен смотреть женщине прямо в лицо, и, в соответствии с традицией, религиозная женщина, выйдя замуж, должна обрезать свои волосы и покрывать голову париком или шарфом. Однако в интересах рождения потомства сексуальные отношения в браке поощряются. Их регулярность даже определена в *Shulkhan Arukh* (талмудический кодекс XVI века, составленный Иосифом Кароном, до сих пор используемый иудеями); она различается в зависимости от профессии. Мужчины имели

право на развод, но начиная со Средних веков женщины также теоретически имели право просить о разводе, в том числе и на основании сексуальной неудовлетворенности. Рейчел Байел однако, предполагает, что иудейское право (*Halakhic*) по отношению к правам женщин во многих сферах, в том числе и к сексу, возможно было более милосердным к женщинам и больше им разрешало, чем реальная жизнь»[3].

Половое разделение мужчин и женщин имело важные последствия для образования. Высокая ценность, которую евреи придают знанию, широко известна, но теоретически оно предусмотрено только для мужчин. Мужчины действительно обязаны по религиозным предписаниям изучать Тору, женщины к изучению не допускаются. Это исключение некоторым образом противоречиво, так как женщины являются основными исполнительницами предписаний закона в повседневной жизни. Однако именно мужчины размышляют по поводу теоретического развития закона, а женщины проводят его в жизнь, являясь хранительницами ритуалов и кошерности дома. Хотя некоторые комментаторы закона утверждают, что «изъятие» необязательно означает исключение, большей частью в традиционном обществе изучение Торы женщинами было запрещено и даже считалось многими религиозными авторитетами грехом. Главная героиня в мюзикле Исаака Бэшеви «Йентл — мальчик из йешивы» так твердо решила изучать Тору, что переоделась мальчиком, дважды нарушив предписания закона: изучением Торы в йешиве (средняя религиозная школа для мальчиков. — *Примеч. переводчика*) и ношением мужской одежды.

Религиозную модель необходимо уточнить по крайней мере в двух направлениях. Хотя иудейский закон отстранял женщину от официального образования и исполнения общественных религиозных обязанностей, религия не уходила из ее частной сферы. Скорее, она принимала другую форму, которую Барбара Мейерофф назвала «домашней религией»[4]. Еврейская женщина, как и женщины большинства обществ, является значимой носительницей неофициального знания и эмоциональной набожности, которые детьми часто описывались как более важные (в обретении религиозности. — *Примеч. переводчика*), чем официальное обучение в иудейской школе.

Во-вторых, далеко не все мужчины получали завершенное талмудическое образование, даже если оно подавалось как идеал. Однако в той степени, в которой поощрялось религиозное обучение мужчин, оно оз-

[3] Rachel Biale. *Women and Jewish Law: An Exploration of Women's Issues in Halakhic Sources* (New York: Schocken, 1984), p. 6–7; Moshe Meiselman. *Jewish Women in Jewish Law* (New York: KTAV, 1978).

[4] Barbara Myeroff. *Number Our Days* (New York: Simon and Schuster, 1980), p. 234–235.

начало перемену гендерных ролей в социо-экономической жизни. Общественная деятельность мужчин в сакральном мире была возможной только благодаря большей общественной роли женщин в светском мире. В то время как мужчины на протяжении всей недели ходили в синагогу, женщины шли на рынок. Большая доступность для женщин светской общественной сферы имела важные последствия, особенно в свете противостояния иудаизма реформаторскому движению и миграции.

Еврейские женщины берлинского светского салона

Ничто не может быть более несхожим с поведением еврейской женщины в рамках идеальной религиозной модели, чем образ жизни еврeек берлинских светских салонов конца XVIII – начала XIX веков. Их превозносили как передовых представительниц женской эмансипации; осуждали в качестве примеров, показывающих, как еврейское реформаторское движение ведет к ассимиляции; порицали как образец «мании» обращения германских евреев того периода. Дебора Херц показала, как функционировали эти салоны в конкретный исторический период немецкой истории[5], между Просвещением и победой Наполеона над прусскими войсками у Йены в 1806 году, когда королевское покровительство искусствам приходило в упадок, а издательская индустрия еще не заняла своего места. Как заметила Ханна Арендт, евреи стали своего рода их «временной заменой» в той еще не стабилизировавшейся социальной ситуации[6]. В этот период раннего Романтизма (пока он не приобрел националистическую и антисемитскую окраску), обедневшая знать, интеллектуалы из народа и состоятельные евреи могли выступать вместе в обществе, которое Яков Кац назвал «полупромежуточным»[7].

Но *являлись ли отношения* между еврейскими женщинами и прусскими аристократами и писателями реальным признаком интеграции или исключения? Ханна Аредт настаивает на том, что скорее маргинальность еврейских салонов делала их «нейтральной территорией». Мэрион Каплан незадолго до этого подчеркивала, что сконцентриро-

---

[5] Debora Hertz. *Jewish Yigh Society in Old Regime Berlin* (New Haven: Yale University Press, 1988).

[6] Hannah Arendt. *Rahel Varnbagen: The Late of a Jewish Women*, rev. ed. (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1974), p. 57.

[7] Jacob Katz. *Out of the Ghetto: The Social Background of Jewish Emancipation, 1770–1870* (New York: Schoken Books, 1978), chap. 4.

ванные на элите и Берлине истории об ассимилированном германском еврействе и иудейках из светских салонов, возможно, драматичны, но не являются нормой[8].

В конце концов эти еврейские женщины обратились в другую веру. Что заставило их сделать это? Доротея фон Шлегель, урожденная Брендель Мендельсон (дочь Моисея), даже дважды поменяла вероисповедание: сначала перешла в протестантизм, затем в католицизм со своим мужем Фридрихом. Рахель Фарнхаген (урожденная Левин) была искренна в своем отношении к иудаизму, который она называла своим «бесславным рождением», и от затруднений, связанных с ним, она стремилась избавиться вплоть до последних дней своей жизни[9].

Недовольство этих женщин иудаизмом должно быть отнесено на счет их образования. Они воспользовались лучшим, что могли предложить девушке семьи, принадлежавшие к высшему классу: изучение языков (французского, английского, латыни, иврита) и музыки, частные учителя, чтение под руководством просвещенных отцов. Однако их образование было слишком «декоративным», чем недовольны некоторые историки (и некоторые из современников этих женщин, пренебрежительно относившиеся к интеллектуальным претензиям женщин); оно было знаково светским для многих еврейских историков. Дебора Херц убедительно доказывает, что это была скорее социальная возможность для женщин в специфической исторической среде, чем раннее образование, приводящее к подобным «мезальянсам».

Модель еврейки из светского салона, какой бы экстремальной она ни была, поднимает вопрос о реформах внутри иудаизма. Предвестник этого движения, Моисей Мендельсон, берлинский писатель конца XIX века, стремился соединить мысль Просвещения с принципами иудаизма и перетолковать иудаизм как религию разума. Хотя сам Мендельсон придерживался традиционного домашнего уклада на протяжении всей своей жизни, причастность многих его идей к последующим реформам проявлялась в принятии реформы обрядности (которая была вместе с тем почти отказом от соблюдения многих иудейских ритуалов) и в еще одном историческом приспособлении иудаизма к его окружению.

Новые идеологические течения внутри иудаизма особенно затронули образование; в реформе образования два вопроса были центральными: до какого предела должны включаться светские предметы в ев-

---

8 Marion Kaplan. *The Jewish Feminist Movement in Germany: The Campaigns of the Judisher Frauenbund, 1904–1938* (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1979), p. 19–20. См. ее же: "Tradition and Transition: Jewish Women in Imperial Germany", Judith R. Baskin. ed. *Jewish Women in Historical Perspective* (Detroit: Wayne State University Press, 1991), p. 202–221.

9 Arendt. *Rachel*, p. 8.

рейское образование и в каких пределах еврейские женщины должны быть допущены к обучению? Одна из последовательниц Мендельсона, Нафтали Х. Весселн, настаивала на том, что необходимо общее академическое образование, а Дэвид Фридлендер учредил Свободную еврейскую школу в соответствии с этими идеями в 1778 году. Однако потребовалось еще полвека для принятия совместного обучения, и, словно в насмешку, именно Самсон Рафаэль Хирш, лидер неоортодоксального движения, первым предложил совместное официальное религиозное обучение девочек и мальчиков в 1855 году. Обеспокоенный тем, что все большее количество еврейских детей посещает общественные школы и что даже современные ему еврейские школы давали все меньше еврейского образования, Хирш стремился противостоять Реформе посредством преобразования традиционного образования, даже обучение Талмуду было открыто для девочек.

И представители еврейского Просвещения (*Haskalah*) и неоортодоксальные мыслители понимали, что растущее неравенство между мужским / религиозным и женским / светским образованием, возможно, представляло собой угрозу тому, что пыталось предотвратить разделение общественной и частной сфер: чистоте еврейской семьи и иудаизму в целом. В то время как компромисс, на который пошли неоортодоксы, представлял собой возрастающий допуск женщин к религиозному обучению, ответом реформаторов была нарастающая секуляризация образования равным образом для мужчин и женщин. Реформаторская модель иудаизма, в которой религиозное образование и идентичность переносились в частную сферу (между полами допускалось большее взаимодействие в общественной сфере) и где женщины даже допускались к исполнению вспомогательных функций в синагоге, была в Середине века перенесена немецкими евреями в Соединенные Штаты.

Женское образование в Shtetl: исключение, взаимодействие, эмиграция

Женщины, попивавшие чай маленькими глоточками в берлинских светских салонах, были физически и метафизически далеки от своих соратниц, разливавших чай из самоваров в Восточной Европе. Будучи представительницами как другого класса, так и другой страны, женщины возвращают нас к более традиционным гендерным отношениям внутри еврейского сообщества, где изучающий Талмуд муж и благоче-

стивая жена оставались по крайней мере идеализированным, если не всегда реальным типом.

В России начала XIX века еврейское образование существовало только для мальчиков и мужчин. И хотя ученым евреям полагались высокий статус и хвала, условия обучения были весьма далеки от идеальных. С пяти до тринадцати лет мальчиков посылали в частный *heder* или общественную *talmud torah* (для бедных), где, как правило, деспотичный, грязный, плохо оплачиваемый учитель пытался заставить непослушных учеников заучить на память основы иврита и Торы. Организация в средней школе, *yeshiva*, и местном доме обучения (*beit midrash*) для взрослых была более упорядочена, но режим был тем не менее строг и часто материально затруднителен для бедных *yeshiva bokher* (мальчиков йешивы). Если ученик прибывал из другого города, он обычно спал в синагоге и каждый вечер питался в разных домах, где семьи не только совершали богоугодный поступок, но часто надеялись заполучить престижного ученика в качестве зятя.

Изредка молодые девушки допускались к посещению хедера, чаще всего в отдельной комнате, где им преподавала жена учителя. Но большинство из них не училось более одного-двух лет, достаточных для обучения чтению и, возможно, письму на идише (разговорный еврейский) и запоминания необходимых молитв на иврите (иврит использовался только в религиозных целях). По большей части, особенно в первой трети девятнадцатого века, женское образование оставалось каким оно всегда и было, — в основном неофициальным. У некоторых девочек были братья, которые учили с ними свои уроки по вечерам. Девочки из более богатых семей могли иметь частных учителей. Однако бульшая часть девочек не шла далее чрезвычайно популярной версии Библии (*Tseenah Ureenah*) на идише с простыми и понятными комментариями.

Идеи еврейского Просвещения начали проникать в более урбанизированные районы Восточной Европы в середине XIX века, в сельские — в 1870-е и 1880-е годы. Реформа образования вновь была решающим вопросом, вызывающим яростные споры относительно подлежащих изучению предметов: светских наравне с религиозными, языка (иврита, русского или идиша), политической концепции (Бунд или сионизм) и обучаемых: девочек наравне с мальчиками. Однако сам царь, стремившийся к «русификации» этого меньшинства населения, поощрял новые образовательные модели.

До середины века русская система образования просто исключала евреев. Но в 1844 году указ, обнародованный Уваровым, министром просвещения при Николае I, учредил элементарную школу для еврейских детей наряду с двумя раввинскими семинариями. Усилия царя (имевшие своей целью, среди прочих, «искоренение суеверий и вред-

ных предрассудков, насаждаемых изученнем Талмуда») так не были до конца успешными. Примерно 3 000 еврейскнх детей посещали семьдесят царскнх школ в 1854 н около 4 000 ходили в девяносто восемь школ в 1863 г. Чнсло детей, обучаемых в традиционных hadarim, всегда было намного большим н продолжало расти, с 70 000 в 1844 г. до 76 000 в 1847 г. Тем не менее, как убедительно доказывает Михаил Станиславский, новая школьная система в конечном итоге способствовала институонализации и консолидации реформаторского движения среди русских евреев[10].

При более либеральном правлении Александра II для евреев шире открылись двери высшего русского образования. В 1870 году 2 045 еврейских студентов посещали гимназию, составляя 5,6% от общего количества студентов; десять лет спустя они составляли уже 12% (7 004 студента), что соответствовало их удельному весу в составе населения. Тем не менее 50 000 еврейских детей по-прежнему посещали hadarim в 1879 н около 50% еврейских семей предпочитало выбирать этот традиционный вид элементарного образования для своих детей в конце века[11].

Девочки, по контрасту, посещали правительственные школы в ощутимом количестве. Один нз отчетов сообщал, что в 1910 году в Галиции в список учащихся официальных государственных школ содержалось вдвое больше девочек, чем мальчиков, в ближней Галиции (Австро-Венгрия) почти 44 000 девочек на 23 000 мальчиков[12]. Так же, как н нх соплеменники в Германии, ортодоксальные евреи начали беспокоиться. Перед Первой мировой войной были предприняты некоторые попытки организации религиозных школ для девочек. Но только в 1917 году в Польше были созданы первые ортодоксальные «Бейс Яаков» (*Bais Yaakov*) школы для девочек.

К концу XIX века большинство еврейских женщин в России было неграмотным. По русской переписи 1897 года только 33% этих женщин умели читать н писать в сравнении с 67% еврейских мужчин[13]. Однако, девочки во все возрастающем количестве посещали современные «усовершенствованные» *hadarim*, н многие молодые женщины из просвещенных буржуазных семейств, так же как и их бра-

---

[10] Lucy S. Dawidowicz. *The Golden Tradition: Jewish Life and Thought in Eastern Europe* (Boston: Beacon Press, 1967); Michael Stanislawski. *Tsar Nicholas I and the Jews* (Philadelphia: Jewish Publication Society, 1983).

[11] Steven J. Zipperstein. *The Jews of Odessa: A Cultural History, 1794–1881* (Stanford: Stanford University Press, 1985), p. 129–130.

[12] Edward J. Bristow. *Prostitution and Prejudice: The Jewish Fight against White Slavery, 1870-1939* (New York: Schoken Books, 1983), p. 51, n. 6.

[13] Sydney Stahl Weinberg. *The World of Our Mothers: The Lives of Jewish Immigrant Women* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1988), p. 76 and 276, n. 33.

тья, поступали в русские гимназии и университеты. Споры в семье часто отражали интеллектуальные дебаты о ценности образования для женщин и о светском образовании в целом, однако значимое меньшинство еврейских женщин находилось на пути исследования новых моделей поведения.

Убийство Александра II в 1881 году нанесло удар по участию евреев — как мужчин, так и женщин — в русском образовании. Елизавета Хазанович вспоминает, что обучение еврейских детей русскому языку стало практически противозаконным (хотя и было возможным с помощью взятки). Жандармы регулярно переворачивали вверх дном маленькую классную комнату ее отца, и приходилось быстро прятать бумаги в подвал, «это прекрасное место для совершения преступления — кражи русского образования»[14]. Numerus clausus[15] 1887 года, который резко ограничил число еврейских студентов, допущенных в университеты, был важным фактором, усилившим эмиграцию на Запад. Женщины, так же как и их братья, иногда эмигрировали ради получения образования, и во все большем количестве поступали в западные университеты. В университете Парижа с 1905 по 1913 годы русские и романские (еврейские) женщины составляли около трети всех обучающихся женщин и приблизительно две трети от числа иностранных студенток. По некоторым дисциплинам, медицине и праву, в списках студентов из Восточной Европы содержалось больше, чем француженок в полтора-два раза[16].

В конечном итоге меньшинство еврейских женщин избрало две крайности из имеющихся гендерных норм. Проституция и революция, обе угрожали еврейскому обществу по-своему. Великий протест против «белого рабства» рубежа веков, в который евреи были вовлечены и как проститутки, и как сводники, от Галиции до Буэнос-Айреса, вылился частично в критику светского образования для женщин. Ортодоксы обвиняли в отступлении от норм чистоты, целомудрия и отсутствии религиозного и морального образования молодого поколения в целом, и в государственных школах Галиции в особенности. Однако Берта Папенхейм и доктор Сара Рабино-

[14] Elizabeth Hazanovitz, *One of Them* (New York: Houghton Mifflin, 1918), p. 6–9.

[15] Численные ограничения (лат.) — так в немецких вузах называются ограничения на поступление студентов, когда число претендентов превышает количество мест. В таком случае основаниями для отбора является средний балл *Abitur* и срок ожидания места, а иностранцы могут претендовать только на 5% резервируемых для них мест. *Numerus Clausus* существуют на большинстве курсов по медицине, праву, педагогике в престижных университетах. — *Примеч. редактора.*

[16] Nancy Green. "L'Emigration comme tmancipation: Les Femmes juives d'Europe de l'Est a Paris, 1881–1914", *Pluriel* 27 (1981): 56–58.

вич, осуществившие исследование проблемы еврейской проституции в Галиции в 1903 году, предположили, что девушки из ультра ортодоксальных семей были также уязвимы вследствие незнания сексуальных проблем и неравенства образования девочек и мальчиков. Строгое запрещение добрачных половых связей даже в еврейских нетрадиционалистских семьях означало, что «падшая» однажды девушка должна была чувствовать, так же как и владелица борделя в Нью-Йорке Полли Адлер, знаменитая в начале XX века, что для нее нет места в сообществе[17].

В то время как еврейские проститутки остаются на обочине еврейской исторической памяти, женщины-революционерки из Восточной Европы не забыты. От Розы (Люксембург) до Красной Эммы (Голдман), эти женщины-радикалки из Польши, Восточной Европы и Америки были равным образом в центре внимания журналистов и полицейских информаторов. Так же как Генриетта Херц или Рахель Фарнхаген столетием раньше, еврейские женщины-революционерки (хотя и немногочисленные) поразили воображение как радикальные образчики женской эмансипации, бросившие вызов традиционным гендерным ролям, требующие равенства в публичной сфере, отрицающие разделение (полов. — *Примеч. переводчика*), эпатирующие идеей свободной любви. Молодые работающие женщины составляли приблизительно одну треть членов Бунда (еврейское рабочее движение) с момента его образования в 1897 году[18], и женщины были также влиятельны в соперничающих сионистских группах. Возможно, наиболее важным аспектом новой роли женщин была возрастающая наглядность их роли в общественной и даже политической жизни. Как убедительно доказала Паула Хайман, «новая еврейская женщина» уже обретала форму в Восточной Европе[19].

Для многих женщин, так же как и для мужчин, событием, вызвавшим наибольшие изменения в их жизни и повлиявшим в дальнейшем на гендерные отношения, была эмиграция. Изгнанные из России царизмом, широко распространенным антисемитизмом и экономической необходимостью, привлеченные идеальным образом возможностей Нового Света, около полутора миллионов евреев эмигрировали в Соединенные Штаты только за период с 1881 по 1924 годы. Некоторые

---

[17] Bristow. *Prostitution*, p. 51, 229; Kaplan, *The Jewish Feminist Movement*, p. 37–38, 110–112; Polly Adler. *A House Is not a Home* (New York: Rinehart, 1953).

[18] Charlotte Baum, Paula Hyman, Sonya Michel. *The Jewish Woman in America* (New York: New American Library, 1975), p. 87.

[19] Paula E. Hyman. "Culture and Gender: Women in the Immigrant Jewish Community", David Berger, ed. *The Legacy of Jewish Immigration* (New York: Brooklyn College Press, 1983), p. 157–168.

выезжали для продолжения политической деятельности за границей, другие уезжали учиться. Большинство эмигрировало в поисках лучших экономических условий и большей свободы — спасаясь от царя или, возможно, от деспотичного отца. Для женщин эмиграция могла быть результатом подчинения чужой воле или просто следования за отцом, матерью, сестрами или мужьями. Иногда эмиграция могла означать эмансипацию. Мужчины и женщины теперь представали друг перед другом на новой территории, где от традиционной модели уже давно отказались.

Эмиграция и американская модель

Когда началась массовая миграция в Америку, чаще всего мужчины уезжали первыми, оставляя женщин и детей, продолжая вести дела в ожидании в течение нескольких лет билетов на пароход (иногда так никогда и не пришедших), чтобы затем перевезти через океан постельные принадлежности, самовар и другое необходимое домашнее имущество. Многие женщины уезжали неохотно и с чувством страха. Земля, вымощенная золотом, воспринималась так же, как не святая, некошерная, где мужчины бреют бороды. Но другие женщины совершали путешествие с решимостью, выбрасывая по пути свои религиозные парики.

Среди других возможностей новая страна предлагала свободное и обязательное образование для девочек, так же как и для мальчиков. Больший допуск к официальному образованию был одним из отличительных признаков Нового Мира, и образование для девочек медленно приживалось, даже среди ортодоксов. Однако все же потребовалось время для уничтожения различий между полами в образовании.

Еврейские женщины из России, прибывшие в Соединенные Штаты в 1908–1912 годах, были в два раза грамотнее, чем женщины по русской переписи 1897 года (то ли благодаря развитию образования в этот период, то ли благодаря отбору среди мигрантов): 63% в сравнении с 33%. Они были также более грамотны по сравнению с женщинами большинства других групп иммигрантов, прибывших в это время. Тем не менее выехавшие из России в Америку еврейские женщины имели все еще значительно более низкий уровень грамотности, чем приехавшие из России еврейские мужчины (80%)[20].

[20] Weinberg. *World of Our Mothers*, p. 76 and 276, n. 33.

Первой задачей иммигранта являлось изучение английского языка. Мужчины помогали мужчинам, и по некоторым оценкам 90% еврейских женщин-иммигранток также учили английский (по сравнению лишь с 35% женщин из других иммигрантских групп)[21]. Для рабочих, мужчин и женщин, получение официального образования означало обучение в вечерних школах: вечерних курсах английского, элементарных, уровня высшей школы или профессиональных курсах.

Дети, однако, попадали в великий американский плавильный котел — начальную школу. Она сводила вместе детей американцев и детей иммигрантов. Без сомнения, далеко не все обучавшиеся воспринимали преимущества общественного образования так же лирически, как Мэри Антин. Для нее Америка была новым Сионом, школьная учительница — его женским вариантом Моисея. «Никогда я не молилась, никогда не распевала я песни Давидовы, никогда не взывала я к Священному Писанию в таком полнейшем благоговении, с каким я повторяла простые предложения из моей детской истории о патриоте [Джордже Вашингтоне]»[22]. Социальные работники отмечали хорошие результаты еврейских иммигрантов и их очевидное желание получить образование.

Это не означает, что среди евреев не было не включившихся в процесс и что высокий уровень занесенных в списки не означал, что все посещали занятия, даже если еврейские иммигранты и их дети стремились проявить упорство дольше, чем представители других групп. Мешали бедность и усталость. Было очень трудно сосредоточиться в вечерних школах после долгого рабочего дня на предприятии с потогонной системой труда; в элементарной школе классы численностью от 60 до 100 человек обескураживали не одного успевающего ученика. Это была главным образом борьба между экономикой и образованием. Многие дети вынуждены были рано бросать школу, для того чтобы вносить свой вклад в семейный бюджет. И чаще всего в жертву приносились девочки, в конечном итоге, таким образом, оплачивавшие образование своих братьев. Один историк заметил, однако, что возраст мог быть более значимой причиной, чем пол в определении важности детского образования; более старшие дети иммигрантов помогали пройти младшим через школу.[23]. В самом деле исследования

---

[21] Ibid., p. 281, n. 55; Paula E. Hymen. “Gender and the Immigrant Jewish Experience in the United States”, Baskin, ed. *Jewish Women*, p. 222–242.

[22] Mary Antin. *The promised Land*, 2d ed. (Princeton: Princeton University Press, 1969), p. 223.

[23] Weinberg. *World of Our Mothers*, p. 174; Selma Berrol. “Education and Economic Mobility: The Jewish Experience in New York City, 1880–1920”, *American Jewish Historical Quarterly* 65, 3 (March 1976), p. 263; Sherry Gorelick. *City College*

последнего времени позволили сбалансировать существующее в общественном мнении своего рода слишком восторженное представление, связывающее евреев и образование, особенно высшее образование. Как подчеркивали Сельма Бэррол и Шерри Горелик, образование на самом деле высоко ценилось в Новом Свете, но возможность подняться наверх давал бизнес. Образование не являлось причиной вертикальной мобильности, особенно для первых поколений[24].

Религиозное образование в Америке не было совершенно ликвидировано, но оно трансформировалось в право обучения после школы. Иммигранты-ортодоксы основали также *hadarim*, только для мальчиков, базировавшееся на восточноевропейской модели. Приблизительно 500 таких школ обслуживали полтора миллиона евреев Нью-Йорка в 1917–1918 годах. Группы, изучавшие идиш, которые были по характеру более культурными, чем религиозными, такие как Кружок рабочих, также предлагали классы после школы, в которых девочки составляли 37% обучавшихся[25].

Более светское (и менее «этническое») еврейское образование предлагалось в немецких еврейских воскресных школах, в которых свыше половины обучавшихся составляли девочки и большую часть персонала — женщины. Ребекка Грац основала первую в Америке еврейскую воскресную школу в 1838 году в соответствии с протестантской моделью (она использовала протестантские уроки по изучению Библии, пропуская неподходящие ответы)[26]. Немецкие евреи, которые находились в Соединенных Штатах с середины века и привезли с собой идеалы реформаторского движения, к настоящему моменту представляли собой главным образом средний класс и смотрели с подозрением на приток бедных иммигрантов из Восточной Европы. В Нью-Йорке они предпринимали неоднократные попытки создать новые формы еврейского образования, конкурирующие с *hadarim*, «стоя на гигиенической, моральной и американизирующей точке зрения и считая главной задачей [Образовательного] союза искоренение этих школ»[27]. Сначала более светская древнееврейская свободная школа и Образовательный союз, внутри которого она возникла в 1899 году, затем движение «Общи-

---

and the City Poor: Education in New York, 1880–1924 (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1981), p. 121–123.

[24] Berrol. "Education"; Gorelick. *City College*, p. 113, 114.

[25] Stephen E. Brunberg. "Going to America, Going to School: The Jewish Immigrant Public School Encounter in Turn-of-the-Old Century New York City", *American Jewish Archives* 36, 2 (November, 1984), p. 99; Weinberg. *World of Our Mothers*, p. 117.

[26] Jacob. R. Marcus, ed. *The American Jewish Woman: A Documentary History* (New York: KTAV; and Cincinnati: American Jewish Archives, 1981), p. 137.

[27] Gorelick. *City College*, p. 31.

на» (*Kehillah*)[28] (включая представителей иммигрантской буржуазии), начавшееся в 1910 году и делавшее больший упор на религиозное практическое обучение (начали работу три экспериментальные школы для девочек), пытались создать альтернативную модель для восточноевропейских иммигрантов. Но сбалансированного соотношения между светским и религиозным еврейским образованием, между возможностями для девочек и для мальчиков было трудно достигнуть, и все попытки были подвергнуты резким атакам со стороны ортодоксов с одной стороны и социалистов с другой.

Общественное образование означало американизацию, и религиозное обучение должно было противодействовать изменению обрядности в новой американской жизни. На самом деле реальные образовательные модели, в то время как официальное практическое обучение осуществлялось на рабочем месте, были найдены вне официальных классных комнат: дома, на предприятиях, на улицах.

Дом, сфера женщин, часто идеализируется. Действительно, он выступает как место культурной преемственности. На опыт иммигранток влияла непрерывно передаваемая от матери к дочери информация. «Я американка, тогда как ты всего лишь неопытный человек!» — кричала одна расстроенная дочь. — «Ты даже не понимаешь, что я говорю»[29]. Миграция привела к перемене образовательных ролей. Дети теперь учили родителей и частично принимали на себя роль взрослых вследствие лучшего усвоения английского языка. Конфликты поколений возникали вокруг вопросов разделения полов и образовательных возможностей. Неприкосновенность дома нарушалась также путем вторжения принадлежавших к среднему классу американизированных социальных работников (немецких евреев), которые пытались внедрять экономность и чистоту у вновь прибывших, встречаясь с матерями и посещая их на дому. Известная “Settlement Cookbook” («Колониальная поваренная книга») начиналась как средство аккультурации: ее кошерные рецепты сопровождались простыми инструкциями для иммигранток-домохозяек по мытью стола, посуды и т. д. Пресса на идиш также внесла свой вклад, обсуждая меняющиеся отношения между полами, советуя и поощряя образование для девочек и вечерние классы для замужних женщин. Собирательный образ матери иммигранта двойственен. Осуждаемая за свои привычки, унаследованные от старого мира, она вместе с тем вызывала восхищение своей силой и поразительной находчиво-

---

[28] Здесь имеется в виду община при синагоге и созданной при ней школе. — *Примеч. редактора.*

[29] Hazanovitz. *One of Them*, p. 81.

стью, или, как назвала это Элен Шифф, «талантом созидательного выживания»[30].

На предприятиях с потогонной системой труда молодые женщины учились работать на своих швейных машинах по шестнадцать часов в день; и понимаю того, что находились в полной власти своих боссов как в области работы, так и сексуальных отношений. Одновременно они многое узнавали о социализме. Образ «Восставших 20 000», трехмесячной забастовки швей в 1909–1910 годах, остался одним из наиболее запоминающихся воспоминаний об участии еврейских женщин-иммигранток в рабочем движении. Как показала Алиса Кесслер-Харрис, еврейские женщины-активистки находились между полами, классами, и этническими идентичностями. Они вошли в публичную сферу в гораздо большем количестве, чем их итальянские сотоварки, и поразили своих соотечественников-мужчин резкостью своих требований[31].

Девочки и мальчики, вместе и по отдельности, учились тому, что такое Америка, на улицах, на крышах многоквартирных домов, в танцзалах, в то время как их матери обменивались информацией на кухнях. Соседские связи между женщинами были важной частью обучения и время от времени приносили ощутимую помощь. В Нью-Йоркском кошерном мясном бойкоте 1902 года, позднее в продовольственных бунтах (1907 г., 1917 г.) и забастовках против повышения квартплаты (1904 г., 1908 г.) женщины получали поддержку от дома к дому и от синагоги к синагоге, используя гендерные и классовые связи против мужчин (немецких евреев) — оптовых торговцев и землевладельцев[32].

Но, с другой точки зрения, иммиграция также означала потерю некоторого знания, ощущаемую теми, кто пересек океан. Квалифицированные работники ощущали потерю навыков: «Когда я приехала

---

[30] Ellen Schiff. “What kind of Way Is That for Nice Jewish Girls to Act? Images of Jewish Women in Modern American Drama”, *American Jewish History* 70, 1 (September 1980), p. 112.

[31] Alice Kessler-Harris. “Organizing the Unorganizable; Three Jewish Women and Their Union”, Milton Cantor and Bruce Laurie, eds. *Class, Sex and the Woman Worker* (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1977), p. 144–165; Theresa S. Malkiel. *The Diary of Shirtwaist Striker*, Franзoise Bash, ed. (Ithaca: Cornell University Press, 1990); Susan A. Glenn. *Daughters of the Shtelt; Life and Labor in the Immigrant Generation* (Ithaca: Cornell University Press, 1990).

[32] Paula E. Hyman. “Immigrant Women and Consumer Protest: The New York City Kosher Meat Boycott of 1902”, *American Jewish History* 70, I (September 1980), p. 91–105; Elizabeth Ewen, *Immigrant Women in the Land of Dollars: Life and Culture on the Lower East Side, 1890–1925* (New York: Monthly Review Press, 1985), p. 126–127, 176–183.

сюда, я знала больше, чем знаю сейчас. Я знала, как сшить целое платье», — говорила оператор швейной машины[33]. Все ощущали отсутствие знания языка: «Я приехала с Украины, где я была образованной девушкой, учительницей, а, приехав сюда и не зная языка, я даже не могу посещать колледж — это ужасно!»[34]. Миграция давала новые роли, новые формальные и неформальные образовательные возможности, но за это приходилось платить.

Если не существовало единой модели еврейской женщины, а были различные выработанные в диаспоре вариации, то не существовало на рубеже веков и единой американской модели. Немецкая еврейская женщина была намного ближе к нееврейским представительницам среднего класса Америки, чем к иммигранткам из России. Один из недолго существовавших журналов немецких иммиграток, *American Jewess* (1895–1899), стремился к подготовке женщин к замужеству и материнству и рассматривал такие вопросы, как например наем прислуги. К концу XIX века немецкие еврейские женщины уже получали высшее образование и учили сами, в то время как иммигрантки из России были счастливы, если им удавалось не заснуть в вечерней школе.

Немецкие и русские евреи, разделенные принадлежностью к разным классам, языком, отношением к религии, относились друг к другу с подозрением. Однако именно среди женщин, больше, чем среди мужчин, происходили контакты между двумя группами. Немецкие еврейские социальные работники, такие как Лилиан Вальд, организовывали дома поселенцев, где для иммиграток были доступны занятия по уходу, пошиву одежды, публичные лекции. Национальный совет еврейских женщин, созданный в 1893 году во время Чикагской всемирной выставки, имел своей целью, как объяснял один из его основателей, вывести работу женщин по заботе об окружающих в общественную сферу через благотворительность, религию и образование. Хотя немецкая еврейская женщина могла вторгаться в частную сферу иммиграток из России, тем не менее, как предполагали Баум, Хайман и Митчел, именно она была для иммиграток наиболее доступной и реальной моделью американки[35].

Так же как Гитль в кинофильме «Хестер стрит», многие женщины иммигрантки дольше, чем мужчины держались за привычки старого мира, чтобы удержать контроль над своей частной жизнью. Другие сочетали практики старого мира и возможности Нового Света, для того

[33] Ewen. *Immigrant Women*, p. 245.

[34] Weinberg. *World of Our Mothers*, p. 151.

[35] Baum, Hyman and Michel. *The Jewish Woman*, p. 184; сравните: Berrol. "Class or Ethnicity: The Americanized Jewish Woman and Her Middle-Class Sisters in 1895", *Jewish Social Studies* 47, I (Winter 1985), p. 21–32.

чтобы играть значительную роль в общественных делах. Для женщин, в особенности для молодых, эмиграция могла быть формой личной эмансипации.

Разнообразие и трансформация

В 1934 году Берта Папенхейм критиковала историческую роль женщин в иудаизме, определив ее как «грех, совершенный против души еврейской женщины и, следовательно, против самого иудаизма», и выступала за лучшее образование для женщин[36]. Неравное образование мужчин и женщин было следствием ассиметрии гендерных ролей и, в свою очередь, усиливало ее. Границы размывались постепенно на протяжении всего XIX века под влиянием связанных друг с другом секуляризации (внутри широких слоев), эмансипации (внутри еврейского сообщества) и Реформы (внутри иудаизма). Гендерные отношения отличались в разных странах вследствие отношения к религии (ортодоксия, Реформа) и классовой принадлежности.

Хотя и не существует единой модели «становления еврейской женщины», мы можем определить несколько постоянно действовавших факторов, определявших позицию евреев XIX века относительно гендерных отношений и женского образования.

Во-первых, в допуске женщин к образованию повсюду существовали пределы, вытекающие из двух опасений: смены веры и безбрачия. В то время как немецкие отцы боялись, что светское образование приведет к отступничеству от веры, русские матери и отцы часто видели в высшем образовании дорогу к социализму. Во всех классах и во всех странах существовало общее убеждение, что слишком хорошее образование не позволит женщине выйти замуж.

Во-вторых, образовательные возможности для девочек, в большей степени, чем для мальчиков, зависели от экономических ресурсов. Состоятельная элита находящихся под покровительством берлинских евреев и русская просвещенная буржуазия оплачивали частных светских учителей для своих дочерей, заменяя им религиозное обучение, предоставляемое сыновьям. В конце века особенно в России частные уроки для мужчин и женщин были единственным способом и надеждой получить доступ к университетскому образованию. Но даже в Соединенных Штатах, где образование было бесплатным, деньги и знания были тесно связаны друг с другом. Бедность заставляла детей рано

[36] Kaplan. *The Jewish Feminist Movement*, p. 50.

начинать работать, и образованию мальчиков отдавалось предпочтение по сравнению с образованием девочек. Как правило, чем лучше было материальное положение семьи в Берлине, Санкт-Петербурге или Нью-Йорке, тем больше было шансов на равный доступ к образованию у мужчин и женщин.

В конечном итоге на протяжении большей части XIX века, у *shadken* (свахи), символа традиционных гендерных отношений, по-прежнему дела шли успешно. За пределами заколдованного круга берлинских светских салонов романтическая любовь уступала бракам по расчету даже и в XX веке, и брак оставался предметом сплетен и жизненных стратегий внутри сообщества. В последующей борьбе за право свободы выбора при заключении брака было много причин для *tsores* («душевная скорбь» на идише) среди разлученных пар и несостоявшихся семей. Можно предположить, что больший доступ женщин к равному образованию в свою очередь открыл новые формы социализации, что помогло в конечном итоге бросить вызов монополии свах.

Перевод А. В. Карасевой

10

Светская модель женского образования

Франсуаза Майо

На протяжении практически всего XIX века европейские женщины продолжали получать традиционное образование. Образовательные учреждения по большей части избежали реформ, предложенных в начале Великой французской революции Талейраном и Кондорсе сначала Конституционному, а затем Законодательному собранию. Просвещению не удалось провести далеко идущие преобразования в сфере образования женщин, что позднее исследователи назвали «упущенной возможностью»[1]. После завершения революции прежние образовательные учреждения возобновили свое существование. Однако следует различать модели и действующие практики: светские аспекты в образовательные программы стали внедряться раньше, чем сложилась система светского образования. Эта система, по крайней мере во Франции, сложилась только после принятия новых законов и создания новых институтов в конце XIX века. В любом случае, образование в широком смысле этого слова значит больше, чем просто обучение, осуществляемое школами. Преобладающее мнение о разных обязанностях в жизни мужчин и женщин делало необходимым, чтобы девочки часть образования получали дома. Но формальное обучение, которое могло включать предметы, специально предназначенные для женщин, играли все возрастающую роль. Во Франции, особенно в общественном секто-

[1] Martine Sonnet. *L'Education des filles des Lumiures* (Paris, La Gerf, 1987).

ре[2], в Бельгии, в основном через частные и муниципальные инициативы, в некоторых школах Германии и Швейцарии светское образование утвердилось в 80-х годах XIX века; это означало, что религиозные предметы были либо исключены из школьных программ, либо сократилось время на их преподавание. После одинакового для обоих полов начального образования девочки должны были получать новое светское образование, отличное, насколько это возможно, от образования мальчиков.

Разрыв между тщательно проработанными аргументами, подготовленными для революционных собраний, и реальным положением вещей в сфере женского образования является поэтому интересной проблемой для исследования, так же как и судьба, которая была уготована победившей республикой амбициозным планам реформаторов. Выяснилось, что по ряду причин развитие женского образования не совпадает с развитием образования в целом и с развитием светского образования.

В теории революция должна была привести к принятию светской модели женского образования, так как монастыри, служившие школами для девочек, были закрыты, штат учителей — распущен. В действительности же образование девушек во многом продолжало оставаться прежним, так как бóльшую часть знаний девушки получали вне классной комнаты. Однако по мере распространения системы образования светские предметы постепенно внедрялись в школьные программы, хотя потребовалось почти сто лет, чтобы светская система образования была полностью закреплена законом. Испания и Италия продолжали придерживаться традиционной модели обучения девочек вне дома с упором на преподавание религиозных предметов и привлечение религиозного учительского персонала. В Германии и Великобритании, где существовали иные исторические традиции, религиозный плюрализм требовал поиска иных решений. Каждая религиозная община имела свою систему школьного образования, но по мере возрастания значимости государственных субсидий общим правилом, особенно в Англии, стало использовать межконфессиональные общепринятые тексты и молитвенники.

Эти контрасты привлекали внимание к важности статуса школы. Светское образование не могло утвердиться, до тех пор пока местные и национальные правительства не получили право контролировать образование. Таким образом, «светское» и «публичное» (то есть образование вне дома) образование были связаны. Светская идея приобрела

---

2 Francoise Mayer. *L'Enseignement secondaire des jeunes filles sous la Troisiume République* (Paris, Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1977), p. 489; Francoise Mayer. *L'Education des filles en France au XIX siucle* (Paris, Hachette, 1979), p. 207.

особое значение в связи с обучением девочек, когда этот вопрос стал привлекать внимание властей. Когда правительства приняли законы, регулирующие образование, и стали обеспечивать его субсидирование (осуществляя контроль за тем, как расходовались средства), они неизбежно столкнулись с проблемой приемлемых для всех предметов изучения. Во Франции в середине XIX века заинтересованность государства в образовании девушек привела к распространению контроля на среднее образование, чье содержание еще не было отрегулировано. Это произошло за тридцать лет до того, как в период Третьей республики наконец были приняты законы, повсеместно устанавливавшие светские стандарты женского среднего образования. Государство ставило своей целью избежать оскорбления общественных чувств и одновременно продемонстрировать, что новые стандарты уходят своими корнями в давнюю философскую, политическую и педагогическую традиции. Многие педагоги и законодатели, создававшие систему среднего женского образования, так и продолжали ссылаться на революционную традицию. Они утверждали преемственность как способ преодоления превратностей исторического развития: так новые институты освящались почтенной республиканской законностью, подкрепленные авторитетом великих классиков французской литературы, хотя сам канон и его уроки были пересмотрены и переработаны. По мере развития системы стало очевидным влияние политики на процесс развития женского светского образования.

Основания и принципы

Наследница Руссо в этом отношении, Французская революция, внесла мало нового в теорию женского образования и еще меньше — в законодательство об образовании. Одна теоретическая традиция утверждала, что мальчики и девочки интеллектуально равны, из чего можно было бы сделать вывод, что они должны изучать в школе одни и те же предметы, но это означало бы отказ от бесспорного принципа различных обязанностей мужчин и женщин. Мальчики предназначены для общественной жизни, для военной службы, принятия и претворения в жизнь законов. Девочки воспитываются для дома и брака. Поскольку общественные интересы всегда лежат в основе образовательных планов, женщины «естественным образом» исключались из политических дебатов, ими пренебрегали и в вопросах образования. Их косвенное влияние, однако, учитывалось. Поэтому члены Конвента закрыли монастыри, зная, что они дают всестороннее образование до-

черям знати и привилегированных классов. Революционная враждебность к монастырям частично объяснялась врожденным отвращением к школам-пансионам, наиболее распространенной модели образования до 1789 г., но еще в большей степени стремлением лишить образование его «религиозной» ориентации. В то время утверждалось, что девушки могут научиться истинному состраданию и своим обязанностям у своих матерей. Принцип «материнского образования» приобретал первостепенное значение, которое он сохранял еще три четверти века. Однако секуляризм, вытекавший из закрытия монастырей, отдавал двусмысленностью. «Светское» противопоставлялось «религиозному». Но не могло ли это означать, что отрицание одной из религиозных форм может привести к отрицанию религии в целом?

Эссе Мирабо о женском образовании являются хорошей иллюстрацией широко распространенных в то время принципов. Он писал, что женщины созданы для домашней жизни. Необходимо поддерживать уже существующие школы для девочек, где их обучают чтению, письму и счету, и создавать новые во всех городах, причем по образцу школ для мальчиков. Необходимое количество знаний, получаемое в школе, должно быть сведено к минимуму, практические, если не сказать утилитарные вопросы должны быть предоставлены частному «производству» (под которым Мирабо понимал инициативу).

Талейран предложил Конвенту иной, более исчерпывающий проект. Он настаивал на том, что образование должно быть доступно для всех и все имеют право учить. Образование — общее достояние и должно быть доступно для обоих полов. Поэтому необходимо открывать школы «во всех частях Империи», и никакая гильдия или корпорация не вправе монополизировать образование, ибо каждый способен учить. Функцией общества является развитие и поощрение всех видов образования. Школы следует создавать для мальчиков и девочек, и необходимо сформулировать образовательные принципы, эти «истинные распространители образования», говоря словами епископа Отенского. Но принципы — это одно, а претворение их на практике — другое. Конечно, для всех общественных школ были разработаны инструкции, которым все были обязаны следовать, и это являлось ощутимым признаком заинтересованности государства в своих гражданах. Однако в соответствии с планом Талейрана, девочки, в отличие от мальчиков, должны были оставить школу в восемь лет, и после этого их образованием должны были заниматься родители. Общественные образовательные учреждения могли быть предоставлены только для тех детей, чьи родители не имели возможности их воспитывать. Настоящая цель заключалась в том, чтобы подготовить девочек к семейной жизни и привить им полезные навыки.

Таким образом, согласно Талейрану, целью образования девочек было удовлетворение требований как общества и государства, так и семьи. Мальчики и девочки воспитывались по-разному во имя общего блага: «Целью любого института является обеспечение счастья большинства. Если исключение женщин из общественной жизни приводит к увеличению взаимного счастья мужчин и женщин, то это закон, который должно признавать и чтить всем обществам». Для подтверждения этой сентенции он ссылался на «закон природы». Позднее, во время Конвента, другие пошли еще дальше, настаивая на том, что девочки должны получать исключительно домашнее образование. Подобно Мирабо, они рассматривали различие в способностях и обязанностях мужчин и женщин как основание для ограничения женщин исключительно семьей. Исключение женщин из политических дебатов, разделение труда по признаку пола, необходимость поддерживать межклассовые различия привели мыслителей к созданию по примеру Руссо гендерноориентированного учебного плана. После изучения основных предметов девочки должны были обучаться прядению, шитью, кулинарии, в то время как мальчики начинали изучать математику и географию. В 1793 г. Делер писал, что женщины будущего будут изучать не только «домашнюю науку», но и декоративные искусства, так необходимые для того, чтобы удержать мужей дома.

Таким образом, перечень светских предметов для девочек устанавливался, надо сказать, небольшим количеством чиновников. То, что образование девочек носит религиозный характер, было настолько очевидным, что никогда прямо не обсуждалось. Однако Кондорсе предложил иной подход к этому вопросу. Он выступал за одинаковое образование для мальчиков и девочек на том основании, что мужчины и женщины имеют равные права. В то время он был единственным пропагандистом совместного обучения, которое он рассматривал как преграду влиянию священников и предрассудков в отношении брака. Хотя в остальных вопросах Кондорсе продолжал рассматривать женщин прежде всего как матерей и жен, его концепция полностью светского образования нашла своих последователей в Конвенте, и законодатели Третьей республики также использовали ее для обоснования своих собственных нововведений.

Было выдвинуто также несколько фантастических предложений, как например план Лепелетье де Сен-Фаржо, который больше подходил бы Древней Спарте, чем революционной Франции. Но нужно отдать должное Первой республике: в течение нескольких лет она обеспечивала школьное начальное образование для девочек, так же как и для мальчиков. Программа была чисто республиканской, и гражданская идея в ней была единственной религией. Учитывая традиции

и враждебное отношение общества к совместному обучению, мальчиков и девочек обучали раздельно везде, где было достаточное количество учеников и квалифицированных учителей. Но общественное образование вскоре пало жертвой непосещаемости учеников: родители не одобряли насаждаемую в школах идеологию, и многие из них испытывали ностальгию по прежней школьной системе. К тому же правительство, ограниченное в средствах из-за войны, было не в состоянии платить учителям, что привело в итоге и к их уходу.

Таким образом, обязательное всеобщее светское образование оставалось не более чем принципом. Материальные причины краха системы очевидны. Другими факторами является общественное мнение и глубоко укоренившиеся привычки. Девочки должны были оставаться дома помогать матерям, и именно на них было ориентировано религиозное воспитание. Священники, монахи и монахини возвращались, вначале тайно, а затем открыто, и для многих из них преподавание было средством к существованию, которого их лишила революция. Некоторые приходские священники также одновременно выполняли обязанности школьных учителей, поэтому оценка светского образования сильно варьировалась: большинство французов, остававшихся приверженными религии, рассматривали его как тяжкую обязанность, спущенную сверху; меньшинство в некоторых городах и коммунах, видело в нем шаг на пути освобождения от предрассудков. Существовали также большие различия в уровне грамотности, и женщины в этом отношении находились далеко позади мужчин, особенно в юго-западной части Франции.

Соперница религиозной модели

Европейские страны по-разному вводили светскую модель женского образования. Во Франции централизованная государственная система сосуществовала с частной. В Бельгии же после 1860 г. противоречия между католиками и секуляристами были настолько острыми, что это помешало принятию либерального законодательства. Поэтому общественные объединения, *sociétés* de *pensée*[3], наряду с местными властями должны были взять на себя обязанность по введению светского образования для женщин.

В Англии, поскольку здесь англиканская церковь утратила контроль над образованием, и поскольку здесь, согласно традиции (игравшей значительно большую роль, чем в других странах, даже среди средне-

[3] Общества намерений (фр.).

го класса), частное образование доверялось гувернанткам и тьюторам, основной проблемой было не то, как придать образованию светскнй характер, но как сделать преподавание религии приемлемым для всех вероисповеданий, так же как и для атеистов[4]. Акт Форстера (1870) являлся «типично английским компромиссом» между различными направлениями общественного мнения[5]. Школьные комитеты, создаваемые местными органами управления, должны были сами определять вид религиозного образования. В то же время свобода совести обеспечивалась тем, что уроки Закона Божьего ставились либо в начале, либо в конце учебного дня, и поэтому любой ученик, не желавший их посещать, мог сделать это без ущерба для посещения других занятий. В привилегированных школах преподавание религии носило настолько общий характер, что было приемлемо для всех, даже для агностиков. Это создало соперничество между привилегированными школами, которые в 1894 г. посещало две трети учащихся, и англиканскими школами. В конце XIX века школы строились таким образом, чтобы отделить мальчиков от девочек. В 1893 г. посещение школы стало обязательным для детей в возрасте до одиннадцати лет, а с 1894 г. – до двенадцати.

В это же время были созданы колледжи для подготовки учителей и учительниц начальных и средних школ (хотя законодательно разделение на начальное и среднее образование было установлено только в 1902 г.). Система стремилась обойти вниманием не только такой острый вопрос как соотношение светского и религиозного образования, но и не менее противоречивую проблему роли женщин в преподавании. Женщины, однако, составляли большинство учительского корпуса: их число в период с 1851 по 1901 гг. увеличилось с 70 000 до 172 000 и составило 74,5%[6]. В 1865 г. женщинам было разрешено сдавать экзамены в Кембридж, однако при этом они не могли претендовать на степень. Чтобы избежать малейшего повода для скандала, женские колледжи располагались на некотором расстоянии от Кембриджа. В 1875 г. новый закон разрешил университетам присваивать ученые степени женщинам, тем не менее только немногие женщины получили дипломы о высшем образовании до 1914 г. частично вследствие активного сопротивления со стороны мужчин в ряде профессий, особенно в среде медиков, частично из-за недостатка амбиций или из-за того, что энергия женщин в то время была направлена в основном в суфражистское движение.

[4] David Wardle. English Popular Education, 1780–1970 (Cambridge, Cambridge University Press, 1970), p. 118.

[5] Jean Dulck. L'Enseignement en Grande-Bretagne (Paris, Armand Colin, 1968).

[6] Elie Halévy. Histoire du peuple anglais au XIX siècle (Paris, Hachette, 1926–1932, rpt.1975), vol. I–II.

Светские школы существовали и во Франции, но здесь местные власти не пользовались той же свободой, что и в Великобритании. В послереволюционной Франции отношения между общественными школами и признанными официально вероисповеданиями регулировались государством. До принятия в 1882 г. закона о преподавании светских дисциплин и в 1886 г. закона о светском учительском персонале здесь не существовало светской модели начального образования. Но за исключением школ, организованных монахинями, образовательные ассоциации разработали и предоставили учителям учебные программы, в которых доля религиозных предметов и тем постепенно сокращалась. Формула преподавания религии была одинакова в законах 1833 и 1850 гг.: «нравственное и религиозное обучения». Девочки были более подвержены ему, чем мальчики, поскольку именно их и учили в большинстве своем священники. Влияние церкви на женское образование стало основным вопросом в борьбе за светские школы, которую вели республиканцы и *socétés de pensée*. Когда Жюль Ферри 10 апреля 1870 г. провозгласил, что «женщины должны принадлежать либо науке, либо церкви», его слова во многом повторяли сказанное шестью годами ранее французским журналистом в Антверпене Арно на собрании общества Друзей коммерции и упорства: «Образование женщин должно быть реформировано. Это необходимо сделать посредством науки. [Женщины] тогда немедленно отвергнут домыслы и фантазии религии, которые противоречат научному взгляду на мир».

Поскольку светское образование для девочек развивалось на обочине системы женского образования, все еще испытывавшего сильное влияние религии, произведенные изменения казались смехотворными для утопических планов сенсимонистов, фантазий фурьеристов или радикальных демонстраций 1848 г. Элиза Лемонье, протестантка, так же как и ее муж, испытавшая сильное влияние сенсимонизма, столкнулась с бедственным положением и невежественностью женщин-работниц во время революции 1848 года. Это произвело на нее большое впечатление. В 1862 г. она основала школу профессионального обучения девочек из бедных семей. В 1864 г. она открыла еще одну школу, которой руководила Кларисса Сувестр, жена антиклерикала-бонапартиста, журналиста Шарля Сувестра. Эти школы также принимали девушек из среднего класса, которые по той или иной причине нуждались в профессиональной подготовке вне дома. Школы стали прототипами светских учебных заведений, ибо религиозное образование было предоставлено исключительно семьям учениц. Здесь преподавалось три группы предметов: общеобразовательные курсы, специальные курсы по ведению бизнеса и практическая работа в мастерской. Девушки также получали наставления в нравственности: Элиза Лемонье над-

еялась, что они станут «хорошими матерями», и для этого старалась воспитывать в них чувства самоуважения и собственного достоинства. Директор первой школы Ж. Марше-Жирар впоследствии возглавила Коллеж Севинье (Collige Sevigne). Таким образом, она установила символическую связь между деятельностью Элизы Лемонье и первой светской женской средней школой в Париже.

В 1864 г. в Бельгии по инициативе сенатора Бишофшейма была создана Ассоциация профессионального образования для женщин. Эта профессиональная школа, частная и светская, открыла свои двери в апреле 1865 г. В 1868 г. она стала муниципальной школой Брюсселя. Затем в течение десяти лет были открыты еще две аналогичные школы. Задача этих образовательных учреждений заключалась в попытке выхода за пределы курсов домоводства, которыми были обязаны ограничиваться монахини, и давать теоретическое образование. Но основная концепция оставалась без изменений: женщины должны своей деятельностью обеспечивать «домашние радости»[7].

Двусмысленность новой образовательной модели для представительниц всех социальных слоев, возможно, более всего заметна в программах, которыми реформаторы-антиклерикалы предлагали заменить старые учебные планы. В действительности женщин не побуждали к «науке», и их образование редко выходило за пределы начального. Французские республиканцы и бельгийские либералы не собирались отказываться от идеала женщины — хранительницы домашнего очага. Как и их оппоненты и предшественники, они опасались, что чрезмерное увлечение знаниями может помешать женщинам выполнять роль жен и матерей. Секуляризация женского образования обычно происходила на основе ранних моделей, которые поощряли «слабость пола» и традиций.

Наиболее решительные реформаторы во Франции и Бельгии, возможно, и хотели приобщить женщин к науке, но они исходили при этом из интересов мужчин, их мужей и сыновей. Жюль Ферри, например, желал бы иметь «республиканских помощниц для мужчин-республиканцев». По его мнению, это было единственным способом избежать духовного отчуждения между свободомыслящими мужьями и их религиозными женами. Значение, которое он придавал «реформе образования», показывает, что, признавая за женщинами по крайней мере косвенное влияние, он по-прежнему не предполагал длительного образования для женщин. Обучение в республиканских начальных школах было одинаковым для мальчиков и девочек, за исключением

[7] Высказывание А. Кувре, цит. по: Yolande Mendes da Costa and AnneMorelli, eds. *Femmes, libertés, laicité* (Brussels, Universite libre, 1989).

уроков рукоделия, которые считались необходимыми для последних. Но женское обучение в средней школе было значительно короче и более ограниченным по сравнению с мужским: латинский язык, философия, и многие другие предметы преподавались исключительно юношам. Во Франции такое положение дел привело к серии длительных кампаний (1905–1914) за право женщин получать степень бакалавра, дававшую доступ к высшему образованию.

Внедрение светского учебного плана

В других европейских странах проблема светского начального образования решалась иначе, чем во Франции и Бельгии, из-за различий в культурных и исторических традициях, вмешательства или невмешательства со стороны государства и религиозной ситуации. В Бельгии сопротивление католиков не позволило осуществить школьную реформу Ферри[8]. Страсти, разгоревшиеся вокруг проблемы образования, и незначительное количество граждан, желавших, чтобы их дочери получали университетское образование, были причиной оскорблений, которыми осыпали свободомыслящих женщин, предпринявших первые шаги в сфере светского женского образования, и гнева церковных властей. Борьба началась из-за интернатов, предназначенных для маленьких детей. Первая школа (нечто среднее между образовательным и благотворительным учреждением) была открыта в 1846 г. в Брюсселе *Société pur le Soutien des Ecoles Gardiennes* (Обществом поддержки благотворительных школ) при поддержке Ложи друзей-филантропов (*Philanthropic Friends Lodge*). Аналогичные школы были открыты в других крупных городах. С этого момента возник конфликт с образовательными конгрегациями, которые до этого обладали монополией на обучение малышей. Но лагерь секуляристов снова одержал победу: первой инспектрисой этих школ, назначенной в 1847 г., стала Зоэ де Гамон, дочь брюссельского юриста и фурьериста. В 1851 г. она написала «Пособие по организации детских садов и начальных школ» (*Manual on Nursery and Primary Schools*). Многие из этих школ вскоре стали использовать так называемый фребелевский метод, предусматривавший активное обучение: первый детский сад в Бельгии был открыт в Икселе в 1857 г. при финансовой поддержке государства. Но сближение между последователями Фребеля и Изабеллой Гатти де Гамон, дочерью Зоэ,

[8] Jacques Lory. *Libéralisme et instruction primaire 1842–1879* (Louvain, Nauwelaerts, 1979).

привело к обвинениям в атеизме[9]. Небольшое число дочерей либералов и социалистов, включая дочерей Прудона, посещали так называемую «отцовскую школу», открытую в 1857 г., где обучение было платным.

Социалисты и фурьеристы выступали за бесплатное или по крайней мере дешевое образование для народа, они изучали методы, зарекомендовавшие себя как эффективные, относительно недорогие, таким образом, способствуя успеху фребелевского и, в еще большей степени, ланкастерского метода обучения, за который ратовали французские левые во время Июльской монархии. Ланкастерский метод предусматривал участие старших детей в обучении младших. Будучи экономичным, он к тому же побуждал преподавателей группировать учеников согласно их уровню развития и делал возможным одновременное обучение чтению и письму.

К 60-м годам XIX века оформилась система обучения, так же как и ланкастерский метод, основанная на сотрудничестве, и либералы во Франции и Бельгии, горячие сторонники всеобщего бесплатного начального образования, сделали ее краеугольным камнем своих программ. В декабре 1864 г. в Бельгии была основана *Ligue de l'Enseignement* (Лига в поддержку образования). К 1878 г. Лига собрала достаточно денег для основания образцовой школы наряду с шестью начальными школами для мальчиков и семью для девочек[10]. Часто эти образовательные институты через несколько лет переходили на попечение местных властей. Однако попытка установить систему женского начального образования в 1878 г. не увенчалась успехом из-за возвращения в 1884 г. к власти консерваторов.

Среднее женское образование в Бельгии возникло после еще более ожесточенного противостояния между местными властями и образовательными ассоциациями с одной стороны, и воинствующими епископами — с другой, особенно это было характерно для Льежа и Турне. Созданная после достижения компромисса программа включала рукоделие, домашнюю экономику, бухгалтерию наряду с такими нововведениями, как взаимосвязь предметов, изучение современных иностранных языков и проведение лабораторных опытов, которые подвергались резкой критике, как несущие в себе ростки натурализма и материализма. Полезно сравнить эти усилия с параллельными инициативами по созданию школ по подготовке акушерок и медсестер. Первая светская школа медсестер была открыта в 1888 г. врачом-социалистом, но она пала жертвой недоверия со стороны населения. В 1907 г. Эдит Кавел, дочь пастора, основала первую школу медсестер, выдававшую

---

9 Mendes da Costa and Morelli. *Femmes, libertés, laicité*, p. 18.

10 J. Bartier. *Eglise et Enseignement* (Brussels, Universite libre, 1977).

дипломы. Она также встретила активное сопротивление, но постепенно добилась успеха. Что касается королевских атенеумов (классических средних школ) для девушек, то они не привлекали внимания правительства до 1914 г. Первая из них располагалась в Генте и была основана частным лицом.

Таким образом, последовательная, закрепленная законом светская система женского среднего образования оставалась в 1880 г. исключительно французским феноменом. Будучи отражением как смелости, так и сомнений и опасений эпохи, новые школы постепенно изменяли условия жизни женщин, особенно из среднего класса. Так называемый закон Камилля Сэ, введший эту систему, был во многом результатом трудов одного человека. Но закон Камилля Сэ нельзя отделить от законодательства Жюля Ферри, ознаменовавшего новую фазу борьбы за светское образование. Работа Ферри основывалась на двух противоречивых источниках. Во-первых, на тенденции, распространенной во всех европейских странах, обучения всех детей грамоте. Первоначально ориентированное на дочерей из буржуазных семей, это образование должно было создавать основу для культурных различий, отграничиться от элементарного образования, доступного для низших классов. В то же время новый закон, привлекательный для республиканцев, поскольку он обещал «вырвать девушек из объятий церкви», не претендовал на то, чтобы интегрировать их в традиционную культуру, связанную со средним образованием, которая по-прежнему была зарезервирована для юношей. Вновь подчеркивалось, что девушки не должны отвлекаться от своей природной миссии: создания домашнего очага. Эта миссия почиталась главной по сравнению с работой вне дома. Таким образом, закон Сэ означал отход от традиции, существовавшей даже в нерелигиозных семьях, посылать своих дочерей в монастырские школы, но одновременно он не противоречил обществу, чье равновесие основывалось на разделении мужских и женских обязанностей, по крайней мере для привилегированных классов (труд женщин из рабочего класса рассматривался как неизбежность).

Внесенный в 1878 г. республиканским депутатом еврейского происхождения закон незначительным большинством голосов получил одобрение Сената. Это дало повод для горячих дебатов между сторонниками светского образования и католиками, оскорбленными этим неожиданным вторжением «нерелигиозности» в сферу, традиционно считавшуюся доменом церкви. Камиль Сэ вспомнил о двух предложениях по созданию школ для девочек со структурой, сходной структуре школ для мальчиков, и с возможностью пансиона. Первое, оппозиционный законопроект, предложенный Полем Бером, предлагало обычные дневные школы, или «курсы», как их назвал сам Бер. Он следовал

старой концепции, разработанной Виктором Дюрюи в 1867 г.: курсы для девочек с местными лицейскими преподавателями в помещениях, предоставленных муниципальными органами. Но только 2 000 девочек смогли посещать эти курсы, имевшие большое количество недостатков: например многие учителя были не готовы к новому назначению, программы курсов и условия обучения также не способствовали их правильной организации. Не была разработана долгосрочная программа обучения на несколько лет, гармонично объединяющая различные предметы. Тем не менее курсы Дюрюи, продолжительность которых обычно ограничивалась двумя годами, а распространенность – несколькими городами, стали первой государственной инициативой в сфере, до этого считавшейся исключительно частным делом, а программа, которую они представляли, была полностью свободна от религиозного контроля. По мере того как в конце 70-х годов XIX века позиции республиканцев на уровне местного управления усиливались, наиболее антиклерикальные из них озаботились идеей курсов для девушек. Преимущество этих курсов состояло в том, что они были значительно более гибкими, чем полная система среднего образования, а для местных властей, больше заинтересованных в символических жестах, нежели расходах, считавшихся чрезмерными, более экономичными. Кроме того, курсы находились под строгим контролем со стороны финансировавших их муниципалитетов.

Комитет, рассматривавший законопроекты Сэ и Бера, внес некоторые поправки, которые были включены в последовавшее законодательство. Поскольку они касались образования девушек, то могли рекомендоваться только «полезные» предметы, но закон не устанавливал, на основании каких критериев определяется эта полезность. Страх воспитания «чрезмерно образованных» женщин был настолько велик, что философию не предлагали включить в программы. Литература, традиционно считавшаяся наилучшим основанием для образования женщин, имела первостепенное значение: так же как и в лучших школах-пансионах времен Июльской монархии, ученицы должны были изучать французский и по крайней мере один из современных языков, французскую литературу, классическую литературу в переводах, и «современную», то есть иностранную, литературу. В дополнение предлагались уроки по истории, географии, арифметике, основам геометрии, естественной истории, физике, а также немного гимнастики и рукоделия. По поводу преподавания Закона Божьего столкнулись два мнения. Камиль Сэ полагал, что предпочтительнее, чтобы «священник приходил [в школу] под контролем администрации». Поль Бер опасался возможности «вторжения». Несмотря на практические преимущества предложения

Сэ в отношении предмета, считавшегося необязательным, республиканское недоверие к церкви возобладало в последующих дебатах.

Республиканцы могли черпать вдохновение для своей работы не только в курсах Дюрюи, но и изучая опыт как учреждения экзамена для maotresses de pension[11], так и более недавний план, выдвинутый Обществом изучения проблемы среднего образования, основанного в ноябре 1879 г. и руководимого Мишелем Бреалем. Специальная комиссия общества издала отчет, принятый в 1881 г., в период между прохождением закона (декабрь 1880 г.) и изданием различных актов о его применении, на которые он оказал заметное влияние. Более важными, чем предметы, включенные в программу, здесь, пожалуй, были педагогические принципы, сформулированные автором отчета Морисом Верне:

— не должно быть различий между «образованием» в широком смысле слова и «обучением» в узком смысле. Образование должно толковаться свободно, учителя должны прежде всего полагаться на чувства солидарности, достоинства и личной ответственности своих учениц;

— вместо того чтобы в основном полагаться на метод, отводящий основную роль в приобретении знаний запоминанию, следует отдавать предпочтение всем тем методам преподавания, которые ориентированы на ум и осмысление.

Эти принципы общего характера, а не только касающиеся образования одного пола отражали теорию «самообразования» Жакото, особое внимание уделявшей интеллекту. Они также давали прекрасное определение концепции «образования сознания», популярной в лучших женских средних школах и в Фонтене при Феликсе Пеко.

Поскольку образование носило светский характер, Общество рассматривало и вопросы нравственного образования. В этом оно многое заимствовало у Клариссы Конье, написавшей в 1869 г. "*La Morale dans son principle et dans son objet*" («Нравственность в принципах и целях»), а также в 1880 г. учебник по этике для светских школ. Цель автора заключалась не в том, чтобы «поставить под сомнение метафизические и религиозные доктрины», а в том, чтобы спасти нравственность от вероятного упадка. Нравственности, согласно мадмуазель Конье, нельзя научить, но ее можно передать. Аналогично с точки зрения Общества нравственность (или, скорее, обучение нравственности) была нацелена на «формирование характера». Каждую девочку, пока она обучается в школе, следовало рассматривать как личность. В женском среднем образовании должны были быть задействованы женщины. В каждом звене не должно быть слишком много учителей: согласно отчету, «двух

[11] Хозяйка пансиона (фр.).

будет достаточно в младших классах» и «трех в старших». В соответствии с такой установкой учительницы французского языка могли преподавать другие предметы. Стремящееся к достижению «единства образования» Общество предлагало ввести должность «директора класса», прототип современного классного руководителя.

Желание сделать «нравственное воспитание», которое выходило за рамки любого предмета, составной частью образовательного процесса, привело к своего рода революции в образовании, нашедшей свое выражение в изменившихся взглядах на дисциплину. «Делать учеников восприимчивыми к мнению, — писал Морис Верне, цитируя Клариссу Конье, — значит, воспитать у них чувство собственного достоинства, которое также является элементом сознания». Исходя из таких принципов, дисциплина больше не может быть механической. Она должна основываться на ряде «строго определенных» правил, и наказание должно быть «разумным и безличным». Нет необходимости в дополнительных заданиях и оставлении после уроков. Эти наказания следовало заменить плохими оценками за поведение, которые учитывались при ранжировании учеников и могли привести к выговорам, а также временному или постоянному исключению из школы. Эта система, основой которой стала традиция женского образования, лишенная суровости наполеоновских мужских лицеев, была введена в женских лицеях и получила широкое признание.

Догматические методы обучения были отброшены. «Постоянно следует апеллировать к размышлению и сравнению, — писал Верне, — усилия по осмыслению значительно предпочтительнее механического запоминания». Ученики, по крайней мере в начале, должны двигаться «от известного к неизвестному». Эти общие принципы республиканской педагогики были, однако, несколько купированы, когда их стали применять к женскому образованию. Например, ученицы должны были по-новому изучать точные науки: ни к чему, если у девушек разовьется способность к абстрактному мышлению или прикладным математическим наукам, от которых им не будет никакой пользы, ибо они не станут инженерами. Очевидно, что члены Общества не стремились освободить женщин от религиозных предрассудков посредством глубоких знаний в области философии или науки. Классические языки воспринимались как терпимые: девушки будут изучать древнегреческий «не для себя, а для своих детей». Таким образом, тема «мать как учительница» продолжала звучать с начала и до конца века. Обнаружилось, что новаторские идеи Общества о женском образовании имеют много противоречий. Основная цель состояла не в том, чтобы приобретать глубокие знания по предметам, а в том, чтобы контролировать мышление учениц. Поэтому было важно не вызывать бес-

покойство семей, изменяя обычное содержание программ или вводя домашние задания, которые могли отрывать девушек от выполнения их домашних обязанностей.

Коллеж Севинье, новая школа для девушек в Париже, может служить примером вышесказанного. Это была светская частная школа, основанная при поддержке Мишеля Бреаля, руководителя Общества. После трудного начала, колледж начал обретать свою индивидуальность под руководством Матильды Саломон, ставшей его добрым гением. Саломон оказывала косвенное влияние на государственные средние школы не только своим примером, но также и тем, что готовила будущих учительниц к сдаче отборочных экзаменов при занятии должности.

Имелось достаточно материала для дебатов в палате депутатов и в Сенате по поводу закона Сэ, но не проблемы образования вызывали самые горячие споры. Оппозиция атаковала республиканскую партию по вопросам нравственного и религиозного воспитания. Дебаты в Сенате по поводу среднего женского образования совпали по времени с обсуждением в палате депутатов законопроектов о бесплатном светском начальном образовании, что, естественно, наложило на них определенный отпечаток. Дискуссии в основном вращались вокруг старых страхов по поводу изменения места женщины в обществе и «опасности» со стороны чрезмерно образованных женщин. Консерваторы рассматривали закон как «продолжение выпадов против Бога и религии», их фразеология напоминала яростные нападки монсеньера Дюпанлу на курсы Дюрюи в 1867 г. Компромисс, на который рассчитывали центристы и даже Ферри, надеявшиеся завоевать на свою сторону колеблющихся депутатов, был разрушен такой интерпретацией. Оппозиция выдвигала два основных обвинения: закон ставит своей целью «полную ликвидацию религиозного воспитания» и создание «женского крыла в университете».

Для консерваторов законопроект не имел смысла, так как, с их точки зрения, девушки уже получали достаточное образование в церковных школах. Кроме того, это было дорогостоящее предприятие. Католики, которые за двенадцать лет до этого были ярыми противниками проекта Дюрюи, теперь пели хвалы средним курсам женщин, которое они изображали как оплот свободы против посягательств государства.

В глазах законодателей-католиков предложенный законопроект представлял угрозу с точки зрения морали. В новой системе, в отличие от церковных школ, «образование» должно было быть подчинено «обучению». Утверждалось, что новые школы будут способствовать разврату между учителями мужского и женского пола и, хуже того, приведут к обучению в одном классе учениц разного социального происхождения. За неимением нуждающейся в среднем образовании кли-

ентуры (закон якобы был разработан для дочерей из обеспеченных семей), потребовалось бы привлечение учениц из «новых слоев общества». У этих учениц возникли бы надежды, которые они впоследствии не смогли бы реализовать, и результатом этого стало бы появление «многочисленной группы лиц без классовой принадлежности». Это, в свою очередь, могло бы привести к нигилизму: русские гимназии, из которых вышел «грамотный длинноволосый пролетариат», были устрашающим примером.

Но основной проблемой была секуляризация. «Уважающий свободу мысли, — писал Камилль Сэ в докладе по своему законопроекту, — ваш комитет придерживается мнения, что религиозному образованию не должно быть места в классе. Образование в этой области должно осуществляться дома родителями». Однако возникала проблема с ученицами-пансионерками. Капелланам разрешалось посещать школы и давать уроки Закона Божьего. Было это доказательством компромиссного отношения или признаком недоверия? Последней надеждой депутатов-католиков стал вопрос о нравственном воспитании, который стоял во главе учебной программы независимо от религиозного образования. В палате депутатов понятие независимой морали, заимствованное из «Энциклопедии», определялось как «универсальная мораль». Брока, который представлял законопроект в Сенате, подчеркивал, что средства нравственного воспитания девочек отличаются от средств воспитания, применимых к мальчикам. Курс нравственного образования для девочек должен был включать то, что осталось от курса философии, преподаваемого в лицеях для мальчиков. Введение религиозного образования было невозможно из-за «множественности вероисповеданий, признанной государством» и закрепленной законом свободы совести. Далее, для преподавания в школах будут приниматься только миряне и женщины, и мирские учителя не будут иметь «ни достаточной компетентности, ни полномочий, для того чтобы преподавать религию в духе своего вероисповедания».

Основной аргумент противников религиозного образования в женских дневных школах был сформулирован в вопросе одного из депутатов: «Разве преподавание Закона Божьего включено в программу мужских лицеев?» Консерваторы признали, что нет, но это обстоятельство вряд ли может считаться поводом для радости. Основные ораторы ждали, пока законопроект достигнет второго чтения, прелюдии к окончательному голосованию. В своей речи в Сенате герцог де Бройль делал упор на последствиях «независимой морали». Попытка преподавания такого предмета — это эксперимент. Без сомнения, существует одна мораль, «если рассматривать это слово в наиболее поверхностном и вульгарном смысле». Но расширенный курс нравствен-

ного образования неизбежно столкнется с религиозными вопросами: их можно обойти, но в этом случае курс либо утратит свое значение, либо их придется включить в программу. С этой проблемой уже столкнулись при преподавании философии для юношей: их программа насыщена «вопросами, на которые можно ответить только при помощи религии или философии» — начиная с наиболее фундаментального вопроса о происхождении морали и проблемы моральной свободы. Не может быть морали без санкций. Одними из последних программа упоминает обязанности по отношению к Богу. Оратор, в процессе своей речи вспомнивший «похвалу позитивизму», произнесенную главой правительства Жюлем Ферри пятью годами ранее при вступлении в масонскую ложу, заключил, что нет возможности обойти этот вопрос: «некоторые упущения играют такую же роль, как и прямое отрицание». Поэтому лучше всего вернуться «к старой морали, то есть к катехизису», ибо в противном случае «вы рискуете подвергнуть неокрепшие умы тяжелому испытанию отрицаний и неразрешимых противоречий».

Закон был принят 21 декабря 1880 г. в форме, выгодной республиканцам, но при этом не обошлось без раскола в республиканском лагере. Хотя все республиканцы были антиклерикалами, многие из них готовы были признать религиозную роль женщин в семье. Старшее же поколение республиканцев, помнивших революцию 1848 г., оставались деистами. Неудивительно, что *Conseil Supérier de l' Instruction Publique* (Высший совет по народному образованию), в котором преобладали умеренные, позаботился о том, чтобы в программе упоминалось о необходимости учить девушек «их обязанностям перед Богом», положение, просуществовавшее до 1923 г.

Таким образом, «светская модель» женского образования была создана во Франции, но прошло много времени, прежде чем она утвердилась. На протяжении первых двадцати лет количество лицеев и колледжей, появившихся в результате нового закона, росло медленно, но неуклонно. В конце концов они стали признанным элементом образовательной системы, поскольку стремились не оскорблять общественное мнение и не казаться троянскими конями атеизма. Некоторые католические семьи, стремившиеся дать своим дочерям наиболее полное образование, даже предпочитали эти школы религиозным. К началу Первой мировой войны проблемы, с которыми сталкивались 33 000 девушек в средних школах вместе со своими учителями, уже не носили религиозный характер. Они были озабочены проблемой рабочих мест, в которых им отказывали консервативные, хотя и светские, республиканские законодатели.

Перевод О. В. Шныровой

11

Образы — внешность, досуг и быт

Анна Хигоннет

Женственность как вопрос внешнего вида

Изобразительная культура XIX века породила несметное количество женских образов, то согласующихся, то противоречащих друг другу, но все они являлись мощным элементом меняющихся характеристик женственности. Образы всегда придавали форму социальным и экономическим изменениям. Впервые в истории женщины, а не только мужчины смогли выразить собственные представления об опыте и переживаниях.

Архетипы

Мадонна, соблазнительница, муза — три этих женских архетипа продолжали властвовать над воображением XIX века. Они продолжают появляться во всех видах изобразительного искусства, высокого и массового: в репродукциях, рекламе, фотографии, книжных иллюстрациях и прикладных искусствах, равно как в скульптуре и в малоизвестных, и официально признанных живописных полотнах. Но хотя в большинстве

европейских стран и в Соединенных Штатах эти архетипы в течение века сменились от религиозных к светским, их смысловое значение и предназначение оставались на удивление постоянными, и были напрямую связаны со схожими тенденциями в литературе.

Времена кризиса добавили новой энергии женским архетипам либо через новизну формы и темы, либо через многократное тиражирование. Эти решающие моменты случились в 1860-е гг., и вновь на рубеже веков. Буржуазные требования к художественному истеблишменту в 1860-х гг. способствовали появлению новых современных образов домашнего быта, которые настаивали на таких ролях женщин, как непорочные дочери, жены и матери. К концу века, охладевшие буржуазные эстеты выступали уже против этих ценностей, породив волну образов, удачно названных «божествами порока». Женские архетипы сделали больше, чем просто отобразили идеалы красоты, они сформировали образцы поведения. Их способы убеждения, весьма характерные для изобразительных искусств, усиливались благодаря культурному контексту.

Визуальные архетипы ограничивали проявления индивидуальности и способствовали жесткому разграничению конкретных форм поведения. Муза оставалась тем, чем она была, — аллегорической фигурой, воплощением скорее идеи, чем конкретного человека. Разумеется, она представляла собой идеалы: идеал Свободы, например, воплощенный в 1884 году Фредериком-Августом Бартольди в его колоссальной статуе Свободы, которая до сих пор приветствует путешественников в порту Нью-Йорка. Образы мадонн и соблазнительниц были не менее абстрактными. Они формировали идею женственности на двух полюсах: одна порядочная и обнадеживающая мать семейства, другая порочная, опасная и соблазнительная; одна сфера демонстрировала образы исполнительных домохозяек; в другой были представлены проститутки, профессионалки, активистки и большинство женщин-работниц. Добродетельные женщины изображались счастливыми, заслуженно вознагражденными, тогда как порочные представлялись нелепыми, жалкими или наказанными.

Большинство изобразительных искусств претендовали на реалистичность, то есть на рассмотрение реальных физических явлений и их объективное отображение; чем дальше уходил век, тем большей популярностью пользовалась эта доктрина. Сродни позитивизму в философии, расследованиям на месте происшествия в журналистике и полевым исследования в социологии, эмпирическим опытам в естественных науках, реализм в искусстве гарантировал универсальную достоверность частному мнению. Для буржуазии, стремящейся к собственной легитимации, потребление искусства через коллекционирование, выставки, искусствоведение или репродукции давало возможность в целом подтвердить и придать цену собственным представлениям о себе.

Однако тому периоду также было свойственно противоречить устоявшимся позициям. В искусстве, как и в других областях, индивидуализм способствовал неожиданным попыткам самоутверждения со стороны маргинальных социальных групп. Кроме того, большое искусство начало обновляться через ускоряющиеся циклы отрицания прежних течений и отбора, каждое последующее поколение завоевывало свои позиции через борьбу с предыдущим. Даже в одном поколении критики, художники и управляющие предлагали конкурирующие критерии художественной ценности. Эта нестабильность предоставила женщинам беспрецедентную возможность войти в мир искусства и завладеть средствами саморепрезентации.

Однако общественные ценности, которые женщины воспринимали как собственную действительность, не способствовали изобразительным экспериментам. Большинство женщин, начавших художественную карьеру в XIX веке, происходили из среднего класса; они принадлежали к той группе, чьи классовые привилегии зависели от стабильности, которой угрожал феминизм. Оказавшись в противоречивой ситуации, женщины, как правило, не создавали таких образов самих себя, которые радикально отличались бы в стиле и содержании от мужского ви́дения.

Тем не менее женщины улучшили свое положение самим фактом присутствия в искусстве. Разрастаясь количественно и повышая свой профессиональный уровень, женщины изменили представления о своем месте в изобразительной культуре, став ее активными производителями, а не пассивными объектами. Многие женщины достигли весьма высокого уровня на обочине большого искусства. Некоторые, такие как Беатрис Поттер (англичанка, 1866–1943) в иллюстрировании детских книг, и Гертруда Джекил (англичанка, 1843–1932) в ландшафтном садоводстве, устанавливали нормы совершенства в своей сфере. Вхождение в более престижные области — в живопись и скульптуру — стоили дорого, платить приходилось либо подчинением жестким художественным условностям, либо жертвовать собой, либо и тем, и другим. И все-таки женщины вроде Розы Бонёр (француженка, 1822–1899) и Мари Кассатт (американка, 1844–1926) завоевали свое место в истории искусств и стали образцом для подражания у будущих поколений.

Гениальность

Наиболее распространенным и убедительным фактором, характерным для искусства, являлась исключительно маскулинная концепция гениальности. Согласно концепции, которая постепенно развивалась

со времен Ренессанса наряду с иерархией видов искусства, предполагалось, что задачей гения является разъяснение процесса творения искусства и определение его качеств. Великий художник должен был родиться гениальным, что само по себе поможет побеждать все встреченные преграды и проявлять себя в трансцендентально прекрасных шедеврах. Все виды искусства классифицировались в соответствии с содержавшимся в них уровнем гениальности. Исторические, мифологические или религиозные полотна ценились наиболее высоко в изобразительном искусстве, прикладные ремесла считались самыми низшими, все остальное располагалось между ними. Воображение было выше имитации, творческий замысел выше практической реализации.

Женщины, в чьих работах обнаруживались признаки гениальности, объявлялись ненормальными или, в лучшем случае, бесполыми. Признаки женственности были диаметрально противоположны признакам гениальности; если женщина стремилась достичь вершин в искусстве, считалось, что она пренебрегает своей участью домохозяйки. Предполагаемые характеристики гениальности наиболее явно описаны в романах, где герои и героини занимаются искусством, например у Оноре де Бальзака в «Неизвестном шедевре», 1837, Натаниэля Готорна в «Мраморном фавне», 1860, или у Кейт Шопен в «Пробуждении», 1899. Если художники попросту помечали кого-либо ярлыком гениальности или отказывали в нем, литературные тексты, которые развивали идею гениальности через своих персонажей и социальные явления, показывают нам, что идея гениальности гендерно маркировала понятие творчества. Такие взаимосвязанные свойства, как активность, воображение, продуктивность и мужская сексуальность, противопоставляются также неразделимым характеристикам пассивности, имитации, репродуктивности и женской сексуальности. Мужчины производят оригинальные предметы искусства, женщины воспроизводят себя в детях. Гениальность позволила отделить мужественность от женственности, установив бинарные идентичности, привязанные к двум видам сексуальности, основанным на биологических различиях.

Жермена де Сталь (швейцарка, 1766–1817) и Жорж Санд (француженка, 1804–1876) протестовали против этого. Сталь в романе «Коринна», 1807, и Санд в «Консуэло», 1844, осмелились представить героических и гениальных женщин, ни одна из которых не соответствовала традиционным категориям мира искусства. Коринна одновременно поэтесса и актриса, оратор и импровизатор; Консуэло начинает как дива, становится композитором, затем путешествующей певицей. Обеим героиням угрожает закон патриархата, воплощенный в фигуре отца, равно как и в политической власти. Коринна сдается, но Консуэло спасена фигурой матери, которая пробуждает ее политическое сознание и примиряет ее

сексуальность с интеллектуальными идеями. Материнство помогает ей в создании искусства, где композиция сочетается с исполнением, она сочиняет на основе повторения и все более расцветает за пределами традиционного общества. Санд говорит о том, что, даже если талант врожденный, его проявления и отношение к нему зависят исключительно от пола, достатка и класса художника. Как ни парадоксально, но в этой утопической и фантастической работе Санд отстаивает понимание женского искусства гораздо более материалистично, чем любой другой труд романистов-реалистов или искусствоведов.

Принятые формы самовыражения

Женщины, склонные к искусству, в подавляющем большинстве выбирали сферы деятельности низкого статуса, те, где они могли столкнуться с наименьшими препятствиями и чувствовать себя уверенно как творчески, так и социально. В первой половине столетия богатые женщины нередко занимались любительской живописью, в то время как те, кому приходилось зарабатывать на жизнь, занялись декоративно-прикладным искусством и дизайном. В других видах искусства — музыке, танце и театре — женщины могли и успешно делали карьеру на сцене. Однако основное признание получали не те, кто исполнял работу, а те, кто писал музыку, ставил балеты, или писал пьесы, и это были в основном мужчины.

По всей Европе и в Соединенных Штатах женщины среднего и высшего классов занимались любительской живописью и музыкой. Мало кто из буржуазных девушек не умел играть на фортепьяно или скрипке, петь, рисовать или писать акварелью. Эти художественные навыки считались признаками хорошего воспитания, развивавшими в девушке чувствительность и делавшими ее социально привлекательной. Многие женщины — по крайней мере одна в каждой большой семье — прилежно занимались живописью или музыкой по несколько лет, иногда всю жизнь, обычно в компании подруг или членов семьи. Например, когда Джейн Остин (1775–1817) писала романы, ее сестра Кассандра (1773–1845) рисовала. Картины висели на стенах в гостиных, музыку играли для гостей, нередко весьма разборчивых. Так, Сюзанн Леенхоф (голландка, 1830–1906), жена Эдуарда Мане, была известна среди друзей и коллег своим виртуозным исполнением Шопена.

В своих картинах женщины изображали своеобразие домашнего быта — портреты членов семьи и близких, дом, окрестные тропинки, места отдыха или сцены семейных поездок. Главным образом это были пор-

треты самих себя и других женщин, интерьеры дома обычно относились к женской половине. Софи Дюпон (американка, 1810–1888), например, нарисовала более 200 живых карикатур из домашней жизни в Делавере между 1823 и 1835 гг. Виктор Гюго и Адель Гюго (француженка, 1806–1868) оба рисовали; он — воображаемые готические замки и фантастические ландшафты; она — портреты детей. Аристократки тоже следовали примеру буржуазии. Королева Виктория (англичанка, 1819–1901) почти всегда рисовала картинки своей частной жизни, и даже когда участвовала в государственных мероприятиях, она сосредоточивалась на эмоциональных моментах или личностных аспектах; среди тысяч ее картин можно найти едва ли полдюжины портретов любимого мужа.

Любительская живопись и музыка служили распространению определенных основ грамотности среди женщин в той же степени, что и романы. Однако в случае изобразительного искусства любительская работа и академическое полотно функционировали на основе абсолютно различной логики. Хотя этот факт в какой-то степени поможет женщинам позже, при вхождении в мир авангардного искусства, в то время он скорее препятствовал, чем способствовал достижению женщинами профессионального статуса.

Маленькие и изящные, обычно сделанные на листах бумаги женские любительские картинки были эфемерными по смыслу и содержанию. Женщины часто вкладывали свои картинки в альбомы, иногда вместе со случайными предметами и картинками, как сделанными, так и найденными, нередко с пояснительными надписями. Любительские изображения следовало воспринимать как часть семейной истории. Ни одно не претендовало на самостоятельность; каждое зависело от взаимосвязи с другими образами и от знания, которое привносили в них зрители из своего круга. Эти любительницы были скорее зарисовщицами, чем авторами; они не старались продемонстрировать узнаваемый стиль или отображать дидактические сюжеты, как и не работали для рынка. Любительские картинки практически не имели формальной, интеллектуальной или экономической, ценности, которые определяло тогда большое искусство, и вследствие этого практически исчезли.

Женщины из рабочего и среднего классов нуждались в средствах к существованию. Однако им было доступно очень мало профессий, и еще меньше те, которые не влекли бы за собой утрату положения. Эти редкие профессии отличались от других видов ремесленничества эстетическим аспектом, ассоциирующимся с женским темпераментом. Современные исследователи в Европе и Америке показали, что такие производства, как миниатюра, изготовление обоев и искусственных цветов, роспись на фарфоре, эмаль, ручная роспись и дизайн по ткани в основном содержали женский персонал и давали им постоянную рабо-

ту. К 1894 г. один писатель подсчитал, что в Америке в этом труде были заняты около 10 тыс. женщин, и около 2 тыс. только в Нью-Йорке[1], где школа Союза Купера, основанная в 1859 г. и управлявшаяся в первые десятилетия Дамским консультативным советом, создала типовую обучающую программу для молодых женщин с ограниченными средствами.

Хотя все эти виды профессий могли требовать высокого мастерства, но одновременно являться утомительной рутиной и, как всякие другие, плохо оплачиваться, репутация художника поднимала их до уровня «благородства», или «респектабельности». Этот труд требовал терпения и сноровки, но не нуждался в наличии физической силы. Бóльшая часть работы делалась в чисто женских мастерских, а некоторые даже на дому. Эти профессии объединили воедино гендер, класс и потребности к выживанию.

«Вкус» стал финансовым активом для женщин, рыночным продуктом, особенно в производстве платьев и шляп. Парижские путеводители называли одаренных модисток «художницами», а элитные магазины конкурировали между собой на основе неуловимого понятия стиля и модной новизны значительно больше, чем по поводу материальных критериев цены и носкости. Маргарет Олифант озвучила мечту о коммерческом и профессиональном успехе в своем романе «Кирстин» в 1895 году. Шотландская девушка Кирстин начинает свою карьеру работницей в мастерской, благодаря не только мастерству, но и деловому чутью открывает собственное дело. Источником вдохновения для нее стали модные иллюстрации на стенах первой мастерской, где она работала; сами эти картинки, равно как и изделия, были в основном сделаны женщинами и нарисованы для женщин.

Аналогия женственности и красоты давала женщинам возможность вложить эстетическую ценность в свой труд. Стараясь создать более прибыльный продукт или получая удовольствие от занятий во время отдыха, женщины реализовывали свое право на вкус. Эстетические возможности декоративной вышивки, например, несравнимы с простым шитьем, и женщины среднего класса предпочитали заниматься ею в свободное время. Лоскутные покрывала, изначально задуманные, чтобы сберечь мелкие лоскутки ткани, стали исконно американским и почти абсолютно женским видом искусства, практикуемым женщинами всех социальных слоев. Некоторые такие покрывала откладывались для особых церемоний, другие использовались в повседневном быту, одни делались из дорогого шелка, другие из простого хлопка, но красота любого квилта[2]

---

[1] P. G. Hubert, Jr. "Art and Art Industries", *The Woman's Book* (New York: C. Scribner's Sons, 1894), vol. I, p. 4.

[2] Здесь имеется в виду одеяло (часто стеганное), сшитое из отдельных лоскутков, которое в более ранние времена девушки часто шили себе в при-

зависела от чувства цвета и композиции мастерицы; какие-то из них были произведением искусства, а какие-то просто частью домашней обстановки. Некоторые рабыни с больших плантаций были известны своим талантом по сшиванию квилтов и обязаны были постоянно заниматься этим для своих хозяев. Можно их считать профессионалками?

Женщины не только превратили обыденное в исключительное, а привычное занятие в призвание, они также нашли своей профессии новое применение. Элизабет Кекли (1840–1900) родилась рабыней, была швеей на американском Юге. Она употребила свои искусство и энергию в пользу своих политических убеждений и собственным трудом выкупила свободу себе и своему сыну. Во время гражданской войны в Америке она стала белошвейкой и наперсницей Мэри Тодд Линкольн. Она продолжала использовать свое дарование для служения делу защиты гражданских прав, создав такие работы, как квилт Свободы, сделанный из обрывков платьев Мэри Тодд Линкольн. Трое французских сестер, Элоиза Лелуар (1820–1873), Анаис Тудуз (1822–1899) и Лаура Ноэль (1827–1878), урожденные Колен, входили в круг художников, создавших стиль и тематику модной иллюстрации индустриального периода в 1840-х. Сестры Колен и другие художники делали рисунки и акварели, из которых производились гравюры, а затем раскрашивали их вручную. Работы сестер Колен постоянно появлялись в ведущих женских журналах в течение почти полувека.

Институциональная реформа

Новизна присутствия женщин в ремеслах заключалась, пожалуй, не столько в факте их участия, сколько в превращении ремесел в профессии. Нам известно, что женщины работали в ремесленнических группах при семейных мастерских. Кекли использовала умение владеть иголкой, которое женщины передавали друг другу в семьях. Сестры Колен научились рисованию и живописи в студии отца, когда были еще детьми, и начали зарабатывать своим искусством в подростковом возрасте. С приходом капитализма женщинам неожиданно пришлось выйти на общественный рынок труда и искать работу, которую спонтанно наследовали их бабушки и матери.

Ко второй половине столетия угасание организации домашнего труда привело к тому, что молодое поколение не получало тех навыков, которые были у Кекли и сестер Колен. Чтобы успешно конкурировать

даное. — *Примеч. редактора.*

в поисках работы в различных ремеслах или в таких видах производственного дизайна, которые вытесняли некоторые ремесла, женщинам нужно было требовать системы общественного обучения. Более того, некоторые женщины начали претендовать на свое место в большом искусстве и поняли, что им его не достичь без официального образования и признания. Мы можем, например, гордиться Дженни Луизой Бетюн (урожденная Бланшар, американка, 1865–1913), одной из первых профессиональных женщин-архитекторов, потому что в 1888 году она стала первой женщиной, принятой в Американский институт архитектуры, по сей день являющийся главнейшей архитектурной профессиональной организацией Америки. Совмещение экономических и художественных факторов спровоцировало дискуссии об институциональной реформе в Европе и Соединенных Штатах в последней трети столетия.

В каждой стране проблемы были примерно одни и те же. Противники женской профессионализации утверждали, что женщины должны оставаться дома, в то время как сторонники возражали, что не все женщины могут себе это позволить (в особенности одинокие) и что из всех видов образования именно художественное будет скорее развивать в девушках женственность, чем вредить ей. Однако в каждой стране хронология протестов и соглашений варьировалась в соответствии с большей или меньшей мобилизацией усилий женщин-художниц и позициями национальных или муниципальных учреждений искусства. Поскольку Париж XIX века был центром художественного мира, ситуация во Франции явилась одновременно и самой необычной и самая значимой[3]. К концу столетия женщины из Бельгии, Британии, Финляндии, Германии, Голландии, Италии, Норвегии, России, Швейцарии и Соединенных Штатов, ставшие впоследствии ведущими художницами своих стран, уехали учиться в Париж.

Во Франции находились первые школы искусства для женщин, финансировавшиеся на общественные средства. Основанная в Париже двумя женщинами *Ecole Gratuite de Dessin pour les Jeunes Filles* (Бесплатная школа рисунка для девушек) стала примером для создания подобных школ в других странах. В ней можно было обучиться основным навыкам рисования, которые ориентировали большинство учащихся на занятия прикладным искусством. К 1860-м годам аналогичные школы открылись во многих провинциальных городах, а к 1869-му в одном только Париже их было двадцать против лишь семи таких же школ для мужчин. Искусство стало неотъемлемой частью школьной программы во всех общественных школах для девочек, что, в свою очередь, озна-

[3] Более полное описание можно найти у: Charlotte Yeldham. *Women Artists in Nineteenth-Century France and England,* 2 vols. (New York: Garland, 1984).

чало создание новых преподавательских мест для художниц. К концу века национальный *Union Centrale des Arts Décoratifs* (Центральный союз прикладных искусств) учредил *séction feminine* для мастеров-женщин.

Женщины, чьи полотна или скульптуры принимались художественным советом, могли выставляться в знаменитом салоне под эгидой государства и его художественного органа *Academie des Beaux-Arts* (Академии изящных искусств). В 1800 году женщины выставили 66 работ, 12,2% от всех экспонатов. К 1900 цифры резко возросли — в этом году женщины показали 609 работ, или 21,2% от общего числа. Меньше всего женщины выставляли скульптур, более всего акварелей с постепенным нарастанием количества произведений живописи. Тем не менее конфронтация с салоном, что означало не только привлечение внимания критиков, но и выход на рынок, для женщин не была возможна, так как они не имели той же подготовки, что и мужчины. С начала 1860-х модный живописец Шарль Шаплен руководил студией по профессиональному обучению женщин. Другие последовали его примеру, особенно Тони Робер-Флери в *Académie Julian* с 1870-го года. Но даже в этих серьезных студиях программа для женщин была разбавленной: другое количество часов, меньше преподавателей, не разрешалась работа с обнаженной натурой, не давалось занятий по анатомии.

В конце концов женщины решили, что пора брать дело в свои руки. В 1881 году скульптор и педагог Мадам Леон Берто (урожденная Элен Пилат, француженка, 1825–1909) основала *Union des Femmes Peintres et Sculpteurs* (Союз женщин художниц и скульпторов), организацию с аналогичными структурами в разных странах Европы. Союз начал делать собственные ежегодные выставки начиная с 1882 года: количество выставлявшихся авторов этого года — 38 — выросло до 942 в 1897. К 1890 году, когда Союз начал издавать собственное издание *Journal des Femmes Artistes*, он насчитывал 500 членов. Через свой журнал и стараниями неутомимой Мадам Берто, Союз проводил кампании за принятие женщин в самую престижную из всех европейских художественных школ, Государственную академию изящных искусств, финансировавшуюся также государством. Успех, наконец, был достигнут в 1896 году, гораздо позже, чем капитулировали аналогичные школы в Дании, Германии, России и Англии, в особенности знаменитая английская школа Южного Кенсингтона. Однако женщины по-прежнему не допускались до совместных занятий с живой натурой, равно как и до участия в конкурсах за высшую награду школы, *Prix de Rome*.

К сожалению победы, аналогичные завоеваниям Союза, дали женщинам право на уже отжившие привилегии. Лидеры и члены Союза понимали, что успешная карьера требует институциональной базы, и справедливо требовали равного доступа для женщин; но они не по-

нимали, как важны современные преимущества. К тому времени, когда женщины могли учиться в Академии изящных искусств, практика искусства повернулась сторону независимых выставок, движений авангарда и частных галерей. В мире модернистского искусства, гораздо более изменчивом, ориентированном на самое себя и индивидуалистическом, женщины оказались, как всегда, незащищенными.

Зрелище и сексуальность

Визуальные образы продолжали отражать те представления, которые складывались у мужчин в отношении женщин: представления о сексуальности, классе, расе, труде и искусстве. Мужчины-художники держали власть над женскими объектами своего творчества. Мужчины не только отображали женщин в качестве объектов властного сексуального взгляда, но во многих случаях классовые различия обостряли гендерное неравенство. Художники и скульпторы как минимум претендовали на статус среднего класса, в то время как модели, которых они нанимали, происходили из низшего класса. Точно так же создатели плакатов и фотографы смотрели на моделей из рабочей среды глазами среднего класса: одновременно снисходительно и вожделенно.

Нигде эти властные отношения между художником и моделью не были столь очевидны, как в изображениях обнаженного тела. Чаще, чем когда-либо, обнаженное тело в искусстве представляло женскую наготу. Но что изображала эта нагота: женские тела или мужские фантазии? Сексуализированные женские тела рисовались обычно как одновременно покорные и в чем-то незнакомые: женщины других времен, из других стран, других культур, других миров — примитивно похотливые рабочие девушки, соблазнительные одалиски, возлежащие богини. Вокруг образа наготы, как и вокруг женщин, позировавших обнаженными, создавались мифы. Было принято считать, что натурщицы охотно вступали в сексуальные отношения со своими художниками. Независимо от того, было это правдой или нет, миф о натурщице художника точно отражал воображаемую связь между зрителем-мужчиной и женской наготой в искусстве.

Порнографические изображения давали прямой доступ вожделеющему сексуальному взгляду к женским телам. Массовое воспроизведение литографий, гравюр, фотографий положило конец идеализации, присущей искусству, и обеспечило расцветающий рынок откровенными образами сексуальности. В результате только одного рейда в лондонском магазине в 1874 году полиция конфисковала 135 248 фотогра-

фий, квалифицированных как непристойные[4]. В процессе быстрого распространения такой продукции могли сосуществовать различные эстетические задачи; особенно в старинных дагерротипах: тщательно построенная композиция и использование способности камеры отображать перспективу помогало усиливать эротичность образа.

Художественная культура практически игнорировала женские тела, которые не доставляли мужчинам зрительного удовольствия. Старые женщины редко появлялись в изобразительной продукции XIX века, за исключением карикатур или слащавых клишированных образов. Физический труд женщин стал почти невидимым. Как миф о натурщице художника избегал упоминаний о материальных условиях ее труда, но подчеркивал ее сексуальные услуги, так и другие работавшие женщины выпадали из поля зрения, или эротизировались. Даже обычный сельский труд женщин шокировал средний класс, когда Милле впервые изобразил на большом полотне согбенных крестьянок, выполняющих свою нудную работу. Массовая культура предпочитала разглядывать изображения относительно привилегированных видов работы вроде производства шляпок, связанных с женскими удовольствиями, и труда, которым занимались женщины, сексуально доступные мужчинам среднего класса. Позже к этим профессиям присоединились новые, но столь же гендерно окрашенные виды занятий, такие как конторская служащая или телефонистка.

Женщины из театральной среды преуспевали благодаря резкому увеличению возможности быть увиденными. Певицы вроде Ла Малибран (испанка, 1808–1836), актрисы вроде Сары Бернар (француженка, 1844–1923), балерины вроде Карлотты Гризи (итальянка, 1819–1899) и Мари Тальони (итальянка, 1804–1884) зачаровывали мужскую и женскую аудиторию по всей Европе и Соединенным Штатам. За ними последовали их популярные изображения, которые играли не меньшую роль, чем появление на сцене, в распространении их славы. К середине столетия фотографические компании делали более трети своего дохода на портретах представителей сценического искусства[5]. Портреты знаменитостей тоже создавали свою мифологию женского тела, но здесь изображенные женщины прославляли свою способность превращать собственное тело в технически совершенную игру.

И все же Дева Мария оставалась главной знаменитостью. Несмотря на сокращение в целом количества религиозных сюжетов в популярном и академическом искусстве, культовое поклонение ей в XIX в.

---

[4] Abigail Solomon-Godeau. "The Legs of the Countess", *October* 39 (Winter 1986): 96.

[5] Ibid., p. 93.

придало образу Марии высшую значимость. Провозглашение в 1854 году папой Пием IX доктрины о Непорочном зачатии и успешное развитие школ для девочек, организованных женским Обществом Святого Сердца, знаменовали то, насколько для католицизма XIX века были важны религиозные ролевые модели. От художников-прерафаэлитов до неизвестных граверов, печатавших религиозные открытки — религиозного аналога фотографических carte de visite — художники лепили Марию в образе буржуазной матери семейства, которую могли бы имитировать даже протестанты. Анна Джеймсон (англичанка, 1794–1860), первая женщина — профессиональный историк искусства, отвела кульминационную часть своей необычайно популярной работы «Легендарное и священное искусство» для «Легенд о Мадонне». Более всего она превозносит портреты Мадонны с младенцем: «славный прообраз того, что всего чище, выше, святее в женщине»[6].

Производство и потребление

Вместе с эстампами фотография в геометрической прогрессии увеличила воспроизводство художественной культуры. Бурный рост средств массовой информации, который начался в 1830-х гг. и набрал силу в течение века, популяризировал современную женскую тему, выявлял специфические женские аудитории и формировал новые визуальные образы. Производство и приобретение изображений упростилось для женщин, но их более активное участие в художественной культуре также сделало их более чувствительными к ее влиянию.

Механические приспособления упросили проблему авторства. Женщины, не имевшие профессионального образования, вроде Джулии Маргарет Камерон (англичанка, 1815–1879) могли взять в руки фотоаппарат и претендовать на значительное место в той области, где еще не было жесткого разделения между искусством и наукой, любителями и профессионалами. В мастерской фотографа позиции художника и модели могли почти полностью поменяться; фотограф мог оставаться пассивным, в то время как объект ее или его творчества позировала, создавая собственные образы для фиксации с помощью механизма камеры.

Вирджиния Верасис, графиня де Кастильоне (итальянка, урожденная Ольдойни, умерла в 1899), некоторые из пациенток Жана Мартена

[6] Anna Jameson. *Legends of the Madonna as Represented in the Fine Arts, Forming the Third Series of Sacred and Legendary Art*, 2nd ed. (London: Longman, Brown, Green, Longman, and Roberts), p. 58.

Шарко в его лечебнице для душевнобольных женщин в Сальпетриере и Ханна Каллвик (англичанка, 1833–1909) пользовались фотографией для создания аномальных, но запоминающихся образов самих себя. Графиня де Кастильоне снималась в роли скандальной куртизанки, подавая себя как сексуальный объект желания. Бланш Уиттман (француженка, 1895 – умерла после 1905) и «Августина» (даты неизвестны) представляли фазы истерии для фотографий, которые Шарко использовал в качестве клинических пособий; Ханна Каллвик, посудомойка, позировала в разных ролях, от рабыни до знатной дамы, в угоду Артуру Манби, эксцентричному коллекционеру фотографий, который впоследствии женился на ней. Было ли это самовыражением или самоэксплуатацией? Отстаивали они права маргинальной идентичности или подчинялись тем ролям, которые маркировали их образы? Противоречивость гиперболизированных способов самовыражения демонстрирует напряженность, присущую всем проявлениям женской идентичности в современной индустриальной культуре потребления.

Женщины контролировали изображения, приобретая их, но в то же время потребность приобретения довлела над ними. Индустриализация трансформировала традицию женского любительского искусства в массовые репродукции. Женщины постепенно перестали делать альбомы с рисунками от руки и начали собирать альбомы с фотографиями на сходные темы. В любительских картинках женщины представляли себя в своей домашней среде; теперь же печатные изображения и фотографии, а более всего модные плакаты, переработали любительский изобразительный стиль в коммерческие представления о женщине. Модные иллюстрации, как и их носители – женские журналы, существовали с конца XVII века, но обрели культурное влияние в 1840-х гг. В Америке «Дамскую книгу Годи», издававшуюся Сарой Джозефой Хейл, к 1849-му году получали 40 тыс. подписчиц, а во Франции некоторые женские журналы вроде *Le Petit Echo de la Mode* к 1890 имели тираж 200 тыс. экземпляров; более того, каждый номер проходил через руки не одной читательницы. Женщины отождествлялись с рынком и становились мишенью для производителей печатной продукции и одежды. Модная иллюстрация ввела женщин в мир рекламы, где изображение неизменно сочеталась с информацией о местах приобретения товара, преподносившегося как гендерный и классовый идеал.

Реклама перевела женственность в контекст внешности и предметности: одежды, косметики и аксессуаров. В других статьях этого тома боле подробно рассматривается то, как в XIX веке эволюционировала роль женщины от производителей, работавших на дому, до потребителей, тратящих деньги вне дома. Реклама играла изобразительную роль в этом процессе, перерабатывая традиционные представления

женщин о самих себе. Эти новые представления становились товаром, доступным женщинам за определенную цену, и, возможно, женщины, которые приняли эту цену, сами становились товаром.

«Мужчины действуют, женщины показывают себя», — сказал критик Джон Бергер. Поскольку внешность становилась все более значимой для женской идентичности, визуальные образы стали играть все большую роль в самовосприятии женщин. Беспрецедентно большое количество женщин, выбравших художественные профессии, стали реакцией на взаимосвязь между женщинами и визуальными образами. Вторгаясь в сферы художественного мира, женщины служили сохранению гендерных стереотипов, однако их достижения постепенно способствовали изменению женского образа.

Стратегии

Женской культурной продукции были присущи компромисс и неопределенность как в негативном, так и в позитивном смыслах. Наиболее яркие достижения женщин в искусстве — определялся ли успех в понятиях социального признания, известности, богатства или влияния — были обязаны не столько равному доступу к мужским институтам и официальным привилегиям, сколько возможности работать на обочине этих институтов, сохраняя при этом связь с любительской традицией или прикладным ремеслом.

Одним из принципиальных ресурсов для женщин с художественными устремлениями оставались художники-мужчины, хотя ассоциация с коллегами мужчинами влекла за собой риск испорченной репутации (миф о натурщице и художнике), но также и опасность того, что работа будет отнесена на счет вдохновителя-мужчины или даже приписана ему. Тем не менее большинство женщин, получивших известность благодаря своим художественным способностям в XIX веке, как правило, проходили фазу натурщиц, или партнерш, или учениц признанных мужей мира искусства. Вышивальщица Мэй Моррис (англичанка, 1862–1938) была как дочерью, так и ученицей художника Уильяма Морриса; композиторы Клара Шуман (немка, 1819–1896) и Роберт Шуман были мужем и женой; Карлотта Гризи была любовницей хореографа Жюля Перро; Берта Морисо (француженка, 1841–1895) позировала для художника и друга Эдуарда Мане. Распространенность этого явления позволяет предположить как наличие постоянной практической зависимости от мужчин при вхождении в мир искусства, так и психологическую зависимость женщин от мужского признания.

Крайне редко мир искусства позволяла женщинам застолбить новые территории и творить самостоятельно. Иллюстрируя книги, как Поттер и Кейт Гринуэй (англичанка, 1846–1901), специализируясь в необычных и маргинальных жанрах живописи наподобие изображения животных (Бонёр) или батальных сцен леди Элизабет Батлер (1846–1933), осваивая новые области искусства, как сестры Колен в иллюстрациях мод или Камерон в фотографии, и даже занимаясь художественной критикой, как Анна Джеймсон и Мария Башкирцева (русская, 1859–1884) в своем знаменитом дневнике, женщины могли добиться многого, внешне не нарушая правил.

Еще одной стратегией для художниц стало включение большого мужского искусства в домашние проекты. Эдит Уортон (американка, 1862–1937) выпустила в соавторстве с Огденом Кодманом первую профессиональную книгу по дизайну интерьеров в 1897 году – *«Оформление домов»*. Гертруда Джекил проектировала и разводила сады вокруг домов. Изабелла Стюарт Гарднер (американка, 1840–1922) создала общественный институт в частном доме-музее, который сама основала и создала.

Женщины не могли разделять профессиональную и личную жизнь, как это делали мужчины. Некоторые успешно воспользовались этим в своих целях, у других не получилось. Радикальные методы уравновешивались традиционной тематикой. Мари Кассат и Берта Морисо, отличавшиеся особым авантюризмом в области стиля среди художниц конца XIX века, писали исключительно на традиционные женские темы, присущие любительской традиции. Частная жизнь обеих тоже отличалась добропорядочностью среднего класса. Дерзость в выборе материала, рода деятельности и в поведении мгновенно приводили к краху. Камилла Клодель (француженка, 1864–1943) стала мифическим прообразом гонимой женской гениальности. Она посмела заняться скульптурой, самым мужским видом искусства, служить натурой и работать вместе с ведущим художником Огюстом Роденом, открыто жила с ним как с любовником и изображала неприкрытую эротическую страсть. Ее семья и Роден отвернулись от нее, она потеряла рассудок, и история искусства забыла ее на три четверти века.

Женщины сталкивались со сложными и меняющимися конфигурациями эстетических, экономических, сексуальных, технологических и политических ценностей, которые материализовались в различных видах искусства, институтах, художественных индустриях и все вместе формировали художественную культуру. Некоторые из этих ценностей оказывались совместимыми с женскими ценностями, другие нет. Женщинам надо было примирять несовместимые ценности и изобретать новые конфигурации целей и задач, чтобы освободить себе про-

странство, которого у них раньше не было. Они должны были создать собственные профессии, формы искусства, типы женственности. Для того чтобы осознать их достижения, нам следует отказаться от слишком однозначного представления об истории культуры, данного нам в виде живописных полотен и скульптур, и рассмотреть все пространство художественной культуры в его историческом контексте. Тогда станет очевидным, насколько отважным было дело женщин, сколь мудрым, полезным, разнообразным, творческим и поэтому прекрасным.

Перевод О. Липовской

12

Репрезентации женщин

Анна Хигоннет

Образы можно истолковывать по-разному. Иллюстрацни, которые я использовала, можно понять, обладая лишь минимальной технической ннформацней, содержащейся в их названиях. С другой стороны, оии могут быть поняты в более широком смысле, в коитексте всего иастоящего издания, как внзуальные аналогии, дополнения или пояснения к проблемам революцни, подчинения, сексуальности, семьи, работы, фемнинзма, идентичности и репрезеитации, поднимаемые в различных очерках. Глава обращается к нллюстрациям как к примерам по историн женщии в визуальной культуре XIX века. Нижеследующие заметки сгруппированы вокруг этих примеров, дабы расширить их специфические значеиия и привлечь внимание к их визуальной тактике.

Мадонна, обольстительница, муза

Работы Мари Кассатт «Купанне» (1891–1892), Густава Климта «Юдифь» (1901) н Эжена Делакруа «Свобода, ведущая иарод» [1830] повторяют трн присущих высокому искусству стереотнпа образа женщнны: мадоииа, обольстительница н муза. Однако каждая из этих картин модериизнрует свой стереотип в характерной для XIX века манере.

Мадонна Кассатт, буржуазная мать, зиаменует упадок религиозной тематики в нскусстве, особеино в протестантских странах, ио также и во Франции. Кроме того, оиа зиаменует собой и растущий интерес к нзображениям маленьких дево-

чек и отношениям мать — дочь. На картине Кассатт мать купает свое дитя — обычное явление для любого зрителя из среднего класса. Кассатт придерживается традиции в том, что делает акцент на физическую связь материнства: места, где плоть касается плоти, составляют центральную ось ее образа. Наслаждаясь сексуальностью, эстетизм конца века вывел на поверхность и скрытый страх перед сексуальной властью женщин. Климтовский образ женского тела изображает пышную плоть. Ощутимая чувственность Юдифи одновременно обольщает и отталкивает. Она приближается к зрителю, зазывает его своим приоткрытым ртом и обнаженной грудью. Однако имя ее напоминает ему, что перед ним опасная женщина, та, которая завлекает, чтобы погубить. Свобода Делакруа ведет народ на революцию, обещая демократию. Делакруа невозмутимо изобразил ее как женщину из народа, темноволосую и физически развитую, шагающую к нам через баррикады. Она напоминает воплощение Марианны, эмблемы Французской Республики.

Место женщины в революции

Давид резюмировал место женщин в революционной французской идеологии в своей картине «Клятва Горациев», созданной в 1784–1785 гг. Три брата Горации клянутся либо одержать победу над продажным Куриациями, либо умереть. На одной стороне находятся мужчины: крепко сплоченные, стремящиеся к общей цели, призванные своим отцом стать орудием справедливости, безжалостной, как и мечи, которые они сжимают в своих руках. На другой стороне стоят женщины: кроткие и поникшие от своих собственных переживаний, грациозно объединенные сложным ритмом жестов и одежды. Каждая сторона четко отражает значение другой — мужественность и женственность суть противоположности. Единственной связью между ними служит маленький мальчик, выглядывающий из группы женщин, дабы поучиться на примере мужчин.

Свои идеи Давид воплотил в жизнь разработкой революционных празднеств. Несмотря на то что чествовали они новые политические идеалы, женщины обнаружили, что их низвели до традиционных ролей в рамках революции. В *"Fкte de l'Etre Suprкme"* («Поле для празднования») 1794 года женщины представлены в роли одетых в белое дев, или аллегорически представляли Изобилие, правящее колесницей достатка, или же Мудрость, уничтожающую внешний фасад, олицетворяющий Атеизм. Фактически женщины никогда не репрезентировались

в качестве отдельно взятых активных участниц революции, скорее представлялись они как члены коллективного политического действа, стимулом которого были насущные материальные потребности, а чаще всего — как символы домашних и целомудренных добродетелей, которые гарантировали чистоту революционных намерений.

Акцент на доме

Буржуазная идеология первых десятилетий XIX века твердо определила место добродетельной женщины в доме. В любительском искусстве, столь распространенном по всей Европе в первой половине XIX века, женщины представляли себя в домашних ролях, но ниогда это принимало юмористический или рефлективный поворот. Акварель Дианы Сперлинг 1816 года изображает послеобеденные семейные танцы. Женщин больше, чем мужчин; одна женщина счастливо танцует в одиночестве; маленькая девочка глядит на нас со своего места на краю картины. На пианино аккомпанирует еще одна любительница-пианистка, приятельница Сперлинг.

Гуашь 1847 года за авторством Бест изображает своего мужа, играющего на пианино, и их трех детей, входящих в гостиную, в которой уже накрыт стол для семейной трапезы. Пристальное внимание Бест уделяет домашней обстановке, созданной достаточно тщательно, чтобы мы могли почувствовать ее артистическое самосознание. Нижняя — это свадебный портрет мужа Бест. Его портрет смотрит на нас слева, их сын смотрит справа. Бест расположила свои интеллектуальные и физические модели симметрично друг другу; она сама и ее муж также изображены симметрично — он играет напротив нее, а она рисует.

Женское любительское искусство оставалось в рамках дома; мужчины создавали картины с изображениями частной жизни, предназначенные для общественности. Одной из множества домашних жанровых сцен середины XIX века, созданной представителем среднего класса и для этого класса, является часть триптиха под названием «Женская миссия» Джорджа Элгара Хикса «Спутница мужества». Среди признаков респектабельной семейной жизни — очаг, ковер, удобный стол для завтрака, начищенное серебро — жена успокаивает мужа, который только что узнал о смерти. Она — его нежная отрада, он — ее честная сила. Работы Сперлинг и Бест созданы были на листах бумаги, вставлялись в альбомы и передавались в их семьях из поколения в поколение. Картина Хикса была написана с реалистической виртуозностью маслом

на холсте, вскоре после своего создания была выставлена на публичное обозрение и теперь принадлежит галерее Тейта.

Платье как заявление

Ничто более поверхностно, но в то же время и более четко не выражает гендер, как платье. Нн в каком ином веке мужские и женские костюмы не были так дифференцированы, а любое нарушение так тщательно отслеживалось н охотно использовалось для создания образов соответствия и ниспровержения. Изображение молодой сенсимонистки, созданное Малёвр, кажется утонченным с точки зрения стандартов XX века, но для человека XIX века ее одежда соответствует ее революционной доктрине. Ее платье нарочито просто н слегка прикрывает колени — достаточно короткое для того, чтобы то, что она носит под ним, выглядело как брюки. Брюки символизировали маскулинность. Носить их означало притязать на мужские права.

Полностью мужской наряд Жорж Санд выражает ее радикальную позицию более четко, нежели мужской псевдоним или даже радикальное содержание ее книг. Ее внешний вид символизирует саму суть ее действий. Например, изображение Жорж Санд 1842 года, принадлежащее Лоренцу, высменвает ее политическую позицию, представленную в качестве лозунгов, написанных на плавающих листках бумаги, издеваясь над тем, как она выглядит. Идея, которую Санд пытается донести, заключается в том, что, как говорит нам название, «У гения нет пола». Идея эта высмеивается, но по крайней мере она ясно выражена и осознана.

"Je me fiche bien de votre madame Sand qui empкche les femmes de raccomoder les pantalons!" («Мне наплевать на вашу мадам Санд, которая удерживает женщин от штопки штанов!») — говорит оскорбленный муж своей независимой жене на одной литографий Оноре Домье. Будучи в других отношениях убежденным радикалом, Домье прнберег свой гнев консерватора для феминисток, стремящихся к литературной деятельности. На другой гравюре из серии «Синий чулок» мы видим жену, которая разгневанно отказывается пришить пуговицу к брюкам мужа. Он, уныло стоя и прикрывая руками ширинку, говорит о том, что жена его не только «носит брюки», но теперь и кидает их в него.

Усовершенствование техник литографии н гравировки в течение первых десятилетий XIX века сделало возможным широкое распространение недорогих изображений со злободневными комментариями

посредством взаимной связи между картиной и ее названием. Популярность приобрел надлежащий образ женствениости, наряду с которым любая девиация могла быть в равиой степени легко визуализирована. Образы женщин стали мощным орудием для дискуссий об их месте в обществе, со ссылками на репрезентации как неотвратимые факты.

В то же самое время романтизм создал новые образы женственности. Жорж Санд могли изобразить на карикатуре, но также ее могли представить и как достойного ценителя музыки Ференца Листа. Если, как предполагали романтики, художественное вдохновение исходит от универсальных природных сил, тогда и все искусства имеют общую основу, и если все человеческие существа равны перед природой, то и все художники должны быть равны перед гением. Данхаузер изображает Санд среди эгалитарной группы музыкантов и писателей. Санд сравнивается и одновременно противопоставляется Даниэлю Стерну (псевдоним Марии д'Агу): Санд одета в мужской костюм, дополненный сигаретой, в то время как на Стерн мы видим элегантное женское платье.

Кружащаяся в белой тонкой ткани балерина романтиков довела до совершенства женский идеал невоплощения. Оба наиболее существенных для эпохи романтизма балета: «Сильфида», впервые поставленный в 1832 году, с Марией Тальони, танцевавшей главную партию, и «Жизель», поставленный в 1841 году, с Карлоттой Гризи в роли Жизель отвели женским героиням роль фей. Хрупкость их внешнего вида придала силу их самопожертвованию и трагической любви, тем более горькой. Тальони была первой балериной, танцевавшей на кончиках пальцев, что было изнурительной техникой, придавшей тем не менее ей иллюзию невесомости. Когда Девериа изобразил Тальони в одном из ее многочисленных популярных образов, он обошелся без условий, создающих эту иллюзию — пуантов, — и показал ее парящей над землей босиком.

Массовые образы женственности

Некоторые традиционные образы женственности продолжали удерживать женское воображение, но уже в новых индустриальных вариантах среднего класса. Религиозные изображения всегда были популярным товаром печатного производства, а с появлением технологии массового производства они могли распространяться и коллекционироваться в еще больших количествах. В своем новом, очень маленьком, формате зачастую раскрашенные вручную после

отпечатки, с кружевными контурами, эти «святые открытки» часто служили закладками в молитвенниках. Религиозные изображения юных дев, помещенные на святочных открытках XIX века, также внесли свой вклад в феминизацию религии. Многие открытки, казалось, были специально разработаны для того, чтобы поощрять девочек соперничать с католическими ролевыми моделями, прежде всего с Девой Марией.

Расширение ассортимента и рынка репродукций привело к его специализации. Жанр гравюр, репрезентировавших буржуазную женственность и предназначенный для женщин средних классов, распространился в первые десятилетия XIX века. Данный тип гравюр занял промежуточное положение между любительским женским искусством конца XVIII века и модными иллюстрациями, число которых постоянно возрастало после 1840-х годов. Модные иллюстрации обеспечили визуальный переход от показных, нейтральных образов к тем, которые начиная с последней трети XIX века репрезентировали женщин с исключительно коммерческими целями. Реклама, модные иллюстрации, гравюры — все изображали женщин статичными и неразговорчивыми манекенами, сознательно одетых в скрупулезно продуманные костюмы, помещенных в символически женские декорации. К домашнему интерьеру, саду, месту проведения семейных каникул, церкви и бальному залу постепенно добавлялись городские пейзажи, например музей, магазин и железнодорожная станция. Отождествление проходило не с отдельно взятой личностью, а с образом всей женственности, созданным определенным местом и костюмом. Графиня де Кастильоне выставила напоказ эту идентичность в более чем 400 фотографиях самой себя, сделанных где-то между 1856 и 1865 годами, а затем в 1895–1898 гг. В ряде фотографий мы видим явные отсылки к ней самой как к объекту самого образа. Использование рамок и зеркал напоминает нам о ее ремесле. Ее самопрезентация подчеркивает экстравагантную внешность, заменяющую собой внутреннее бытие.

Искусство за рамками господствующей тенденции

Отход от конкурировавших между собой сфер высокого искусства и сексуальности снизил престиж женщин-художниц, но расширил их экономические возможности и средства выражения. Ремесла или

второстепенные жанры живописи не только позволили женщинам зарабатывать себе на жизнь вне дома, но и предложили выход из дилеммы, созданной женским субъектом. Датированный 1917 годом автопортрет-миниатюра на эмали Марты Леклер фиксирует чувство уверенности, которое ощущалось в художественной карьере XIX века. Это безопасное пространство маркируется художественными средствами выражения. В созданный образ она включает столько же отсылок к роду своих занятий, сколько графиня де Кастильоне делала в своих фотографиях (гипсовый слепок, картины, пустой подсвечник, открытое окно, отражающее наружную сторону). Однако Леклер изображает себя поглощенной работой, а не выставленный напоказ зрителям образ.

Женщины создавали миры, смягчавшие гендерное различие. Француженка Роза Бонёр (1822–1899) и Беатрикс Поттер, сделали в высшей степени достойную карьеру благодаря рисункам животных. Бонёр, известная подобно Санд тем, что носила мужскую одежду, удостоилась золотой медали на официальной выставке Салона живописи в 1848 году, медали французского Почетного легиона в 1865 году и стала его офицером в 1894 г. Ее картины и право их воспроизводства продавались за огромные суммы денег. «Лошадиный рынок» (*"Marché aux chevaux"*) (1853 г.) был продан лондонскому торговцу за 40 тыс. франков, а позднее американскому коллекционеру за 55 тыс. долларов.

Мало сохранилось акварелей Поттер, но в них заметно большое воображение, с течением времени успех Поттер затмил даже Бонёр. У Поттер не было профессионального образования, и ее первые детские книги выросли из иллюстрированных писем, которые она посылала своим юным друзьям. Свою первую книгу она назвала «Питер-кролик». Изданная первоначально в октябре 1902 года тиражом в 8 тыс. экземпляров, к концу года книга выдержала еще два издания общим тиражом в 28 тыс. копий. Популярность Поттер не ослабевает и до сих пор; ее работы переиздаются, ей без конца подражают, а ее книги по-прежнему публикуются; ее оригинальные рисунки коллекционируются музеями и недавно получили признание созданием отдельной музейной экспозиции.

Подобно искусству Поттер, американские стеганые одеяла (квилты) были спасены от того, чтобы быть выброшенными на обочину. После того как изготовление стеганых одеял перестало быть безличным ремеслом, они теперь ценятся как за индивидуальное авторство поверхности, так и за коллективное женское производство окончательного, сшитого вместе, варианта. Обычно американские изготовители стеганых одеял выбирают абстрактные или крайне стилизованные

мотивы. Тем не менее их образы имеют дело не только с аспектами частной жизни, например дружбы, смерти и брака, но и с общественными вопросами, подобно религиозным верованиям, отмене рабства, запрете продажи алкоголя. Гарриет Пауэрс соединила вместе пятнадцать сцен, чтобы изобразить Божье апокалиптическое наказание неправедных и искупление невинных на своем Библейском квилте 1886 г.. Этот квилт является одним из немногих уцелевших произведений искусства, в которых прослеживается визуальное африканское наследие чернокожих американцев. Пауэрс искусно соединила стиль и технику аппликации Фон Дахомеев [1] с американскими формами и техниками изготовления стеганых одеял, создав резонирующий и утонченный образ человечества, животных, Бога и небес. В центре основания находится свинья, символ независимости и напоминание о пути, проделанном рабами к свободе.

Идентичность художницы

Осознание женщинами самих себя в высоком искусстве и отношение к ним со стороны мужчин развивалось постепенно. Эдгар Дега был настолько заинтересован изображением своей коллеги Мари Кассатт, хранившемся в Лувре, что перерабатывал его двадцать четыре раза. Он изображает ее обращенной к картинам, ее внимание передается выравниванием головы и плеч по осям рамок самой картины. И все же в его изображениях она предстает не как создательница картин, а как простая их зрительница. Эдуард Мане создал одиннадцать портретов своей коллеги Берты Морисо, и, хотя он отдавал должное ее интеллекту, равно как и ее красоте, он ни разу не написал ее в качестве художницы.

Движение импрессионистов развило у Кассатт и Морисо чувство уверенности в себе до беспрецедентного уровня. В 1893 году Морисо написала картину, которая, подобно работе Бест, настаивает на множественности ее идентичности. На заднем плане изображения своей дочери Морисо воспроизводит два портрета: справа — узкий кусок портрета ее мужа кисти Дега, слева — ее собственный портрет, написанный Мане. Морисо объединила себя со своим мужем и дала своему ребенку родословную, сознательно усиленную материнской линией. Более того, отношениям мать–ребенок Морисо придала новое измерение,

[1] По имени народа фон, основавшего королевство Дахомей в 1625 году (в Западной Африке). — *Примеч. редактора.*

поскольку, изобразив себя и свою дочь вместе, но на разных стилистических уровнях, она установила между ними связь в большей степени интеллектуальную, нежели физическую. И мать, и ребенок — каждый занимается творчеством, живописью и музыкой, что одновременно объединяет и разъединяет их.

Женщины за работой

Намного проще, нежели размышлять над вопросами идентичности, было бы изобразить женщин, занимающихся тем, чем, как предполагалось, они и должны были заниматься, на тех местах, к которым, считалось, они уже принадлежали. В изобразительном искусстве XIX века обращение намного чаще происходило к шитью, чем к каким-либо иным женским занятиям, даже такой традиционной роли, как труд крестьянки. Намного теснее идентифицируемое с гендером, чем с классом, шитье предоставило способ репрезентации женской работы, который избегал противоречивых вопросов социального или экономического неравенства, а также промышленного труда тем, что отвлек внимание своим единодушием по поводу женственности. Обычно женщин из рабочего класса изображали на кухне, занятыми домашними делами — шитьем или приготовлением еды. Реклама швейных машинок эксплуатировала отождествление шитья и женственности и обещала усовершенствованное выполнение традиционных ролей. Одна из реклам Зингера 1896 года назвала свой продукт «машиной матери» и «самым желанным свадебным подарком», который «в высшей степени способствует домашнему блаженству». Гигантская буква «Z» вьется вокруг полной фигуры уверенной в себе матроны. Таким образом, несмотря на промышленную революцию, гендерные различия сохранились на предприятиях, где существовала потогонная система, поскольку женщины работали на швейных машинках, либо дома, либо на фабрике.

Даже новейшие средства информации препятствовали включению женщин в общественную рабочую силу, тиражируя консервативные образы. Популярная литография Ларилюмэ изображает двух модисток, разносящих свои товары. Одна модистка шепчет другой: «Смотри! Он преследует меня». Ларилюмэ интерпретирует сексуальную свободу, которой на деле женщины-работницы могли пользоваться, как свидетельство их доступности, которая поощряет мужчину-хищника. Женщины из рабочих слоев общества увековечивали изобразительные

стереотипы тем, что примеряли иа себя иаряды средиего класса, которые придавали им достоинство иа людях.

Реформаторы трудового закоиодательства, которые могли быть вполне радикальиыми в иекоторых отношеииях, использовали для продвижения своего дела коисервативные геидерные образы. Кампания за сокращение рабочего дня прибегла к геидериому идеалу средиего класса в своих интересах. Долгие рабочие дии «делают семью иесчастной»: мужчина идет в бар, несмотря на просьбы своего худого ребенка, в то время как жеиа его одиноко стоит иа улице. Короткий рабочий день «делает семью счастливой»: мужчина играет с толстеньким, едва иачавшим ходить ребеиком иа пороге дома, где стоит его опрятиая жеиа.

Исключение, подтверждающее правило, привел Артур Манби. Он коллекционировал фотографии, на которых изображались женщины, занятые на таких работах, как например мойка посуды, уборка, рыболовство, добыча руды. Чем грязнее была работа, чем неженственнее было телосложение или одежда, тем активнее он искал эти фотографии. Дневники Манби рассказывают нам о том, как он вынужден был поручать делать многие из своих фотографий или же фотографировать самому, так как качество снимков, к которому он стремился, встречалось крайне редко.

Интимный взгляд камеры

Откликом иа иовое стала фотография. Внимательные к результатам таких промышленных изобретений, как телефонный коммутатор, фотографы также пытались запечатлеть ранее иевидимые аспекты жизии женщин. Реформаторы социальиой сферы, подобио Джейкобу Риису, брали камеры с собой в городские трущобы, дабы показать ту иищету и деградацию, которую многие представители среднего класса ие могли себе даже и вообразить. Фотографии Рииса шокировали ие только потому, что отражали условия жизии иммигрантов, ио также и из-за того пафоса униженя, иа котором ои акцентировал внимание. На фотографии 1889 года «Итальянская мать с ребенком, Джерси стрит» и пытался усилить привлекательиость предмета отображеиня, изобразив ее как мать и как жертву.

Врачи использовали фотографию, чтобы заменить или дополнить устные или печатные описания болезией. Наиболее широко ею пользовался Жан Шарко для документирования своего исследования женской истерии. Фотография тела, считал ои, может помочь заглянуть внутрь

разума. В качестве моделей он использовал тех пациентов, у которых наблюдались наиболее четкие соматические симптомы их умственного расстройства и которые могли бы вновь продемонстрировать их перед камерой. Каждое изображение Шарко классифицировал и дал название как одной из стадий истерии, например «Выражения страсти — Угроза», таким образом, чтобы это могло служить в будущем в качестве образовательного и диагностического инструмента.

Как только была изобретена фотография, сразу же одним из ее плодов стал эротизм и порнография. Были переработаны позы и темы, использовавшиеся на старых фотографических изображениях, но кроме этого новый способ ретуширования предложил делать меньший упор на намек на движение или же напоминающий сюжет, а больший — на подробное обнажение половых органов. Раскрашенные вручную стереоскопические фотографии, которые нужно было рассматривать через специальные приспособления, прикладываемые к лицу, что создавало трехмерную иллюзию, произвели особенно сильный эффект интимной близости. Социальные реформаторы, ученые и фотографы нашли истинную ценность их фотографий в механико-оптической точности самого аппарата. Но то, что камера добросовестно запечатлевала, было делом выбора предмета, стоящего перед объективом, выбора оформления, позы, обрамления, освещения, модели и того момента, который продолжал, подобно сделанным вручную изображениям, находиться под влиянием культурных установок о женской нищете, здоровье и сексуальности.

Женское сексуальное желание

Эротические изображения в средствах массовой информации практически всегда создавались мужчинами. Женщинам редко позволялось даже посещать анатомические классы или работать в качестве обнаженных моделей в школах искусства. Нравы среднего класса наложили абсолютное табу на изображение женщинами обнаженной мужской натуры. Вопиющим образом эти табу были нарушены Камиллой Клодель. Скульптуры Огюста Родена, изображавшие гетеросексуальную любовь, подобно «Поцелую» 1886 года были провозглашены классическими репрезентациями универсальной силы любви, но аналогичное произведение 1888–1905 гг. Клодель «Отказ» способствовало ее маргинализации. Если бы, как это обычно утверждалось, Клодель просто имитировала Родена, то

жест ее был бы уже знаковым утверждением того, что женщины, так же как и мужчины, могут избрать предметом своих творений эротику. Между тем «Отказ» в достаточной степени отличается от «Поцелуя», чтобы предложить альтернативный образ женского сексуального желания, в высшей степени исключительного в истории искусства XIX века. Клодель представила желание не как отношение силы, при котором женщина снизу льнет к господствующему над ней мужчине, а как взаимный отказ двух тел. Он страстно преклоняет перед ней колени; она, сильная и мускулистая, отдает себя ему. Чувство моделирования и техника резьбы позволили Клодель отобразить физическое присутствие сексуальности. Ни один другой художник, даже Сюзанна Валадон, бывшая модель, которая создала смелые образы обнаженного женского тела, не нарушили сразу так много культурных запретов.

Окольные пути художниц

Женщины нашли множество разнообразных обходных путей вокруг художественных сфер, доступ в которые был им запрещен. Наиболее успешной среди множества женщин, занимавшихся ландшафтным творчеством, была Гертруда Джекил, которая превратила природу как таковую в пространственное и временное произведение искусства, что часто относилось и к архитектуре. Джекил не только спроектировала знаменитые сады, например Манстед Вуд, в качестве декораций для зданий знаменитого архитектора Эдвина Лутьена, она также и фотографировала свои работы, с тем чтобы потом использовать их в своих четырнадцати книгах по искусству планировки садов, которые были опубликованы между 1899 и 1925 гг.

Некоторые женщины, наиболее известные из которых Изабелла Стюарт Гарднер и Нели Жакумар, вместе со своими мужьями коллекционировали произведения искусства и основали несколько музеев, дабы институциализировать их достижения. После смерти своего мужа Гарднер спроектировала музей, названный ее именем, в котором в единое целое были скомпонованы произведения архитектуры, живописи, декоративных искусств, а также растения. Музей обращен вовнутрь, на центральный двор, и включает в себя домашние апартаменты для его директора, подобно всем домам-музеям, его галереи похожи на комнаты в доме. Но Гарднер пошла дальше других основателей музеев и подчинила шедевры живописи собственным инсталляциям, которые она защитила своим завещанием.

Общественная сфера

К началу XX века женщины стали требовать допуска в публичную сферу по более конкретным направлениям. В середине XIX века были учреждены первые женские колледжи в Америке и Англии. В альбомах, а позднее в ежегодниках женских колледжей прослеживается их приспособление к академической жизни. В 1885 году студентки колледжа Уэлсли впервые направили петицию преподавательскому составу: «Мы сознаем, что изменение вызовет толки и что многие посчитают нас чересчур радикальными, но мы чувствуем, что готовы встретить эти толки настолько хорошей и подходящей защитой нашего положения, что она оправдает нас в глазах мира»[2]. Первоначально женщины представали перед объективом фотоаппарата в мантиях только на маскарадах. Береты и мантии со всевозрастающей частотой стали появляться, особенно при совершении университетских ритуалов, с 1880-х годов, когда женщины позировали для групповой выпускной фотографии в академических регалиях, утвердив себя как членов интеллектуального сообщества и традиции.

Зрелищность суфражистской кампании привлекла к ней международное внимание. Особенно в Англии женщины, дабы сделать дело, которому они служили, заметным, использовали знамена, значки, плакаты, цветные ленты, парадность и, помимо всего прочего, самих себя. Члены Суфражистской лиги художниц и Суфражистская студия использовали рабочую силу дюжин, а иногда и сотен сшивальщиков, чтобы создать более 150 новых знамен, украшенных такими лозунгами, как например «Лучше мудрость, чем оружие»[3]. Держа в руках эти эмблемы, женщины маршировали по лондонским улицам: 3 тыс. человек в 1907 году, 30 тыс. в 1908 году, 40 тыс. человек в 1911 году[4]. Впервые организованные группы женщин взяли под контроль сферу образов и создали с ее помощью свою общественно-политическую идентичность.

Итог наследию, оставленному нам художницами XIX века, подвела фоторгафия миссис Герберт Дакворт, сделанная Джулией Маргарет Камерон в 1867 году. Камерон, подобно множеству с воодушевлением занимавшихся искусством женщин, обладала многими талантами и фактически не имела профессионального образования. Она сделала короткую, но стремительную карьеру в маргинальной

---

2 Wellesley College archives, Wellesley, Mass.

3 Lisa Tickner. *The Spectacle of Women: Imagery of the Suffrage Campaign, 1907–1914* (London: Chatto and Windus, 1987), p. 71.

4 Ibid, p. 74–75, 80–81, 93–95, 122–123.

сфере, что позволило ей примирить семейные обязательства с эстетическими амбициями, работать дома и использовать в качестве предметов своего творчества местных жителей, друзей и членов семьи, например свою племянницу Джулию Дакворт. Для дочери Джулии, Вирджинии Вульф, Камерон была одновременно эксцентричной женщиной и образцом для подражания. Вульф набросала черновик комедии о своей тете, а также впервые после смерти Камерон переиздала сделанные ею фотографии. «Викторианские фотографии знаменитых мужчин и прекрасных женщин» увидели свет в 1925 году с предисловием, написанным Вульф. Но сколько еще предисловий к женскому искусству по-прежнему ждут, чтобы их написали!

Перевод И. А. Школьникова

ЧАСТЬ III.

Женщина-гражданка: публичное и частное

Семья — это женская работа

Женевьева Фрес и Мишель Перро

Новое определение политического, возникшее в XIX веке, повлекло за собой и новое, коренным образом измененное, определение гражданского общества. Теоретики (главным образом англоязычные) и общественные деятели различали «публичное» и «частное» и пытались приравнять каждую «сферу» к определенному полу. Однако, несмотря на все их усилия, эти сферы и каждый пол пересекались и частично совпадали друг с другом, границы их представлялись размытыми и изменчивыми. Публичная сфера не была исключительно мужской, равно как и частная не была исключительно женской. Женщины то и дело входили в общественную сферу, а благодаря салонам, их дома оставались открытыми для внешнего мира. Точно так же не были абсолютно удалены от частной сферы и мужчины: их власть в семье имела значительный вес. «Гражданская женщина» одновременно была фигурой одновременно общественной и частной: дома, в городе, в семье и в обществе. Поэтому мы должны быть осмотрительны, дабы не угодить в капкан этого дискурса, и осторожны в разрушении традиционных стереотипов.

Тело, сердце, сексуальность, работа, одиночество — эти понятия имеют принципиальное значение. Тело женщины является одновременно публичным и частным. Важны были образы, внешность — красота, манера держаться, одежда — стала предметом обсуждения. Женщины, принадлежавшие к тому, что Веблен назвал «праздным классом», будь то аристократки или женщины из буржуазии, были предназначены для общественного театра, служившего заменой придворному обществу ушедшей эпохи, и следовали светскому, ограничивающему этикету. Индустрия одежды была до мозга костей женской, начиная с производства и заканчивая потреблением,

и, несомненно, служила механизмом повышения уровня экономического сознания женщин.

Поскольку женщины вынашивают детей, их тела являются принципиальным звеном функционирования общества. Деторождение стало государственным делом. Врачи оттеснили акушерок от постелей рожающих женщин, в то время как демографы внимательно наблюдали за женскими спальнями, подозревая женщин, уже ставших матерями, в практиковании абортов, то есть в осуществлении коварных форм контроля над рождаемостью. И хотя призыв неомальтузианцев к «свободному материнству» по-прежнему не был еще широко услышан, женщины, казалось, хотели иметь все меньше и меньше детей, и отныне необходимо было считаться с демографическими последствиями этого желания.

Конечно же, понятие «публичная женщина» имело более зловещее значение. Действительно, во имя гигиены и «чистоты расы» все больше и больше возрастал контроль над проституцией. И хотя мужчины пытались воздвигнуть нерушимую стену между семьей и борделем, или «любовным гнездышком», полное отделение было невозможным. Способам предохранения учились в публичных домах. Передающиеся половым путем заболевания приносились мужчинами из непристойных домов в семью. Сами по себе проститутки были всего лишь временными посетительницами в этих владениях, и многие, как только предоставлялась возможность, рвались к нормальной семейной жизни. К концу XIX столетия границы респектабельности оказались еще более строгими, «порядочные» женщины все больше отделялись от тех, кто таковыми не являлся.

Проститутки даже в глазах самих женщин двусмысленные фигуры: объекты страха и презрения, но в то же время сострадания и сочувствия, символы воображаемой свободы и одновременно еще большего угнетения. «Чистота» стала предметом обсуждения на одном из крупнейших собраний женщин XIX века, которое прошло в Лондоне в 1885 году, когда женщины вышли на улицы в знак протеста против презрительного отношения к их полу. Так, через один из наиболее интимных аспектов своего бытия женщины приобрели общественную роль.

Женщины требовали для себя хоть какую-то частичку сексуальности, руководствуясь «желанием знать», на пути которого стояли старозаветные табу. Этот век не был веком женского сексуального «освобождения». Лесбиянки вели незаметную жизнь, к их сексуальным предпочтениям относились толерантно, поскольку мало их понимали и едва ли признавали (некоторые называли это «псевдогомосексуальностью»). В любом случае лесбийская любовь была менее скандальной,

нежели мужская гомосексуальность. Поэтому лесбиянки избегали неприятностей с властями и могли защитить свою частную жизнь.

Что касается женской работы, то ее невозможно понять в отрыве от семьи. Семья была необычайно важна в жизни работающей женщины, поскольку ее семейное положение, а также количество и возраст детей, обуславливали ее доступ к рынку труда. Характер женской работы коренным образом не изменился в результате процесса индустриализации, которая коснулась и семьи, или урбанизации, которая увеличила возможности для домашнего труда. Лишь во второй половине XIX века женщины превратились доминирующую группу в сфере домашнего труда. Экономисты пытались определить характерные черты женского труда и найти естественно обоснование таким понятиям, как «женская работа» и «женские профессии». Как мы увидим впоследствии, разделение труда по признаку пола являлось результатом созданного экономистами, работодателями и профсоюзами языка, анализ которого поэтому представляется исключительно важным. Различия между полами — это зачастую социальная выдумка.

Точно так же трудно оценить и одиночество женщин, учитывая множество негативных стереотипов, которые затемняют реальность. Одиночество не является статичным состоянием, это постоянно меняющееся отношение ко времени, к другим, к себе. Оно может быть мимолетным опытом, который время от времени может испытать каждая женщина. Растущая дифференциация в продолжительности жизни мужчин и женщин означала появление большего количества вдов. Предмет этот заслуживает своего собственного изучения наряду с историей старости. Как бы там ни было, но некоторые формы одиночества приобретают более крайние формы, чем другие. Одиночество тех женщин, которым не удалось реализовать свои мечты, значительно отличалось от одиночества тех, кто выбрал независимость, кто предпочел заплатить цену незамужней жизни ради большей свободы (во французском законодательстве положение *"la fille majeure"*, буквально «взрослой девочки», достигшей совершеннолетия, приравнивалось к положению мужчины).

Предметом изучения могли бы стать и многие другие сферы: деньги, социальные отношения или, к примеру, насилие. Существует необходимость в сравнительном исследовании брачных контрактов и практик приданного, юридических прав женщин вести дела и управлять семейным бюджетом, а также той роли, которую женщины играли в семейном бизнесе и проблему наследственных прав.

Кроме того, необходимо проведение сравнительного исследования и публичного пространства, в особенности в городах, поскольку наблюдения (сделанные, например, такими путешественниками XIX сто-

летия, как Токвиль, Флора Тристан и Жюль Валле), которые касались того, как мужчины и женщины вели себя иа публике, иаходясь вместе, и как желанию держать женщин в изоляции постоянно мешали их спонтанные передвижения. Являлись ли «фемииизированные» салоны по-прежиему центрами жеиской власти? Были ли кафе столь «маскулинизированными», как это утверждалось?

Насилие, совершаемое в семье или обществе в отношении женщин или же самими жеищииами, является исключительно точным показателем сохранения (или упадка) патриархата. Инцест, изнасилования, сексуальные домогательства иа работе, «соблазиение путем обмана», преднамерениое лишение пищи, избиения — все это символы физического угиетения женщин, размах которого трудио измерить[1]. С другой стороны, постоянные разговоры о «женщинах-преступницах», иесмотря иа статистические доказательства того, что женщины составляли меиее 20% от общего числа людей, осужденных за совершение преступлений, показывают, какие фантазии питали страх перед равиоправием и бунтом. Александр Дюма связывал воедино «Женщии, которые убивают, и женщин, которые голосуют» (1880 г.), одиовремеино выступая за проведение иеобходимых реформ. Дайте им их права, иамекал ои, или они убьют иас![2]. Даже крайне противоположные формулировки, присущие криминологическому дискурсу (вот еще одии язык для изучения), обиаруживают следы иапряжеиных отношений между полами.

Перевод И. А. Школьникова

---

1 Anne-Marie Sohn. “Les Attentats a la pudeur sur les fillettes en France (1870–1939) et la sexualitй quotidienne”, *Mentalités* 3 (1989). Этот же выпуск содержит статьи Эми Гилман Сребник и Дж. Валковитц: Amy Gilman Srebnick, “L’assassinat et le mystйre de Mary Rogers”; Judith Walkowitz. “Jack l’йventreur et les mythes de la violence masculine”, также опубликованных в: *Feminist Studies* 8:3.

2 Anne-Louise Shapiro. *Love Stories: Female Crimes of Passion in Fin de Siécle Paris* (выход в свет в 1991 г.). — Книга появилась под названием: Anne-Louise Shapiro. *Breaking the Codes: Female Criminality in Fin-de-siecle Paris* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1996). — *Примеч. редактора.*

13

Тела и сердца

Ивонна Нибиллер

В 1800 году появился новый модный предмет мебели, известный как псише (*psyche*), или высокое зеркало на подвижной раме, названное так, чтобы можно было рассмотреть себя с головы до пят. Сейчас *psyche*, конечно же, означает «душа». Содержится ли в этом слове намек на новую женскую идентичность, ту, которая объединила все женское тело? Пока нет. Женщин XIX века, большинство из которых были верующими, в действительности очень набожными, учили, что тело является врагом души, основной помехой на пути к спасению. И в любом случае женское тело, столь часто выводимое из строя беременностью, рождением детей и кормлением грудью, буквально было олицетворением отчужденного женского существования в качестве служанки всего человеческого рода. Как могли женщины отождествлять себя с *этим*?

И наоборот, сердце являлось средоточием женской идентичности. На этом сходились и светское общество, и религия. Антропологи и врачи учили, что чувственность, эмоции и инстинкты, которыми женщины были столь щедро одарены, служили источником незаменимых для надлежащего функционирования общества качеств. Почитание Святого Сердца Господня стало широко распространенным явлением в католических странах. Иконография данного культа изображала Христа с разверстой грудью, внутри которой покоилось сердце, так же разорванное глубокой раной: все это были символы непосредственного и напряженного общения, в основе которого лежал не разум или наука, но чудо любви[1].

---

[1] Paola Di Cori. "Rosso e bianco. La devonzione al Sacro Cuore di Gesu nel primo dopoguerra", *Memoria* 5 (Turin) (November 1982); см. также: "Sacro e profano", Ibid, p. 82–107.

Между тем развитие гигиены стало укреплять контуры образа тела, до этого размытые и фрагментарные. Возникли новые способы ухода за телом, функциональные приоритеты которых были изменены снижением уровня рождаемости. Высокая культура оказывала свое влияние на образование женщин и вытесняла персональные формы обучения. Медленно, но верно (и чрезвычайно осмотрительно) женское сознание стало уходить в сторону от своего традиционного места.

Тело

В условиях последствий революционного кризиса тело вызывало не так уж много рассуждений, но красота вновь обрела престиж[2]. В то время как христианские моралисты относились к красоте с подозрением, натурализм Просвещения реабилитировал ее. Красота была не только полезным стимулом для репродуктивного акта, но также служила и подлинным законным оружием слабого пола, с помощью которого он мог надеяться укротить пол сильный. Тем не менее, чтобы сделать это, он был обязан признать свое отличие. Половой диморфизм, таким образом, утвердился как догма в ущерб индивидуальной морфологии. Позитивные ценности приписывались всему, что означало чувствительность и нежность: коже, настолько тонкой, что под ней проглядываются сплетения нервов, мягкой плоти, чтобы убаюкать ребенка или успокоить страдающего, хрупкому телосложению, крошечным рукам, маленьким ступням. Но ценность, помимо этого, приписывалась и тому, что служило знаками природных репродуктивных функций: округлым бедрам, полной груди, упитанному телу.

Социальное определение: новые функции красоты

Мужеподобная женщина выглядела по меньшей мере нелепо. Свидетельством тому служит и долговечный успех корсета, вновь возвратившегося в 1810 году. Однако новый корсет не был таким высоким и жестким, как старая модель из китового уса. Назначение нового корсета отныне было эстетическим: сделать талию более стройной и подчеркнуть грудь и бедра. Более того, корсет позволял «благопристойной» женщине все время контролировать форму своего тела и осанку. Он зорко опекал ее физическое и нравственное достоинство. Тем не

---

2 Yannick Ripa. "L'Histoire du corps, un puzzle en construction", *Histoire de l'education* 37 (January 1988): 47–54.

менее долговечность не означала постоянство формы. Доказательством этому были две широко известные в мире личности: на пороге XIX века стояла ослепительная фигура утонченной, белокожей и целомудренной Джульетты Рекамье, в то время как и в течение последующих десятилетий продолжала поражать зрелищем переполнявшей ее чувственности графиня де Кастильоне.

Романтики мечтали о неземной, эфирной женщине, и талантливые оперные балерины точно отвечали всем требованиям. Танец на пуантах (недавно изобретенная техника) делал силуэт более тонким и позволял совершать практически невесомые полеты. Такие балеты, как «Сильфида» (1832) и «Жизель» (1841), временно освобождали женщин от уз плоти. Героини романов отличались стройностью и изящностью. Их лица, зеркало души, выражали внутреннюю бурю. Томная бледность, по возможности подчеркнутая темными волосами, круги вокруг глаз, а также огромное количество пудры символизировали страдания романтической личности.

К середине XIX века в моде вновь оказалось хорошее здоровье. Декольтированные вечерние платья выставляли напоказ пышные формы во всей их молочной чувственности. Женщины обнажили грудь и выпрямили позвоночники так, чтобы радовать мужской глаз видом пышного бюста или захватывающим зрелищем осиной талии: искривление позвоночника стало буквально эпидемией для слабого пола. Даже после того как бледность вышла из моды, нежный цвет лица оставался неоспоримым критерием красоты. Дамы стремились сохранить перламутровый, жемчужно-белый цвет кожи в доказательство того, что они редко бывают на открытом воздухе и любят находиться дома. Наряду с округлыми формами и белизной кожи с красотой ассоциировались и пышные и блестящие волосы. В моде были длинные «английские» локоны, которые можно было накручивать на палец, равно как и взбитые завитки, толстые ленты для волос и тяжелые узлы — допускались и накладные волосы для создания более пышных причесок. Бедные крестьянки, таким образом, могли заработать немного денег, продавая свои волосы, что являлось жестокой жертвой и неизменно тяжким ударом, особенно для их мужей. Волосы из-за страха перед простудой не мылись, но регулярно чистились. Считалось, что их запах должен сводить мужчин с ума. Однако обоняние становилось все более разборчивым. Эманации женского тела, долгое время считавшиеся возбуждающими (в соответствии с Мишле), отныне вызывали отвращение, возможно, из-за городской скученности, возможно, из-за всевозраставшей искушенности в любовных делах. Постепенно росла популярность одеколонов.

Отмена привилегий после революции усилила строгую уравновешенность в мужской одежде. Честолюбивые мужчины демонстриро-

вали свой успех или свои притязания на тела жен и любовниц, чей вид и пышный наряд должны были впечатлять. Возможно, никогда ранее в истории женщины не наворачивали на себя такое количество материи. Платья, облегающие и легкие во времена Первой империи, превратились в объемные одежды эпохи кринолина (1854–1868 гг.): в те дни юбка могла измеряться десятью футами в диаметре и требовала более тридцати ярдов ткани. Ей было трудно двигаться и сидеть. Поход в дамскую комнату требовал помощи служанки. Позднее эти монументальные облачения были вытеснены турнюрами и шлейфами, которые привлекали внимание к фигуре. Отныне высота талии, формы рукавов и вырезы варьировались от сезона к сезону. Мода ускорила производство однодневок, дабы предвосхитить любую возможность демократизации. В этой игре великосветские дамы уступили дамам полусвета: самообладание стало тогда признаком истинной элегантности.

Важнейшие нововведения появились, когда в индустрию моды вошли мужчины. Во времена Первой империи Леруа сумел создать свою марку, но истинным отцом *haute couture*[3] был все-таки Уорт. Именно он первым подумал об использовании живых моделей на показах мод. Кроме того, именно он способствовал производству переливчатой ткани и красивых украшений, придававших женскому туалету отпечаток индивидуальности. Его очаровывающие творения и умопомрачительные счета славились наряду с его высокомерием: в его доме даже великосветские дамы подолгу просиживали в приемной.

Несмотря на существование дизайнерских заведений, у швей-одиночек, число которых без конца росло, впереди еще были светлые деньки. Однако угроза их доходам исходила с другой стороны — со стороны индустрии по производству готовой одежды, которая изменила стиль женской одежды. В начале XX века многие предметы туалета и бижутерия перешли от одного класса к другому: этот грозный искуситель и случайный посредник, *marchande a la toilette*[4], покупал подержанные платья, накидки с капюшоном, капоры, ночные сорочки и затем продавал их молоденьким кокеткам. Позднее универмаги (также нововведение) стали продавать те же предметы, но только новые. Просторные, хорошо освещенные, со стеллажами одежды, которую каждый мог посмотреть, ощутить и примерить, эти магазины предложили женщинам сущее пиршество для глаз, а также рук и воображения — новый источник счастья. Поход по магазинам, отныне полный всяческих сюрпризов и искушений, становился еще более завораживающим, по мере того как падали цены. Скромные женщины из неимущих классов впа-

[3] Высокая мода (фр.).
[4] Рынок одежды (фр.).

дали в эйфорию от этой невообразимой до той поры широты выбора. Женщина, которая привыкла носить одно и то же голубое или серое платье в течение десяти лет, теперь могла позволить себе покупать в год несколько коленкоровых платьев различных оттенков.

Тем не менее новая мода встречала и сопротивление. Долгое время незатронутыми веяниями городской моды оставались сельские районы. Разумеется, тот уровень благосостояния, которого достигли сельскохозяйственные области после 1850 года, нашел свое выражение в красивых одеяниях. Наиболее живописные из них распространились в Голландии, Баварии, Эльзасе, Бретани и местностей вокруг Арли. Условности и традиции были представлены комплексом норм: форма, цвет, объем, украшения для волос, шарфы, передники, юбки — все было символом. Внезапно в течение нескольких лет после 1880 года народные костюмы исчезли, превратившись в «фольклор».

Религиозные одежды просуществовали дольше[5]. Людей изумляли новые одеяния, множество новых фасонов. Неслыханное внимание уделялось таким деталям, как чепцы, вуали, ленты для волос, воротнички, наплечники, рукава и манжеты, цвета и материя. Здесь одежда была мистическим символом, каждый ее предмет выражал дух раскаяния. В век, когда многие женщины по-прежнему не умели читать, ряса монашенки преподносила урок более влиятельный, нежели простые слова.

Кроме того, одежда символизировала и невинность. Теперь, по крайней мере в городе, невесты одевались в белое. Платье для первого причастия было белым. Белым же был и прозрачный муслин платья для первого бала, указывавший на нетронутое целомудрие. Молодая девушка превратилась в лилию, голубку: ее свежая невинность была подобна весне. Она не имела права на роскошь: скромность стала ее уделом. Однако роскошный внешний вид ее матери делал брак похожим на грядущее цветение, цветение красоты и одеяния[6]. Одежда также подчеркивала и ступени роста, формирования личности. Юбка юной дамы тянулась по земле, а волосы были тщательным образом уложены. Девочка в период полового созревания могла заплетать свои волосы или носить их под сеточкой, в то время как ее юбка доходила лишь до щиколоток, но не ниже. Очень маленькая девочка «в сознательном возрасте» носила волосы распущенными. Ее платье позволяло увидеть ботинки или даже кальсоны. В работах таких писателей, как графиня де Сегюр и Льюис Кэрролл, маленькие девочки выступают

[5] Odile Arnold. *Le Corps et l'eme: la vie des religieuses au XIXe siucle* (Paris: Editions du Seuil, 1984), chap. 3.

[6] Yvonne Knibiehler, Marcel Bernos, Elisabeth Ravoux-Rallo, Eliane Richard. *De la pucelle a la minette. Les Jeunes Filles de l'ege classique a nos jours* (Paris: Messidor, 1989), p. 97–99.

в роли сильных персонажей. Софи в возрасте четырех лет уже была бунтовщицей, а Алиса прошла сквозь зеркало, чтобы открыть свою собственную Страну чудес[7].

Достойна размышления и странная судьба женских брюк: то, что было табу в начале XIX столетия, к его концу превратилось в неприличный предмет нижнего белья. Действительно, это табу никогда не препятствовало женщинам одеваться, как мужчины, будь то из-за соображений удобства (так например мадам Марбути была рада переодеться мужчиной, чтобы сопровождать Бальзака в Турин в 1836 году) или же духа эмансипации (как это было в случае с Жорж Санд, которая разошлась со своим мужем, или же в случае с везувианками[8] в 1848 году). Однако все это было лишь подтверждающим правило исключением. Тем временем в моду вошли панталоны. От оперных танцовщиц требовали, чтобы они во имя благопристойности носили блумеры (бывшие прообразом пачки), а позднее это требование предъявлялось и маленьким девочкам. Первыми широко использовать их начали в 1820-е года проститутки. Пожилые матроны начали носить кальсоны, когда кринолиновый остов стал держать верхние и нижние юбки на расстоянии от тела, что привело к достаточно большому притоку воздуха в пространство между корсетом и подвязками. Но было ли так необходимо, прикрывая это пространство, разделять бедра и блокировать влагалище? Если трусики победили, то в первую очередь это было символично: битва с тем, кто будет «носить штаны» (продолжительная тема популярного образа), свидетельствует о важности того, что было поставлено на карту. Женское нижнее белье сразу же стало «незаменимым» и «неприличным»: из-за того, что оно означало, о нем не могли даже говорить. В это время бедра и даже ноги стали рассматриваться как неприличные. Викторианское ханжество зашло настолько далеко, что прикрыло даже ножки столов. Было ли случайностью, что знаменитый французский канкан «Бель-эпок» (начало XX века), это дерзкое проявление контркультуры, демонстрировал изобилие ног, ног, ног, взлетающих в диком темпе?

Блумеры, комбинации, кружевные корсажи, нижние юбки, лифчики, манишки и другие изыски: это время стало свидетелем беспрецедентного распространения женского нижнего белья. Механизация текстильной промышленности и снижение цен на хлопчатобумажные товары лишь частично этот феномен может объяснить. Почти невро-

[7] Catalogue, *Les Petites Filles modernes*, edited by Nicole Savy, Les Dossiers du Musée d'Orsay, 33 (Paris, 1989).

[8] Группа парижских женщин, вооружившихся вокруг «Политической конституции женщин» во время революции 1848 года во Франции, они носили мужскую одежду и требовали доступа во все публичных сферы. — *Примеч. редактора.*

тическая потребность прикрыть, обернуть и укрыть может свидетельствовать о поиске новых правил любовного общения, желания оказать честь как скромности, так и эротизму в контексте неторопливого, деликатного, более нежного сближения мужчины и женщины. Необходимо добавить, что подобные *froutfrous*[9] были роскошью, недоступной большинству женщин, которые обходились комбинациями и нижними юбками, сшитыми из старых платьев и которые вплоть до Первой мировой войны не носили блумеры. В 1903 году у сирот Бон Пастера[10] вообще не было белья: им выдавали одну грубо сшитую юбку, которая стиралась раз в три месяца, даже если была испачкана «неожиданностями женских органов».

На подушки надевали искусно вышитые кружевные наволочки: это также было тем предметом, который усиливал красоту дамы. На них она испытывала радость первой брачной ночи и рождения детей. Наряду с женским бельем, столовое и постельное белье всегда сопровождало женщину и помогало в выполнении женских обязанностей в постели, при украшении стола и во время ужина. Именно поэтому столь высоко ценилось приданое невесты, ее личное сокровище, неотъемлемая часть будущего. Сбор приданого представлял собой важнейшую ступень в воспитании девочки: она училась не только владеть иголкой, но и сидеть прямо и терпеливо работать, и в процессе этой работы она размышляла о бренности тела, его различных органах и функциях. В период между наступлением половой зрелости и замужеством девочка «помечала» свое белье, вышивая на нем свои инициалы, окруженные всегда искусными вензелями. Любовно хранимый, но редко используемый, это набор белья напоминал о годах девичества в жизни женщины, всегда являвшихся символом ее независимости. Важная роль приданому в особенности отводилась на юге Европы (юг Франции, Испания и Италия), там, где женщин держали в строгой узде. Но, возможно, это было наивным, упрямым выражением неприступной самовлюбленности?[11].

Производители белья, корсетов и прачки понимали, разделяли и льстили этой любви к тонкому, безупречному белью. По роду своих профессий эти женщины могли видеть тела своих клиенток и были причастны к их интимности. Зная множество секретов, они были осто-

---

[9] здесь: нижняя юбка, образованное от французского *frou-frou*, что означало звук шуршания шелковых нижних юбок (фр.). — *Примеч. переводчика.*

[10] Добрых пастырей (фр.) — женский монастырь (конвент), организовавший специальный сиротский приют, а также оказывали помощь бедным и бездомным женщинам. — *Примеч. редактора.*

[11] Agnes Fine. "A propos du trousseau: Une culture fiminine?" in Michelle Perrot, ed. *Une Histoire des femmes est-elle possible?* (Marseilles and Paris: Editions Rivages, 1984), p. 155–188.

рожными соучастницами своих хозяек, что само по себе выходило за рамки социальных различий. Бесчисленное количество женщин занималось этим ремеслом; многие из них неплохо зарабатывали и гордились своей профессией, подобно Жервезе из романа Золя «Западня».

В начале XX века вид женского тела вновь радикальным образом изменился. В 1905 году один кутюрье, Пуаре, решил избавиться от корсета. Его скромные элегантные платья были гладкими и текучими, сшитые таким образом, чтобы подчеркнуть стройную фигуру как можно более выгодно. Тем временем американская танцовщица Айседора Дункан отказалась от пачки и балетных тапочек и танцевала босиком в легкой тунике, напоминающей о Древней Греции. Ее быстрый успех и огромная популярность свидетельствовали о том, что многие женщины втайне жаждали эмансипации.

Когда объем текстильного производства резко сократился, результатом этого стало не только изменение моды, но культурная революция. Некоторые видели в этом «крах красоты». В том же духе писал и Золя: «Идея красоты меняется. Вы облекаете ее в бесплодие, в длинные, тощие фигуры с высохшими боками»[12]. Все столетие невольно двигалось в этом направлении. Однако, по мере того как значение репродуктивной функции женщины сократилось, она стала объектом более пристальных взглядов.

Биологическое определение: медикализация

«Беременная женщина должна стать объектом активной о ней заботы, религиозного уважения и благоговения», — писал в 1816 году доктор Марк.[13]. Главным образом эта забота фокусировалась на зародыше, но также была полезна и той женщине, что его носила. Марк предложил ряд мер, которые многое могут поведать нам о жизни тех женщин, которые нуждались в защите. Он надеялся положить конец насилию, широко распространенному среди представителей низших социальных слоев. Многие аборты были результатом жестокого поведения со стороны пьяных мужей. Кроме того, Марк предложил освободить женщин от тяжелого физического труда, ужасающие описания которого он оставил нам. Эти идеи становились модными, хотя далеко не все последствия для предполагаемых бенефициариев были позитивными. Марк и подобные ему стремились защитить женщин от них самих

---

[12] Emile Zola. *Les Quatre Evangiles. Fécondité* (Paris: Bibliotuque Charpentier, 1899), p. 50 (см.: Золя Э. Четвероевангелие. Плодовистость // Собрание сочинений. В 26 т. М., 1966. Т. 20).

[13] *Dictionnaire des sciences médicales*, 60 vols. (Paris: Panckoucke, 1812–1822), статья “Grossesse” («Беременность»).

путем строгого надзора за их деятельностью и ограничением развлечений, например следовало избегать катания на качелях и вальсов. Врачи-патериалисты мечтали превратить беременность в своего рода контролируемый аскетизм. Тем не менее, несмотря на все эти первые инициативы, защита будущих матерей не была закреплена юридически вплоть до конца XIX века, когда были приняты новые законы о труде[14].

В результате викторианского ханжества беременность превратилась в табу: женщина, узнавшая, что она находится в «интересном положении», оставалась дома, чтобы как можно меньше показываться на людях. Аналогичное табу распространилось и на деторождение: в Эльзасе говорили, что младенца либо принес аист, либо нашли в капусте, либо его принесла повитуха. Смысл всего этого, конечно же, был в том, чтобы отрицать или в любом случае скрыть принадлежность рода человеческого к животному миру. Тем не менее беременные проститутки пользовались большим спросом у посетителей публичных домов.

Роды в присутствии врача, впервые произведенные в XVIII веке, стали широко распространенным явлением в веке XIX. Поскольку услуги врачей оплачивались в три-четыре раза выше, нежели услуги повивальных бабок, то обращение к их помощи стало признаком семейного благосостояния. Матери, обладавшие более скромным достатком, продолжали полагаться на повитух, в то время как самые бедные отправлялись в больницу. Географические различия в обычаях деторождения зачастую отражали экономические. В 1892 году в Лондоне половина рожавших в Ист-Энде (беднейшем районе города) женщин пользовались услугами повивальных бабок, но в Вест-Энде к их помощи прибегло лишь 2% женщин. В Бостоне к 1820 году практически вся акушерская практика находилась в руках мужчин[15].

Безусловно, привлечение врачей снизило уровень смертности (до 1870 года). В Руане, где был высокий уровень медицины, но бедняки жили в перенаселенных трущобах, уровень смертности матерей оставался постоянным — около 11%. В американском штате Юта, где повитухи по-прежнему действовали по старинке, смертность составляла около 6%, однако сама территория штата, представлявшая собой открытое пространство, окруженное высокими горными вершинами, являлась идеальным противоэпидемическим местом[16].

---

14 Edward Shorter. *A History of Women's Bodies* (New York: Basic Books, 1982).

15 Carl Degler. *At Odds: Women and the Family in America from the Revolution to the Present* (New York: Oxford University Press, 1980).

16 Jean-Paul Bardet, K. A. Lynch, G.-P. Mineau, M. Hainsworth, M. Skolnick. "La Mortalitй maternelle autrefois, une йtude comparйe (de la France de l'Ouest a l'Utah)", *Annales de démographie historique, 1981, Démographie historique et condition féminine* (Paris: Mouton, 1981), pp. 31–48.

Неясно и то, облегчали ли врачи родовые муки. Анестезия при помощи эфира или хлороформа, впервые примененная в конце 1840-х годов, вскоре стала пользоваться большим спросом, несмотря на христианское убеждение в том, что дочери Евы должны принимать страдания и относиться к ним как к должному. В 1853 году королева Виктория попросила хлороформ, когда рожала своего восьмого ребенка. Однако врачи неохотно прибегали к анестезии, учитывая ее возможные вредные последствия. Когда в 1856 году императрица Евгения никак не могла разрешиться от родов, она отказалась от эфира, но так никогда и не смогла родить другого ребенка. Повитухи обвиняли врачей в том, что тем не хватает терпения и они слишком быстро прибегают к помощи хирургических щипцов.

Прогресс в области акушерства пришел не в дома рожающих женщин, а в больницы, которыми пользовались лишь те женщины, которые находились совсем в стесненных обстоятельствах. Все соглашались с тем, что это было неприлично, почти немыслимо, чтобы ребенок родился где-то в ином месте, а не в доме своих родителей. Тем не менее в начале XIX века были предприняты первые шаги по предоставлению услуг неимущим матерям. В лучшем случае создавались новые учреждения, подобно родильному дому в Париже, открытому в 1794 году. Как минимум же госпитали выделяли одну или несколько специальных палат на случай родов. Статистика, которая с определенной степенью регулярности велась с 1850 года, свидетельствует о том, что уровень смертности в этих заведениях оставался очень высоким, около 10–20%. Одной из причин подобного уровня смертности было то обстоятельство, что многие женщины, которые рисковали рожать в больницах, страдали от рахита или туберкулеза, а также были очень напуганы. Однако основная причина смертности заключалась в родильной горячке, переносчиками которой были врачи и их студенты, от вскрытия трупа сразу же переходившие к гинекологическому осмотру без соблюдения каких-либо мер дезинфекции. Австрийский врач Земмельвейс, который в 1840-х годах заподозрил случай заражения, сумел снизить уровень смертности в своей клинике тем, что заставил всех своих подчиненных мыть руки. Во Франции одним из первых, кто усовершенствовал акушерскую практику, был Тарнье. Однако реальный прогресс наступил лишь после того, как между 1870 и 1900 годами в больницах Западной Европы и Америки была введена антисептика. К концу этого периода уровень смертности матерей снизился до 2%. Тогда и только тогда стало безопаснее рожать в больнице, чем дома. Более того, прогресс в технике наложения швов открыл дорогу новой, дерзкой, хирургической операции: с началом XX века общераспространенным стало кесарево сечение.

Между тем стало сокращаться число частнопрактикующих повитух. Поскольку частное акушерство становилось в финансовом отношении невыгодным, то акушерки начали устраиваться на оплачиваемую работу в больницы и клиники. Там они оказались в подчиненном положении, выполняя приказы ныне всесильных врачей, и не имели возможности откликнуться на потребности женщин. Таким образом, потерпела крах традиционная форма женской солидарности, и женщины потеряли независимость в репродуктивной сфере. Тот факт, что барьеры благопристойности рухнули столь быстро, возможно, служит лучшим доказательством того, что их происхождение имело характер скорее культурный, нежели «природный». С этого времени женщина, желавшая иметь ребенка, обращалась уже не к своему мужу, а к доктору, своему новому «природному» защитнику.

Жертвами медицинского прогресса стали не только повитухи. Дискредитированы были знания и навыки и других традиционных смотрителей за здоровьем людей. Няньки, приходящие медсестры и лекари стали подчиненными врачей и даже их прислугой, хотя в Англии и Америке медсестры по-прежнему сумели сохранить некоторую независимость во многом благодаря активным действиям таких женщин, как Флоренс Найтингейл. Действительно, сами женщины в конечном итоге также стали врачами и таким образом вернулись к медицинской практике, находясь уже в положении власти, но получение ими доступа к данной профессии было еще в далеком будущем. Ощущая на себе подозрительные взгляды своих коллег-мужчин, студентки-медики обменяли покорность на одобрение и воздерживались от занятия ответственных постов. Поэтому, за редкими исключениями, они не были способны оказывать влияние на развитие женской медицины[17].

Женщины XIX века являлись вечными пациентками. Медицина эпохи Просвещения представляла ступени жизни женщины как череду ужасных кризисов, даже если не наблюдалось никакой патологии. Наряду с беременностью и деторождением, половое созревание и менопаузы стали рассматриваться как более или менее опасные болезненные состояния, а менструальная кровь, вытекающая из «раны» яичников, считалась представляющей угрозу психическому равновесию женщины. Вся доступная статистика сходится на том, что женщины в XIX веке были в большей степени подвержены болезням и чаще умирали, нежели мужчины[18]. Общественное мнение вкупе с медицинскими экспертами констатировали «слабость женской природы». Эта, будто бы

[17] Francoise Leguay and Claude Barbizet. *Blanche Edwards-Pilliet, femme et médecine, 1858–1941* (Le Mans: Editions Cenomanes, 1988).

[18] Louis Henry. "Mortalitй des hommes et des femmes dans le passй", *Annales de démographie historique*, 1987, p. 87–118; Arthur Imhof. "La Surmortalitй des femmes

универсальная и извечная, «причина» женских страданий была склонна поощрять малодушный фатализм. Тем не менее основная причина состояла в том, что многие девушки и женщины болели по причине тех тяжелых условий, в которых были вынуждены жить. Редко кто из врачей в то время брал в расчет социальный фактор.

«Девушки являются самыми слабыми и болезненными элементами человеческого рода», — заявил в 1817 году врач Вирей[19]. Чрезмерно высокий уровень смертности девочек начиная с пятилетнего возраста был на деле острой проблемой во всех западных странах. Появившаяся уже в XVIII веке, эта проблема усугубилась в период между 1840 и 1860 годами, в особенности во Франции и Бельгии[20].

«Чахотка» (термин, который означал туберкулез любого рода, но главным образом легочный) была одной из самых опасных болезней. В Бельгии на нее приходилось 20% всех смертей девочек в возрасте от семи до пятнадцати лет и 40% девушек от пятнадцати лет до двадцати одного года. Девочек умирало в два раза больше, чем мальчиков. Врачи, лечившие состоятельные семьи, никак не могли понять, почему избалованные и изнеженные молодые девушки столь беззащитны перед этой болезнью. Действительно инфекции способствовала урбанизация. Однако лучшие из врачей, включая великого Линнея, были в равной степени обеспокоены эмоциональными страданиями, чувством разочарования и сердечными болями. В пользу этой теории говорит и случай с сестрами Бронте. Было ли это случайностью, что туберкулез приобрел ореол романтической болезни *par excellence*?[21] Горечь и разочарование, депрессия и отвращение к жизни сами по себе были последствиями более общих обстоятельств: с рождения дочери были менее желанны, нежели сыновья. Сознательно или нет, но родители игнорировали их. Твердое предубеждение, разделяемое Мишле, исключало из рациона девочек мясо, в особенности красное. Принципы надлежащего воспитания требовали, чтобы юная особа была заключена внутрь темных комнат, лишена свежего воздуха, солнечного света, упражнений, чтобы долгие часы она посвящала вышиванию. В более благопристойных домах даже очень юные девочки должны были выполнять домашнюю работу, зачастую довольно-таки грязную. Некоторые проводили долгие дни в поле, на фабрике или в мастерской.

---

mariйes en вge de procrйation: un indice de la condition fйminine au XIXe siиcle", *Annales de démographie historique*, 1981, p. 81–87.

[19] *Dictionnaire des sciences médicales*, 1812–1822, статья "Fille" («Девушка»).

[20] Michel Poulain and Dominique Tabutin. "La Surmortalitй des petites filles en Belgique au XIXe siиcle et dйbut XXe siиcle", *Annales de démographie historique*, 1981, p. 105–139.

[21] По преимуществу, главным образом (фр.).

Туберкулез был и в числе тех факторов, которые способствовали смертности матерей, и часто это было следствием жизни будущих матерей в детском возрасте. Рахит, еще один фактор, был также общим последствием бедного происхождения. У женщин, вышедших из беднейших слоев общества, был очень узкий таз, что затрудняло роды. Однако даже молодые девушки страдали от болезней позвоночника: в это время в медицинский словарь вошли такие понятия, как сколиоз, кифоз и лордоз. Когда девушки с подобными нарушениями достигали полового созревания и выходили замуж, все это осложняло их беременность.

Не менее важными были и болезни половых органов. Врачи мало знали о них, поскольку не осмеливались требовать от своих не в меру щепетильных пациенток пройти гинекологический осмотр. В любом случае, многие врачи полагали, что эндометрит является неизбежным универсальным состоянием. Врачи, хотя и знавшие о венерических заболеваниях, тем не менее не проявляли большого интереса в этой проблеме: «Мужья и жены делят между собой сифилис, так же как и хлеб насущный»[22]. Целомудренная жена, обычная жертва этого «деления», зачастую держалась в неведении относительно своей болезни во имя гармонии в семье. Врачи не стали бы лечить болезнь без санкции на то со стороны мужа, так как лечение означало бы обнаружение тайной причины болезни. Мы так никогда и не узнаем, сколько молодых жен, вышедших замуж, пали жертвами мужского сговора. Однако, несмотря на происхождение, не все женщины были жертвами обмана или смирились со своей участью. Достаточно будет двух примеров: Кристины Тривульцио, княгини Бельджиозо, состоятельной аристократки из Ломбардии, а также Сюзанны Вуалькен, парижской швеи, чьи жизни драматическим образом изменились, когда они столкнулись с испытанием венерической болезнью. Обе женщины разошлись с заразившими их мужьями, и обе стали специалистками в данной области. Кристина, страдавшая от ужасной невралгии, получила обширные знания о современных методах лечения, которые затем она применяла к своим родственникам и друзьям. Во время осады Рима в 1849 году она создала ряд городских госпиталей и клиник, которыми сама и руководила. Эффективность лечения в них была настолько высока, что им восхищались все. Сюзанна обучалась гомеопатии у доктора Ханеманна. Позднее в Каире, куда она отправилась к своим друзьям-сенсимонистам, она, переодевшись мужчиной, стала посещать курсы в местном госпитале. Получив диплом акушерки, она

[22] Amédée Dechambre, ed. *Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales* (Paris: Asselin et Masson, 1864–1889), статья "Syphilis".

практиковала во Франции и России. К концу XIX века, когда сифилис охватил уже всю Европу, врачи в конце концов добились права лечить даже весьма респектабельных матрон.

По общепринятому мнению, женщины всегда были, есть и когда-нибудь будут подвержены «невротическим болезням». Во времена, когда сельский покой все еще вызывал волнительную ностальгию, врачи сразу же обвинили городскую жизнь, которая действительно влияла на положение, функции и жизненные условия жен и матерей. У некоторых «куклы с мигренью», игнорировавшие любые попытки терапии, вызывали раздражение. Болезнь эта принадлежала тому загадочному классу выводящих из строя недугов, которые могли быть симулированы или развиты. До какой степени мигрень служила убежищем или предлогом для разочаровавшейся или нервно истощенной женщины? До какой степени она указывала на болезненные кризисы идентичности? Во время менопаузы де Сегюр испытала серию изматывающих головных болей, за которыми наступила апатия. Ее лечение совпало с дебютом в качестве писательницы[23]. Между тем на севере Франции та же мигрень заставила мадам Вро-Обино бросить работу на фабрике и в течение всей оставшейся жизни страдать от ужасных головных болей[24].

Однако наиболее существенной болезнью слабого пола была не столько мигрень, сколько истерия. Некоторые смотрели на нее как на неотъемлемую черту «женской природы». В действительности же эта патология распространялась не только на семьи, но и на все общество в целом, и даже на медицинскую науку. Так или иначе, но все страдали, никто не избежал этого недуга. Боясь спровоцировать кризис, родственники относились к больной с крайней бережностью; жертвам, таким образом, уделялось повышенное внимание, а в некоторых случаях они получали и определенную власть. Временами истерия казалась заразной: случались и коллективные приступы, как например в Морзине между 1857 и 1873 годами. Девушки и женщины вопили, корчились, выкрикивали оскорбления, колотили отцов и мужей, употребляли алкоголь и отказывались работать. Встревоженные власти предприняли настоящий крестовый поход, чтобы спасти все сельское население от изоляции и нищеты: они построили дороги, ввели гарнизон и организовали танцы. Театральные показы истеричных пациентов в Сальпатриере в 1863–1893 годах провоцировали, демонстрировали и усиливали муки и страдания больных. Они также обнаружили и зачарованность

[23] Laura Kreyder. *L'Enfance des saints et les autres. Essai sur la Comtesse de Ségur* (Biblioteca della Ricerca, 1987), chap. 4.

[24] Bonnie G. Smith. *Ladies of the Leisure Class: The Bourgeoises of Northern France in the Nineteenth Century* (Princeton: Princeton University Press, 1981), p. 48.

медиками этой болезнью. Фрейд был первым, кто действительно пытался услышать, что говорили эти несчастные женщины, и позволить им неограниченно говорить о себе.

На протяжении всего XIX века, в особенности после Пастера, врачи стали пользоваться постоянно растущей популярностью, а проповедуемые ими ценности обрели почву под ногами. Уже натурализм эпохи Просвещения заявил, что истинная нравственность — это гигиена, которая защищает тело от болезней, а душу от пороков. Однако прогрессу в сфере гигиены мешали два фактора. Первым была благопристойность: получение чрезмерного удовольствия от мытья тела, особенно его самых интимных частей, считалось опасной распущенностью; лучше было поменять белье. Вторым фактором было отсутствие водопровода и канализации. Лицо и руки можно было мыть (почти) каждый день в тазу, а остальные части тела — самое большее — раз в неделю. Душем и ваннами долгое время пользовались лишь больные (гидротерапия). Женщины, которым посчастливилось иметь ванну, мылись раз в месяц, по окончании месячных. Изобретенная в Англии ванна к концу XIX века завоевала популярность и на континенте. На полотнах Дега мы видим, каким образом привычка мыть тело обильным количеством воды изменила репрезентацию обнаженной женской натуры: женщина за свои туалетом стала практически клише.

Хорошая гигиена требовала также физических упражнений и свежего воздуха. Подобное восприятие гигиены было ужасной проблемой для женщин, чья кожа, как предполагалось, должна была оставаться безупречно бледной. Тем не менее в 1820-х годах Мари де Флавиньи (будущая графиня д'Агу) наняла себе «учителя грации» (то есть учителя танцев), а также учительницу фехтования, которая научила ее владеть рапирой. Она часто ездила верхом. Изменилась и программа обучения в школах-пансионах для девочек. Постепенно «классы хороших манер», где девочек учили, как правильно вести себя в течение дня и на всех этапах жизненного пути, уступили в начале 1880-х годах место занятиям в гимнастическом зале, где они тренировались без корсетов и при помощи различного снаряжения. Отныне стремились не столько к тому, чтобы содействовать женской свободе, сколько к тому, чтобы сделать женщин более сильными и энергичными, зачастую в националистском, если не расистском, духе.

Крестовый поход против женской гимнастики начался в Германии и Англии, а в конце XIX веке захлестнул и романскую часть Европы. В некоторых же местах он вызвал фанатичный восторг, свидетельством тому — порочный и сладострастный роман Эдмондо

де Амичиса[25]. Сильнейшее сопротивление, а в некоторых случаях и ожесточенную враждебность, вызвали женские виды спорта, особенно состязательные. Наблюдатели критически относились к женщинам, которых, как они говорили, физические тренировки делали уродливыми. Они утверждали, что женщины потеряли изящество, свойственное их слабости, и выражали опасение, что чрезмерное развитие мускулатуры может оказаться пагубным для последующего деторождения. Тем не менее вскоре плавание и теннис вошли в моду у представительниц высших слоев общества[26]. На другом конце социального спектра различные общества пропагандировали езду на велосипедах и бег. И, несмотря на возражения со стороны Пьера де Кубертена, женщины приняли участие в Олимпийских играх 1912 года.

Между тем врачи, взывавшие к битве против сифилиса, изо всех сил настаивали на том, чтобы половое воспитание молодых женщин было отдано в их руки. Надлежащим образом обученная молодая женщина будет лучше готова к тому, чтобы оказать сопротивление при соблазнении и потребовать у будущего мужа доказательств его здоровья. Публиковались специальные обучающие руководства. В некотором роде являлось революцией и то, что женщины добились права защищать свои тела. Получение же права исследовать тела мужчин было необходимо подождать.

Тела или сердца?

Врачей Просвещения больше всего заботила «связь между физическим и моральным состоянием человека»[27]. Являлась ли любовь супругов и любовь матери, от которой общество зависело с самого начала своего существования, благородным чувством, на веки вечные приписывавшимся женской душе? Или же оно было всего лишь неопределенным, возможно, неполным продуктом матки, стремящейся заполнить пустоту спермой и зародышем? Отношения между телом и сердцем оставались загадкой. Способствовали ли те

---

[25] Edmondo De Amicis. *Amore e ginnastica.* Перевод на французский: Edmondo de Amicis. *Amour et gymnastique* (Paris: Editions Philippe Picquier, 1988).

[26] Jacques Thibault. "Les Origines du sport fiminin", in Pierre Arnaud, ed. *Les Athlutes de la République. Gymnastique, sport et idéologie républicaine, 1870–1914* (Toulouse: Privat, 1987).

[27] Приведенная цитата является названием знаменитой работы врача Жоржа Кабаниса, опубликованной в Париже в 1803 году.

изменения, которые на протяжении XIX века трансформировали социальные и семейные роли слабого пола, прояснению или видоизменению этих отношений? Каким образом развивались отношения между женщиной и мужчиной и между женщиной и отпрыском мужчины?

Пол ангелов

В 1840-х годах в обиход вошло слово «фригидность», которое обозначало отсутствие сексуального желания у женщины. В действительности в викторианскую эпоху появилось большое количество литературы, в которой отрицалось само существование подобного желания. Мы знаем, что, например, Мишле так никогда и не сумел заставить «задрожать» Атенаис, довольствовавшуюся тем, что она являлась объектом желания, хорошо ела и сладко спала, — таков был предел ее чувственности. Теперь же чувственная женщина стала проблемой. Доктор Дебей, армейский врач, реально смотревший иа вещи, опубликовал книгу, в которой детально описал способы доведения женщины до возбуждения. В период с 1848 по 1888 года эта книга выдержала сотню переизданий[28]. Однако другой доктор, Уильям Актон, чьи книги были широко известны в Англии и Америке, утверждал, что половые потребности женщин в полной мере удовлетворяются деторождением и семейными обязанностями[29]. Именно он в значительной степени способствовал формулировке определения «истинной женственности» и разделению «двух сфер».

Следует помнить, что викторианский морализм неодобрительно относился к сексу в целом. Тот же Актон настаивал на том, чтобы джентльмены ограничивали свою половую активность. Вступать в половые сношения достаточно было раз в семь-десять дней. Подобную точку зрения разделяли и некоторые французские врачи. Многие из их рекомендовали быстрый половой акт, дабы сберечь мужскую энергию, совет, который едва ли мог способствовать достижению одновременного оргазма. Более того, наука об овологии, которая бурно развивалась в 1840–1860-х годах, установила, что женский оргазм не является обязательным для оплодотворения. Это открытие подтвердило призвание женщины быть матерью, оправдало мужской эгоизм и создало основу для враждебного отноше-

[28] *Hygiune et physiologie du mariage* (Paris, 1848), chap. 12.

[29] *The Functions and Disorders of the Reproductive Organs in Youth, in Adult Age, and in Advanced Life: Considered in Their Physiological, Social and Psychological Relations* (Philadelphia, 1865).

ния к бесполезному клитору[30]. Коротко говоря, продвижению новой концепции сексуальных отношений способствовал ряд факторов. Ее основные принципы были достаточно быстро сформулированы: мужчины должны беречь свою энергию для производительного труда; женщины должны посвятить себя материнским и домашним обязанностям; наилучший вариант — небольшие семьи. Для женщин определяющим фактором стало не сексуальное желание, а те ограничения, с которыми они жили.

Элизабет Блэквелл, ставшая в 1845 году первой женщиной-врачом в Соединенных Штатах Америки, утверждала, что фригидность в первую очередь является результатом воспитаиия: девушек учили, что думать о сексе грешно, дабы сохранить их девственными до вступления в брак[31]. Действительно, девочка не была «естествеиным» созданием: несмотря на то что у большинства из них половое созреваине завершалось в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет, редко кто из них выходил замуж до двадцати лет. Это навязываемое обществом откладывание деторождения противоречило природе. Лучшим способом держать девушек в ожиданин, не прибегая при этом к принудительным мерам, было сокрытие плотских реалий секса. «Чистая» девочка ин о чем не знала н нн о чем не подозревала. В этом отношении девственность не являлась в первую очередь христианской добродетелью, и в любом случае даже свободно мыслящне отцы и мужья были такими же страстными приверженцами непорочности, как н нанболее благочестивые мужчины. Девственность являлась ярлыком, гарантией, которой можно было завлечь будущего мужа.

Таким образом, воспитание молодых девушек, ответствеиность за которое брали на себя матери, было подчинеино строгим принципам. Пособия рекомендовали правильный диетический режим (безвкусные блюда, молоко на ночь) и гигиену сна (не слишком мягкая кровать, ранний подъем). Мастурбацию было очень трудно предотвратить. Врачи утверждали, что она была более распространена среди девочек, нежели среди мальчиков. Одна активистка движения за общественную чистоту, яростная сторонница целомудрия, читая памфлет, осуждающий этот «порок одиночества», с ужасом узнала, что предавалась ему несколько лет, даже не ведая о нем[32]. Хорошо воспитанная юная дама носила сорочку, когда причесывалась и одевалась, и даже

[30] Michelle Perrot, ed. *A History of Private Life,* vol. 4: *From the Fires of Revolution to the Great War* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990).

[31] Цит. по: Degler. *At Odds*, p. 267.

[32] Havelock Ellis. *Studies in the Psychology of Sex* (New York: Random House, 1936), vol. 1, p. 464.

когда принимала ванну; когда же она переодевалась, то закрывала глаза.

При приближении менструации мать девочки должна была предупредить ее, что должно произойти. На такой линии поведения настаивали даже священники: «Хвала Марии» («Плод чрева Твоего Иисус Христос») могла быть использована для подстегивания детского интереса, и матери могли бы тогда объяснить, что эти несколько дней служат напоминанием об истинном предназначении женщины. Но как много матерей осмеливались говорить об этом? Мадлен Пеллетье, родившаяся в семье скромного достатка, вспоминала, что однажды, когда ей было двенадцать лет (1886 г.), она пришла в школу встревоженная тем, что ее юбка оказалась запачкана кровью. После того как монахиня сделал ей выговор, Мадлен вернулась домой, где ее мать, будучи твердолобой ханжой, отказалась объяснить ей случившееся. В конце концов ее больной отец в нескольких резких выражениях преподнес ей первый урок полового воспитания[33]. Мадлен выросла и стала врачом, но никогда так и не позволила мужчине приблизиться к себе. Несомненно, подобные обстоятельства определяли и некоторые религиозные профессии. Стоит ли удивляться? Матери, воспитанные в ненависти по отношению к своим собственным телам и стыдившиеся своей сексуальности, вряд ли могли научить девочек чему-либо иному, кроме слепой механической пассивности. Многие девочки и понятия не имели, что ждет их в первую брачную ночь. На этот счет матери также им ничего не говорили. Возможно, они опасались вызвать неприятие полового акта, описав его словами, в отрыве от тех ощущений и ласк, которые делали его терпимым. Страхи эти не были праздными: Зели Герен, мать будущей Святой Терезы Лизьевской, хотела иметь много детей, но была шокирована, узнав через что ей придется ради этого пройти. Ее муж, хорошо понимавший ее, ждал несколько месяцев, прежде чем выполнить супружеский долг.

Тем временем предпринимались попытки пробудить в девочках «материнский инстинкт». Жозефина де Голль, бабушка известного в будущем генерала, а также автор множества детских книжек, советовала позволить девочкам-подростам завести котенка или щенка. Девочки более старшего возраста могли стать крестными матерьми («духовными мамами», как им говорили) и участвовать в нравственном воспитании своих крестниц. Однако основным инструментом обучения материнству стала кукла. Куклы очень быстро завоевали популярность,

---

[33] Madeleine Pelletier. *La Femme vierge* (Paris: Editions Bresle, 1933). Цит. по: Claude Maifnen, ed. *L'Education féministe des filles* (Paris: Syros, 1978), p. 9.

даже несмотря на радикальное изменение их природы. В начале XIX века куклы изображали элегантных дам, как бы вдохновляя игравших с ними девочек превратиться в красивых женщин, когда они вырастут. Около 1850 года производители стали выпускать кукол-детей, которые имели мгновенный успех. У этих кукол, с которыми девочки «играли в маму», не было половых органов вплоть до конца Второй мировой войны.

Для «невинной» девушки скромность стала второй натурой, чем-то таким, о чем «эти маленькие глупые гусыни» даже и не подозревали. В середине XIX века особый акцент стал делаться на идеале ангела, однако не везде он безоговорочно принимался. В сельской местности, где каждый мог наблюдать, как животные спариваются и рожают, было весьма трудно сохранить девичью невинность. Пробуждению сексуальности способствовали обряды и фестивали языческого происхождения. В Провансе во время карнавала мальчики гонялись за девочками и размазывали грязь по их груди и бедрам[34]. В центральной и западной Франции существовали так называемые девичьи ярмарки (foires aux filles)[35]. И даже если сельское общество осуществляло свои собственные формы контроля над молодыми людьми, общение между полами было довольно свободным. В укромных уголках департамента Вандея любовники прижимались друг к другу под огромными зонтами, а их семьи мирились с этим. Они обменивались долгими поцелуями и баловались взаимной мастурбацией. Некоторые девочки были настолько любопытны, что пробовали заводить себе несколько ухажеров. И когда в конце XIX века церковь попыталась навязать свою идею добродетельности, она была встречена в штыки. Среди представителей городских нижних слоев добрачные отношения были распространенным явлением[36]

В Соединенных Штатах Америки, в разгаре викторианской эпохи, свободно практиковался флирт. Такой свободный образ жизни удивил европейских наблюдателей, начиная с Токвиля (в 1830-х годах) и заканчивая мадмуазель Мари Дюгар, которая представляла на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 году учительниц французских средних школ[37]. Девушки выходили на улицу без компаньонок, а с молодыми людьми, которых они сами выбрали, и возвращались домой поздно вечером. Личные дневники и письма говорят о том

[34] Knibiehler et al. *De la pucelle*, p. 147.

[35] Jean-Louis Flandrin. *Les Amours paysannes* (Paris: Gallimard/Julliard, 1975), p. 114–115.

[36] Jeffrey Weeks. *Sex, Politics, and Society: The Regulation of Society since 1800* (New York: Longman, 1981), p. 60..

[37] Marie Dugard. *La Société américaine*, (Paris: Hachette, 1895), p. 170–171.

удовольствии, с которым девочки получали поцелуи и ласки, будучи, несомненно, застенчивыми, когда дело доходило до того, чтобы их вернуть назад[38]. Флирт с двадцатью юношами не мешал девушке впоследствии выйти замуж и стать прекрасной женой.

Даже в самых ханжеских общественных слоях Старого Света от хорошо воспитанных юных дам не требовалось полностью избегать контактов с мужчинами. Существовали, к примеру, балы. Кадрили имитировали стадии любви: встреча, расставание, возвращение. Касались лишь руки или кончики пальцев. Однако вальс открыл новый мир эмоций и чувств. Находясь в объятьях друг друга, партнеры кружились в танце, их тела соприкасались в вихре ритма, головокружительной близости, праздника и чувственного возбуждения. Некоторые девушки извлекали также пользу и из импровизированных уроков, которые им преподносили слуги, или же по крупицам черпали познания в запрещенных книгах[39]. Луиза Вайс каждую ночь спускалась в библиотеку своего отца, чтобы заняться самообразованием при помощи словарей[40]. В начале XX века во Франции был детально задокументирован даже флирт[41].

Будь юная девушка глупой простушкой или непорочной девственницей, она рано или поздно становилась женой. И даже если ее первая брачная ночь была удачной, вскоре она сталкивалась с новыми препятствиями на пути к полноценной сексуальной жизни. Тяжелейшим бременем было рождение ребенка. Многие женщины попрежнему считали, что половые отношения во время беременности и кормления грудью (примерно два года) могут повредить ребенку. Между тем все больше и больше жен хотели иметь меньше детей. Страх забеременеть подавлял желание в те времена, когда люди верили, что оргазм способствует зачатию. Со своей стороны, некоторые мужчины, большинство из которых были англичанами, призывали к контрацепции: Томас Мальтус, Френсис Плейс, Ричард Карлайл, Чарльз Ноултон. Женщины, даже феминистки, не решались высказывать свою точку зрения. Тем не менее в письмах и дневниках они откровенно признавались в своей усталости и отвращении к бесконечным беременностям. Королева Виктория не была глашатаем материнства. Будучи беременной девять раз, она принимала каждые роды как крест, который нужно нести; это разрушило ее семейную жизнь и уничтожило ее свободу. Ее страх перед большими семьями широко

[38] Degler. *At Odds*, p. 20–21.

[39] *Récit de vie, Denise S., bourgeoise d'Anvers*, interviewed by Edith R. (Brussels: Universitй des femmes, 1988), p. 46.

[40] Louise Weiss. *Mémoires d'une Européenne* (Paris: Payot, 1970), vol. 1, p. 58.

[41] Perrot, ed. *Histoire de la vie privée*, vol. 4, p. 546.

разделялся среди высших слоев британского общества, несмотря на всю их плодовитость.

Тем не менее прогресс в развитии контрацепции был медленным, и очень трудно объяснить разницу между странами. Двумя ведущими в данном отношении державами были Франция, где наблюдалось резкое снижение уровня рождаемости с начала 1790-х годов, и Соединенные Штаты Америки, где тот же спад наблюдался после 1800 года. Конечно же, в обеих странах произошли революции и были декларированы права человека и свобода личности. Однако будет достаточно трудно доказать, что именно это стало решающим фактором. В странах Северной Европы уровень рождаемости не снижался вплоть до 1870-х годов, а в некоторых частях Южной Европы и позднее. Вряд ли можно утверждать, что этот спад был обусловлен индустриализацией, так как во Франции и Америке он предшествовал ей. Равным образом нельзя увязать данный спад и со снижением уровня детской смертности, поскольку она реально пошла на спад только после осуществленной Пастером революции. Нельзя объяснить это и стремлением протестантов к свободе совести, потому что во Франции большинство составляли католики. Недоумение вызывает и поведение различных социальных групп. В авангарде встали не состоятельные и образованные высшие классы. Во Франции аристократки по-прежнему оставались самыми плодовитыми матерями. Крестьянки, считавшиеся консервативными, в ряде случаев научились достаточно рано контролировать число рождений, в то время как женщины из рабочего класса продолжали рожать детей в больших количествах, по крайней мере до тех пор, пока детский труд не был объявлен вне закона. В Соединенных Штатах Америки было замечено, что у коренных американок детей меньше, нежели у иммигранток. Уровень рождаемости у некоторых групп повысился после иммиграции: так дело обстояло с женщинами, которые эмигрировали из Брабанта в Висконсин между 1852 и 1856 годами[42]. Спад уровня рождаемости является комплексным явлением, включающим в себя сочетание экономических, культурных и психологических факторов. Каждый случай особый. Едва ли кто-нибудь осмелится заявить, что пример подавал средний класс[43].

Не все способы контроля над рождаемостью были равнозначны. Проблема заключается не столько в эффективности, сколько в важности: сколько инициативности, ответственности и свободы предо-

[42] Thierry Eggerickx and Michel Poulain. "Le Contexte et les connaissances dймographiques de l'йmigration des Brabansons vers les Etats-Unis au milieu du XIXe siиcle", *Annales de démographie historique*, 1987.

[43] *Annales de démographie historique*, 1981, 1984.

ставлял женщине каждый конкретный способ? Какой властью над собственным телом обладала женщина? Сколько возможностей они имели для получения сексуального наслаждения?

Во многих сельскохозяйственных районах (таких как Ирландия, Иберийский полуостров и горные районы Франции и Италии) сохранялся древний метод регуляции рождаемости, основанный на позднем замужестве, высоком уровне безбрачия и продолжительном кормлении грудью. Однако со снижением уровня смертности он оказался недостаточным: дабы предотвратить перенаселение, в конце XIX века женщины были вынуждены ждать, пока им исполнится тридцать пять лет, чтобы выйти замуж, или же 40% из них должны были выбрать для себя безбрачие. На деле в сельских местностях Франции в 1850 году женщины выходили замуж в возрасте около двадцати пяти лет и только 13% оставались незамужними.

Некоторые супруги спали в отдельных спальнях. Конечно, для того чтобы позволить себе дополнительное пространство, они должны были обладать достаточным достатком. Эффективность подобного метода была вне сомнения, однако он мог вызвать и фрустрацию. Для кого? Мужчина, который «уважал» свою жену редко когда сомневался, изменить ли ей с содержанкой или (если было жалко денег) со служанкой или же нет. Но что же женщина?

Мужья, принадлежавшие к среднему классу, скорее всего пытались избежать зачатия. Методы, давно известные либертинам, теперь вошли и в респектабельные семейства. Различные средства контрацепции приводили только лишь к запоздалому и ограниченному успеху: презервативы, диафрагмы и спринцовки оставались долгое время дорогостоящими и неудобными. Гомосексуализм и минет признавались основаниями для развода, но реальный диапазон распространения подобных практик неизвестен. Все говорит о том, что практически повсеместно излюбленным способом был *coitus interuptus*[44], простой и ничего не стоящий метод. Эта техника, требовавшая от мужчины сохранения контроля во время полового акта, зависела преимущественно от его инициативы. Логика по-прежнему была патриархальной: женщина пассивно выполняла свой «супружеский долг». Все тем не менее было по-другому: мужчина стремился только к тому, чтобы самому получить удовольствие, и, поступая подобным образом, он подавал пример своей партнерше, что по крайней мере давало ей представление о наличии подобной возможности. Более того, если даже его единственным желанием было избежать бремени содержания большой семьи, муж, практиковавший *coitus interuptus*,

---

[44] Прерванный половой акт (лат.).

берег здоровье и силы своей жены и сохранял ее свободу. Он предоставлял ей шанс жить иной жизнью, свободной от материнских забот.

Католическое духовенство довольно медленно реагировало на процесс широкого распространения подобной практики. Почему же церковь так долго ждала? Потому что после революции преимущественно женщины ходили на исповедь, и именно женщины не поднимали стихийно данную проблему и не любили, когда их спрашивали об этом. Большинство женщин полагали, что они не несут в этом отношении никакой ответственности, поскольку они просто удовлетворяли желания своих мужей. Некоторые сознавались в том, что оставались одни, но утверждали, что чувствовали, что они не грешат, а лишь ведут себя ханжески. Священники не настаивали: продолжение рода было делом мужчины. Протест по этому поводу сразу же выразили врачи. Некоторые, обеспокоенные фрустрацией жен, утверждали, что женщины были не настолько уж фригидными, как то полагало большинство людей. Доктор Бергере, чья переведенная на английский язык книга была широко известна, грозил «обманщикам» самыми серьезными заболеваниями, но так и не сумел их запугать[45].

Использование контрацептивных средств привело не к более длительному интервалу в рождении детей, но к раннему деторождению[46]. Женщины, очевидно, не желали откладывать рождение ребенка. Они предпочитали как можно скорее избавиться от этого обременительного груза, чтобы впоследствии, в более личной фазе их жизни, наслаждаться свободным временем.

Аборт зачастую изображался как акт, распространенный главным образом среди женщин низших слоев, однако картина эта неверна. Хотя аборт и был общим явлением для низших слоев, тем не менее к нему прибегали женщины и из других социальных классов. Например, Генриетта Стенли, узнав, что она беременна уже в десятый раз, спровоцировала выкидыш при помощи слабительного, очень горячей ванны и длительной прогулки, после чего сообщила об этом своему мужу, лорду Эдуарду. Аборт действительно практиковался женщинами: женщины всегда либо сами себе делали аборт, либо помогали друг другу, когда это было необходимо, при

---

[45] Louis Bergeret. *Des fraudes dans l'accomplissement des fonctions génératrices* (Paris: J.-B. Bailliгe et fils, 1868). Перевод на английский сделан П. де Мармон: Louis Bergeret. *The Preventive Obstacle, or Conjugal Onanism* (New York: Turner and Mignard, 1870).

[46] Jean-Pierre Bardet and Herve Le Bras. "La Chute de la fiiconditii", *Histoire de la population fransaise, de 1789 a 1914* (Paris: Presses Universitaires de France, 1990), vol. 3, p. 361.

этом не испытывая никакого чувства вины, поскольку были убеждены в том, что плод, пока не пошевелится, то есть на четвертом месяце (как, оказалось, признавали английские и американские законы), еще не живет[47]. Являясь древним способом, аборт тем не менее изменил свой характер и значение благодаря техническим новшествам и степени вовлеченности в него мужчин. Более полные знания о женской анатомии и физиологии позволили использовать методы, менее травмирующие, чем медикаменты и спровоцированные выкидыши. Для прокалывания плодного пузыря использовались спицы для вязания. Позднее широко распространенным явлением стало впрыскивание в матку мыльной воды. Если принимались меры предосторожности, то риск заразиться был гораздо меньше[48]. К 1910 году метод впрыскивания стал широко распространенным: врачи и акушерки практически в открытую предлагали свои услуги. Вне зависимости от того, к какому методу прибегали, количество абортов во второй половине XIX века повсеместно увеличивалось. Аборт перестал быть последним средством спасения для отчаявшейся жертвы соблазнения или матери огромной семьи; он превратился в метод контроля над рождаемостью. Действо, бывшее личным, осмотрительным и сокрытым в мире женщин, отныне стало коммерческим товаром в мире мужчин. В Лондоне в 1898 году братья Краймз имели не менее 10 тыс. клиентов.

Реакция, возникшая в конце XIX веке, удивительна по своему размаху и силе: она перевела аборт в ранг основных политических проблем. В Соединенных Штатах Америки она последовала за гражданской войной; в Англии связана была с лишениями англо-бурской войны; во Франции косвенной причиной было желание отомстить пруссакам после поражения в войне 1870–1871 годов. После любой войны жизнь становится священной. В такие времена возникает тенденция отождествлять аборт с детоубийством: плод, даже зародыш, превращается в полнокровного человека. Именно этому христианская доктрина всегда и учила, однако выглядело это так, как будто общество только сейчас признало это откровение, как будто оно в первый раз решило взглянуть в глаза всем его последствиям.

Возврат к предмету женской сексуальности и абортов, которые временами бывали болезненными, а иногда приносили и увечья, конечно же, не было лучшим способом его продвижения. Полицейские

[47] Degler. *At Odds*, p. 273; Weeks. *Sex, Politics, and Society*, p. 71; Caroll Smith-Rosenberg. *Disorderly Conduct: Visions of Gender in Victorian America* (New York: Oxford University Press, 1985), p. 219.

[48] Shorter, *A History of Women's Bodies*, p. 182–190.

архивы свидетельствуют о том, что многие принадлежавшие к низшим сословиям женщины отказывались выполнять свой «долг», когда к этому их понуждали мужья, даже под страхом избиения. Тем не менее одна женщина мастурбировала, лежа бок о бок с мужчиной, которому она только что отказала[49]. Подобное поведение эти женщины объясняли тем, что они хотели избежать нежелательной беременности или в ряде случаев венерических заболеваний. Как же мог эротизм при наличии подобных помех найти дорогу к супружескому ложу?

Будучи более решительными, нежели их европейские сестры, американки предприняли в 1880–1890 годах мощное наступление[50]. Возможно, в надежде уменьшить количество беременностей они обратились к религии, дабы бросить открытый вызов половым ролям и правам мужей. Активистки движения за чистоту нравов настаивали на том, что решать, как часто и когда сексуальные отношения будут иметь место, должна женщина, поскольку доктрина «двух сфер» отдала всю власть в частной сфере в руки женщин. Женщины, утверждали они, испытывали не меньше желания, чем мужчины, но в отличие от них они знали как контролировать себя в то время как мужчины слишком легко сдавались перед похотью. Каково было влияние этого пуританского (не феминистского) крестового похода? Исследование, проведенное в 1892 году доктором Клелией Мошером, говорит о том, что был достигнут своего рода компромисс: супружеские пары вступали в половую связь в среднем два раза в неделю, тогда как мужчины хотели этого три раза, а женщины один.

Тем временем снижение уровня рождаемости начало менять женскую чувственность. Хотя ангельский идеал женственного поведения сохранился вплоть до конца XIX века, секс больше не рассматривался как нечто позорное, а супружеская любовь исключительно как обязанность. Доступная для наслаждения жена стала не только более отзывчивым и активным партнером, но и более требовательным. Путешествие в медовый месяц быстро стало модным, поскольку оно позволяло новобрачным избегать нескромных вопросов, прозрачных намеков и многозначительных ухмылок. Супружеская спальня стала неприкосновенным убежищем. В то же время отныне открыто демонстрировались и любовные чувства: жены называли своих мужей «дорогими» и целовали их на лю-

[49] Joelle Guillais. *La Chair de l'autre. Le Crime passionnel au dixneuviume siucle* (Paris: Olivier Orban, 1986).

[50] Degler. At Odds, p. 279–297.

дях. По мере того как супружеские отношения становились более утонченными, они приносили и более острое наслаждение, однако также могла наступить усталость и возникнуть чувство разочарования. Не имело больше значения, что говорил закон, — муж больше не был повелителем и хозяином и никогда бы им вновь не стал. Он мог бы стать любовником, к счастью или несчастью. Налицо были также перемены и в материнских чувствах. На первое место вышло воспитание детей, а не их рождение: с меньшим количеством детей матери могли бы уделять большее внимание каждому из них и выказывать бо́льшую любовь. Мать и ребенок жили в идиллической праздности.

Мать и дитя

Являлась ли женщина, кормнвшая грудью, «самкой» или матерью? Какую роль играли жнвотные ннстинкты, а какую человеческне чувства? Западное общество никогда не было уверено в ответах иа эти вопросы. Цену этой неуверенности заплатили две довольно-такн несчастные фигуры: кормилица н незамужняя мать.

Несмотря на Руссо, индустрия кормилиц процветала по всему Западу с некоторыми местными варнациями. На юге Соединенных Штатов Америки общим явлением была чернокожая «мамми». Англичане нанимали незамужних матерей. Французы предпочитали замужних крестьянок. Обычай отдавал честь устойчивому запрету на половые отношения во время кормления грудью. Когда Ева родила, «Адам простился с раем», стонал Мишле[51]. «Брачные удовольствия должны быть умерены, если вообще не исключены», — заявил в 1879 году доктор Гарнье[52]. В теории это решение всегда принадлежало отцу.

Важнейшим новшеством XIX века в этой области стала кормилица, живущая в доме родителей ребенка. Действительно озабоченные высоким уровнем детской смертности родители предпочитали кормилиц невежественным женщинам, желая, чтобы за их ребенком всегда был присмотр. Однако зачастую проблемой становились натянутые отношения между матерью и ее «заменой». Молодые матери ревновали к прерогативам кормилиц. К моменту появления ребенка они тратили деньги иа детскую одежду, кроватку, украшение детской комнаты и хотели показать своего ребенка в выгодном свете и радоваться его первым улыбкам. Но они не

[51] Jules Michelet. *L'Amour* (Paris: Calmann-Lévy. n. d), p. 246.
[52] Pierre Garnier. *Le Mariage dans ses devoirs, ses rapports et ses effets conjugaux* (Paris: Garnier frères, 1879), p. 540.

осмеливались перечить кормилице, чье молоко в противном случае могло «плохо потечь». Ухватившись за подобные преимущества, некоторые кормилицы становились весьма требовательными и капризными.

Помимо всего прочего, кормилица являлась еще и одомашненным телом, о котором, однако, хорошо заботились. Поскольку она была осязаемым знаком благосостояния своих работодателей, то она всегда была опрятно одета. В их доме ее баловали. Заработная плата у нее всегда была высокой, кроме того, она получала и множество подарков. Она спала в детской, а не на чердаке с остальными слугами. От нее требовали, чтобы она всегда выглядела ухоженной, но в то же самое время она могла есть, что хотела, и никогда много не работала: возможно немного уборки и шитья. В суровой жизни бедной женщины работа в качестве кормилицы могла оказаться странной интерлюдией, которая, вероятно, оставляла неизгладимое впечатление.

Между тем подобный опыт не был лишен и определенных жертв: кормилица вынуждена была оставить свою семью, доверив своего ребенка попечительству чужой женщины. Прежде чем быть нанятой на работу, она должна была пройти медицинское освидетельствование у врача, который ощупывал ее грудь, пробовал молоко и нюхал дыхание. Сексуальные отношения, если полностью и не запрещались (поскольку было невозможно полностью оторвать ее от мужа), то крайне порицались. Прямолинейно это выразил один доктор: «К кормилице должно относиться исключительно как к дойной корове. Как только она утратит эту способность, ее надо сразу же уволить»[53]. По мере распространения во Франции во времена Третьей республики демократических взглядов положение кормилицы было осуждено как позорное и приравнено к положению проститутки.

Тем не менее распространение института кормилиц не было простым результатом эгоизма богатых социальных слоев. Оплачиваемые кормилицы требовались и для брошенных детей, и для тех детей, чьи матери были вынуждены работать. Таких было множество в католических странах, особенно во Франции[54]. Крестьянки, которые соглашались растить детей бедняков, приносили их домой из городских больниц или сиротских приютов. Главным образом в среде именно этих женщин в конце XIX века произошли две революции в процессе

[53] Цит. по: Fanny Fay-Sallois. *Les Nourrices a Paris au XIX siucle* (Paris: Payot, 1980), p. 237.

[54] Valerie Fildes. *Wet Nursuring: A History From Antiquity to the Present* (Oxford: Blackwell, 1988), p. 207, 221–241.

детского воспитания: применение искусственного кормления и триумф медицинского контроля.

Дети, которых эти женщины приносили к себе домой, зачастую были очень больными и приносили небольшой доход. Обремененные множеством разнообразных обязанностей женщины уделяли мало времени своим подопечным и наблюдали, как те умирали, без каких-либо особых эмоций. В 1870 году в Морване уровень смертности сирот, привезенных из Парижа, составлял 65–70%, сирот из этой же местности — 33%, в то время как детей, которых воспитывали их собственные матери, умирало 16%. Врачи и филантропы долгое время в отчаянии ломали руки от этих ужасных цифр, но это ни к чему не привело. Тревогу пробило поражение в войне 1870–1871 годов: если Франция когда-нибудь надеялась взять реванш, если она хотела увеличить число своих новобранцев, то надо было что-то делать с детской смертностью. За образцом для подражания французские реформаторы обратились к победителю в Франко-прусской войне: Пруссия Бисмарка провела в жизнь эффективную программу социального обеспечения.

В соответствии с законом Русселя 1874 года кормилицы были поставлены под надзор медицинских инспекторов. Эти инспекторы посещали дома кормилиц и оценивали «условия воспитания» (используемым понятием было *élevage*[55], чья четкая коннотация с разведением животных никого не шокировала и не оскорбляла). Как и во времена Руссо, врачи нападали на предрассудки крестьянок, особенно старшего поколения. Кроме этого, они обнаружили и убогость условий жизни в сельской местности, настоящую угрозу здоровью общества и призвали к выработке общих стандартов для поступающих на работу кормилиц. Последовавшие постановления коренным образом изменили положение вещей: в отчетах начиная с 1900 года содержится описание улучшенных домов с несколькими спальнями, окнами и мебелью. Сами кормилицы были обязаны регулярно проходить медицинский осмотр.

Инспектора также отмечали и быстрое принятие искусственного кормления. Кормилицы сохраняли молоко для своих детей. Поскольку пастеровские принципы сделали возможным очищение организма от микробов и принятие мер против инфекции, врачи первоначально относились к этому терпимо, а затем активно стали поддерживать эти перемены. Если мы посмотрим на то, как дела обстояли в 1900 году, северная половина Франции — наиболее промышленно развитая, богатая и лучше образованная, по сравнению с югом — в большинст-

[55] Разведение скота (фр.).

ве своем перешла на искусственное кормление детей; южная часть страны будет продолжать полагаться на кормление грудью в течение последующих двадцати лет[56].

Торжество искусственного кормления изменило отношения между женщинами и детьми как символически, так и практически[57]. Заработок кормилицы зависел от ее плодовитости. Опасность заключалась в том, что женщины могли забеременеть и отказаться от своих детей, чтобы извлечь выгоду от молока. Наем на работу главным образом основывался на физических достоинствах кормилицы. Конец этому акценту на тело положило искусственное кормление. И хотя понятие «кормилица» продолжало использоваться, она на деле была больше «воспитательницей», чей возраст и способность к воспроизведению потомства больше не играли роли. Чтобы не кормить ребенка грудью другой женщины, мать могла дать ему грудного молока в бутылочке, когда это было необходимо. С этой точки зрения кормление грудью приобрело положительную эмоциональную коннотацию: кормящая грудью женщина перестала быть «дойной коровой» и стала заботливой мамой.

Другим последствием победы искусственного кормления стало посягательство врачей на взаимоотношения кормилицы и питомца, что долгое время ускользало от них. В конце концов они смогли вычислить количество молока, необходимое ребенку в разные возрасты его жизни, равно как и составить наилучшее расписание кормлений. Вскоре врачи узнали достаточно, чтобы давать советы матерям и кормилицам. Но существовал и еще один мотив, побудивший их вмешаться в эти отношения: проблема незамужних матерей.

Французский термин *fille mure*, означающий незамужнюю мать, впервые вошел в язык во времена революции и исчезает из него только сейчас. На протяжении двух веков он означал оскорбление самой логики патриархата. Позволить незамужним матерям занять место в обществе означало признать, сознательно или нет, что женщины единственно ответственны за своих детей и что мать и ребенок могут существовать и без помощи отца, даже не зная, кто он. Это означало пошатнуть саму основу, на которой покоилась семья и общество.

Безусловно, незаконнорожденные дети не были таким уж неизвестным явлением в предыдущие столетия. Однако в период между 1750 и 1850 годами статус их изменился. Тому было несколько при-

---

56 Catherine Rollet-Echalier. *La Politique a l'égard de la petite enfance sous la troisiume République*. Works and Documents, notebook 127, Institut National d'Etudes dimographiques (Paris: Presses Universitaires de France, 1990).

57 Francoise Bigot. "Les Enjeux de l'assistance a l'enfance", Ph.D. diss., University of Tours, 1988., 2 vols., tapescript p. 138–139.

чин: количество незаконнорожденных детей росло, «соблазнители» осуждались как безответственные, а власти всерьез обеспокоились данной проблемой. Число незамужних матерей увеличивалось повсеместно, хотя и не всегда одними и теми же темпами[58]. В 1790 году количество незаконнорожденных детей во Франции составляло 3,3% от всех рожденных детей, в 1840 году цифра эта выросла до 7,4%, а к началу XX века остановилась на отметке 7–8%. Однако в Париже, месте, куда стекались попавшие в беду девушки, этот уровень составлял 30% в 1830–1840-х годах. В Англии рост количества незаконнорожденных детей начался раньше, где-то около 1750 года, однако был менее тяжелым: в Лондоне в 1859 году рожденных вне брака детей было всего 4%[59]. И, наоборот, в Вене количество незаконнорожденных детей, казалось, превышало количество рожденных в браке. Некоторые женщины жили как наложницы у отца своих детей вне зависимости от того, признавал он отцовство или нет. Однако истинными «незамужними матерями» являлись те, кто был лишен всяческой поддержки со стороны мужчины. Практически все они уступили под натиском силы, запугивания или же поддались на обещания жениться. Почти не защищенные законом, беспомощные молодые девушки оставались беззащитными как в сельской местности, так и в городах. На деле общественное мнение не делало исключения и для изнасилования[60]. Любая уступившая девушка, даже если ее заставили, была «испорченной», «падшей», недостойной уважения или помощи. Если же она оказывалась беременной, то должна была рассчитывать на собственные источники существования, за исключением неординарных обстоятельств[61].

Детоубийство не исчезло, но частота его случаев росла в обратной пропорциональности к числу абортов. Незамужняя мать, которая решила оставить ребенка, должна была сделать выбор между двумя в равной степени трудными решениями: либо отказаться от ребенка, либо попытаться вырастить его в одиночку. Именно здесь в дело вступали власти. Лучшим доказательством служили предпринятые ими шаги. В католических странах муниципальные власти долгое время поощряли незамужних матерей отказываться от своих детей.

---

[58] Agnes Fine. “Enfant et normes familiales”, in Jacques Dupbquier, ed. *Histoire de la population fransaise* (Paris: Presses Universitaires de France, 1988), vol. 3, p. 437.

[59] Weeks. *Sex, Politics, and Society*, p. 61–62.

[60] Perrot, ed. *Histoire de la vie privée*, vol. 4, P. 61–62. См. также: Michele Bordeaux, Bernard Hazo, Soizic Lorvellec. *Qualifié viol* (Paris: Klincksieck, 1990).

[61] Brian Juan O’Neill. *Socila inequality in a Portuguese Hamlet: Land, Late Marriage and Bastardy (1870–1978).* (Cambridge: Cambridge University Press, 1987), p. 334.

Сиротские приюты при больницах, закрытые во время революции, были вновь открыты в 1811 году. Возможность анонимно отказаться от ребенка снизила опасность детоубийств и вернула свободу виновной матери, хотя она, конечно же, теряла свою «честь». Даже освободившись от бремени ребенка, она ни на что не могла надеяться, кроме как на презрение со стороны окружающих. В нравственном отношении лишь немногие остались целыми и невредимыми, избежав мук и угрызений совести. Брошенных детей часто оставляли с опознавательными знаками и записками, в которых выражалось сожаление и просьба к нашедшему позаботиться о ребенке. Все же многие чиновники полагали, что ни одна женщина не может любить живое доказательство своего греха и ни один ребенок не сможет не презирать женщину, которая уготовила ему или ей такую жизнь. Незамужнюю мать нельзя было вообще назвать матерью.

Однако сиротские приюты было слишком дорого содержать. Они поощряли отказ от детей тем, что делали эту процедуру намного упрощенней. Даже супружеские пары, испытывая финансовые затруднения, иногда избавлялись подобным образом от обременительного ребенка. Перегруженные работой мэрии закрывали приюты для сирот. Во Франции последний приют закрыл свои двери в 1860 году, в Италии – в 1880 г. На их место пришли сиротские агентства, где детей по-прежнему можно было оставить, но уже не анонимно. И только лишь в 1904 году во Франции вновь было легализовано анонимное рождение детей и отказ от них.

Тем временем в католических странах Европы все большую популярность приобретала англо-американская модель. Ее смысл состоял в оказании помощи незамужним матерям в форме пособий. В Англии это осуществлялось через частные благотворительные организации. Во Франции и Италии сама эта идея первоначально вызвала крайнее неудовольствие у истинных католиков, которые опасались того, что подобная мера будет поощрять порок. Однако время работало на пользу выплате субсидий. Французские экономисты беспокоились о снижении уровня рождаемости. В их глазах незаконнорожденный ребенок имел ту же ценность, что и рожденный в браке, а менее дорогостоящим и более надежным способом его воспитания было оставить ребенка с матерью. Между тем христиане постепенно признали, что, осуществляя заботу о ребенке, мать свершает акт покаяния, становясь тем самым достойной искупления: она тайно достигает достоинства материнства. Процесс перемен ускорила революция 1848 года. Регулярные пособия выплачивались специальным комитетом, который следил за нравственностью получавших поддержку женщин. Государство, обеспечивая эти фонды, заняло место отца и мужа, при-

своив себе часть их власти. Со всеми своими недостатками программа выплаты субсидий по-прежнему составляла весьма скромный доход, но достаточный для того, чтобы превратить положение незамужней матери в привлекательное для некоторых женщин. Тогда возникал вопрос: оставляла мать своего ребенка ради любви или же ради денег? Тогда же возникли и обманные пути: женщины, которые жили со своими любовниками, скрывали эти отношения и откладывали возможное замужество, чтобы получить дотации.

Те незамужние матери, которые рожали в больницах, получали вполне приемлемый уход. В конце века в Пруссии Бисмарка были построены специальные дома для будущих матерей, дабы те могли жить в приличных жилищных условиях. Французские и итальянские заведения были более примитивными. Пациентки становились образчиками для студентов-медиков, которых мало беспокоила их скромность, а после того как женщина рожала, ей могли принести на кормление двух или трех младенцев, но только не ее ребенка, который забирался у матери, дабы она не выказывала ему специального внимания. Наблюдавший подобную практику в Марселе доктор Фодере выступил с яростной критикой в ее адрес, но безрезультатно[62]. Точно такая же ситуация была и в Милане, где в июле 1899 года тридцать две кормящие матери кормили семьдесят четыре младенца, а также и в Мантуе, где одна молодая мать, родившая в январе 1900 года, кормила в период с марта по ноябрь до восемнадцати различных новорожденных детей. Существовали опасения, что зараженные сифилисом дети передадут болезнь кормилице, а через нее другим детям, которые, в свою очередь, заразят других кормилиц и т. д. Однако врачи всю вину взваливали на кормилиц, осудив беспорядочное кормление грудью и частную смену младенцев между кормящими матерями, будь то по дружбе или же из-за денег.

Больницы кишели микробами и были переполнены пациентами, поэтому неудивительно, что гигиена Пастера взяла их штурмом. «Разведение» человеческих существ стало более человечным, но в то же время оно попало в руки врачей, которые терпеливо и методично пытались воспитать самих матерей и кормилиц.

Начали они с обесценивания «материнского инстинкта», этого символа различий между миром женщин — эмпирическим, эмоциональным, традиционным — и миром мужчин — новаторским, рациональным и научным. С этого момента, считали врачи, даже физические аспекты материнства нуждаются в воспитании на научной основе. Семейные

[62] Gianna Pomata. “Madri illegitime tra ottocento e novecento: Storie cliniche e storie di vita”, *Quaderni Storici* 44 (August 1980), p. 506–507.

врачи обращались к своим состоятельным пациенткам тоном дружеского снисхождения. В разговоре с пациентками скромного достатка тон становился более повелительным. Все было четко прописано: количество и график кормлений, стерилизация бутылок и сосок, как пеленать и купать ребенка, когда укладывать спать, как пользоваться термометром. Для просвещения матерей из рабочего класса врачи давали консультации по уходу за детьми в своих акушерских клиниках. Свои услуги предлагали и частные благотворительные организации, как например "*Gouttes de lait*" («Капли молока») во Франции. Матери часто консультировались с этими «специалистами» и, очевидно, учитывали их советы. На каждого ребенка заводилась специальная медицинская книжка. Оригинальный образец, разработанный в 1869 году доктором Фонсагривсом, благодаря деятельности другого врача, доктора М. У. Гаррисона, распространился и по другую сторону Атлантики. В этой книжке делались пометки о весе ребенка, его росте, пище, вакцинациях и болезнях. Занимавшиеся благотворительностью женщины помогали врачам тем, что навещали дома матерей, дабы удостовериться в том, что те надлежащим образом выполняют все предписания доктора. Таким образом, между женщинами возникла новая форма взаимопомощи, полностью находившаяся однако в то время под медицинским надзором, лишенная независимости.

Некоторые высказывались за включение в учебные программы начальных и средних школ для девочек курсов по воспитанию детей. Цель этого заключалась в подготовке молодых девушек к материнству, которое по-прежнему всеми расценивалось в качестве первостепенной социальной роли женщины. Однако ни один из подобных курсов одобрен не был. Учебная программа для девочек постепенно стала все больше и больше походить на ту, по которой учились мальчики, и в конечном итоге это слияние способствовало уменьшению разделения труда как в семье, так и в общественной жизни по половому признаку.

Сердца

Культурное и экономическое развитие привело к пересмотру разделения ролей и функций по принципу принадлежности к тому или иному полу. Однако в теории, впрочем, как и на практике, все признавали существование различий между общественной жизнью, которая являлась мужской сферой, и частной жизнью, которая была женской, – так называемая теория двух сфер. Таким образом, был

женский мир, где культура, свойственная женщинам, по-прежнему в основе своей будучи физической и эмоциональной, разрабатывалась и передавалась из поколения в поколение. Какова была роль личных отношений между жившими вместе женщинами? Между женщинами и мужчинами, которые жили с ними? Образование стало наделять женщин убедительными и независимыми индивидуальностями. Каким же образом эти женщины примирили свои цели с теми, которым они были обязаны окружавшим их людям?

Среди женщин

Когда Виктор Гюго описывал спальню Козетты или когда Бальзак обставлял комнату Цезарины Бирото, они исходили из своих фантазий. Реальные же девочки просто-напросто хотели иметь свою комнату. Никто не сожалел о тех спальнях, которые приходилось однажды делить со своими сестрами и братьями. Место, где девочка хранила свои старые куклы, прятала сувениры и запиралась, когда хотела побыть одна, чтобы помечтать или поплакать, было ее убежищем, тем пространством, где зарождалась ее независимость, где индивидуальность боролась за самовыражение. Одной из форм самовыражения были личные дневники[63]. В ведении таких дневников не было ничего нового, но, по мере того как подобная практика становилась все более популярной, они обрели новое значение. В начале века дневники по-прежнему являлись средством тщательного самоуглубления, инструментом христианского раскаянья, где девочки записывали свои прегрешения и искушения и принимали решение быть добропорядочными. Вскоре, однако, авторы дневников стали обращать взгляд вовне, пытаясь понять самих себя и практикуя то, что врачи уже стали называть интроспекцией или самоанализом. Девочки, подобно Марии Башкирцевой, выражали обеспокоенность по поводу будущего. Женщины, подобно Евгении де Герен и Алекс де Ламартин, продолжавшие вести дневники и в более зрелом возрасте, зачастую поступали так, дабы заполнить своего рода внутреннюю пустоту, удержать дни, которые в противном случае исчезнут бесследно[64].

Для маленьких девочек и даже юных дам руководство со стороны матери считалось лучшим способом воспитания, поскольку матери знали, как подготовить своих дочерей к частной жизни.

---

[63] Perrot, ed., Histoire de la vie privie, vol. 4, p. 455–460.

[64] См.: Marie Bashkirtseff. *Journal* (Paris: Mazarine, 1985)(см. русское издание: Башкирцева М. К. Дневник Марии Башкирцевой. – М., 1991); Eugene de Guirin. *Journal et Fragments* (Paris: Lecoffre, 1884); Alix de Lamartine. *Le Manuscrit de ma mere* (Paris: Hachette, 1924).

Письма и дневники свидетельствуют о том, что воспитание было нежным и чутким частично путем уговоров, частично путем соучастия. Общераспространенными стали объятья, равно как и интимные беседы, в то время как физические наказания исчезли, по крайней мере среди среднего класса; матери из аристократии и крестьянства оставались более сдержанными и придерживались традиций несколько дольше, нежели женщины из средних слоев[65]. Матери охотно работали учительницами и наставницами, а нравственное воспитание в особенности было исключительно их сферой. Многие матери изучали литературу по педагогике. Матери и дочери сблизились между собой, как никогда раньше, поскольку мужские и женские роли никогда не были столь дифференцированы. Кроме того, низкий уровень рождаемости оставил больше времени на личные взаимоотношения. Однако двойственность сохранилась. Матери часто чувствовали разочарование от того, что родилась девочка, «так глубоко укоренилась идея о превосходстве мужчины в счастье и достоинстве». Иногда матери выражали презрение по отношению к своему собственному полу, игнорируя своих дочерей: в примерах нет недостатка. Или же, бросаясь в другую крайность, они могли уступить «чувствам идентификации» и попытаться создать идеализированную копию самих себя, «более совершенную» женщину[66]. Это могло сделать их властными, сущими инквизиторами. И все же смерть матери была для девочки тяжелейшим ударом. Окруженные родственниками и друзьями, потерявшие матерей Каролина Брам[67] и Стефани Жюльен[68] тем не менее чувствовали себя ужасно одиноко, особенно когда пришло время принимать важные решения, например выбрать себе мужа.

К концу XIX века безмятежная близость матери и дочери начала подвергаться опасности. У матерей больше не было четкого представления о том, чего от них ожидали. Занимавшаяся наукой Клеменс Ройер рассматривала себя в качестве гибрида. Все, что она просила у своей дочери, так это «заменить ее на поле боя»[69]. Однако то, что Луиза Вайс называла «нравственной зрелостью»,

[65] Erna Olafson Hellestein et al., eds. *Victorian Women: A Documentary Account of Women's Lives in Nineteenth-Century England, France, and the United States* (Stanford: Stanford University Press, 1989).

[66] Adrienne Necker de Saussure. *Education progressive ou étude du cours de la vie* (Paris: Garnier, n. d.), vol. 2, p. 478.

[67] Caroline Brame. *Journal intime* (Paris: Montalba, 1985).

[68] Hellestein et al., eds. *Victorian Women*, p. 144.

[69] Цит. по: Genevieve Fraisse. *Clémence Royer, philosophe et femme de sciences* (Paris: La Dйcouverte, 1985).

могло привести подростка к осуждению, иногда грубому, своей матери. Образованная, вооруженная ученой степенью, жаждущая независимости молодая дама могла отвергнуть материнскую модель, при этом по-прежнему желая угодить мужчине, стремилась найти мужа и иметь детей. Эти противоречия приводили к разладу, который трудно было преодолеть. Был ли подобный разлад фактором заболевания, тем, что в 1873 году доктор Ласег назвал «анорексией»?[70].

На практике не все девочки воспитывались исключительно дома. Благодаря пансионам матери с радостью освобождали себя от бремени «переходного возраста». Пансион скрывал кризис от посторонних глаз и смягчал его тяжесть: молодая девушка находила других наперсниц. Между матерью и дочерью установилась должная дистанция. Например, после поступления в школу «Святого сердца» Мари де Флавиньи почувствовала теплую привязанность к полной очарования и прекрасно образованной мадам Антонии. На другом краю социальной шкалы маленькая Мари-Клэр, воспитанная в приюте для сирот, снискала расположение сестры Мари-Эме. Мирские учительницы в этом отношении не пользовались такой репутацией.

Многие подростки познали в пансионах радости дружбы. Было не так уж необычно для двух девочек заключить пылкую дружбу, стать неразлучными подружками, обмениваться клятвами и картинками, а также такими символами вечной преданности друг другу, как пряди волос, кольца или браслеты. В католических монастырях бдительный надзор препятствовал этим «нечистым обычаям», но не запрещал сентиментальные излияния. Английские и американские девочки пользовались практически неограниченной свободой: их письма свидетельствуют о том, что ученицы в пансионах могли жить в совершенно интимной обстановке, обмениваться одеждой, спать в одной кровати, уединяться в «уютной маленькой комнатке», дабы заниматься музыкой[71].

В Европе замужество вносило в подобного рода дружбу определенное напряжение. Однако в Америке этот взаимный пыл иногда сохранялся и после расставания. Приведу всего лишь один пример.

---

[70] Ginette Raimbaut and Caroline Eliacheff. *Les Indomptables, figures de l'anorexie* (Paris: Editions Odile Jacob, 1989); Joan J. Brumberg. *Fasting Girls: The Emergence of Anorexia Nervosa as a Modern Disease* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988).

[71] Steve M. Stowe. "'The Thing, Not Its Vision': A Woman's Courtship and Her Sphere in the Southern Planter Class", *Feminist Studies* 9, I (Spring 1983): 113–130. См. также: Hellestein et al., eds. *Victorian Women*, p. 88.

Мэри Халлок Фут и Хелена Декей Гильдер обменивались нежными письмами, которые говорили о страстном физическом желании: они жаждали увидеть друг дружку, обняться, лечь вместе и обменяться ласками. Должны ли мы видеть в подобных чувствах проявление гомосексуализма? Сами девочки ничего подобного в этом не усматривали: в их культуре не существовало ни самого понятия гомосексуализма, ни даже такого слова[72]. В любом случае они вышли из респектабельных консервативных семей, которые принимали их взаимоотношения без какого-либо беспокойства и, очевидно, полагали их совместимыми с замужеством. Не обижались даже и мужья: они знали, что женщины эмоциональны и экспрессивны. Действительно, мужчины знали, что женщинам присуща своеобразная чувственность, но она была слишком несущественной, чтобы беспокоиться по ее поводу. Викторианская этика, часто осуждаемая как косная и подавляющая, была в этом отношении достаточно гибкой, чтобы адаптироваться к женским потребностям.

Сестры и кузины формировали в рамках одной семьи своего рода клан. В католических странах вполне обычным явлением для некоторых из них было принятие духовного сана. Исключением не стали и сестры Мартен (сестры св. Терезы Лизьевской). Желание жить среди женщин, возможно, было одним элементом религиозного призвания: дочери церкви не только избегали дисциплины со стороны отца и мужа, а также опасностей и проблем материнства, но также были уверены в том, что у них всегда будет мать и сестры. Если же случайно ревность или озлобленность возникали в пределах монастыря, конфликт свести на нет помогали еженедельные публичные исповеди[73]. Сестры религиозных орденов играли важную социальную роль. Везде, где открывались амбулатории или школы, они вскоре становились главными пунктами женской солидарности.[74]. Некоторые монахини обладали реальной властью: в 1840-х годах сестра Розали, ангел-хранитель парижских «опасных классов», будто бы была способна оказывать влияние на выбор министров правительства. А мать Явохи, хотя и не могущая занимать этот пост, была избрана в 1848 году в Палату депутатов чернокожими французскими гражданами Гвинеи, бывшими рабами, освобождению которых она способствовала.

---

[72] Smith-Rosenberg, *Disorderly Conduct*, p. 52–76.

[73] Arnold. *Le Corps et l'eme: la vie des religieuses au XIXe siucle.*

[74] Jacques Leonard. "Femmes, religion et mйdecine. Les religieuses qui soignent en France au XIXe siиcle", *Annales, Economie, Société, Civilisation* (September – October, 1977), p. 897–907.

Помимо этих институциализированных «женских общин», отношения между женщинами обуславливались семейными структурами и экономическими условиями. Они не всегда были идиллическими. В некоторых беднейших сельскохозяйственных областях, по-прежнему находившихся под влиянием традиций, женщины жили во взаимной вражде и подозрительности, например в итальянской провинции Фриули в начале XX века[75]. Несколько поколений жили вместе под одной крышей. Власть матери проистекала из ее репродуктивной роли: ее сыновья защищали ее от тирании мужа. Когда сын женился, его мать смотрела на новую невестку как на соперницу и была склонна к тому, чтобы унижать и эксплуатировать ее. Единственным способом для жены улучшить свое положение было родить собственного сына, поэтому свекрови ненавидели, когда их невестки беременели. Но, несмотря на беременность, бремя не становилось легче. Наоборот, невестку заставляли работать вплоть до начала схваток, причем никто не утруждал себя сообщить ее матери и сестрам, что время пришло. Помощь, возможно, могла предложить соседка, но впоследствии жертва начинала относиться к своей невестке таким же образом. Подобные разделения внутри семьи, которые исключали какую-либо солидарность среди женщин, являлись одним из знаков варварской природы традиционного средиземноморского сельского общества, в котором доминировали мужчины.

Между тем экономические перемены заставили старые семейные структуры рушиться разными путями. Даже в сельских районах отношения между женщинами были сложными и не всегда ограниченными частной сферой; более того, они никогда не были статичными, но постоянно менялись. Например, в Мино деревенские женщины создали свою субкультуру, достаточно богатую, чтобы компенсировать ограниченный и иногда противный характер семейной жизни.

В городе «благопристойные» дамы научились приспосабливать общество к своему вкусу. Прекрасным примером тому служат буржуа северной Франции в 1850–1860 годах[76]. В начале XIX века они по-прежнему принимали участие в делах своих отцов и мужей. Их роль как женщин в то время была второстепенной. Они доверили своих детей слугам, мало задумывались о внутреннем убранстве дома и не были особо религиозными. Однако развитие промышленности во вто-

[75] Flaviana Zanolla. “Soucere, nuore et cognate nel primo ‘900 a P. nel Friuli”, *Parto e maternita, momenti della boigrafia femminile*. Специальный выпуск *Quaderni Storici* 44 (August 1980): 429–450.
[76] Smith. *Ladies of the Leisure Class*.

рой половине столетия отрезало фабрики от семейных домов. Жены и матери были низведены до домашней сферы, где они утвердили свои полномочия и определили свои собственные ценности — ценности, которые практически пункт за пунктом противоречили ценностям мужчин.

Вместо того чтобы превозносить производство товаров и приумножение благосостояния, эти женщины сделали упор на семье и продолжении рода. Во времена, когда повсеместно наблюдалось падение уровня рождаемости, у них было больше детей, нежели у их матерей. Воспитание детей стало их способом отстаивания своего отличия, с которым они пытались заставить считаться. Они сами заботились о своих отпрысках. Для сестер и кузин, соседок и подруг жизнь являлась бесконечной вереницей беременностей, рождений детей, кормлений, отлучений от груди и возобновления менструации, начиная от половой зрелости и вплоть до климакса. Биология была и силой, и слабостью этих женщин, основой их солидарности и идентичности. Они тщательным образом наблюдали за учебой детей и их нравственным воспитанием. Наличие большого количества детей затрудняло выполнение ими домашних обязанностей, но в этих сложностях они находили удовольствие: их кухня становилась изысканней, меню — роскошней, а безделушки — бесчисленными. Они тратили довольно много денег, и их мужья жаловались, что жены не знают цену деньгам. Тем не менее женщины добросовестно хранили все счета: именно потому, что не было никакой экономической цели в том, что они делали. Даже в крупных домашних хозяйствах предпочитали нанимать женщин, нежели мужчин. Отношения между хозяйкой дома и служанками были личными узами полуфеодальной зависимости. Служанка являлась частью семьи и не могла полностью распоряжаться собой: в теории она не могла выходить замуж или иметь детей. У нее не было свободы, а вся ее жизнь подчинялась ежедневному ритму работы, которая не имела ни осязаемого результата, ни цели.

Буржуа Севера сделали религию центром своего мира, и каждая минута их существования была окружена аурой сакрального. В своей набожности они отрицали науку и любое рациональное основание причинной связи: болезнь, смерть, нищета — все было выражением Божьей воли, принимаемой с покорностью. Мария, Царица Небесная, символизировала все женские ценности: будучи и девственной, и матерью, она бросила вызов природе и науке. Она выражала мечту о невоплощенном воспроизведении, которое отмежевалось от плотского союза и рождения в крови. Помимо христианской благотворительности, эти женщины учреждали детские ясли, сады, церковные группы

и благотворительные организации, однако объекты благотворительности должны быть законнорожденными и крещенными. Уверенные в своих ценностях, они пытались обеспечить триумф этих ценностей в общественной сфере, создавая «лиги матерей и патриоток» для борьбы с атеистической прессой.

Две сферы не всегда дополняли друг друга: иногда они шли врозь, иногда сталкивались. Похожее явление можно было наблюдать во время великого религиозного пробуждения в протестантских странах. Были ли эмоциональные и личные узы достаточными, для того чтобы примирить оба пола с семьей?

Женщины и мужчины

В XVIII веке и начале XIX отношения между отцами и дочерьми похожи на идиллию. Мужчин трогала хрупкая утонченность их дочерей, их послушание, открытая и обезоруживающая привязанность. Со своей стороны маленькие девочки старались заслужить уважение и благосклонность хозяина дома; это, по мнению педагогов, было наилучшей из возможных подготовок к замужеству. Однако некоторых девочек крайне привлекал интеллект их отцов. На восхищении подобного рода основывалась и привязанность Жермены де Сталь к своему отцу, Жаку Неккеру. Точно так же граф де Флавиньи, обожаемый отец Мари, был человеком Просвещения, творцом, мыслителем, источником всевозможных знаний. Множество похожих примеров можно привести и из начала XIX века: поскольку у мужчин было много свободного времени, они общались со своими дочерьми, советовали, какие книги им читать, и культивировали любую их способность к литературе или искусству. Но по мере того как шло время и мужчины все большее внимание стали уделять своим делам, все меньше и меньше времени оставалось у них для воспитания своих детей и личного общения с ними. Отныне они скорее всего использовали своих дочерей, в основе своей более послушных, чем сыновья, в своих целях. Помогая отцу, можно было извлечь и выгоду для себя: мадмуазель Дюбуа, которая, работая со своим отцом, узнала все о торговле текстилем, осталась на всю жизнь в этом прибыльном бизнесе, несмотря на прекрасную партию в браке[77]. Однако слишком часто сотрудничество отца с дочерью выглядело как чистой воды эксплуатация: девочка работала без заработной платы в качестве секретарши или машинистки без какой-либо надежды на карьерное продвижение.

[77] Ibid., chap. 3.

Многие девочки-крестьянки были обязаны «помогать» свои отцам до тех пор, пока их силы не истощались. Кроме того, девочки всех социальных слоев должны были заботиться о том, кто дал им жизнь, в старости.

Конфликт начинался в тот момент, когда молодая девушка начинала выказывать желание к обретению свободы. Выбор мужа становился решающим вопросом, и даже наиболее либерально настроенные отцы не могли удержаться от того, чтобы не вмешаться в эту проблему. Виктор Гюго и Карл Маркс, оба будучи глубоко уважаемыми, но деспотичными отцами, преследовали своих дочерей, исходя из лучших побуждений[78]. Элизабет Баррет исполнилось почти сорок лет, когда она была вынуждена тайно бежать с респектабельным Робертом Браунингом по причине оскорбительного поведения своего отца. Другой причиной конфликта было решение дочери получить высшее образование, а не посвящать себя исключительно домашней жизни. Луизе Вайс не позволяли поступать в Сорбонну до тех пор, пока она не провела год в немецком институте домоводства[79]. Тем не менее вскоре отцы научились гордиться академическими успехами своих дочерей и даже высоко ценить их достижения, особенно если у них не было сыновей. Когда дочери вступали на политическую стезю, они часто следовали по стопам своих отцов[80]. В двух словах: вне зависимости от конфликта, несмотря на взаимную привязанность, отцы и дочери обнаружили новую общую почву.

Когда отца не было, некоторые девочки обращались за помощью и любовью к своим братьям. Взаимоотношения между братом и сестрой были особенно распространены и вознаграждены в эпоху романтизма. Можно привести тому множество примеров из истории различных стран[81]. Родители благосклонно смотрели на подобного рода отношения. Они полагались на сестру, которая поспособствует нравственному воспитанию брата. Старшая сестра становилась второй матерью. Младшая сестра, будучи слабой, учила мальчика быть защитником. В любом случае ее невинность оказывала впечатление на молодого юношу. Однако присутствовали и иные факторы: брат был одним из немногих молодых лю-

[78] Perrot, ed. *Histoire de la vie privée*, vol. 4, p. 128.

[79] Weiss. *Mémoires d'une Européenne*, vol. 1, p. 93–94.

[80] Evelyne Berriot-Salvadore. "L'Effet 89' dans le journal intime d'une jeune fille de la Belle Epoque", Proceedings of the colloquium *Les Femmes et la Révolution fransaise* (Toulouse: Presses Universitaires du Miral, 1989–1990).

[81] Perrot, ed. *Histoire de la vie privée*, vol. 4, p. 516–517; Degler. *At Odds*, p. 107–108; Knibiehler et al. *De la pucelle a la minette*, p. 102.

дей, с которым девушка могла сблизиться и общаться в свободной и привычной для себя манере. Верно было и обратное. Более того, мальчики хотели иметь зеркало, отражение, двойника, и некоторые соблазнялись играть роль Пигмалиона. Девочки рассматривали своих братьев в качестве посредников: через них до девочек доносились отзвуки общественной жизни, доступ к которой был им запрещен. Некоторые девочки охотно жертвовали своим приданным и, следовательно, будущим, дабы братья их смогли продолжить учебу и оставить свой след в этом мире. Сестра, которая чувствовала, что ее брат вот-вот утратит веру, могла молиться за него, делать пожертвования или же осуществлять какой-либо иной акт веры. Свидетельством тому служат примеры Евгении де Герен и Каролины де Гобино.

Литература была полна фантазий об инцесте, например роман Эмилии Бронте «Грозовой перевал» или Роберта Музиля «Человек без свойств»[82]. Некоторые авторы-мужчины грезили об инцесте со своими матерями. Так было в случае с Фрейдом (что хорошо известно), а также и с Жюлем Ренаром. Судьи, судебные врачи, общественные обозреватели – все отмечали увеличение случаев инцеста, особенно в отношениях между отцом и дочерью, как в сельской местности, так и в городе. Однако рассматривали они это как проблему, ограниченную рамками семьи. Уголовное законодательство и суды эту проблему по существу игнорировали[83]. Было необходимо, чтобы сама семья осталась вне подозрения, а жертвы хранили бы молчание[84].

Мишле где-то говорит о том, что каждый мужчина является сыном своей матери. Он был не единственным, кто отметил то огромное влияние и безграничную власть, которую имеют матери над маленькими детьми, в особенности единственными. Однако материнская любовь настолько высоко ценилась в то время, что никто не боялся этой власти, даже если ребенок являлся мальчиком. Действительно роль матерей в воспитании своих сыновей неуклонно возрастала, по мере того как отцы все чаще работали вне дома[85]. В начале XIX века мальчиков отправляли в пансионы в возрасте семи лет; в конце

82 Robert Musil. *The Man Without Qualities* (London: Picador, 1979). См. издание на русском языке: Музиль, Роберт. Человек без свойств. – М., 1994.

83 Jacques Poumarède. "L'Inceste et le droit bourgeois", in Jacques Poumarède and J. P. Royer, eds. *Droit, histoire et sexualité* (Paris: Publications de l'espace juridique, 1987), p. 213–228.

84 Weeks. *Sex, Politics, and Society*, p. 31.

85 Yvonne Knibiehler and Catherine Fouquet. *L'Histoire des mures, du Moyen Age a nos jours* (Paris: Hachette, 1982), p. 186–193.

же столетия — только после двенадцати. Более того, популярность пансионов падала. Мать с одобрения мужа предпочитала сама следить за здоровьем и учебой своего сына, помогать ему с домашними заданиями и проверять уроки. Помимо этого, она контролировала его религиозное и нравственное воспитание. Зачастую именно в этой области матери устанавливали глубокую и длительную связь со своими детьми. Эдгар Квине упоминал о матери как о «моем оракуле» и сравнивал ее с духовным учителем; позднее он обвинил себя в чрезмерном поклонении перед нею[86]. Для матерей часто было весьма проблематично занять правильное место между отцом и сыном. В общем женщины хулили мужскую строгость и выступали против физических наказаний, однако при этом они опасались, что любое проявление слабости может испортить ребенка. Некоторые матери пытались удержать сыновей дома, в то время как другие желали оказать влияние на выбор профессии и жены. Подобные практики особенно хорошо характеризовали средний класс, где было острым желание подняться в обществе, а семейные отношения часто ограничивали и мешали. Запутанность отношений между матерью и сыном оставила неизгладимый след в литературе. Писатели, подобно Бодлеру и Прусту, так никогда и не смогли полностью оторваться от своих матерей. С другой стороны, Жюль Валле, Артюр Рембо и Жюль Ренар познали дух бунта через конфликты со своими матерями. Поэтому не должно вызывать удивление, что в конце XIX века Фрейд сформулировал концепцию Эдипова комплекса. Уникальные исторические условия того времени способствовали возникновению ряда патологий в отношениях между матерью и ребенком, и в особенности между матерью и сыном.

Были ли женщины так привязаны к своим сыновьям по причине проблем в отношениях с мужьями? Чтобы ответить на этот вопрос обратимся к отношениям супружеской пары.

Семейный круг и супруги

Считалось, что замужняя женщина «создавала дом» и «заводила семью». Но создавала ли она также и супружескую пару? Хотела ли она этого? Могла ли она преуспеть в этом, если хотела? Домашнее хозяйство и семья являлись традиционными институтами, чьи ценности были формализованы и осознаны. Супружеская же пара была чем-то новым, по-прежнему находящимся в процес-

---

[86] Will Aeschimann. *La Pensée d'Edgar Quinet. Etude sur la formation de ses idées avec essais de jeunesse et documents inédits* (Paris: Editions Anthropos, 1986).

се открытия. Дочерей больше не принуждали выходить замуж за мужчину, выбранного ее родителями, теперь она получила свободу выбора будущего мужа среди нескольких поклонников. Теперь выбор означал предпочтение, предрасположенность, желание любви: надежда была на более интимный, более совершенный союз. При каких же условиях это желание, эта надежда могли быть удовлетворены?

Важное значение, придаваемое приданному, варьировалось от страны к стране. В Англии и Америке, где к приданному относились неодобрительно, молодые люди пользовались большей свободой (тем не менее «гомогамия» едва ли им угрожала, поскольку они продолжали выбирать себе спутников жизни из своей социальной группы). В странах романской Европы, особенно во Франции, ни одна девушка, независимо от того, насколько скромен был достаток ее семьи, не выходила замуж без приданного. Результатом этого явились изощренные матримониальные стратегии, в особенности в семьях состоятельных фермеров, промышленников и торговцев. Дочери, сознавая, что поставлено на карту, следовали подобным планам, не чувствуя, что их «принесли в жертву», так как выбранные для них мужья принадлежали к тому же кругу, что и они, и считались стоящими их. В любом случае им говорили, что любовь приходит *после* замужества. Если же она не придет, то они и без нее справятся: брак давал этим женщинам социальную идентичность, а это было намного важнее, нежели счастье. Между тем идея приданого стала претерпевать изменения: постепенно люди начали ценить женский талант, знания и такт, качества, которые были необходимы жене, дабы быть полезной своему мужу. Портной был склонен к тому, чтобы ухаживать за швеей. Мелкий купец хотел взять в жены достаточно образованную женщину, чтобы та вела его бухгалтерские книги. В конце XIX века некоторые экономисты, например Поль Леруа-Болье, полагали, что способность по ведению домашнего хозяйства необходимо оценить и включить в качестве составной части приданого женщины из рабочего класса.

На отношения между супругами, вероятно, влияли возраст невесты и жениха на момент вступления в брак. В Амстердаме в начале XIX века невеста была старше жениха в 29% из всех браков[87]. И, наоборот, в Америке нехватка женщин привела к тому, что девочки довольно рано выходили замуж[88]. Последствия подобных различий трудно определить.

[87] H.-A. Dideriks. "Le Choix du conjoint a Amsterdam au dйbut du 19e siиcle", *Annales de démographie historique*, 1986, pp. 183–194.

[88] Paul Lachance. "L'Effet du dйsйquilibre des sexes sur le comportement matrimonial: Comparaison entre la Nouvelle France, Saint-Domingue et la Nouvelle

Любопытен пример женщин-мормонок, которые отвергли саму идею супружеской пары[89]. Они приняли мужскую полигамию и стремились извлечь преимущества из сопутствующих ей двойных стандартов. Полагая, что мужчина «по природе» своей более ненасытен, нежели женщина, они считали, что для мужчин лучше иметь не одну жену, а больше. Подобным образом можно избежать адюльтера, незаконнорожденных детей, детоубийства и проституции. Каждый мужчина нес ответственность за воспитание *всех* своих детей. Для целомудренной женщины лучше было выйти замуж за респектабельного мужчину, даже если он был уже женат, чем жить одной или с развращенным мужем. Беременная или кормящая женщина могла снизить частоту своих половых отношений во имя ребенка, не чувствуя при этом никакой вины. Кроме того, она могла бы осуществлять контроль за количеством своих беременностей. Для этой женщины материнство было первостепенным. Конечно же, существовали трудности в том, как делить мужа. Жанет Снайдер не уступала три года, после того как ее муж сообщил, что хочет взять себе вторую жену, но в конце концов ее посетило видение, убедившее согласиться. Позднее она объясняла приятельнице, что женщина должна ожесточиться и не думать слишком много о муже. Своего мужа она забыла настолько успешно, что однажды, позвав детей к обеду, забыла пригласить его самого. Это относительное одиночество оставляло женщине определенную независимость. Иногда жены какого-либо мужчины настолько сближались, что составляли вместе счастливую общину. Тем не менее в 1890 году полигамия была запрещена законом.

Растущее количество молодых девушек мечтало найти в замужестве идиллическую любовь. Рассмотрим два примера: Бесси Леси, дочь плантатора из Южной Каролины, и Фанни Арно, дочь врача из Экс-ан-Прованса, обе волнующиеся невесты. В 1851 году Бесси (тогда ей было девятнадцать лет) приняла предложение Томаса Дьюи, брата ее приятельницы по пансиону[90]. На протяжении года их отношения ограничивались лишь активной перепиской. Их первые письма были традиционными, но вскоре Бесси стала стремиться к большей близости. Она хотела выразить свои чувства, говорить о любви и быть слепленной Томасом и для Томаса: «Слепи меня, как хочешь». Она

Orléans", *Revue d'histoire de l'Amérique fransaise* 39, 2 (Autumn 1985).

[89] Julie Dunfey. "'Living the Principle' of Plural Marriage: Mormon Women, Utopia, and Female Sexuality in the Nineteenth Century", *Feminist Studies* 10, 3 (Fall 1984): 523–536.

[90] Stowe. "'The Thing, Not Its Vision': A Woman's Courtship and Her Sphere in the Southern Planter Class", p. 113–130.

просила его называть ее «возлюбленная». Однако Томас держал дистанцию: он готовил для нее дом. И так, мало-помалу, Бесси отдалилась: в последних письмах она пишет о своих правах и обязанностях вместе с правами и обязанностями Тома. Она восстановила в их отношениях ту формальность, которую прежде надеялась устранить: определив свою территорию, она защитила себя от страстей и разочарований.

Фанни, весьма одаренная и красивая молодая девушка, выбрала из множества своих поклонников Шарля Рейбо, сына марсельского промышленника[91]. Шел 1882 год, и Фанни было двадцать лет. Она надеялась отдать себя полностью, сделать себя прозрачной, но боялась, что Шарль не ответит ей взаимностью. «Я не осмеливаюсь слишком полагаться на будущее, – писала она своей приятельнице. – Оно улыбается мне, я думаю, только для того, чтобы обмануть меня». И действительно, трудно было думать об идеальной супружеской паре в мире, где по-прежнему существовало разделение полов, суверенитет мужа и двойные стандарты. Какова была вероятность удачи Бесси и Фанни?

Казалось, Америка дает бо́льшие возможности. Общее признание здесь теории «двух сфер» означало, что женские функции действительно ценились. Как жена, мать и воспитательница женщина заслуживала такого же внимания и уважения, как и мужчина, который ее обеспечивает. Ее сфера была обширна: во имя моральной ответственности она наблюдала за всей семьей и вмешивалась, когда добродетель одного из ее членов находилась под угрозой. Мужья принимали замечания своих жен, даже если они касались их собственного поведения. Гарриет Бичер Стоу колотила своего мужа, пастора Кальвина, потому что, помимо всего прочего, он читал слишком много светских книг, слишком беспокоился о Лютере, а не о Христе, и не мог адекватно контролировать свои сексуальные желания[92]. Все европейцы, путешествовавшие по Новому Свету, и прежде всего Токвиль, отмечали, что женщины в Америке занимали важное положение, а к их мнениям и требованиям относились со всей серьезностью. Кроме того, подчеркивалась и эмоциональная гармония: у женатых мужчин редко когда бывали любовницы. Все важнейшие решения принимались супругами совместно. У Бесси и Тома был счастливый дом. Но были ли они счастливы как супруги? Том был занятым банкиром, а Бесси активно участвовала в работе различных организаций. Они имели несколько детей.

---

[91] Yvonne Knibiehler. "Fanny Reybaud", *Provence historique* (October 1991).
[92] Degler. *At Odds*, p. 31–32.

И наоборот, замужество Фанни оказалось несчастливым. Шарль был не только ревнив, но и распутен. Успехи жены раздражали его, хотя он и отказывался вновь вернуться к холостяцкой жизни. У него было несколько любовных связей, наиболее возмутительных тем, что Фанни в это время была беременна. Утратившая всякие иллюзии молодая жена потребовала разъезда со своим супругом уже после трех лет совместной жизни, несмотря на то что у них был уже сын. Вскоре она стала одной из самых читаемых в ее поколении писательниц. Ее пример был довольно-таки типичным: к измене со стороны мужчин терпимо относился и закон, и общественное мнение, а жены либо мирились с выходками своих мужей, либо пытались добиться развода (официального или неофициального), который, однако, не возвращал им ни свободу, ни приданое. Когда развод стал возможным (как в 1884 году во Франции), в большинстве своем именно женщины были инициаторами возбуждения бракоразводных дел, однако измена мужа не служила принципиальным основанием: ходатайствующие больше склонны были приводить примеры изнасилования или банкротства, то есть тех обвинений, которые, скорее всего, впечатлят судью. Тем временем измена со стороны жены рассматривалась лишь как проступок, однако мужья больше не осмеливались подавать жалобы, дабы не выглядеть смешными.

Находящиеся внизу социальной лестницы жены в большей степени опасались жестокости и алчности своих мужей. Несмотря на то что жены крестьян и ремесленников помогали в работе своим мужьям, те все равно оставались главными, чему свидетельство — бесчисленное множество пословиц. В некоторых бедных провинциях власть эта приобретала форму жестокого угнетения: женщинам Жеводана не разрешалось иметь ключи от кладовой. Лишенные насущных жизненных потребностей, они, чтобы выжить, были вынуждены воровать. В поле или же в семейной мастерской женщина рассматривалась как помощница мужчины, но взамен она никогда не получала никакой помощи. Женщины часто работали на пределе своих возможностей, быстро старели и рано умирали. Крестьянки же не рассматривали себя в качестве домохозяек.

Однако в домах рабочих «домохозяйка» стала той осью, вокруг которой вращалась семья. Мужья ценили ту работу, которую выполняли их жены: растили детей, готовили еду, стирали и штопали белье и одежду, ухаживали за больными. Но часто эти отношения отравляли два конфликтных источника: религия и семейный бюджет. Многие принадлежавшие к рабочему классу женщины сохранили веру еще со времен своего детства, помня церковные праздники, церемонии, их пышность, которую они так любили. Они внимали

священникам и сестрам и охотно отдавали те немногие деньги, что могли, дабы приобрести кусочек рая, нечто, чего никто не мог их лишить. Этим способом они надеялись привлечь защиту Бога для своих любимых. Хотя их мужья были больше склонны к свободомыслию, если не явному антиклерикализму (особенно в католических странах), они тем не менее не осмеливались вмешиваться в религиозные чувства своих жен, тем более что набожность была гарантией добродетельности. Вместе с тем они могли и побранить старую «церковную курицу», оскорбить и даже поколотить. Что касается денег, то мужчина был кормильцем и иногда неохотно делился своими сбережениями. В середине XIX века Ле Пле заметил, что во Франции (но не в Англии) многие рабочие отдавали свою зарплату женам, хотя и не без ожесточенных споров. Свет на эти споры проливают судебные архивы. Когда дело о разводе доходило до суда, женщины часто обвиняли своих супругов в безделье и пьянстве[93]. Они жаловались на то, что оставались без гроша в кармане с детьми на руках, в то время как муж «шлялся» бог знает где. Они говорили о том, что хотели бы выехать из меблированных комнат в свои дома, обставленные выбранной ими мебелью. Когда мужья их били, некоторые из них, прежде чем бежать, сами сначала отвешивали пару хороших оплеух.

Ясно одно: в XIX веке в западном обществе супружеская пара стала одной нз основных проблем, которая оказывала влиянне на все общественные классы и выходила далеко за рамки частной жнзни. Предмет этот заслужнвает более детальной трактовкн.

В глазах современнников счастлива была та жена, которая отождествляла себя со своим мужем. Прнезжнх во Франции удивляла ситуация, когда онн встречали магазнны, в которых мама работала за кассовым аппаратом, а папа пронзводил товары: такая экономическая солидарность укрепляла семейные узы. Мишле восхищался мадам Пуше, которая помогала своему мужу-врачу в его нсследовательской работе и поддерживала его научную переписку, хотя н наслаждалась в браке нными радостями[94]. Жены некоторых писателей и художнников, напрнмер Жюли Доде и Альма Малер, умело помогали карьере своих мужей в ущерб своей собственной. Более трудным было сотрудничество с политнком. Острая на язык жена посла, Мэри Уоддингтон, заметила, что жены французскнх парламентариев ни о чем ином говорить не могут, кроме как о своих детях, являясь, на ее вкус,

[93] Bernard Schnapper. "La Sйparation de corps de 1837 a 1914: Essai de sociologie juridique", *Revue historique* (April–June 1978).

[94] Michelet. *L'Amour*, p. 358–359.

слегка сермяжными. И наоборот, жены политиков в Италии, Англин н Соедниенных Штатах Америкн все своднли на разговор о доме[95].

Престарелый возраст

Наступление старости, незаметное у мужчин, предсказуемо у женщин вследствие менопаузы. Врачн с интересом наблюдали за этнм состояннем, которое некоторые нз них рассматривали как «золотую осень» в жизни женщнны[96]. Однако большинство продолжало выдавать традиционные предписания: самоотречение и умеренность. Самн женщины высказывали двойственное отношенне к наступлению климакса.

Это было время примерки новых ролей: свекрови, бабушки, вдовы. Обычно свекровей широко осуждали: в прошлом некоторые нз ннх прнчнняли страдания своим невесткам, а сейчас уже зятья находнли тещ чересчур назойливымн. Было, конечно же, трудно, даже когда детн женились, позволить нм уйти, после того как они посвятили нм всю свою жизнь. Однако свекровь или теща — это одно, а бабушка — другое: бабушек восприннмали легче. Если оставшаяся без средств женщнна вынуждена была просить своих детей взять ее к себе, это было более терпимо, если она смогла бы помогать по дому. Один стереотипный образ того времени изображал пожилую женщину, которая вязала и одновременно присматривала за внуками. Бабушка, хранившая семейные традиции н древнюю мудрость, знала детские стишки и колыбельные песенки, рецепты любимого варенья, истории о привидениях нли сказки, встречала всеобщее одобрение. И только врачи настороженио относнлись к ее старомодным вещам. Когда пожилой человек переставал быть полезным, его можно было и выгнать нз дома, лишь в конце XIX столетия властн стали беспокоиться по поводу бремени старости[97].

В состоятельных семьях престарелые матери и бабушкн достигли определенной властн. Часто, будучи вдовамн, они управляли своим значительным состоянием с консервативной осторожностью[98]. Как «матриархи», они правили своими суетливо предупредительными отпрысками.

[95] Jean Estebe. *Les Ministres de la République, 1871–1914* (Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1982), p. 91.

[96] Smith-Rosenberg. *Disorderly Conduct*, p. 190–195.

[97] Hellestein et al., eds. *Victorian Women*, p. 453–508.

[98] Eliane Richard. "Des veuves riches au 19e siècle", Proceedings of the colloquium *Les Femmes et l'argent*, Centre d'Etudes Féminines of the Université de Provence (Aix-en-Provence, 1985), p. 21–35.

Писатели и поэты оставались такими же жестокими по отношению к женщинам, утратившим свою молодость и красоту. «Высушенные тени», называл их Бодлер, «человеческие обломки». Однако сарказм не мог остановить уже необратимый демографический процесс. Здоровье женщин улучшалось, жизнь их удлинялась (продолжительность жизни француженки на протяжении века увеличилась с тридцати четырех лет до пятидесяти двух). Таким образом, старость наступала позже, в то время как материнский возраст заканчивался раньше. Между этими двумя возрастами наступал средний возраст, который при наилучшем стечении обстоятельств предоставлял женщине заманчивую перспективу свободы.

Перевод И. А. Школьникова

14

Опасная сексуальность

Джудит Р. Валковиц

Как пишут историки Кэти Пейс и Кристину Симмонс, сексуальность не есть «неизменная биологическая реальность или универсальная природная сила», но скорее она является «продуктом политического, социального, экономического и культурного процесса». То есть сексуальность имеет «историю»[1]. В то время как определенные модели поведения и обозначения оного превалировал на протяжении долгого времени – например трансвестизм или образ сводницы в качестве матери, – другие практики демонстрируют значительную вариативность. Даже запрещения по поводу инцеста, которые являются предполагаемым камнем преткновения социальных табу, по-разному распространялись и оговаривались, передвигая в курсе европейской истории границы дозволенных сексуальных отношений.

Сексуальные культуры XIX века приводят нам пример социально сконструированного характера сексуальности. Сексуальность XIX века превратилась практически в гладиаторскую арену, где разыгрывались драмы в рамках конфликта классов, рас и гендеров в частной и общественной сферах. Посредством моральной паники, сексуальных скандалов и законодательных мер различные социопрофессиональные группы пытались расширить свою культурную и политическую власть.

Когда викторианцы говорили о сексе, они в большинстве своем фокусировались на сексуальных опасностях, на распро-

[1] Kathy Peiss and Christina Simmons. "Passion and Power: An Introduction", in Peiss and Simmons, with Robert A. Pudgug, eds. *Passion and Power: Sexuality in History* (Philadelphia: Temple University Press, 1989), p. 3.

странении сексуальных практик вне святости жилища, оторванности оных от акта прокреации. Эти темы были также связаны с трениями по поводу изменения брачных норм среднего класса; падение рождаемости делало все более ясным, что брачное ложе превратилось в место для секса, не имевшего своей целью создание жизни, в место для интимных отношений и личного культивирования.

Развитие культа домашнего очага, характериого для среднего класса, сопровождало н восхваление «настоящей» буржуазиой женщины в качестве матери и постоянный отказ от иерепродуктивной женской сексуальности. На протяжении XIX века данная классово окрашенная модель женской асексуальности обретала более телесные формы прн поддержке медицинских авторитетов, которые сильно желали распространить свою культурную власть и на женское тело. Хотя доктора спорили по поводу степени женской бесстрастности, онн обычно оставляли респектабельной женщине самое большее вторичную, заимствованную сексуальность, подчиненную мужскому удовольствию, которой недоставало автономности, некую бледную имитацию мужского эротического желания.

Женская бесстрастность рождалась непосредствеиио рядом с активной мужской сексуальностью н трансгрессивными женскими практиками, которые обычно кодировались как мужские, или *déclassé*. В XIX веке четыре женских практики – проституция, аборты, трасвестизм н романтическая дружба – получили известность в качестве сексуальных трансгрессий (нарушений), затрагивавших женскую деятельность и выбор. Все эти практикн появились задолго до XIX века, ио они заняли новое положение в городской среде того времени – либо потому что ассоциировались с другим социальным классом женщин, либо потому, что стали обладать новым весом и значением в качестве социальной проблемы и идентичности. В разные периоды эти четыре практики кодировались в официальные определения незаконной деятельности сексуально распущенных женщин. При этом данные категории заключали в себе нечто больше, нежели распущенное сексуальное поведение: они имели также отношение к женской работе, образу жизни, репродуктивным стратегиям, моде н самопроявлению, и внесемейными привязанностями.

История опасных сексуальностей в XIX веке иллюстрнрует сложный процесс культурных переговоров и дебатов в процессе формирования викторнанской сексуальности. Споры н культурные дебаты по поводу женскнх сексуальиостей, таящих в себе опасность, проводились во всех социальных слоях и в различных местах городского пространства: в борделе или на улице, в концертном зале или клинике, в узких трущобных тупиках и комфортных салоиах среднего класса. Разные по своим характеристикам мужчнны и женщины нспользовали различные параллельные друг другу соцнальные языки для интерпретацин

сексуального опыта, включая язык сексуального обмена и мелодраматические газетные описания, а также авторитарный язык закона и медицины. В этих дискуссиях гендерная и сексуальная трансгрессии постоянно накладывались друг на друга, а любая сексуальная идентичность, сконструированная в отношении данных практик, являлась по сути своей нестабильной и противоречивой.

Наконец настал исторический момент, когда женщины среднего класса получили доступ к публичному пространству, чтобы говорить о своих сексуальных желаниях, и произошло это благодаря новым средствам массовой информации и политическим организациям, доступным для них во вновь созданном публичном домене. В XIX веке эти женщины все еще были мнимо связаны с ограниченным культурным репертуаром, вынужденные преобразовывать культурные смыслы в пределах определенных параметров. Они просто так и не испытали ни сексуальной страсти, ни сексуальной опасности, поэтому естественным образом не могли найти слов для выражения своих чувств. Они вынуждены были полагаться на культурно доступные им конструкты, чтобы говорить свою «правду».

Проституция

Размах, видимость и изменчивая сущность проституции стали отличительными чертами городов XIX века. Наблюдателей оскорбляли «размалеванные создания», кричаще одетые и агрессивно разглядывавшие людей, фланировавшие по главным улицам и проулкам города; в больших городах проститутки, как утверждают, исчислялись десятками тысяч (эти официальные цифры, однако, были исключительно ненадежны). Социальная иерархия проституток отражала классовую структуру и распределение различных социальных слоев в рамках урбанистических центров. Сексуальный андеграунд Нью-Йорка включал в себя как фешенебельные дома на Пятой авеню, где богатые мужчины содержали своих любовниц, так и табачные лавки Канал-стрит, обслуживавшие рабочих и моряков. В Лондоне социальная география порока распространялась как на куртизанок Сент-Джеймс Вуд и элегантно одетых уличных проституток, расхаживавших вокруг фешенебельных магазинов Риджент-стрит, так и на обедневших женщин — «нитремблерш» [2] и «Салли из-за угла», — со-

[2] *Kneetrembler* — букв. «трясущиеся в коленках», имеются в виду уличные проститутки, которые скрывались при виде полиции. — *Примеч. переводчика.*

вершавших «непристойные действия» в темных закоулках и колодцах городских трущоб, чтобы заработать денег на оплату ночлега. В США рынок проституции также структурировался расовой сегрегацией: в Новом Орлеане, белые и черные бордели соседствовали друг с другом; в многоэтажных салунах Сан-Франциско европейские и американские женщины занимали верхние этажи, в то время как мексиканки, японки и китаянки помещались на низших уровнях. В этих урбанистических центрах география проституции постоянно менялась в ответ на изменения физических и социальных условий. В Берлине, Париже и Лондоне бедные уличные проститутки совершали свое дело в традиционных центрах проституции, обычно на старых узких улицах перенаселенных районов, но новый центр для развлечений или железнодорожные станции также могли оказаться сильным магнитом для публичных женщин.

По сравнению с мужской проституцией, женская являлась исключительно видимым и капиталистическим бизнесом, имевшим сложную инфраструктуру и организацию. Это, безусловно, относится к организованным проституткам, работавшим в борделях, где они часто получали зарплату, одежду, комнату и содержание. В качестве альтернативы проституция могла являться формой частного предпринимательства, в особенности для большого количества женщин, которые курсировали по улицам и часто практиковали в тавернах и театрах. На протяжении XIX века местами продажного секса стали массажные салоны, бани, танцевальные залы, *tableaux vivants*[3], *cafes chantants*. Чтобы ознакомиться с центрами местного порока, мужчина, только что прибывший в большой город, чувствовал себя обязанным купить «путеводитель джентльмена», в котором можно было найти цены, местоположение и услуги различного рода.

Вне зависимости от того, помещались ли проститутки в одном месте или разгуливали по улицам, были ли они организованы или случайно или экспромтом занялись своим промыслом, они все же являлись «неумелыми дочерями неквалифицированных рабочих»[4]. Их жизненный путь проходил так же, как и жизнь большого количества рабочих женщин — тех, кто жил вдалеке от своих семей. Социальные исследования проституции в различных местностях последовательно идентифицировали женщин города в качестве недавних мигрантов из местных деревень или дочерей ремесленников, чье ремесло переживало упадок. Очень похожая модель рекрутирования развивалась и в последних декадах XIX века: продавщицы, официантки и барменши вступали в ряды проституток, отражая

[3] Живые картины (фр.) — открытые театры.

[4] Abraham Flexner. *Prostitution in Europe* (New York: Century, 1920), p. 64.

появление новых, одинаково низкосортных и неквалифицированных, занятий для женщин в третичном секторе экономики. Эта модель также отражала перемещение проституции с улицы в новые пространства коммерческого секса. Плавный и неинституциональный характер уличной проституции позволял огромному количеству рабочих женщин иметь дополнительный заработок (в дополнение к своему незначительному) от услуг сексуального характера, оказываемых прямо на улице. Даже для тех, кто зарабатывал себе на жизнь принципиально проституцией, «веселая жизнь» представляла только временным «убежищем от нелегких жизненных обстоятельств»[5]; молодые женщины в большинстве своем оставляли работу к тридцати годам.

Занимаясь проституцией, женщина участвовала в особой коллективной жизни. Вступая в бордель, она часто получала новое имя и обучалась новым ритуалам и сложиому арго, связанному с торговлей сексом. Несмотря на экономическую эксплуатацию девушек в борделях, ограничение их свободы, бордель часто функционировал в качестве суррогатной семьи и системы поддержки для женщин. Наблюдатели из среднего класса поносили жизнь в публичных домах, считая ее скучной, замкнутой и извращенной, но не ясно, презирали ли ее работавшие там женщины по этой причине. Жизнь в публичном доме предоставляла свободное время и досуг — игра на пианино, разговоры, пение, чтение легких романов, — что могло составлять настоящее удовольствие для женщин из рабочего класса.

Проститутки, которые работали на улицах и снимали жилье, также участвовали в субкультуре, как определявшей кодекс женской респектабельности, так и обусловленной ненадежностью и хищнической сущностью «жизни». Комментаторы из среднего класса постоянно жаловались на физическую и визуальную агрессивность «раскрашенных разодетых женщин, фланировавших по улицам» в «грязновато-белом муслине и засаленном дешевом голубом шелке»[6]. Без шляпок, шалей, под градом «злобных взглядов» эти женщины выставляли себя «во всей красе» прохожим. Форма одежды проституток являлась способом саморекламы и привлечения мужчин-клиентов. Иногда проститутки могли даже пойти дальше и продемонстрировать свои чары, обнажив лодыжку, ногу или грудь или засунув большой палец в рот, показывая вид предоставляемых сексуальных услуг.

Мужчины-клиенты часто разочаровывались от этих сексуальных услуг. За 50 центов в салунах Сан-Франциско мужчины сидели на

[5] *Downward Paths: An Inquiry into the Causes which Contribute to the Making of the Prostitute, with a Foreword by A. Maude Royden* (London, 1913), p. 48.

[6] Цит. по: Ronald Pearsall. *The Worm in the Bud: The World of Victorian Sexuality* (Toronto: Macmillan, 1969), p. 283.

деревянных скамьях в ожидании удовлетворения, наступавшего так быстро, что они едва успевали снять штаны. Даже в более дорогих публичных домах упор делался на быстрое достижение оргазма, отсутствие эмоциональных связей, взаимности. Один молодой человек, отправившийся со своим отцом в дорогой публичный дом для получения первого интимного опыта, позднее описывал это событие как «механическую процедуру, которая продолжалась, возможно, около минуты»[7]. Клиенты могли вполне предпочитать вуайеристические развлечения, предоставлявшиеся крупными борделями в конце XIX века, включавшие в себя *tableaux vivants*, стриптиз и лесбийские сцены.

Клиентов могло особенно опечалить заражение венерическим заболеванием от секса с проституткой или обращение проституток к воровству как более прибыльному занятию. Уличные проститутки обычно работали парами, как для того чтобы защитить себя от злоупотреблений мужчин, так и для грабежа подвыпивших клиентов. Полицейские колонки местных газет пестрели описаниями пьяных драк и актов мелкого воровства между проститутками и их клиентами. Такое насильственное грабительское поведение было характерно не только для мира проституток и их клиентов. Физическое насилие стало общей чертой гетеросексуальных отношений в суровых рабочих кварталах. Когда исследователи социальных отношений попытались вскрыть сущность гендерных отношений среди неквалифицированной бедноты Лондона и Парижа, они часто попадали в «неясное поле исследования, — цитирую историка Эллен Росс, — где женщины не заслуживали особого уважения, где мужчины сражались за свою власть над ними, где "сексуальный антагонизм" признавался в открытую»[8].

Однако во многих других аспектах проститутки отличались от людей, живших в рабочих кварталах, где они также часто проживали. Во-первых, их уровень жизни часто был выше. Несмотря на нестабильные доходы и присущие сексуальному труду опасности и профессиональные инциденты, проститутки обычно одевались лучше, чем другие женщины в квартале, и распоряжались денежными средствами, сопоставимыми с теми, которые имели соседи-мужчины. Проститутки, снимавшие комнату или жившие в борделях, были окончательно оторваны от семейной системы, являвшейся социально-экономическим принципом организации рабочих общин.

Посреди обычной рабочей бедноты, которая привыкла к тяжелым временам и которая вынуждена была с трудом мириться с давящей

---

[7] Цит. по: John D'Emilio and Estelle Freedman. *Intimate Matters: A History of Sexuality in America* (New York: Harper and Row, 1988), p. 182.

[8] Ellen Ross. "'Fierce Questions and Taunts': Married Life in Working-Class London, 1870-1914", *Feminist Studies* 8, 3 (Fall 1982): 575-576.

социально нуждой, проститутки могли удовлетвориться определенной социальной интеграцией. В своем исследовании парижских проституток, проведенном в 1836 году, Паран-Дюшатель нашел доказательства того, что рабочий класс поставлял проституток и толерантно относился к проституции как явлению: около половины замужних женщин выбирали в мужья мужчин, живших на соседней улице, чаще в том же доме, в то время как около половины женщин, чьи родители смогли отвратить их от занятия проституцией, проживали дома[9]. Определенные институты рабочих кварталов поощряли интеграцию такого рода, особенно в пабах и мюзик-холлах, где наблюдатели из среднего класса были шокированы «близким соседством порока и добродетели»[10]. Сформировавшееся в пабе товарищество показало себя на похоронах одной из жертв Джека Потрошителя в 1888 году. Гроб Марии Джейн Келли был покрыт венками от друзей, «пользовавшихся теми же публичными домами, что и убитая женщина»[11].

За стенами пабов не все респектабельные женщины отвечали так любезно. Толерантность общины по отношению к проституткам зависела от специфического характера рабочих кварталов: их этнических и расовых черт, уровня респектабельности и процветания. Она также зависела от размера внешнего давления, оказываемого на бедноту с целью привлечь ее к более строгим стандартам сексуальной респектабельности. Такая внешняя интервенция могла прямо влиять на структуру рынка проституции, так же как и на характер социальных связей женщины с общинами рабочей бедноты.

Сильно заметная и беспорядочная деятельность проституток глубоко огорчала реформаторов из высших классов в середине XIX века. На волне народных революций и опустошающих холерных эпидемий 1830–1840 гг. реформаторы санитарно-гигиенической системы и авторы, писавшие на темы «нравственной статистики», стали одержимы проблемой безнравственности, городских свалок, заразных болезней и социальных беспорядков, происходивших от «великих неумытых» [12]. Они определяли проституцию, как кондуит инфекции в респектабельное общество — «чумных пятен», мора, язвы. Подобно трущобам, породившим ее, думалось, что она несет с собой, как пишет Алан Корбин, «тяжелый запах масс» с их «пугающими идеями интимной жизни». Она прово-

[9] Jill Harsin. *Policing Prostitution in Nineteenth-Century Paris* (Princeton: Princeton University Press, 1980), p. 22.

[10] William Acton. *Prostitution*, ed. Peter Fryer (1870; abridged ed. New York: Praeger, 1968), p. 23.

[11] *Daily Chronicle* (London), 10 November 1888.

[12] *Great unwashed* — в XIX веке уничижительное прозвище представителей низших слоев общества. — *Примеч. переводчика.*

цировала чувственные воспоминания обо всех «безропотных женских телах», которые удовлетворяли физические нужды мужчин из высшего класса в респектабельных кварталах: няня, старая служанка, «женщина из низшего класса в сердце буржуазного домохозяйства, справлявшаяся с телесными нуждами» — вся «в распоряжении буржуазного тела»[13].

Официальное беспокойство по поводу проституции как опасной формы сексуальной деятельности, чьи границы должно контролировать и определять государство, привело к 1860-м к принятию целого ряда правил практически в каждой европейской стране. Небрежно основанная на наполеоновской модели система правил требовала, чтобы проститутки регистрировались в «полиции нравов» и проходили медицинское освидетельствование на болезни, передаваемые половым путем. Некоторые системы правил также требовали, чтобы проститутки жили в зарегистрированных борделях. За исключением Великобритании и Бельгии полицейское регулирование проституции развивалось через принятие административных процедур, нежели посредством установленных законов.

Разрабатывавшие данные правила восхваляли надзор и инспектирование проституток, выступали в защиту общественного здоровья, нравственности и порядка. Обращаясь с проституцией, как с «неизбежным злом», они поддерживали двойной стандарт сексуальности, оправдывавший сексуальный доступ мужчин к классу падших женщин. Они были уверены в психологическом императиве сексуального удовольствия для мужчин, но часто гарантировали его и со стороны женщины. С одной стороны, регуляционисты ругали проституток как вопиющих преступниц, совершавших преступление на сексуальной почве, но настолько «несексуальных», что это разоблачало мужскую похоть; с другой стороны, они настаивали на том, что сексуальное желание у проституток вообще не затрагивалось. Отчет британского парламента от 1871 года настаивал, что «нельзя сравнивать проституток и мужчин, которые общаются с ними. В отношении одного пола совершается преступление с целью прибыли; с другим — это безнравственное потворство естественным импульсам»[14].

Защитники регулирования уверяли, что санитарная инспекция проституток сможет контролировать распространение венерических заболеваний. Они базировали это требование на предположении, что сифилис, свойственный определенным популяциям, распространялся через беспорядочные сексуальные контакты с больными проститутками и что доступ-

[13] Alain Corbin. “Commercial Sexuality in Nineteenth-Century France: A System of Images and Regulations”, trans. Katerine Streip, *Representations* 14 (Spring 1986): 212–213.

[14] “Report of the Royal Commission on the Administration and Operation of the Contagious Diseases Acts 1866–69 (1871)”, *Parliamentary Papers*, 1871 (C. 408), p. XIX.

ные диагностические и терапевтические методы соответствовали тому, чтобы осуществлять инспекцию и лечение больных проституток. В ответах критикам, которые утверждали, что «зараза» одинаково влияла на мужчин и женщин, и держать только один пол взаперти было бы аналогично вакцинации только одного пола, регуляционисты резко возражали, что только женщины «рождали заразу», «вдохновляли торговлю» и могли хорошо «скрывать болезнь»[15]. Классовые и сексуальные предрассудки полностью пронизывали всю процедуру инспектирования проституток на предмет болезни. Доктора удивлялись враждебности зарегистрированных женщин к проверке с помощью гинекологического зеркала. Они отзывались о докторских зеркалах как о «пенисе правительства»[16]. Проститутки ясно интерпретировали гинекологический осмотр как форму вуайеризма, как акт, который причинял ментальную и физическую боль женщине.

Система полиции нравов, заявляли регуляционнсты, внесет свой вклад в укрепленне общественной благопристойности посредством проверки публичного представления о пороке. Как обнаружила сама полиция, в связи с желанием публики очистить главные артерии городов и театры от проституток, чтобы освободить место для респектабельных женщин, на нее увеличилось давленне, и указанная выше цель приобрела характер приоритетной во второй половнне XIX века. В Париже проституткам запретили появляться на улице в любом виде, который бы привлекал к ним внимание, до момента, когда зажигались фонари; онн должны были быть одеты благопристойно. В Гамбурге муниципальный кодекс детально рёгулировал платье женщин, пользовавшихся дурной славой, а также районы, где им разрешалось промышлять своим делом. Повсеместным намерением являлся контроль за циркулированием нелегалок, то есть темн незарегистрнрованными женщинами, чья «крикливая расцветка», «вызывающее поведение» н постыдные взгляды пытались привлечь внимание прохожего[17].

Также важной для защиты общественного порядка стала сегрегация проституток от рабочей общины. Имея в уме данную цель, регуляционисты с большим энтузназмом приветствовали вмешательство государства в жизнь бедноты. Данцигская полиция настаивала на том, что бордели, находившиеся вне наблюдения полиции, превратились в убежище преступности н общественных беспорядков. Перемещенне проституток из за-

---

15 Цит. по: Judith R. Walkowitz. *Prostitution and Victorian Society: Women, Class and the State* (New York: Cambridge University Press, 1980), p. 177.

16 Alain Corbin. *Les Filles de noce: Misere sexuelle et prostitution (19e et 20e siecles)* (Paris: Aubier Montaigne, 1978), p. 134.

17 Henry Mayhew and Bracebridge Hemyng. "The Prostitute Class Generally", in Henry Mayhew, ed. *London Labour and the London Poor* (4 vols., London, 1861; rpr. New York: Dover, 1968), vol. 4, p. 205.

регистрированных публичных домов в частные комнаты, предостерегали они, выльется в общую деморализацию семей бедноты, что поощрит их к сводничеству и другим паразитическим отношениям в связи с продажным сексом. Благодаря процедурам публичного осуждения — таким как осмотр домов полицейскими чиновниками, постановка в известность работодателя и членов семьи женщин, попавших в «вихрь светских удовольствий», требования в том, чтобы проститутки посещали расположенную в публичном месте контору по медицинскому освидетельствованию, — чиновники, следившие за исполнением правил, пытались прояснить отношения между нереспектабельной и респектабельной беднотой, но прежде всего заставить проституток признать свой статус публичных женщин, разрушив их личные связи с общиной рабочей бедноты.

Эти правила, однако, вызвали оппозицию, и не только со стороны их жертв. Политическая оппозиция этим правилам сначала началась в Великобритании в 1869 году, когда коалиция, состоящая из реформаторов общественной нравственности из среднего класса, феминисток и радикальных пролетариев, потребовала отмены законов о заразных болезнях, которые и установили систему политического и медицинского надзора над проститутками в прибрежных городах и портах Южной Англии. Под руководством сильной личности Джозефины Батлер кампания за отмену законов впервые привлекла на политическую арену тысячи женщин, поощряя их бросить вызов мужским институтам власти, то есть полиции, парламенту и медицинским и военным учреждениям, втянутым в осуществление данных законов. Участие женщин из среднего класса в этих попытках по отмене законодательства потрясло многих наблюдателей того времени, которые с ужасом следили за тем, как дамы выступали на политических трибунах своей страны, чтобы провозгласить их «принесением в жертву женских свобод, в рабство мужскому пороку» и описать как можно подробнее «инструментальное изнасилование», происходившее во время гинекологического осмотра[18].

Викторианские феминистки заявляли, что правила по регулированию проституции являются вторжением в женское тело и нарушением конституционных прав рабочих женщин. Они интерпретировали проституцию как сексуальное рабство и результат искусственных ограничений социальной и экономической деятельности женщин: неадекватные заработки и ограничения на найм на работу в сфере промышленности вынуждали многих женщин идти на панель, где они занимались «хорошо оплачиваемой профессией» — проституцией. В определенные моменты феминистки проявляли некоторое понимание связи проституции с нравами рабочей бедноты. «Посреди бедняков, — провозгласила Джозефина Бат-

[18] Walkowitz. *Prostitution*, p. 170.

лер, — границы между добродетелью и пороком постепенно и неизменно стирались», до такой степени, что «теперь невозможно дать отдельное имя и безошибочно приписать» проституток к категории отверженных[19]. Именно система правил по регулированию проституции, доказывали феминистки, а не проституция сама по себе обрекала зарегистрированных женщин на жизнь в грехе, клеймя их позором и не позволяя им найти альтернативной и приемлемой работы.

Феминистки также осуждали правила по регулированию проституции, потому что они санкционировали и оздоровляли мужские «пороки». Для мужчин и женщин в одинаковой степени они поддерживали единый стандарт сексуальности, основанный на идеале женской непорочности. Они не только критиковали агрессивную мужскую сексуальность, но также провозглашали глубокую амбивалентность и отвращение к проституткам, в особенности к тем, кто не желал реформ и манипулировал своей сексуальностью как предметом потребления. «Она объехала много городов, — заявляла Батлер, — и не обнаружила ни одной несчастной женщины, в которой не теплилась бы [благопристойность]. Но когда она приезжала в города, где действовали правила, то обнаруживала закоренелых проституток, не принимавших ее открыто. Они смотрели холодно и тяжело и грубо говорили, что они зарегистрированы, поэтому ничего плохого не делали, никому вреда не причиняли, поскольку регулярно посещали осмотр»[20]. Тем не менее, являясь сторонницей статистически неограниченной свободы воли, Батлер выступала в защиту самообладания и работы по спасению в среде проституток, вместо введения государственного регулирования и подавления. Если проститутки желали продавать свое тело на улице, то у них по крайней мере было право делать это без вмешательства полиции.

Пример Батлер вдохновлял женщин на рассмотрение проблемы проституции почти в каждой европейской стране. Благодаря позиции феминисток в Америке было предотвращено введение законодательства по регулированию проституции, за исключением Сент-Луиса в 1874 году, но даже там его вскоре отменили, столкнувшись с религиозной и феминистской оппозицией. Однако многие сторонницы Батлер не разделяли ее либертинских взглядов. Очень быстро она столкнулась с оспариванием своего положения лидера и претензиями к ее политике как в Британии, так и за границей. Многие женщины, в германских «Союзах нравственности» например, осуждали проституцию, считая ее преступлением, и обвиняли правительство и его систему полиции нравов в соучастии в оном; альтернативную, более либеральную, пози-

[19] Judith R. Walkowitz. "Male Vice and Female Virtue: Feminism and the Politics of Prostitution in Nineteenth-Century Britain", in Ann Snitow et al., eds. *Powers of Desire: The politics of Sexuality* (New York: Monthly Review Press, 1983), p. 423.
[20] Ibid, p. 186.

цию заняли германские аболиционистки, сосредоточившие свои силы на отмене государственных лицензий.

Во имя общественной чистоты и единого стандарта сексуальной непорочности многие британские аболиционистки помогли начать массированную атаку на внебрачную и непродуктивную сексуальность. После отмены в 1883 году системы регулирования проституции Батлер и ее союзницы перенесли свое внимание втягивание детей в занятие проституцией в Лондоне. Они убедили журналиста У. Т. Стеда опубликовать сенсационное разоблачение детской проституции под названием «Девственная дань современному Вавилону» в «Пол Мол Газет» в 1885 году. «Девственная дань» шокировала общественное мнение и заставила британский парламент принять Акт о дополнениях к уголовному законодательству от 1885 года, в котором возраст, необходимый для согласия вступления в половую связь, поднимался до 16 лет для девушек, а полиции предоставлялась бóльшая власть по немедленному репрессированию содержателей борделей и уличных проституток. Дополнительная статья законопроекта провозглашала непристойные действия между взрослыми мужчинами, даже с их согласия, незаконными. По всей Британии стали формироваться низовые движения за общественную чистоту с целью наблюдения за введением в действие этого закона. Вскоре они обратили свое внимание и на непристойные книги, литературу по контролю над рождаемостью и объявления о средствах, вызывающих аборты, развлечения в мюзик-холлах и обнаженные статуи. Эти крестоносцы считали порнографическую культуру, широко определяемую таким образом, мерзким выражением «неразборчивой мужской похоти»[21], в конечном итоге ведшей к гомосексуализму и проституции.

Вышеприведенные примеры мобилизации такого рода оказали комплексное влияние на организацию проституции. Легальное подавление проституции привело к изменению социальной географии порока, особенно в Великобритании и США, где движения за общественную чистоту заставили полицию сломить уличную проституцию и разогнать бордели. В результате полицейских мер проституток вырвали из их кварталов и заставили переместиться в другие районы города. Отрезанные от привычной для них среды, они вынуждены были все больше и больше полагаться на сутенеров в поисках эмоциональной защищенности, а также с целью защиты от властей. В этом и других отношениях усилившаяся репрессивная политика вбила клин между проститутками и рабочей общиной. Ее результатом стало рассеивание проституции, превращение ее с более тайный род занятий и сильнее связала ее с криминальной средой.

[21] Jeffrey Weeks. *Coming Out: Homosexual Politics in Britain from the Nineteenth Century to the Present* (London: Quartet, 1977), p. 18.

В США подавление проституции также закрепило и модели расовых предрассудков. Закрытие районов красных фонарей совпало с широкой миграцией негров Юга в северные города. В то время как белая проституция становилась в большинстве своем невидимой, черные женщины, оказывавшиеся иа улице, скорее подвергались аресту.

В Европе, иесмотря на отсутствие изменений в полицейском управлении, бордели, иаходившиеся под контролем регуляционной политики, претерпевали упадок, а пропорция «тайных» проституток, сумевших скрыться от полицейских сетей, по-видимому, увеличивалась. Вся система борделей стала жертвой изменявшегося потребительского вкуса. «Публика потеряла интерес до официальио отведенных удовольствий, — объяснял один французский наблюдатель, — торговля склоняется скорее к домам свиданий, где наблюдается бóльшая свобода и где, используя чуточку воображения, можио почувствовать дух приключений»[22]. «Да и женщины, — добавлял аболиционист Авраам Флекснер, — преисполнены желания наслаждаться своей собствениой свободой. Они предпочитают безрассудную страстность улиц, кафе и театров»[23]. В Лондоие и Париже использовались «любые мыслимые уловки», чтобы заниматься «тайной» проституцией: рекламировались комнаты, уроки иностранных языков, пошив платья и массажи «в качестве приманки для интересующихся»[24]. Аболициоиисты настаивали иа том, что оставшиеся большие бордели могли выживать только за счет предложения «экзотических» услуг сексуальиого характера и фантастических шоу.

Для жеищин, как и для мужчин, проституция занимала символическую и двусмысленную позицию в воображаемом городском пейзаже. Женщины среднего класса организовывали свою идентичность вокруг фигуры «падшей женщины»; которой они придавали иовый вид и которой манипулировали с целью познать свою субъективность. Большинство женщин воспринимало проституцию как форму деградировавшей Другой, обесцененную сексуализированную альтернативу материнской женствеиности, заключенной у домашнего очага. Когда Маргарита Бовери в возрасте 20 лет спросила у своей матери, кто такие «проститутки», ответ был следующим: «проститутки — это падшие девушки, которые делают это за деньги, а иекоторые даже получают от этого удовольствие»[25]. Даже женщины-реформаторы, симпатизировавшие положению проституток как жеищин, экономически угнетенных, все же иенавидели их «грех» и поддерживали противопоставлеиие

[22] Flexner. *Prostitution in Europe*, p. 190.
[23] Ibid., p. 197.
[24] Ibid.
[25] Ute Frevert. *Women in German History: From Bourgeois Emancipation to Sexual Liberation*, trans. Stuart McKinnon-Evans (Oxford: Berg, 1989), p. 133–134.

между хорошими и плохими женщинами, мадоннами и Магдалинами. Джозефина Батлер попыталась преодолеть это разделение посредством превращения проституток в сестер монастыря Св. Магдалины и невинных жертв мужского порока. Осуществляя свою пропаганду по отмене законодательства о регулировании проституции, они использовала традиции женской литературной мелодрамы, чтобы рассказать историю зарегистрированных женщин, позволяя свои падшим Магдалинам высказаться и «отругать» мужчин за все причиненное им зло.

Самоотождествление Батлер со «страдающими женщинами» было наполнено противоречиями и трудностями. С одной стороны, выступая в поддержку дела падших женщин и девушек, «находящихся в опасности», женщины-реформаторы установили иерархические и опекунские отношения с «дочерями», которых они намеревались защищать. Мелодраматический язык женской виктимности лишал проституток какой-либо воли и комплексной субъективности: они являлись невинными жертвами, попавшими в ловушку жизненных пороков — статистами собственной судьбы, лишенными сексуальной страстности, но не «потерянными для стыда», обладавшими потаенными остатками женской «скромности».

Феминистские политические практики проституции, вероятно, оказали сомнительное влияние на проституцию, но определенно предоставили женщинам среднего класса доступ к общественной сфере и новое разрешение на публичные выступления по поводу сексуальных вопросов. Эти кампании обнажили «зловещие тени», «призраки» и «тайные страхи», омрачавшие женские представления о гетеросексуальных отношениях. Разоблачение, сделанное в «Девственной дани», как провозгласила одна лондонская феминистка, открыло «новые возможности»[26]. Откровения Стеда, по мнению другой женщины, «разрушили барьер для женщин. После их появления, никто не мог оставаться в стороне»[27]. «Из страха» ставшие «говорить»[28], некоторые особо прогрессивные новые женщины в конце века — прежде всего писательница Оливия Шрайнер — пересекли границы общественной чистоты и бесстрастности, чтобы пристально рассмотреть взаимное гетеросексуальное желание. Их открытия, пусть и первопроходческие, продолжали омрачаться чувством сексуальной ранимости и замечаниями по поводу мужчин. Для них, так же как и для более консервативных женщин, проститутки оставались беспокоящим и угрожающим символом, примером женской сексуальной несвободы, потому что ее сексуальность была связана с экономической нуждой.

[26] Elizabeth Cobb to Karl Pearson, 17 July 1885. Pearson Papers, 663/1. University College, London.

[27] Maria Sharpe. "Autobiographical Notes", p. 1, Pearson Papers, 10/1.

[28] Emma Brooke "Notes on a Man's View of the Woman's Question", Pearson Papers, 10/2.

Для женщин из рабочего класса проституция являлась также и основным зрелищем на городской сцене случайных встреч и фантазий. На публике бедная женщина постоянно рисковала, что ее примут за проститутку; своим нарядом, жестами и движениями она все время вынуждена была демонстрировать, что не является «падшей» женщиной. Как и женщины из среднего класса, они показывали свою респектабельность посредством публичной самопрезентации и своей личной идентичности в качестве жен и матерей. Как «усердные жены», «озабоченные матери» и «бедные вдовы» они обращались с петициями к городским чиновникам в Великобритании и США, чтобы те закрыли «плохие» дома, где их мужья и сыновья заражались венерическими заболеваниями и транжирили чрезвычайно необходимые дому деньги или где «дочь, девочка из воскресной школы», находила свой «конец»[29]. Женщины, возглавлявшие семьи в местных общинах, в особенности терзались возмутительными сравнениями, которые их впечатлительные отпрыски заключали из обилия проституток.

Респектабельные работающие женщины также рассматривали проституток в качестве «бунтовщиц», могущественных и опасных. Эти были женщины, которым платили за то, что они «делали», настаивала жена одного докера, в отличие от замужней женщины, подобной ей, вынужденной исполнять сексуальные услуги «за просто так, ведь ей за это не платили»[30]. Временами проститутки становились предметом восхищения: «драчливые» и независимые, с которыми лучше не связываться, они иногда оказывались «замечательнейшими женщинами в Ист-Энде», которые «могли получить мужа любой женщины»[31].

Проститутки также говорили о своем положении. Без сомнения, они оказывались отрезанными от окружавших их споров. Во время кампании за отмену законодательства по регулированию проституции в Великобритании зарегистрированные проститутки использовали правовой язык для защиты целостности своего тела от наступающего медицинского и политического надзора. Благодаря своей агитации феминистки создали политическую арену, которая дала проституткам возможность сопротивляться, «показать чиновникам, — по словам одной из зарегистрированных женщин, — что мы хоть немного себя уважаем»[32].

Сталкиваясь с судьей или чиновником из благотворительного фонда, проститутка часто могла начать с «рассказа о своих горестях», исполь-

---

29 Rachel Bernstein. "Boarding-Housekeepers and Brothel Keepers in New York City, 1880-1910". Ph.D. diss., Rutgers University, 1984, p. 144–145.
30 Mrs. G., Interview, Dame Colet House, east London, July 1983.
31 Mrs. M., Interview, Toynbee Hall, East London, July 1983.
32 Josephine Butler. "The Garrison Towns of Kent", *The Shield* (London), 25 April 1870.

зуя те же самые мелодраматические приемы, например рассказы о невинных девушках, совращенных богатыми и знатными развратниками, которые затем использовали женщины из среднего класса, чтобы объяснить пополнение рядов проституток. Они перенимали такую языковую стратегию из театра и популярной литературы: легких романов, «низкопробных невыразительных публикаций»[33], которые наблюдатели из среднего класса осуждали в качестве первого шага к «падению» многих девушек. С другой стороны, посредством языка сексуального обмена они находили смысл в своей жизни. «Я начала вести рисковую жизнь с деловыми целями, — объясняла одна денверская мадам. — В те дни для женщины это был способ заработать денег, и я отлично справилась»[34]. Две девушки с завода Кросса и Блэквелла, производившего джем, гулявшие по улицам ночами, не так оптимистично смотрели на сексуальную работу: они сказали У. Т. Стеду, что им нравится «скорее работать на заводе, нежели вкалывать на улице. Но разница в оплате очень велика. Времена нынче тяжелые; и попрошайкам не приходится выбирать»[35].

Аборты

Несмотря на свой незаконный статус на протяжении всего XIX века, аборты, подобно проституции, являлись исключительно видимой практикой, «процветающим делом» в городских центрах Европы и США. Как и проституция, аборты спровоцировали протест медиков, усилия лоббировать сохранение только за докторами полного права на осуществление терапевтических абортов. Подобным же образом, у аборта было много определений, и они постоянно оспаривались. Ведущая беспорядочный образ жизни женщина, делавшая аборт, однако, принципиально более не изображалась в качестве одинокой, вкалывающей проститутки, она теперь являлась скорее замужней женщиной из высшего класса, ведущей праздный образ жизни и отказывающейся от материнства. Этот образ привилегированной дамы, делающей аборт из прихоти, также изменил социальное местоположение правонарушения. Публичные споры по поводу абортов часто одинаково сильно концентрировались как на частных событиях такого рода в буржуазном браке и семейной жизни, так и на узких улочках, где акушеры и проститутки усердно занимались своим делом.

Аборт был связан с общей стратегий по контролю за репродукцией во времена, когда рождаемость в среднем классе резко упала, при этом

[33] Bracebridge Hemyng. "Prostitution in London", in Meyhew, ed., *London Labour*, vol. 4, p. 250.
[34] D'Emilio and Freedman. *Intimate Matters*, p. 137.
[35] W. T. Stead. Diary Entries, 3 march 1886. Stead Papers.

доступные контрацептивы являлись ненадежными и часто неэффективными. Снижавшаяся рождаемость в Западной Европе и Соединенных Штатах свидетельствует о попытках семей среднего и рабочего классов ограничить количество детей. В авангарде находилась Франция, где «преждевременный» упадок рождаемости начался еще в XVIII веке: к 1854 году регистрировалось больше смертей, чем рождений. В Соединенных Штатах показатель плодовитости белых американцев сократился в два раза между 1800 и 1900 годами, в то время как иммигрантские рабочие семьи все еще производили на свет многочисленное потомство. В 1870-х годах наблюдатели в Германии и Великобритании начали замечать значительное снижение рождаемости; на протяжении двух поколений рождаемость в Германии упала на 60%, в то время как рождаемость в средней английской семье снизилась с 6,6 рождений до примерно 2 в 1920-е годы.

Контрацептивная техника, как утверждают историки, превратила практику абортов внутри семьи в «реальность». Для начала использование контрацептивов заставляло супружеские пары более сознательно относиться к своей сексуальности, чтобы отделять половой акт и акт репродукции. Но аборты, как исключительно женская практика, прибавляли еще один аспект сексуальности, они превратили женщин в особо активных участниц драмы сексуальных отношений, что прямо связано с тем фактом, что «женщины, пользующиеся ими, занимаются сексом, не имеющим своей цели в рождении детей, то есть занимаются им “ради себя самих” (чтобы удовлетворить “мужскую похоть”, если не свою собственную)»[36].

В XIX веке женщинам и мужчинам был доступен целый набор контрацептивной техники, включая воздержание, *coitus interruptus*, метод естественного цикла, основанный на ошибочном понимании «безопасного периода», спринцовка для посткоитального душа и презервативы. Все эти процедуры требовали времени, денег, места и упорства: они часто были ненадежны и сильно зависимы от сотрудничества с мужчиной. Аборты оставались в резерве в случае провала контрацепции. Пусть опасные и незаконные, у абортов имелись преимущества, они давали контроль над своей личностью, в особенности если ее партнер отказывался использовать контрацепцию. Они были дешевыми и не требовали предварительного планирования или организации.

Если женщина желала сделать аборт, сначала она занималась самоиндукцией. Это обычно требовало участия других, в отличие от детоубийства, тайного действия отдельного человека. Информационные сети поддержки в среде рабочих женщин часто распространяли информа-

[36] Rosalind Pollak Petchesky. *Abortion and Woman's Choice: The State, Sexuality and Reproductive Freedom* (Boston: Longman, 1984), p. 78.

цию об абортах соседкам и иа рабочем месте. «Женщины ие делают тайны из этих практик», – указывает французская феминистка Мадлеи Пеллетье. «В рабочих кварталах, у мясиика, булочника или бакалейщика домохозяйки рекомеидовали аборты соседкам, чьи мужья, жестокие и иедальиовидные, вызывали у них нежелательные беремеииости»[37].

Соседки-француженки, скорее всего, рекомендовали бы впрыскивание одиого из веществ, вызывающих аборт, таких как рута, можжевельник или спорынья. Доктора считали, что иекоторые из этих традиционных лекарств действовали в качестве яда по причине того, что они вызывали достаточное раздражение во внутреииостях, чтобы вызвать выкидыш. В Соедииенных Штатах различные этнические и расовые группы также передавали из поколения в поколение свои традиционные зиания об абортах. Индейские целители и повитухи постоянно прописывали коренья и травы; в середние века иегритянки в Техасе использовали индиго или микстуру из каломеля и терпентина, чтобы «освободить», или вызвать выкидыш. К 1890-м годам рабочие женщины иа севере Англии иачали употреблять свинцовые пилюли, после того как было замечеио, что женщины, работающие иа заводах по производству свинцовых белил, часто имели выкидыши. Если таблетки ие срабатывали, женщины пробовали кровопускание, горячие ванны и жесткие упражиения.

Если они и при этом ие достигали успеха, то тогда обращались к акушеру, чтобы вызвать выкидыш механическими средствами или отзывались иа коммерческие объявления, рекламировавшие «жеиские лекарства», которые появлялись в иекоторых газетах и популярных журналах, рекламировавших «Путеводители для джентльмеиов» по рынкам порока и «французские уроки». К середние XIX века платные аборты превратились в «индустрию», подобио лекарствениой промышлеииости, источник огромных прибылей для докторов, фармацевтов, травников, ветеринаров, массажистов и шарлатанов. Акушерки являлись публичными, широко афишируемыми фигурами, иапример мадам Рестель в Нью-Йорке или ее французская коллега по кличке Кашез. Один французский источник сообщает, что в конце века в парижских газетах помещали рекламу около 50 абортариев. Они часто кучковались около железиодорожных станций или крупных торговых центров, чтобы предоставлять услуги женщинам из деревень, ио они также делали свое дело и среди бедных и в кварталах, пользующихся дуриой славой.

Модель иеэффективиого закоиодательства помогла оформить этот нелегальный рынок, ио в целом мало что сделала, для того чтобы уничтожить аборты в целом. Британия стала одиой из первых стран,

[37] Angus McLaren. "Abortion in France: Women and the Regulation of Family Size, 1800–1914", *French Historical Studies* 10, 3 (1878): 476.

которые ввели новое уголовное законодательство в 1803 г., пересмотрели его в 1837 г. и в 1861 г. Франция и Бельгия датируют свои законы 1810 годом, что основано на Кодексе Наполеона. Новые статуты против абортов появились в различных штатах США в 1820-х гг.; они были серьезно переработаны между 1860 и 1880 годами. Ко второй половине XIX века похожие уголовные законы появились в Скандинавии, Германии и Италии. Большинство из этих статутов оформляли наказание как для женщины, так и для акушерки: от пяти до десяти лет каторжных работ для женщины и вплоть до пожизненного заключения или смертной казни для «хирурга»; но обычно врачей преследовали только тогда, когда женщина умирала или серьезно заболевала.

В целом эти статуты обозначили намерение законодательных и репродуктивных властей вмешиваться в репродуктивные стратегии, используемые женщинами. В начале XIX века законодатели оправдывали новые уголовные законы тем, что они являлись «чистящими» мерами, частью законодательного реформирования законов о детоубийстве. В Великобритании и США эти изначальные законы запрещали аборты лишь после «начального шевеления плода» (момента, когда женщина чувствовала, что в ней появилась другая жизнь, то есть на третьем или четвертом месяце беременности) и принципиально фокусировались на опасности здоровью матери, которую представляли средства, вызывавшие аборт. Статут 1803 года не удовлетворил медицинские лоббирующие группы в Великобритании, выступавшие против концепции «начального шевеления плода», считая ее неточной и основанной на понимании женщины; в защиту медицинского мнения статут 1837 года запретил аборты на всех стадиях беременности, не упоминая о шевелении. К середине века врачи во Франции и США изменили свое понимание аборта: теперь он рассматривался не как последняя возможность исправить положение для незамужней женщины, но как запасной вариант контрацепции замужней женщины. Одним из последствий данного модифицированного представления стала интенсификация общественной пропаганды и ужесточение законодательных мер против предпринявших аборт женщин.

В США противники абортов во главе с врачами начали повсеместную кампанию за ужесточение законодательства. Между 1860 и 1880 годами Американская медицинская ассоциация много времени потратила на кампанию за уничтожение абортов, взывая к медицинским ассоциациям штатов, легислатурам, профессиональным журналам и популярной прессе. Она желала закрепить уголовную сущность аборта на любой стадии беременности, если только аборт не был необходим во имя спасения жизни женщины.

Американские врачи в борьбе с нелегальными абортами, возможно, проявляли больше активности, нежели их европейские коллеги,

но врачи во Франции, Великобритании и России высказывали ту же озабоченность по поводу профессиональной конкуренции со стороны акушеров, неподобающим поведением женщин и угрозой социальному порядку, которую представлял собой аборт. Повсеместно медицинская озабоченность абортами и контрацепцией означала, что «врач замещает священника», то есть то, что в области секса и семьи врачи присваивали себе роль, до того принадлежавшую религиозным властям.

Хотя врачи являлись основными идеологами данных кампаний, они, без сомнения, воплощали определенный набор классовых, расистских и гендерных страхов, распространенных среди населения. Врачи особенно были озабочены тем, что аборт, это «низкое» действо, распространялся среди привилегированных матрон. «Теперь существуют дамы, — восклицали члены Медицинского общества штата Буффало в 1859 году, — да, образованные и утонченные дамы»[38], пользующиеся абортом. В образе «леди из высшего класса», потакающей своим желаниям, отвергшей материнство и свой долг по воспитанию детей в пользу «эгоистичных личных целей», врачи видели очевидное совращение женщины рыночными ценностями удовольствий и потребления, одновременно и феминизмом. Взбунтовавшись и потворствуя только своим эгоистичным интересам, отрекшись от самопожертвования традиционной репродуктивной женственности, эти женщины предали своих мужей, оказавшись в распоряжении «неразборчивых и безнравственных» подпольных акушеров. В изложении комиссии по уголовным абортам Американской медицинской ассоциации это выглядело так: «Она забывает о судьбе, уготованной для нее Провидением, она пренебрегает своими обязанностями, возникшими в результате брачного соглашения. Она предается удовольствиям, но избегает тягот и ответственности материнства и, лишенная всего своего изящества и утонченности, отдается духом и телом в руки неразборчивых и безнравственных мужчин»[39].

То, что женщины бегут материнства, приведет к «самоубийству расы», настаивали британские, французские и американские врачи. Вместе с евгенистами врачи применяли определенные элементы дарвинистской теории к проблеме народонаселения своих собственных стран: высшая «раса» являлась центральным вопросом для выживания лучших в классовых и националистических битвах за существование. В Соединенных Штатах паникеры беспокоились, что женщины «хорошего рода» — процветающие белые протестантки — рожали недостаточно детей, чтобы сохранить политическое и социальное доминиро-

[38] Peter Gay. *The Bourgeois Experience: Victoria to Freud.* Volume I. *Education of the Senses* (Oxford: Oxford University Press, 1984), p. 254.

[39] Caroll Smith-Rosenberg. *Disorderly Conduct: Visions of Gender in Victorian America* (New York and Oxford: Oxford University Press, 1985), p. 236–237.

вание своей группы. В Великобритании евгенисты сожалели о том, что женщины высшего и среднего класса не могли поддерживать воспроизводство на том же уровне, что и низшие классы. В конце XIX века французские демографы списывали те проблемы, которые переживала Франция в области народонаселения, на общий упадок общества и на эгоистичное пренебрежение независимо мыслящих женщин своим гражданским долгом по производству детей для защиты республики.

И, наконец, врачи – противники абортов нападали на врачей, занимавшихся «нерегулярной практикой», и других врачей общей практики за то, что они незаконно оказывали услуги по осуществлению абортов. Во всех странах врачи-аллопаты вынуждены были бороться с толпой врачей общей практики, включая аптекарей, травников, гидропатов и повитух, за признание и пациентов. Врачи с «регулярной практикой» особенно встревожились, когда их конкуренты начали открыто рекламировать услуги по осуществлению абортов, особенно после 1840-х годов. Конкуренция между врачами с «регулярной» и «нерегулярной» практикой была особенно жестокой в США, что прежде всего объясняет концентрированные попытки Американской Медицинской Ассоциации по криминализации абортов. Но доктора в европейских странах продемонстрировали похожее беспокойство по поводу своего профессионального статуса. Хотя многие из коллег по профессии осуществляли аборты, особенно для богатых пациентов, французские и британские врачи сосредоточили свою критику на акушерках. В 1890-х гг. *sagefemmes*[40] больше зарабатывали на абортах, нежели на приеме новорожденных, во всех европейских странах.

К концу века многие высказывались в пользу реформы абортов, хотя и потребовалось целое поколение, чтобы добиться его в качестве доступного контрацептива. К 1880-м и 1890-м гг. акушеры чувствовали огромное давление со стороны своих пациентов, чтобы опередить оправдывавшие аборты условия. В целом профессиональные ассоциации игнорировали данное давление. Некоторые французские врачи бросили вызов законам об абортах, считая их слишком костными, классово-предвзятыми и опасными для общественного здоровья, поскольку они заставляли женщин обращаться к незаконным абортам. Швеция изменила свое законодательство в 1890 г., разрешив прерывание беременности на чисто медицинских условиях. В 1910 г. конгресс гинекологов в России проголосовал за декриминалицию абортов при условии, что аборт осуществляется под руководством врача. За исключением таких женщин, как Мадлен Пеллетьер, мало кто защищал право женщин делать персональный выбор в области репродукции, независимо от медицинского контроля.

[40] Акушерки (фр.).

Хотя врачи часто поносили «решительных» женщин и влияние феминизма за поощрение женщин в избегании материнства, лидеры женского движения никоим образом не потворствовали тому, что женщины выбирали аборт. Наоборот, американские феминистки благосклонно ответили на происходившую в конце XIX века кампанию под руководством врачей за объявление аборта вне закона. Они порицали аборт как часть общей сексуальной деградации и эксплуатации женщин, но они концентрировались скорее на причинах абортов — эксплуататорском характере сексуальных отношений, что обусловливало необходимость абортов, нежели на их последствиях.

Феминистская оппозиция как абортам, так и контрацепции отражала сложную позицию по отношению к сексуальности и репродукции. Баталии по поводу государственного регулирования проституции заставляли феминисток подозрительно относиться к врачам, поскольку те, по их мнению, незаконно присвоили власть над биологической судьбой женщин и являлись приверженцами двойного стандарта. В тот же период времени феминистки также вступили в борьбу с врачами — выдающимися противниками женских прав и высшего образования для женщин. При этом феминистки, как и врачи, выступали против разграничения женской сексуальности и репродукции. Они также считали, что доступ к контрацепции и абортам делает женщин «грязными», очень похожими на проституток, запятнанных сексуальным желанием и уязвимыми для мужских сексуальных потребностей. Вместо этого британские и американские феминистки прославляли материнство как высший долг женщины, одновременно защищая сексуальную стратегию «добровольного материнства», что позволяло женщинам контролировать свою репродукцию посредством воздержания. В этом отношении возвеличивание материнства во Франции, Великобритании и Соединенных Штатах могло закончиться призывом к сознательному ограничению оного, что отдавало определенными классовыми и социальными нотками. Когда феминистки связали «добровольное материнство» с беспокойством по поводу «улучшения» женщинами расы и производством ими детей «меньше, но лучше»[41], они продемонстрировали некоторые из тех же тревог по поводу классового и расового состава населения, вдохновлявших медицинские кампании против абортов. Более того, даже то меньшинство феминисток, которое в конце века объединилось с неомальтузианцами с целью продвижения контроля за рождаемостью, категорично разделяли контрацепцию и аборт: контрацепция являлась благоразумной и почетной практикой, а аборт — «большим риском» и грязным делом.

[41] Petchesky. *Abortion and Woman's Choice*, p. 45.

При этом многие женщины из среднего класса обращались к абортам именно для того, чтобы осуществить свою классово-гендерную роль в качестве буржуазных матрон. «Культ истинной женственности» подразумевал как антинаталистские, так и пронаталистские стратегии. Он возвышал материнство как священную профессию, но также и призывал женщину применять ценности бережливости и планирования, чтобы гарантировать классовый статус своего домохозяйства. К началу XIX века небольшие семьи стали «означающим» классовой идентичности буржуазии. Планирование семьи сделалось элементом буржуазной семейной этики, неотъемлемой частью материнского долга по производству «детей меньше, да лучше». Весьма далекие от концепции уклонения от материнства аборты (в качестве вспомогательной контрацепции) помогали буржуазной женщине исполнять свой долг перед детьми, классом и расой.

Женщины из неимущих классов открыто поддерживали аборты по разным причинам. Французские и британские врачи были обеспокоены таким легкомысленным подходом к аборту, тем, что они видели в нем совершенно законную меру, а не убийство плода. До момента шевеления плода женщины считали себя лишь «не в порядке», но не беременными. Смыкалось с таким пониманием и наличие коммерческих средств, вызывавших выкидыш, в объявлениях о которых обещалось излечить «непорядок» и вернуть обратно «месячные».

Хотя женщины рабочего класса придерживались традиционного взгляда на то, что до момента шевеления «нет ребенка», к концу XIX века они стали пользоваться более «современными» доводами в защиту абортов. Как и проститутки, замужние женщины из рабочей среды, без сомнения, не обращали внимания на окружавшие этот вопрос дебаты. Они также начали артикулировать идеи о целостности тела и участия в политических дебатах по поводу плодовитости и «самоубийства расы». Когда Кооперативная гильдия женщин Великобритании попросила своих членов, в большинстве своем жен квалифицированных рабочих, описать опыт по вынашиванию ребенка, многие респондентки использовали концепцию ответственного материнства, включавшую в себя рациональное планирование и составление бюджета. Подобно своим сестрам из среднего класса, они также защищали материнский долг по производству «детей меньше, да лучше»: «У меня дети появились не так быстро, как у некоторых, и не потому, что я не люблю их, но потому, что, если бы у меня их было больше, я не думаю, что смогла бы выполнить свой долг по отношению к ним в сложившихся обстоятельствах»[42]. Француженки пошли даже дальше, защищая аборты в качестве своего права: врачи были потрясены, обнаружив, как «свободно они реагировали на

[42] Ibid., p. 55.

свои приключения, без тени стыда или сожаления, потому как они говорят, что "женщина должна свободно распоряжаться своим телом"»[43]. Как отмечает Розалинда Печески, это не есть утверждение позитивной свободы сексуальной самодостаточности, но, подобно буржуазной доктрине «добровольного материнства», утверждение негативной свободы от «нежелательного секса» и «нежелательной беременности»[44].

Однополая привязанность: трансвестизм и романтическая дружба

В XIX веке трансвестизм и романтическая дружба представляли два возможных для женщин способа попробовать однополую привязанность. Хотя трансвестизм в целом ассоциировался с пролетарским поведением, он вторгся и в жизнь женщин среднего класса, по мере того как они копировали прерогативы джентльменов, а иногда даже позволяли себя агрессивные выпады сексуального характера против женщин. Романтическая дружба между женщинами являлись заметной, публично санкционированной чертой женской культуры среднего класса; здесь также исторические источники показывают некий культурный перекресток, особенно в среде образованных фабричных работниц в США, которые клялись в своей бессмертной любви в витиеватых сентиментальных письмах к своим подругам.

Женский трансвестизм, заимствование одежды, образа жизни, работы и манер противоположного пола, вошел в народную традицию по крайней мере четыре столетия назад, был воспет в песнях, увековечен в письменных памятниках и в устной традиции. Некоторые историки считают, что его расцвет наступил в XVII–XVIII вв. в Голландии и Англии. Американские историки, однако, отмечают увеличение после 1850 года количества описаний в газетах «интегрированных»[45] женщин. В любом случае женщины предпринимали переодевание, зная, что у них были женщины-предшественницы. Старые истории о женщинах-разбойницах и «мужьях-женщинах» все еще захватывали дух читателей XIX века. Когда Эмма Эдвардс прочитала приключенческий роман «Фани Кепмбел, или Женщина, капитан пиратов» (1815), она решила, что и она, подобно Кемпбел, может достичь «свободы и славной независимости, присущей

[43] McLaren. "Abortion in France", p. 476.

[44] Petchesky. *Abortion and Woman's Choice*, p. 54.

[45] Так назывались женщины, полностью принявшие мужской облик и ставшие неотличимыми от мужчин. — *Примеч. переводчика.*

мужественности»[46], просто обрезав волосы и нарядившись в мужскую одежду. Именно это она и сделала: сбежала из дома, «почти» женилась на симпатичной девушке в колонии Новая Шотландия и в конечном итоге записалась в объединенную армию во время гражданской войны.

Эдвардс объяснила свое решение поменять платье желанием получить свободу и привилегии мужчин. Для переодетых женщин эти привилегии могли дать возможность получения мужских зарплат, профессиональных возможностей, мобильности и жизни, полной приключений. Они могли кутить с проститутками и жениться на женщине. Построение мужской идентичности могло включать и выполнение квалифицированного труда или карьеру храбрейшего моряка на корабле. Для Элизы Огден, женщины-носильщика из Шордича, это также означало вышивку и курение с дружками своего брата по мастерской, а также приставание «к любой милашке, которая появлялась у нее на пути». Огден являлась «настоящей повесой и истинной фантазеркой». Мэри Чепмен, как указывалось в лондонской «Таймс» в 1835 году, также имела некоторую степень «мужественности»: она боксировала, ругалась и содержала любовницу в качестве своей жены[47].

Некоторые женщины переодевались только для особых случаев или не пытались полностью сойти за мужчину: писательница Жорж Санд и художница Роза Бонер являют собой два знаменитых примера того, как женщины из средних и высших классов пытались освободиться от ограничений, налагаемых на их пол. Лишь некоторые женщины могли достигнуть определенной степени общественного уважения; другие неизбежно «опускались на дно». В 1850-х гг. Люси Эн Лебдель бросила своего мужа, с которым она проживала в северной части штата Нью-Йорк, и стала жить как мужчина, чтобы самостоятельно содержать себя. «Я решила носить мужское платье и искать работу, — объясняла она, — чтобы зарабатывать мужскую зарплату». Позже она превратилась в преподобного Джозефа Лебделя и съехалась с Марией Перри[48]. В 1870-х гг. французская эмигрантка Жанна Боние, которую часто арестовывала полиция за переодевание в мужскую одежду, появилась в борделе как мужчина-клиент и полюбила проститутку Бланш Бюне, которую она убедила оставить профессию. В 1876 году разозлившийся сутенер застрелил Бланш в постели с Боне. В обоих случаях строго соблюдались привычные гендерные роли, где «интегрированная» женщина играла доминирующую маскулинную фигуру, а другая женщина исполняла привычную пассивную роль жены или любовницы.

[46] Margaret Hunt. “Girls Will Be Boys”, *The Women’s Review of Books* 6, 12 (September 1989): 11.

[47] Anna Clark. “Cross-Dressing”. Unpublished paper, 1986, p. 9.

[48] D’Emilio and Freedman, *Intimate Matters*, p. 124–125 .

Подобно абортам или проституции, переодевание часто происходило при соучастии других. Некоторые священники соглашались венчать женские пары; друзья по работе и семьи хранили их секреты; подруги предпочитали верить, что их старая подруга просто превратилась в мужчину. По смерти своего мужа одна лондонская женщина была удивлена, обнаружив, что ее спутник жизни на протяжении двадцати одного года являлся женщиной. Когда переодетая женщина становилась объектом преследования (за «обман» или непристойное поведение), закон и местная община порицала «мужа», но не трогала жену.

Действительно, на протяжении XIX века переодевание оставалось подозрительной практикой: запрещенной формой гендерной трансгрессии, отдававшей гиперсексуальностью или содомией. Законодательство запрещало переодевание как непристойное поведение; с культурной точки зрения оно оставалось общей метафорой для обозначения женской непристойности и посягательства на мужские прерогативы. Карикатуры изображали сварливых жен и агрессивных женщин в виде мужеподобных амазонок, пытавшихся носить штаны; в английском, французском, немецком и русском языках появляется уничижительное название «жоржсандизм» для обозначения женщин, которые посмели подражать образу жизни и поведению Жорж Санд. В ответ на это взбунтовавшиеся женщины часто использовали переодевание: женщины носили брюки в стиле Сен-Симона, в то время как блумеровское движение[49] середины века попыталось убедить женщин облачиться в раздвоенное одеяние, которому осторожно придали вид турецких шаровар, чтобы не делать вид, что женщины выдавали себя за мужчин. Вместо того чтобы поносить Жорж Санд, поздневикторианские феминистки избрали ее в качестве воплощения женской гениальности и опасной стороны женского характера, даже если они и сами не носили брюк.

Переодевание обладало гораздо большим влиянием на женское вообраЖение: на протяжении века самой распространенной фантазией английских девушек, чьи дневниковые записи дошли до нас, было переодеться мужчиной и бежать из дома моряком или в армию. Фантазии трансвеститского характера также находили сильное выражение во время спиритических сеансов: когда молодые женщины-медиумы вызывали духов для общения с умершими, их духовными путеводителями часто становились гипермужественные моряки или солдаты. Когда мужчины-актеры мюзик-холлов наряжались в платье джентльмена на

[49] Появилось благодаря Амелии Дженкс Блумер (1818–1894), редактору Нью-Йоркского суфражистского журнала «Лили». В 1851 году ее посетила Элизбет Кэди Стентон, известная суфражистка, одетая в турецкие шаровары и тунику поверх. Блумер немедленно стала рекламировать данный костюм, который газета «Нью-Йорк Трибьюн» назвала «блумер». — *Примеч. переводчика.*

городской маскарад, они часто подшучивали над «изумительной цыпочкой» из публики, происходившей из среды классово-маргинальных клерков, которые сами желали выглядеть истинными «франтами».

В отличие от женской проституции и мужской гомосексуальности у нас практически отсутствуют сведения о трансвеститках или лесбийской субкультуре в XIX веке. Только Париж является заметным исключением: к 1890-м гг. наблюдатели уже определили сеть кафе, ресторанов и обычных мест сбора для трансвеститок, проституток-лесбиянок и богемной публики. Связь между лесбиянством и проституцией также имела некоторый резонанс и в других урбанистических центрах. В 1900 году в районе «красных фонарей» Филадельфии появился термин *bulldyke*[50] для обозначения любовницы-лесбиянки. К 1920-м годам в черных кварталах и районах меблированных комнат появились возможности для проведения ночей и вечеров досуга для лесбиянок из рабочей среды. Блюзовая певица Бесси Джексон обессмертила мятежный дух *Bulldagger Woman*[51] как лесбиянку, принявшую мужской стиль. Нарождающаяся лесбийская культура женщин—писательниц и художниц из среднего класса также стала появляться в начале XX века в Париже и Нью-Йорке. Это была субкультура салонов, баров, коллективного проживания в одной квартире, воспетая в стихах, романах и пьесах, которые синтезировали традиции переодевания и романтической дружбы.

Внутри викторианского среднего класса женщины формировали однополые отношения на основе практики романтической дружбы. Такая дружба частично являлась последствием строгой сегрегации полов в буржуазной среде. Женская социализация поощряла развитие привязанностей между женщинами, что часто выливалось в пожизненную дружбу, начатую в школьные годы. Хотя общество мирилось с романтической дружбой, однако существовало некоторое напряжение между тесными женскими привязанностями и семейными обязанностями.

Женщины обладали культурной привилегией выражать страстное желание эмоциональной, духовной и физической любви к представительницам своего пола, поскольку эти чувства, по мнению современников, отличались от гетеросексуальных связей с сексуальностью и репродукцией. «Я так желала обнять мою девочку, самую дорогую из всех девочек в мире, и сказать ей, я люблю ее, как жены любят своих мужей,

---

50 Используется для обозначения активной лесбиянки, позирующей «мужчиной» в однополых отношениях. — *Примеч. переводчика.*

51 Изначально этот термин обозначал хорошо одетую женщину в мужское платье, в настоящее время так называются лесбиянки, которые идентифицируются в качестве мужчин в образе мысли, поведения и одежды, и никогда не позволяет себе занять пассивную роль при общении с другой женщиной. — *Примеч. переводчика.*

пока смерть не разлучит их, и я верю ей, как Господу Богу»[52]. Письма подобного рода твердо придерживались правил литературного сентиментализма; именно ради «сентиментального языка смущения, нравственного подъема и радостей сердца» образованные викторианские женщины «отвергали сексуальную страсть, гнев и мирские стремления»[53].

Набор корпоративных ритуалов также управлял страстями, «катастрофами» и неистовством, которое характеризовало пансионы XIX века. Благодаря своей страсти к взрослой успешной женщине или более опытной однокашнице девушки учились канализировать эротические желания в отречение от тела и «высшее» дело. Такие нереализованные страсти часто учили девушек самоконтролю и самоотречению, тому, что историк Кристина Стансел называет «стыдливостью по поводу законности чьих-то притязаний»[54].

В то время как в начале века женщины и надеяться не могли на то, что они смогут жить со своей возлюбленной подругой после окончания школы, к концу века новые возможности для независимой жизни вне гетеросексуальной семейной жизни позволяли некоторым женщинам реализовывать данную цель. Среди «прославленных старых дев» и «новых женщин» *fin de siecle*, «женские браки», или «бостонские браки», стали более распространенными. Новая занятость в сфере услуг, новое социальное пространство – колледж или общежитие, так же как и доступность квартир и женских резиденций в Британии и США, – поощряли некоторых женщин к тому, что они выбирали целибат и компанию подруги. Исключительно высокий процент выпускниц американских колледжей вообще не выходил замуж: между 1889 и 1908 годами 53% выпускниц Брюн Мора[55] оставались незамужними. В соответствии с докладом 1909 года только 22% от 3000 женщин, поступивших в Кембриджский университет, вышли замуж. Высшие образовательные учреждения, по словам одного наблюдателя, сделались «очагами рождения особой сентиментальной дружбы»[56], где наличие женских супружеских пар среди преподавательниц являлось устоявшейся традицией, а ритуалы страсти и неистовства среди студентов – вещью обыденной.

В отличие от тайного мира женских супружеских пар рабочей среды, бостонские браки являлись общественно видимыми и принятыми

---

[52] Smith-Rosenberg. *Disorderly Conduct*, p. 58.

[53] Christine Stansell. “Revisiting the Angel in the House: Revisions of Victorian Womanhood”, *New England Quarterly* 60 (1987): 474.

[54] Ibid., p. 482.

[55] Брюн Мор (Bryn Mawr) – это женский колледж, расположенный в 11 милях от Филадельфии, штат Пенсильвания США. До сих пор в этом колледже учатся только женщины. – *Примеч. переводчика.*

[56] Jeannette Marks, цит. по: Lillian Faderman. *Surpassing the Love of Men: Romantic Friendship and Love Between Women from the Renaissance to the Present* (New York: William Morrow, 1981), p. 229.

элитой общества. Женщины жили вместе, совместно владели собственностью, вместе путешествовали, праздновали семейные события и спали в одной кровати. Эмма Уиллард, лидер американского движения за трезвость, в своей автобиографии в 1889 году превозносила добродетели женской «дружбы», открыто и подробно рассказав историю своих «сердечных дел» и считая, что «любовь между женщинами становится в наши дни все более распространенным явлением»[57].

В конце XIX века мало кто связывал физическую уединенность респектабельной женщины с недозволенной сексуальностью, считая, что такие женщины не испытали самостоятельного эротического желания вне пределов репродуктивной сексуальности. Однако бегство от материнства, выраженное как в добровольном отказе от замужества, так и в контрацептивных стратегиях, используемых замужними женщинами, заставляли докторов тщательно исследовать женские сексуальные импульсы и объекты. К 1880-м годам теоретики от медицины зашли в тупик, считая, что трансвеститки и романтические подруги являются женским вариантом содомитов или лесбиянками.

Сексология, научное изучение сексуальности, появилась в Европе в качестве субдисциплины судебной медицины. Одним из ее основателей считается Рихард фон Крафт-Эбинг, профессор психиатрии Венского университета, в чьи профессиональные обязанности входило обнаружение доказательств «болезненности», или «дегенерации», сексуальных преступников, представших перед судом, чтобы определить, отвечают ли они за свои действия. Он собирал истории болезни своих пациентов и опубликовал их под названием "Psychopathia Sexualis" (1886) как «медико-судебное исследование» «отклонений». Хотя описания сексуальных отклонений и были написаны по-латыни, чтобы сделать их недоступными для особо похотливых, тем не менее книга получила огромный популярный и профессиональный отклик. Крафт-Эбинга забросали письмами с признаниями о сексуальных страданиях жертвы сексуального насилия. "Psychopathia Sexualis" выросла с 45 историй болезни и 110 страниц в 1886 году до 238 историй и 437 страниц к своему двенадцатому выпуску в 1903 году. Появление "Psychopathia Sexualis", отмечает Джеффри Уикс, обозначило «извержение в печатной форме заговорившего извращенца, человека, озабоченного или раненного своим сексуальным импульсом»[58].

Сексологи XIX века при систематизации секса часто выделяли «противоречивый сексуальный импульс»? или «половую инверсию» (го-

[57] Emma Willard. "Companionships", reprinted in: Jonathan Katz. *Gay and Modern Sexualities* (London: Routledge and Kegan Paul, 1985), p. 67.

[58] Jeffrey Weeks. *Sexuality and Its Discontents: Meanings, Myths, and Modern Sexualities* (London: Routledge and Kegan Paul, 1985), p. 67.

мосексуализм). Они, однако, не самостоятельно изобрели категорию гомосексуализма: они просто воспроизводили категории и предрассудки культуры XIX века, характерной как для пролетариата, так и для элиты. Как мы видели, пролетарские общины по-своему понимали «мужа-женщину». Проститутка-лесбиянка уже стала литературным клише у таких писателей, как Бодлер и Готье, которые были обязаны своими идеями исследованию проституции, сделанному Паран-Дюшателем. Не произвели сексологи в конечном итоге и полной интерпретации половой инверсии: организуя огромное количество обнаруженного ими различного сексуального опыта, они давали повторяющие друг друга, сбивчивые и противоречивые объяснения. Тем не менее они предложили новый словарь, который поставил на повестку дня вопрос об однополых сексуальных практиках и обеспечил втянутых в них людей инструментом того, как они могли сказать «правду» о себе.

В 1860-х гг. Карл Ульрихс выдвинул новую теорию о врожденной половой инверсии для мужчин, доказывая, что урнинг (urning[59] — гомосексуалист) являлся продуктом аномального развития эмбриона, формированием женского разума в мужском теле. В 1869 году доктор Карл Вестфаль, немецкий психиатр, применил концепцию урнингов к женщинам. Он опубликовал историю болезни молодой женщины, мисс X., с детства она предпочитала одеваться мальчиком, затем стала обращать внимание на женщин, а в своих «сладострастных» снах представала перед собой в качестве мужчины. Вестфаль сделал вывод, что ее история является примером «извращенного сексуального темперамента», врожденного дефекта, схожего с мужским[60].

Мисс X. впоследствии нашла место в пантеоне сексуальных извращений Крафта-Эбинга. Он создал нарастающую шкалу женской половой инверсии, начиная женщинами, которые скрывают свои «отклонения под внешними признаками», тех, кто «явно предпочитает мужскую одежду», и заканчивая самой дегенеративной формой гомосексуальности: женщиной, которая по своим гениталиям остается таковой, но чье мышление, чувства, действия и даже внешний вид являются мужскими.

Крафт-Эбинг со своими коллегами-сексологами мог только представить лесбийскую эротику как одну из версий мужского желания: женское выражение мужской похоти по отношению к другой женщине. При этом они также признавали, что сексуальность есть более чем половой акт: она включает в себя чувства, импульсы, эмоции наряду с одеждой, походкой, внешностью и образом жизни. Первые сексоло-

[59] По имени богини Урании, покровительницы однополой любви. — *Примеч. переводчика.*

[60] Цит. по: Katz. *Gay/Lesbian Almanac*, p. 189.

ги представляли врожденную женщину-извращенку как абсолютную трансвеститку в образе мысли и действия, одновременно игнорируя «женщину», члена женской супружеской пары. В 1883 году американский доктор Кириан провел четкое различие между врожденной «гомосексуалкой» и «молодой девушкой, на которой она жената»[61].

В своем исследовании «Половые инверсии» (1897) Хэвлок Эллис превратил выделенные Крафтом-Эбингом четыре категории женского гомосексуализма в две: врожденный гомосексуализм и приобретенные сексуальные пороки. Врожденная женщина-гомосексуалка представала в виде агрессивной мужеподобной женщины, выраженной в пролетарской трансвеститке. Эллис также обратил внимание и на женщин, игравших пассивную женскую роль. Обращаясь к «фиктивной имитации» «полового извращения», существовавшей, когда «нормальная» женщина копировала врожденную гомосексуалку, он обозначил социальную среду, которая могла бы сформировать такое приобретенное поведение, в большинстве своем характерное для окружения образованных «новых женщин». Он сконцентрировал свой пристальный взгляд на «страстной дружбе» между женщинами, которая, как он считал, носила «более или менее бессознательно сексуальный характер»[62]. Благодаря современному движению по эмансипации женщины, доказывал Эллис, гомосексуальность распространялись среди женщин в Америке, Франции, Германии и Англии.

«Сорвав покров респектабельности с новых женщин», отмечает Кэрол Смит-Розенберг, Эллис представил «благородных, образованных женщин, полностью женственных в своем наряде, мыслях и поведении», как потенциальных лесбиянок[63]. Историки, однако, расходятся во мнениях о результатах данного научного разоблачения: «разрушило ли оно защитный покров женщин» или, наоборот, предоставило женщинам-гомосексуалкам новый сексуальный дискурс. Более того, остается неясным, насколько «медицинская модель» являлась распространенной и влиятельной. Краткий обзор женского дискурса и практик, принятых после 1890-х гг., обнажает преемственность и нарушение оной в женском гомоэротическом выражении.

Некоторые женщины ухватились за предоставленную новыми сексологическими исследованиями возможность, чтобы рассказать свою историю. В своем письме к Магнусу Хиршфильду, другому известному сексологу, настаивавшему на том, что гомосексуалы являются «пере-

[61] Ibid., p. 144.

[62] Ibid., p. 270.

[63] Caroll Smith-Rosenberg. “Discourses of Sexuality and Subjectivity: The New Woman, 1870–1936”, in Martin Bauml Duberman, Martha Vicinus, and George Chauncey, Jr., eds. *Hidden from History: Reclaiming the Gay and Lesbian Past* (New York: New American Library, 1989), p. 270.

ходным сексуальным типом», одна немка писала, что труды Крафта-Эбинга «открыли ей глаза». «Я почувствовала себя такой свободной, и мысли мои прояснились после прочтения этих работ». Характеризуя себя как одно из «исключений из обычных форм и древнего вечного закона природы», она описала историю своей жизни, закончив ее домашней идиллией: «Моя замечательная уверенная в себя маленькая женушка управляет и руководит нашим счастливым домом подобно истинной немецкой домохозяйке, а я работаю и обеспечиваю нас, подобно энергичному веселому мужчине»[64]. Рэдклиф Холл обессмертила сексологическую модель женского гомосексуализма в своем перевернувшем умы лесбийском романе «Источник одиночества» (1928), где главной героиней выступает мужеподобная лесбиянка «врожденного» типа из высшего класса, полюбившая «нормальную» женщину.

С другой стороны, женщины остро чувствовали угрозу со стороны сексуализации женской дружбы и интерпретирования ее как нечто болезненное. Некоторые женщины принимали предупреждения сексологов близко к сердцу: в 1908 году Жанетта Маркс (бывшая партнером в бостонском браке) написала неопубликованное эссе «Неблагоразумная школьная дружба», ставшее предупреждением против сентиментальных привязанностей как «ненормальных» и «нездоровых»[65]. В отличие от нее Йоханна Эльберскирхен, писательница и защитница женских прав, сильно протестовала против интерпретации женщины, любящей другую женщину, как «мужского пристрастия»[66]. В 1920-х гг. группа лесбиянок в Солт-Лейк-Сити частным образом осудила «Источник одиночества» за то, что роман открыл их существование, лишив их защитного покрова более раннего, более сдержанного времени[67].

Эти устаревшие формы однополых привязанностей продолжались и в XX веке. Мы уже видели в случае с *Bulldagger*, как определенное понимание переодевшейся женщины прижилось среди лесбиянок из рабочих цветных кварталов. Среди женщин среднего класса бостонские браки и романтическая дружба также выдержали испытание временем. Хотя лесбийские субкультуры были присущи городскому образу жизни, а ярлыки лесбиянства стали широко распространяться в культуре, эти женщины редко идентифицировали себя в качестве лесбиянок. При этом, как

---

[64] "'The Truth about Myself': Autobiography of a Lesbian" (1901) in: Eleanor Riemer and John C. Fout, eds. *European Women: A Documentary History 1789–1945* (New York: Schoken, 1980), p. 235–236.

[65] Faderman. *Surpassing the Love*, p. 229.

[66] Gudrun Schwarz. "'Virago' in Male Theory in Nineteenth-Century Germany", in Judith Friedlander et al., eds. *Women in Culture and politics: A Century of Change* (Bloomington: Indiana University Press, 1986), p. 139.

[67] Katz. *Gay/Lesbian Almanac*, p. 137.

отметила Лейла Рапп, как только категория лесбиянки стала культурно доступной, «выбор отвергнуть эту идентичность получил свое значение»[68].

На протяжении XIX века реформаторы из среднего класса мобилизовали себе в помощь медико-нравственные политические практики, чтобы заклеймить позором проституцию, аборты, трансеститок и страстную женскую дружбу как недозволенные и опасные. Данная мобилизация сослужила службу, не только отделив женщин с девиантным поведением от нормальных женщин, но также точно определив норму, укрепив ее, успокоив нарождавшуюся тревогу по поводу того, что эротика потеряла ориентиры и твердую идентичность в репродуктивной сексуальности. Несмотря на свои попытки, эти женские Другие не были безопасно ограничены и удалены от респектабельного общества. Они пересекались и накладывались на буржуазную женственность, на фешенебельных улицах лондонского Вест-Энда, где проститутки смешивались с респектабельными дамами в мальтузианской логике матроны, предпринимающей аборт, в нравственном превосходстве женщин-реформаторов, которые вышли на улицы, чтобы спасти проституток, в предпочтении высокодуховных одиноких женщин компании лиц своего пола и даже в принятии женскими трансеститками отличных мужских и женских идентичностей.

Хотя институциональная власть закона и медицины часто использовалась с целью контроля, определения и подавления женского беспорядочного поведения, однако работали не только эти две силы. Особенно в случае с проституцией попытки государственного регулирования вызвали оппозицию общественности и женское сопротивление. Женщины среднего класса ухватились за возможность рассказать историю проституции как историю сексуальной виктимизации и совращения. Таким способом они выразили свое недовольство против мужчин и установленной властью над женщинами. Способность говорить о сексе открыла мир новых возможностей. Сексуальная жизнь и личность рабочих также изменились, в ответ на официальный контроль и регулирование, а также новые возможности сексуального самовыражения внутри городской коммерческой культуры. Импровизированное пространство, анонимность и специализированные услуги дали трансеститкам, проституткам, женщинам, сделавшим аборт, и женской супружеской паре возможность спрятать свои недозволенные действия или создать социальную сеть в современном им городском окружении.

Перевод М. Г. Муравьевой

---

68 Leila J. Rupp. "'Imagine My Surprise': Women's Relationships in Mid-Twentieth Century America", in *Hidden from History*, p. 410.

15

Женщина-работница

Джоан У. Скотт

Женщина-работница приобрела в течение XIX века очень большое общественное значение. Она, конечно, существовала задолго до наступления промышленного капитализма, зарабатывая на жизнь в качестве пряхи, портнихи, золотых дел мастерицы, пивовара, шлифовальщицы, кружевницы, няньки, молочницы или служанки в городах и деревнях Европы и Америки. Но в XIX веке она стала предметом наблюдения, изучения, беспрецедентного внимания. Современники спорили о приемлемости, моральности и даже законности ее трудовой деятельности. Женщина-работница была продуктом промышленной революции, не столько потому, что индустриализация создала для нее рабочие места там, где их раньше не существовало (хотя так было в некоторых отраслях), но в основном потому, что в ходе нее она стала заметной и беспокойной фигурой.

Видимость женщины-работницы проистекала из ее восприятия как проблемы, недавно возникшей и требующей немедленного решения. Эта проблема включала само значение женственности и сопоставимость женственности и необходимости зарабатывать на жизнь; она позиционировалась и обсуждалась в моральных и категорических терминах. Независимо от того, кто был объектом внимания: квалифицированная работница свободных нравов, бедная швея или эмансипированная наборщица; от того, как она описывалась: как молодая незамужняя девушка, мать или стареющая вдова; жена безработного или жена искусного ремесленника; как она воспринималась: как пример разрушительных процессов в капитализме или доказательство его прогрессивного потенциала, ставились одни и те

же вопросы: «Должна ли женщина работать по найму? Какое влияние эта работа оказывает на ее тело и ее материнские и семейные обязанности? Какая работа приемлема для женщин?» Не все были согласны с французским законодателем Жюлем Симоном, заявившим в 1860 г., что «женщина-работница уже не женщина», но большинство партий во время дебатов о женщинах-работницах строили свои аргументы в русле общепринятой дихотомии дом—работа, материнство—заработок, женственность—производительность[1].

Дискуссии в XIX веке обычно основывались на обыденном повествовании о промышленной революции, которая принималась на веру в большинстве последующих историй работниц. (Употребляя термин «повествование», я стараюсь подчеркнуть скорее конструируемую, нежели объективную природу нарратива о прошлом. Недостаточно просто рассказать о том, что случилось; любое повествование, включая это, предлагает некоторую интерпретацию на основе многообразной, но противоречивой информации.) Данное повествование о промышленной революции выделяет источник возникновения проблемы женщин-работниц в перемещении производства из домохозяйства на фабрику, произошедшего в процессе индустриализации. В то время как в доиндустриальный период считалось, что женщины могут успешно совмещать производственную деятельность и уход за детьми, работу и домашние дела, предполагаемая смена места работы делала такое сочетание едва ли возможным. В результате сошлись на том, что женщины могут работать только короткий период в своей жизни, должны оставлять работу после замужества или рождения ребенка и возвращаться к трудовой деятельности только в том случае, если их мужья окажутся не в состоянии содержать семью. Отсюда вытекало их скопление на низкооплачиваемых неквалифицированных рабочих местах, как и мнение о том, что материнские и семейные обязанности имеют явный приоритет над долговременной профессиональной идентичностью. «Проблема» работающей женщины, таким образом, заключалась в том, что она воспринималась как аномалия в мире, где как труд, так и семейные обязанности требовали полного рабочего дня и были разделены в пространстве. Причиной возникновения проблемы был процесс развития промышленного капитализма.

Я исхожу из той посылки, что история разделения домашнего и промышленного труда не только отражала объективный процесс исторического развития, но и вносила в него свой вклад. Она порождала обоснование терминов и аргументов, в которых конструировалась

[1] Jules Simon. *L'Ouvriure*, 2nd ed. (Paris, Hachette, 1861), p. V.

проблема, допускала неизменность женского опыта и подчеркивала различия между мужчинами и женщинами. Рассматривая текстильную промышленность как олицетворение промышленного развития в целом, такой подход оставляет в стороне другие сферы занятости (например домашнюю работу и швейное производство), в которых в XIX веке было задействовано большое количество женщин и которые продолжали традиции женской занятости до этого. При отсутствии дифференциации «женщин» по возрасту, семейному положению, расовой и социальной принадлежности, в истории дихотомии «дом—работа» принимались во внимание прежде всего замужние женщины, несмотря на то, что в XIX веке, так же как и в предыдущие периоды, большинство работающих женщин являлись молодыми и незамужними. При этом брак и воспитание детей считались единственным предназначением женщины. Более того, предполагалось, что домашние обязанности женщин неизменны и что предыдущие поколения имели те же установки, что и буржуазия. В результате основное внимание было привлечено к проблеме женского труда, то есть к той части дилеммы, которая, как считалось, претерпела изменения и поэтому являлась современной проблемой. Изображая квалифицированного рабочего мужского пола в качестве эталона, такой подход оставлял без внимания различия в квалификации и стаже среди мужчин-рабочих, так же как и аналогичные параметры нерегулярной и нестабильной занятости рабочих обоего пола. Отождествление мужской занятости с пожизненной трудовой деятельностью и женской с краткосрочной карьерой приводило к упрощенному подходу при рассмотрении значительно более сложной ситуации (когда, например, некоторые женщины имели постоянную работу в ремесленных цехах, в то время как большое количество мужчин постоянно меняло род занятий и место работы, переживая при этом периоды безработицы). В результате гендерные различия стали рассматриваться как единственная причина для разделения мужчин и женщин на рынке труда, в то время как это разделение могло объясняться проблемами рынка занятости, колебаниями в экономике, изменениями в соотношении между спросом и предложением.

Способ, с помощью которого в повествовании о разделении домашней и рабочей сфер отбирается и организуется информация, состоит в подчеркивании функциональных и биологических различий между мужчинами и женщинами, и, таким образом, эти различия легитимизируются и институализируются как основа для социальной организации. Такая интерпретация истории женской занятости проистекает из медицинских, научных, политических и моральных взглядов, получивших название «идеология домашней жизни», или «доктрина раздель-

ных сфер». Ее можно определить как дискурс, концептуализирующий гендер как «естественное» разделение труда по признаку пола в XIX столетии. Я полагаю, что внимание к разделению труда по признаку пола в XIX веке следует рассматривать в контексте риторики промышленного капитализма в отношении разделения труда в целом. Разделение труда преподносилось как наиболее эффективный, рациональный и производительный способ организации труда, бизнеса и социальной жизни: граница между полезным и «естественным» стиралась, когда гендер становился объектом внимания.

Гендерный дискурс, сделавший работницу объектом исследования и субъектом истории, является предметом моего научного интереса. Я хочу исследовать, как дилемма «дом—работа» возникла в качестве основного инструмента для анализа работающих женщин; какое это имеет отношение к формированию женской рабочей силы как источника дешевого труда, приемлемого только для определенных видов работы. Для этого я воспроизведу историю женщин-работниц в XIX веке, обращая основное внимание не на объективные процессы индустриализации, а на гендерный дискурс, который вырабатывал, систематизировал и институализировал разделение труда по признаку пола. Это разделение труда, таким образом, воспринималось как объективная социальная данность, проистекающая из природы. Я объясняю его существование не объективными историческими процессами и не «природой», а дискурсивными процессами. При этом я не утверждаю, что половые различия являлись порождением XIX века, однако именно в это время они были по-новому артикулированы и имели новый социальный, экономический и политический эффект.

Традиционная история женского труда, подчеркивающая относительное значение его перемещения из дома на рабочее место, основывается на схематичной модели перемещения производства с фермы на фабрику, от домашнего производства на фабрику, из ремесленной мастерской и мелкого бизнеса к крупным капиталистическим компаниям и производствам. Многие историки дополняют эту линейную схему, утверждая, например, что кустарное производство сохранялось наряду с машинным и в XX веке, даже в текстильной промышленности. Но в ранние периоды преобладающим является образ совместного домашнего производства: отец ткет, мать и дочери прядут, в то время как младшие дети подготавливают пряжу. Этот образ ориентирован на подчеркивание контраста между доиндустриальным миром, в котором организация женского труда была достаточно свободной, он часто не оплачивался, и приоритет всегда при

этом отдавался семье, и механизированным миром фабрики, которая требовала полного рабочего дня вне дома, но с оплатой труда. В доиндустриальном мире производственная деятельность и репродукция рассматривались как дополняющие друг друга, в более же поздний период они представлялись структурно несовместимыми, источником неразрешимых проблем для женщин, вынужденных либо желающих работать.

Хотя модель домашнего производства, без сомнения, описывает аспекты жизни в XVII и XVIII веках, она также слишком упрощена. В доиндустриальный период женщины уже регулярно работали вне дома. Замужние и незамужние женщины продавали товары на рынке, зарабатывали деньги мелкой и разъездной торговлей, нанимались на временную работу в качестве нянек или прачек; ткали материю или набивали рисунок в мастерских. Если работа мешала воспитанию детей, они скорее отдавали своих младенцев кормилицам, чем оставляли работу. В погоне за заработком женщины проникали в различные отрасли экономики и переходили с одной работы на другую. Морис Гарден в своей книге о Лионе отмечает, что «распространенность женского труда является одной из характерных черт социальной жизни Лиона XVIII века»[2]. Исследование о женщинах революционного Парижа Доминик Година описывает жизнь работницы как «непрестанный переход с одной работы на другую», процесс, который, хотя и усилился благодаря экономическому кризису в период революции, тем не менее не был его порождением. «Одну и ту же работницу можно обнаружить в мастерской по производству пуговиц, на рынке, продающей свои товары с лотка или в своей комнате, склонившейся над шитьем»[3]. Установлено, что в Париже начала XIX века по крайней мере пятая часть женского населения работала по найму. Даже когда производство концентрировалось в домашних мастерских, многие женщины, особенно молодые и незамужние, работали вне дома. Так, например, в Илинге (Англия) в 1599 г. три четверти девушек в возрасте от 15 до 19 лет жили отдельно от семьи, работая служанками. В XVII веке городах Новой Англии девушки получали образование, нанимаясь ученицами или служанками. Молодые девушки отправлялись одни из Англии в Америку (особенно в табачный район Чезапик) в качестве служанок по контракту; других привозили как рабынь из Африки.

---

[2] Maurice Garden. *Lyon et les Lyonnais au XVIII siucle* (Paris, Flammarion, 1975), p. 139.

[3] Dominique Godineau. *Citoyennes tricoteuses: Les Femmes du peuple a Paris pendant la Révolution fransaise* (Paris, Alinea, 1988), p. 67.

Таким образом, в доиндустриальный период большинство работниц были молодыми и незамужними. Они обычно покидали дом независимо от того, какое место работы они выбирали. Замужние женщины также были активной составляющей рабочей силы, для них место работы – ферма, магазин, мастерская, улица или их дом – различались, и время, которое они затрачивали на выполнение домашних обязанностей, зависело от требований работы и экономических обстоятельств в семье.

Это описание также характеризует период индустриализации в XIX веке. Тогда, так же как и раньше, женская рабочая сила, как в более «традиционной» сфере работы прислугой, так и в возникающей текстильной промышленности, состояла в основном из молодых и незамужних женщин. В большинстве промышленно развивающихся западных стран в услужение нанималось больше женщин, чем на текстильные фабрики. В главной мастерской мира Англии в 1851 г. 40% всех работающих женщин состояли прислугой, и только 22% трудились на текстильных предприятиях; во Франции в 1866 г. эти показатели соответственно составляли 22% в домашнем хозяйстве и 10% в текстильной промышленности; в Пруссии в 1882 г. прислуги насчитывалось 18% от женской рабочей силы, в то время как текстильщиц – около 12%. Но в обеих отраслях трудились девушки-ровесницы. В регионах, где развитие промышленности вовлекало в производство большое количество молодых женщин, раздавались жалобы на сокращение количества служанок. В Рубе, текстильном центре во Франции, возраст 82% работниц не превышал тридцати лет; в английском Стокпорте средний возраст ткачих составлял 20 лет в 1841 г., и 24 года в 1861 г. На фабриках Ловелла в штате Массачусетс в 30–40-х гг. XIX века возраст 80% работниц колебался между 15 и 30 годами; в 60-х гг., когда иммигрантки сменили местных женщин, возраст женского контингента рабочей силы понизился еще больше. Замужние женщины также работали на текстильных фабриках, так как спрос на женский труд был велик, в то время как мужчинам в текстильных центрах было трудно найти работу. Но эти женщины должны были повсюду зарабатывать себе на жизнь, и необязательно надомным трудом. Для большинства работающих женщин, таким образом, мобильность заключалась не в уходе из дома ради заработка на стороне, но в переходе с одного рабочего места на другое. Если и возникали проблемы, связанные с этой мобильностью – строгая дисциплина, повышенный шум на производстве, заработок, зависящий от требований рынка и экономических циклов, стремящийся выжать максимум прибыли работодатель, – они не были вызваны уходом женщин из домашнего производства. (Дейст-

вительно, работа на фабрике часто давала возможность молодым работницам жить со своими семьямн.)

Зиачение, которое современники и историкн прндавали проблеме влияния текстильной промышленности на женский труд, привлекало пристальное внимание к этой отрасли. Однако в XIX веке не она была основным источником женской занятости. Значительно больше женщин продолжали работать в «традициоиных» секторах экономики. В мастерских, бизнесе, сфере услуг замужние и незамужние женщины продолжали традицни прошлого, работая на рынках, в лавках, дома, торгуя с лотков н тележек продуктами и другими товарами, содержа пансионы, изготавливая спички и спичечные коробки, упаковку, искусственные цветы, украшения, предметы одежды. Место работы могло быть различным даже для одной и той же женщины. Английская плетельщица изделий из соломы Люси Лак вспоминала, что «часть рабочего времени она проводила в мастерской, а часть дома». В межсезонье она пополняла свой доход «уборкой или стиркой, иногда я присматривала за домами джеитльменов, или занималась шитьем»[4]. Про Люси Лак иельзя сказать, что для нее существовала драматическая проблема разрыва между домом и работой.

В XVIII веке шитье отождествлялось с женским трудом, такое отношение сохранялось и в последующем. Преобладание шитья как осиовной женской работы ставит под сомиение утверждение о существовании драматического разрыва между домом и работой и сокращении приемлемых возможиостей для жеиского заработка. Действительно, потребиость в труде швей возрастала по мере развития швейного, обувного и кожевениого производств, давая постоянную работу одним и временную другим. Производство одежды давало работу женщинам разиой квалификации, хотя основиая часть предлагаемой работы была непостоянной и плохо оплачивалась. Во Францин и Англии в 30–40-х гг. профессия швеи (как надомницы, так и работницы в швейной мастерской) стала востребованиой благодаря развитию швейной промышленности. Хотя в течение века появились фабрики по производству одежды (в 50-х гг. в Англии, в 80-х гг. – во Францни), преобладал потогонный труд в мастерских. Принятие защитного закоиодательства для женщин в 90-х гг. XIX века, не затрагивающее надомный труд, усилило заинтересованиость работодателей в дешевом нерегулируемом законом труде. Работа вие дома достигла своего пика только в 1901 г. в Англии и в 1906 г. во Франции, но это ие означало упадок надомного труда. Во многих городах до конца XX века была распространена ра-

[4] John Burnett, ed. *Annals of Labour; Autobiographies of British Working Class People, 1820–1920* (Bloomington, Indiana University Press, 1974), p. 285.

бота по субподряду; так же как домашнее производство в XVIII веке и потогонная надомная работа в XIX, эта практика заставляла женщин работать за гроши в швейной отрасли. Для швейной отрасли непрерывность является значительно более важной характеристикой, нежели изменения в местоположении и структуре женского труда.

Пример с производством одежды также ставит под сомнение идеализированную картину надомной работы как наиболее подходящей для женщин, поскольку это позволяло им сочетать заботы о доме с заработком. Если принимать во внимание размер заработка, то картина становится более сложной. Заработок швей обычно зависел от количества произведенных изделий, и доход едва обеспечивал их существование; при этом интенсивность труда была очень высокой, так же как и продолжительность рабочего дня. Работая в одиночку в арендованной комнате или посреди шумной мастерской, типичная швея не располагала большим количеством времени для выполнения домашних обязанностей. Как призналась в 1849 г. Генри Мейхью белошвейка из Лондона, она едва могла прожить на свой скудный заработок, хотя она часто работала «летом с четырех утра до девяти-десяти вечера — пока светло. Обычно же я работаю с пяти утра до девяти вечера, и зимой и летом»[5]. Работа на дому могла быть губительна для семьи, также как и работа матери вне дома, но основной ущерб семье наносился чрезвычайно низкими заработками. (Конечно, если потребность женщины в средствах была не так высока, она могла регулировать объем работы и совмещать работу ради денег с заботами по дому. Это незначительное меньшинство швей, возможно, и служит подтверждением идеализированных представлений о прошлом, когда домашний и производственный труд не противоречили друг другу.)

В то время как швейное производство являлось очевидным примером неразрывности с предыдущими практиками, работа «белых воротничков» также способствовала сохранению некоторых важных черт женского труда. В конце XIX столетия появились новые рабочие места в расширяющихся сферах услуг и бизнеса. Естественно, они требовали выполнения новых функций и развивали навыки, отличные от тех, что можно было приобрести, занимаясь шитьем или домашней работой, но эти отрасли рекрутировали те же категории женщин, которые обычно составляли женскую рабочую силу: молодых незамужних женщин. Государственные учреждения, коммерческие и страховые компании нанимали секретарш, машинисток, конторщиц, почты нанимали

---

[5] Eileen Yeo and E. P. Thompson, eds. *The Unknown Mayhew* (New York, Schocken Books, 1972), p. 122–123.

женщин продавать марки; телефоны и телеграфы приглашали женщин-операторов, магазинам и универмагам нужны были продавщицы, открывшимся госпиталям — медсестры и сиделки, а государственным школам — учительницы. Наниматели обычно устанавливали возрастной предел для своих работниц и иногда требовали отказаться от замужества на время работы, таким образом поддерживая относительную гомогенность рабочей силы, состоящей в основном из молодых и незамужних. Вид занятий мог меняться, однако это не следует смешивать с изменениями соотношения между домом и работой для самих работниц; для большинства из них работа означала уход из дома.

Таким образом, на протяжении XIX века произошел массовый переход от надомного труда (городского и сельского, ремесленного и сельскохозяйственного) к интеллигентным профессиям. Так, например, в Соединенных Штатах в 1870 г. 50% работающих женщин были служанками, то в 1920 г. уже почти 40% женщин работали учительницами, конторщицами и продавщицами. Во Франции к 1906 г. к «белым воротничкам» относилось 40% работающих женщин. Эта трансформация сектора услуг предоставляла новые возможности, но воспроизводила другую традицию: длительную ассоциацию работающих женщин скорее с сектором услуг, нежели с производством.

Указывать на преемственность не означает отрицать изменения. В дополнение к переходу от надомного труда к интеллигентным профессиям, доступ к профессиональной карьере получили представительницы среднего класса, относительно новая составляющая женской рабочей силы. Вполне возможно, что в значительной степени внимание к проблеме женской занятости в целом было связано с растущей озабоченностью по поводу брачных перспектив девушек из среднего класса, становившихся учительницами, медсестрами, фабричными инспектрисами, социальными работницами и т. д. Это были женщины, которые в прошлом должны были бы помогать родителям на ферме или в семейном бизнесе, а не зарабатывать на жизнь самостоятельно. Возможно, это они, составлявшие меньшинство работающих женщин в XIX столетии, создали основу для утверждения, что утрата домашнего труда нанесла ущерб как способности женщины к ведению домашнего хозяйства, так и ее ответственности за произведение потомства. Когда реформаторы говорили о «работающих женщинах» как единой категории, имея в виду прежде всего фабричных работниц, в своих выводах они могли руководствоваться озабоченностью по поводу положения представительниц среднего класса.

Таким образом, утверждение, что индустриализация привела к разделению между домом и работой, вынуждая женщин выбирать между домашним хозяйством и работой ради заработка, является недоста-

точно состоятельным. Из него также не следует, что это разделение привело к ограничению женского труда исключительно маргинальными, низко оплачиваемыми рабочими местами. Скорее оценка стоимости женского труда влияла на принятие решений работодателем (как в XVIII, так и в XIX столетиях) независимо от местоположения рабочих мест. То, что женщины делали и где они работали, было не результатом некоего неуклонного процесса индустриализации, а скорее результатом стоимости рабочей силы. В текстильной ли, обувной ли, печатной ли промышленности в связи с механизацией, рассредоточением производства или его рационализацией — повсюду применение женского труда означало стремление работодателей сэкономить на стоимости рабочей силы. «Чем менее искусства и силы требует ручной труд, то есть чем более развивается современная промышленность, — писали Маркс и Энгельс в "Манифесте Коммунистической партии", — тем более мужской труд вытесняется женским и детским»[6]. Лондонские портные 40-х годов XIX века объясняли трудности своего положения стремлением работодателей понижать заработную плату, нанимая женщин и детей. Американские печатники рассматривали использование труда наборщиц как «последнюю стратагему капитализма», которая отвлекает женщину от «подобающей ей сферы», чтобы превратить ее в «инструмент понижения заработной платы и, таким образом, опустить оба пола до уровня рабского положения, в котором до этого времени находилась только она»[7]. Мужские профсоюзы часто либо отказывались принимать женщин в свои ряды, либо настаивали на том, чтобы их заработки на момент вступления были равны мужским. Делегаты лондонского Совета тред-юнионов долго не могли допустить представительницу профсоюза переплетчиц, поскольку «женский труд является низкооплачиваемым и многие делегаты не могут перенести это обстоятельство»[8].

Женщины ассоциировались с низкооплачиваемым трудом, но далеко не весь низкооплачиваемый труд считался приемлемым для женщин. Если их признавали пригодными для текстильной, швейной, обувной, табачной, пищевой и кожевенной промышленности, то

---

6 Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — М., 1989. — С. 33. Далее в нем говорится: «По отношению к рабочему классу различия пола и возраста утрачивает всякое общественное значение. Существуют лишь рабочие инструменты, требующие различных издержек в зависимости от возраста и пола».

7 Ava Baron. "Questions of Gender: Deskilling and Demasculinization in the U.S. Printing Industry, 1830–1915", *Gender and History* I, 2 (Summer 1989), p. 164.

8 Ramsay MacDonald, ed. Women in Printed Trades: A Sociological Study (London, P.S. King and Son, 1904), p. 36.

в угольной, машиностроительной, кораблестроительной промышленности или на стройке они были редким явлением, даже если там возникала потребность в дешевом низкоквалифицированном труде. Французская делегатка на Всемирной выставке 1867 г. очень удачно определила различия между полом, техникой и материалом: «Для мужчины — дерево и металл. Для женщины — семья и ткань»[9]. Хотя по поводу того, что является, а что не является приемлемым для женщины, и не существовало единого мнения и это мнение менялось в зависимости от времени и условий, тем не менее гендерная дифференциация постоянно присутствовала в формировании рынка рабочих мест. Работа, на которую нанимались женщины, определялась как «женская», подходящая их физическим способностям. Этот дискурс воспроизводил разделение рынка труда по признаку пола, вовлекая женщин только в определенные сферы занятости, помещая их на самую нижнюю ступень иерархии рабочих мест и устанавливая им заработную плату, едва обеспечивающую прожиточный минимум. «Проблема» работницы формировалась, по мере того как различные законодательные органы начинали обсуждать ее социальное и моральное значение, а также экономические последствия практики вовлечения женщин в процесс производства.

Если история объективного разделения домашней и рабочей сфер не решает «проблему» женщины-работницы, то мы должны применить стратегию исследования дискурсивных процессов, создававших разделение труда по признаку пола. Это потребует более сложного и комплексного анализа преобладающих исторических интерпретаций.

Отождествление женского труда с определенными видами занятости и его описание как низкооплачиваемого так часто институализовывалось в XIX веке, что эти положения стали аксиомами. Даже те, кто стремились изменить статус женского труда, вынуждены были сталкиваться с этими «очевидными фактами». Эти «факты» не были объективными, они порождались историями, делающими упор на случайные последствия разделения дома и работы, политэкономическими теориями и предпочтениями нанимателей, приводившими к формированию рынка труда, явственно разделенного по признаку пола. Политика большинства мужских профсоюзов, принимавших на веру более низкую цену женского труда, также способствовала эффективной натурализации «фактов». То же влияние оказывали исследования реформаторов, врачей, законодателей и статистиков,

---

[9] Michel Perrot. "Le Syndicalisme fransaise et les femmes: histoire d'une malentendu", *Aujourd'hui* 66 (March 1984): 44.

чье негодование привело к принятию защитного законодательства для женщин. От первого фабричного законодательства и до возникновения международного движения в конце XIX века эти правовые акты рассматривали (и, таким образом, утверждали) всех женщин как естественных иждивенок, а работающих женщин как экстраординарную и незащищенную социальную группу, объективно ограниченную определенными видами труда. В этом единогласном хоре были едва слышны голоса некоторых феминисток, профсоюзных лидеров и социалистов, выражавших несогласие с общепринятой точкой зрения.

Политическая экономия

Политическая экономия породила один из дискурсов разделения труда по признаку пола. Политэкономисты XIX века популяризовали и развивали теории своих предшественников из XVIII столетия. И хотя между ними существовали важные национальные различия (например между английскими и французскими теоретиками), так же как и различия между отдельными школами политической экономии внутри одной и той же страны, их основные принципы совпадали. Среди них существовало мнение, что заработная плата мужчины должна быть достаточной не только для его существования, но и для содержания семьи, иначе, как отметил Адам Смит, «раса этих рабочих вымерла бы после первого поколения». Заработок жены, напротив, «ввиду необходимости ухода жены за детьми предполагается достаточным лишь для прокормления ее самой»[10].

Другие политэкономисты распространили это положение о заработках жены на всех женщин, которых они определили как зависящих от поддержки мужчин, независимо от их семейного положения. Хотя некоторые теоретики и утверждали, что заработная плата женщины должна покрывать ее необходимые расходы, другие полагали, что это необязательно. Например, французский политэкономист Жан-Батист Се утверждал, что женская заработная плата всегда будет ниже прожиточного минимума, поскольку имеется достаточно большое число женщин, которые могут рассчитывать на поддержку семьи. В результате одиноких женщин, не имевших семьи и вынужденных жить ис-

---

[10] Adam Smith. *The Wealth of Nations*, 2nd ed. (Oxford, Clarendon Press, 1880), vol. I, p. 71. Цит. по: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 1997. Т. 1. С. 68.

ключительно на свои заработки, неизбежно ожидала бедность. Согласно этим подсчетам, заработная плата мужчин всегда должна быть основной в семье; женские заработки играли дополнительную роль, позволяя осуществлять расходы сверх тех, которые необходимы для удовлетворения насущных потребностей[11].

Асимметрия в расчетах заработной платы поразительна: мужские заработки включают прожиточный минимум и стоимость репродукции, женские являются дополнительными к бюджету семьи, даже если направлены на поддержание индивидуального существования. Более того, предполагалось, что заработная плата мужчин должна быть достаточна для содержания семьи, чтобы дети в ней могли быть выкормлены и воспитаны, для того чтобы в дальнейшем пополнить отряд рабочей силы. Таким образом, мужчины оказывались ответственными за репродукцию.

В этом дискурсе репродукция не имела биологического значения. Скорее, по мнению Се, репродукция и производство являлись синонимами, каждый из которых имел отношение к деятельности, придающей значение вещам, трансформирующим сырье в продукты, имеющим социальную ценность. Рождение и воспитание детей, женские виды деятельности представляли собой сырье. Превращение детей во взрослых, способных зарабатывать себе на жизнь, было возможным благодаря заработкам отца; именно он придавал детям экономическую и социальную ценность, поскольку их содержание включалось в его заработную плату.

Таким образом, в этой теории заработная плата рабочего имела двойное значение. Она вознаграждала его за труд и в то же время придавала ему статус кормильца. Поскольку мерилом были деньги и поскольку именно в отцовскую заработную плату включалось содержание семьи, только его заработок имел значение. Ни работа женщины по дому, ни ее заработки не учитывались. Из этого следовало, что женщина не являлась производителем продукции, имеющей экономическую ценность. Их домашний труд не принимался во внимание в дискуссиях по поводу воспроизводства последующих поколений, и их заработки всегда определялись как недостаточные даже для обеспечения их собственного существования. Политэкономическое описание «законов» женского труда создавало некую разновидность замкнутой логики, согласно которой низкая заработная плата женщин одновременно создавала и подтверждала тот «факт», что женский труд менее производительный, чем мужской. С одной стороны, женская заработная плата

[11] Jean.-Baptiste Say. *Traité de l'économie politique*, 6th ed., 2 vols. (Paris, 1841), vol. I, p. 71.

определялась низкой производительностью женщин; с другой — низкая стоимость женского труда использовалась как доказательство того, что женщины не могут работать так же интенсивно, как мужчины. «С точки зрения промышленности женщина — несовершенный работник», — писал Эжен Бюре в 1840 г.[12]. И рабочая газета *L'Atelier* («Мастерская») начала обсуждение проблемы женской бедности, с трюизма, «поскольку женская рабочая сила не столь производительна, как мужская»[13]. В 90-х годах XIX века фабианец Сидней Вебб завершил свое обстоятельное исследование различий в оплате мужского и женского труда следующим образом: «Женщины зарабатывают меньше мужчин не только потому, что они меньше производят, но также потому, что они производят то, что имеет на рынке меньшую ценность». По его наблюдениям, эта ценность устанавливается не всегда рационально: «Там, где существует неполноценная заработная плата, практически всегда существует и неполноценная работа. И неполноценность женского труда в целом, вероятно, влияет на размер заработной платы в тех отраслях, где такая неполноценность существует»[14].

Представление о том, что мужской и женский труд имеют разную ценность, что мужской труд более производителен, чем женский, не исключало женщин полностью из рынка рабочей силы промышленно развитых стран и не ограничивало их деятельность домашним хозяйством. Когда они или их семьи испытывали потребность в деньгах, женщины отправлялись на заработки. Но величина этих заработков и способ их приобретения во многом определялись теориями, которые доказывали, что женский труд дешевле мужского. Обстоятельства не имели значения: женщины могли быть незамужними, замужними, главами семейств, единственными кормильцами родителей или других родственников, их заработки все равно устанавливались как дополнительные к доходам других членов семьи. Даже в тех случаях, когда механизация производства повышала производительность их труда (как это было в трикотажной промышленности Лестера (Англия) в 70-х годах XIX века), женская заработная плата оставалась на том же низком уровне (по сравнению с мужской), какой был при надомной работе. В 1900 г. в США неквалифицированные работницы и работницы средней квалификации получали только 76% почасовой оплаты неквалифицированных рабочих мужского пола.

---

[12] Eugene Buret. *De la misure des classes labourieuses en France et en Angleterre*, 2 vols. (Paris, 1840), vol. I, p. 287. Цит по: Therese Moreau, *Le Sang de l'histoire: Michelet, l'histoire, et l'ideé de la femme aux XIX siucle* (Paris, Flammarion, 1982), p. 74.

[13] *L'Atelier*, 30 December 1842, p. 31.

[14] Sidney Webb. “The Alleged Differences in the Wages Paid to Men and to Women for Similar Work”, *Economic Journal* I (1981): 657–659.

Были и другие последствия теорий политической экономии. Предлагая два разных «закона» формирования заработной платы, две разные системы по определению стоимости труда, экономисты разделяли рабочую силу по признаку пола, объясняя такой подход отражением функционального разделения труда. Более того, они обращались к двум видам «естественных» законов: рынка и биологии. Для объяснения разного положения мужчин и женщин они предлагали влиятельное обоснование преобладающей практики. Большинство критиков капиталистической системы и положения работниц принимали неизбежность законов, сформулированных экономистами, и предлагали реформы, исходя из их посылок. Хотя некоторые феминисты и феминистки требовали допуска женщин ко всем профессиям и равной оплаты за равный труд, большинство реформаторов полагало, что женщины непригодны к трудовой деятельности. К концу XIX века в Англии, во Франции и Соединенных Штатах это означало требование к предпринимателям внедрить идеальную «семейную заработную плату», то есть зарплату, достаточную для содержания жены и детей. Требование о «семейной заработной плате» принимало как неизбежно бóльшую производительность мужского труда и бóльшую независимость мужчин и меньшую производительность женского труда и естественную зависимость женщин от мужчин. Ассоциация женщин с низкооплачиваемым трудом была как никогда устойчивой в конце XIX столетия. Одна и посылок политической экономии, она стала через практики различных групп факторов еще более заметным социальным феноменом.

Разделение труда по признаку пола

Практики работодателей также создавали дискурс разделения труда по признаку пола. Когда они имели вакансии, они обычно предъявляли требования не только к возрасту и квалификации, но и к полу (а в Соединенных Штатах еще и к расе и национальности) нанимаемых рабочих. Характеристика рабочих мест и рабочих часто давалась с использованием гендерноокрашенных (так же как расовых и этнических) терминов. В 60–70-х гг. XIX века в американских городах объявления о приеме на работу в газетах часто заканчивались фразой: «ирландцев просят не беспокоиться». Британские текстильные фабриканты приглашали на работу «здоровых девушек»[15]. На американском Юге они

[15] Ivy Pinchbeck. *Women Workers and the Industrial Revolution, 1750–1850* (New York, G.Routledge, 1930), p. 185.

добавляли, что эти девушки и их семьи должны быть белыми. (Напротив, табачная промышленность нанимала преимущественно черных рабочих.) Некоторые шотландские фабриканты отказывались нанимать замужних женщин; некоторые поясняли свою позицию, как это делал управляющий бумажной фабрики Кована (в Пеникнике) в 1865 г.: «Имея в виду не допустить пренебрежение материнскими обязанностями, мы не нанимаем матерей малолетних детей, за исключением вдов, жен, оставленных мужьями или имеющих мужей, неспособных содержать семью»[16].

Часто наниматели описывали предлагаемую работу, как будто ей были присущи определенные гендерные качества. Работа, требующая тонких проворных пальцев, терпения и выносливости, определялась как женская, в то время как мускульная сила, скорость и умение, определялись как признаки мужской работы. Хотя эти определения применялись не всегда и не ко всем видам работы, они вызывали активное неприятие и порождали споры. Тем не менее в результате таких определений и стремления предпринимателей нанимать женщин на одни виды работы и не брать на другие и возникло понятие «женская работа». Заработная плата также устанавливалась с учетом половой принадлежности. По мере того как увеличивались подсчеты прибылей и убытков и поиск преимуществ на рынке, экономия на затратах на рабочую силу стала иметь для предпринимателей все большее значение.

Работодатели разработали различные стратегии сокращения стоимости рабочей силы. Они устанавливали оборудование, упрощали процесс производства, понижали квалификационные требования для рабочих, увеличивали интенсификацию труда и сокращали заработную плату. Это необязательно означало привлечение женского труда, так как одни виды деятельности считались неподходящими для женщин, а в других сопротивление рабочих мужского пола делало это невозможным. Но если тенденция к сокращению стоимости рабочей силы не всегда приводила к феминизации, само привлечение женского труда всегда знаменовало стремление предпринимателей сэкономить.

Шотландский экономист Эндрю Юр в 1835 г. описывал основные принципы новой фабричной системы в терминах, знакомых фабрикантам: «Постоянной целью и тенденцией любого улучшения в производстве является устранение человеческого труда или сокращение его стоимости путем замены мужчин женщинами и детьми или квалифицированных рабочих обычными. На большинстве текстильных фабрик прядильщицами работают девушки шестнадцати лет и старше.

[16] John C. Holly. "The Two Family Economies of Industrialism: Factory Workers of Victorian Scotland", *Journal of Family History* 6 (Spring, 1981), p. 64.

Замена обычной мюль-машины автоматической означает увольнение значительной части рабочих-мужчин и использование вместо них подростков и детей. Владелец фабрики возле Стокпорта утверждает, что путем такой замены он бы сэкономил на заработной плате 50 фунтов в неделю»[17]

В обувной промышленности Массачусетса в 70-х гг. XIX века фабриканты экспериментировали с внесением разнообразных изменений в разделение труда по признаку пола. Они прошивали подошву нитками, вместо того чтобы подбивать ее гвоздями, таким образом передавая эту операцию от мужчин к женщинам, и стали применять механические резаки, с которыми работали женщины. В обоих случаях заработная плата женщин была ниже заработной платы мужчин, которых они заменили. В середине XIX века, когда газеты стали частью городской жизни, женщин стали нанимать в печатной промышленности, так же сокращая при этом заработную плату. Издатели старались удовлетворить потребность в возрастающем количестве наборщиков для дневных и вечерних выпусков, нанимая и обучая женщин. Однако сопротивление объединенных в профсоюзы печатников свело эту практику к минимуму и не позволило феминизировать печатное дело. Но, несмотря на это, в маленьких городках большое количество женщин продолжало работать (за более низкую плату, чем мужчины) в качестве переплетчиц и наборщиц.

В расширяющейся сфере квалифицированного труда, женщины также считались более приемлемой рабочей силой по ряду причин. Преподавание и работа медсестры воспринимались как продолжение заботы и воспитания, машинопись ассоциировалась с игрой на фортепьяно, работа конторщицы соответствовала таким чертам женского характера, как стремление к подчинению, привычка к рутинной работе и любовь к деталям. Эти черты воспринимались как «естественные», так же как и то, что стоимость женского труда ниже, чем мужского. В 30–40-х гг. XIX века в Соединенных Штатах развернулись широкие дебаты по поводу народного образования, которые включали вопросы о стоимости и доступности общеобразовательных школ. И федералисты, и джексонианцы[18] были заинтересованы в том, чтобы стоимость этих школ была минимальной. Джил Конвей объясняет переход к использованию труда учительниц и более низкий статус учителей по сравнению с Западной Европой стремлением к снижению расходов. «Стремление к сокращению расходов сделало привлечение женщин

[17] Louise A. Tilly and Joan W. Scott, *Women, Work and Family* (New York. Holt, Rinehart and Winston, 1978), p. 79..

[18] Сторонники джексоновской демократии по имени президента Э. Джексона (1829–1837). — *Примеч. редактора.*

совершенно логичным, поскольку все участники дискуссии об образовании сходились на том, что женщинам чужды стяжательские настроения, и поэтому они будут работать за минимальную зарплату»[19]. Аналогичные причины привели к решению нанимать женщин на конторскую работу в государственные учреждения и частные коммерческие фирмы. Согласно Самуэлю Кону, в Великобритании женщин нанимали туда, так как труд там был интенсивным и наблюдалась растущая нехватка юношей для найма на работу клерков. Использование женского труда часто означало смену стратегии, стремление повысить экономическую эффективность и одновременно сократить стоимость труда[20]. В 1871 г. директор британской телеграфной службы отметил, что «заработная плата, которая сможет привлечь операторов-мужчин только из низших классов общества, привлечет женщин-операторов из высших слоев»[21]. Его французский коллега, внимательно изучивший английский опыт по использованию женского персонала, добавлял, что «прием женщин на работу происходит при условии, что они обладают образовательным уровнем выше того, который требуется для клерков»[22]. По тем же причинам, хотя и значительно менее охотно, администрация германской телеграфной службы в конце 80-х гг. XIX века стала нанимать женщин «ассистентками» (должность, отличавшая их от мужского статуса и зарплаты).

На французском телеграфе мужчины и женщины в 80-х гг. XIX в. работали в разных помещениях и в разные смены, вероятно, для того, чтобы не допустить контакта между полами и разврата, который мог за этим последовать. В довершение четко разграниченные рабочие пространства подчеркивали разницу в статусах работников мужского и женского пола, отраженную в различной оплате труда. Организация труда на парижском телеграфе была одновременно видимой демонстрацией применения разделения труда по признаку пола.

Французская почтовая служба начала нанимать женщин в городах с 90-х гг. XIX века, это рассматривалось как серьезное новшество, хотя женщины работали в провинциальных почтовых отделениях десятилетиями. Почтовая администрация открыла двери для женщин, когда в период увеличения объема почтовых отправлений и требований сде-

---

[19] Jill K. Conway. "Politics, Pedagogy and Gender", in Jill .K. Conway, Susan C. Bourge and Joan W. Scott, eds. *Learning about Women: Gender, Politics and Power* (Ann Arbor, University of Michigan Press, 1987), p. 140.

[20] Samuel Cohn. *The Process of Occupated Sex-Typing: The Feminization of Clerical Labor in Great Britain* (Philadelphia, Temple University Press, 1985).

[21] Susan Bachrach. "Dames Employees: The Feminization of Postal Work in Nineteenth-Century France", *Women and History* 8 (Winter 1983): 33.

[22] Ibid., p. 35.

лать почтовую службу более эффективной мужчины перестали наниматься за предлагаемую заработную плату. Была создана специальная категория служащих, *dames employée,* конторская должность с фиксированной заработной платой и без возможности карьерного роста. Однако следствием этого была интенсивная текучесть женской рабочей силы. (Она вытекала также из требований, предъявляемых к возрасту и семейному положению — некоторые виды работ предусматривали прием только незамужних девушек от 16 до 25 лет.) В Англии и Германии для конторских служащих брачные ограничения усились, что усилило отток женщин, так как для них теперь было невозможно сочетать работу и брак. Итогом явились резкие различия между мужской и женской карьерами на почтовой службе, которые нашли свое отражение в стратегии управления. Менеджер по персоналу описывал ситуацию следующим образом: «В настоящее время существует категория служащих, напоминающая в определенной степени клерков-помощников в старые времена. Это *dames employées.* Они имеют те же обязанности, что и клерки, но они не могут претендовать на руководящие должности. Феминизация является удобным способом предоставить клеркам мужского пола большие возможности в продвижении по службе. Количество служащих-мужчин невелико, а число руководящих должностей возрастает, поэтому ясно, что клерки мужского пола могут легче достичь должности старшего клерка»[23].

Пространственная организация работы, иерархия заработной платы, продвижение, статус, концентрация женщин в определенных сферах деятельности и секторах рынка труда создавали рабочую силу, разделенную по признаку пола. Предположения, которые в первую очередь создавали сегрегацию: о том, что женский труд более дешевый и менее производительный, что женщины пригодны к работе только в определенные периоды своей жизни (когда они молоды и не замужем), что они способны выполнять только определенные виды работы (неквалифицированную, непостоянную и в сфере услуг), — порождались теми паттернами женской занятости, которые они сами же и создавали. Например, низкая заработная плата связывалась с неизбежностью концентрации женщин в подходящих для них видах деятельности. Существование разделенного по признаку пола рынка труда рассматривалось как доказательство существования «естественного» разделения труда по признаку пола. Я же настаиваю на том, что «естественного» разделения труда не существует. Напротив, такого рода разделения порождаются практиками, которые их натурализуют, сегрегация рынка труда по признаку пола одна из них.

[23] Ibid., p. 42.

Профсоюзы

Другим примером того, как конструировалось сегрегация рынка труда по признаку пола, является политика и практика профсоюзов. В большинстве случаев члены мужских профсоюзов стремились защитить свои рабочие места и заработки, не допуская женщин в свои отрасли промышленности и на рынок труда в целом. Они принимали положение о неизбежности более низкой заработной платы для женщин, и поэтому относились к работницам скорее как к угрозе, чем как к потенциальным союзницам. Они оправдывали свои попытки исключить женщин из тех отраслей промышленности, где преобладали мужчины, утверждая, что физиология женщины определяет ее предназначение в качестве матери и хозяйки, и поэтому она не может быть ни продуктивным работником, ни активным членом профсоюза. Решением проблемы, активно поддерживавшимся в конце XIX века, было заставить женщин признать «естественное» разделение труда по признаку пола. Выступая на конгрессе тред-юнионов в 1877 г. Генри Броадхерст заявил, что обязанность членов тред-юнионов «как мужчин и мужей использовать все свои силы для того, чтобы добиться такого положения вещей, когда их жены смогут находиться в наиболее приемлемой для них сфере дома, вместо того чтобы сражаться за источники существования с мужчинами, которые сильнее их»[24]. За небольшим исключением делегаты рабочего конгресса в Марселе в 1879 г. поддержали позицию, которую Мишель Перро характеризовала как «похвалу домохозяйке»: «Мы верим, что настоящее место женщины не мастерская и не фабрика, а дом, семья»[25]. В 1875 г. на учредительном съезде социал-демократической партии Германии в Готе делегаты обсуждали вопрос о женском труде и призвали запретить «женский труд там, где это может нанести вред здоровью и морали»[26].

Так же как и наниматели (хотя и не всегда по тем же причинам), представители тред-юнионов апеллировали к результатам медицинских и биологических исследований для обоснования утверждения, что женщины физически не в состоянии выполнять «мужскую работу». Они предсказывали также, что это может нанести ущерб нравственности женщин. Выполняя мужскую работу, женщины могут стать

[24] Jane Lewis. *Women in England, 1870–1950: Sexual Divisions and Social Change* (Sussex, Wheatsheaf Books, 1984), p. 175.

[25] Michelle Perrot. “L’Éloge de la mènagère dans le discours des ouvriers fransaise au XIX siècle”, *Mythes et représentations de la femme au XIXe siucle* (Paris, Champion, 1977), p. 110.

[26] Ute Frevert. *Women in German History: From Bourgeois Emancipation to Sexual Liberation* (Oxford, Berg, 1989), p. 99.

«социально бесполыми» и, проводя слишком много времени вне дома, зарабатывая деньги, вызвать чувство неполноценности у своих мужей. Американские печатники оспаривали утверждение своих боссов о том, что набор текста – это женская работа, отмечая, что сочетание физической силы и интеллекта, необходимое в этой профессии, делает ее сугубо мужской. В 1850 г. они высказали опасение, что приток женщин в эту отрасль промышленности и затем в профсоюз сделает мужчин «бессильными» в борьбе с капитализмом[27].

Конечно, существовали профсоюзы, которые принимали женщин в свои ряды, и профсоюзы, созданные самими женщинами. Они существовали в текстильной, швейной, табачной, обувной промышленностях, где женщины составляли значительную часть рабочей силы. В некоторых отраслях промышленности женщины играли активную роль в местных профсоюзах, участвуя в забастовках, даже если национальные профсоюзы не одобряли или запрещали их участие. В других они создавали национальные женские профсоюзы, набирали работниц, представлявших различные профессии. (Например, Британская женская тред-юнионистская лига, созданная в 1889 г., основавшая Национальную федерацию работниц в 1906 г., накануне Первой мировой войны насчитывала около 20 тыс. членов.) Но независимо от формы их деятельность в большинстве случае определялась как женская; независимо от выполняемой работы они представляли специфическую категорию рабочего класса, поэтому они обычно организовывались в отдельные группы (как например в случае с Американским орденом рыцарей труда), в «женские ассамблеи». В смешанных профсоюзах женщинам отводилась подчиненная роль. Не все организации следовали примеру Ассоциации рабочих Северной Франции, в которой в 70–80-х гг. XIX века требовалось, чтобы женщины, желающие выступить на собрании, представили письменное разрешение своих мужей или отцов, но многие определяли женскую роль как простое следование указаниям мужчин. Этому подходу оказывалось сопротивление, что позволило женщинам в ряде случаев занять более значительное место, как например у Ордена рыцарей труда в период с 1878 по 1887 гг., но, вместо того чтобы стать шагом в постоянном процессе продвижения женщин, эти победы носили кратковременный характер и не меняли подчиненного положения женщин в рабочем движении. Как бы активно ни участвовали они в забастовках, как бы ни доказывали свою преданность профсоюзному движению, им так и не удалось изменить убеждение, что они не являются полноценными работниками, такими, как мужчины, которые всю жизнь трудятся ради заработка.

[27] Ava Baron. "Questions of Gender", p. 164.

Требуя представительства, женщины обосновывали свои претензии ссылками на противоречие в идеологии профсоюзов, которая, с одной стороны, требовала равноправия для всех рабочих и защиты семьи и дома рабочего от разрушительных последствий капитализма — с другой. В рамках оппозиции работа—семья, мужчины—женщины было очень трудно как выдвигать требование равного статуса для мужчин и женщин, так и добиваться его претворения в жизнь. Как это ни парадоксально, но эта задача усложнилась, после того как в стратегии тред-юнионов было усилено выдвижение принципа равной оплаты за равный труд. Например, профсоюзы печатников в Англии, Франции и США допускали в свои ряды только тех женщин, которые зарабатывали столько же, сколько и мужчины. Вместо того чтобы стать целью профсоюза, требование равной оплаты превратилось в одно из условий членства. Такая политика означала признание того, что не только работодатели нанимают женщин по причине более низкой оплаты, но что женская работа имеет меньшую ценность, чем мужская, и поэтому никогда не будет оплачиваться наравне с ней. Это означало принятие политэкономической теории о заработной плате женщин и поддерживало теорию о «естественном» объяснении различий между оплатой труда мужчин и женщин. В свете этого убеждения решение печатников означало выдвижение препятствий для роста заработка женщин и призыв к применению на практике экономического постулата о том, что мужской заработной платы должно быть достаточно для содержания семьи.

Требование «семейной» заработной платы приобретает в течение девятнадцатого столетия центральное место в политике профсоюзов. Хотя оно никогда не было претворено в жизнь полностью и замужние женщины продолжали искать работу, неработающая жена рабочего стала показателем респектабельности в рабочей среде. От дочерей требовалось работать и пополнять бюджет семьи, но только до замужества. Их статус работницы рассматривался как кратковременный, не формирующий идентичность, даже если они, как и многие женщины, работали значительную часть своей жизни. Статус женщины по определению отличался от статуса мужчины. Мужчине работа предоставляла возможность обретения независимости и самоопределения как личности, для женщины она была выполнением долга перед другими. Для молодой незамужней девушки она была частью выполнения обязанностей перед семьей, в случае с замужней матерью семейства она являлась признаком экономического неблагополучия. Дискуссии о неприемлемости работы для замужних женщин велись в рамках обобщений по поводу женской психологии, в результате материнство и домашние заботы стали отождествляться с жизнью женщины, выполнение этих задач рассматривалось как ее основное и единствен-

ное призвание, объясняющее женские возможности и заработки на рынке труда. «Работница» стала отдельной категорией и проблемой. Сегрегированные в женских отраслях промышленности, объединенные в отдельные женские профсоюзы, женщины в такой ситуации становились дополнительным подтверждением необходимости признать и восстановить «естественные» различия между полами. Таким образом, в риторике, политике и практической деятельности профсоюзов утверждалось понимание разделения труда по признаку пола, которое противопоставляло производительный труд и деторождение, женщин и мужчин.

Протекционное законодательство

В течение XIX века в США и Западной Европе государство все более вмешивалось в политику найма предпринимателей. Законодатели вынуждены были поддаваться давлению со стороны своих избирателей, которые по разным (порой совершенно противоположным причинам) требовали изменения условий труда. Наибольшее внимание привлекали женщины и дети. Хотя и те, и другие немало работали и раньше, озабоченность их эксплуатацией возникла в период подъема фабричной системы. Реформаторы, которые неохотно вмешивались в «личную свободу граждан [мужчин]», не испытывали подобных затруднений в отношении женщин и детей[28]. Поскольку они не были гражданами и не имели прямого доступа к политической власти, они рассматривались как уязвимые, зависимые и нуждающиеся в защите.

Женская уязвимость описывалась различными способами: их тело слабее мужского, поэтому они не могут работать длительное время; работа приводит к перерождению репродуктивных органов, делая женщин неспособными вынашивать и рожать здоровых детей; работа отвлекает их от домашних обязанностей; ночная работа подвергает их опасности сексуального нападения на фабрике или по дороге домой, работа вместе с мужчинами или под мужским руководством создает предпосылки к разврату. Тем феминисткам, которые возражали, что женщинам нужна не защита других, а собственные коллективные действия, законодатели и представители рабочих и работниц, отвечали, что, поскольку женщины исключены из профсоюзов и не в состоянии создавать собст-

[28] Mary Lynn Stewart. *Women, Work and the French State: Labour Protection and Social Patriarchy, 1879–1919* (Montreal, McGill Queen's University Press, 1989), p. 51.

венные объединения, они нуждаются во влиятельной поддержке. На конференции 1890 г. по рабочему законодательству в Берлине Жюль Симон требовал предоставления женщинам отпусков по беременности и родам «во имя высших интересов человеческой расы». Это будет, утверждал он, надлежащая защита «лиц, чье здоровье и безопасность могут быть обеспечены только государством»[29]. Такие обоснования — психические, моральные, практические или политические — конструировали работниц как специфическую группу, чья работа создает проблемы, отличные от проблем мужчины-работника. Начиная со своего первого появления в различных фабричных актах в Англии в 30–40-х гг. XIX века и заканчивая организацией международных конференций для координации национальных законодательств в 90-х годах, защитное законодательство разрабатывалось не для улучшения условий труда в целом, а для решения специфических проблем работниц и детей.

Несмотря на то что его сторонники говорили об общих проблемах женщин и детей, принятое законодательство носило ограниченный характер. Законы ограничивали продолжительность труда женщин, запрещали ночные смены и обычно применялись к промышленности и тем ее отраслям, где преобладал мужской труд. Многие отрасли были полностью исключены: среди них сельское хозяйство, услужение, мелкая торговля, семейные предприятия, надомная работа, где была в основном сосредоточена женская рабочая сила. Во Франции законодательство не затрагивало три четверти работающих женщин. В Германии, Франции, Англии, Голландии и Соединенных Штатах после принятия протекционных законов объем домашней работы для женщин сильно увеличился. Мэри Линн Стюарт суммирует влияние законодательства, чьей наиболее характерной чертой являлся длинный перечень отраслей, свободных от регулирования: «Исключения распространялись в основном на отрасли, связанные с дешевым женским трудом, направляли женское движение в нерегулируемые секторы экономики и поэтому способствовали скоплению женщин в отсталых отраслях. Применение закона усиливало эти эффекты. Инспектора применяли букву закона к отраслям с преобладанием мужского труда, в то же время закрывая глаза на нарушения в женских отраслях. В целом сексуально ориентированное законодательство усиливало привязанность женского труда к низкооплачиваемому второразрядному сегменту рынка рабочей силы»[30].

Даже в промышленности законы способствовали либо усилению разделения рынка труда по признаку пола, либо удовлетворению по-

[29] Ibid., p. 175.
[30] Ibid., p. 14.

требности в различной продолжительности рабочего дня и разделению рабочего времени на дневные и ночные смены. Эти различия в дальнейшем оправдывали различия в оплате труда и приписывание мужчинам и женщинам различных характеристик, черт и статусов. Заключение Стюарт представляется нам очень удачным: «Самым поразительным итогом гендерно ориентированных стандартов продолжительности рабочего дня стало усиление и закрепление разделения труда по признаку пола»[31]. Разрыв между мужским и женским трудом увеличился. Решив, что основной ролью женщины является материнство, государство определило ее производительную деятельность как второстепенную.

«Проблема» работницы

Дискуссии по поводу правил приема на работу генерировали большое количество информации о работницах и условиях их жизни. Документы, представленные в парламентских отчетах, частные расследования и свидетельства отдельных лиц показывают, что женщины работали в силу разнообразных причин: для того чтобы обеспечить себя и семью, в силу длительной традиции высококвалифицированного ремесленного женского труда (например в пошиве одежды) или потому, что они рекрутировались в новые виды деятельности. Эта информация может использоваться как для доказательства того, что работа способствовала эксплуатации женщин, так и для утверждения, что она была способом достижения автономии, обеспечения себе места под солнцем. Работа ради заработка может трактоваться как грабеж, необходимое зло или позитивный опыт в зависимости от контекста и направленности исследования. В XIX веке все эти термины употреблялись для ее описания иногда в отношении одной и той же женщины в разные периоды ее жизни. Француженка Жанна Бувье (родилась в 1865 г.) еще в детстве сменила несколько видов тяжелой работы. Она работала швеей в Париже, позднее став квалифицированной мастерицей по пошиву одежды. В дальнейшем ей удалось сделать успешную карьеру (как она сама ее оценивает) писательницы и профсоюзного организатора[32]. Аналогично женщины (рожденные в 50–60-х гг. XIX века), в своих мемуарах, написанных для Женской кооперативной гильдии (Англия), повеству-

[31] Ibid., p. 119.

[32] Jeanne Bouvier. *Mes Memoires: ou 59 années d'activité industriielle, sociale et intelectuelle d'une ouvriure* (Paris, L'Action Intellectuelle, 1936).

ют о различных ситуациях с оплатой труда; иногда они оказывались в состоянии полного безденежья, в других случаях она способствовала обретению уверенности в своих силах, включению их в политические движения, развивавшие у них чувства коллективизма[33]. Некоторые швеи рассказывали Генри Мейхью, что низкие заработки, а не сама работа, толкнули их к проституции, другие мечтали о замужестве с мужчиной, чьего заработка было бы достаточно для двоих, в результате чего они могли бы навсегда бросить работу. Однако даже самые пуганые реформаторы часто отмечали гордость и независимость некоторых работниц, которых они характеризовали как угнетенных и развращенных. Они утверждали, что эти качества опасны для стабильности дома и семьи так же, как физическая и экономическая эксплуатация, которой они подвергались. Когда профсоюзные деятельницы выступали за равную оплату труда женщин, они допускали, что женщины не только будут продолжать работать, но и могут желать этого; что в дополнение к экономической необходимости желание иметь работу определяет участие женщин на рынке труда.

Эти конкурирующие друг с другом точки зрения и противоречивые интерпретации постепенно суммировались в преобладающем дискурсе того времени, который создал представление о нормальной женщине и определил работу как надругательство над ее природой. «Проблема работницы» сделала женщин видимыми не столько в качестве угнетаемых участниц производства, но как социальную патологию. Проблема обычно преподносилась не в русле удовлетворительности или неудовлетворительности женской работы, несправедливости низкой оплаты их труда, продолжительной традиции их участия на рынке рабочей силы, но скорее в плане воздействия работы на репродуктивные способности женщин, влияния их предполагаемого отсутствия в доме на его порядок и чистоту, подчеркивая воздействие эксплуатации на семейную жизнь и материнство.

Во время дебатов по поводу фабричного законодательства в Англии в 30–40-х гг. XIX века Уильям Гаскелл утверждал, что одним из последствий женского труда является неспособность женщин кормить грудью детей. Одни ссылались на неконкурентоспособность женского и машинного труда, противопоставляя мягкость и жесткость, естественность и искусственность, настоящее и будущее, воспроизводство человеческого рода и производство неодушевленных товаров. Другие живописали моральное разложение, которое последует за включением женщин в тяжелую работу, их вынужденным столкновением с грубым

[33] Margaret Lleweleyn Davies, ed. *Life as We Have Know It by Cooperative Working Women* (New York: Norton, 1975).

мужским языком в смешанных коллективах, домогательствами мужчин-начальников, требующих сексуальных услуг, вовлечением женщин в проституцию под давлением бедности. Даже если они принимали во внимание низкую заработную плату и тяжелые условия труда, они скорее обвиняли работу саму по себе, особенно «общественную» работу вне дома. Поль Лафарг, депутат от Французской рабочей партии, в 1892 году предложил новую политику в отношении беременных женщин, предусматривающую выплату ежедневного пособия начиная с четвертого месяца беременности до тех пор, пока ребенку не исполнится год. Он предлагал обложить предпринимателей специальным налогом на деторождение, поскольку это «социальная функция» женщин. Предложенная мера, говорил он, сможет смягчить то разрушительное воздействие, которое капитализм оказывает на семейную жизнь, выталкивая женщин и детей из домашней сферы, чтобы превратить их в орудия производства»[34].

Многие из попыток облегчить воздействие работы на мать и ее семейство созданием яслей и школы для детей часто имели характер чрезвычайных мер, чем долгосрочной социальной политики. Одни реформаторы предлагали создавать ясли и другие общественные институты, для того чтобы освободить женщин от двойного бремени; другие были озабочены высокой детской смертностью, «будущностью расы», но и те, и другие обосновывали необходимость реформы ссылками на небрежное отношение к детям со стороны неквалифицированных сиделок, воспитательниц, кормилиц, — этих искусственных заменителей полноценной материнской заботы. Такой подход даже со стороны тех, кто не считал, что женский труд сам по себе имеет вредные последствия, подразумевал, что домашний труд должен занимать все время женщины.

Однако домашняя работа не считалась производительным трудом. Хотя внимание к домашней деятельности, казалось, должно было повысить социальный статус женщины и привело к восхвалению ее морального влияния, женский труд при этом лишался экономической значимости. Согласно Джейн Льюис, впервые домашний труд был исключен из разряда работы в переписи 1881 г. «С тех пор как женщина-домохозяйка была классифицирована как «не работающая», уровень женской активности сократился вдвое». До этого женщины и мужчины в возрасте около 20 лет имели одинаковый уровень экономической активности[35]. После 1881 г. домашний и производительный труд представлялись как прямо противоположные. Этот пересмотр оценок (который произошел

[34] Stewart. *Women, Work and the French State*, p. 177.
[35] Jane Lewis. *Women in England*, p. 145.

и в других странах, хотя и в другое время) отражал изменение не столько условий занятости, сколько социального восприятия гендера. Женщины в домашнем хозяйстве не были работницами и не воспринимались в этом качестве; даже если они время от времени зарабатывали шитьем или другой работой, перепись не рассматривала ее как полноценный труд, так как он не занимал полный рабочий день и не совершался вне дома. В результате значительная часть женской работы игнорировалась официальной государственной статистикой; будучи невидимой, она не могла стать объектом внимания или усовершенствования.

В дискурсе разделения труда по признаку пола допущения по поводу «природы женщины» превращали в проблему саму работницу. Это уводило обсуждение в сторону от условий труда, низкой заработной платы, недостаточной социальной поддержки материнства, которые воспринимались скорее как признаки посягательства на «естественную женскую природу», чем как причины бедственного положения женщин-работниц. В результате предлагался единственно приемлемый выход: отстранение женщин, насколько это возможно, от полной занятости. Хотя подобный результат редко достигался на практике, он затруднял рассмотрение других практических решений проблемы, поскольку считалось неоспоримым фактом, что женщины являются работниками второго сорта, поскольку их тела, производительные способности и социальные обязанности делают их непригодными к выполнению тех видов работы, которые могут обеспечить им экономическое и социальное признание в качестве полноценных работников.

Значение работниц в XIX веке вытекало, таким образом, не столько из увеличения их численности, изменения локализации, количества и качества их труда, сколько из озабоченности современников разделением труда по признаку пола. Эта озабоченность не порождалась объективными условиями промышленного развития, скорее она способствовала формированию этих условий, придавая производственным отношениям гендерную окраску, обеспечивая второстепенную роль женщинам, придавая противоположное значение дому и работе, производству товаров и воспроизводству человеческого рода.

Писать историю женского труда как историю дискурсивного конструирования разделения труда по признаку пола — значит не обосновывать или оправдывать прошлое, а обращаться к нему с вопросами. Таким образом, мы открываем историю многочисленных интерпретаций, вопросов о том, что могло бы произойти, и одновременно переосмысления того, как в наши дни может оцениваться и организовываться труд женщин.

Перевод О. В. Шныровой

16

Одинокие женщины

Сесиль Дофен

«Однокая женщина! Разве не печально сочетание этих слов?»[1]. Это восклицание английской журналистки середины XIX века повторяется во многих статьях и книгах этого периода, обсуждавших проблему лишних женщин[2]. Викторианское общество было обеспокоено «огромным и все возрастающим количеством незамужних женщин, количеством непропорциональным и ненормальным, количеством, которое абсолютно и относительно указывает на нездоровое состояние общества и является как показателем, так и производителем больших несчастий и бед. Это сотни тысяч женщин всех сословий, хотя большинство из них принадлежит к среднему и высшему классу, вынужденных зарабатывать себе на жизнь, вместо того чтобы тратить или экономить заработки мужчин; вынужденных искать для себя неестественные неудобные занятия, так как они не могут выполнять обязанности жен и матерей; ведущих независимое и неполное существование, вместо того чтобы дополнять и украшать существование других»[3].

---

1 Dora Greenwell. "Our Single Women", *North British Review* 26 (February, 1862), p. 63.

2 См. библиографию в книге: Martha Vicinus. *Independent Women; Work and Community for Single Women, 1850–1920* (Chicago, University of Chicago Press, 1985), а также специальный выпуск, посвященный «старым девам» «Журнала семейной истории»: "Spinsters", *Journal of Family History* (Winter 1984), Susan Cotts Watkins, ed. В период между 1840 и 1847 гг. художник Ричард Редгрейв экспонировал в Королевской академии серию картин, посвященных «лишним женщинам». Эта популярная тема также освещалась Джорджем Фредериком Уоттсом.

3 W. R. Gregg. "Why Are Women Redundant?" *National Review* 4 (April, 1862), p. 436.

«Одинокая женщина» была актуальным понятием. За бесконечными жалобами и предостережениями стоит проблема определения. Кем были эти незамужние женщины? Почему они существовали? Что можно было для них сделать? Непропорционально большое количество одиноких женщин, являющееся следствием экономических и социальных изменений, их образ жизни, противоречащий традиционным представлениям о предназначении женщины, — все это привлекало к данной проблеме внимание со стороны общества. Однако ее восприятие неизбежно ограничивалось образом «старой девы»; одинокая женщина представала только в трагической ипостаси «женщины без мужчины». Этот ярлык в то время стал общим местом.

Факт женского рода

В отношении феномена одинокой женщины в XIX веке можно определенно сказать, что это было распространенное и вместе с тем новое явление. «Во всех переписях населения лиц женского пола было больше», чем мужского. Это замечание Левассера звучит так, как будто оно отражает природную аномалию[4]. Действительно, в то время как на каждые 100 девочек рождается 106 мальчиков, и это соотношение является более-менее постоянным на протяжении истории, Европа в «эпоху статистики» вдруг обнаружила, что в ее населении имеется избыточное количество женщин. Отчасти это было последствием событий того времени: из-за революционного террора и наполеоновских войн, унесших большое количество мужских жизней, около 14% женщин, рожденных во Франции в период между 1785 и 1789 гг. были обречены остаться незамужними[5].

Такие писатели, как Бальзак, быстро уловили это явление и нашли ему объяснение: «Франция знает, что в результате политической системы, которой придерживался Наполеон,

---

[4] Emile Levausseur. *La Population fransaise; Histoire de la population avant 1789 et démographie de la France comparée a celle des autres nations au 19 siucle* (Paris, A. Rousseau, 1889–1892), vol. I, p. 333.

[5] Jacques Dupbquier. *La Population fransaise aux 17e et 18e siucles* (Paris, Universitaires de France, 1979), p. 84.

множество женщин овдовело. В годы его правления число женихов далеко не соответствовало числу богатых невест»[6].

Эти потери, которые понесла вся Европа, никогда не были компенсированы полностью за счет высокой женской смертности во время родов или смертей девочек в раннем детстве или вследствие детского труда[7]. Хотя развитие гигиены и медицины улучшило качество жизни в целом, наибольшие преимущества от этого получили женщины. Повышенная мужская смертность являлась результатом экономических, биологических и иных факторов, однако женщины расплачивались за нее безбрачием, вдовством и одиночеством[8]. В качестве примера рассмотрим структуру возрастной группы около 50 лет французского населения в 1851 г.: только 27% мужчин были вдовцами или холостяками, в то время как 46% женщин были одинокими (12% — незамужними и 34% — вдовами).

Европейская модель

Массовые людские потери во время войн были характерны не только для XIX столетия и Западной Европы. От других континентов Европу отличала необязательность брака. Со времени Дж. Хаджнала демографы исследуют, насколько европейская модель позднего моногамного брака служила способом регулирования рождаемости[9]. Как это ни покажется странным, феномен одинокой женщины впервые появился в истории как отрицательная переменная величина в исследованиях о росте населения. Специалисты подсчитали, что безбрачие сокращало уровень рождаемости на 7–8%.

Антропологи обнаружили и другие исключения из правила: например в Тибете в начале XX в. также было большое количество незамужних женщин. В Китае и Индии вдовы (из высших слоев) не выходили повторно замуж, их участь была разновидностью послебрачного цело-

---

6 Honorй de Balzac. *La Vieille Fille* (1837) (Paris, Albin Michel, 1955), p. 65. Перевод С. Викторовой. См.: Бальзак, О. Старая дева. – В кн.: Собрание сочинений в 24 томах. М., 1960. Т. 6. С. 274.

7 *Annales de démographie historique*, 1981, раздел A: "La Mortalitй diffйrentielle des femmes", p. 23–140.

8 Patrice Bourdelais, "Le Poids dйmographie des femmes seules en France", in ibid., p. 215–227.

9 John Hajnal. "European Marriage Patterns in Perspective", in D. V. Glass and D. E. C. Eversley, eds. *Population in History* (London: Arnold, 1965), p. 101–143. Сокращенный русский перевод в книге: Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979.

мудрия[10]. Заметим, однако, что в Китае в 30-х годах XX века только одна женщина из тысячи оставалась незамужней всю жизнь (и только три мужчины). На Западе, напротив, процент женщин, достигших 50 лет и никогда не бывших замужем, редко опускался ниже десяти. В долгосрочной перспективе наибольшее увеличение этого показателя наблюдается в конце XVIII века; после достижения пика в начале XIX века он выравнивается и слегка сокращается, совпадая с сокращением брачного возраста[11].

Местные контрасты

Если безбрачие было характерной и достаточно постоянной чертой западной цивилизации, его неравномерное распределение в различных странах и социальных группах может разрушить современные представления. В России в 1897 г. насчитывалось 5% незамужних женщин, в сельских местностях Пруссии и Дании в 1880 г. – около 8%, в то время как в отдельных районах Франции и Португалии их количество составляло уже 20% в середине XIX века, а швейцарском кантоне Обвальд в 1860 г. даже – 48%.

До сих пор еще нет полной карты или обобщающего исследования безбрачия в Европе, но все имеющиеся монографии констатируют разительный контраст между северо-восточной частью континента, где брачные отношения имели универсальный характер, и юго-западной его частью, где многие женщины оставались старыми девами. Существовали также региональные различия внутри стран[12]. Например, во Франции Бретань, Котантен, Пиренеи и окрестности Центрального массива являлись районами с высоким уровнем незамужних женщин и вдов, в то время как район Парижа имел значительно более низкие показатели. В государствах Северо-Восточной Германии количество одиноких женщин было ниже 10%, в то время как в Баварии и Вюртемберге их было более 15%. В Англии наибольшее количество одино-

---

[10] Jack Goody. *The Development of the Family and Marriage in Europe* (New York, Cambridge University Press, 1983).

[11] Louis Henry and Jacques Houdaille. "Cйlibat et вge au mariage aux 18e et 19e siиcles en France. I – Cйlibat dйfinitif. II – Age au premier mariage", *Population* 1 and 2 (1979).

[12] Patrice Bourdelais. "Femmes isolйes en France, 17e–19e siиcles", in Arlette Farge and Christiane Klapisch-Zuber, eds. *Madame ou Mademoiselle? Itinéraires de la solitude féminine, 18e–20e siucles* (Paris, Arthaud-Montalba, 1984), p. 66–67.

ких женщин наблюдалось в северных сельскохозяйственных районах и Уэльсе[13].

Наряду с такими чисто демографическими показателями, как соотношение полов, уровень смертности, возрастная структура и разница в возрасте между супругами, эти региональные модели заставляют предположить, что безбрачие и вдовство управлялись какими-то неписаными правилами, глубоко укоренившимися в общественном сознании. Демографы постоянно отмечают, что в данном обществе безбрачие часто сочетается с поздними браками и отсутствием контрацепции. На основе этих наблюдений они сформулировали так называемую аскетическую мальтузианскую гипотезу: церковные власти, проповедовавшие воздержание и добродетель, таким образом нечаянно способствовали сокращению уровня рождаемости и сдерживали распыление семейной собственности. Обнаружилось, что районы, «производившие большое количество одиноких людей», имели сходные характеристики: патриархальную семейную структуру, тщательно подготавливаемые и достаточно поздние браки; в каждом поколении женится только один из детей, избранный унаследовать семейную собственность, в то время как другие либо остаются холостяками, либо отправляются на поиски счастья. Однако в XIX в. урбанизация и индустриализация разрушили эти традиционные структуры, вследствие чего семьи стали распадаться, высвобождая рабочую силу, востребованную рынком труда.

Городские полюса

На фоне всеобщего экономического подъема города, являвшиеся традиционными резервуарами скопления избыточного населения из сельских районов, также привлекали в основном холостых и незамужних. Кроме того, сами города производили большое количество одиноких женщин. Уже в XVIII веке наблюдателей поражали «легионы одиноких женщин, [живших] в крупных городах, чуждых браку и предпочитающих случайные связи»[14]. Перепись 1866 г. во Франции показала, что три из четырех городов имели «избыток женщин». В некоторых местностях дисбаланс был экстремальным: в Сен-Жан д'Анжели было

[13] M. Anderson. "Marriage Patterns in Victorian Britain: An Analyses Based on Registration District Data for England and Wales 1861", *Journal of Family History* 2 (1976): 55–78; John Knodel and Mary Jo Maynes. "Urban and Rural Marriage Patterns in Imperial Germany", ibid., p. 129–168.

[14] Leon Abensour. *La Femme et le féminisme avant la Révolution* (1923) (Geneva, Slatkine, 1977), p. 206.

61,4% женского населения, в Авранше — 60,2%, в Клермоне — 59,9%. Сравнительное исследование влияния урбанизации на безбрачие (в Пруссии, Саксонии, Баварии, Бельгии, Дании, Англии, Норвегии, западной России и Австрии) показывает, что уровень одиноких людей был всегда выше среди городского, чем среди сельского населения (вдвое выше в Саксонии, Дании и Западной России), и что браки среди городских жителей заключались позднее. Это касалось как женщин, так и мужчин[15] .

Одинокие женщины становились заметными, когда они переезжали в город. Они становились заметными прежде всего для городских обозревателей, которые старались изучать социальные реалии и писать о них. И, что еще более важно, они становились видимыми в социальном плане: одинокие женщины (дочери, сестры, тети) всегда были частью семьи как производительной единицы, но теперь они становились частью рынка рабочей силы и были подвержены его превратностям. Иными словами, постепенное разрушение сельской промышленности и общий кризис занятости в сельском хозяйстве разрушали традиционную роль одиноких женщин в домашней экономике и маргинализировали их.

Одновременно женщины, особенно молодые, постепенно отказываются от старых моделей отходничества в близлежащие города на короткое время ради заработка в пользу переезда на постоянное место жительства в более отдаленные местности. Вместе с тем они редко отваживались на эмиграцию на другие континенты, за исключением замужних или женщин-миссионерок, стремящихся нести слово Божие в отдаленные земли[16]. Некоторые женщины оставались незамужними там, где они жили. Например, в Норвегии массовая эмиграция в Америку привела в середине XIX века к недостатку мужчин, результатом чего стал 21,8% незамужних женщин в 80-х годах, и сокращение количества повторных браков для вдов[17].

Взрослые и активные

Скандал, единодушно осужденный викторианской прессой и приблизительно так же воспринятый в Европе, в большей степени отражал озабоченность социальной идентичностью одиноких женщин,

[15] Knodel and Maynes. “Urban and Rural Marriage Patterns”.

[16] О миссионерской деятельности в Северной Африке, Америке и на островах Тихого океана см.: Y.Turin. *Femmes et Religeuses au 19e siucle. Le féminisme “en religion”* (Paris, Nouvelle Citй, 1989).

[17] S. Dryvik. “Remarriage in Norway in the Nineteenth Century”, in J. Dupвquier, ed. *Marriage and Remarriage in Populations of the Past* (San Diego, Academic Press, 1981), p. 305.

чем их количеством. Поскольку эти женщины выпадали из предназначенного им места в обществе, их сочли «излишними». «Что нам делать с нашими старыми девами?» — вопрошала Франсис П. Кобб в *Fraser's Magazine*[18]. В исторической ретроспективе это вытеснение, одновременно географическое, социальное и культурное, имеет решающее значение в истории женщин и в завоевании ими экономической независимости. Вне брака нет спасения! Кодекс Наполеона, широко заимствованный европейскими соседями Франции, предлагал одиноким женщинам выбор: вне брака женщина оставалась дееспособной личностью в глазах закона, способной распоряжаться своими делами и своим имуществом. В отличие от замужней женщины *la femme sole*[19] имела те же права, что и мужчина, за исключением того, что она не считалась гражданкой. Вместе с тем, если вдовы, разъехавшиеся со своими мужьями, или разведенные женщины обычно получали поддержку от семьи и государства, взрослые незамужние женщины (по крайней мере те, кто не располагал источником дохода) должны были оставить семьи и сами зарабатывать себе на жизнь.

Соотношение между вступлением одиноких женщин на рынок труда, ростом женского рабочего класса и развитием сферы услуг претерпело заметную эволюцию. Данные переписи указывают на степень распространенности этого феномена во Франции конца XIX века: «Хотя 80% мужчин и женщин, занятых в сельском хозяйстве, и мужчин занятых в сфере услуг и промышленности, состоят в браке и менее 20% одиноки (не имеют семьи или овдовели), опрошенные женщины, работающие вне сельской местности, часто вынуждены сохранять такой статус: практически каждая вторая является незамужней, вдовой или разведенной»[20]. В 1906 г. 8,5% сельскохозяйственных работниц были не замужем, в промышленности и сфере услуг незамужних женщин насчитывалось 33%.

Процесс привлечения незамужних женщин на рынок рабочей силы следовал за подъемами и спадами экономики. Получение новых знаний стало решающим фактором, привлекающим незамужних женщин в новые отрасли промышленности. Без сомнения, их выбор был ограниченным, но в конечном счете это привело к изменению традиционных представлений о солидарности, перевороту в отношениях между полами на рабочем месте (включая конкуренцию и сопротивление) и постепенному признанию того факта, что женщины теперь являются частью рабочего класса.

---

[18] *Fraser's Magazine* 66 (1862): 594–610.

[19] Одинокая женщина (фр.).

[20] Maurice Garden. "L'Evolution de la population active", in Jacques Dupbquier, ed. *Histoire de la population fransaise* (Paris, Presses Universitaires de France, 1988), vol. 3, p. 267.

Одиночество — это жизнь среди чужих

Домашнюю прислугу изобрел не XIX век. Но то, что ранее было распространено только в аристократической среде, теперь стало необходимой частью и буржуазного существования, *sine qua non*[21] социальных отличий. По мере того как статус прислуги становился более демократичным, он становился менее мужественным и иерархичным, но феминизация означала падение престижности домашнего услужения. Большие и маленькие города по всей Европе привлекали деревенских девушек, многим из которых не исполнилось еще тринадцати-четырнадцати лет, чьей единственной квалификацией были молодость и здоровье. В Мюнхене, население которого в 1828 г. составляло не более 70 тыс. человек, перепись показала наличие 10 тыс. слуг, то есть почти 14% всего населения. В Лондоне в 60-х гг. XIX века в прислугах состояла треть проживающих в нем женщин в возрасте от 15 до 24 лет. Аналогичная картина наблюдалась в Пруссии, где 96% служанок были не замужем. Берлин, Лейпциг, Франкфурт, Париж, Лион, Прага — все города в Европе имели среди своего населения большую долю женской прислуги, бедных, незамужних, недавно приехавших из деревни.

Многие женщины нанимались прислугой с целью подготовки к браку. Накопление сбережений (которые многие служанки хранили на банковских счетах), приобретение навыков ведения хозяйства, знакомство с основными элементами городской культуры могли обеспечить в дальнейшем лучшее положение в обществе. Заработки служанок были выше, чем заработная плата в текстильной промышленности. Приблизительно треть служанок заканчивали свою карьеру, выходя замуж[22]. Они вступали в брак в достаточно зрелом возрасте, который был значительно выше среднего брачного возраста. Однако большое количество женщин старше пятидесяти лет продолжали работать прислугой, что заставляет предположить, что эта карьера легко могла стать постоянной, оставляя тысячи женщин незамужними.

В течение XIX века сложилась новая иерархия домашних слуг. Над горничными стояли гувернантки, которые часто происходили из среднего класса: дочери священнослужителей или мелких чиновников, из многодетных семей или сироты. Современники уделяли внимание в основном этой категории одиноких женщин, которых обессмертили сестры Бронте в романах «Джейн Эйр» и «Агнесса Грей». Несчастное положение женщин-работниц и служанок рассматривалось как неиз-

---

[21] Обязательное условие (лат.).

[22] Theresa McBride. "Social Mobility in Lower Classes: Domestic Servants in France", *Journal of Social History* (Fall 1974): 63–78.

бежное социальное зло. Но еще более заслуживающим сожаления считалось то, что представительницы среднего класса были вынуждены работать в тяжелых условиях или заниматься поисками заработка в возрасте сорока-пятидесяти лет после смерти родителей. Распространенный в России, Германии и Франции, этот феномен приобрел особое значение в Англии, где викторианцы в поисках промежуточного звена в антитезе мать–блудница романтизировали образ «старой девы», наделив его такими чертами, как чистота, целомудрие и самопожертвование.

В 1851 г. в Англии насчитывалось 750 тыс. служанок и 25 тыс. гувернанток. Несмотря на незначительное количество последних, что делало их мало влиятельными экономически и политически, именно гувернантки олицетворяли ценности, проблемы и страхи викторианского среднего класса. По определению гувернантка была женщиной, которая давала уроки на дому или жила в семье в качестве компаньонки и учительницы детей. Гувернантка болезненно осознавала противоречие между ценностями, привитыми ей «благородным» образованием и функциями, которые она была обязана выполнять. Символ новой власти среднего класса и доказательство того, что некоторые жены теперь могли отдыхать и служить украшением жизни своих мужей, гувернантка, даже если она продолжала считаться «леди», в результате страдала от потери статуса. Находившаяся в сложном положении между родителями и детьми гувернантка получала мало поддержки со стороны других слуг. Зависящая от пансиона и жалованья гувернантка, слишком старая или больная, для того чтобы продолжать работать, должна была искать помощь. Такую помощь предлагал основанный в 1841 г. Благотворительный институт для гувернанток.

Одиночество – это жизнь среди чужих: служанкам и гувернанткам тяжело достался этот урок. Они жили рядом с людьми, с которыми у них было мало общего. Это была ссылка без надежды на возвращение, существование без дома, хотя и под крышей. Аналогичное одинокое существование, сопровождавшееся ограничениями в передвижениях и отрицанием персональной идентичности, было характерно и для промышленных работниц.

Промышленные монастыри

Работница, иногда прославляемая, иногда проклинаемая, символизировала в XIX в. женский труд. Обычно мы изображаем ее как мать и жену. Однако механизация и специализация труда, с большой ско-

ростью развивающиеся на протяжении века, принесли далекоидущие изменения в организацию производства на фабриках. Некоторые новые формы работы располагали к одинокому образу жизни. Так называемые «шелковые монастыри», распространившиеся в окрестностях Лиона в 30-х гг. XIX века, скопированные с текстильных предприятий Лоуэлла в штате Массачусетс, нанимали неквалифицированных послушных молодых женщин, отправлявшихся на работу с благословения родителей и церкви[23]. Фабричные управляющие следили за нравственностью своих подопечных, так как последним предоставлялось достаточно соблазнов, чтобы сбиться с пути истинного и опуститься до занятий проституцией. Рейбо комментирует это следующим образом: «Эти молодые деревенские девушки, отправленные родителями в круговорот большого города, в конце концов находили убежище на фабрике, где они проходили обучение, не подвергаясь опасности, огражденные от превратностей судьбы, которых немногим удавалось избежать, в силу неопытности в одних случаях и тщеславия — в других, но чаще всего из-за бедности. Здесь они были защищены от других и от самих себя».

Эти настоящие «промышленные монастыри» получили распространение не только в Жужурё, Тараре, Ла Севе, Бург-Аржентале во Франции, но также в Швейцарии, Великобритании и Ирландии. Они знаменовали соглашение между промышленниками и церковными властями, так как молодые женщины посвящали тело и душу добродетели тяжелого труда до тех пор, пока они не найдут себе мужа. Установлено, что в 1880 г. в районе Лиона было 100 тыс. работниц, ведущих такой образ жизни.

Расплата

Обязательное предоставление жилья работницам, ставившее под контроль не только их труд, но и жизнь, поведение и личность, стало применяться и в других секторах экономики, в частности в крупных универмагах. Большинство продавщиц парижских универмагов были приезжими из провинции и не имели другого выхода, кроме как согласиться на жилье, предлагаемое их нанимателями. Находясь под неусыпным контролем, они были вынуждены отказаться от личной

[23] Abel Chatelain. “Les Usines internats et les migrations féminines dans la region lyonnaise”, *Revue d’histoire économique et sociale* 3 (1970): 373–394; Louis Reybaud. *Etudes sur le régime des manufactures, condition matérielle et morale des ouvriers en soie* (Paris, Michel-Lévy Frères, 1859).

жизни, замужество неизменно становилось поводом для увольнения. Такая же ситуация наблюдалась и в других странах Европы. Например, в Богемии учительницам и женщинам, состоящим на государственной службе, не разрешалось выходить замуж до 1919 г. В частном секторе телефонистки, машинистки, продавщицы и официантки также были обязаны увольняться, выйдя замуж. Верно, что в некоторых германских государствах и в Вене закон запрещал бедным мужчинам жениться. Верно также, что в бюрократических аппаратах некоторых стран устанавливались брачные квоты или требовалось, чтобы служащие мужского пола получали разрешение администрации на брак. Однако представление о несовместимости брака и работы распространялось в основном на женщин. Более того, оно породило идею, что профессии, воплотившие определенный гуманистический идеал, такие как сестра милосердия, учительница, социальная работница, должны рассматриваться как разновидность монашества в миру. В общем, необходимость или стремление работать ставили женщин перед выбором — работа или семья, — определявшим их жизнь и социальную идентичность. И не все барьеры носили законодательный характер: сопротивление социальным переменам также было влиятельным фактором.

Западная модель женского безбрачия глубоко повлияла на экономическую логику XIX века. Женское одиночество поощрялось требованиями производства, «поскольку оно сознательно использовалось как необходимый элемент работы экономического механизма»[24]. Многие представительницы интеллигентных профессий вышли из мелкобуржуазных кругов и в силу этого старались выделиться; образованные лучше, чем другие женщины, они стремились отстаивать свое интеллектуальное и социальное превосходство. Но это стремление в совокупности с объективными ограничениями и психологической поглощенностью работой мешало им найти мужа. Многие продавщицы, почтовые служащие, учительницы и социальные работницы обнаруживали со временем, что их работа ограничивала их личное развитие: такова была цена, которую они платили за то, чтобы подняться на несколько ступенек выше по социальной лестнице[25].

Государство, основной работодатель для женщин во всех европейских странах, также было основным «производителем» безбрачия. Этот феномен был тщательно исследован в отношении почтовых слу-

---

[24] Francoise Parent. “La Vendeuse de grand magasin”, in Farge and Klapisch-Zuber, eds. *Madame ou Mademoiselle?* p. 97.

[25] *Pierrette Pézerat and Daniele Poublan.* “Femmes sans maris, les employйes des postes”, in ibid., p. 117–162; Maurizio Gribaudi. “Procиs de mobilitй et d’intйgration. Le monde ouvrier turinois dans le premier demisiиcle”, Ph.D diss., Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1986.

жащих во Франции, Германии и Англии[26]. Так, например, во Франции на рубеже XIX–XX веков не замужем было 53,7% государственных служащих женского пола по сравнению с 18,9% мужского. При этом одииокнх женщин (незамужних и вдов) больше насчитывалось в высокооплачиваемых профессиях, в то время как неженатых мужчин было больше среди низкооплачиваемых[27]. Женщины интеллигентных профессий выходили замуж позже, чем работницы и, как правило, имели в два раза меньше детей. Поэтому есть достаточные основания просматривать определенную закономерность между безбрачием и уровнем квалификации. В США 75% женщин, закончивших колледж в период между 1870 и 1900 гг. так н не вышли замуж. Во Франции в первые двадцать лет после введения женского среднего образования (после прннятия закона Камилля Сэ в декабре 1880 г.) 62,5% учительниц и административного женского персонала школ были не замужем. Это количество было также велико в начальной школе и превышало 75% средн учительниц гимнастикн, шитья н рнсования[28]. Это соотношение стало еще более очевидным, когда в XX веке большое количество женщин получило доступ к преподаванию в высших учебных заведениях и к высоким государственным должностям.

Религиозный след

В прошлом целая череда ученых мужчин, убежденных в невозможности одновременного развития мозга и матки, увереино утверждали, что умственная деятельность превышает женские возможности. Теперь женщины, которые опровергали это положение, казалось, приобретали отвращение к браку, получив доступ к культуре. Вместе с тем профессии, связанные с социальной службой, представлялись привлекательными независимым женщинам, так как требовали проявления служения и сострадания, традиционно считавшихся женскими чертами.

---

26 Gro Hagemann. “Class and Gender During Industrialization”, in *The Sexual Division of Labour, 19th and 20th centuries*, Uppsala Papers in Economic History, 7 (1989), p. 1–29; Ursula D. Nienhaus. “Technological Change, the Welfare State, Gender and Real Women: Female Clerical Workers in the Postal Services in Germany, France and England 1860–1945”, in ibid., p. 57–72.

27 *Statistique des familles*, Statistique gйnйrale de la France, 1906.

28 Marlene Cacoualt. “Diplфme et cйlibat, les femmes professeurs de lycйe entre les deaux guerres”, in Farge and Klapisch-Zuber. *Madame ou Mademoiselle?* p. 177; Francoise Mayeur. *L’Enseignement secondaire des jeunes filles sous la 3e République* (Paris, Foundation Nationale des Sciences Politiques, 1977), p. 256.

Задачей одиноких женщин признавалось вынесение домашних добродетелей во внешний мир, чтобы повысить моральный уровень на фабриках, в школах и других общественных институтах. В сфере социальной работы делалась попытка смягчить контраст между протестантской моделью, преобладавшей в Соединенных Штатах, Англии и Германии (с ее дьяконисами, миссиями и волонтерскими организациями) и католическую модель религиозных поручений и патронирования, доминировавшей во Франции и Италии[29]. Возможно, более поучительно обратить внимание на общие черты (этих моделей. — *О. Ш.*), что позволяет понять, как индустриальное общество откликалось на «социальный вопрос». Этот ответ предусматривал глубокое вовлечение одиноких женщин и вытеснение традиционных форм благотворительности. Религиозное возрождение: пиетизм в Германии и Нидерландах, методизм в Англии, марианство[30] в католических странах — направляло энергию целых поколений «лишних» женщин в деятельность, где они могли проявить активность и инициативу. Женщины, «призванные» к этой работе, получали доступ к информации по социально-экономическим и политическим проблемам, что порождало у них новые амбиции.

Женские сообщества, организуемые для ведения социальной работы, были фактически единственными местами, где женщины особенно в начале своей карьеры могли приобрести различные навыки, одновременно реализуя свои религиозные и практические амбиции. Наряду с созерцанием, молитвой и духовностью, они привносили в эту работу смелость, силу, воображение. Этот «женский католицизм» являл отличную форму религиозной практики, основанной на самоанализе, утонченном мистицизме и на личных отношениях с Богом.

Успех многочисленных организаций такого рода доказал, что женщины могут организовать эффективный уход за больными, учить, помогать бедным; однако одновременно он способствовал распространению устойчивого представления о том, что некоторые «призвания» являются специфически женскими, особенно в сферах образования, здравоохранения и социальной работы. Волонтерки выполняли огромный объем работ, который нам трудно сейчас даже точно оценить.

«Новые профессии», к которым женщины получили доступ в конце XIX века, неизбежно несли на себе двойной отпечаток религиозной модели и метафоры материнства: преданность—доступность, смирение—подчинение, самоотречение—самопожертвование. Эти же мотивы про-

[29] Claude Langlois. *Le Catholicisme au féminin. Les Congrégations fransaises a supérieure générale au 19e siucle* (Paris, Editions du Cerf, 1984); Vicinus. *Independent Women*; Lucia Ferrante et al., eds. *Patronage e reti di relazione nelle storia delle donne* (Turin, Rosenberg and Sellier, 1988).

[30] Возрождение культа Девы Марии. — *Примеч. редактора.*

слеживаются в папских посланиях, направленных на восстановление достоинства старой девы[31]. Идеал религиозной девственности восходит к моменту возникновения церкви. Однако, столкнувшись с проблемой «лишних женщин» и бичом бедности, церковные власти начали проповедовать союз Марфы и Марии: созерцательная жизнь необязательно должна означать уход от мира. Таким образом, молодых христианок, которые (к сожалению) оставались незамужними (и разве не было это актом Провидения?), призывали «быть просветительницами и руководительницами своих сестер, посвящать себя заботам, скорее требующим такта, деликатности, материнского инстинкта».

Перемены и протест

Религиозных посланий по поводу демографических проблем было недостаточно для спасения брака. Викторианское воспитание и католическая мораль, насаждавшие смирение и целомудрие, посеяли семена протеста. Несчастные браки существовали и до XIX века, но поиски возможных средств для исправления семейных неурядиц вскрывали недостатки некоторых современных форм этого почтенного института. Закон о разводе был принят только после того, как женщины стали наводнять суды просьбами расторгнуть их браки (80% зарегистрированных прошений были поданы женщинами). Жестокость и насилие, терпимые в прошлые времена, теперь считались неприемлемыми. К концу XIX века наблюдается значительное увеличение разводов. Очевидно, легализация развода и разъезда супругов санкционировали и давно существующее на практике оставление *de facto*. Кроме того, чаще на развод подавали не те женщины, которые страдали от измен мужей, а те, которых мужья избивали. Хотя законодательство о разводе и количество разводов различались в разных странах, все больше женщин использовали его как орудие освобождения[32]. Увеличение количества разводов наблюдалось прежде всего в протестантских странах (за исключением Англии, где он был дорогостоящим делом), в городах и среди среднего класса. Независимо от того, приводил ли развод к нежеланному одиночеству или к вожделенной свободе, он стимулировался доступностью среднего образования для женщин и повышением уровня жизни.

---

[31] *Les Enseignements pontificaux. Le Probéme féminin* (Paris, Desclée Brouwer, 1953). Вступление и таблицы предоставлены монахами Сольмского аббатства (департамент Сарта).

[32] Jacques Bertillon. *Etude démographique du divorce et la séparation de corps dans les différents pays de l'Europe* (Paris, G.Masson, 1883).

В то время как законодатели ориентировали все законодательство о разводе (о его легализации, запрещении или возобновлеиин) прежде всего на сохранение семьи и подновлеиие иистнтута брака, для крнтиков брака настал час битвы. Перед лицом нападок мизогинистов, с готовностью обличавших «нашествне мелочных зануд, подобно варварам, неспособных к пронзведению потомства», многне женщины взялись за перо[33]. Они делали это из протеста, прнзывая к восстанию против домашнего заключения, к отстаиванию права на самоутвержденне и экономическую независимость. За институтом брака стояла проблема взаимоотношения полов: идеальная любовь представлялась невозможной в условиях неравенства, приинжеиностн и неполиоценностн одного пола по отношению к другому. Некоторые выдающиеся писательиицы вынесли суровый приговор браку н даже пытались практиковать то, что они проповедовали. Но кто сейчас помнит этнх неутомимых журналисток и публицисток, для которых нх писательство было способом выживания? Одинокне, вдовые, разведенные, разъехавшиеся с мужьямн, иногда они имели минимальное образованне. Для них авторскне гонорары были подарком судьбы, нсточником дохода.

Публиковались далеко не все пронзведения за авторством женщин. Многие нз них остались в ящиках письменных столов, если не нашли свой конец в огие или мусорной корзине. Если кто-либо вслед за В. Чемберс-Шиллер возьмется за исследованне этнх частных дневников, то он сможет обнаружить причины, по которым женщины предпочитали не выходить замуж[34]. Наряду с объективнымн обстоятельствами часто упоминается стремление к незавнснмостн, усиленное воспитанием. В Америке между войной за незавнснмость н граждаиской войиой женщины, имевшие возможность выбнрать, стремились выбнрать свободу, а не брак: «ибо свобода лучший супруг, чем любовь, для многнх из нас»[35]. Остаться одинокой, вместо того чтобы потерять душу в брачной лотерее — этот принцип был унаследован в индивидуалистской этике, которая постепенно пропитала западную культуру в XIX веке.

Безбрачие, идеализированное н оправданное, коренилось в протестантском представленин о совершенстве: верховенство индивидуума над общественными ннститутами в целом н иистнтутом брака в част-

---

[33] Barbey d' Aurevilly. *Les Bas-Bleus* (Brussels, Victor Palmй, 1878).

[34] V. Chsmbers-Shiller. *Liberty, a Better Husband: Single Women in America: The Generation of 1780–1840* (New Haven, Yale University Press, 1984).

[35] Ibid., p. 10. Цитируется Луиза Мей Алкотт (1868): «Потеря свободы, счастья н самоуважения, мало вознаграждается сомнительной честью называться "миссис" вместо "мисс"». Старые девы, уверяет она читателя, относятся к породе «женщин, превосходящих других, остающихся верными своему выбору и счастливыми благодаря ему не менее, чем замужние женщины с их мужьями и домом».

ности вело к идее индивидуального спасения «вместе с Богом». На Страшном суде женщина одна, без мужа и детей, будет отвечать за свои поступки. В американских текстах начала XIX века часто для обозначения безбрачия использовался термин «одинокое блаженство», и оно стало объектом настоящего культа[36].

Нет ничего удивительного в том, что в 40-х годах XIX века 40% женщин-квакеров были не замужем.

Предпочтительный выбор

Различные формы протеста, провоцируемые вихрем социально-экономических перемен XIX века, способствовали формированию культурного и политического движения, посвященного достижению женской независимости путем безбрачия. После того как «феминистка» Паулина Ролан публично отвергла замужество, а Флоренс Найтингейл заявила, что она не желает отказываться от своего предназначения ради мужа, Кристабель Панкхерст провозгласила, что женское безбрачие является политическим решением, сознательным ответом на сексуальное рабство[37]. Конец века стал свидетелем ряда кампаний, особенно яростных в Англии, против сексуального насилия и оскорблений. Для того чтобы защитить себя и сделать видимой свою борьбу, некоторые женщины сделали радикальный выбор, вообще отказавшись от сексуальности. Кристабель Панкхерст была не единственной, кто принял такое решение: в 1913 г. 63% членов Женского социально-политического союза были не замужем, и значительная часть остальных — вдовами. Безбрачие наряду с отказом от преимуществ сексуальности теперь рассматривалось как временный политический шаг, необходимый до тех пор, пока не сформируется новое социальное сознание.

После 1870 г. новый тип женщины, сознательно избирающей безбрачие, бывшей в основном продуктом комфортабельной городской среды, культурной, космополитичной, открыто презирающей роль буржу-

---

[36] Выражение было создано Шекспиром для насмешки над одиночеством женщин, отказывающихся выходить замуж. См.: Сон в летнюю ночь. Акт I. Сцена I. — В русском переводе это выражение опущено. Стих звучит как: Счастливей тот, кто на кусте невинном / Цветет, живет, умрет — все одинокой. В оригинале: Than that which withering on the virgin thorn / Grows, lives and dies in *single blessedness*: A Midsummer Night's Dream, I, i, 67.

[37] Edith Thomas. *Pauline Roland: Socialisme et féminisme au 19e siucle* (Paris, Marcel Riviлre, 1956); О Найтингейл и Панкхерст см: Sheila Jeffreys, *The Spinster and Her Enemies: Feminism and Sexuality, 1880–1930* (London, Pandora, 1985).

азной жены, становится достаточно привычным явлением в некоторых артистических и политических кругах, являясь для других примером новых возможностей. В Англии и Соединенных Штатах, где законы о браке, разводе, собственности и избирательном праве были наиболее прогрессивными, восхищение новым независимым стилем жизни было велико. Постепенно образы экономической независимости и свободной любви, слившись, породили миф о «новой женщине»[38].

Утверждение, что женщина должна иметь в жизни такую же свободу, что и мужчина, выглядело как угроза мужскому господству. Ученые, врачи, сексологи, свалив в одну кучу отказ от брака, стремление к карьере, отторжение священной роли жены и матери, поспешили (следуя за венским психиатром Рихардом Крафт-Эбингом) заклеймить дерзких в качестве маргиналок и лесбиянок[39]. Делая это, они просто воспроизводили в иной форме старую теорию «патологии матки», выдвинутую еще в XVIII веке и без конца повторявшуюся в научных кругах в XIX.

Власть образов

Борьба между золотым мифом о браке и гротескным образом старой девы вечна. Независимо от уровня дискурса: от словарей к научным текстам, от поговорок к романам — слова, используемые для обозначения незамужней женщины неизбежно обнаруживают дискриминацию в репрезентации женского. Но когда речь заходит об аналогичном представителе противоположного пола, стареющем холостяке, пренебрежение исчезает: здесь вы можете найти «гениев» и «писателей»[40].

Мегера, лесбиянка, амазонка, шлюха, гризетка, синий чулок — эти уничижительные термины, применяемые к одиноким женщинам, были несправедливы, но широко распространены в западной культуре и ранее. Но создание образа старой девы в литературе и его стереотипизация и популяризация явились заслугой XIX столетия[41]. Никогда еще внешность, психология, характер и социальная жизнь старой девы не привлекали столько внимания. Как бы ни изображалась одинокая женщина, автор неизбежно описывал ее как отклонение от идеала женст-

[38] Carroll Smith-Rosenberg and Esther Newton. “Le Mythe de la lesbienne et la Femine Nouvellee”. *Strategies des femmes* (Paris, Tierce, 1984), p. 274–311.
[39] Gudrun Schwarz. “L’Invention de la la lesbienne par les psychiatres allemands”, in ibid., p. 312–328.
[40] Jean Borie. *Le Célibataire fransais* (Paris, La Sagittaire, 1976).
[41] Cecile Dauphin. “La Vieille Fille, histoire d’un Stйrйotype,” in Farge and Klapisch-Zuber, eds., *Madame ou Mademoiselle?* p. 207–231.

венности, определенного законом, общепринятой концепцией любви, биологическим детерминизмом и кодексом женской красоты.

Казалось, что одинокая женщина сконцентрировала на себе все страхи, вызываемые независимостью женщин, — социальной, экономической и интеллектуальной. Возникновение психологии и «открытие» «природы женщины» к концу XVIII века привело к изменению ценностей, ассоциируемых с девственностью: теперь они стали препятствием и противоречили женственности как таковой; одновременно социальная роль одиноких и вдовых женщин полагалась бесполезной, а женское одиночество рассматривалось как угроза семье[42].

Перед лицом потери идентичности одинокие женщины могли определять себя только в отношении к триумфальному образу жены-матери через сложную систему маневров и вызовов. Иногда они одобряли эту модель, иногда сопротивлялись ей; были эксперименты и утопические мечты, были капитуляция и сублимация. Но одно определенно: смешные и жалкие образы, являвшиеся лейтмотивом современного дискурса, не отражали реальности.

Подводя итоги, можно сказать, что феномен «одинокой женщины», который я попыталась исследовать, тесно связан с основными экономическими и социальными процессами XIX столетия. В некоторой степени он напоминает определение западного «модернизма», который характеризуется как «множественность форм индивидуализма, соответствующая множественности форм социализации»[43]. Как исключение, подтверждающее правило, одинокие женщины вытеснили «холистическое» понимание общества при Старом режиме[44]. Эгоистичная или альтруистичная, свободная и критичная, одинокая женщина определенно может рассматриваться как наследница евангелизма и пуританизма. Она также предлагала попытку скрытого ответа на великий вопрос об индивидуальной свободе, поднятый Просвещением и Великой французской революцией.

Перевод О. В. Шныровой

---

[42] Yvonne. Knibiehler. “Les Mйdicines et la nature fйminine au temps du Code civil”, *Annales Economie, Société, Civilisation* 4 (1976), p. 824–825; Arlette Farge. “Les Temps fragiles de la solitude des femmes a travers le discourse mйdical du 18e siиcle”, in Farge and Klapisch-Zuber, eds. *Madame ou Mademoiselle?* p. 251–263.

[43] Serge Moscovici. “L’Individu et ses representations”, *Magazine leteraire* 264 (April 1989: 28–31.

[44] Согласно определению антрополога Луиса Дюмона холистическое общество — общество, в котором целостная группа считается большей ценностью нежели ее части или отдельные члены.

ЧАСТЬ IV

Черты современности

Великое предприятие феминизма

Женевьева Фрес и Мишель Перро

Je suis femme.
Nüe ici je mourrai. Jamais l'heureux voyage
Ne viendra de son aile ouvrir mon horizon.
Je ne connaotrai rien du monde de passage
Au-dela de ce mur qui borne ma maison
Je suis femme.
Je resterai dans mon enclos
Aux ages don't il reste un sillon de mümoire,
Je ne pourrai jamais reviver par l'histoire.
Pas un mot qui parle pour moi.
Je suis femme.[1]
Клеменс Робер. Парижский силуэт (1839)

И все же положенне в XIX веке изменилось. Некоторым образом это было обусловлено современностью, а также, несомненно, н действиями самих женщин, страстно желавших вырваться за рамкн, иавязанные нм их полом.

Мы фокуснруем свое внимание на начннаниях, выходящих за рамкн женской обособленности: путешествиях, общественной деятельности, организацин различиого рода объедннений, забастовках. И мы особенно заинтересованы в феминизме, этом, несомненно, новом величайшем предприятин XIX столетия. Анна-Мария Каппели опнсывает возникновенне фемнизма: его ключевые моменты, основные формы выражения (союзы н газеты), его требоваиия, участников (большое количество знаменитых людей н работ, требуют составления собственного

---

[1] Я женщина. Рожденная здесь, здесь и умру. Никакие счастливые паруса путешествий никогда не расширят моего горизонта. Я так ничего и не узнаю о том мимолетном мире, что находится за стеной моего дома Я женщина. И я останусь в своем монастыре Для веков, переворачивающих в памяти страницы прошлого, я не обрету жизнь в истории. Ни одно слово не говорит за меня. Я женщина..

«Словаря»), его альянсы (в частности его непростые отношения с социализмом, который думал о «классе», а не о «поле»), его разнородности и полемику. Действительно, с момента своего возникновения феминизм приобрел противоречивый характер. Уже вспыхнули дискуссии между одним направлением феминизма, целью которого было равенство в ассимиляции, и другим, который нацелен был на возвеличивание отличий. Несмотря на все опасности дуалистской концепции маскулинного и фемининного, подобный взгляд питался избытком разнообразных теорий половых различий, теорий, которые временами достаточно близко подходили к определенным открытиям Фрейда. Важным было и участие женщин в таких движениях, как вегетарианство, защита животных и гомеопатия. Многие женщины отвергали войну, другие же, например Оливия Шрайнер, утверждали, что «личное есть политическое». Взятые в своей совокупности, эти новые идеи создавали альтернативное ви́дение мира и жизни. Конечно же, есть некоторая доля искусственности в сведении вместе разрозненных идей, созданных разнообразными малыми группами. Однако эти группы, безусловно, более представительны, чем о том может свидетельствовать их количество. И хотя может быть верно то, что отдельные личности пытались говорить от имени своего пола, смело провозглашая, что «мы, женщины», хотим того или этого, взгляды эти постепенно становились все более последовательными. Интересно обратить внимание и на то, каким образом эти идеи распространялись в Европе и по ту сторону Атлантики. В некотором роде XIX столетие явилось золотым веком западного феминизма, веком, который принял участие в прогрессе демократии и индивидуализма. Это ускорило появление на рубеже веков «новой женщины». Временами превозносимая, временами осуждаемая, она в любом случае заставила мужчин заново определить самих себя.

Конечно же, не представляет особого труда показать, что перемены являлись ограниченными и что существовало мощное сопротивление появлению женщин на всех уровнях экономической, профессиональной, культурной и, помимо прочего, политической жизни. Легко можно было бы сосредоточиться на таких вопросах, как косность законодательства, на таких закрытых мужских бастионах, как церковь, армия, правительство и наука, на постоянных изменениях границ познания, а также на самодовольной или безропотной пассивности большинства женщин, многие из которых были враждебно настроены по отношению к самым смелым репрезентациям своего пола. Дабы еще больше усложнить дело, следует отметить, что различия во взглядах зачастую выходят за рамки пола.

Тем не менее изменения были довольно-таки ощутимыми, и в этой книге мы видели тому доказательства. Стремление женщин контроли-

ровать свои тела и получить доступ к сексуальному знанию — этому запретному плоду Древа жизни — являлись, возможно, мимолетными и неуловимыми знаками той эмансипации, результаты которой обеспокоенное мужское сознание уже предчувствовало. От Вены до Лондона и от Стокгольма до Бостона эта навязчивая идея присутствовала в романах и пьесах. Романтическое «обожание» уступило место «черному» натурализму. Муза и Мадонна превратились в сметливую жену, кастрированную мать, задыхающуюся любовницу, в независимую девчонку-сорванца, высокомерную, неудовлетворенную женщину, женщину-змею или медузу современного стиля. Но не было ли новое искусство, которое пыталось облечь коварный изгиб неуловимого женского тела в свои соблазнительные формы, попыткой разрушить злые чары?[2].

Пусть и преувеличенный необузданными барочными фантазиями, кризис идентичности был тем не менее реальным. Женщины, в смущении стоящие на перепутье, обнаружили, что их опыт схож с опытом мужчин. Разделенные, мужчины также страдали (в большей или меньшей степени) от утраты уверенности в своей власти. Пользоваться свободой — это трудное ремесло. Не так-то легко быть личностью.

За каждым новым определением различий между полами следует кризис, а выявление подобных моментов в истории является важнейшей задачей. Кроме того, отметивший начало XX столетия кризис был необычайно острым. Свидетельством тому служат такие симптомы, как яростные дискуссии по вопросу о матриархате[3], самоубийство Отто Вейнингера вскоре после написания работы «Пол и характер» (1903 г.)[4], а также «Манифест футуризма» Маринетти (1909 г.), призывавшего своих читателей-мужчин «бороться с морализмом и феминизмом» и «восхвалять войну, единственную гигиену мира». Война ознаменовала бы возврат к иерархии полов. Вне всякого сомнения, XIX столетие поместило историзм отношений между мужчиной и женщиной в центр нашего внимания.

Перевод И. А.Школьникова

---

[2] Claude Quinguer. *Femmes et machines de 1900. Lecture d'une obsession Modern Style* (Paris: Klincksieck, 1979).

[3] Stella Georgoudi. "Creating a Myth of Matriarchy", Pauline Schmitt Pahtel, ed. *A History of Women*, vol. 1 (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992).

[4] Jacques Le Rider. *Le Cas Otto Weininger. Racines de l'antiféminisme et de l'antisémitisme* (Paris: Presses Universitaires de France, 1982).

17

Шаг вперед

Мишель Перро

«Женщине не дают выходить за пределы узкого, определенного круга», – говорила сенсимонистка Мари-Рене Гиндорф. Она предприняла попытку выйти за пределы этого круга и совершила самоубийство, когда поняла, что потерпела поражение[1]. В XIX веке европейские мужчины, отвергая потребности женщин, предприняли эффективную попытку затормозить их растущее влияние, которое вызывало возмущение в эпоху Просвещения и революций. В результате женщины не только оказались ограниченными домом и исключенными из таких сфер, как литература и искусство, промышленность и предпринимательство, политика и история, но их усилия были направлены назад, к вновь приобретшей ценность частной сфере, или, если точнее, к одомашненной версии социального. Теория «двух сфер», как она интерпретировалась Рескиным в «Садах королевы» (1864), являлась способом рациональной организации мира по признаку пола, в гармонии взаимодополняемости ролей, задач и сфер влияния, примиряющей «естественное» предназначение с социальной целесообразностью.

Женщины развили умение проникать в сферы, как запретные для них, так и вверенные им, оказывая «мягкое» влияние, которое простиралось во все формы власти. Так они находили очертания новой культуры, матрицу «гендерного сознания»[2]. Они также пытались «совершить прорыв», чтобы «наконец везде чувствовать себя дома».

---

1 *La Tribune des Femmes*, цит. по: Michele Riot-Sarcey. "Partcours de femmes a l'йpogue de l'apprentissage de la dйmocratie", Ph.D. diss., University of Paris I, 1990.

2 Nancy F. Cott. *The Bonds of Womanhood: "Woman's sphere" in New England, 1780–1835* (New Haven, Yale University Press, 1977); Bonnie G. Smith. *Ladies of the Leisure Class: The Bourgeoises of Northern France in the Nineteenth Century* (Princeton, Princeton University Press, 1981); Eleni Varikas. "La Rйvolte des dames.

Совершить прорыв для женщин могло означать незапланированный выход из дома, прогулку по улицам, путешествия, посещение таких запретных для них мест, как кафе или зал для собраний. Это мог быть прорыв в моральном плане: отступление от однажды определенной роли, формирование своего мнения, отказ от подчинения во имя независимости — все это могло совершаться как в сфере частного, так и в сфере публичного. Давайте рассмотрим некоторые примеры.

В городе

Благотворительность, традиционная обязанность каждой добропорядочной христианки, всегда давала женщинам повод выйти за пределы дома: посещение бедных, заключенных и больных не только не запрещалось, но и считалось богоугодным делом. Острота социальных проблем в XIX в. превратила эту традицию в насущную необходимость. Женщины играли основную роль в филантропической деятельности, что означало, что они осуществляли частное управление социальными нуждами. «Ангел домашнего очага» была одновременно «доброй женщиной, спасающей падших», и Раскин рассматривал эту деятельность как продолжение домашних обязанностей. И католики, и протестанты (первые более прямо, вторые более мягко)[3] побуждали богатых женщин заботиться о материальных и духовных потребностях представителей непривилегированных слоев.

Различные организации, лиги и клубы, выступавшие за трезвость, гигиену, нравственность, иногда конкурирующие друг с другом, поощряли активность женщин, особенно незамужних, чья незанятость и бездетность могли привести к худшему. Основанная в 1836 г. Рейнско-Вестфальская ассоциация дьяконис готовила протестантских медицинских сестер и добровольных помощниц для госпиталей, детских яслей, приютов. К концу века в Германии их насчитывалось 13 тыс. Повсюду в Западной Европе женщины мобилизовывались для выполнения функции так называемого «социального ма-

---

Genise d'une consiense fiministe dans la Grice du XIX siicle", Ph.D. diss., University of Paris VII, 1988.

[3] B.-C. Pope, Renate Bridental, and Claudia Koonz, eds. *Becoming Visible: Women in European History* (Boston, Houghton Mifflin, 1977).

теринства». Рост этого массового движения ускорялся эпидемиями (как например эпидемией холеры 1832 г.), войнами (результатом которых было большое количество раненых), экономическими кризисами (результатом которых было большое количество безработных) и такими эндемическими городскими проблемами, как алкоголизм, туберкулез и проституция.

От благотворительности к социальной работе

За этот «милосердный труд» для женщин не предусматривалось вознаграждение: приведение в порядок городского хозяйства так же не оплачивалось, как и обычная домашняя работа. Наиболее известные филантропы награждались, в их честь воздвигались статуи, но большинство женщин, по крайней мере в первой трети XIX в., не организовывавшие собраний и не писавшие отчетов, были забыты. К. Дюпре с большим трудом удалось установить личности «немых участниц» парижского Общества попечения материнства (*Societe de Charite Maternelle*), несмотря на активную роль, которую оно играло во время Реставрации и Июльской монархии[4]. По меткому замечанию Сильвины Марешаль, «имя женщины должно было быть записано в сердце ее отца, ее мужа и ее детей и ни в чьем больше», за исключением других ее детей, бедняков[5]. Безымянный добровольный труд поглотил огромное количество женской энергии, и социальное его значение достаточно трудно оценить.

Тем не менее филантропическая деятельность давала определенный опыт и изменяла женское мировосприятие, самосознание и в некоторой степени общественную роль женщин. Сначала они присоединялись к организациям, управляемым мужчинами, впоследствии они создавали собственные организации, управляемые женщинами. В качестве примера можно привести общество Елизаветы, раннюю (основана в 1830 г.) организацию католичек Рейнланда, Женский союз помощи бедным и больным (*Weiblisher Verein fьr Armen-und Krankenpflege*), созданный протестанткой Амалией Зивекинг (Sieveking) в Гамбурге в 1832 г.[6], Библейскую миссию женщин и медсестер, основанную Элен Р. Уайт в 1859 г., Благотворительное общество Октавии Хилл (1869 г.)[7]. Пер-

---

[4] Catherine Duprait. “Charitй et philantropie a Paris au XIX siиcle”, Ph.D. diss., University of Paris I, 1991.

[5] Gevevieve Fraisse. *Muse de la raison. La Démocratie exclusive et la differénce des sexes* (Aix-en-Provence: Alinйa, 1989), p. 36.

[6] Ute Frevert. *Women in German History: From Bourgeois Emansipation to Sexual Liberation* (Oxford, Berg, 1989).

[7] F. K. Prochaska. *Women and Philanthropy in 19th Century England* (London-Oxford, 1980); Francoise Barett-Ducocq. “Modalitйs de reproduction sociale et code

воначально женщины привлекались к благотворительной деятельности преимущественно их мужьями и духовниками, позднее появилась более независимая разновидность филантропок, женщин, оскорбленных физической и духовной нищетой и воодушевленных миссионерским духом. Октавия Хилл, удачливая предпринимательница и неутомимый член комитета, воспринимала филантропию как науку, чьей задачей является воспитание личной ответственности. В ее книге «Наша общая земля» (1877), пропитанной либеральной идеологией, оптимистические надежды возлагаются на частную инициативу, которой отдается предпочтение перед государственным вмешательством. Если благотворительные общества первоначально опирались на аристократическую элиту, то, впоследствии, увеличиваясь количественно, они все больше вовлекали в свою деятельность женщин среднего класса. Как заметила Джозефина Батлер в своей работе «Женский труд и женская культура» (Лондон, 1869), благотворительницы нового образца надеялись через свою деятельность продвигать мелкобуржуазные идеи домашней экономики. Некоторые общества систематически привлекали к своей работе женщин из рабочего класса, иногда на платной основе. Женщины из Библейской лондонской миссии были новообращенными, чьи простонародный язык и простота в обращении (их называли по именам) высоко ценились людьми, с которыми они работали.

Цели, как и методы, менялись. Изначально цель заключалась в том, чтобы «творить добро» путем оказания помощи. Позднее целью стала пропаганда нравственности и гигиены. Способы сбора средств варьировались от сбора пожертвований на местах до организации огромных благотворительных базаров (только в Англии в период между 1830 и 1900 гг. ежегодно устраивалось более сотни таких базаров). Эти «женские распродажи» организовывались исключительно женщинами, которых радовала возможность распоряжаться деньгами (многие были ее лишены) и играть активную роль в процессе купли-продажи. Они познавали науку ведения бизнеса, к которой у некоторых обнаруживался настоящий талант. Под покровом совершения традиционного ритуала они заимствовали мужские роли и иногда даже занимались политической пропагандой. Так, организовывались антифритредерские базары во время борьбы вокруг «Хлебных законов» и антирабовладельческие базары в некоторых городах северо-восточных Американских Штатов.

Изменилось и распределение собранных средств. Инспектора по работе с беднотой, чьей задачей было определить, кто из них заслу-

---

de morale sexuelle des classes laborieuses a Londres dans la piriode victorienne", Ph.D. diss., University of Paris IV, 1987; Carroll Smith-Rosenberg. ***Religion and the*** *Rise of the American City* (Ithaca, Cornell University Press, 1971).

живает материальной поддержки, начали выдвигать новые требования. Они расспрашивали об истории жизни семьи и ее отдельных членов, и их совместные отчеты помогали составить коллективный портрет бедности. Таким образом, женщины приобретали на практике профессиональные знания в области социальных проблем. Бедных все больше контролировали и дисциплинировали. Надежда возлагалась на искоренение вредных привычек и восстановление распавшихся семей. Семья, основная ячейка общества, особенно «мать и дитя», была сферой особой заботы женщин в большей степени чем госпиталя, которые были объектом заботы Флоренс Найтингейл (1820–1910) и тюрьмы, находившиеся в попечении Элизабет Фрай, Консепсьон Арепаль, Жозефины Мале, мадам д' Аббади д'Аррас.

Эти женщины работали во имя других женщин — своих сестер, нуждавшихся в понимании, образовании и защите. Лондонская Библейская женская миссия организовывала чаепития и собрания для матерей, чтобы научить их домашней экономике и уходу за детьми и пробудить желание иметь «чистый и уютный дом» с чистой скатертью на столе и занавесками на окнах. Ее члены надеялись, что, воздействуя на хозяек, они смогут вести борьбу с алкоголизмом отцов и бродяжничеством детей. На домохозяек возлагалась надежда, что они смогут выиграть давнюю битву, и они рассматривались как оплот социального мира.

Но моральное просвещение не исключало сострадания и возмущения против тех условий, в которых были вынуждены жить женщины. Протест фокусировался на двух категориях женщин: работницах-надомницах и проститутках. Чтобы бороться с грабежом работниц в текстильной промышленности в период лихорадочной экспансии производства вследствие развития универмагов и изобретения швейной машинки, филантропки финансировали обучение и старались влиять на поведение покупателей. Американки организовывали лиги покупательниц, которые Генриетта Жанна Брюн, ученица Ле Пле, попыталась учредить и во Франции в надежде сделать более ответственными покупательниц универмагов. Если женщины ограничат свои потребности и будут лучше планировать свои покупки, швеи, работающие на швейные цехи и дома моды, не будут работать допоздна, доводя себя до истощения. Хотя их усилия и получили высокую оценку со стороны протестантского пропагандиста рабочих кооперативов Чарльза Гайда, тем не менее они подверглись жесткой критике со стороны экономистов либеральной школы, которым не нравилось, что женщины вмешиваются в священные законы рынка. Они еще более не одобряли саму возможность того, что сфера производства, всегда бывшая мужским доменом, может подвергнуться контролю со стороны женщин-покупа-

тельниц. Феминистки и тред-юнионистки, такие как Габриель Дюшан и Жанна Бувье, создали Службу надомного труда и были инициаторами закона от 10 июля 1915 г., который впервые вводил контроль за надомным трудом и устанавливал минимум заработной платы, — меры, которые открыли новую главу в социальном законодательстве[8]. Совершенно очевидно, что благотворительность выходила на новые рубежи, и женщины прорывались за пределы строго ограниченного круга.

Проституток жалели все: и дамы-благотворительницы, и радикальные феминистки, начиная от Флоры Тристан и заканчивая Джозефиной Батлер. Сен-Лазар, женская тюрьма и венерическая лечебница, был центром агитации, особенно протестантской (Эмили де Морсье, Изабель Богело и Благотворительное общество освобожденных из Сен-Лазара). В то время как Джозефина Батлер развернула движение за отмену полицейского надзора над проституцией, филантропические организации провели самый большой в истории марш «против порока» в Гайд-парке в июле 1885 г.: 250 тыс. человек собрались «во имя нравственности», чтобы выразить протест против «торговли белыми рабынями». Несмотря на расплывчатость лозунгов, они подняли острый вопрос о коммерциализации женских тел.

Так называемые благотворительные дома сыграли ключевую роль в превращении благотворительности в социальную работу. Добровольцы создали постоянные пункты в зонах бедности — пригородах крупных городов. Движение, снова с подачи протестантов, началось с Барнетт-хауза в Тойнби-холле. Октавия Хилл основала первое женское поселение в Саусверке в 1887 г. Другие дома управлялись незамужними или разведенными женщинами, иногда сестрами или женщинами-учеными (как в случае с Женским университетским поселением). Коммуны, возникавшие в колледже, становились постоянными. Марта Викинус описывает как веселую жизнь в этих сообществах, так и трудности, с которыми они сталкивались. Молодые женщины часто не могли выбрать между строгостью постоянных социальных обязательств и их перспективой эмансипации. Свободные в движениях и одежде, эти женщины — в других отношениях поборницы семьи и дома — отвергали традиционный брак и сравнивали себя со своими братьями, солдатами империи. Для них трущобы стали Африкой и Индией[9].

Во Франции подобные эксперименты в народном образовании проводились в пролетарских районах Гаронны («Семейный союз» Мари Гаэри) и Леваллуа-Перре, по соседству со старьевщиками. Там

[8] Rosalind H. Williams. *Dream Worlds: Mass Consumption in Late Nineteenth-Century France* (Berkeley, University of California Press, 1982).

[9] Martha Vicinus. *Independent Women: Work in Community for Single Women* (London, Virago Press, 1985).

непокорная Мари-Жанна Бассо, социальная католичка со связями в силоновском движении[10], испытавшая влияние Джейн Адамс и американских домов-поселений, старалась превратить «Общественный дом» в зародыш нового города. Ее движение, однако, испытывало серьезные трудности из-за подозрительности священников и стремления правых ограничить его. После Первой мировой войны группы, подобно французским обновленцам (*Redressement Fransais*) (Бордо, Мерсье), мобилизовывали «добровольческие армии» и «работников благотворительности» женского пола, чтобы «остановить поток варварства», под которым подразумевался коммунизм. Первый конгресс благотворительных домов в 1922 г. ясно показал результат строгой регламентации этих все еще нерешительных попыток социальной деятельности[11].

Благотворительность различным образом оказывала воздействие на общественное восприятие сексуальности. Для женщин из буржуазных слоев она открывала новый мир, и для некоторых из них это открытие было шокирующим. Женщины узнавали об управлении, финансах, общественных связях и об исследованиях. Флора Тристан («Лондонский журнал», 1840) и Беттина Брентано («Книга бедных») были первыми женщинами, исследовавшими бедность[12]. «Сядьте на диету постоянных исследований», – рекомендовала Генриетта Жанна Брюне в 1906 г., таким образом, расширяя и формализуя свою работу. Ведя эту работу, женщины приобретали достаточно знаний и опыта, чтобы стать экспертами в данной области. В качестве платных сотрудников Лондонской миссии или благотворительных домов, как попечители «детей обоего пола» (согласно закону 1912 г. и назначаемые судами по делам несовершеннолетних)[13], как инспектора в женских тюрьмах, школах, мастерских, фабриках, женщины приобретали заслуженный авторитет в области социальной работы. Образование, забота, помощь — эти три миссии лежали в осно-

---

10 Силоновское движение – светское католическое движение, получившее свое название от парижского журнала «Силон» (в переводе с фр. – нива, пашня), основанного в 1894 году Марком Санье. Целью движения стало сведение вместе общества и церкви, формирование активной гражданской и социальной позиции у французских граждан. – *Примеч. редактора.*

11 Sylvie Fayet-Scribe. “Les Associations fïminines d'ïdication populaire et d'action sociale: De *Rerum Novarum* (1891) au Front Populaire”, Ph.D. diss., University of Paris VII, 1988.

12 Marie-Claire Hoock-Demarle. “Bettina Brentano von Arnim ou la mise en oeuvre d'une vie”, Ph.D. diss., 1985; M. Perrot. “Flora Tristan enquktrice”, in Stephanie Michaud, ed. *Flora Tristan: Un fabuleux destin* (Dijon, Presses Universitaires, 1985.

13 Marie-Antoinette Perret, “Enqukte sur l'enfance ‘en danger moral’”, M. A. diss., University of Paris VII, 1989.

ве «женских профессий», которые еще в течение долгого времени будут нести отпечаток происхождения из волонтерской работы[14].

Занимаясь социальной работой, женщины приобретали компетентность, которая делала обоснованным их стремление к самостоятельности. В 1834 г. члены Женского общества попечения материнства предложило, чтобы «им было предоставлено все необходимое для их деятельности. Мужчины лучше управляют крупными учреждениями и большими суммами денег. Но только женщины, которые знают, как посвятить себя тяжелой работе и выполнять ее в суровых условиях с непрестанной любовью, могут убедить низшие классы смириться с тяготами жизни»[15]. С появлением Октавии Хилл и Флоренс Найтингейл этот сдержанный тон сменился радикальной критикой и настойчивыми требованиями. Опираясь на свой опыт участия в Крымской войне, Найтингейл предприняла реформы не только в госпиталях, но и в армии, «первом месте, в котором непосредственный вклад многих женщин позволяет им получить доступ к науке и знанию»[16].

Дамы-благотворительницы, уверенные в своих способностях в области «социального ведения домашнего хозяйства», обратили свое внимание на эту сферу, которая была им хорошо знакома. Они бросили вызов мужскому управлению. Буржуазные матроны в Северной Франции вступили в конфликт с местными властями, отказавшимися выделить им требуемые субсидии[17]. Английские леди, как например Луиза Туайнинг, организовывали кампании против администрации работных домов, которые они считали обезличивающими и жестокими заведениями, и выступали за реформу закона о бедных.

Как попечители бедных, в отношении которых они обладали определенной властью, что привносило в их отношения определенные оттенки классового конфликта, дамы-благотворительницы выступали в качестве посредников для людей, которые не обладали ни голосом, ни избирательным правом. Как показал Сен-Симон, существовала символическая, если не сказать органическая, связь между женщинами и пролетариями. «Я люблю работать в массах, — признавалась Эжени Нибуайе, — поскольку только среди них я полностью ощущаю свою

[14] Yvonne Knibiehler. *Nous les assistances socials* (Paris. Aubier-Montagne, 1981); Yvonne Knibiehler et al. *Cornettes et blouses blanches* (Paris, Hachette, 1984).

[15] Duprat. "Charitй et philantropie".

[16] Bonnie G. Smith. *Changing Lives: Women in European History Since 1700* (Lexington, Heath, 1989), p. 218; Anne Summers. "Pride and Prejudice: Ladies and Nurses in the Crimean War", *History Workshop Journal* 6 (Autumn, 1983): 33-57; Martha Vicinus and Bea Nergaard, eds. *Ever Yours, Florence Nightingale: Selected Letters* (London, Virago, 1990).

[17] Smith, *Ladies*.

силу. Я — апостол»[18]. Во имя изгоев, слабых, детей и более всего ради других женщин, они ратовали за право национального, а не местного представительства. Но на деле они действовали в основном на местном уровне, именно здесь их неформальные и формальные контакты были наиболее эффективны, особенно в первой половине XIX в. В маленьком пресвитерианском городке Утике в штате Нью-Йорк, потрясаемом выступлениями убежденных евангелистов, в 1832 г. существовало около сорока женских организаций, занимавшихся в основном защитой молодых женщин от опасности изнасилования и проституции. Такие общества, как Ассоциация матерей и «Дочери умеренности» действовали как полиция нравов[19]. Суфражистки в Великобритании и Соединенных Штатах извлекали пользу из такого рода коллективного влияния, выдвигая требование права голоса, первоначально на муниципальном уровне. Женщины вмешивались в политику и на национальном уровне, лоббируя, организуя, подписываясь под петициями (в поддержку развода, защитного законодательства и т. п.) Таким путем женщины становились участницами в местном и национальном управлении.

В результате они привлекли в себе интерес той части мужчин, которые были готовы использовать энергию этих политически активных женщин, но стремились при этом защитить свои прерогативы. По мере того как пауперизм становился «общественно значимым вопросом», мужчины становились все более активны. Великодушие — «отцовская» щедрость — не могло быть оставлено исключительно на попечение женской благотворительности. Уже де Жерандо в «Инспекторе по делам бедноты» (*"Le Visiteur du pauvre"*, 1820) писал о желании видеть среди инспекторов больше мужчин, способных найти работу для своих подопечных. В конце XIX в. среди ведущих филантропов было много мужчин: Барнетт, Бут, основатель Армии спасения, Анри Дюнан, основатель Красного Креста, Макс Лазар, организатор Первой международной конференции по проблемам безработицы в 1910 г. Управление социальным обеспечением перешло в руки политиков и профессионалов: врачей, юристов, психологов, стремящихся рассматривать женщин как вспомогательную силу, играющую подчиненную роль медицинских сестер и социальных работниц. Началось новое сражение, на сей раз за профессиональную подготовку и признание дипломов.

Благотворительность имела и другие последствия. Она устанавливала связи среди женщин среднего класса и способствовала появлению ростков «гендерного сознания» от Новой Англии до Афин. Во многих

---

18 Riot-Sarcey. "Parcours des Femmes" (текст от 1831).

19 Mary P. Ryan. "The Power of Women's Networks", in Judith L. Newton, Mary P. Ryan, and Judith R. Walkowitz, eds. *Sex and Class in Women's History* (London, Routledge and Kegan Paul, 1985), p. 167–186.

случаях это привело к формированию феминистского мировоззрения. Согласно Кэрол Смит-Розенберг, «новые женщины» 80-х и 90-х годов XIX в. были дочерями «новых буржуазных матрон» 50–70-х годов[20]. Преодолевая разделение между политическим и социальным, публичным и частным, религиозным и моральным, это горнило идентичности играло роль экспериментальной лаборатории.

Женщины-работницы

Работающие женщины подвергались атаке с двух сторон: как женщины, поскольку они не вписывались в стандарты женственности (Мишле называл работницу «нечистым сосудом»), и как работницы, поскольку их заработная плата, которая по законодательству была ниже мужской, рассматривалась как «дополнение» к семейному бюджету. Это определяло не только жизненные цели работницы, но и ее судьбу. Целые отрасли промышленности были закрыты для женщин. Кроме того, идентичность рабочего в XIX в. основывалась на модели половой потенции, как на обыденном, частном, так и на публичном, политическом, уровнях. П. Стернс отмечал упор на сексуальные отношения у рабочих супружеских пар конца XIX в.[21]. Дороти Томпсон продемонстрировала, как женщины оттирались от активных ролей в чартистском движении. Их голоса становились все слабее на собраниях, пока само их присутствие не стало казаться неуместным, так они проходили в основном в таких традиционно мужских местах встреч, как пабы и трактиры[22]. Аналогичные процессы с незначительными вариациями происходили повсюду. Тела женщин-работниц становились объектом насилия в городских джунглях, а часто и в семье, и объектом сексуальных домогательств на рабочем месте[23]. Для женщины не существовало иного предназначения, кроме роли матери и домохозяйки. Женщины не играли заметной роли в рабочем движении, за исключением *Mure des compagnons* (содержащих пансион для сезонных рабочих, или *compagnons*), хотя в Соединенных Шта-

---

[20] Caroll Smith-Rosenberg. *Disorderly Conduct: Visions of Gender in Victorian America* (Oxford, Oxford University Press, 1985), p. 176–177.

[21] Peter Stearns. "Working-class women in Britain, 1890–1914", in Martha Vicinus, ed. *Suffer and be still: Women in the Victorian Age* (Bloomington, Indiana University Press, 1972), p. 100–120.

[22] Dorothy Thompson. "Women and Nineteenth-Century Radical Politics: A Lost Dimension", in Juliette Mitchell and Ann Oakley, eds. *The Rights and Wrongs of Women* (New York, Penguin Books, 1976), p. 112–139.

[23] Nancy Tomes. "A Torrent Abuse: Crimes of Violence Between Working-class Men and Women in London (1840–1875)", *Journal of Social History* II, 3 (1978), p. 328–345.

тах ирландская женщина, известная как матушка Джонс, принимала активное участие в организации шахтеров. Но основная часть участников рабочего движения считала, что оно должно быть исключительно мужским даже в культурной символике: обнаженный торс, накачанные бицепсы, мощные мускулы и мужественное достоинство мужчины-рабочего сменили в общественном сознании образ хозяйки с корзиной в руках[24]. Демонстрации стали более ритуализованными и респектабельными; к участию в них женщин относились терпимо и их даже привлекали, но в определенной роли — для несения флагов, украшений, прикрытия. Женщины стирались даже из памяти: в автобиографиях рабочих-активистов мы встречаем очень мало упоминаний о женах и матерях — в основном как о слезливой помехе — в то время их как сыновья становились на фабриках героями, достойными своих отцов.

Женщины были отстранены от уличных выступлений с падением популярности голодных бунтов, основной формы протеста в традиционных обществах и одновременно средства регулирования «нравственной экономики», основным барометром которой были женщины. Выступая за контроль над ценами на продукты питания, женщины приобретали влияние не только на местном, но и на национальном уровне. 6 и 7 октября 1789 г. женщины из Ла Галля (продовольственного рынка в Париже) отправились в Версаль и заставили королевскую семью вернуться в Париж, таким образом существенно трансформировав «поле власти». Хотя в первой половине XIX в. голодные бунты в Европе еще случались, достигнув своего пика в 1846 и 1848 гг., их интенсивность постепенно сокращалась с улучшением системы снабжения продовольствием. Демонстрации стали исключительно мужскими, в них преобладали фабричные рабочие, а позднее — члены профсоюзов. Однако, когда рост стоимости жизни привел к кризису в промышленных районах Западной Европы в 1910 и 1911 гг., тысячи домохозяек (во Франции копирующих опыт своих предшественниц в октябре 1789 г.) снова вышли на рынки и установили цены в духе «Интернационала пятнадцатицентового масла»[25]. Организованные в «лиги», эти женщины, несмотря на осуждение со стороны общественного мнения, бойкотировали спекулянтов. Однако профсоюзы критиковали «это инстинктивное, неорганизованное, стихийное движение» и планировали

---

[24] Eric Hobsbawm. “Sexe, vktements et politique”, *Actes de la recherche en sciences sociales* 23 (1978).

[25] Ludwig-Uhland Institut of the Iniversity of Tьbingen, *Quand les Allemands apprirent a manifester. Le Phénomune culturel des “manifestations pacifiques de rue” durant les luttes pour le suffrage universel en Prusse* (Paris, 1989, каталог выставки, май-июнь 1989).

превратить его в «мужское восстание»[26]. Похожий сценарий мы можем видеть во время Картофельного бунта в Амстердаме в 1917 г. Лидер голландской социал-демократической партии призывал женщин, разграбивших две баржи (с картофелем. – О. Ш.), передать руководство действиями их сыновьям и мужьям, побудив тех к восстанию[27]. В общем, профсоюзные деятели и социалисты разделяли общепринятый взгляд на психологию толпы: они опасались, что толпы женщин имеют склонность к насилию[28].

Забастовки, как действие политически сознательных и организованных производителей, были более мужскими акциями, становясь со временем все более рациональными. Женщины привлекались только для выполнения определенных задач. Жены забастовщиков стояли у плит «коммунистических столовых», бывших новой формой поддержки, возникшей в начале XX столетия, пели песни солидарности у ночных костров, участвовали в демонстрациях, показывая себя ревностными изобличительницами капиталистов и штрейкбрехеров[29]. Жены шахтеров, более интегрированные в жизнь профессионального сообщества, чем жены других рабочих, были вовлечены во все формы коллективных действий, что в эпической форме отражено восхищенным Золя в романе «Жерминаль» (1885). Для полицейских агентов количество женщин, участвующих в митингах и демонстрациях, являлось показателем степени недовольства среди бастующих.

Взаимодействие мужчин и женщин в забастовках заслуживает специального рассмотрения. К сожалению, об этом немногое известно, так как большинство источников, упоминающих о совместных действиях мужчин и женщин, использует псевдонейтральное местоимение «они». Во время переговоров с предпринимателями интересы женщин обычно приносились в жертву и вопрос о неравной оплате мужского и женского труда поднимался достаточно редко.

---

[26] Jean-Marie Flonneau. “Crise de vie chère et movement syndical (1900–1914)”, *Le Mouvement Sociale* (July-September, 1970).

[27] Rudolf M. Dekker. “Women in Revolt: Popular Protest and Its Social Basis in Holland in the Seventeenth and Eighteenth Centuries”, *Theory and Society* 16 (1987): 337–362; Malcolm I. Tomis and Jennifer Crimmett. *Women in Protest 1800-1850* (London, Croom Helm, 1982); Louise A. Tilly. “Paths of Proletarianization: Organization of Production, Sexual Division of Labor, and Women Collective Action”, *Signs* 7 (1981): 401–417; Temma Kaplan. “Female Consciousness and Collective Action: The Case of Barselona, 1910–1918”, *Signs* 7 (Spring 1982): 564.

[28] Susannah Barrows. *Distorting Mirrors: Visions of the Crowd in Late Nineteenth-Century France* (New Haven, Yale University Press, 1981).

[29] Michelle Perrot. *Les Ouvriers en gruve (1871–1900)*, vol. I (Paris, Mouton, 1974).

Исключительно женские забастовки были совсем другим делом: для работодателей, привыкших иметь дело с покорными работницами, они являлись возмутительным проявлением неповиновения; в семьях они вызывали раздражение, еще более усиливающееся благодаря тому, что забастовщицы были, как правило, молоды; общество в целом рассматривало их как неприличные, и общественное мнение варьировалось от снисходительного сожаления («эти бедные, обезумевшие женщины») до сексуальных инсинуаций. Поскольку эти забастовки разрушали традиционную модель женского подчинения, они оценивались как скандальные. Рабочим не нравилось, когда бастовали их жены, еще меньше их устраивало участие в забастовках дочерей, поэтому они часто заставляли их вернуться на работу, иногда применяя силу: так, разгневанный муж привел жену назад на фабрику и публично отчитал ее перед фабричными воротами (забастовка на сахарной фабрике Лебоди, Париж, 1913 г.). Профсоюзы в поддержке женщин проявляли нерешительность, предусматривали выплату более низких пособий бастующим работницам, основываясь на том, что они не являются основными кормильцами семьи и едят меньше, чем мужчины. Женские забастовки являлись угрозой патриархальному обществу, которое не стремилось предоставить им право на забастовку, как и право на работу.

Для женщин начать забастовку означало бросить вызов общественному мнению, а участие в демонстрациях вне фабрики приравнивалось к поведению проституток. Для этого шага требовался кураж и особые обстоятельства: оскорбления, спровоцированные особыми дисциплинарными действиями или подстрекательство «агитаторши», которая неизбежно клеймилась как «сварливая гарпия». Например, в «Мэри Макартур» (1925) Мэри Гамильтон описывает толстую женщину, возглавляющую армию бастующих женщин в 1911 г.: женщины плохо пахнут, покрыты паразитами и одеты в поношенные меховые жакеты.

Женщины не имели склонности к забастовкам. Исключение составлял только ряд отраслей, в частности табачная промышленность. Во Франции между 1870 и 1890 гг. женщины составляли только 4% бастующих, хотя среди рабочих их в это время насчитывалось 30%. Их забастовки, в основном являющиеся средством самозащиты, порожденные минутным порывом, неорганизованные и плохо подготовленные, в большинстве случаев были направлены против непомерной продолжительности рабочего дня, чрезмерной интенсивности, невыносимых условий труда и слишком жесткой дисциплины. Так, в 1869 г. прядильщицы шелковых мануфактур Лиона заявили, что они страдают «от переработки». Эти краткосрочные коалиции часто распадались.

Однако это был выход, редкая возможность заявить о своих страданиях, поэтому участницы забастовок помнили о них значительно дольше, чем рабочее движение в целом. Некоторые из этих выступлений

становились событиями: забастовка прядильщиц в Лиоие была взята на вооружение Первым интериациоиалом, руководство которого затем ие разрешило ее лидеру Филумеие Розали Розан присутствовать в качестве представительницы прядильщиц иа конгрессе в Базеле. Забастовка работниц лондоиской спичечной фабрики в 1889 г. была первым случаем, когда женщины иачали забастовку, ие обращаясь за поддержкой к мужскому профсоюзу. Вместо этого они пригласили Анни Безант помочь им организовать самостоятельный профсоюз и доиести их требования до общественности и выиграли стачку. Типографистки Эдинбурга издали замечательный меморандум «Мы, женщины», в котором они, ссылаясь иа принцип равиоправия и иа свою компетентность, отстаивали право работать в типографиях. О ходе забастовки 1909 г. двадцати тысяч работниц фабрики по пошиву рубашек в Нью-Йорке мы хорошо осведомлены благодаря газетным репортажам Терезы Малкиел[30].

Мужчины-рабочие иеодобрительио относились к иекоторым проявлениям экспансивиого поведеиия иа улице со стороиы работниц: танцам, песням и кострам — формам самовыражеиия, имеющим отиошение к их молодости и субкультуре. Они расклеивали плакаты иа стеиах и публиковали в печати свои манифесты, завоевывая таким образом себе место в сфере публичиого. Пока у них ие было опыта, оии пытались обратиться за помощью к своим собратьям-рабочим, ио постепеиио их стало раздражать их постоянное вмешательство и онн обратились к другим женщииам, социалисткам или феминисткам: Анни Безант, Элеанора Маркс, Беатриса Вебб, Луиза Отто, Клара Цеткин, Пола Минк, Луиза Мишель, Джеиет Адамс, Эмма Голдман и другие принимали участие в их выступлениях. В ряде случаев иачииает возникать «едииый фроит» женщин.

Профсоюзы вовсе ие стремились принимать женщин в свои ряды. Уплата члеиских взиосов, чтенне газет, участие в вечерних собраниях, обычио проходивших в кафе, — все это препятствовало участию жеищин. Но право иа работу и право иа представительство всегда стояли рядом. Как и во имя чего могли женщины голосовать? И за кого? Разве ие были мужчины естественными представителями интересов семьи и, таким образом, интересов женщин?

В тех отраслях, где были заняты в осиовиом мужчины (иапример портные и печатники), женщины ие могли создавать профсоюзы, особенно в Германии, где было сильно влияние Лассаля, враждебио относившегося к участию женщин в производстве. В других отраслях мужские

[30] Claire Auzias and Annick Houel. *La Gruve des ovalistes. Lyon, june-juillet 1869* (Paris, Payot, 1982); Sian F. Reinolds. *Britannica's Typesetters: Women Compositors in Edinburgh* (Edinburgh, Edinburgh University Press, 1989); Francoise Bash. Ed. *Theresa Malkiel. Journal d'une gréviste* (Paris, Payot, 1980).

профсоюзы принимали женщин вначале неохотно, но затем со все возрастающим энтузиазмом, особенно на рубеже веков, когда они зашли настолько далеко, что стали выражать сожаление по поводу пассивности работниц, которую они сами же активно поощряли. Вместе с тем профсоюзы ничего не делали, чтобы дать женщинам право выражать свое мнение (на севере Франции в 1880 г. женщины, желающие выступить на профсоюзном собрании, должны были подать письменное заявление, подписанное мужем или отцом) или формировать у них чувство ответственности. Нескольким женщинам было разрешено выступить с трибуны, еще меньше женщин стали профсоюзными функционерами, и лишь некоторые получили возможность участвовать в национальных съездах, где и принимались решения. Даже на табачных и спичечных фабриках, где рабочая сила на две трети состояла из женщин, мужчины занимали руководящие посты в профсоюзах. Естественно, что степень организации женщин в профессиональные союзы была низкой (редко превышая 5% от всего числа занятых в отрасли).

Первые инициативы в большинстве случаев исходили от женщин, не принадлежавших к рабочему классу, активисток кооперативного движения, рассматривавших солидарность и сотрудничество одновременно и как способ самообразования, и как средство продвижения своих требований. Луиза Отто и ее Всегерманский женский союз (Лейпциг, 1865), Эмма Патерсон и ее Женская тред-юнионистская лига (1874), Дженет Адамс и Новая женская тред-юнионистская лига (Бостон, 1903), Маргарита Дюран и союзы, которые поддерживали *La Fronde*, Мари-Луиза Рошебиллар, Сесиль Понсе и «свободные союзы» Лиона и прилегающих районов – все это были женщины, осознающие специфические формы эксплуатации работниц и необходимость создания чисто женских профсоюзов. И хотя мы можем обвинять этих лидеров в «матернализме», они способствовали появлению боевых работниц, обладающих качествами, необходимыми для завоевания независимости.

Но победа не приходит без борьбы. Конфликт был неизбежен не только с мужчинами, но и с женщинами. «Гендерное сознание» сталкивалось с борьбой за власть и социальную иерархию. Работницы жаловались, что «буржуазки» не понимают их и не учитывают их нужды в социальном законодательстве. Во Франции на рубеже веков работницы выступали за защитное законодательство, которое феминистки считали дискриминационным[31]. Во время Нью-Йоркской стачки Роза Шнейдеман и Паулина Ньюман, выступающие от имени бастующих работниц фабрики по пошиву рубашек, обвиняли богатых суфражисток

[31] Nathalie Chambelland-Liebault. "La Durée et l'aménagement du temps de travail des femmes de 1892 l'aube des conventions collectives", Ll.D. diss., Nantes, 1989..

Альву Бельмонт-Вандербильт и Анну Морган в вуайеристском интересе к бедности и публичности. «Норковой бригаде» жестко указывали на место. Как заметила Эмма Голдман: изменятся ли условия труда работниц, если Анна Морган сможет избираться в президенты?

Элегантные леди редко относились к работницам как к равным; напротив, они смотрели на них как на потенциальных слуг. Во время Крымской войны в маленькой команде Флоренс Найтингейл «дамы» постоянно перебранивались с «медсестрами». Медсестры, считавшие себя профессионалками, отказывались убирать за дамами, которые стремились все держать под контролем, в том числе и то, как сестры проводят свое свободное время. Флоренс была вынуждена издать предупреждение: «они должны понимать, что должны оставаться в таком же положении, как и в Англии, то есть подчиняться власти суперинтенданта и ее ассистенток»[32]. Домашняя работа всегда была предметом споров среди женщин, что стало особенно очевидно на конгрессе, проходившем в 1907 г. во Франции[33].

Социальная напряженность в дальнейшем еще больше обострилась в связи с вопросами расовой и этнической принадлежности. Женская тред-юнионистская лига была встревожена антагонизмом между протестантками, итальянками и еврейками, и культурные различия со всей очевидностью проявились во время забастовки на нью-йоркских швейных фабриках.

Рабочее движение (тред-юнионистское и социалистическое) использовало эти противоречия для того, чтобы отвергать право женщин представлять свои интересы. Во Франции оно провозглашало, что женщины являются агентами католической церкви и что феминизм исключительно буржуазное движение. Подобные заявления были полезным аргументом для блокирования любого объединения по признаку пола, что считалось потенциальным предательством интересов рабочего класса. Это послужило толчком для сильных антифеминистских и антисуфражистских настроений у некоторых социалисток, как например у Луизы Сомоне во Франции, или в полемике Клары Цеткин с Еленой Ланге и Лили Браун в Германии. Конфликт был особенно острым во Франции и Германии[34]. В Великобритании, где были более развиты социальные контакты между женщинами и где суфражизм имел большее влияние, ситуация была иной. Ткачихи Ланкашира были

---

[32] Письмо (XII, 1855) цит. по: Summers, "Pride and Prejudice", p. 48.

[33] Genevieve Fraisse. *Femmes toutes mains. Essai sur le service domestique* (Paris, Editions du Seuil, 1979), p. 3 ff..

[34] Charles Sowerwine. *Les Femmes et le socialisme* (Paris, Press de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1978); Marianne Walle. "Contribution a l'histoire des femmes allemandes entre 1848 et 1920, a traves les itinйraires de Louise Otto, Helene Lange, Clara Zetkin and Lily Braun", Ph.D diss., University of Paris VII, 1989.

не только хорошо организованы, но одновременно были суфражистками-милитантками. Используя филантропические методы Библейских женщин в своих целях, они развернули последовательную петиционную кампанию и собрали около 30 тыс. подписей работниц, которые их представительницы предъявили парламенту (1893–1900)[35].

Расширение пространства: миграция и путешествия

Однажды Руссо написал д'Аламберу: «женщина, которая выставляет себя на показ, подвергает себя бесчестью». Это высказывание было еще более справедливо в отношении путешествующих женщин. Путешествующая женщина становилась объектом подозрений, особенно если она путешествовала одна. Флора Тристан, испытавшая на себе последствия этих предрассудков во время своего «путешествия по Франции» (на юге страны многие хозяева гостиниц отказывались сдавать номера одиноким женщинам, опасаясь обвинений в содействии проституции), написала памфлет «О необходимости гостеприимного приема иностранных женщин» (1835), в котором предложила создать общество для оказания поддержки путешественницам, посещающим Францию. Это общество должно было содержать помещение с библиотекой и читальным залом, где можно было бы читать газеты; его девизом было бы «Добродетель, благоразумие, открытость». В качестве опознавательного знака его члены должны были носить зеленые ленты с красной каймой, но их имена ради соображений конфиденциальности должны были держаться в секрете. Предложенный проект «дома» для путешественниц стал предшественником многих аналогичных домов, которые будут создаваться во второй половине XIX века различными, в большинстве своем протестантскими, группами и организациями.

Молодые женщины неизбежно должны были быть включены в процесс возрастания мобильности населения в результате развития новых видов транспорта особенно после 1850 г. Хотя некоторых вынуждали к перемене мест экономические или политические обстоятельства, женщины путешествовали не только в силу необходимости, но и по желанию, и эти путешествия должны были неизбежно расширять их кругозор.

[35] Jill Liddington. "Women Cotton Workers and the Suffrage Campaign in Lancashire, 1893–1914", in Sandra Burman, ed., *Fit Work for Women* (London, Croom Helm, 1979), p. 98–112.

Переселенцы внутри страны

В типичных для внутренней миграции волнообразных движениях в таких странах, как Франция, мужчины традиционно оставляли свои семьи для работы на фабриках и стройках, в то время как женщины оставались в деревне, присматривая за хозяйством и сохраняя вековые традиции, которые мужчинам после городской жизни казались устаревшими. В рассказе Мартена Надо старуха Фуенуза из деревни Креуза хранит неодобрительное молчание, когда молодые каменщики, только что вернувшиеся из большого города, рассказывают слушателям захватывающие истории[36]. Но в конечном счете массовый исход из деревень привел к переселению целых семей. Средний класс нуждался во все большем количестве слуг, швейная промышленность и сфера обслуживания побуждали молодых женщин оставить деревню в поисках работы. В результате в некоторых районах сельской местности количественное соотношение между мужчинами и женщинами было явно непропорциональным, так что найти себе пару было нелегким делом. В определенной степени дефицит общения с женщинами компенсировался танцевальными залами и проституцией.

Женщины-мигрантки, первоначально подвергавшиеся тщательной проверке со стороны односельчан по возвращении домой или со стороны организаций, встречавших их в пункте назначения, постепенно постигали все плюсы и минусы большей свободы. Соблазненные и покинутые, они толпились в родильных палатах, прося об аборте, либо совершали мелкие преступления, чаще всего кражи материи из крупных универмагов. Но некоторые откладывали себе на приданое, постепенно привыкая к городу. Спрос на их услуги делал молодых женщин более требовательными. На смену сердечной и преданной служанке пришла нахальная горничная, сродни Жюльетте Октава Мирбо[37], либо дерзкая прислужница, всегда готовая «снять передник». В своем дневнике Ханна Каллвик вспоминает, что до того, как окончательно осесть у Артура Манби, она постоянно переезжала с места на место. Будучи замужней служанкой, ставшей объектом сексуальных домогательств со стороны своего «хозяина» и так и не признанная его семьей, она является примером избавления от рабской покорности[38]. Так же удивительно мобильны были Жанна

---

[36] Martin Nadaud. *Memoires de Léonard ancien garзon mazon*, ed. Maurice Agulhon (Paris, Hachette, 1976).

[37] Ocrave Mirbeau. *Le journal d'une femme de chamber* (Paris, 1900).

[38] Leonore Davidoff. "Class and Gender in Victorian England", in *Sex and Class in Women's History* (London, Routledge and Kegan Paul, 1983); L. Stanley, ed. *The*

Бувье, переехавшая с матерью в Париж в 1879 г., и Аделаида Попп в Вене. Конечно, женщины, сами делавшие свою карьеру, были мобильны по определению (Бувье структурирует свои мемуары вокруг описания трех своих карьер: профсоюзной деятельницы, писательницы и феминистки). Смена места жительства, обязательное, хотя и не единственное условие перемен, была показателем стремления порвать с прошлым, для того чтобы создать условия для будущего.

Мигрантки из сельской местности, особенно те, кто получал работу служанок, приносили с собой назад в деревню городскую моду, городские товары и иные привычки, включая навыки контрацепции. К концу XIX в. деревенские семьи все более охотно разрешали своим дочерям уехать из дома. Привыкнув к независимости, они были навсегда потеряны для деревни, где увеличивалось количество холостяков, в то время как в городах (по крайней мере во Франции) молодых женщин было на 20% больше, чем мужчин, их ровесников[39].

Гувернантки составляли еще одну группу мобильных работниц. Независимо от того, происходили ли они из семей, знавших лучшие времена, или из семей буржуазной интеллигенции, которые хотели бы, чтобы их дочери получали такую же пользу от путешествий, как и сыновья (как в случае с протестантской семьей Реклю), их горизонты были открыты, и многие из них активно путешествовали по Европе[40]. Генриетта Ренан несколько лет прожила в Польше, зарабатывая деньги на учебу брата. И наоборот, русские женщины приезжали в Париж, и среди них Нина Берберова, в поисках впечатлений для своих произведений. Востребованные благодаря своему иностранному происхождению гувернантки иногда имели дурную репутацию коварных соблазнительниц. Ради любви гувернантки герцог де Шуазель-Праслен убил свою жену: этот скандал времен бледного царствования Луи Филиппа, к несчастью, еще больше усугублял сложившийся стереотип.

Миграция на большие расстояния

Соотношение мужчин и женщин среди переселенцев в другие страны эволюционировало аналогичным образом. Вначале преобладали мужчины, затем стали переселяться семьями, и соотношение

Diaries of Hannah Cullwick (New Brunswick, Rutgers University Press, 1984).

39 J. Dupaquier. *Histoire de la population fransaise* (Paris, Colin, 1989), vol. 3, p. 133, 184.

40 M. Jeanne Peterson. "The Victorian Governess: Status Incongruence in Family and Society", in Martha Vicinus, ed. *Suffer and be still: Women in the Victorian Age* (Bloomington: Indiana University Press, 1972).

между полами выровнялось. Мужчины шли впереди, женщины следовали за ними. Граница явилась местом для пионеров и борцов, миром силы, где женщина была редкой гостьей, за исключением искательницы приключений или проститутки. Эта ситуация впоследствии нашла свое отражение в мизогинистской атмосфере вестернов.

История Соединенных Штатов предоставляет прекрасный матернал для исследования этих вопросов как фемнннстскимн, так и нефиминнстскнмн историкамн. Миграция нмела противоречивые последствия. Иногда она укрепляла власть семьи, которая представляла собой не только экономическую ячейку, но и центральный элемент в этнической солидарности, в то же время приводя к усилению полоролевой дифференцнации. В Новой Англии между 1780 и 1835 годами «бремя женской доли» превратнлось, согласно Нэнсн Котт, в «женскую сферу», которая, в свою очередь, стала основой для формнрования «гендерного сознаиия». Среди фермеров Запада, так же как н в семьях итальянских и ирландских рабочих, мать была влиятельной фигурой, сродни эпическому образу матери в романе Стейнбека «Гроздья гнева». Согласно Элинор Лернер в Нью-Йорке наибольшую поддержку фемнннстскому н суфражистскому движениям оказывали представители различных слоев еврейской общины. В самой упорной оппозиции находились нрландцы, в то время как среди итальянцев не было в этом отношении единства: южане, более привыкшие иметь дело с сильными женщинами, были настроены более дружелюбио, чем северяне[41].

В некоторых случаях расширение пространства н сопутствующее ослабление ограничений вызывались самим обществом, способствовавшим утверждению собственного «я». Во время визита в Америку в 1832 г. Токвиль был поражен свободой американских женщин в передвижении н общении. Закон штата Луизиана гарантировал женщинам право на ведение частной переписки. Американки были любительницами путешествий, и в конце XIX в. многие нз них посетили Европу. Поклонницы Италии соперничали с мужчинами на поприще художественной критики (Ли Вернон вслед за Бернардом Беренсоном описала достопримечательности Тосканы; об искусстве писала также Эдит Уортон). В Париже они заселили Левый берег (Сены. – *О. Ш.*). Натали Клиффорд Барни, «амазонка с улицы Жакоб», и Гертруда Стайн, жившая на рю де Флер (улице Цветов), являлись воплощением «новой

[41] Elinor Lerner, "Structures familiales, typologie des emplois et soutien aux causes féministes a New York (1915-1917)", in Judith Friedlander, ed. *Stratégies des femmes* (Paris, Tierce, 1984), p. 424–443.

женщины», интеллектуально и сексуально раскрепощенной, и воспринимали с готовностью все новое[42].

Русские и еврейки, которые иногда ошибочно рассматриваются в совокупности, заслуживают отдельного внимания. Они были в большей степени, чем другие женщины, готовы к решительной борьбе за свои права и, как убедительно показала Нэнси Грин в своей статье, также опубликованной в данном томе, пользовались заметным влиянием. «Я хочу не только денег и работы. Я хочу свободы», — заявила одна еврейская эмигрантка по прибытии в Нью-Йорк[43]. Мемуары Голдман также дают яркое представление о том, как переезд с места на место способствует эмансипации[44].

В колониях

Первоначально связанная с насильственной высылкой эмиграция в колонии и впоследствии сохраняла дурную репутацию. Во Франции после 1854 г. женщины-заключенные, приговоренные к принудительному труду, могли выбрать отбытие наказания в колониальной тюрьме, но очень немногие пользовались этой возможностью: только 400 женщин было отправлено в Новую Каледонию за период с 1870 по 1885 годы. В 1866 г. в Кайене находилось 16 850 мужчин и только 240 женщин[45]. Этот неудачный эксперимент был прекращен в 1900 г. Луиза Мишель, высланная в Новую Каледонию за участие в Парижской коммуне, оставила эмоциональное описание жизни канаков и мечтала вернуться на место ссылки как свободная женщина, чтобы еще раз познакомиться с местным населением, но уже в более благоприятных обстоятельствах.

Свободные женщины не отправлялись в колонии добровольно. Немногочисленные жены офицеров, сопровождавшие туда своих мужей, чувствовали себя одиноко. Как видно из набросков к роману Изабель Эберхардт (*"Femmes du Sud"*) о жизни этих забытых женщин, их помощь не приветствовалась. Благотворительные организации предпринимали определенные усилия, чтобы побудить женщин к переселению в колонии. Французское общество эмиграции женщин в колонии (*Société Fransaise d'Emigration des Femmes aux Colonies*), основанное в 1897 г. Ж.-С. Берт и графом Дюсанвилем, опубликовало в «Обзоре двух миров» (*Revue des Deux Mondes*) и «Колониальном

[42] Caroll Smith-Rosenberg and Esther Newton. "Le Mythe de la lesbienne et la Femme nouvelle", in *Stratégies des femmes*, p. 274–312; Shari Benstock. *Femmes de la Rive Gauche, Paris, 1900–1914* (Paris, Editions des Femmes, 1987).

[43] См: Lerner. "Structures familiales", p. 429.

[44] Emma Goldman. *Living My Life* (New York, Knopf, 1932).

[45] Odile Krakovitch. *Les Femmes bagnardes* (Paris, Oliver Orban, 1990).

еженедельнике» (*Quinzaine coloniale*) адресованное женщинам воззвание: от 400 до 500 кандидаток откликнулись на призыв, в основном образованные, но малообеспеченные женщины, чьи письма предоставляют любопытный материал о представлениях женщин о жизни в колониях, являющихся смесью экзотики, миссионерского рвения и стремления изменить свою жизнь к лучшему. Но из этого проекта ничего не вышло. Великобритания была значительно более активна в заселении колоний. В период между 1862 и 1914 годами несколько десятков организаций финансировали переезд в колонии более 20 000 женщин. Среди поощрявших женскую эмиграцию были и феминистки, которые рассматривали переезд в колонии как шанс изменить свою жизнь для так называемых «лишних» женщин, влачивших незавидное существование в Англии. В качестве примера может служить Общество поощрения эмиграции представительниц среднего класса (1862–1866 гг.), руководимое Марией С. Рай и Джейн Луин; первая была более заинтересована в приискании для бедных молодых женщин мест прислуги, вторая больше внимания уделяла предоставлению новых возможностей для представительниц среднего класса. Но феминистские попытки поощрения женской эмиграции не увенчались успехом (лишь 302 женщины переселились в колонии), и в 1881 г. общество слилось с Колониальным эмиграционным обществом, которое было значительно более эффективным, но действовало как простое бюро по переселению в колонии.

Колониальные нравы предусматривали недопустимость смешанных браков, и эмиграция женщин из метрополий не способствовала изменению отношения к этому явлению, однако она способствовала сокращению числа подобных прецедентов межрасовых браков, типичными представительницами которого были сенегальские сеньёры, африканки, вышедшие замуж за первых белых колонистов. Только некоторые женщины могли более широко взглянуть на эту проблему, среди них Юбертина Оклер в Алжире (*Les Femmmes arabes en Algerie*, 1900) и писательницы, перечисленные Денизой Брахими[46].

Среди путешествующих женщин были и те (хотя их было немного), кто использовал колониальную экспансию для удовлетворения своего познавательного интереса к Африке и Востоку.

Путешественницы

Наряду с переселениями, часто происходившими при драматических обстоятельствах, новые возможности в расширении гори-

[46] Denise Brahimi. *Femmes arabes et soeurs musulmanes* (Paris, Tierce, 1984).

зонтов открылись для женщин с развитием туризма и лечения на курортах. Врачи старались охладить их энтузиазм в этом отношении, предупреждая, что яркое солнце может испортить цвет лица и что тряска во время путешествия может оказать отрицательное воздействие на внутренние органы. Путешествия были также сопряжены с проблемами багажа, беспокойством по поводу расписания транспорта, болезнями, опасностью неприятных встреч. Всего этого было достаточно, чтобы отвратить многих от желания путешествовать. Правила на курортах способствовали половой и социальной сегрегации. Женщины никогда не имели возможности купаться или наслаждаться прелестями видов в тех местах, которые были отведены для мужчин-курортников[47]. Однако побег все же был возможен, побег, во время которого основным органом восприятия новых мест становилось зрение, обостренное бесконечным количеством запретов. Женщины делали зарисовки и любительские снимки живописных мест. Вдали они могли заметить молодых велосипедисток, едущих по берегу возле Бальбека, так, как описал их Пруст в «В цветущей роще».

В протестантской, а позже и в католической среде, путешествие стало завершающей фазой образования девушки. Изучение иностранных языков позволяло им впоследствии заниматься переводами, что считалось вполне приемлемым занятием для женщины. Некоторые путешествовали ради созерцания шедевров Италии и Фландрии. Разве не говорил Бодлер, что музей — это единственное общественное место, где женщине прилично появиться? Однако в них девушки могли слишком много узнать об анатомии мужчины, поэтому педагоги-католики предпочитали рекомендовать для посещения церкви. *Crand tour*, в течение длительного времени бывшее основным компонентом образования юношей, стало в начале XX в. в одинаковой степени доступно и их сестрам. Маргарита Юрсенар (1903–1988), путешественница, переводчица и писательница, очень многое приобрела для своего личностного развития из этого путешествия[48]. Она вывела «новую женскую культуру» на высший творческий уровень. С этого времени путешествия стали частью женских мечтаний, подогреваемых как статьями и иллюстрациями в таких журналах, как «Кругосветное путешествие» (*Tour du Monde*) и «Харперс Базар» (*Harper's Bazaar*), так и посещениями всемирных выставок. Средиземноморье, Ближний и Дальний Восток, позднее

---

[47] Alain Corbin. *Le Territoire du vide. L'Occident et le désir du rivage, 1750–1840* (Paris, Aubier, 1988).

[48] Marguerite Yourcenar. *Quoi? L'Eternité* (Paris, Gallimard, 1988), p. 98 ff..

Африка составляли географию воображаемых путешествий, давая пищу для расплывчатых грез об экзотике а-ля мадам Бовари. Но какие драматические изменения могли в один прекрасный день привести к желанию уехать из дома?

В данном исследовании меня больше интересуют не столько путешествия ради пополнения культурного багажа, сколько путешествия, в ходе которых женщины созиательно пытались «совершить прорыв» от предписанных ролей и определенных извне сфер. Для того чтобы его совершить, было необходимо иметь сильное желание, опыт страдания, безрадостное ненавистное будущее; для этого требовалась убежденность и склонность к приключениям или миссионерству, сродни той, что привела сенсимонистку Сюзанну Вуалькен в Египет, княгиню Бельджиозо из угнетенной Италии в свободную Францию, русских студенток «в народ», женщин-исследовательниц в бедные пригороды (где жил народ, а рабочий воплощал для многих сублимированный образ другого)[49]. Филантропки, феминистки и социалистки путешествовали для участия в конференциях, их роль в политическом просвещении женщин нельзя недооценивать. Делегатки учились выступать перед большой аудиторией, поддерживать отношения с публикой и прессой и разбираться в международных делах. В мемуарах Эммы Голдман описывается, как много значили путешествия для политической активистки. Путешествия стали ее образом жизни. Она всегда находилась в пути, переезжая со встречи на встречу, в постоянном круговороте конференций — для нее люди и идеи значили больше, чем пейзажи. Эти поездки являлись прямой противоположностью праздному туризму, обличаемому Марксом. Жанна Бувье, бывшая делегаткой Международного конгресса работниц в Вашингтоне в 1919 г., оставила восхищенное описание трансатлантического путешествия и дружеского приема на конгрессе, а также организации Национальной женской профсоюзной лиги, аналог которой она мечтала создать во Франции[50]. Женщинам всегда нравилось работать в театре, хотя они были отстранены от его руководства[51], и поэтому конгресс был зрелищной компенсацией, их тайное удовольствие от поездки можно только вообразить.

Удовольствие усиливалось от возможности описать увиденное. Софи де ла Рош (1730–1807) страстно любила путешествовать. Во вре-

---

[49] Jacques Rancière. *Courts Voyages au pays du Peuple* (Paris, Editions du Seuil, 1990). Часто для писателей именно женщины воплощали «народ».

[50] Jeanne Bouvier. *Mes mémoires. Une syndicaliste féministe (1876–1935)* (Paris, Maspero, 1983), p. 132–136.

[51] Marie-Claire Pasquier. "'Mon nom est Persona'. Les femmes et le theater", *Strategies des femmes*, p. 259–273.

мя поездки в Швейцарию оиа взбиралась иа Моиблан, и описание этого события, данное ею в «Диевнике путешествия по Швейцарии» считается первым отчетом о жеиском спорте. Дважды разведенная Лидия Александровиа Пачкова работала корреспонденткой газет в Санкт-Петербурге и Париже и сделала путевые очерки своей профессией. В 1872 г. оиа предприняла путешествие по Египту, Палестине и Сирии, придя в восторг от Пальмиры, и опубликовала его подробиое описание в журиале «Кругосветное путешествие». Ее история породила «Желание Востока» у Изабеллы Эберхардт (1877–1904), которая посетила еще больше стран, чем ее предшествеиница. Незаконнорожденная дочь русского аристократа, жившая в изгнании в Швейцарии, Эберхардт приняла ислам и сражалась в Северной Африке под видом молодого повстанца Махмуда, восхитив французского геиерала Лиоте. Она умерла в двадцать семь лет, оставив иеопубликованные работы, посвященные простым людям Магриба[52].

Александра Давид-Нээль (1868–1969), исследовательиица-ориенталистка, принявшая буддизм, оставила описание своих путешествий по Дальиему Востоку в форме писем к мужу, которые оиа писала вплоть до его смерти в 1941 году. После более чем тридцатилетиего пребывания в Азии, в 1946 г., в возрасте семидесяти восьми лет оиа вернулась в Европу, привезя с собой выдающийся отчет о своих странствиях со миожеством фотографий, которые сегодия можио увидеть в ее доме в Дине, превращениом в музей.

Путешествуя от одиого ламаистского монастыря к другому в сопровождении иосильщиков, оиа пересекла Тибетское иагорье в поисках документов для своих иаучных изысканий и внутренней гармонии. «Да, — писала оиа своему мужу Филиппу, — когда ты здесь, то уже больше иет желаний: жизнь, такая, как у меня, которая вся сплошное постоянное стремленне к странствиям, окончеиа; оиа достигла последией цели» (8 августа 1917 г.)[53].

Что касается Жанны Дьёлафуа (1851–1916), происходившей из хорошей семьи и воспитанной в моиастыре Успения Богородицы, то в начале ее жизиенного пути ничто ие предвещало того, что в последствии оиа станет «женщиной, одевающейся, как мужчнна», и первой женщиной-археологом. Оиа вышла замуж за Марселя, инжеиера, выпускника Политехнической школы, поскольку разделяла как его интерес к Алжиру и Востоку, так и его точку зрения иа брак как иа союз равиоправных партнеров. Она считала себя его сотрудником (и иаста-

---

[52] Edmonde Charles-Roux. *Un désir d'Orient. La Jeunesse d'Isabelle Eberhardt* (Paris, Grasset, 1988).

[53] Alexandra David-Neel. *Journal de voyage (11 août 1904 – 26 décembre 1917)* (Paris, Plon, 1975).

ивала на употреблении этого слова в мужском роде: collaborateur, а не collaboratrice). Первоначально она работала в качестве ассистентки, ведя путевые заметки и отвечая за фотографирование и приготовление пищи, но постепенно она взяла на себя и руководство значительной частью археологических раскопок. Вместе они открыли в Персии знаменитый фриз с изображением ассирийских воинов, который сегодня выставлен в Лувре, в зале, названном в их честь. Предметом специального интереса Дьёлафуа было древнеперсидское общество, особенно частная жизнь персидских женщин. Она стала писательницей, вернувшись во Францию после участия в двух экспедициях, она обнаружила, что ей трудно соблюдать условности, и, невзирая на насмешки, она продолжала носить мужскую одежду. Стройная, с короткой стрижкой, она походила на подростка, являясь воплощением того андрогинного образа, который поразил воображение Бель Эпок. Феминистка более по образу жизни, нежели по взглядам, Жанна Дьёлафуа была противницей разводов, так как это противоречило католической вере. Путешествия не уничтожали границы, напротив, они лишь обнажали противоречия[54].

Путешествия сами по себе ничего не значили. Но какой опыт приобретался в результате! Он позволял женщинам познакомиться с другими культурами. Некоторые в результате начинали заниматься творчеством, экспериментировать с новыми техниками: увлечение женщин в это время фотографией просто поражает. Первоначально фотография воспринималась как искусство второго плана. Оно требовало тщательных приготовлений и долгих часов работы в темном помещении, поэтому его можно было оставить женщинам. Впоследствии некоторые стали выдающимися фотографами: Джулия Маргарет Камерон, Маргарет Бурк-Уайт, Гизела Френ. Женщинам, также не без борьбы с мизогинистскими предрассудками, удалось проникнуть в такие новые сферы, как ориенталистика и археология. Говоря словами Александры Дэвид-Неэль: «если вы не принадлежите к этим кругам, то вы даже не можете себе представить, на что способны эти мужчины, чья ненависть к феминизму растет день ото дня»[55].

Кроме того, женщины утверждали свою свободу в одежде, образе жизни, в религиозных, интеллектуальных и любовных предпочтениях. Тем или иным образом, иногда дорогой ценой, они разрывали цепи ограничений и расширяли границы своего пола.

---

[54] Eve and Jean Gran-Aymeric. *Jane Dielafoy, une vie d'homme* (Paris, Perrin, 1990).

[55] Ibid., p.101. Письмо от 12 февраля 1912 г..

Прорывы во времени

Какие изменения побуждали женщин XIX века прорываться в пространство публичного, и в частности на политическую арену? Как при этом изменялись отношения между полами?

Здесь меня в меньшей степени интересуют «условия жизни» женщин, чьи жизненные истории требуют рассмотрения всех обстоятельств, обычно связываемых с понятием «модернизация», включая историю технического прогресса (швейная машинка, пылесос) и медицины (бутылочное кормление, контрацепция)[56]. Здесь меня больше интересуют женщины как акторы. Каково было воздействие того, что мы обычно называем «событиями»? Что создавало «события» в этой сфере? Нужно ли расширить или уточнить это понятие? Нужно ли распространить его на культуру и биологию?

Книги-события также формируют сознание читателя и, стимулируя дискуссии, контакты и обмены, позволяют идеям воплотиться в жизнь. К ним относились «Обоснование прав женщин» Мэри Уолстонкрафт, «О подчинении женщин» Джона Стюарта Милля, «Женщина и социализм» Августа Бебеля, а позднее — «Второй пол» Симоны де Бовуар. В этот список можно включить и романы «Коринна» мадам де Сталь, «Индиана» Жорж Санд, они создали новые модели поведения, на которые женщины могли ориентироваться. Своим творчеством, как и своей жизнью, Жорж Санд нарушала границы и становилась символом освобождения, особенно в Германии.

Какое воздействие на различные группы женщин оказывали изменения в образовании (например пансионы в Англии и Америке были местом социальной организации и базой для деятельности) или получение доступа к мужским профессиям (как например к преподаванию в школе, которое везде, даже в провинциальных Салониках, было и заветной целью и объектом критики)? В России в 80-х годах XIX века женщинам было разрешено изучать медицину. Затем их снова лишили этой возможности, но это начинание уже сыграло свою решающую роль в формировании динамичной группы студенток-медиков[57]. Конечно, события в области образования часто отражали политическую конъюнктуру.

---

[56] Ср.: Edward Shorter. *A History of Women's Bodies* (New York, Basic Books, 1982).

[57] Christine Faurй. *Terreur, Liberté* (Paris, Maspero, 1979); Nancy Green, "L'Emigration comme йmansipation: Les Femmes juives d'Europe de l'Est a Paris, 1881–1914", *Pluriel* 27 (1981): 51–59.

Эпидемии холеры 1831–1832 годов (и в меньшей степени 1859 г.) способствовали мобилизации женщин, вынужденных исследовать бедные районы, эти эпидемии изменили их видение мира и дали им навыки проведения санитарной экспертизы. Беттина Брентано и ее немецкие друзья увидели несостоятельность обычной медицины и стали выступать за гомеопатические средства и профилактику. Социальные язвы, такие как туберкулез, алкоголизм, сифилис, являлись полем битвы, где женщины сражались на передовой с чувством, что они защищают от них женское дело. В духе критики «Актов о венерических болезнях» Джозефиной Батлер женщины критиковали «мужскую цивилизацию», которой они противопоставляли идеал «чистоты».

В целом общественное здравоохранение, уход за больными, особенно в сфере акушерства и гинекологии, стали полем битвы от Урала до Аппалачей. Акушерки стали исчезать из родильных палат. Лишенные права делать кесарево сечение и накладывать щипцы, они жестоко конфликтовали с врачами и постепенно становились объектом враждебности из-за абортов. Беспокойство по поводу демографических проблем сделало контроль за рождаемостью в конце XIX в. государственным делом.

Изменения в законодательстве

Законодательство в то время самым бескомпромиссным образом отражало патриархальную власть, регулирующую отношения между полами не в беспристрастной форме (поскольку он сообразовывался со своей собственной логикой), а в форме, казавшейся беспристрастной. Дебаты, которые велись в этих мужских сообществах, могут дать достаточно примеров для любой антологии мизогинистских изречений. В общем, выдвигалось не так уж много законодательных инициатив, касающихся женщин. Если от законодательства требовалось «защитить» женщин, например на рабочем месте, то их объединяли в одну категорию с детьми. Это, между прочим, объясняет нежелание феминисток поддерживать законы такого рода: они могли привести к дискриминационным мерам. Эгалитарные законы были редким явлением, и их происхождение всегда проблематично: каков при этом был реальный мотив законодателя? Николь Арно-Дюк обратила внимание на двусмысленность французского закона от 1907 г., который дал замужним женщинам право распоряжаться своими заработками, прежде всего для того, чтобы они могли более эффективно управлять семейным бюджетом. Аналогично привлечение общественного внимания

к проблеме бедности заставило британский парламент внести изменения в законы, касающиеся права женщин на владение собственностью. Социальная целесообразность значила больше, чем равенство полов.

Многие женщины ощущали законодательные препоны, с которыми они сталкивались каждый день и которые постоянно напоминали им об их неполноценности. Временами в ходе судебных разбирательств выявлялись факты вопиющей несправедливости в отношении женщин, и это способствовало формированию общественного мнения. Например, в Англии дело Каролины Нортон привело к изменению законов о разводе и о собственности замужних женщин. Получившая в 1836 г. право на раздельное проживание с мужем, Каролина Нортон стала известным литератором. Однако в соответствии с законом об общности имущества супругов все ее заработки принадлежали ее мужу, который, для того чтобы быть уверенным в их получении, обвинил ее в супружеской измене с премьер-министром, а затем установил опеку над их тремя детьми. Она выразила свой протест в язвительном памфлете, что привело к принятию в 1839 г. закона, который оговаривал права разлученных матерей в отношении их детей. Но она не остановилась на достигнутом: в 1853 г. Нортон опубликовала памфлет «Английское законодательство о женщинах в XIX веке», а в 1855 г. обнародовала «Письмо к королеве по поводу законопроекта лорда Крануорта о браке и разводе». Ее действия получили поддержку Барбары Ли Смит (1827–1891), дочери либерального члена парламента, которая стремилась привлечь симпатии общественного мнения к деятельности Общества в поддержку поправки лорда Броума[58]. Закон о разводе был принят в 1857 г. Его статьи, касающиеся собственности женщин, были важными, но недостаточными. Понадобилось еще много сражений и принятия большого числа дополнительных актов (в 1870, 1882 и 1893 годах), прежде чем женщины смогли распоряжаться собственностью без ограничений, причем их основным противником была палата лордов. Для этого понадобились объединенные усилия феминистов и демократов (например Дж. С. Милля и Рассела Герни), подкрепленные негодованием женщин по поводу случая с Сюзанной Палмер и другими. В разгар битвы вокруг закона в парламент были представлены петиции с тысячами подписей, а один из парламентариев, крупный промышленник,

[58] Поправка (Акт) лорда Броума, принятая в 1850 г., предлагала относить термины, означающие пол, как к мужчинам, так и к женщинам. Теоретически это давало женщинам возможность претендовать на включение в списки избирателей. — *Примеч. переводчика.*

свидетельствовал, что стоит ему появиться на своей фабрике, как работницы начинают досаждать ему вопросами по поводу обсуждения закона[59]. Похожая ситуация сложилась во Франции в период 1831–1834 гг.: усилия либералов по поводу принятия закона о разводе были поддержаны огромным количеством петиций, в которых женщины призывали законодателей принять во внимание их страдания[60]. Феминистки настаивали на том, что медленный ход реформы свидетельствует о необходимости предоставления женщинам избирательного права. Связывая гражданские и политические права, они показывали, что право женщин на развод одновременно означало признание их как личностей, «первый шаг по дороге к обретению гражданства»[61]. Отчаянное сопротивление со стороны традиционалистов было естественным. «Не трогайте французскую семью, — предупреждал в 1882 г. монсеньор Фрапель во время яростных дебатов, — наряду с религией это наша основная опора»[62]. Понадобился союз республиканцев всех мастей: масонов, протестантов, евреев, для того чтобы обеспечить окончательное прохождение закона Наке в 1884 г.

Благодаря своей значимости проблема развода был очень показательна для демонстрации настоящей природы закона как поля постоянного столкновения различных конкурирующих групп, меры для препятствий, с которыми они сталкиваются, оценки прочности их союзов и изменений в общественном мнении. Для феминисток, являющихся посредницами между политическим процессом и женщинами в целом, борьба вокруг законодательства представляла собой непрерывное противостояние.

О Боге: религиозный прорыв

Прочная связь между женщинами и религией придавала религиозным событиям особенное значение. Религия, ассоциировавшаяся с дисциплиной, долгом, социализацией, законом, традицией и языком, ложилась тяжелым грузом на женские плечи. Но она также приносила утешение и помощь. Поэтому феминизация религии в XIX веке

[59] Lee Holcombe. "Victorian Wives and Property: Reform of the Married Women's Property Law, 1857–1882", in Vicinus, ed. *A Widening Sphere*, p. 3–28.

[60] Francis Ronsin. *Le Contrat sentimental. Débat sur le mariage, l'amour, le divorce, de l'Ancien Régime a la Restoration* (Paris, Aubier, 1990), и особенно: Riot-Sarcey. Op. cit. .

[61] Fraisse. *Muse de la Raison*, p. 107.

[62] Francis Ronsin. "Du divorce et la sйpation de corps en France au XIX sиcle" , Ph.D diss., University of Paris VII, 1988 (на правах рукописи).

может интерпретироваться двояко: как форма регламентации и как освобождение от влияния, но не от власти — она оставалась, так же как и политика, в руках мужчин[63].

Это особенно касается католической церкви, становившейся еще более косной под влиянием контрреформации и двойного догмата: непогрешимости папы и непорочного зачатия. В этой крепости, часто мобилизующей свой гарнизон и отправлявшей его в крестовый поход, почти не было слабых мест. Когда церковь стала побуждать женщин к участию в политике через такие организации, как Патриотическая лига французских женщин (*Ligue Patriotique des Fransaises*), она делала это с целью защиты наиболее консервативной модели семьи[64] . Она прославляла женщину, которая шила, оставаясь дома, или шла в церковь на молитву. Социальный католицизм допускал некоторые послабления, но его воздействие на сексуальные отношения было скорее косвенным.

Как ранее показал Жан Боберо, в протестантской среде было значительно больше изменений. Чрезмерное благочестие побуждало высказываться немецких женщин времен Гете. Религиозное возрождение в Англии и Америке нарушило целостность прежнего единства, бывшего для них опорой. В конце XVIII века в Новой Англии образованные жительницы Бостона Эстер Берр и Сара Принс, чья переписка является ярким свидетельством их дружбы и страсти, а также Сара Осброн и Сюзанна Энтони, простолюдинки из Ньюпорта, основали женские общества радикальной и социальной направленности[65]. В первой трети XIX века во время Великого пробуждения наблюдалось распространение сект, основанных или руководимых женщинами-проповедницами, такими как Джемма Уилкинсон и Анна Ли, основательница шейкеризма. В этом временном равноправии полов женщины, часто поддержанные маргинальными слоями, подрывали религиозную символику, ритуалы и учения. Другие обличали несправедливость и распущенность нового городского общества: Женское реформаторское общество, основанное в Нью-Йорке в 1834 г., атаковало лицемерие «двойного стандарта» морали и пыталось, хотя и без большого успеха, перевоспитывать проституток[66].

---

63 Barbara Welter. “The Feminization of the American Region, 1800–1860”, in Mary Hartman and Lois W. Banner, eds. *Clio's Consciousness Raised: New Perspectives on the History of Women* (New York, Harper and Row, 1974), p. 137–158.

64 Anne-Marie Sohn. “Les Femmes catholiques et la vie publique en France (1900–1930)”, in Friedlander, ed., *Stratégies des femmes*, p. 97–121.

65 Lucia Bergamasco. “Condition fiminine et vie spirituelle en Nouvelle-Angleterre au XVIIIe siacle”, Ph.D diss., Paris, Ecole des Hautes Etudes, 1987; Cott. *The Bonds of Womanhood.*

66 Caroll Smith-Rosenberg. “The Cross and the Pedestal: Women, Antiritualism, and the Emergence of the American Bourgeoisie”, in Caroll Smith-Rosenberg.

В Великобритании религиозное возрождение, в основном связанное с методизмом, было более консервативно в вопросе о роли полов в обществе, хотя и оно побуждало женщин к сопротивлению. Некоторые женщины принимали рационалистический подход, замещавший религиозные проблемы социальными. Среди них была Эмма Мартин (1812–1851), которая, после того как с ней обращались, как с парией, по примеру сенсимонистки Сюзанны Вуалькен решила стать акушеркой. Другие направляли свою энергию в хилиастический социализм, пронизанный верой в спасение через женщин. Служанка из Девоншира Джоанна Саускотт (1750–1814) услышала голоса, уверявшие ее, что она «женщина, пронизанная солнцем», и предприняла крестовый поход, проповедуя новое учение, которое привлекло около 100 тыс. человек, среди которых женщины составляли 60%. Оуэнизм, смесь глубоко рациональной социологии и религиозной риторики, также превозносил «миссию женщины»[67].

На сходных позициях находился сенсимонизм во Франции, хотя его трудно отнести к какому-либо религиозному течению. Это была удивительная смесь моралистического, апостольского феминизма и любви к свободе. Его образ Матери-спасительницы многое взял с Востока, а призыв «подтвердить равенство с мужчинами» вызвал горячий отклик в сердцах женщин[68]. Дезире Вере, Жанна Деруэн, Эжени Нибуайе и Клер Демар говорили, действовали и писали в мессианском порыве. Каково же было их разочарование, когда Отец в традиционной клерикальной манере отверг женщин, которых он сам же и призвал. Последовали выходы из секты и даже самоубийства.

Все эти секты с их революционным потрясением основ были экспериментированием в публичном самовыражении, и их опыт должен был получить продолжение в конце века.

Родина: войны и борьба за независимость

Война, без сомнения, мужское дело, способствовала укреплению традиционных ролей. В атмосфере ужесточающейся дисциплины и риторики, рассчитанной на формирование комплекса вины, особенно у женщин, оба пола мобилизуются для служения Отечеству — мужчины на

Disorderly Conduct: Visions of Gender in Victorian America, p. 129–165.

[67] Barbara Taylor. *Eve and the New Jerusalem: Socialism and Feminism in the Nineteenth Century* (London, Virago Press, 1983).

[68] Jacques Ranciиre. *Courts Voyages au pays du Peuple* (Paris: Le Seuil, 1991); Jacques Ranciиre. *La Nuit des Prolétaires* (Paris, Fayard, 1981); Claire Dйmar. *Ma loi d'avenir* (1831) (Paris, Maspero, 1981).

фронте, женщины в тылу, где мы видим их шьющими, изготовляющими перевязочные материалы, готовящими и ухаживающими за ранеными. Ассоциации немецких женщин-патриоток выполняли эту работу во время войны 1813 года, а Рахель Фарнхаген призывала ухаживать также и за ранеными вражескими солдатами. Княгине Бельджиозо, стремившаяся к политической деятельности, Мадзини доверил организацию госпиталей и клиник в Риме в 1849 г. Она наняла женщин из простонародья, храбрых, но несдержанных, и пыталась дисциплинировать их. «Сама того не осознавая, я создала сераль», — говорила она, однако защищая его от нападок.[69]. Обретение добровольными помощницами профессиональных навыков приводило к тому, что они начинали высказывать свое мнение, а это, в свою очередь, становилось причиной конфликта. Так было с Флоренс Найтингейл во время Крымской войны и с русскими студентками-медичками, которые на полях сражений русско-турецкой войны пытались добиться признания своего профессионализма.

Многим женщинам хотелось, последовав примеру Клоринды, Жанны д'Арк, Великой Девы, приходить на помощь, размахивая мечом. «Допустимо ли, прилично ли стоять в карауле или нести патрульную службу девушке или женщине?» — вопрошала Сильвина Марешаль[70]. Закон от 30 апреля 1793 г. приказывал всем женщинам, примкнувшим к революционным армиям, разойтись по домам и запрещал дальнейшее несение женщинами воинской службы. Некоторым, однако, переодевшись мужчинами, удалось остаться[71]. Но подобное поведение осуждалось. В 1848 г. язвительно осмеивались не только немецкие женщины, но и везувианки в Париже, простолюдинки, которые осмелились настаивать на «политической конституции для женщин», праве носить мужскую одежду, иметь доступ ко всем должностям: «гражданским, религиозным [и] военным». Домье, Флобер и даже Даниэль Стерн (псевдоним Мари д'Агу) со смехом встретили их требования[72].

Участие женщин в войне за освобождение Греции как в рядах армии, так и в качестве маркитанток повсюду в Европе привлекало пристальное общественное внимание. Среди греческих повстанцев были даже женщины-командиры, пользовавшиеся равенством

---

[69] Beth Acher Brombert. *Cristina, portraits of a Princess* (New York, Knopf, 1977).

[70] Fraisse. *Muse de la Raison*, p. 31.

[71] Rudolf M. Dekker and Lotte C. Van de Pol. "Republican Heroines: Cross-Dressing Women in French Revolutionary Armies", *History of Ideas* X, 3 (1989): 353–363.

[72] Lucette Czyba. *La Femme dans les romans de Flaubert* (Lyon, Presses Universitaires de Lyon, 1983), p. 193, 366.

с мужчинами. Это были дочери или вдовы греческих судовладельцев, которые на благо общего дела пожертвовали свое состояние. Две гречанки приобрели широкую известность: Ласкарина Боболина (1783–1825), патронесса Общества друзей, подготовившая восстание и игравшая важную роль во время осады Триполи, где она вела переговоры об обеспечении безопасности женщин из гарема Хуршид-паши, командовала тремя кораблями, воевавшими против турок, и была убита в бою; и Мадо Маврогенос (1797–1838), которая побудила мужчин с острова Миконос, где она жила, присоединиться к восстанию. После резни на Хиосе (1822), она организовала отряды милиции н руководила ими с оружием в руках. Она написала письмо «дамам в Париже», которых она призывала поддержать дело греческих христиан против угрозы ислама: «я ожидаю дня битвы с таким же нетерпением, как вы ждете начала бала». Отвергнутая семьей за то, что пожертвовала на войну все свое состояние, она умерла в одиночестве и бедности[73]. Образ женщины-воина, совместимый с аристократическим и религиозным мировоззрением, был неприемлем в буржуазную эпоху, в которой любое насилие со стороны женщин (не важно, преступниц, воительниц или террористок) воспринималось как скандал, который криминологи пытались натурализовать, для того чтобы нейтрализовать (см.: Ломброзо «Женщина-преступница»).

Поэтому поддержка женщинами национально-освободительной борьбы должна была принимать другие, социально приемлемые, формы. Прусская королева Луиза, польская графиня в изгнании, графиня Маркиевич в Ирландии, княгиня Кристина Бельджиозо — все они использовали свое влияние для помощи своей стране. Княгиня Бельджиозо, журналистка, историк и друг Огюстена Тьерри и Минье, делала все, что было в ее силах, для того чтобы обеспечить поддержку объединения Италии со стороны французских интеллектуалов и французского правительства. Она часто сожалела о своем изгнании: «Мне нужен действенный труд, не работа пером, а действие. Но где это может быть доступным женщине?»[74]. Создание госпиталей было достойным вознаграждением ее усилий, но затем последовала ссора с Мадзини, крах, ссылка в Турцию. Женщины, претендующие на политические роли, считались подозрительными. Опыт Ирландской женской земельной лиги дает еще один пример, на сей раз скорее коллективного, нежели индивидуального действия.

---

[73] Информация предоставлена Элени Варикас.

[74] Brombert. *Cristina*, p. 74.

Парнелл и лидеры Земельной лиги, боровшиеся за интересы ирландских фермеров, призвали женщин поддержать их. По инициативе сестер Парнелла Энн и Фанни по американской модели была создана независимая Женская земельная лига. Отказавшись ограничить свою деятельность только благотворительностью, ее члены призывали сопротивляться насильственным выселениям и предоставляли кров арендаторам, вышвырнутым с их земли. Радикализируя движение, они призывали к отказу от выплаты арендной платы, чем навлекли на себя гнев со стороны лендлордов и богатых фермеров. Несмотря на усилия по сбору средств, они все время испытывали их недостаток, что дало повод для высмеивания их управленческих способностей. Общественное мнение, сформированное католическими и протестантскими епископами, относилось критически к такой бросающейся в глаза деятельности женщин. На собраниях женщины, которые сначала робко жались в конце зала, наконец стали выступать с трибуны, что было признано неприемлемым, несмотря на их сдержанность и скромность (Энн Парнелл всегда одевалась в черное и говорила медленно и спокойно). Семьи не одобряли женщин, выходящих вечером из дома, и таким образом позорящих семейную честь. И разве их не отправляли в тюрьму наряду с обычными преступниками? Мэри О'Кониор отбыла шестимесячное заключение вместе с проститутками. В декабре 1881 г. Женская земельная лига была запрещена, так же как и вообще собрания женщин, и женщины были исключены из Национальной лиги. Фанни Парнелл умерла в возрасте тридцати трех лет. Энн поссорилась с отцом и ушла жить в коммуну художников под вымышленным именем. В 1911 г. она утонула, купаясь во время шторма. Она оставила воспоминания «Земельная лига: история великого стыда», которая долго оставалась неопубликованной; в ней она ничего не говорит о себе[75].

Предполагалось, что женщины, предлагавшие отечеству свои услуги и замещавшие мужчин во время войны, исчезнут, как только вернется мирное время. Борьба за национальную незавнсимость ничего не давала в плане изменения традиционных отношений между полами: то же самое наблюдается и в XX веке. Однако женщинам, задействованным в различного рода мероприятиях, связанных с войной, было не так-то просто вернуться домой. Поколение 1813 г. в Германии нашло выход своей энергии в частной сфере. Женщины Соедниенных Штатов после окончания гражданской войны направили свой аболиционистский энтузназм в благотворительность и феминизм.

[75] Margaret Ward. *Unmanageable Revolutionaries: Women and Irish Nationalism* (London: Pluto Press, 1983).

Революция, сестра?

Революции, как мы видим на примере Великой французской революции, с которой начался век и начинается эта книга, ставят под угрозу существование властных структур, и ежедневной рутины, и — потенциально — гендерные отношения. История феминизма знаменовалась, как показала Анна-Мария Каппели, рядом революций. В то время как война обходит вниманием индивидуальные интересы во имя интересов нации, революция, по крайней мере вначале, легитимизирует желания и недовольство, которые ее породили. И почему в таком случае не желания женщин? Однако женщины никогда не были настолько глубоко вовлечены в этот «великий отдых от жизни», как мужчины, частично из-за своих обязанностей, которые, как всегда, состояли в обеспечении семьи средствами существования и которые в условиях революции было еще труднее выполнять. Тем не менее революционный подъем давал женщинам возможность перемещения и встреч с новыми людьми.

Женщины также имеют разные мнения по поводу революции. В контрреволюционном лагере были свои героини и свои сторонницы. Женщины поддерживали священников, отказывавшихся присягнуть на верность республике, что в дальнейшем использовалось как аргумент против дарования женщинам права голоса. Но здесь меня больше интересует не этот вопрос, а более широкая проблема «прав», провозглашение которых всегда сопровождалось оговорками («универсальные» права подразумевали определенные ограничения и исключения). В этом же противоречивом пространстве возник и феминизм, который, по крайней мере во Франции, сначала был в большей степени правовым, нежели социальным. Помещенные в один ряд с иностранцами, меньшинствами, крепостными и пауперами женщины иногда благодаря этому соседству получали право представительства.

Женщины не находились на передовой Французской революции. Вначале их место было в тени, а роли традиционными и вспомогательными: женщины в хлебном марше на Версаль (5 и 6 октября 1789 г.) или участвующие в Празднике федерации[76], объединяющую матерналистскую роль которого восхвалял Мишле. Впоследствии они страдали от пренебрежения, искали и находили союзников: Кондорсе и нескольких жирондистов в 1789 г.; сенсимонистов в 30-х годах XIX

---

[76] **Имеется в виду состоявшийся в Париже 14 июля 1790 году как праздник независимости или объединения, проходивший на Марсовом поле. —** ***Примеч. редактора.***

в.; рабочих в 1848 г.; свободомыслящих, франкмасонов и демократов позднее. Повсюду наиболее естественным и наиболее проблематичным был союз с социализмом, особенно во второй половние XIX в., поскольку социалистические партии на первое место ставили «класс» и не признавали независимые женские организации. Но сотрудничество с мужчинами разрушало молчание женщин, поскольку теперь они могли выбирать своих ораторов. Однако, когда они его предлагали, их забрасывали насмешками. В июне 1848 г. Эжени Нибуайе, уставшая от этой конфронтации, заявила, что «впредь ни один мужчина не будет допущен без рекомендации его сестры или матери» (*La Liberte*, 8 июня 1848 г.), с иронией обратив против противника его же оружие. Женщины, которые не желали подвергаться постоянным ограничениям, должны были создавать свои ассоциации, клубы, созывать собрания, издавать газеты. Мы знаем, что должно было неизбежно из этого последовать.

За реставрацией следовали революции. От Греции эпохи короля Отто до бидермейеровской Германии[77], от Франции Карла X до викторианской Англии традиционалисты старались восстановить порядок и ликвидировать декаданс, который они обвиняли в политической анархии. Подчинение женщин обычно превращалось в составной элемент процесса реставрации. Разве Гражданский кодекс не был хуже обычного права? Так считали не только женщины, но и некоторые юристы. В одном из номеров «Женского журнала» (*Journal des Femmes*) 1838 г. можно было прочесть: «Женщины еще более ограничены в правах, чем при старом режиме». Там, где оптимисты видели прогресс, женщины видели регресс (а социалисты пауперизацию). Они утешали себя антропологической теорией о «первобытном матриархате», а марксисты подкрепили эту теорию выводом о том, что женщины потерпели «историческое поражение». Предательство союзников, репрессии со стороны властей и всеобщее безразличие — все это в совокупности порождало чувство глубокой неудовлетворенности, способствовавшее формированию гендерного сознания у женщин.

Гендерные отношения, таким образом, развиваются в истории как динамический процесс, стимулируемый конфликтами, приводящими к прорывам различной степени значимости. Разве история не развивается рывками, как это обычно представляется в мужских трактовках, безразлично или пренебрежительно отражающих проблемы

[77] Обывательский стиль, распространенный в Германии и Австрии первой половины XIX века. — *Примеч. редактора.*

женщин? В действительности существует целая сеть невидимых связей между этими прорывами. Взаимодействие осуществляется посредством прессы, памяти, прямых контактов матерей с дочерьми, и все это помогает создавать некие группы коллективного сознания, являющиеся основой для формирования общественного мнения. И это, без сомнения, делает необходимым создание гендерной истории общественного мнения.

Перевод О. В. Шныровой

18

Образы феминизма

Анна-Мария Каппели

У феминизма существует множество обликов, поэтому не имеет смысла пытаться найти его отправную точку[1]. Мы можем исследовать его различные формы, фокусируя свое внимание временами на идеях и дискурсах, а временами — на социальных практиках.

В XIX веке лишь иебольшое количество женщии сумели создать свою феминистскую общественную идентичность при помощи своего сочинительства и организационной деятельности. Некоторые, проповедуя дело своего пола, взывали и к правам мужчин. Другие самоутвердились за счет религиозиого диссидентства. Изменения в закоиодательстве в коиечном итоге признали за ними гражданский статус. Суфражистки стремились к новой политической идентичиости. Сорвав покров молчания с сексуальности, они стали выступать за новую мораль. Их борьба за доступ к работе заложила фундамент, необходимый для достижения фннансовой независимости.

В период между Французской революцией и Первой мировой войной феминизм в Европе и Соединенных Штатах Америки проявил себя в разнообразных жеиских движеииях и публикациях. Их требования, а также то враждебиое отношение, которое они вызывали к себе, свидетельствует о том, что «женский вопрос» стал предметом широких общественных дискусснй и нашел свое отражеиие в разнообразных социальных и политических движениях. И если мужчины XIX века

[1] Genevieve Fraisse. "Droit naturel et question de l'origine dans la pensîe fîministe au XIXe sincle", in Judith Friedlander, ed. *Stratégies des femmes* (Paris: Tierce, 1984), p. 375–390.

объединялись на основе принадлежности к определенному классу, то женщины также объединялись, но на основе принадлежности к полу, подрывая тем самым существующие политические модели.

Рождение феминизма

Философия Просвещения снабдила дело феминисток целым арсеналом: идеями разума и прогресса, естественных прав, самореализации личности, позитивного влияния образования, общественной пользы свободы, а также аксиомой равных прав. В 1791 году Олимпия де Гуж требовала, чтобы понятие прав человека включало в себя и женщин, а Мэри Уолстонкрафт положила в основу своей работы «Обоснование прав женщины» (1792 г.) идеи Просвещения и Французской революции. Почва, на которой возник феминизм, в дальнейшем была удобрена социальными идеями протестантизма: рациональный индивидуализм, религиозный индивидуализм, обращенный к обоим полам.[2]. Между тем было достаточно трудно просвещенной буржуазии найти для своих идей социальную и политическую основу. Феминизм же больше полагался на наследие либеральной евангелической традиции, подчеркивавшей специфические качества женщин и их роль в общественной жизни[3], и частично на буржуазную поляризацию мужских и женских характеристик[4]. Женщины, таким образом, учились, как воспользоваться теми преимуществами, которые давала им их власть в частной сфере, равно и как поднять якобы частные проблемы на публичной арене.

Эгалитарное и дуалистическое течение

Теоретическая основа феминизма XIX века базировалась главным образом на двух отличных друг от друга репрезентациях женщины: одна, основанная на идее общности человечества, поддерживала эгалитарное течение; другая, исходившая из идеи вечной женственности, привела к возникновению дуалистического течения. Парадоксальным образом женщины настаивали на равенстве между полами, одновре-

[2] Richard J. Evans. *The Feminists: Women's Emancipation Movement in Europe, America and Australia, 1840–1920* (New York: Barnes and Noble, 1979).

[3] Nancy F. Cott. *The Bonds of Womanhood: 'Woman's Sphere' in New England, 1780–1835* (New Haven: Yale University Press, 1977).

[4] Karin Hausen. "Die Polarisieung der 'Geschlechtscharakter'", in Werner Conze, ed. *Sozialgeschichte der Familie in der Neuzeit Europas* (Stuttgart, 1976), p. 363–393.

меино подчеркивая свое отличне от мужчин. Отсюда феминистки вступили в коифликт между общим и частным: какне качества играют бульшую роль в определении статуса жеищины — человеческие или жеиские?[5].

Приверженцы буржуазиого эгалитарнзма рассматривали закоиодателя в качестве осиовиого двигателя перемеи, а государство как партнера, который призван сглаживать столкиовения интересов. Требоваиие признания женщин в качестве граждан, а также повторяющиеся кампании за политическое равиоправие являлись темн формамн, через которые гуманисты выражали себя. Ссылаясь иа Локка, Мэри Уолстоикрафт заявила о своей оппозиции идее, что женщинам присущи спецнфические добродетели или же что они иаходятся в определеииой, своей сфере. В середиие века Джои Стюарт Милль иастаивал иа том, чтобы принципы, содержавшиеся в американской Декларацин иезависнмости, были распространены и иа жеищин. Его работа «О подчинении жеищии» (1869) была переведеиа иа все европейские языки и стала иастольиой киигой для либеральных феминисток[6]. В течение всего века отдельные феминистки продолжали ссылаться иа рациоиализм Просвещения, причем ие только в отношении вопроса о политических правах женщин, ио и в своей борьбе против двойных стандартов в сексуальных отношениях: так иапример в своей книге "La Causa delle donne" («Жеиское дело», 1876) итальянка Луиза Тоско ссылается как иа Эжени д'Эрикур, так и иа Джоиа Стюарта Милля[7].

И, иаоборот, постепеино утверждавшееся дуалистическое представление о женщине подчеркивало материиские способиости женщины, способиости, которые определялись ие только физическн, ио также психологически и социальио. Особое внимание уделялось вкладу жеищин в культуру. В широкочитаемой в Европе книге «История иравствеииого положения женщин» (1849) современник Милля Эрист Легуве реабилитировал жеиственность. Материнство ои использовал в качестве аргумента для обосиования реформы образования и закоиодательства. В отличие от эгалитаризма в данном случае фундамеитальиой социополитической единицей был ие индивидуум, а супружеская чета и семья[8].

---

[5] Barbel Clemens. *"Menschenrechte haben kein Geschlecht": Zum Politikverstдndnis der bьrgerlichen Frauenbewegung* (Pfaffenweiler: Centaurus, 1988), p. 71.

[6] Diana H. Coole. "J. S. Mill: Political Utilitarian and Feminist", in Diana H. Coole, *Women in Political Thought* (Sussex, 1988), p. 133–153.

[7] Giovanna Biadne. "Primato della ragione e doppia morale, 'La causa della donna' di Luisa Tosco", *Memoria* I (1981): 87–93.

[8] Karen Offen. "Ernest Legouvй and the Doctrine of 'Equality in Difference' for Women", *Journal of Modern History* 58 (June, 1986): 452–484.

Это отличие в интерпретации равноправия привело к появлению двух отличных взглядов на женщин: «женщины-граждане» и «жены и матери». Временами феминистская проблема, казалось, находилась в сфере политики и законодательства, а иногда это было делом общества и этики. Борьба за абстрактные права, мало общего имеющая с повседневными реалиями жизни женщин, иногда парализовывала феминистское движение, в то время как дуалистическая концепция обладала бо́льшим потенциалам в качестве культурной критики, однако скрывала столкновение интересов мужчин и женщин в патриархальном обществе.

Периоды подъема феминизма

Весь XIX век был отмечен периодами подъема феминизма. Иногда волнения ограничивались одним поколением, иногда передавались от одного поколения к другому. Во Франции первые попытки организовать женщин в патриотические клубы во время революции зачахли после авторитаризма наполеоновских лет, положивших конец всем усилиям освободить женщин. В Гражданском кодексе 1804 года, который оказал влияние на юридическое положение женщин во всей наполеоновской Европе, была воплощена идея, что женщина – это собственность мужчины и ее первой задачей является рождение детей. Во время реакции феминизм из интеллектуального течения превратился в социалистическое. Возникшие между 1820 и 1840 годами во Франции и Англии утопические социалистические кружки завершили свой анализ подчиненного положения женщин яростными нападками на брак[9]. Их твердое убеждение в равноправии полов шло рука об руку с верой в нравственное превосходство женщин. Энн Уилер перенесла идеи Сен-Симона в Англию, установив таким образом связь между первыми французскими и английскими социалистами. Важнейшая интеллектуальная база для развития социалистического феминизма была заложена двумя теоретиками английского кооперативного движения – Уильямом Томпсоном и Робертом Оуэном. В своей совместиой работе «Обращение от имени женщин» (1825 г.) Уилер и Томпсон в понятиях утилитаризма высказались за такую трансформацию экономической структуры, которая благоприятствовала бы женщинам. Десятью годами позже Оуэн в серии из десяти лекций «О браке священииков старого безнравственного мира» подверг критике существующий социальный порядок и осудил сексуаль-

[9] Elke Kleinau. *Die freie Frau: Soziale Utopien des frьhen 19. Jhd* (Dьsseldorf: Schwann, 1987).

ные и семейные соглашения. Как отклик на работы и лекции таких последователей Оуэна, как Франсес Райт и Франсес Моррисон, были созданы небольшие коммуны. Следуя оуэнистской модели, принимавшие участие в чартистском движении женщины, которые были организованы на национальном уровне, выступали публично с лекциями в те времена, когда право женщин из среднего класса выступать на публике по-прежнему было новым.

Во многих других европейских странах первые феминистки были связаны с демократическими и националистическими движениями. То, что произошло во Франции в конце XVIII века – присоединение женщин к революции и создание патриотических клубов, – в меньшей степени случилось и в Германии во время революции 1848 года. Свои патриотические рассуждения юная Луиза Отто высказала в "Lieder eines deutschen Mädchens" («Роман о немецких девушках», 1847). В Польше вокруг Нарцисы Змиховской сформировался кружок «энтузиастов». Вдохновленные идеей свободы и равенства, они боролись за лучшее образование и отмену крепостничества. В Италии политическое влияние «прославленных женщин» Рисорджименто исходило из их салонов, в которых частыми гостями были национальные лидеры. Самым известиым был салон Клары Мафеи в Милане. Жена посла единого итальянского государства, Кристина Тривульцио Бельджиозо, основала между 1842 и 1846 годами в Ломбардии институты, построенные на принципах Фурье, а в 1849 году в Риме она управляла больницами и клиниками ради дела. Также в Ломбардии Эстер Мартини Куррика была одним из ведущих организаторов движения Мадзини[10]. В Чехословакии после 1860 года центрами патриотической Праги стали буржуазные салоны, наиболее известными из которых были салоны Каролины Светлы и Августы Браунеровой. Литературный салон Анны Лауермановой помог чешским женщинам освободиться от ига австро-германской культуры и обратиться к Франции за возможной интеллектуальной эмансипацией[11].

Поддержку феминистки находили не только в политических движениях, но и в центрах церковного диссентерства. Собрания квакеров в Америке и Англии в начале и середине XIX века, а также благотворительные организации, распространившиеся в Швейцарии и Голландии в эпоху Пробуждения 1830–1840 годов, позволили женщинам из среднего класса нарушить границы своих традиционных

---

[10] Rachele Farina and Maria Teresa Sillano. "Tessitrici dell'Unita escluse dal Risorgimento", in N. Bortolotti, *Esistere come donna* (Milan, 1983).

[11] Helena Volet-Jeanneret. "La Femme bourgeoise a Prague: 1860–1895: De la philanthropie a l'émancipation", Ph. D. diss., Faculty of Letters, University of Lausanne, 1987, p. 92.

ролей[12]. Высокоразвитое общественное сознание побуждало женщин публично выступать и самоорганизовываться. В 1840-х годах в Германии сторонники Свободного протестантизма (*Freiprotestantismus*) и Германского католицизма (*Deutschkatholizismus*) подняли радикальный вопрос о «женской судьбе». Теоретик-католик по имени Рупп, работавший в Кенигсберге, разработал модель общественной конституции, которая гарантировала женщинам право избирать и быть избранными[13]. Неудивительно, что Луиза Отто рассматривала иемецкое католическое движение в качестве одного из важнейших факторов, которые благоприятствовали эмансипации женщин. И хотя организация феминистского движения была замедлена периодом контрреволюции, она вновь стала активной после Франко-прусской войны 1872 года. Процесс индустриализации, создание политических партий, буржуазная склонность к организации – все это сыграло роль катализатора в консолидации и развитии феминизма с этого момента и вплоть до Первой мировой войны.

Если европейский феминизм первой половины XIX века извлекал пользу из духа революции и религиозиого диссентерства, то феминизм в Соединенных Штатах Америки иосил печать духа пиоиеров. Дочери Свободы, как например Абигайль Адамс, оставались отдельными теоретиками, подобно писательницам эпохи Просвещения, Французской революции и немецкого Vormdrz[14]. В 1830-х годах американки, принадлежавшие к среднему классу, научившиеся самовыражаться в рамках религиозного возрождения, последовавшего за американской революцией, нашли свою «политическую школу» в аболиционистском движении. Как бы там ни было, ио к концу XIX века различные виды феминизма по обе стороны Атлантики стали все больше сближаться друг с другом. Прекрасным показателем успехов феминисток может служить рост женских организаций и печатных органов. Феминистки середины века хорошо это осознавали. В Англии Франсис Кобб отмечала, что «продвижение одного пола в цивилизованиом мире – это, безусловно, уникальный факт в истории, который должеи иметь мгновенную отдачу»[15].

---

[12] Tineke de Bie and Wantje Fritschy. "De 'wereld' van Reveilvrouwen, hun liefdadige activiteiten en het outstaan van het feminisme in Nederland", *De eerste feministische golf* (1985), p. 30–58.

[13] Herrad-Ulrike Bussemer. *Frauenemanzipation und Bildungsbъrgertum, Sozialgeschichte der Frauenbewegung in der Reichsgrъndungszeit* (Weinheim: Beltz, 1985), p. 81.

[14] Домартовский период (до революции 1848 года в Германии). – *Примеч. редактора.*

[15] Frances Power Cobbe (1869), in *The History of Women Suffrage II*, цит. по: Barbara Verena Schnetzler, *Die frъhe amerikanische Frauenbewegung und ihre Kontakte mit Europa (1836–1869)* (Berne: Lang, 1971), p. 113..

Феминистская пресса

Общая модель заключалась в том, что учреждение феминистского журнала шло рука об руку с созданием организации. Газета или журнал становились главной точкой отражения разнообразных баталий, а их содержание позволяет нам разделить различные позиции феминисток.

Периодические издания

Одной из важнейших новых публикаций стал «Журнал англичанки» (Englishwoman's Journal). Выходить он начал в 1859 году по инициативе тех феминисток, которые встречались в Лангем Плейс, ставшем штаб-квартирой таких групп, как например Общество содействия трудоустройству женщин. Одна из редакторов, Эмили Девис, использовала журнал как платформу в своей борьбе по улучшению образования девочек. Сьюзан Б. Энтони использовала редакцию «Революции» (1868–1870 гг.) для организации работниц Нью-Йорка. В этих и иных отношениях газета зачастую была больше, нежели простым инструментом влияния на общественное мнение. La Fronde (выходившая ежедневно с 1897 г. по 1903 г. и ежемесячно с 1903 г. по 1905 г.) стала настоящим органом французской феминистской культуры и отражала на своих страницах образ жизни парижанок. Ее издатель, Маргарита Дюран, была пионером в открытии журнализма как профессии для женщин. Сотрудница Дюран, Каролин Реми, известная как Северин, была первой журналисткой, жившей на доходы от своих статей[16]. Элен Се посещала все парламентские заседания и стала первой женщиной — парламентским корреспондентом. Кроме того, La Fronde создала бесплатный офис по трудоустройству для женщин. Этот феминистско-республиканский ежедневник фигурировал среди ведущих французских и европейских газет своего времени[17].

В то же самое время Клара Цеткин приложила свою руку к созданию газеты, целью которой было повышение уровня политического сознания женщин-работниц. Из Arbeiterin («Работница»), выходившей в 1891 году в Гамбурге, она создала газету немецких, а на деле интер-

[16] Laure Adler. *A l'aube du féminisme, les premiures journalistes (1830–1850)* (Paris: Payot, 1979); "Les fenmies et la presse, France XVIIIe–XXe sincles", *Pénélope* I (June 1979); *Séverine. Choix de papiers*, annotated by Evelyne Le Garrec (Paris: Tierce, 1982); Iren Jami. "*La Fronde*, quotidien ffiministe et son rфle dans la dйfense des fenmes salariйes", M.A. diss., University of Paris I, 1981.

[17] Simone Schьrch. *Les Périodiques féministes. Essai historique et bibliographique* (Geneva: Ecole de Bibliothйcaire, 1942), p. 23.

национальных, женщин-социалисток — Gleichheit («Равенство»), которая постепенно привлекала к себе внимание новых читателей. Среди ее сотрудников числились такие ведущие фигуры социалистического движения, как Анжелика Балабанова, Матильда Вибаут, Г. Роланд-Хольст (Голландия), Хилья Парссинен (Финляндия), Аделаида Попп (Австрия), Инесса Арманд (Россия), Лаура Лафарг, Кати Дункер, Луиза Зейтц и другие. В конце века Лили Браун и Клара Цеткин развернули на страницах газеты реформистскую полемику. Ленин высоко ценил Gleichhei и в сокращенном виде публиковал статьи из нее в российской прессе[18].

Истоки

В истории феминизма женские голоса звучали по разнообразным ключевым проблемам. Первые из известных феминистских газет публиковались в начале XIX века английскими вольнодумцами и французскими сенсимонистами. Женщины, члены организаций, нацеленных на реформирование британского парламента, в открытую оспаривали тиранию церкви и государства. Самая известная из этих женщин, Элизабет Шарплс, последовательница вольнодумного рационализма Карлайла, издавала свою газету *Isis* («Айсис») и писала о «суеверии и разуме, тирании и свободе, нравственности и политике». В июле 1832 года сенсимонисты начинают издавать *La Femme libre* («Свободная женщина»), за которым последовало *La Femme nouvelle, la tribune des femmes* («Новая женщина, женская трибуна»)[19]. Пожертвования, выражение симпатии и поздравления стекались со всей Франции. В газете обсуждалась экономика, политика, образование, проблемы женской работы и свободной любви. Авторы подписывали статьи своими первыми именами не только из-за того, что пытались скрыть свою личность, но и как бы отрицая имена, насильно данные им в браке.

Революция 1848 года послужила стимулом для возникновения ряда женских газет: во Франции — *La Voix des femmes* («Глас женщин») и *L'Opinion des femmes* («Женское мнение»); в Лейпциге Луиза Отто учредила *Frauenzeitung* («Женская газета»), лозунгом которой было: *"Dem Reich der Freiheit werb'ich Bьrgerinnen"* («Я призываю граждан в царство свободы»). Вскоре эти газеты стали мишенью политических репрессий. В это же время феминистская пресса появилась и в Швейцарии. С 1845 по 1849 годы Жозефина Стадлин, последовательница Песталоцци, из-

[18] Fritz Staude. "Die Rolle der 'Gleichheit' im Kampf Clara Zetkins fьr die Emanzipation der Frau", *Beiträge zur Geschichte der Ardeiterbewegung* 16 (1974): 427.

[19] Michelle Perrot. "Naissance du féminisme en France", *Le Féminisme et ses enjeux* (Paris: FEN-Edilig, 1988), p. 41.

давала *Die Erzieherin* («Воспитательница»). В том же 1849 году в Америке появилась первая феминистская газета *The Lily* («Лили»). Инициатива в ее создании принадлежала Амелии Блумер, женщине, которая выступала за реформу одежды (именно она дала имя «блумерам»).

Третья волна в развитии феминистской прессы началась в 1868 году. Мари Гёг-Пушулен издавала *La Solidarité*, первый международный орган феминисток. В Соединенных Штатах Америки после неудачной попытки внести защищающую женские права поправку к Конституции, Сюзан Энтони и Элизабет Стентон в 1868 году начинают издавать свою *Revolution*. В том же году в Италии благодаря усилиям Анны Марии Моццони появляется *La Donna*, газета, которая освещала новости зарубежных феминистских движений[20]. В 1869 году во Франции Леон Рише выпустил *Le Droit des femmes* («Права женщин»), в то время как в Англии Национальная ассоциация леди развернула кампанию по борьбе с регулируемой проституцией при помощи *The Shield*.

Судьба журнализма

По мере умножения числа феминистских организаций росло и количество независимой прессы, даже если большинство изданий были и недолговечными. Многие феминистки мечтали стать журналистками: например Элизабет Стентон стремилась работать в *New York Tribune*, однако с семью детьми мечта эта так и не осуществилась. Однако другим удалось реализовать свои амбиции. К примеру, в 1845 году Маргарет Фуллер была назначена ведущим литературным критиком в *New York Tribune*, став первой женщиной, которая заняла этот пост. Тем не менее потребовалось все же некоторое время, прежде чем феминистки стали оказывать влияние на официальную прессу: Эмма Голдман была подмастерьем в немецкой анархистской газете *Freiheit* («Свобода»), пока в 1906 году не стала издавать *Mother Earth* («Мать-Земля»), свое «избалованное дитя».

Обучение публицистическим приемам письма стало решающим элементом феминизма, элементом, оказавшимся необходимым в борьбе с безразличием. «И тогда мы достали бы наши перья и написали бы статьи в газеты или петиции власти; сочинили бы письма преданным друзьям; воззвали бы к The Lily, The Una («Юна»), The Liberator («Ос-

[20] Franca Alloatti and Mirella Mingardo. "'L'Italia Femminile'. Il florire della stampa delle donne tra Ottocento e Novecent", in Bortolotti, ed., *Esistere come donna* (Milan, 1983), p. 153–158; Maria Pia Bigaran. "Mutamenti dell'emancipazionismo all vigilia della grande guerra — I periodici femministi italiani del primo novecento", *Memoria* 4 (1982): 125–132.

вободитель»), The Standard вспомнить наши обиды и обиды рабов», — вспоминала Стентон[21].

Степень освобождения женщин в каком-либо обществе, а также уровень толерантности по отношению к феминизму в этом же обществе измерены в понятиях роста и приятия феминистской прессы. Первая газета, провозгласившая необходимость предоставления женщинам политических прав, Le Mouvement fйministe, была основана Эмили Гур не далее как в 1912 году, когда она переняла феминистскую колонку, которую Огюст де Морсье публиковал в Signal de Genиve[22]. Негостеприимной к феминизму была и Польша. Единственное женское движение, существовавшее в этой стране в XIX веке, было связано с позитивистским кружком в Варшаве, в котором обсуждались идеи Джона Стюарта Милля, а также с газетой «Истина», издаваемой Александром Свитоховским[23]. Даже во Франции и Германии феминистская пресса пребывала в запутанном состоянии от репрессивных законов, нацеленных на различные политические объединения. Но ситуация в XX веке не всегда была лучше, нежели в веке XIX. Уже в 1914 году Маргарет Сангер была арестована за то, что опубликовала в первом выпуске The Woman Rebel («Бунтовщица») статью в защиту контроля над рождаемостью[24].

Организации

Поскольку проблема освобождения женщин поднималась в философских, литературных и образовательных дискуссиях, то возникла необходимость для мужчин и женщин объединиться в организации, дабы разработать стратегии и подходы к этому социальному вопросу. Некоторые из этих организаций рассчитывали на частную инициативу, в то время как другие агитировали за государственную поддержку.

В первой половине XIX века в Европе наблюдались лишь спорадические акции в пользу женского освобождения, проходившие во вре-

[21] Elizabeth Cady Stanton. *Eighty Years and More* (New York, 1898), p. 165–166. Цит. по: Eleanor Flexner, Century of Struggle: The Woman's Rights Movement in the United States (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959), p. 89.

[22] Anna-Maria Kдppeli. "Le Fйminisme protestant de Suisse romande a la fin du XIXe et a dйbut XXe siиcle", Ph. D. diss., University of Paris VII, 1987, p. 281.

[23] J. Moszczenska. "Die Geschichte der Frauenbewegung in Polen", in Helene Lange and Gertrud Bдumer, eds. *Handbuch der Frauenbewegung* (Berlin: Moeser, 1901): 350–360.

[24] Margaret Forster. *Significant Sisters: The Grassroots of Active Feminism, 1839–1939* (New York: Penguin Books, 1984), p. 255.

мена социальных и политических кризисов: женские клубы в период Французской революции, женщины в сенсимонистских кружках 1830-х годов, французские феминистские клубы и ассоциации иемецких жеищин, принимавших участие в демократических движениях 1848 года. И наоборот, более длительные усилия, нацеленные на организацию женщин на национальном уровне, предпринимались в Соединенных Штатах Америки: еще в 1837 году требования феминисток были озвучены Национальной женской ассоциацией по борьбе с рабством. Это объединение служило моделью для первых организаторов женщин, занятых в текстильной промышленности. В первую очередь это Сара Багли, возглавлявшая борьбу в 1845–1846 годах в качестве лидера Женской ассоциации реформы труда. Из конвенции, принятой в 1848 году в Сенека Фолз, возникла Ассоциация равных прав, просуществовавшая более десяти лет. Американки XIX века продемонстрировали политическую зоркость и организационные навыки, которые они приобрели в борьбе за отмену рабства.

Поскольку во второй половине XIX века европейские государства приобретали свои формы правления, многие феминистки пытались увязать свои объединения с попытками внедрить эгалитарные и республиканские политические системы. Провозглашение во Франции в 1870 году Третьей республики позволило женщинам связать свою борьбу за освобождение с долгосрочной борьбой за природу французского общества; феминистки тем временем создавали многочисленные группы[25].

Либеральные и социалистические объединения

В Германии в 1865–1866 годах женское движение начало концентрироваться вокруг двух конкурировавших друг с другом центров: один либеральный, другой независимый, созданный самими женщинами[26]. Берлинский Союз Летте[27], поддерживаемый либеральной протестантской буржуазией, черпал вдохновение из находившейся в Лондоне ассоциации по продвижению женского труда, а также из парижских экспериментов по профессиональному обучению девочек из высших классов. При помощи воззвания, опубликованного в газетах, группа Летте в 1866 году создало Verein zur Furderung des weiblichen Geschlechts (Союз содействия женскому полу), во главе которого всегда будет стоять мужчина. Данной группе было присуще ограниченное понимание

[25] Laurence Klejman and Florence Rochefort. “Les associations féministes en france de 1871 a 1914”, *Pénélope* II (Autumn 1984): 147–153.

[26] Bussemer. *Frauenemanzipation*, p. 94.

[27] В честь Вильгельма Адольфа Летте (1799–1868), юриста и общественного деятеля. — *Примеч. редактора.*

женского освобождения. В промышленно развитой Саксонии Луиза Отто организовала собрание местных групп, вовлеченных в женское образование и обучение. Эта встреча, названная "Frauenschlacht von Leipzig" («Битва лейпцигских женщин») получила широкое публичное освещение, так как женщины впервые на публике заявили о своем праве выступать и создавать свои организации. Они создали Allgemeinen Deutschen Fraunverein (Всеобщий союз немецких женщин), независимое женское объединение самопомощи. С этого момента и вплоть до Первой мировой войны число местных женских групп в Германии постоянно росло. Некоторые из этих организаций были профессиональными, некоторые — благотворительными. Их цели варьировались от реформы женской одежды и борьбы с алкоголизмом до политического равноправия — все под эгидой Союза немецких женщин[28].

Третьей европейской страной, ставшей свидетельницей огромных усилий по организации женщин в середине XIX века, была Англия. Здесь мы отчетливо видим, как женские объединения возникали в ответ на враждебные женщинам политические меры. В 1866 году Джон Стюарт Милль предоставил в парламент петицию с требованием наделить женщин избирательными правами; несмотря на то что парламент одобрил ее, она была отвергнута премьер-министром Гладстоном. В результате под председательством Лидии Беккер было создано Национальное суфражистское общество. Несколькими годами позднее Джозефина Батлер решила не компрометировать борьбу этого общества за право голоса ведением своей войны с табуированным злом — сексуальной эксплуатацией женщин. С этой целью она создала независимое объединение — Национальную ассоциацию леди.

В такой маленькой стране, как Швейцария, феминистские группы конца XIX века отражали перестройку интересов в рамках плюралистического общества. Дабы справиться со специфическими симптомами социальной нищеты, правительство субсидировало женские объединения самопомощи. Феминизм такого рода взывал в основном к общественному сознанию женщин и оставался зависимым от политических властей[29].

Кампании за женские избирательные права и против регулируемой проституции способствовали возникновению множества организаций и публикаций. Они мобилизовали тысячи женщин, причем не только в тех странах, которые играли ключевую роль в западном феминизме

[28] Ute Frevert. *Frauen-Geschichte: Zwischen bьrgerlicher Verbesserung und neuer Weiblichkeit* (Frankfurt: Suhrkamp, 1986), p. 110.

[29] Beatrix Mexmer. *Ausgeklammert – Eingeklammert, Frauen und Frauenorganisationen in der Schweiz des 19. Jhd* (Basel: Helbling and Lichtenhahn, 1988), p. 150.

(Соединенные Штаты Америки, Англия, Франция и Германия), но и в других европейских странах, а также и на международном уровне[30]. Очевидно, что эти кампании рассматривались как движения, борющиеся *за* права, в то время как другие полагали себя движениями, выступающими *против* нарушения закона. Не имевшие права голоса женщины вступали в ассоциации, дабы создать свою общественную идентичность. Они использовали весь арсенал демократических средств: прессу, петиции, конференции, митинги, парады, банкеты, выставки, а также национальные и международные конгрессы, которые увеличивали обмен между феминистками и способствовали созданию трансевропейской сети.

По аналогии с этой либеральной сетью вторая сеть социалисток была построена на основе классового альянса. Классовый антагонизм был наиболее очевиден в Германии: долгое время запрещенные антисоциалистическими законами ассоциации работниц присоединились к социалистической партии сразу же после отмены ограничений в 1890 году. Когда принадлежавшие к буржуазии женщины, как либеральные, так и консервативные, создали в 1894 году Альянс немецких женских объединений, ассоциации женщин-работниц в него не вошли. Разрыв между социалистками и буржуазными женщинами произошел в 1896 году на открытии Международного феминистского конгресса в Берлине. Социалистки организовали свой конгресс и отказались сотрудничать с буржуазным женским движением даже в их общем направлении — борьбе за право голоса. Они поддерживали свою организацию внутри социалистической партии и регулярно проводили женские конференции[31].

Международная работа

По мере того как феминистки обменивались опытом в прессе, во время встреч и международных конгрессов, некоторые стали стремиться к созданию федеральной модели как на национальном, так и на международном уровне[32]. Кроме того, феминистское сознание преодолевало границы государств при помощи переводов на многочисленные европейские языки таких классиков, как Джон Стюарт Милль, и его работу «О подчинении женщин» (1869 г.), а также Августа Бебеля и его «Женщину и социализм» (1883 г.), которая зачастую переводилась по

[30] Evans. *The Feminists*.

[31] Herrad Schenk. *Die feministische Herausforderung, 150 Jahre Frauenbewegung in Deutschland* (Munich, 1988), p. 52.

[32] Richard J. Evans. "Appendix: International Feminist Movements", in Evans. *The Feminists*, p. 52.

оригинальному изданию 1879 года под названием «Женщина в прошлом, настоящем и будущем».

Первая попытка организации женщин на международном уровне была связана с европейским демократическим пацифизмом, когда в 1868 году Мари Гёг-Пушолэн на страницах Les Etats-Unis d'Europe опубликовала призыв к созданию Женской международной ассоциации. Три года спустя она стала жертвой репрессий, последовавших за падением Парижской коммуны[33].

Большего успеха добилась в Женеве Джозефина Батлер. Благодаря поддержке мужчин-протестантов и организационным талантам политика-масона Эме Гумберта в 1875 году она основала Британскую континентальную и всеобщую федерацию по отмене государственного регулирования порока. Данная организация существует до сих пор под названием Международная аболиционистская федерация[34].

Другая международная инициатива исходила от американских женщин. Приезд в Европу Элизабет Стентон и Сюзан Энтони, а также успех Международного женского христианского союза трезвости, привели к созданию в Вашингтоне в марте 1888 года (сорокалетний юбилей принятой в Сенека Фолз декларации) Международного женского совета[35]. В самом начале это была просто американская организация. Потребуется время, чтобы другие страны создали свои национальные советы. Когда в 1900 году президентом Международного женского совета была избрана графиня Абердина, это стало знаком не только растущей независимости от американского влияния, но и контроля над умеренным феминизмом со стороны политического истеблишмента. До начала Первой мировой войны были созданы многочисленные национальные советы: в Канаде (1893 г.), в Германии (1894 г.), в Англии (1895 г.), в Швеции (1896 г.), в Италии и Голландии (1898 г.), в Дании (1899 г.), в Швейцарии (1900 г.), во Франции (1901 г.), в Австрии (1902 г.), в Венгрии и Норвегии (1904 г.), в Бельгии (1905 г.), в Болгарии и Греции (1908 г.), в Сербии (1911 г.), в Португалии (1914 г.) Общей проблемой на международном уровне была легитимация участия женщин в политике и, отсюда, строгое соблюдение парламентской процедуры. Те, кто желал работать в направлении более специфической цели — женского избирательного права, чувствовал себя стесненным Международным женским советом. В 1899 году ходили разговоры о создании отдельной организации, а разрыв наступил на берлинском конгрессе

---

[33] Franca P. Bortolotti. *La Donna, la pace, l'Europa, l'Associazione internationale delle donne dalle origini all prima guerra mondiale* (Milan: Franco Angeli, 1985), p. 39.

[34] Kдppeli. "Le Fйminisme protestant de Suisse romande".

[35] Marie-Helene Lefaucheux. *Women in a Changing World* (London, 1966).

в 1904 году. Международный женский суфражистский альянс во главе с радикальной американкой Кэрри Чепмен Кэтт завоевал поддержку суфражистских организаций в разных странах. Альянс оказался динамически развивающейся группой, но был представителем меньшинства женщин[36].

Две эти организации сыграли важную роль не только в том, что установили контакты между феминистскими объединениями в различных странах, но и в том, что способствовали возникновению новых групп. Выражали ли они общие требования или же концентрировались на конкретных проблемах — трезвость, устранение проституции, социализм, — эти международные организации позволяли своим членам почувствовать себя частью обширного течения мирового мнения. Организации усиливали уверенность своих членов в себе и веру в неизбежность победы.

Текущие события давали и новые темы. Например, первая международная демонстрация пацифисток, организованная немкой Маргаритой Селенка при поддержке австрийки Берты фон Суттер, была проведена в 1899 году в Гааге. Ораторы провозгласили, что «женский вопрос» и «вопрос мира» неразделимы: «Оба они являются сутью борьбы за власть закона и против закона власти»[37].

Межкультурная динамика: путешествия и ссылки

Межкультурная динамика, порожденная феминизмом XIX века, не ограничивалась институционализацией международных связей, и это не следует недооценивать. Поездки отдельных феминисток и эмиграция привели к формированию феминистского сознания. К примеру, шведская писательница Фредерика Бремер (1801–1865) регулярно посещала Америку, начиная с 1849 года. Ее короткий рассказ «Герта», опубликованный в 1856 году, содержит отчетливые следы опыта американских феминисток[38]. Подобным же образом репутация и символическая власть американского феминизма отражаются на страницах газеты *Nylaende* («Новые границы»), издаваемой с 1887 года Норвежским феминистским обществом (*Norsk Kvinnesaksforening*).

Заграничные контакты поддерживались благодаря не только эмиграции, но и ссылки. Анжелика Балабанова проповедовала фе-

[36] Evans. The Feminists, p. 252.

[37] Gisela Brinker-Gabler. “Einleitung”, in Gisela Brinker-Gabler, ed. *Frauen gegen den Krieg* (Frankfurt: Fischer, 1980), p. 19–20.

[38] Janet E. Rasmussen. “Sisters Across the Sea: Early Norwegian Feminists and Their American Connections”, *Women’s Studies International Forum* 5, 6 (1982): 647–654.

минтский социализм среди итальянских и швейцарских рабочих на страницах газеты *Su Compagne!* («Товарищ, давай!»), которую она издавала в 1904 году, находясь в ссылке в Лугано. В Швейцарии русские студенты-медики поддерживали связь с феминистскими группами в Цюрихе.

Менее эффектиой, но тем ие менее важиой формой межкультурных связей была медицина. Мусульманок лечили жеищины-врачи, такие как Анна Байерова в Боснии[39] и русские женщины-врачи[40].

Требования

Феминистская пресса и организации принимали участие во миогих дискуссиях об эмансипации, освобождении и равных правах – демократических цениостях, находившихся в противоречии с репрезентацией женщины в качестве второстепенного юридического лица и с сексуальным рабством. Борьба феминисток в сфере законодательства была нацелена на фундаментальные измеиения юридических и политических условий.

Законодательство

Критика феминисток была направлена иа зависимость в браке: иа право мужа решать все дела, касающиеся обоих супругов; его право распоряжаться и пожинать плоды собственности жены; исключительные родительские права отца. Кроме того, оии критиковали несправедливое отношение к незамужним матерям и их детям, а также легализованную, регулируемую проституцию. Феминистки выступали за право иа высшее образование, право голоса и равиой оплаты за равный труд.

Выдвижеиие в качестве приоритетной задачи решение законодательиых вопросов имело радикальный эффект[41]. Анита Аугспург, юрист радикальиого крыла иемецкого жеиского движения по юридическим вопросам, была убеждена в том, что «жеиский вопрос в зиачительиой степеии вопрос экономики, ои также может быть, даже больше, культурным вопросом, но, помимо всего, это вопрос закона, так как только на основаиии писанных закоиов мы можем

[39] Volet-Jeanneret. "La Femme bourgeoise a Prague", p. 244.
[40] M. Bessmertny. "Die Geschichte der Frauenbewegung in Russland", in Lange and Bдumer, eds. *Handbuch der Frauenbewegung* (Berlin: Moeser, 1895), p. 345.
[41] Ute Gerhard. "Bis an die Wurzeln des Uebels", *Feministische Studien* 3, 1 (May 1984): 77.

требовать его надежного решения»[42]. Репрессивные законы против политической деятельности сужали набор средств, необходимых для борьбы, ограничивая их тем, что Клара Цеткин назвала «героизмом петиций» (*Petitionsheldentum*).

В конце XIX века основной задачей феминисток становится борьба за избирательные права. Для радикалов это было не просто вопросом равноправия, но необходимым условием достижения равных прав в общественной и частной жизни. Для умеренных суфражизм оставался отдаленной целью, той, которая увенчала бы все их усилия: сначала они должны были бы заслужить это право, получив лучшее образование и доказав, что они способны на полезную общественную деятельность. Сначала они должны были бы переступить порог «компетентности»[43]. В отличие от немецких и английских радикальных суфражисток начала XX века, американки считали, что суфражизм, наследник революционной традиции, утопического социализма и борьбы против рабства, утратил в конце XIX века свою политическую способность изменить общество[44]. Очевидно, для женщин было недостаточно достичь равного с мужчинами юридического статуса. Юридические требования женщин имели смысл только тогда, когда они ставили под сомнение всю структуру власти.

Образование и обучение

В большинстве европейских стран требование доступа к образованию занимало приоритетное место среди прочих феминистских требований. Те, кто требовал лучшего образования для девочек и женщин отмечали, что знание незаменимо в жизни[45]. Утверждалось, что женщины, поскольку они ответственны за воспитание детей, играют ключевую роль в развитии цивилизации. Они не могут достичь экономической независимости, не овладев профессиональными навыками. С конца XVIII века женская психология была предметом дискуссий: такие интеллектуалы, как Мэри Уолстонкрафт и Жермена де Сталь, исследовали взгляды Руссо. Другие участники дискуссии включали в себя таких республиканцев, как маркиз де Кондорсе и Теодор Готлиб фон Гиппель. В первой половине XIX века образование рассма-

---

42 Anita Augspurg. "Gebt acht, solange noch Zeit ist!" *Die Frauenbewegung*, p. 4.

43 Maria Pia Bigaran. "Progetti e dibattiti parlamentari sul suffragio femminile: da Peruzzia Giolitti", *Rivista di Storia Contemporanea* I (1985): 50–82.

44 Ellen Carol Du Bois, ed. *Elizabeth Cady Stanton, Susan B. Anthony, Correspondence, Writings, Speeches* (New York: Schoken, 1981), p. 193.

45 Ilse Brehmer et al. *Frauen in der Geschichte*, IV, "Wissen heist leben" (Dьsseldorf: Schwann, 1983).

триваλось иа осиове социаλьиой роλи женщины, роλи, которую феминистски от револющии к револющии понимаλи по-иовому. Во второй поλовине данная проблема постепенно стаλа вопросом доступа женщин к средиему и высшему образованию, а также профессиоиаλьиому обучению. На протяжеини всего века предпринимаλись эксперименты предоставить образование женщинам всех сословий: от Бедфордского Дамского колледжа (1849 г.) под руководством Элизабет Джессе Рейд[46] до Союза римских женщии (1904 г.), созданного по инициативе социаλистки Сибиλλы Алерамо и проводившего вечерние курсы для иеграмотных крестьянок[47]. Женщины ие ждаλи утешения от государства. Наоборот, они создаλи свои учебиые заведеиия и разработаλи в них свой учебный план. В иачале XX века миогие европейские феминистки, вдохновленные американским опытом, стали выступать за совместное обучение и половое воспитание[48]. Таким образом, каждое поколение заново формулировало вопрос о содержании жеиского образования.

Пищу для размышлеиий дает и постоянное стремление феминисток стать педагогами. Создается впечатление, как будто исключение политического и экоиомического статуса женщин из буржуазиой социальной схемы оставил феминисткам лишь одну сферу, в которой онн могли взять реванш, — образование. Таким образом, оии эксплуатировали власть, данную им «природой», и превратили образование в свою первую профессиоиальную работу. Типичиой феминистской моделью становится иезамужняя школьиая учительница, которая ухитряется жить, ие завися в финансовом отношеиии от мужа. Множество иаставниц среди третьего поколения феминистских лидеров представляет все сегмеиты политического спектра: иемки Елеиа Ланге (1848–1930), Мина Кауер (1842–1922), Клара Цеткин (1857–1933), Анита Аутспург (1857–1943), Гертруда Бёмер (1873–1954); австрийка Августа Фикерт (1855–1910); швейцарка Эмма Граф (1881–1966); итальянки Мария Гиудичи (1880–1953), Аделаида Коари (1881–1966) и Линда Мальнати (1885–1921), а также множество других. Кроме того, организации школьных учительниц первыми сформулировали требование «равиой платы за равный труд» и выдвинули из своих рядов множество активисток в помощь суфражистскому движению. Они также играли основную роль в распространеиии феминизма вдали от главных европейских городов[49].

---

[46] Philippe Levine. “Education: The First Step”, in Philippe Levine. *Victorian Feminism 1850–1900* (London: Hutchinson, 1987), p. 26–56.

[47] Sibilla Aleramo. *La donna e il femminismo* (Rome: Riuniti, 1978), p. 26.

[48] Madeleine Pelletier. *L'Education féministe des filles et autres texts* (Paris: Syros, 1978).

[49] Laurence Klejman and Florence Rochefort. “La Province a l'heure du ffminisme”, in Klejman and Rochefort, eds. *L'Egalté en marche: Le féminisme sous la*

Самоопределение тела

Феминисткам было трудно поднимать проблемы, касающиеся тела, на публике. Они начали с того, что сконцентрировались на вопросах гражданского законодательства, например на проблеме развода[50]. Позднее социалисты-утописты в 1830-х годах и анархисты в начале XX века развернули более радикальную кампанию против института брака[51]. В 1913 году Александра Коллонтай чествовала новую женщину: незамужнюю, гордую своей внутренней силой, не желающую жертвовать своей жизнью ради любви или страсти. В то время большинство феминисток, вне зависимости от того, к какому крылу феминистского движения они принадлежали, были незамужними. Если некоторые рассматривали обращение «мисс» как дань их физической и нравственной целостности, то большинство феминисток настаивали на том, чтобы к любой женщине старше восемнадцати лет обращались «миссис»[52].

Многие замужние женщины были согласны с позицией феминисток по вопросу о контроле над рождаемостью, которая была разработана в контексте нового образа сексуальности. В Соединенных Штатах Америки общества нравственного образования, возникшие в 1870-х годах, продвигали концепции «самообладания» и рационализации сексуального желания. Самым настойчивым голосом в этой юридической и образовательной кампании был голос Люсинды Чендлер.

Примерно в это же время в Англии Джозефина Батлер развернула кампанию по борьбе с государственным регулированием проституции. Проблема сексуальности рассматривалась с точки зрения не только нравственности, но и науки, политики и экономики[53]. Настаивая на опасностях, которыми грозит сексуальность, активистки кампании надеялись заставить мужчин и женщин смотреть на половое воздержание как на противоядие от двойного стандарта. Таким образом, лозунгом феминисток в последней четверти XIX века стала «социальная чистота». С началом XX века женщины получили возможность выработать более позитивное отношение к сексуальности. Частично это объяснялось тем, что первое поколение женщин-врачей

troisiume République (Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques et des Femmes, 1989), p. 175–182.

[50] Susan Groag Bell and Karen M. Offen. *Women, the Family, and Freedom*, vols. 1 and 2 (Stanford: Stanford University Press, 1983).

[51] Kleinau. *Die freie Frau.*

[52] Klejman and Rochefort. *L'Egalté*, p. 314.

[53] Judith R. Walkowitz. *Prostitution and Victorian Society: Women, Class, and the State* (Cambridge: Cambridge University Press, 1980).

продемонстрировало, каким образом при помощи научного знания женщины могут осуществлять контроль над собственным телом. Работа этих женщин-врачей помогала другим женщинам преодолеть страх и невежество в отношении своей физической природы. С другой стороны, немалую роль сыграли и разнообразные неомальтузианские организации, которые стали пропагандировать различные методы контрацепции. Но это по-прежнему было скользкой дорожкой. Так, Анни Безант, член Английской мальтузианской лиги, была арестована в 1877 году после публикации своей книги о контроле над рождаемостью[54].

Страх вызывало отделение сексуального наслаждения от продолжения рода. Алетта Якобс, которая вместе со своим мужем основала в 1881 году Нидерландскую неомальтузианскую лигу, вышла из нее, так как считала, что анализ ситуации, проводимый членами лиги, был основан исключительно на экономике. Будучи феминисткой и врачом, она продолжала давать бесплатные медицинские консультации в рабочих пригородах Амстердама. Она беседовала с женщинами о методах контрацепции и учила их пользоваться маточным кольцом, чем вызвала обвинения со стороны большинства коллег-мужчин[55].

Спустя тридцать лет, после того как неомальтузианство пришло в Англию, Поль Робен принес его идеи во Францию, где оно встретило враждебный прием со стороны противников ограничения роста населения. Еще в 1902 году идеи Робина защищали Нелли Руссель, Мадлен Пеллетье, Габриэль Пти и Клэр Галишан. Тем не менее лишь доктор Пеллетье с совершенной логической последовательностью защищала право на аборт[56]. Тем временем в Женеве неомальтузианская группа распространяла трехъязычное издание «Интимной жизни» (1908–1914 гг.) и продвигала идею планированного родительства. Единственными швейцарскими феминистскими изданиями начала XX века, в которых обсуждалась проблема контрацепции и абортов, были L'Exploitée («Угнетенная», 1907–1908 гг.) и его немецкий двойник Die Vorkämpferin (1906–1920 гг.), оба издавались секретарем Швейцарского синдикалистского союза Маргаритой Фаас-Хардеггер[57].

В Америке Маргарет Сангер и Эмма Голдман распространяли в нарушение закона идеи контрацепции и были в числе тех немногих феминисток, которые выдвинули накануне Первой мировой войны эту

---

[54] Sheila Rowbotham. *Hidden from History* (London: Pluto Press, 1980).

[55] Wantje Fritschy, Floor Van Gelder, and Ger Harmsen. "Niederlande", in Ernest Bornemann, ed. *Arbeiterbewegung und Feminismus, Berichte aus vierzehn Ländern* (Frankfurt: Ullstein, 1981), p. 132–133.

[56] Klejman and Rochefort, eds. *L'Egalté*, p. 327.

[57] Ursula Gaillard and Annik Mahaim. *Retards de rugles* (Lausanne, 1983).

проблему на передний план[58]. Английские феминистки, принимавшие участие в кампании за установление контроля над рождаемостью и аборты, например Стелла Браун и Мэри Стоупс, были также вовлечены и в движение за сексуальную реформу. Они также имели смелость обсуждать проблемы женского гомосексуализма в научном контексте[59]. В Германии ряд отдельных феминисток отмечали клеймение гомосексуализма, но никакая политическая организация лесбиянок не была возможна в консервативной атмосфере предвоенного евангелического и «материнского» феминизма[60].

Было проще бороться с тиранией моды и корсетами. Некоторые феминистки предложили новую женскую моду. Борьба за свободу тела была лишь одним аспектом феминистской культуры, которая, помимо прочего, испытала на себе влияние вегетарианства и движения в защиту животных. В Соединенных Штатах Америки в 1878 году была создана Лига свободной одежды. В конце века эта идея распространилась и в Европе. В 1899 году женщины Нидерландов основали *Vereeniging voor Verbetering van Vrouwenkleding* (Организация по улучшению женской одежды)[61]. Обычно освобождение женского тела от громоздкой одежды шло рука об руку с распространением женской атлетики.

Нравственность

В большей степени, нежели тело, значение для феминисток XIX века имели отвага и добродетель. Духовный и социальный материализм, отстаиваемый педагогами, гуманитарная деятельность первых медсестер, благотворительность, стоявшая у истоков профессиональной социальной работы, – все эти вещи взывали к женской отваге и добродетели, подчеркивая их общественную миссию. Недовольство и бунт неизменно начинались со страданий и чувства несправедливости. Флоренс Найтингейл объясняла это следующим образом: «Зачем женщины демонстрируют свой энтузиазм, интеллект и нравственность и занимают место в обществе, где ни одно из этих качеств не может быть с пользой использовано? Я должна стремиться улучшить жизнь женщин»[62].

---

[58] Forster. *Significant Sisters*, p. 241.

[59] Sheila Jeffreys. *The Spinster and Her enemies: Feminism and sexuality, 1880–1930* (London: Pandora, 1985), p. 102.

[60] Ilse Kokula. *Weibliche Homosexualitdt um 1900 in zeitgenyssichen Dokumenten* (Munich: Frauenoffensive, 1981), p. 42.

[61] Carin Schnitger. "'Ijdelheid hoeft geen ondeugd te zijn'. De Vereeniging voor Verbetering van Vrouwenkleding," *De eerste feministische golf*, p. 163–185.

[62] Florence Nightingale. *Suggestions for Thought to Searches after Religious truth*. Цит. по: Ray Strachey. *The Cause* (London: Virago, 1979), p. 27; Martha Vicinus and Bea Nergaard. *Ever Yours, Florence Nightingale: Selected Letters* (London: Virago, 1989).

Опыт работы медсестрой во время Крымской войны привел ее к открытию школ для медсестер. Для некоторых феминисток миссия «спасти мир», уходившая корнями глубоко в евангелическую традицию, приняла форму кампании по распространению цивилизованных ценностей. Вкратце это было выражено протестантской феминистской Эмили де Морсье, которая в 1899 году в Париже созвала Международный конгресс женского труда. Она предложила противовес политическому феминизму и заново определила сферу действия феминисток по отношению к мужчинам: «Мы никогда не станем оспаривать часть вашей славы, если мы займем место бок о бок с вами в работе по улучшению общества, потому что для нас, женщин, отчизна — это где каждый страдает»[63]. Исторически профессионализация социальной работы вписывала благотворительную деятельность в процессе женского освобождения. К концу XIX века установились связи между некоторыми благотворительными и суфражистскими объединениями.[64].

Если благотворительность, как она осуществлялась в Англии и Соединенных Штатах Америки, была способом преодоления конфликта между феминизмом и буржуазным обществом, то немецкая концепция духовного материнства (geistige Mьtterlichkeit) оказалась еще более эффективной. Не вступая в открытый конфликт, половой дуализм искусно вытеснил эгалитарную трактовку. Так, в 1882 году Генриетта Гольдшмит отмахнулась от феминистской критики и поставила женское движение на службу политической стабилизации: «Духовное возвышение естественной профессии женщины не ведет только лишь к сознательному пониманию семейных обязанностей; это также ведет и к открытию того, что культурное назначение женщины состоит в пробуждении «материнского сердца» у наших низших слоев и преобразовании инстинктивной и пассивной роли в роль созидательную, равноценную по своей важности роли мужчин»[65]. Таким образом, материнская добродетель женщины была увязана с добродетелью гражданской. Пятнадцать лет спустя Елена Ланге разработала концепцию культурной эмансипации, весьма удаленную от понятия прав человека. Ссылаясь на Георга Зиммеля, она возродила духовное материнство как идеал женского образования и как критику культурной отчужденности[66]. В своей консервативной версии,

[63] Kдppeli. "Le Fйminisme protestant de Suisse romande", p. 225.

[64] Francoise Ducrocq. "Les Associations philanthropiques en Grande-Bretagne au XIXe siиcle: Un facteur d'йmancipation pour les femmes de la bourgeoisie?" *Pénélope* II (Autumn 1984): 71–77.

[65] Bussemer. *Frauenemanzipation*, p. 246.

[66] Barbara Brick. "Die Mьtter der Nation: Zu Helene Lange Begrьndung einer 'weiblichen kultur'", in Ilse Brehmer et al. *Frauen in der Geschichte* (Dьsseldorf:

которая мифологизировала материнство, данная форма культурного сопротивления была симптомом постепенного исключения из общества женственного[67].

Кроме того, феминистки возвращались к вопросам нравственности, дабы решить проблему сексуальных связей в браке и вне его. Начало как XIX, так и XX веков казались благоприятными моментами для выработки новых этических кодов: в начале XIX века разработанная Фурье психология человеческих страстей предложила новую мораль, которая разнообразила возможности любовных связей[68]. В начале XX века радикальные немецкие и австрийские феминистки выступали за новую сексуальную этику, которая реабилитировала незамужних матерей. Тем временем нравственная добродетель чествовалась теми женщинами, которые поддерживали устранение легализованной проституции. В своей борьбе против двойных стандартов они утверждали, что мужчины берут женское воздержание в качестве модели. «Этические» феминистки верили, что общество может достичь более высокого нравственного уровня при помощи сотрудничества мужчин и женщин. Французские соратники Джозефины Батлер утверждали, что «закон — это еще не вся справедливость; справедливость — это нравственность», и при помощи статей в "Revue de Morale progressive" («Обзоре прогрессивной нравственности», 1887–1892 гг.) и "Revue de Morale sociale" («Обзоре социальной нравственности», 1899–1903 гг.) они пытались воздействовать на общественное мнение[69].

На двойные стандарты нападали также Роза Майредер (1858–1938) в Вене и Елена Штокер (1869–1943) в Берлине. Тем не менее в отличие от аболиционистов они стремились реабилитировать женскую сексуальность и эротизм[70]. В основанном в 1894 году Венском этическом обществе Майредер разработала то, что она назвала «светской этикой». Начиная с 1905 года Штокер в качестве своих пропагандистских платформ использовала Союз для охраны материнства и сексуальной

Schwann, 1983), p. 99–132; Marianne Ulmi. *Frauenfragen-Mдnnergedanken. Zu Georg Simmels Philosophie und Soziologie der Geschlechter* (Zьrich: efef-Verlag, 1989); Suzanne Vromen. "Georg Simmel and the Cultural Dilemma of Women", *History of European Ideas* 8, 4 and 5 (1984): 563–579.

[67] Ulrike Haas. "Zum Verhдltnis von Konservatismus, Mьtterlichkeit und dem Modell der neuen Frau", in Barbara Schaeffer-Hegel and Barbara Wartmann, eds. *Mythos Frau* (Berlin: Publica, 1984), p. 81–87.

[68] Kleinau. *Die freie Frau*, p. 50.

[69] Kдppeli. "Le Fйminisme protestant de Suisse romande", p. 289.

[70] Ann Tylor Allen. "Mothers of the New Generation: Adele Schreiber, Helene Stцcker, and the Evolution of a German Idea of Motherhood, 1900–1914", *Signs* 3, 10 (1985): 418–438.

реформы (*Bund fыr Mutterschutz und Sexual reform*), а также журнал *Die Neue Generation* («Новое поколение»). Она подчеркивала необходимость улучшения условий для незамужних матерей и незаконнорожденных детей и выступала за юридическое и социальное признание внебрачных сексуальных связей. Однако в 1910 году Союзу было отказано в членстве в Альянсе немецких женских объединений. Даже те радикалы, которые прежде поддерживали «новую этику», отреклись от позиции Штокер по вопросу о свободной любви. Сублимация сексуальности как нравственной добродетели исключала любое утопическое движение в сторону сексуальной свободы.

Экономическая независимость

Борьба феминисток за экономическую независимость прошла в своем развитии несколько этапов. При поддержке юристов и политиков женщины из буржуазных слоев боролись за право замужней женщины распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению. Такие законы были приняты в Америке в 1848 году и в Англии в 1882 г. Швейцарский юрист Луи Бридель написал докторскую диссертацию о супружеской власти (1879 г.) А в Италии в 1907 году Женский национальный конвент включил этот вопрос в свою феминистскую программу-минимум.

Прежде чем добиться права на работу, женщина из буржуазной среды должна была побороть предрассудки. В некоторых странах буржуазное женское движение потребовало эмансипации прежде, чем это сделали женщины-работницы. В 1865 году Альянс немецких женских объединений удвоил свое требование эмансипации требованием профессионального обучения. Во Франции первый публичный феминистский митинг в 1868 году поднял вопрос о женском труде. В Швейцарии вплоть до начала XX века право женщин на работу было исключено из требований либеральных протестантских групп. Только лишь в 1921 году на Втором национальном конгрессе женских интересов швейцарские феминистки приняли принцип права женщины на работу и принцип «равной платы за равный труд»[71]. В Соединенных Штатах Америки экономический аргумент в пользу права голоса для женщин заменил те аргументы, которые основывались на естественном праве и дуализме (Шарлота Перкинс Гилман. «Женщины и экономика», 1898). С целью повышения престижа женского труда были организованы крупные выставки. Проходили они в разное время и в разных

[71] Elizabeth Joris and Heidi Witzig, eds. *Frauengeschichte(n)* (Zыrich: Limmat-Verlag, 1986), p. 189–190.

странах: в 1868 году в Берлине Союз Летте организовал женскую индустриальную выставку; в Гааге в 1893 году была открыта *Nationale Tentoonstelling van Vrouwenarbeid*[72]; в 1902 году в Париже свои двери для посетителей открыла Международная выставка женских искусств и ремесел; в Швейцарии только лишь в 1928 году была организована Выставка женского труда (SAFFA). К концу XIX века профессиональные женские объединения стали выражать интересы конкретных групп.

Работе приписывалась мощная освободительная сила: «Вся эволюция женского труда отчетливо демонстрирует каждому, кто не слеп и не претворяется таковым, что ни одно из явлений современного мира не имело такого революционного эффекта»[73]. Тем не менее для женщин-работниц основная проблема заключалась не в праве на работу, а в их эксплуатации как работниц. Среди их требований находился и запрет ночной работы, восьмичасовой рабочий день, доступ к должности фабричных инспекторов, запрет детского труда, борьба с проституцией и т. д.

Меньше внимания уделялось домашнему труду. Апеллируя к Фурье, лишь первые социалистки-феминистки по-прежнему рассматривали домашнюю работу в качестве производительного труда. В 1879 году на Конгрессе рабочих в Марселе лишь Ю. Оклер высказалась за оплату домашнего труда. В своей работе «Женский труд и домашнее хозяйство» ("Frauenarbeit und Hauswirtschaft"), написанной в 1901 году, немецкая социалистка Лили Браун предложила рационализировать домашний труд. Предложение чешским женщинам организовать движение, центральным вопросом которого была бы проблема домашнего труда, поступило от мужчины: Войта Фингерхут-Нарпштек, основатель Пражского музея промышленности, развернул крупную кампанию по применению домашних приборов, экономящих труд, и рекомендовал женщинам взять в качестве модели американский дом. В 1862 году он обратился с призывом к инженерам посвятить «свои способности и гений не только нуждам тяжелой промышленности, но и домашним потребностям»[74].

Проблема домашнего труда вернулась на повестку дня феминисток вновь в начале XX века, что связано было с нехваткой домашней прислуги. Шведская феминистка Эллен Кей снова предложила идею оплаты домашнего труда.

Борьба за экономическую независимость не имеет конца. Даже если женщины займут свое место в экономике, они станут жертвами

---

[72] Mirjam Elias. *Drie Cent in het urt* (Amsterdam: FNV Secretariaat, 1984).

[73] Lily Braun. *Die Frauenfrage. Ihre geschichtliche Entwicklung und ihre wirtschaftliche Seite* (Leipzig, 1901), p. 278.

[74] Volet-Jeanneret. "La Femme bourgeoise a Prague", p. 167.

«двойного дня» (рабочий день плюс работа по дому) и отсутствия социальной политики. Поэтому в начале XX века борьба за право на работу стала смешиваться с борьбой против половой дискриминации.

Стратегии и альянсы

Стратегии и альянсы варьировались от реформизма до радикализма. В Соединенных Штатах Америки в середине XIX века феминизм являлся частью реформистской буржуазной стратегии, нацеленной на реконструкцию американских институтов в соответствии с рационалистской эгалитарной линией[75]. «Жизненными вопросами» для этого реформистского движения были вопросы гражданского общества. Феминистки стремились и получили определенную власть в частной сфере. В конце XIX – начале XX вв. некоторые американские феминистки стали смещаться в сторону сепаратистской политической стратегии, которая подчеркивала различия; корнями данная стратегия уходила в культуру женщин из среднего класса. Женские клубы восприняли идею гражданского общества и поощряли женщин воспринимать себя как граждан, а не только как простых жен и матерей. Эта стратегия оказалась настолько далекоидущей, что упадок американского феминизма после получения женщинами избирательных прав в 1920-х годах увязывался некоторыми с всеобщим обесцениванием женской культуры[76]. Из этой же сепаратистской тенденции черпал свое вдохновение и феминизм лесбиянок.

В Европе тактика колебалась между либеральным реформизмом и социал-протестантским морализмом. Подъем социализма с его организационной тактикой и методами пропаганды способствовал формированию более агрессивного феминистского подхода[77]. Активистки сконцентрировались на четырех сферах: пропаганда, гражданское неповиновение, активное ненасилие и физическое насилие. В начале XX века наиболее радикальные феминистки переняли уже оправдавшую себя тактику социалистов – уличные демонстрации, плакаты, лозунги, цветы, нападки на противников, – чем и заслужили свое имя «милитантки». Современные техники пропаганды передавались устно и получали широкое распространение (Розиска Швиммер и ее сторонники

[75] William Leach. *True Love and Perfect Union: The Feminist Reform of sex and Society* (New York: Basic Books, 1980), p. 9.

[76] Estelle Freedman. "Separation as Stratege: Female Institution Building and american feminism 1870–1930", *Feminist Studies* 5, I (Spring 1979): 524.

[77] Evans. *The Feminists*, p. 189.

использовали их в суфражистском движении в Венгрии). Практику гражданского неповиновения использовало меньшинство: Женская лига свободы и Товарищество женских избирательных прав в Англии наряду с такими отдельными феминистками, как Анита Аугспург и Лида Густава Хейман в Германии, Ю. Оклер и М. Пеллетье во Франции, отказывались платить налоги до тех пор, пока женщинам не будет предоставлено избирательное право.

Милитантство могло принимать и ненасильственные формы: задавание вопросов политикам, отказ платить штрафы, тюремные голодовки. В Англии, равно как и во Франции, ряд необычных провокаций свидетельствует об изобретательности феминисток[78]. В апреле 1901 года, когда во Франции была выпущена почтовая марка в честь Декларации прав человека, Жанна Оддо-Дефлу предложила точную копию этой марки, на которой мужчина держал скрижаль с надписью «Права женщины». Эта акция имела огромный успех. Когда в 1904 году чествовался Наполеоновский гражданский кодекс, Ю. Оклер во время феминистской демонстрации разорвала его копию. Во время банкета, проходившего в связи с этим же чествованием, Каролина Кауфман, секретарь *Solidarité des Femmes*, выпустила несколько больших воздушных шаров с надписью «Кодекс угнетает женщин, он бесчестит Республику!».

Некоторые английские суфражистки обращались к физическому насилию, поджогам и актам вандализма, крайним формам милитантства, которые их лидер Эммелина Панкхерст позаимствовала у движения ирландских националистов[79].

Демократические альянсы

Альянсы создавались там, где сходились вместе политические и религиозные силы. Видоизменить их мог опыт какой-либо группы или даже отдельной феминистки. По всей Европе феминистки и демократы часто объединяли свои силы. В Германии члены свободных церквей объединяются с демократами и рабочим движением. Через этих диссентеров женское движение в 1860-х годах устанавливает контакты с республиканско-демократическим интернационализмом и пацифизмом. Очевидно, отношение демократической оппозиции было подобно отношению коммун свободной церкви и тех женщин, которые объединились вокруг Луизы Отто[80].

[78] Klejman and Rochefort, eds. *L'Egalté*, p. 256.
[79] Evans. *The Feminists*, p. 194.
[80] Bussemer. *Frauenemanzipation*, p. 87.

Во Франции феминистки и республиканцы выступали союзниками в демократической борьбе. Между 1870 г. и 1890 г. французский феминизм находился под влиянием масона Леона Рише (1824–1911) и Марии Дерезм (1828–1894). На повестке дня радикалов фигурировали право подавать в суд на установление отцовства и право на развод. Однако оба лидера выступали против немедленного наделения женщин правом голоса из-за опасения, что пользу из этого извлечет католическая церковь. В Голландии вольнодумцы объединились с феминистками из литературного и театрального мира, в частности в кружке "De Dageraad" («Рассвет»)[81]. Однако альянс французских феминисток, вольнодумцев и масонов не принес каких-либо ощутимых результатов. Его влияние в основном было символическим, декларирующим равноправие и политические права женщин. Уставшие от подобных декларативных заявлений, французские феминистки отошли от своих союзников и перешли к более независимой тактике[82].

Союзы с либералами возникали по всей Европе, от Англии до России. На родине либерализма крепкие связи установились между феминизмом и утилитаризмом Джона Стюарта Милля[83]. Лидер Национального суфражистского общества, Лидия Беккер, была выходцем из либеральных кругов Манчестера. Она пользовалась поддержкой ланкаширских либералов, сторонников свободной торговли. В парламенте представители левого крыла либеральной партии вплоть до начала XX века регулярно высказывались в пользу предоставления женщинам права голоса. В Швеции и Дании суфражистки извлекли огромную пользу от союза с либеральной партией, заключенного в 1900 году[84]. В Австрии и Германии либералы способствовали созданию объединений для распространения женской работы. Wiener Frauen-Erwerbsverein (Венский женский ремесленный союз, 1866 г.) служил образцом для создания подобных групп в Праге и Брюне[85]. В Голландии социальная работа Эллен Мерсье финансировалась состоятельными левыми либералами[86]. И даже в России, где феминизм оформился после 1905 года, феминистки пользовались поддержкой

[81] Fritschy et al. "Niederlande", in Bornemann, ed. *Arbeiterbewegung und Feminismus*, p. 129.
[82] Klejman and Rochefort, eds. *L'Egalté*, p. 61.
[83] Coole. *Women in Political Thought*, p. 149.
[84] Evans. The Feminists, p. 73, 79.
[85] Marianne Hainisch. "Die Geschichte der Frauenbewegung in Oesterreich", in Lange and Bäumer, eds. *Handbuch der Frauenbewegung*, p. 170–171.
[86] Inge de Wilde. "The Importance of Hélène Mercier for the Women's Movement", *De eerste feministische golf*, p. 204.

либеральной партии кадетов[87]. И наоборот, феминистки в Латинской Америке не смогли заключить союз с либералами. Ситуация в Италии напоминала ситуацию во Франции: в 1880-х годах Анна Моццони работала в тесном сотрудничестве с итальянскими масонами, республиканцами и либералами, которые в своей совокупности формировали независимое левое крыло. Однако вскоре экономическая неудача республиканцев и равнодушие к демократии разочаровали ее, и она обратилась к социализму, хотя в социалистическую партию так никогда и не вступила[88].

Социалистические альянсы

С начала XIX века феминизм и социализм были тесно связаны. Солидную теоретическую базу этому альянсу дали публикации «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Энгельса в 1884 году и «Женщины и социализма» Бебеля в 1883 г. Однако, когда феминистки попытались подтолкнуть своих товарищей к практическому воплощению их обещаний, возникли конфликты. Временами феминистки-социалистки неохотно провозглашали свои феминистские цели, боясь навредить пролетарскому делу. В 1890 году произошло крупное событие организационного плана: феминистки первой европейской социалистической партии, нидерландского социал-демократического союза, выбрали для себя независимое существование. После семилетнего сотрудничества они покинули партию и основали в 1889 году свою организацию (Vrije Vrouwen Vereeniging) в надежде отдать должное «женскому вопросу». Когда в 1894 году была создана новая социал-демократическая рабочая партия, женщинам необходимо было включиться в партийную структуру, однако они отделились. Например, Матильда Вибаут-Бердени ван Берлеком в 1902 году организовала работниц юго-западных районов в “Samen Sterk” («Сильные вместе»). Увидев, что партийная пропаганда не доходит до женщин Амстердама, она создала в городе женские пропагандистские клубы. И хотя партия настаивала на включении этих клубов в свою структуру в качестве официальных отделений, она не финансировала издание женской газеты Proletarische vrouw («Пролетарка»)[89].

В Италии Анна Кулишева (1854–1925), эклектичная социалистка, первоначально в своих статьях в *Rivista internazionale del socialismo*

---

[87] Richard Stites. *The women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism 1860–1930* (Princeton: Princeton University Press, 1977), p. 198.

[88] Donald Meyer. *Sex and Power: The Rise of Women in America, Russia, Sweden, Italy* (Middletown: Wesleyan University Press, 1987), p. 124.

[89] Fritschy et al. “Niederlande”, p. 132.

(«Международный социалистический журнал», 1880 г.) воспринимала социализм и феминизм как единое дело. Однако впоследствии предпочтение было отдано потребностям социалистической партии. Когда продвигаемый Кулишевой закон о женском и детском труде стал в 1902 году реальностью, она расценила эту победу как имеющую большее значение для социализма, нежели феминизма. Подобным образом она относилась и к агитации в пользу женских избирательных прав, как к «полезной необходимости» в интересах партии[90]. В конце концов, Кулишева могла бы сделать для итальянских женщин больше, чем так называемые феминистские объединения[91].

В течение двух десятилетий, предшествовавших первой мировой войне, отношения между социалистками, партией и профсоюзами характеризовались убеждением в том, что формальное равноправие, которого требовали буржуазные женщины, увековечивали социальное неравенство. В 1893 году Международный конгресс рабочих в Цюрихе подтвердил принцип специальных законов для защиты женщин-работниц, после чего любая коалиция между социалистками и буржуазными женщинами стала невозможной[92]. Разрыв в одних странах был более очевиден, нежели в других. В Австрии, в отличие от Германии, отношения с буржуазным женским движением были более слабыми. Например, Тереза Шлезингер не только участвовала в рабочем движении, но также писала и для независимой феминисткой газеты Dokumente der Frauen (1899 г.), основанной суфражистками Августой Фикерт, Розой Майредер и Марией Ланг. Лояльность австрийских социалисток по отношению к своей партии была абсолютной. В 1905 году по тактическим соображениям они отказываются от требования права голоса для женщин; более важной целью было предоставление избирательных прав мужчинам[93].

В конце XIX века английские работницы, занятые в текстильной промышленности, столкнулись с той же участью, что и чартисты пятьдесят лет назад. Когда они потребовали права голоса и вверились новой лейбористской партии, им было сказано потерпеть. Но в отличие от своих австрийских сестер эти женщины повернулись к своей партии спиной. Эммелина Панкхерст, уже однажды разочаровавшись в либе-

---

[90] Marilyn J. Boxer and Jean H. Quataert, eds. *Socialist women: European Socialist Feminism in the 19th and Early 20th Century* (New York: Elsevier, 1978), p. 159.

[91] Ibid., p. 175.

[92] Jean H. Quataert. *Reluctant feminists in German Social Democracy, 1885–1917* (Princeton: Princeton University Press, 1979).

[93] Herta Firnberg. "Oesterreich", in Bornemann, ed. *Arbeiterbewegung und Feminismus*, p. 83.

ралах и их лидере Гладстоне, попыталась распространить идеи суфражизма в Независимой рабочей партии Манчестера. После смерти мужа она уходит из партии и направляет всю свою энергию и энергию двух своих дочерей на создание Женского социально-политического союза (1903 г.), который вскоре переходит к радикальной тактике борьбы за право голоса[94].

Как и в Европе, в Соединенных Штатах Америки наблюдалось две различные стадии в альянсе феминисток и социалистов. Будучи продуктом утопической социалистической традиции, Франсес Райт сотрудничала с Робертом Оуэном в рабочем движении Нью-Йорка в 1830-х годах. Их целью было построение общества, в котором не было бы угнетения по признаку класса, расы или пола. Однако ее национальный образовательный план не нашел в движении широкого отклика, так как образование вне дома пугало семьи рабочих. В конце XIX века Шарлота Перкинс Гилман, испытав влияние американской социологии и ее концепции классовой гармонии, разработала свое направление социалистического феминизма[95]. Калифорнийская федерация ремесел наградила ее медалью и отправила в качестве делегата на собрание Второго интернационала в Лондоне в 1896 году. Ее книга «Женщины и экономика» (1898 г.) была исключительно тепло встречена на лондонском Конгрессе международного женского совета (1899 г.) От суфражисток она отмежевалась следующим образом: «Политического равноправия, которого требуют суфражистки, недостаточно для установления истинной свободы. Женщины, работающие прислугой, которых мужчины кормят, одевают и дают карманные деньги, не может добиться свободы или равенства при помощи избирательной урны»[96]. Для Гилман социализм в первую очередь означал социализацию продукции. Воплощение идей социализма значило для нее больше, чем членство в какой-либо партии. Более того, она считала элементы просвещенной буржуазии более прогрессивными, чем рабочий класс.

Анархические альянсы

Если отношения между социализмом и феминизмом носили характер конфликта, то союз феминизма с анархизмом был вообще невозможен[97]. Не было ни одного анархо-феминистского движения.

---

[94] Strachey. *The Cause*, p. 288.

[95] Sigbert Kluwe. *Weibliche Radikalitdt* (Frankfurt: Campus, 1979), p. 41.

[96] *The Living of Charlotte Perkins Gliman: An Autobiography* (New York: Harper, 1975), p. 235.

[97] Marie-Jo Dhavernas. "Anarchisme et fiminisme a la Belle Epoque", *La Revue d'en face* 13 (Winter 1983), p. 74.

Однако идея индивидуальной независимости, которая подразумевала и независимость для женщин, высоко чтилась в кружках вольнодумцев. Отдельные анархистки воспринимали этот вопрос близко к сердцу. В частности во Франции Анна Мах, соучредительница газеты «Анархия», разработала принципы анархического образования, в которых в расчет бралась уникальная роль матери и идеал независимости. Серия ее статей по данной проблеме собрана в брошюре “L'Hirrditи et l'education” («Культурное наследие и образование», 1908 г.). В этих кругах отвергался как суфражизм, так и попытки реформировать Гражданский кодекс. Вместо этого благодаря усилиям Нелли Руссель, Мадлен Пеллетье и Мадлен Верне основной упор, совместно с феминистками, делался на неомальтузианские проблемы. В Соединенных Штатах Америки Эмма Голдман прочитала большое количество лекций об абортах, контрацепции и вазэктомии[98].

В Швейцарии в рамках своей организационной работы 1905–1909 гг. Маргарет Фаас-Хардеггер упор делала на социальные и политические права женщин, равно как на проблему абортов и контрацепции[99]. Свое вдохновение она черпала из опыта революционного французского синдикализма и его методов прямых действий, забастовок, бойкотов и создания кооперативов. Кроме того, она заняла антивоенную позицию, что стоило ей места секретаря союза.

В целом альянсы феминисток с либералами, социалистами и анархистами сильны были до тех пор, пока сильна была женская поддержка позиций союзных групп. У каждой партии был свой конек: для либералов — это работа и избирательные права; для социалистов — защита рабочих и образование; для анархистов — контроль над рождаемостью.

Антифеминизм

Антифеминистская реакция кристаллизовалась вокруг двух основных проблем. Во Франции рабочий класс находился под влиянием Пьера-Жозефа Прудона, идеи которого находились в оппозиции идеям Фурье. Феминистки критиковали влиятельное в социалистических и синдикалистских кругах представление Прудона о том, что женщины

[98] Claire Auzias-Gelineau et al., eds. “Preface” to: E. Goldman. *La Tragédie de l'émancipation féminine* (Paris: Syros, 1978), p. 31.
[99] Monica Studer. “Schweiz”, in Bornemann, ed. *Arbeiterbewegung und Feminismus*, p. 62.

должны быть либо «домохозяйками, либо проститутками». Самая известная критика содержалась в работах Жюльетты Ламбер "Idиes antiproudhoniennes sur l'amour, la femme et le marriage" («Антипрудонистские идеи о любви, женщине и браке», 1858 г.) и Эжени д'Эрикур «La Femme affranchie» («Свободная женщина», 1860 г.) Исключительным примером синдикалистского антифеминизма служит дело Корье, случившиеся в 1913 году в Лионе. Когда работница типографии Эмма Корье попросила принять ее в союз, то ей не только было в этом отказано, но и ее мужа исключили из этого же союза за то, что он не смог удержать свою жену от вступления в профсоюз. Вокруг этого скандала возникла большая шумиха как в синдикалистской, так и феминистской прессе[100]. В Германии сторонники Фердинанда Лассаля, первого председателя Всеобщего немецкого союза труда (1863 г.), защищали женщин, работавших дома, но не на фабриках. Таким образом, пролетарский антифеминизм и мизогиния отсылали женщин к «домашней сфере»[101].

В академической сфере антифеминизм с наибольшей силой проявил себя в области медицины и права. Например, в Вене в 1890-х годах должны были просить, чтобы их допустили слушать лекции на медицинском факультете. Хирург, профессор Альберт, выразил свое негативное отношение в пресловутом памфлете, который вызвал долгую полемику и ответный удар от Марианны Хайнии: "Seherinnen, Hexen und die Wahnvorstellungen ьber das Weib im 19 Jahrhundert" («Ясновидящие, колдуньи и бредовые идеи по поводу женщин в XIX веке», 1896 г.)[102]. Эмилия Кемпин-Спири, поступившая в 1883 году в университет Цюриха, стала первой женщиной, изучавшей юриспруденцию. Сначала ей отказали в ученой степени, а позднее была отвергнута и ее кандидатура в качестве заведующего кафедрой римского права. Она была вынуждена эмигрировать в Нью-Йорк, где и основала первый женский колледж права. Вернувшись в 1891 году в Цюрих, она вторично потерпела неудачу, пытаясь устроиться на юридический факультет. Затем она пыталась повторить это в Берлине в качестве эксперта по международному частиому праву, но без какого-либо заметного успеха. В 1899 году она сдалась и устроилась сотрудницей в психиатрическую клинику Базеля[103].

Интересная дискуссия возникла в Швеции по вопросу о «феминистском антифеминизме», в которой приняли участие Август Стрин-

---

[100] Klejman and Rochefort, eds. *L'Egalté*, p. 245.

[101] Walter Thцnnessen. *Frauenemanzipation: Politik und Literatur der deutschen Sozialdemokratie zur Frauenbewegung 1863–1933* (Frankfurt, 1969).

[102] Evans. The Feminists, p. 175–176.

[103] Susanna Woodtli. *Du féminisme a l'égalité – un siucle de luttes en Suisse 1868–1971* (Lausanne: Payot, 1977), p. 53.

дберг и феминистка Эллен Кей[104]. Стриндберг критиковал шведский феминизм за то, что он был чересчур провинциальным и тесно связанным с благочестивыми моралистами. В предисловии к *"Giftas"* («Замужем», 1884 г.) он критиковал Ибсена и подверг нападкам институт брака и семьи, однако критически настроенным он был и в отношении нового реформизм, который для него был таким же репрессивным, как и установленный порядок вещей. Как и Стриндберг, Кей, педагог-новатор, отказалась принять нормы полового воздержания, продвигаемые теми феминистками, которые принадлежали к Ассоциации Фредерика Бремера. Помимо этого, она критиковала и эгалитаризм, за который выступали женщины из среднего класса, поскольку их стремления были аналогичны стремлениям мужчин. В *"Missbrukad kvinnokraft"* («Злоупотребление властью женщинами», 1896 г.) и *"Kvinnopsykologi och kvinnliglogik"* («Женская психология и логика», 1896 г.) она попыталась перевести внимание на то, что в женщинах было уникальным. Ее защита материнства была связана с защитой индивидуализма и свободы.

На другом полюсе находится «маскулинистский антифеминизм» — эмансипированная женщина, которая выступает против любых феминистских требований. Подобную парадоксальную позицию занимала писательница викторианской эпохи Элиза Линтон (1822–1898), которая решила противодействовать концепции женственности, созданной викторианским патриархальным обществом, отрицая свой пол[105].

Исторические фигуры

Феминисткам XIX века, будь они одиночками или членами какихлибо объединений, было присуще нечто героическое. Их необычные достижения позволяют нам почувствовать дух их времени. Они вскрывают нечто существенное и заставляют чувствовать «гордость быть женщиной».

Давайте рассмотрим нескольких отдельных феминисток, женщин, которые зачастую опережали свою эпоху, класс и страну. Викторианская феминистка Гарриет Мартино (1802–1876) отказалась выйти замуж и зарабатывала себе на жизнь сочинительством. Задолго до

---

104 Meyer. *Sex and Power*, p. 176.

105 Nancy Fix Anderson. *Women Against Women in Victorian England: A Life of Eliza Lynn Linton* (Bloomington: Indiana University Press, 1986).

институционализации общественных наук она разработала метод социологического и политологического наблюдения. В возрасте тридцати лет она, уже прославленная своими работами по политической экономии, дала проницательный анализ роли и положения женщин в Европе и Америке. Ее работы способствовали появлению ряда прогрессивных движений в Англии, из которых самыми известными были движение по улучшению женского образования, движение за отмену легализованной проституции, а также движение за женские избирательные права[106].

Швейцарская аристократка Мета фон Залис-Маршлен (1855–1929) придерживалась взглядов прямо противоположных либеральной политике ее дней: она выступала не за демократизацию, а за аристократизацию в ницшеанском смысле этого слова. В *"Die Zukunft der Frau"* («Будущее женщины», 1886 г.) она смело нарисовала портрет утопического «женочеловечества», в котором мужчины и женщины могли бы быть задушевными друзьями друг другу без приспособления себя к «домохозяйственной машине»[107]. В то время, когда швейцарский феминизм дремал за благотворительной работой, она изучала философию и право, а также совершала лекционные турне в защиту равных прав женщин.

Другая аристократка, австрийка Берта фон Суттнер (1843–1914), жила ради одной идеи – мира в Европе и во всем мире. Это было далеко не малым делом – бороться за дело мира в колониальном государстве Вильгельма II или в империи Габсбургов с ее экспансионистской политикой на Балканах. Над ней насмехались как над «землеройкой мира» и «истеричным синим чулком». Тем не менее ее роман "Die Waffen nieder!" («Сложить оружие!», 1889 г.) был переведен на дюжину языков. Она организовала сотни пацифистских митингов и пыталась повлиять на политиков и дипломатов во времена, когда у женщин не то что не было права голоса, но они не имели права даже принадлежать к какому-либо политическому объединению. Ее эмансипация была тем более поразительной, если учесть ее происхождение, для которого политика была запретной темой для юных дам[108].

Скорее прожить, нежели проповедовать, свою эмансипацию хотела голландская певица и актриса Мина Круземан (1839–1922). Ее первым

---

[106] Gaby Weiner. "Harriet Martineau: A Reassessment", in Dale Spender, ed. *Feminist Theorists* (London: Women's Press, 1983).

[107] Meta von Salis. "The Position of Women in Europe", *The Post-graduate and Wooster Quarterly* 2, I (October 1887): 39; Doris Stump. *Sie tyten uns – nicht unser Ideen, Meta von Salis-Marschlins* (Thalwil: paeda media, 1986).

[108] Gisela Brinker-Gabler. *Bertha von Suttner* (Frankfurt: Fischer, 1982), p. 11–12.

опубликованным рассказом стал *"Een huwelijk in India"* (1873 г.), в котором говорится о девушке, которую заставили против ее воли выйти замуж. Реалистичная картина подчиненного положения женщины резко контрастировала с остальной датской литературой. Мина учила девушек писать и играть, а также демонстрировала им, как дисциплинировать себя и вести переговоры с издателями, дабы завоевать уважение как актрис. Для нее эмансипированная женщина была одинокой и деятельной[109].

Англичанка Оливия Шрайнер (1855–1920) была непревзойденной феминисткой. Рожденная в Южной Африке, водившая дружбу с Элеонорой Маркс, она на несколько лет стала центральной фигурой в жизни Хэвлока Эллиса, одного из первых английских теоретиков сексуальности. В то время, когда ни английские феминистки, ни социалистки не озадачивались проблемой колониальных отношений Англии и Южной Африки, она провела четкий анализ расового вопроса (опубликованный уже после ее смерти в «Мыслях о Южной Африке», 1923 г.) Для нее жизнь, политика и писательство составляли единое целое, выраженное в ныне широко известной формуле «Личное – это политическое»[110].

Жительница Берлина Хедвига Дом (1833–1919) была пылким феминистским теоретиком. Тот факт, что она была еврейкой, мог помочь ей стать необычайно проницательным наблюдателем. Своим пером она боролась на широком фронте феминистских проблем. Ее первый памфлет был направлен против клерикалов: "Was die Pastoren von Frauen denken" («Что думают священники о женщинах», 1872 г.). За ним последовал анализ угнетенного положения женщин в семье: "Der Jesuitismus im Hausstande" («Учение иезуитов у домашнего очага», 1873 г.). И хотя было еще слишком рано, чтобы ставить вопрос об избирательных правах для женщин, даже в рамках самого женского движения, она публикует "Der Frauen Natur und Recht, Eigenschaften und Stimmrecht der Frau" («Сущность и права женщины, ее характеристики и право голоса», 1876 г.). В "Die wissenschaftliche Emanzipation der Frau" («Научном обосновании освобождения женщины», 1874 г.) она опровергает недавние анатомические, физиологические и медицинские теории о неполноценности женщин и продолжает свой анализ в "Die Antifeministen" (1902 г.). Среди тех антифеминистов, на которых

[109] Fia Dieteren. "Mina Kruseman and Her circle, a Network of Dutch Women Artists in the Nineteenth Century", in *Language, Culture and Female Future.* Workshop, Utrecht, April 1986, p. 11–18.

[110] Liz Stanley. "Olive Schreiner; New Women, Free Women, All Women (1855–1920)", in Spender, ed. *Feminist Theorists*, p. 229–243.

она нападала, числились Ницше и Мёбиус. На протяжении всей своей жизни она боролась с сексуальным, финансовым и психологическим угнетением женщин[111]

Эти феминистки-одиночки выделяются своей силой. Иные же извлекали энергию из пожизненной дружбы. Американки Элизабет Стентон (1815–1902) и Сюзанна Энтони (1820–1906) – одна мать, другая по политическим соображениям незамужняя – были неразделимы в своей битве против рабства и за женские избирательные права, даже несмотря на то что с возрастом Энтони стала более консервативной, а Стентон более радикальной, особенно в вопросах религии и сексуальности. Именно Энтони заставила Стентон выйти из дома и заняться общественной работой. Их взаимоотношения были жизненно необходимыми как для эмоциональной поддержки, так и интеллектуального стимула, и это подчеркивало эксцентричность обеих женщин. Вместе они не только основали многочисленные объединения, выступали в бесчисленных турне и организовывали феминистские конгрессы, но и выпустили внушительную «Историю суфражизма» (1881 г.)[112].

Похожую «пару» составляли немки Елена Ланге (1848–1930) и Гертруда Бёмер (1873–1954) – обе дочери протестантских пасторов. Основательница Allgemeinen Deutschen Lehrerinnenvereins, Ланге оказала влияние на интеллектуальное и политическое развитие школьной учительницы Баумер. Плоды их сотрудничества могут быть найдены в работе “Geschichte der Frauenbewegung in den Kulturlndern” («История женского движения в контексте культуры», 1901 г.), которая подводит итог всей их культурной миссии[113].

Две швейцарские феминистки Хелена фон Мюлинен (1850–1924) и Эмма Печинска-Рейхенбах (1854–1927) начали совместную жизнь в 1890 году. Тридцать лет жизни вместе высвободили огромное количество их энергии. Две эти женщины основали Всешвейцарский союз женских обществ. Их дом в Берне стал местом поклонения феминисток со всего мира. Они тесно сотрудничали с Джозефиной Батлер в ее аболиционистской борьбе и приняли участие в создании благотворительных женских обществ в Швейцарии[114].

Некоторые феминистские семьи существовали несколько поколений. Среди наиболее известных семьи Панкхерстов в Англии и де Морсье в Швейцарии. Эммелина Панкхерст (1858–1928) вместе со своими дочерьми Кристабель (1880–1948) и Сильвией (1882–1960) основа-

---

111 Renate Duelli. “Hedwig Dohm: Passionate Theorist”, in Spender, ed. *Feminist Theorists*, p. 165–183..

112 Spender, ed. *Feminist Theorists*, p. 198.

113 Marie Luise Bach. *Gertrud Bдumer* (Weinheim: Beltz, 1988).

114 Woodtli. Du ffiminisme a l’ïgalitй, p. 76–78.

ла Женский социально-политический союз. Все трое были вовлечены в суфражистское движение[115]. А три поколения де Морсье из швейцарской социал-протестантской среды — Эмилия де Морсье (1843–1896), ее сын Огюст де Морсье (1864–1923) и ее внучки Валери Шевеиар де Морсье (1891–1977) и Эмилия Друа де Морсье (род. 1898 г.) вместе со своими супругами — работали с Международной аболиционистской федерацией[116].

Великолепием ли своей личности, или кропотливой работой, печальиой, если ие сказать скандальной, известностью, или же долгими и терпеливыми усилиями — все эти женщины оставили свой след в сознании века.

Историки женского движения

Некоторые феминистки, стремившиеся переоценить свой опыт, попытались написать историю западного феминизма в XIX веке. Две типовые работы отражают различные подходы к данной проблеме. Одна — американская — это шеститомная «История суфражизма», выпущенная Элизабет Стентон, Сюзан Энтони и Матильдой Гейдж в период с 1881 по 1887 год. Другая — немецкая — это продукт сотрудничества феминисток Европы и Соединенных Штатов Америки, в котором упор делается на организации и борьбу. Вышедшая под редакцией Елены Ланге и Гертруды Бёмер, эта работа приобрела форму справочника: "*Handbuch der Frauenbewegung*" («Справочник по женскому движению», 1901 г.)

Кете Ширмахер (1865–1930) описала свой опыт путешествий в "*Féminisme aux Etats-Unis, en France, dans la Grande-Bretagne, en Suude et en Russie*" («Феминизм в США, Франции, Великобритании, Швеции и России», 1898 г.). Кроме того, оиа представила пять различных типов феминизма в своем справочнике. В 1909 году в Швеции Эллен Кей (1849–1926) опубликовала "*Kvinnorуrelsen*" («Женское движение»). В книге анализируется влияние феминизма на мужчин и женщин различных возрастов и происхождений.

После Первой мировой войны феминистки продолжали обращаться к традиции феминизма XIX века. В опубликованной Реем Стречи (1887–1940) книге "*The Cause*" («Борьба», 1928 г.) приводятся многочисленные материалы, включая ее собственные воспоминания по истории

---

[115] Spender, ed. *Feminist Theorists*, p. 397–408.

[116] Kдppeli. "Le Fйminisme protestant de Suisse romande", p. 184–248, 350–359.

борьбы английских феминисток во всем ее разнообразии. Йоханна Набер (1859–1941), президент Национального совета женщин Нидерландов, проследила развитие женского движения в своей стране в работе *"Chronologisch Overzicht"* (1937 г.).

Таким образом, в начале XX века третье поколение феминисток столкнулось, подобно сегодняшним феминисткам, с проблемой влияния. Картина феминизма XIX века возникла из того, что помнилось, и того, что забылось; из идентификации и дистанцированности. Она несла на себе следы восстания, угнетения и реформирования, которые придали форму разнообразным дискурсам и практикам. Однако слава редко переживает борьбу. Каждое поколение феминисток должно было возобновлять борьбу до конца, который, определенно, должен быть достигнут.

Перевод И. А. Школьникова

19

Новая Ева и прежний Адам

Аннелиза Маг

Нет необходимости обращаться к литературе, для того чтобы доказать, что в жизни женщин произошли драматические изменения, — этому имеется достаточно свидетельств. Однако литература позволяет проследить, как этот феномен воспринимался современниками, и, очевидно, это восприятие оказывало влияние на темп и направленность этого процесса.

Недостаточно сказать, что вопрос женской эмансипации волновал писателей, он вдохновлял их. Эта тема отражена в очень многих, пожалуй, даже слишком многих, работах. Она нашла свое отражение и в тех произведениях, которые не были посвящены ей непосредственно. Короче говоря, если судить по литературе, современники прекрасно осознавали важность происходящего процесса. Более того, хотя и преждевременно делать вывод о том, что мужчины-писатели стали усиленно интересоваться судьбой второго пола, поднимая проблему женщин, получающих психологическую травму во время первой брачной ночи, или женщин, одержимых мечтой о дипломе, тем не менее этот вопрос стал неиссякаемым источником вдохновения не только для женщин-литераторов, но и для мужчин.

Однако энтузиазм не фигурировал в повестке дня, что также удивительно, ибо в конце концов это был вопрос о правах. При рассмотрении положения женщин в XIX веке, независимо от того, с какой стороны вы подходите к рассмотрению проблемы: в сфере производства, морали, образования или семьи — неизбежно встает вопрос о даровании прав или об

отказе в них. Писатели, как настоящие интеллектуалы, подчиняясь дорогому Сартру принципу защиты униженных, часто отдавали свой талант на службу тем, кто был лишен прав. Они выступали от имени другого: пролетария, черного, еврея. Но от имени женщины? Нет, — во всех странах последователей Джона Стюарта Милля можно было сосчитать по пальцам: извергались потоки слов, но это были слова, выражающие опасение и враждебность. Даже такой убежденный демократ, как Анатоль Франс, в 1899 г. торжественно заявил, что «эмансипация женщин зашла сегодня слишком далеко»[1].

Поворотный момент наступил, момент настолько серьезный, что он привел к проявлению заметных противоречий в творчестве писателей, в других отношениях приверженных ясности ума и логике гуманистических убеждений. Как только Эмиль Золя дал описание идеального общества, в котором «женщина могла не выходить замуж, жить независимой жизнью, пользуясь теми же правами, что и мужчина», он сразу же добавил: «но к чему уродовать себя, подавлять желание, отрешаться от радостей жизни? Поэтому вскоре сам собой установился естественный порядок вещей, и между примиренными полами воцарилось согласие; и мужчины, и женщины нашли свое счастье в семье, в сладости любви»[2].

Золя не мог себе вообразить свободную женщину, женщину, действительно пользующуюся правами (ибо какой смысл иметь права и не пользоваться ими?), иначе как незамужней, целомудренной и асексуальной, то есть «искалеченной»; она была свободна, но она уже не была женщиной. Успех образа «новой Евы», встречающегося во многих произведениях, использованный в заглавии рассказа Д. Г. Лоренса и романа Жюля Буа, можно объяснить сходным образом: современники серьезно относились к проблеме (новой женщины, — *О. Ш.*), поскольку они верили, что являются свидетелями не просто эволюции, но настоящей мутации, в прямом смысле этого слова.

Ева умирала, Ева была мертва. Вместо нее рождалось новое существо, нечто странное и непохожее. Что могло быть более тревожным? В свете этого легко понять, почему этот процесс вызывал такой интерес и такие ожидания. Но вместе с тем остается удивление: насколько странно все же, на наш нынешний взгляд, ожидать настолько катастрофических последствий от таких простых вещей, как получение диплома или разводе, поездка на велосипеде или посещение избирательного участка.

---

[1] Статья А.Франса в: *L'Estafette,* 24 июля 1899 г..

[2] Emile Zola. *Travail* (Paris, Fasquelle, 1906), vol. 2, p. 487. См.: **Золя Э.** Труд. См.: Собрание сочинений в 18 т. М., 1957. Т. 18. Кн. III, гл. V.

Скромная отвага

Тем не менее женщины, являвшиеся наиболее ярким воплощением новой Евы, были продолжательницами рода. Многие известные феминистки, такие как Эммелина Панкхерст в Англии и доктор Эдуар-Пилье во Франции, были замужем и имели детей. Ни сенсимонистка Паулина Ролан, ни феминистка Регина Террузи не отдали по примеру Руссо своих незаконнорожденных детей в сиротский приют. Жорж Санд боролась за право опеки над своими детьми, готовила сливовый пудинг для Жюля Санду, заботилась о больном Шопене и шила тапочки для мужа, когда они уже жили отдельно. Да и как могло быть иначе? Воспитанные в семье, в социальной и культурной среде XIX века, все эти женщины, какими бы радикальными они ни стали позднее, в период своего становления были пропитаны традиционными идеями, они «становились женщинами», как определила это Симона де Бовуар. Подобное поведение получало поддержку даже в феминистском дискурсе. Возьмем интервью с матерью Терезы Робер, кандидатки на получение диплома по естественным наукам, опубликованное во французском феминистском еженедельнике *La Fransaise:* «Не думайте, что наука сделала из нее педантку. Она никогда не брезгует помочь мне по дому, и вы каждое утро можете видеть, как она делает покупки. Она так меня любит»[3]. Или это высказывание о Марии Кюри: «Простая и нежная, она держала за руку дочь, малютку Ирен, как и каждый день, провожая ее в школу»[4]. Или это, описывающее успехи женского дела в Швеции: «однако не следует думать, что шведские женщины утратили тягу к семейной жизни и материнским обязанностям»[5].

Эти тексты, хотя и не являются литературными, достойны цитирования, так как они изображают новую Еву так, как она представлялась ее наиболее горячим сторонникам. Лейтмотив, повторяющийся из номера в номер, вполне ясен, и, без сомнения, он был характерен не только для La Fransaise. Мари д'Агу уверяла, что «материнские обязанности совместимы с великими мыслями»[6]. Журналист Северен, описывая участниц Контресса по правам женщин в 1900 г., отмечал: «под перчатками едва заметные уколы иа указательном пальце свидетельствовали о том, что иголку дома они держат чаще, чем перо»[7].

---

3 *La Fransaise* 3 (ноябрь 1906).
4 *La Fransaise* 4 (ноябрь 1906).
5 *La Fransaise* 5 (ноябрь 1906).
6 Barby d' Aurevilly. *Les Bas-Bleus* (Brussels, Victor Palmй, 1878), p. 70.
7 *La Chevauchée* 2 (15 октября 1900).

Разочаровывающее обещание выполнять обязательства по продолжению рода нельзя рассматривать просто как тактическую уловку, так же как и не имеет смысла задаваться сегодня вопросом, было или нет оно ошибочным. Равно как и не имеет смысла переживать по поводу невозможности его выполнения. Тереза Робер могла сочетать «мужские» качества (ум) с «женскими» (ведение хозяйства) — все равно она не представлялась современникам прототипом нового человека, гармонически сочетающего в себе различные способности. Феминистки могли выступать с требованиями создания яслей и «оплаты материнства», но за редким исключением, они не претендовали на то, чтобы их мужья разделяли с ними бремя домашних обязанностей. Авангардная риторика, оторванная от конкретных непосредственных противоречий, с которыми сталкивалась каждая женщина, будучи общей и утопической, никогда не предполагала, что новая Ева должна неизбежно разделить участь других представительниц своего пола.

Участь — обширное понятие и плохо сочетается с такими обыденными вещами как уход за детьми или домашние дела, но в любом случае, женщины полностью продемонстрировали, что они могут продолжать делать все это, даже когда они завоевывали новое социальное пространство. Если, однако, мы возьмем на себя труд рассмотреть проблему более пристально (И разве случайно то, что веками никто не старался сделать это?), мы обнаружим, что эти обязанности существенно различались и по-разному воспринимались женщинами разного социального положения. Без сомнения, для этого требовалось большое количество навыков и способностей, но, для того чтобы обеспечить их совмещение, требовалась способность другого рода, которую мать Терезы Робер, описывая отношение своей дочери к домашней работе, наивно определила как «любящая» натура — стремление служить другим. Это стремление проявлялось даже у богатых представительниц высшего класса, когда они организовывали приемы, чтобы помочь своим мужьям в продвижении по службе.

Бывают героические и яркие жертвы, в которых личность растворяется во имя будущей славы. Самоотверженность, проявляющаяся в выполнении малозаметных ежедневных домашних обязанностей (хотя и не сводящаяся к ним), имеет другой характер. Здесь личность исчезает, сама хоронит себя, отдает себя полностью, не требуя ничего взамен. От мужчин никогда не ожидали проявления такого рода альтруизма. Он остается женской добродетелью, одной среди многих: культивируя ее в себе, новая Ева старалась доказать, что она остается женщиной. В конечном счете именно эта добродетель продолжает определять женственность, которая до сих пор рассматривается как

отличная от мужественности и дополняющая ее (различие, далеко выходящее за рамки *petite difference*[8], созданного природой).

Самоотверженность, самоотречение, самоуничижение — с этими добродетелями прорыв был невозможен. Американская феминистка Элизабет Кэди Стентон ценила их, хотя думала, что избавилась от них и просила журналистов написать «крупным шрифтом», что «саморазвитие — более высокая обязанность, чем самопожертвование»[9]. Почему долг? Почему не право? Почему не рассматривать самореализацию как радость и счастье? Нет, долг ставится превыше всего, концепция, которая базируется на неудержимой заботе о благе других. Родовая идентичность, унаследованная женщинами, не просто плохо соответствовала процессу утверждения женского «я», будучи основанной на самоотречении во имя других, она делала его невозможным. Даже феминисткам было трудно преодолеть эти качества, постоянно насаждаемые обществом, что привело их, как это ни парадоксально, к борьбе за право на двойную работу, за право увеличения их обязанностей.

Любопытные противоречия

Женщины-писательницы осознавали, как странно было быть полноценной личностью только часть времени. В своей деятельности они были вынуждены постоянно сталкиваться с трудностями и противоречиями. Шарлотта Бронте признавалась: «Иногда, когда я преподаю или шью, я бы охотнее читала или писала»[10]. Но проблема заключалась не только в нехватке времени. Евгения де Герен жаловалась на многочисленные дела, которые возникали из необходимости заботиться о нуждах других («эти домашние обязанности, которые занимают все мое время и полностью поглощают меня»[11]), которые размывали и рассеивали формирующееся «я», интенсивно стремившееся заявить о своей уникальности. Женщинам, желавшим писать, публиковаться и получить признание, без сомнения, приходилось сталкиваться с такими проблемами, какие никогда не стояли перед мужчинами. Однако, несмотря на такой ежедневный опыт и статус интеллектуалок, далеко не все писательницы стали феминистками. Содержание их произведений дает некоторое объяснение этому: разве не встречаем в них странную приверженность к тем запретам, которые они сами так впечатляюще нарушали?

---

8 Незначительного отличия (фр.).

9 Carol Gilligan. *In a Different Voice* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982), p. 129.

10 См.: Письмо миссис Гаскел от 16 марта 1837 г..

11 Eugenie de Guerin. *Journal*, March 22, 1836, p. 113–114.

В «Истории моей жизни» Жорж Санд объясняет свое развитие удачей, необычным обстоятельством, которое освободило ее от всех «внешних влияний» на целый год в период ее отрочества: «Если бы моя судьба передала меня из-под опеки моей бабушки сразу под опеку моего мужа, возможно, я никогда бы не стала тем, кем являюсь сейчас»[12].

Таким образом, она обращает внимание как на разрушающее влияние женского воспитания, так и на невозможность избежать этого влияния. Неудивительно, что женские персонажи в ее книгах — нежные, покорные и преданные созданья; этого требовал реализм. Удивительно то, что она, сама далекая от идеала самоотречения, часто превозносила его. Да, она создала Лелию и Консуэло, героинь, являющихся воплощением силы и мятежного духа. Но она создала также малютку Мари в «Морском дьяволе» и малышку Фадетт (героиню одноименного романа). Имеет ли смысл анализировать сюжеты всех этих произведений? Имена героинь говорят сами за себя. Вот Мари, которая, как и предполагает ее имя, является воплощением материнства. Но в еще большей степени она малютка Мари, определение гарантирует, что она никогда не будет пытаться претендовать на власть. И есть малышка Фадетт, которая трижды принижена: она маленькая, и она обречена на жизнь, вытекающую из уменьшительного определения, прилагающемуся к ее имени, корень которого, *fade*, означает «пресный». Этих женщин Санд представляет как положительных героинь, как идеал женственности. Делалось ли это только в угоду читателям? Нет, славу и успех она обрела благодаря Лелии и Консуэло. Какие скрытые чувства заставили ее создать характеры, которые отрицали ее самое?

Отношения Джордж Элиот с ее героинями были, возможно, еще более необычными. Ни Мэгги Тулливер из «Мельницы во Флоссе», ни Доротея Брук в «Миддлмарче» даже отдаленно не напоминают малышку Фадетт. «От женщин обычно не ждут идей», — замечает автор в начале романа «Миддлмарч». Ее героиня самодостаточна в своем образе, который легко узнаваем читателем. Идеал, которому следует Доротея, являющийся смесью христианства, альтруизма и мистицизма, по замыслу автора приводит ее в конце романа к отрицанию традиционной модели женственности. Ни платья, ни драгоценности ее не интересуют; она отвергает молодого красивого жениха; она не впадает в положенное умиление при виде новорожденного племянника и так далее. Однако она странным образом использует свою интеллектуаль-

[12] George Sand. *Histoire de ma vie*, in *Oeuvres autobiographiques* (Paris, Plëiade, 1970–1971), vol. 1.

ную и моральную независимость. Выйдя замуж за преподобного Касабона, которого она не любит, но возвышенными взглядами которого восхищается, она узнает, что его научная работа, которой он посвятил всю свою жизнь, бесперспективна. Но когда он чувствует, что его силы угасают, он просит Доротею продолжить его научные изыскания, и только его внезапная смерть спасает ее от опрометчивого обещания, от «примирения со своим недовольством». Когда впоследствии она вторично выходит замуж, на этот раз по любви, брак снова ставит ее перед необходимостью самоотречения: сначала она отказывается от своего состояния, чтобы не травмировать самолюбие своего жениха-бессребреника, а затем и от себя самой, так как брак возвращает ее к традиционной модели поведения: «многие ее друзья сожалели о том, что такая независимая и оригинальная личность должна была быть поглощена жизнью другого и ограничиваться известностью жены и матери только в узком кругу знакомых как».

Элиот объясняет, что Доротея – это «святая Тереза, основательница Идеи», материализм современного общества мешает ее самореализации. Общество или Джордж Элиот помешали ей направить свой альтруизм в русло благотворительности, которая так интересовала ее в начале романа? Многие женщины поступали подобным образом в реальной жизни. Общество или Джордж Элиот помешали ей писать, для того чтобы побудить других разделить ее взгляды, как это делала сама Элиот? Парадоксальным образом Доротея добровольно жертвует своей свободой, чтобы воссоединиться с большинством. Сознательно отказываясь от свободного проявления своей воли, в отличие от других женщин, делающих это неосознанно и пассивно, она, «прекрасный лебедь» среди «гадких утят», таким образом, демонстрирует свое превосходство. В своей жизни Джордж Элиот никогда не стремилась принести себя в жертву: Касабон был на двадцать семь лет старше Доротеи, но писательница в возрасте шестидесяти лет вышла замуж за мужчину на двадцать лет моложе ее. До этого она прожила около тридцати лет в гражданском браке с Джорджем Льюисом, официально женатым на другой женщине и имеющим детей. Насколько иную судьбу она уготовила для Мэгги Талливер: такая же самоотверженная, как Доротея, она отказывается выйти за человека, которого она любит, хотя он не был чужим мужем или женихом, а всего лишь поклонником ее подруги. Не было ли создание образов героинь, отдававших все свои силы, для того чтобы *не быть*, мольбой о прощении за то, что она осмелилась *быть*?

То же самое делала Колетт, и это совпадение тем более значимо, что языческий чувственный мир французской писательницы в корне отличался от мира Джордж Элиот. Колетт стала известной благода-

ря серии романов о Клодии, которые она написала под эгидой своего мужа Вилли. Ее героиня, влюбленная в любовь, смелая, бескомпромиссная, была похожа на нее. Разрыв с Вилли привел Колетт к разрыву с героиней. Ее последний роман назывался "*Claudine s'en va*" («Клодин уходит»): Клодии уходит, потому что уходит Колет – к другим книгам, к другим мужчинам. Но героиня оказалась менее смелой, чем ее создательница. Клодии отправляется в деревню, чтобы полностью посвятить себя стареющему мужу: что может быть более поучительным? В финале этого же романа другая героиня, Анни, оставляет властного мужа, долгое время притеснявшего ее. Как будто для того чтобы смягчить эту историю женской эмансипации, Клодии превращается в сиделку возле больного.

Можно проследить определенную тенденцию в стремлении женщин-писательниц искупить свою дерзость, обрекая своих героинь на самоотречение, бывшее сродни тому, как феминистки рассматривали исколотые иголкой пальцы, как своего рода отпущение грехов за их стремление получить образование. Та же тенденция от противного подчеркивается тем обстоятельством, что «Кукольный дом» был написан мужчиной. Пьеса Генрика Ибсена, написанная в 1879 г., позднее, после 1900 г., неоднократно переводилась, ставилась, комментировалась, ее сюжет заимствовался. Такой успех несколько удивляет, так как развязка пьесы выглядит неправдоподобно. Нора оставляет мужа-деспота. Оставляя также троих детей, которых она горячо любит, она делает это не ради любви. Чтобы выжить, ей придется искать работу, к которой она не имеет ни призвания, ни соответствующей подготовки. Материальная нестабильность и душевные потрясения: как много женщин в реальном мире могли взять в одночасье на себя такое бремя? Но абстрактный характер пьесы Ибсена стал не слабой, а сильной ее стороной: смело отметая реальность, драматург обнажил основную проблему, которую тысячи превратностей ежедневной жизни одновременно и отражали, и скрывали. Его Нора уходит без «основательной» причины – иной, кроме ее нежелания оставаться и дальше игрушкой, предметом обладания, рабой другого, мужчины, неважно, мужа или отца: «Я была твоей куколкой-женой, так же как до этого я была папиной куколкой-деточкой».

С точки зрения Норы и Ибсена, женщине невозможно сформировать свою идентичность, не разрушив предварительно приобретенную идентичность, которая определяла женскую личность только по отношению к другому, по отношению к его нуждам и желаниям. Поступок Норы, ее невероятный уход, символизировал необходимость изменения отношения женщины к себе. Но это был шаг, который реальной женщине было трудно не только сделать, но даже вообразить.

Странные требования

Но если верить мужчинам, женщины все же сделали его. Что бы женщины ни делали, ничто в их поступках и словах не могло успокоить мужчин, и в диалоге полов накануне 1914 г. мы сталкиваемся с удивительной ситуацией, когда мужчины и женщины говорят друг за другом.

Литература не изображает ничего, кроме разрушенных очагов, изменяющих и пьющих мужей, детей, болеющих туберкулезом, — все это жертвы жестоких последовательниц Норы. Этот искаженный взгляд, хотя и опровергаемый реальной жизнью, заслуживает рассмотрения. Систематическая драматизация является прежде всего показателем опасений, связанных с ростом женского движения. Она также отражает широко распространенное представление о том, что женщины забыли о своих обязанностях. И действительно, женщине не было необходимости покидать дом, чтобы вызвать изменения, такие же сокрушительные, как если бы она совершила этот поступок: если некоторые героини следовали за Норой, то другие оставались дома и тем не менее приводили к аналогичным бедам, поскольку они либо поступали на работу (ее характер не имел значения), либо любили проводить время вне дома, либо просто потому, что они любили читать. Заброшенные дети и разоренный семейный бюджет и, наконец, самоубийство мужа — все эти ужасные последствия вытекали в перспективе из ситуации: «мадам отправилась к себе в комнату читать последнюю вещь Метерлинка или Ибсена»[13]. Та, что осмелилась оставить для себя несколько мгновений своей жизни, которая не жертвовала собой полностью, уже была опасна и виновна. Мужья в реальной жизни, без сомнения, были менее обеспокоены и уязвлены, однако царство фантазии — литература — показывает, что они неохотно соглашались на перемены, так как их фантазии неизменно были окрашены беспокойством и сожалением.

Ожидание неограниченной самоотверженности рука об руку шло со стремлением к абсолютному доминированию, проявляющемуся, среди всего прочего, в странных педагогических идеях. Теоретики брака полагали как само собой разумеющееся, что муж способен научить свою жену кулинарии, этическим нормам, домашней экономике и метафизике: «Не забывай, что, взяв жену себе в помощницы, ты берешь на себя обязанность быть ее мужем, другом, братом, отцом и духовником»[14].

Духовник, эта странная и экстремальная ипостась идеального мужа, указывал на парадоксальное возрастание требований мужчин. Мужчины теперь мечтали контролировать не только тело и сердце женщи-

[13] Theodore Joran. *Le Mensonge de féminisme* (Paris, Jouve, 1905), p. 184.
[14] Alexandre Dumas fils. *L'Homme-Femme* (Paris, Lйvy Frиres, 1872), p. 174.

ны, но так же и ее разум, который Стриндберг сравнивал с «чистой доской»[15], на которой муж волен написать все, что ему заблагорассудится, так как «женщина — дитя мужчины». Интересно, что в литературных произведениях регулярно появляется еще один персонаж: малютка-сестра, которая, как Сюрьетта в «Труде» Золя, является объектом уничижения. После преждевременной смерти родителей старший брат оказывается ответственным за образование младшей сестры и выполняет свои обязанности с угнетающим великодушием. Он обращается с ней, как со своим двойником, но двойником неполноценным, не имеющим права даже на легкую критику и обязанным проявлять безусловное обожание. В результате она оказывается достойной стать образцовой невестой и женой: «О! Для того чтобы любить женщину так, как я люблю эту, вы должны знать ее, с тех пор как она была ребенком, крошкой, и заботиться о ней из года в год как о сестре»[16].

Маленькие сестрички — Верена в «Бостонцах» Генри Джеймса, которая обладая медиумическими способностями, должна была демонстрировать обостренную восприимчивость к влиянию своего будущего мужа, Бэзила Рэнсома; или андроид Хадали; «будущая Ева» Вилье де Лиль-Адама; или Элиза Дулитл, девушка из низов, попавшая в ревностные демонические руки профессора Хиггинса из пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион». Обладать женщиной, сформированной по своему вкусу, — эта мечта настойчиво владела мужским воображением того времени. Естественно, что даже самый робкий шаг вперед со стороны женщин воспринимался как чрезмерный со стороны тех, кто культивировал эти фантазии. Но к чему было культивировать эти специфические фантазии в период, который на первый взгляд не был слишком восприимчив к абсолютистским грезам?

Горести Адама

Какое же это было время! Это была эпоха, которая воспринималась такой же новой, как новая Ева, век, коренным образом отличавшийся от предшествующего и безжалостно отвергающий все старое. Гимны прогрессу и демократии звучали со всех сторон, но можно было слышать и печальный контрапункт, который становился все более тоскливым и горестным, по мере того как век близился к завершению: блестящие юноши в *"Les Déracinés"* («Без корней») Мориса Барреса (1905) были «лишены корней» и, в конечном счете, обречены на поражение, а герой Робера Музиля был «человеком без свойств». Говоря словами

---

15 August Strindberg. *The Creditors*, 1888.

16 Marcel Prevost. *Les Demi-Vierges* (Paris, Lemerre, 1894), p. 19.

австрийского романиста: «Что было утрачено?» В действительности Ульрих, герой Музиля, не был лишен свойств. До того как успешно посвятить себя математике, он испробовал карьеру военного, затем инженера. Однако и это занятие оказалось временным: «Гений скаковой лошади подтвердил убеждение Ульриха в том, что он был человеком без свойств». Проблема заключается в том, что Ульрих занимался математикой не ради математики, а для того чтобы доказать свое превосходство. Когда «дух времени» приводит журналиста к прославлению гениальности лошади, все теряет смысл: «В этот самый момент, когда после больших усилий он мог чувствовать себя близко к цели своих устремлений, лошадь, которая здесь обошла его, ударила его снизу».

Самоотречение Ульриха демонстрирует противоречие между личностью, стремящейся к власти, и современной эпохой, эпохой анонимности и уравниловки. Экономическая модернизация вырвала контроль над процессом производства из рук тех, кто был крестьянином или ремесленником, но теперь монотонно трудился на огромных фабриках либо в быстро развивающемся секторе услуг. Даже управляющие оказались затронуты этим процессом, и инженеры, которых Ульрих представлял себе «снующими между мысом Доброй Надежды и Канадой», оказались «прикованными к чертежным столам». Он затронул даже владельцев: к концу века корпорации стали вытеснять капитанов индустрии, этих героев капитализма, которые оставили свой след в мире. Тем временем в политике голос «бродяги с улицы»[17] стал значить столько же, сколько голос талантливого изобретателя или поэта. И в потребительском обществе изобретатель и поэт должны были состязаться со скаковой лошадью или куртизанкой за славу и престиж. Еще в 1857 г. Флобер в «Мадам Бовари» отождествил модернизм с посредственностью, изобразив аптекаря Гоме, глупца, восхваляющего прогресс: к концу XIX века писатели от Парижа до Вены и Стокгольма скорбно следовали за Флобером. Разве сам Золя, писатель, чей энтузиазм в отношении чудес техники отличался флоберовского, не отправил в финале героев утопических романов «Плодородие» и «Труд» жить в деревню?

Все это, без сомнения, демонстрирует, как десятилетиями интеллектуалы старались дистанцироваться от буржуазного общества — общества Пользы, Коммерции и Отчуждения. Но за этим стоит нечто большее, ибо репрезентация кризиса личности, вступающей в конфликт с современным миром, имела гендерный характер. Стремление Ульриха стать великим мужем проистекает, согласно Музилю, из древнего «образца мужественности», впоследствии ставшего «идеоло-

[17] Emile Faguet. *Le Féminisme* (Paris, Boivin, 1906), p. 16.

гическим фантомом»[18]. Ничто не сохраняется так упорно, как фантом, а этот — более прочих: биологи, поэты, историки, драматурги, философы и романисты продолжали изучать и определять мужественность в красочных терминах как проявление компетентности, воинственности, доминирования и отождествлять ее с теми «полемическими и боевыми инстинктами команды, твердости и индивидуальности», которые Прудон так горячо превозносил, одновременно прославляя преимущества равенства[19]. Усиленный многовековым принятием, этот образ был настолько могущественным, влиятельным, обнадеживающим и нормирующим, что даже те мужчины, которые страдали от неспособности следовать ему, никогда не мечтали оспорить его авторитет.

Однако не образ не соответствовал эпохе — эпоха не соответствовала образу: эпоха легкости, комфорта, безопасности, бюрократии — калечащее, кастрирующее время. «Мир гермафродитов», — восклицал Барби д'Орвиль[20], населенный «полумужчинами» — вздыхал Барре[21]; мир, «чья энергия угасает», — сожалел Эмиль Золя[22]. Рассказ Г. Лоренса «Новая Ева и прежний Адам» о любви, но беспокойство Питера Моста, мужа, связано не только с этой сферой. Современные аспекты окружающей среды также играют роль: «Центральное отопление охватило все здание. Оно создало единообразие, в котором комнаты стали сродни инкубаторам. Что может быть более отвратительным?».

Что было утрачено? Контроль, доминирование, власть, даже над отоплением. Больше не осталось возможности утверждать первостепенное значение неповторимости личности: произошло возвращение к анонимности, пассивности, асексуальности раннего детства. И в рассказе Лоренса ясно слышны сетования Адама: «Он чувствовал себя охваченным примитивной мужской силой, шокированным неожиданными инстинктами. Было невыносимо чувствовать себя запертым в этом огромном перетопленном доме».

Питер / Адам не может найти подходящего места. Он прибыл домой из Франции и вскоре покинул Лондон ради Италии, где ему также было не суждено обрести покой. Лоренс не дает объяснения этой социальной нестабильности: о работе Питера упоминается лишь намеками. Но это упущение является важным показателем: неважно, каким делом он занимается, ибо герой не способен использовать «свою примитивную мужскую силу» с пользой. Поэтому он обращается к жене: «Все свое существование он основывал на браке».

---

[18] Р. Музиль. Человек без свойств.

[19] P.-J. Proudhon. La Pornokratie (Paris, Lacroux, 1894), p. 29.

[20] Barby d'Aurevilly. *Les Bas-Bleus*, предисловие.

[21] Barris. *Les Déracinés*, p. 86.

[22] Emile Zola. Fйconditй (Paris, Fasquelle, 1906), p. 39.

Это удивительное утверждение, если учесть, что оно относится к мужскому персонажу. Неужели иерархия мужских ценностей настолько подорвана, что теперь любовь ставится выше амбиций? И да, и нет: как способ компенсации, любовь более, чем раньше, воспринимается в терминах власти. Питер мечтает о том, «что в мире есть женщина, чье призвание, а не профессия, — заботиться о нем».

Если мир не дает Адаму возможности установить свое превосходство, его дом должен стать утешением («мирным раем», «убежищем») и его последним царством, а его жена сочетать материнское обожание с детской податливостью. Педагогические устремления и «анахроничные» фантазии об абсолютном обладании проистекают из потребности и желания использовать жену для утоления жажды власти, которые больше негде удовлетворить. Увы, новая Ева оказывает сопротивление и отвечает словами Полы Мост: «В твоих глазах женщина должна быть продолжением тебя самого, только ниже уровнем, твоим адамовым ребром. Ты не можешь понять, что я самостоятельная личность».

Но поиски продолжаются. Лоренс временно присоединяется к любопытной разновидности феминизма, рожденного из мужского бунта против современного мира и развитого в Мюнхене, Гейдельберге и Вене под руководством Отто Гросса. Положительный образ женщины был противопоставлен в нем прогрессу, отождествляемому с патриархатом. Согласно Георгу Зиммелю с его теорией контркультуры, женщина, обладающая особыми качествами, способна оставаться к природе ближе, чем мужчина, ближе к свободе и простым радостям бытия, и поэтому может указать путь к спасению. Однако за этим феминизмом различий нельзя не заметить постоянное возвращение к прежней Еве, отождествляемой с любящей и кормящей Матерью Землей. И Отто Гросс, и Лоренс видели идеал женщины во Фриде фон Рихтофен. И в письмах к ней Гросса неизбежно вновь появляется лейтмотив самопожертвования: «Вы знаете, как дарить счастье. С благородством, великодушием Вы отдаете себя, страстно и полностью»[23].

Изменения в сексуальной жизни

Женщины продолжали оставаться в плену инаковости, рассматриваясь как зло по отношению к мужчине по своей родовой принадлежности. Когда репрезентация новой Евы предстала во всей своей чудовищной, невыразимой новизне, она заключалась не в изображении полноценной личности, человека женского пола. Часто ей отводилась

[23] Письмо Отто Гросса к Фриде фон Рихтофен, см.: Martin Green. *The Von Richthofen Sisters* (New York, Basic Books, 1974).

роль, сходная с ролью скаковой лошади, чья «гениальность» девальвировала само это понятие в глазах Ульриха. Ее успех не вытекал из ее возможностей, напротив, они являлись показателем деградации мира, настолько озабоченного нивелированием всего личного, что его логическим продуктом стало существо, лишенное идентичности: «Огромное большинство современных профессий настолько рутинны, что даже самый посредственный женский ум в состоянии изучить их за несколько лет»[24].

С другой стороны, успехам женщин придавалось огромное значение. Мужчины, мыслящие исходя из собственных понятий и собственного опыта, никогда не отличали самоутверждение от доминирования. Если женщины не могли более выносить власть мужчины, следовательно, они неизбежно должны были претендовать на собственное господство. Когда Текла, героиня пьесы Стриндберга «Кредиторы», вместо того чтобы просто с благодарностью обучаться грамматике под руководством своего мужа, использует полученные знания и становится писательницей, ее муж, по наивному замечанию Стриндберга, забывает о грамматике: поделиться знанием невозможно, поскольку невозможно поделиться вытекающей из знания властью. И что будет, если новая Ева, доведя «каннибализм» до предела, действительно сможет доминировать в отдельных сферах? Согласно нашим писателям, она превратится в мужчину, таким образом подтвердив, что власть является сущностью маскулинности.

Так, например, Жорж Санд была «мужчиной» благодаря власти в царстве духа. В наше время трудно себе представить степень влияния ее работ в Европе и Соединенных Штатах. Шатобриан сравнивал ее с Байроном, Генри Джеймс — с Гете; такие комплименты делали ее метаморфозу неизбежной. Вскоре ее стали не просто сравнивать с мужчинами, но поставили в один ряд с ними, и это превращение происходило не только на расстоянии в хвалебных статьях: Санд стала «мужчиной» для мужчин даже в дружбе. «Я болтал с товарищем», — уверяет нас Бальзак после встречи с ней[25], в то время как Флобер в переписке с ней обращается к Санд «дорогой мэтр». После ее смерти он возглашает: «Нужно было знать ее так, как знал ее я, чтобы понять, что было от женщины в этом великом муже»[26].

Эта потрясающая перверсия видна также в характеристике величия Жорж Санд Генри Джеймсом, которое, с его точки зрения, состояло не в том, что она «раскрыла женскую природу», а в том, что она «обога-

---

[24] Faguet. *Le Féminisme*, p. 11.

[25] Письмо О. де Бальзака мадам Ганской. См.: *Correspondence* (Paris, 1967–1970), vol. 1, p. 584.

[26] Gustave Flaubert. *Correspondence*, vol. 15, p. 181–182.

тила мужскую»[27]. Была ли Санд андрогином? Возможно, но поскольку она обладала гениальностью, она была в первую очередь «мужчиной», «мужчиной» по своей сути.

Но власть можно обрести и в любви, и когда это случается, происходит сходная метаморфоза. Барби д'Орвиль, описывая влюбленную пару Отеклер и графа Савиньи в одном из своих произведений, отмечал, что «она играла роль мужчины в их отношениях»[28]. Мало художественных клише были более популярно в то время, чем это: мы можем встретить практически такую же формулировку у Флобера при описании отношений между Эммой Бовари и Леоном, у Золя в «Добыче» и у таких популярных тогда авторов, как Поль Бурге, Марсель Прево и Морис Донне. Должны ли мы рассматривать эти ссылки на мужественность как простую метафору власти, так как, героини этих произведений следуют за чередой женщин, чье соблазнение служило доказательством их женственности? Нет, осуществление власти наполняет женщину маскулинностью, в которой нет ничего риторического. Курение, короткая стрижка, ношение пиджака или галстука – все это выдавало, несмотря на лицемерную маску женственности, тревожащее присутствие мужчины. Все является знаковым, даже анатомия. Отсутствие крутых изгибов женского тела, которые зрительно демонстрируют инаковость женского, также символичны: женщина без форм – мальчик, парень, юноша. Поэтому, когда в конце XIX в. худоба вошла в моду, в силу того что женщины стали вести более подвижный образ жизни, легионы андрогинов наводнили городские улицы.

Для мужчины женщина – прежде всего зеркало. Удивительная легкость, с которой дочери Евы, казалось, осуществляют изменение пола, больше, чем что-либо другое, отражали глубину кризиса маскулинности. Недостойный своей модели современный мужчина не способен удовлетворять ее жестким требованиям, что равносильно утрате идентичности. Образ, который женщина не осмеливалась пробудить к жизни, образ домашнего мужчины, мужского варианта «Золушки», по определению Джорджа Оруэлла[29], феминизированного мужчины, преследовал мужское воображение наравне с образом андрогина. Когда Жорж Санд избиралась во Французскую академию, Барби д'Орвиль воскликнул: «Скоро мы, мужчины, будем готовить варенья и соленья»[30].

---

[27] Henry James. *Notes on Novelists* (New York, 1914), p. 220–221.

[28] Barby d'Aurevilly. *Les Diaboliques* (1874), in *Oeuvres complutes* (Geneva, Slatkine Reprints, 1979), vol. 1, p. 222.

[29] George Orwell. *Collected Essays, Journalism and Letters* (New York, Penguin Books, 1970), vol. 1, p. 222.

[30] Barby d'Aurevilly. *Les Bas-Bleus*, p. 82.

Маскулинность становилась объектом завоевания: как могла женщина пройти мимо возможности захватить ее? Однако невозможность представить, как женщины могут использовать свою свободу, свидетельствовала в пользу сохранения преобладания ее модели: «я» всегда воспринималось в терминах власти, а власть – в терминах маскулинности. И неважно, были ли вы мужчиной или нет.

Двойственность

Со стороны женщин также было непросто видеть вещи в ином свете. Какими принципами должны были обладать женщины, чтобы наполнить содержанием ту часть своей личности, которая не желала растворяться в родовой идентичности? Так же как и Нора, они вступали в неведомое, путешествуя без багажа по неизведанным дорогам. Они не имели других моделей для подражания, кроме мужской.

По крайней мере их отношение к этой модели было внешним. Отстраненность давала им преимущество, которого были лишены мужчины: более полно проанализировать отношение мужчин с миром. В конце концов они не собирались более терпеть последствия мужской гегемонии, поэтому они стремились объяснить ее происхождение и рассматривать ее не как безусловную данность, но поместить ее в исторический контекст. И, конечно, они не могли обойти критическим вниманием мужчину – их «другого». Жорж Санд в «Воображаемых диалогах с доктором Пиффо» бьет изо всех сил: он «презирает преданность, поскольку он верит в то, что имеет на нее естественное право, ибо ради чего еще он вышел из утробы его дорогой матери. Доминирование, обладание и поглощение – вот простые условия, на которых он соглашается быть обожаемым, как Бог»[31].

Это замечание констатирует любопытную связь между мужской идентичностью и его отношение к матери, но Санд, несмотря на то что мечтала стать «Спартаком женского рабства», так же как и другие женщины XIX столетия, никогда не теоретизировала по этому поводу. Если, говоря о своем угнетении, они напоминали о тиранических наклонностях и жажде власти противоположного пола, то при этом они ограничивались простой констатацией, не делая мужское объектом систематического анализа: патриархат так и не нашел своего Бахофена женского пола.

Каким бы викторианским ни был XIX век, женское тело выставлялось на показ в проституции, литературе (где тема проституции занимала заметное место), живописи, скульптуре и даже в анатомиче-

[31] George Sand. *Oeuvres autobiographiques*, vol. 2, p. 987-988.

ских иллюстрациях в словаре Ларусса, которым восторгался Мишле. «Женский» ум был также выставлен на обозрение в инсценированных презентациях истерии Шарко, неизменно представлявшихся женщинами-актрисами, и в бесконечных текстах, которые исследовали, анализировали и обнажали ее содержание. Мари Ленсан не рисовала мужскую обнаженную натуру и не обнажала мужскую сущность в большей степени, чем это делали феминистские теоретики. Трудно было отвыкнуть от смирения, объективная дистанцированность не могла компенсировать запреты, создаваемые в результате тысячелетнего отождествления мужского и человеческого. Женщины верили, что им необходимо развиваться только по одному известному пути становления личности, подниматься над собой насколько возможно.

Они охотно играли роль андрогинов. О степени желания Жорж Санд походить на мужчину, которого в ней видели ее друзья, свидетельствует ее странная манера одеваться, ее псевдоним, ее сигареты и провокационная свобода в личной жизни. В ее манере говорить о себе проскальзывает, что она верила, что она мужчина. Почему так много писательниц брали мужские псевдонимы: Мари д'Агу (Даниэль Стерн), Дельфина Гай (виконт де Лоне), Мэри Энн Эванс (Джордж Элиот), Жанна Лапоз (Даниэль Лесёр)? С первого взгляда это можно объяснить стремлением избежать сексистских предрассудков, желанием оградить свои работы от снисходительного отношения «к дамским романам». Но, после того как настоящее имя автора переставало быть тайной, какой смысл было сохранять маску? И была ли это действительно маска? Мари д'Агу выразилась достаточно ясно: «сфера деятельности мужского гения – решение научных проблем, организация свободы и социального равенства; женского гения – дивный труд сердца, воссоединение классов в брачном союзе»[32].

Была ли она озабочена этим в «Письмах республиканца»? Или в «Эссе о свободе»? Или в «Набросках о нравах и политике»? Из названий этих произведений видно, что она рассматривала именно те вопросы, которые считала монополией мужского гения. Нет, Даниэль Стерн не было просто псевдонимом для введения читателей в заблуждение. Даниэль Стерн существовал, им была Мари д'Агу, и ей нужно было быть им, для того чтобы в собственных глазах оправдать свои амбиции на избранном ею поприще. Уловка для обретения свободы? Конечно, достаточно дерзкая, для того чтобы посягать на сферу политической теории, Мари д'Агу все же была слишком робкой, для того чтобы часто посещать ее высоты без посредничества мужской фигуры.

---

[32] Daniel Stern. *Lettres républicaines* (1848). См. в: B. Slama, *Miserable et glorieuse, la femme du XIX siucle* (Paris, Fayard, 1980), p. 239.

Исходя из этих посылок, дошла ли она до логического конца в смелом размышлении о своем двойнике, который, как она хорошо знала, не был вполне мужчиной? Или, напротив, она привнесла в «мужские» проблемы, поднимаемые Даниэлем Стерном, преимущества женского опыта? В женской андрогинии мужчины видели дикую и агрессивную узурпацию. Но когда женщины делали выбор, оказывается, он отражал то противоречие, против которого они боролись, «трещину в середине сердца», о котором Вирджиния Вулф говорит в «Своей комнате», размышляя о женском литературном творчестве. За этой потребностью в двойственности, так же как и за их экзальтацией, выраженной посредством самопожертвования их некоторых героинь, которого писательницы избегали уже самим актом творчества, снова кроется робость, постоянное болезненное чувство самозванства: имеют ли они право на существование, не будучи мужчинами?

В результате постоянного смешения мужского и человеческого, которое освобождало мужское от критической оценки, один кризис порождал другой. Боясь показаться слишком смелыми, женщины ограничивали свое стремление защититься от насмешек, давления, угроз и отрицания. Однако они нарушили достаточно границ, чтобы увеличить опасения, порожденные современностью в мужчинах, усилив страх, живущий в каждом мужчине, что он не сможет реализовать те грандиозные амбиции, которые он ставит перед собой. И мужчины ответили на скромные устремления другой половины человечества грубой лихорадочной агрессией.

Мы не знаем, чем завершился этот кризис, поскольку началась война, которая смешала все карты. Сравним два образа: женщины, управляющие машинами «скорой помощи», заряжающие гаубицы, делающие работу, которую общество наконец оценило в силу ее необходимости; мужчины в шлемах, побежденные, умирающие (но своей смертью возвышающие образ воина). Который из них оказался более влиятельным в последующие годы?

Перевод О. В. Шныровой

ЧАСТЬ V

Женские голоса

О женском счастье

Женевьева Фрес и Мишель Перро

Эти влиятельные женщины не являются героинями или символами, как миогие женские исторические хроники любят их изображать. Они скорее были действительио очень прославлеиными женщинами. Они были выдающимися личностями во миогом. Будучи к их счастью фииансово иезависимыми, они были достаточно умны, чтобы извлекать выгоду из своей свободы: они путешествовали по Германии, Швейцарии, Англии и Италии; они отбросили все предрассудки, смысл которых можио свести к одиому утверждению, что женщина прежде всего ие должиа отстаивать свою иезависимость; будучи ие из робкого десятка, они едва ли ие естествеиным считали, что способны общаться иа равиой иоге с великими мужчииами. Одиовременно они и прииадлежали своему времени, и были вне его.

Жермена де Сталь. «О женщинах, посвятивших себя словесности»

Мадам де Сталь воспитывалась при старом режиме, когда лишь иебольшое количество женщин вступило во «владеиие» своими салонами и занимало исключительное, и времеиами довольно высокое, положеиие. Одиако в ее зрелые годы, пришедшиеся на революцию и империю Наполеона, положеиие иезависимой женщины стало вызывать подозрение. Легко понять, почему оиа скучала по эпохе Просвещения и иадеялась, что однажды оно станет достоянием всех людей. Это была женщииа, которая говорила о своих страданиях, о своих трудиостях при переходе из одиого мира

в другой, от монархии к республике; но она также знала, что «наслаждения разума созданы, чтобы успокоить бурю сердца». Ясность ее мысли поразительна в приведенном ниже отрывке, в котором она сравнивает два общества, ни одно из которых не пожелало дать ей место. Через размышления мадам де Сталь мы мельком сможем увидеть суть ее жизни как женщины, в отрыве от любовных связей: ее страстное желание использовать свой интеллект, чтобы участвовать в интеллектуальной жизни своего времени, а также ее убежденность в том, что поистине важной, даже для женщины, является общественная жизнь. Мадам де Сталь в свою эпоху находилась не на своем месте, однако она готова была поставить все на карту, чтобы сыграть свою роль. Если она и слишком строга по отношению к своим современникам, то делала она это не из-за вероломства. Сознавая, что сама она является скорее исключением, мадам де Сталь, тем не менее, никогда не отказывалась от идеи, что жизнь женщин могла бы быть лучше, или что отсутствие среди них единства было результатом невежества и предрассудков.

«Роль женщин в обществе во многих отношениях еще весьма неопределенна. Желание пленять будит их остроумие, разум советует им оставаться в безвестности, и все их успехи, равно как и поражения, беззаконны.

Я верю, наступить время, когда законодатели-философы всерьез задумаются над вопросами о женском образовании, о гражданских законах, охраняющих права женщин, о своем долге сделать их счастливыми и способах достичь этого; ныне же ни природа, ни общество не могут, как правило, указать женщине истинное ее предназначение. То, что удается одной женщине, губит другую; случается, что достоинства наносят вред, а недостатки идут на пользу; иногда женщины всесильным, иногда — бесправны. Участь их чем-то похожа на участь римских вольноотпущенников: стоит им приобрести некоторое влияние, и их начинают упрекать в оскорблении законов, если же они смиряются с рабской долей, их ждут одни лишь притеснения.

Конечно, женщине больше пристало ограничивать свою жизнь домашним кругом, но ведь мужчины, как ни странно, легче прощают женщинам измену долгу, чем блеск таланта. Если у женщины посредственный ум, мужчины легко примиряются с развращенностью ее сердца, но яркое дарование ей, пожалуй, не искупить даже самым безупречным поведением.

Остановимся подробнее на причниах этого странного явления. Начнем с того, как по-разному складывается судьбы женщин, посвятив-

ших себя словесности, в монархиях и республиках. Сперва я поведу речь о различном влиянии, какое эти два образа правления оказывают на судьбу женщин, домогающихся литературной славы, а затем коснулась более общего вопроса — о том, может ли слава, о которой мечтают эти женщины, составить их счастье.

И в монархиях женщинам-писательницам грозят насмешки, а в республиках — ненависть. [ ]

Меж тем во время революции мужчины сочли политически и нравственно полезным отвести женщинам роль совершенно ничтожную; с бессмысленным упорством они обращались к прекрасному полу на жалком наречии, высказывающем полное отсутствие душевной тонкости и остроты ума. Женщины охладели к знаниям, что отнюдь не улучшило нравы. Ограничив круг мыслей своих подруг, мужчины не смогли возвратить их идеям древнюю простоту; добились они лишь одного: поглупев, женщины стали менее чутки, менее почтительны к мнению окружающих, менее склонны к уединению. Произошло то, что происходит сегодня во всех областях жизни; ныне ведь каждый убежден, что все зло — от просвещения и что лучший способ поправить дело — воспрепятствовать развитию разума. Меж тем зло, причиняемое просвещением, может быть исправлено лишь с помощью самого просвещения. Либо нравственность — только выдумка, либо справедливо, что чем больше человек знает, тем благороднее его поступки. [ ]

Французам никогда не сделаться столь убежденными республиканцами, чтобы суметь обойтись без поддержки своих независимых и гордых соотечественниц. Разумеется, до революции женщины вмешивались в дела мужчин слишком часто, однако, лишив их знаний и, следовательно, разума, вы вовсе не поправите дела; женщины неумные безмерно алчны и неразборчивы в средствах, они дают грубые советы и унижают своего избранника, вместо того чтобы вдохновлять его. Выигрывает ли от этого государство? Разве справедливо, что из-за возможности встретить женщину, чьи дарования столь блистательны, что не пристали ее полу — возможности крайне редкой, — мы лишаем республику той славы, какой пользовалась некогда французская нация благодаря искусству общежития и умению угождать собеседникам? А ведь без женщин светская жизнь утрачивает и приятность и занимательность, что же касается женщин, лишенных ума или того умения вести изящную беседу, которое дается лишь безукоризненным воспитанием, то они не только не украшают, но, напротив, развращают общество; их неизменные спутники — глупые светские сплетни и пошлая веселость — в конце концов неминуемо отпугнут всех подлинно выдающихся мужчин, так

что однажды окажется, что блестящее парижское общество состоит из молодых кавалеров, которым нечего делать, и молодым дам, которым нечего сказать.

Человечеству всегда что-то не по нраву. Свои неудобства есть и в умственном превосходстве женщин и даже в чрезмерной образованности мужчин; нас смущает самолюбие остроумцев, честолюбие героев, неосторожность существ великодушных, раздражительность характеров независимых, дерзость храбрецов и проч. Следует ли отсюда, что правительство обязано восставать против природы и стремиться во что бы то ни стало смирить все эти человеческие склонности? Нельзя ведь даже поручиться, что удачный исход этой борьбу послужит укреплению семьи или государства. Женщины, не умеющие поддерживать беседу и не расположенные к литературным занятиям, как правило, гораздо более искусно уклоняются от исполнения своего долга, чем женщины образованные; равным образом нации непросвещенные не имеют привычки к свободе, но постоянно меняют хозяев.

Идет ли речь о нациях или об отдельных людях, самый лучший способ достичь разумной цели, упрочить все общественные и политические отношения — просвещать, образовывать, совершенствовать как женщин, так и мужчин.

Быть может, кого-то тревожит щекотливый вопрос: суждено ли умной женщине быть счастливой? Случается, что, обретая знания, женщина яснее различает ожидающие е несчастья, однако то же самое происходит и с человеческом в целом, а ведь мы уже доказали, что просвещение человечества не помеха его счастью.

Если гражданские права женщин пока еще весьма неопределенные, следует улучшать их удел, а не ухудшать их образование. Только общество, где женщины развивают свой разум, оттачивают свой острый ум, может стать просвещенным и счастливым. Единственное несчастье, которое в самом деле может грозить женщинам, получившим образование, — это желание славы, однако же эта несчастная случайность не нанесет никакого ущерба обществу и окажется роковой лишь для той горстки наиболее одаренных представительниц женского пола, которых судьба наделила докучливым превосходством над окружающими.

Если найдется женщина, которая позавидует мужчинам — властителям дум и пожелает стяжать их лавры, будет легче легкого заставить ее, пока не поздно, отказаться от этого намерения. Ей можно будет объяснить, на какую страшную участь она себя обрекает, можно будет сказать: вдумайтесь в устройство общества, и вы поймете, что оно не может погубить женщину, вознамерившуюся сравняться умом с мужчинами. [ ]

Женщине могут поставить в вину даже ее славу, ибо слава противна тому, к чему предназначает женщин природа. Суровая добродетель осуждает самые лучшие качества, если они приобретают известность; блюстители нравственности усматривают в этом посягательство на женскую скромность. Умные люди, с удивлением обнаруживающие в числе своих соперников женщину, не умеют оценить ее ни с великодушием противника, но со снисходительностью покровителя и попирают в этом невиданном доселе сражении законы чести и доброты.

Если же в довершение всего женщине случается стяжать славу в эпоху политических распрей, влияние ее полагают безграничным, пусть даже на самом деле оно ничтожно, ее обвиняют во всех деяниях, совершенных ее друзьями, ее ненавидят за все, что она любит, и, боясь поднять руку на тех ее единомышленников, кто по-прежнему грозен, нападают на существо беззащитное. [ ]

И это еще не все: мужчины полагают, кажется, что перед женщинами, чьи выдающиеся способности они признали, они не несут никаких обязательств: с ними можно быть неблагодарным, коварным, жестоким, и никому не придет в голову встать на их защиту. «Ведь она же необыкновенная женщина!» — этим все сказано: коли так, значит, можно бросить ее на произвол судьбы — пусть она одна сражается с невзгодами. Зачастую у нее не остается ни силы, выручающей мужчин, ни способности пробуждать сострадание, свойственной женщинам: подобно париям в Индии, она пребывает в одиночестве среди всех сословий, к которым не может принадлежать, среди всех соотечественников, которые полагают, что она должна существовать, предоставленная сама себе, вызывая у окружающих любопытство, а может быть, и зависть, и не заслуживая ничего, кроме жалости».

(Перевод В. А. Мильчиной. См.: Сталь Жермена де. О литературе. – М., 1989. – С. 296–304.)

Лу Андреас-Саломе. «Человечность женщины»

Конец столетия застал Лу Андреас-Саломе в расцвете сил, гораздо более уверенной в своей способности жить свободной жизнью и пользоваться своими способностями, нежели мадам де Сталь. Удивительно смотреть, насколько умна она была в анализе сво-

их возможностей, от положения традиционной музы до занятий творческой работой по своему усмотрению в качестве нового интеллектуала. Мужчины, которых она встречала, – Ницше, Рильке, Фрейд – видели это и любили дискутировать с ней. В это время она стала апостолом самореализации женщин как женщин, учитывая их отличия от мужчин. Существует два различных мира, считала она, каждый для определенного пола, и в ее глазах отнюдь не было аксиомой то, что мир женщины был хуже. Она заново определила сферу женской деятельности в понятиях пола как такового, а, следовательно, и тела. Для нее ум женщины существовал в тесной связи с ее телом. Поэтому она была убеждена в том, что женщина, в отличие от мужчины, никогда не отчуждалась от себя. За выводами, которые она делает исходя из подобного понятия половых различий, иногда трудно уследить: для нее женское освобождение казалось досадной попыткой подражать мужчинам. И даже, несмотря на то, что она четко понимала причины, по которым женщины пытаются вырваться из домашнего круга, она, тем не менее, полагала, что именно там и лежит призвание женщины. Но, очевидно, не призвание самой Андреас-Саломе: вследствие такого подхода читать ее весьма затруднительно. Кто говорит в этом тексте, или, вернее, какая женщина говорит?

«В ее манере быть интеллектуально развитой, а равно и во всех остальных проявлениях ее бытия, женщина ограничена своим физическим существованием в гораздо большей степени, нежели мужчина. Это обстоятельство часто игнорируется во имя банальных обычаев, и женщины более, чем другие, склонны совершать эту ошибку, поскольку им нравится делать вид, что только болезненные женские существа чувствительны к своим внутренним органическим изменениям. Тем не менее, что неизбежно влияет даже на самых здоровых и развитых женщин, что закон наложил на все ее физическое существование, что отличает ее от мужчины, это, конечно же, нечто, что должно заставлять ее чувствовать себя ниже мужчины; но как раз наоборот, именно это позволяет ей самоутвердиться, и все, что является специфически женским в ее дарованиях, по сравнению с мужчиной. Это исключительно важный факт, чреватый своими последствиями: естественный ритм, как физиологический, так и психический, жизни женщины. Эта жизнь приспосабливается к потаенному ритму, с его регулярными взлетами и падениями, ритму, который ввергает женщину в бесконечный цикл, в котором все ее существо, во всех своих проявлениях, чувствует себя в гармоничном укрытии. Таким обра-

зом, как в физическом, так и интеллектуальном отношении, линия, протянувшаяся по направлению к бесконечности, с ее едва уловимыми и все более и более усложняющимися ответвлениями, не принадлежит женской сфере: кажется, что простым фактом своей жизни, она пересекает круг за кругом. Странно, что этот жизненный ритм проходит безмолвно или же предстает как нечто маловажное, в то время как на деле, и совершенно точно, у абсолютно здорового создания, уверенного в своем теле, он напоминает престольный праздник и торжественное размышление, воскресенья, которые отмечают года, часы глубочайшего и безмятежного покоя, который беспрестанно контролирует, освещает и приводит в порядок повседневное существование, и требует цветов на столе и в душе; потому что, то, что в ней повторяется, в самом узком смысле этого слова, это то, что создает глубинную суть женщины, во всем ее величии и полноте. И хотя, конечно же, время, когда женщины считали необходимостью подражать мужчинам в любой сфере, где они хотели доказать свою ценность (и поэтому работали под мужскими псевдонимами, причем не только когда становились писательницами), медленно уходит, нам все еще по-прежнему далеко до уважения всего того, что уникально в женщинах. И до тех пор, пока женщины не сделают этого, пока они не попытаются понять самих себя настолько страстно и глубоко, насколько только это возможно, в тех отношениях, в которых они *отличаются* от мужчин, — *и сперва исключительно в этих отношениях* — тщательно используя с этой целью малейшее свидетельство их тел и душ, они никогда не узнают, насколько сильно и мощно могли бы они расцвести, благодаря добродетели той структуры, которая уникальна для их сущности, и насколько в действительности огромны пространства их мира. Женщина не всегда в достаточной мере находит контакт с собой, и поэтому она должна все еще стать достаточно женщиной; она же, в любом случае, живет в мечтах о лучших мужчинах их времени и в своих собственных грезах. Однажды она (в действительности же, все люди) утратила практическое знание самой себя и свободу от закоренелых предрассудков, необходимую для достижения этой цели. Она не знала о всех сокровищах и пространствах, которые по праву принадлежат ей, и таким образом устроены, что доступны в каком бы то ни было месте, и приведены в наилучший для нее порядок. Однако позднее, уступив запугиваниям, и с исключительной глупостью, она услышала зов, который вырвал ее из своего жилища и выгнал на главную дорогу. К сожалению, для многих женщин, которые заткнули свои уши, чтобы не слышать его, полагая, что он таит в себе не призыв, а угрозу,

зов этот превратился в повеление судьбы: по простой причине, что понимание социальной необходимости, вне завнсимости от того, является ли она общественным императивом, толкнуло их в самую гущу всеобщей драки, где нх вынудили распихивать всех своими локтями, беспрерывно н неумолимо наносить удары, растрачивая свон силы подобно мужчинам. Этот факт нельзя выразить простыми словами, н здесь у меня нет времени, чтобы подробно на нем остановиться. В любом случае, ясно одно: в подобного рода борьбе за жнзнь дулжно в первую очередь надеяться, что женщины покажут, что у них достаточно крепкне желудкн, чтобы переварить даже самую грубую пищу, не потеряв прн этом свойственной им красоты. Позвольте женщинам приложить руку к проходящим событиям, вместо того, чтобы уступить им нх женственность, даже если в этом случае, им придется пожертвовать некоторым преимуществом в соревновании. Женщины должны отдать немного своей женской души, семейного тепла н гармонии туда, где этих вещей недостает, хотя они могли бы действовать более сдержанно. Что окажется сильнее? Женщина или же то, что она сможет вытянуть нз себя, то, что является неженственным? Только время ответит на это.

Вместе с тем, еще одно обстоятельство заставляет множество женщин бежать нз узкого семейного круга: нх стихийная, глубинная н неоспоримая жажда нового опыта, их тоска по более твердой н разнообразной пище, чем та, которую они легко могут найти дома. Две ситуации не следует смешивать: коль скоро молодая женщина столь страстно тоскует по эмансипации в одиночестве, то она может стремиться ни к чему иному, кроме как к самой себе н своему собственному, индивидуальному развитию. Она даже может найти себе работу вне дома, даже если она ее никоим образом н не привлекает, между тем как во всех случаях она просто-напросто чувствует свой путь среди множества иных троп, по которому она идет с единственной надеждой, что он приведет ее к себе самой, чтобы она могла наконец-то обнять себя, завладеть собою полностью н быть готовой отдать все, что в ней имеется. Сколько молодых женщин возмущены к ужасу нх семейств мелкой домашней работой, невольным желанием проявить богатую н драгоценную женскую душу, под сенью которой каждый почувствует себя окутанным покоем мира. И если ей запрещают нспытать этот опыт, если атрофируются самые лучшие ее качества, то ее обвинят в вечной дисгармонии, бесчестной н плохо соразмеренной, платя ей в старости горькой желчью за золотые монеты, которые ей задолго до этого не позволили отдать. В этом отношении

остается только проповедовать свободу, и еще раз свободу, и мы должны устранить каждую преграду, пробить любой искусственный затор, поскольку мудрее будет довериться голосу желания, который раздается в глубине человеческой души, даже когда он проявляет себя неудачным способом, нежели верить предвзятым и фальсифицированным теориям. Все то, что приносит женщине величие и радость, является верным путем для нее, каким бы извилистым он не показался, и конечная цель состоит в том, чтобы вести женщину к достижению полного развития, говоря иными словами, обнаружить ее самый сокровенный жизненный дар».

(Из работы «Человечность женщины: постановка проблемы», 1899)

Содержание

ЧАСТЬ I. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ И НОВЫЙ ПОРЯДОК ДИСКУРСА

Определяя сущность женственности 7

1. Дочери свободы и гражданки революции 10

Восставшие женщины и мужчины 10

Революция каждый день 14

Используя женский род 18

Новые отношения между полами 22

2. Французская революция как поворотный момент ... 28

Женщины и политическое устройство 29

Невольницы республики 36

3. История философии половых различий 44

Семья, субъект и половое разделение мира 47

Любовь, конфликт и метафизика пола 53

Независимость, эмансипация и справедливость 59

Личность, история семьи и женская угроза 68

4. Законодательные противоречия 78

Запрещенный город 80

Семейная ловушка 96

ЧАСТЬ II. СОЗДАНИЕ ЖЕНЩИН, РЕАЛЬНОСТЬ И ВООБРАЖЕНИЕ

Женщины как творцы и творения 117

5. Идолопоклонство в искусстве и литературе 121

Культ образа 122

Первенство воображаемой женщины 128

Судьбы 134

Приветствуя жизнь: Лу Андреас-Саломе 139

6. Чтение и письмо в Германии 143

Обучение 145

Чтение: от бегства к размышлениям 152
Письмо: для себя, для других 159

7. Католическая модель 167
Женственность и контрреволюция 167
Идентификация католической женщины 172
Запреты и чтение 182
Благочестие: практики и подходы 187
Добродетель и внешность 192
Время и порядок 196
Матери 199

8. Протестантка 203
Пробуждение: благоприятная возможность для женщин 204
Пасторские жены 206
Диакониса 207
Протестанты против рабства 209
Протестантский феминизм 211
Феминизм и морализм 213
Доступ к священиому сану 215

9. Создание современной еврейской женщины 218
Гендер в религиозной жизни 219
Еврейские женщины
берлинского светского салона 221
Женское образование в Shtetl: исключение, взаимодействие,
эмиграция 223
Эмиграция и американская модель 228
Разнообразие и трансформация 234

10. Светская модель женского образования 236
Основания и принципы 238
Соперница религиозной модели 241
Внедрение светского учебного плана 245

11. Образы — внешность, досуг и быт 254
Женственность как вопрос внешнего вида 254
Архетипы 254
Гениальность 256
Принятые формы самовыражения 258
Институциональная реформа 261

Зрелище и сексуальность ... 264
Производство и потребление ... 266
Стратегии ... 268

12. Репрезентации женщин ... 271
Мадонна, обольстительница, муза ... 271
Место женщины в революции ... 272
Акцент на доме ... 273
Платье как заявление ... 274
Массовые образы женствениости ... 275
Искусство за рамками господствующей тенденции ... 276
Идентичность художницы ... 278
Женщины за работой ... 279
Интимный взгляд камеры ... 280
Жеиское сексуальное желание ... 281
Окольные пути художниц ... 282
Обществениая сфера ... 282

ЧАСТЬ III. ЖЕНЩИНА-ГРАЖДАНКА: ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ

Семья – это женская работа ... 287

13. Тела и сердца ... 291
Тело ... 292
Тела или сердца? ... 306
Сердца ... 324

14. Опасная сексуальность ... 342
Проституция ... 344
Однополая привязанность: трансвестизм и романтическая дружба ... 365

15. Женщина-работница ... 375
Политическая экоиомия ... 386
Разделение труда по признаку пола ... 389
Профсоюзы ... 394
Протекционное законодательство ... 397
«Проблема» работницы ... 399

16. Одинокие женщины 403
Факт женского рода 404
Европейская модель 405
Местные контрасты 406
Городские полюса 407
Взрослые и активные 408
Одиночество — это жизнь среди чужих 410
Промышленные монастыри 411
Расплата 412
Религиозный след 414
Перемены и протест 416
Предпочтительный выбор 418
Власть образов 419

ЧАСТЬ IV. ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Великое предприятие феминизма 423

17. Шаг вперед 426
В городе 427
Расширение пространства:
миграция и путешествия 442
Прорывы во времени 452

18. Образы феминизма 464
Рождение феминизма 465
Феминистская пресса 470
Организации 473
Требования 479
Стратегии и альянсы 489
Антифеминизм 495
Исторические фигуры 497
Историки женского движения 501

19. Новая Ева и прежний Адам 503

ЧАСТЬ V. ЖЕНСКИЕ ГОЛОСА

О женском счастье 523
Жермена де Сталь. «О женщинах, посвятивших себя словесности» 523
Лу Андреас-Саломе. «Человечность женщины» 527

ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН НА ЗАПАДЕ

В 5 томах

Том IV

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕМИНИЗМА:
ОТ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*
Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Оригинал-макет *И.Р. Поздняков*
Корректор *Д.Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 43,43. Печать цифровая.
Заказ №0305023-15. Отпечатано в типографии
ООО "Супервэйв Групп". 193149, РФ, Ленинградская область,
Всеволожский район, пос. Красная Заря, д.15.